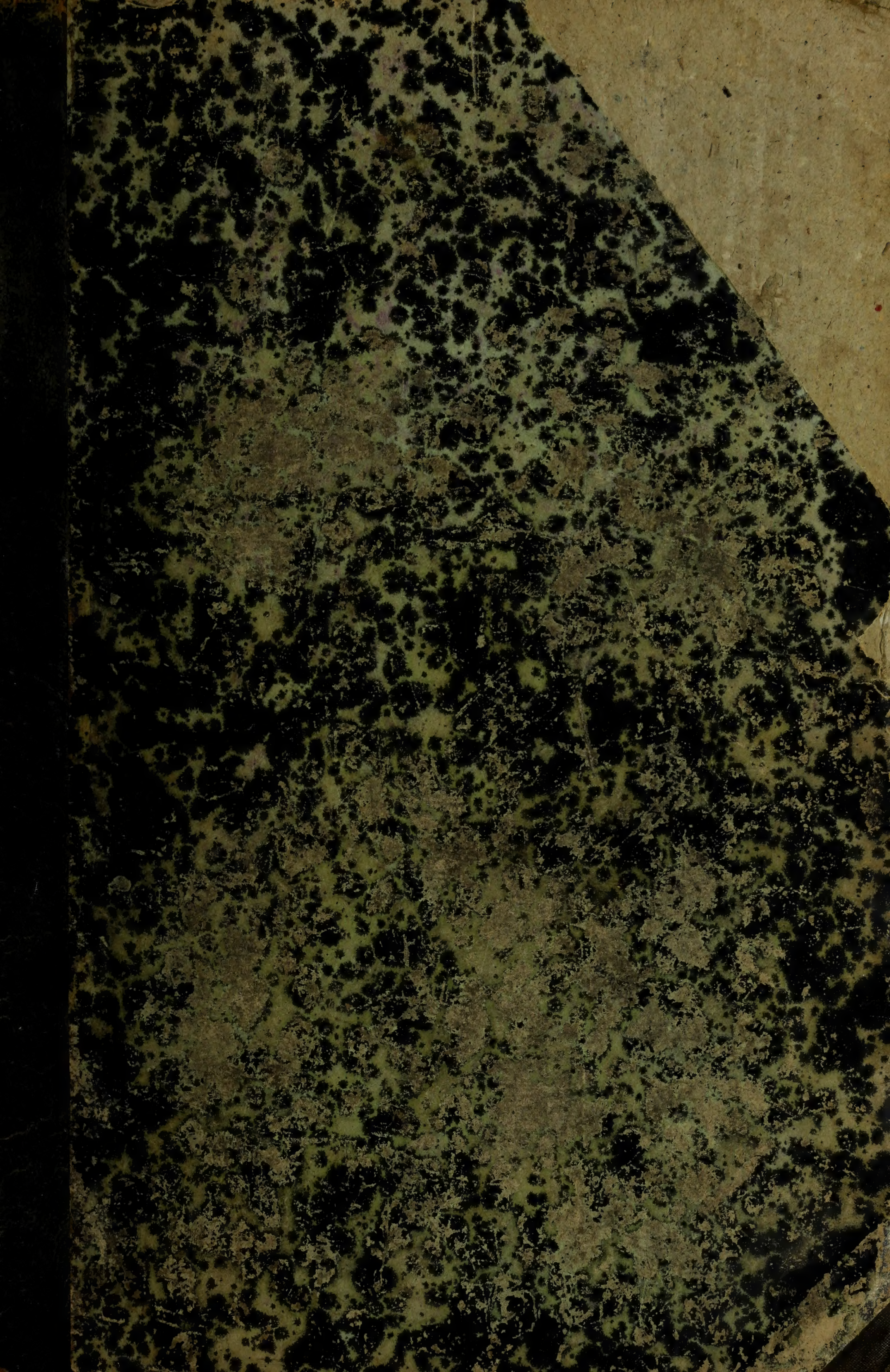
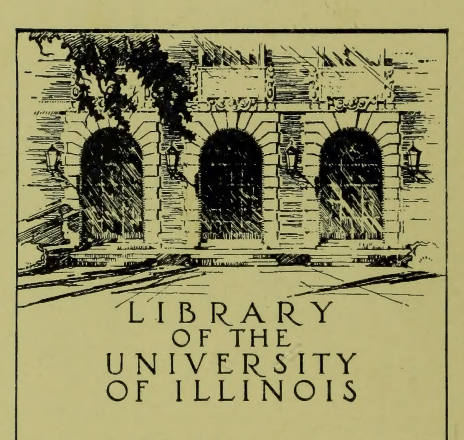
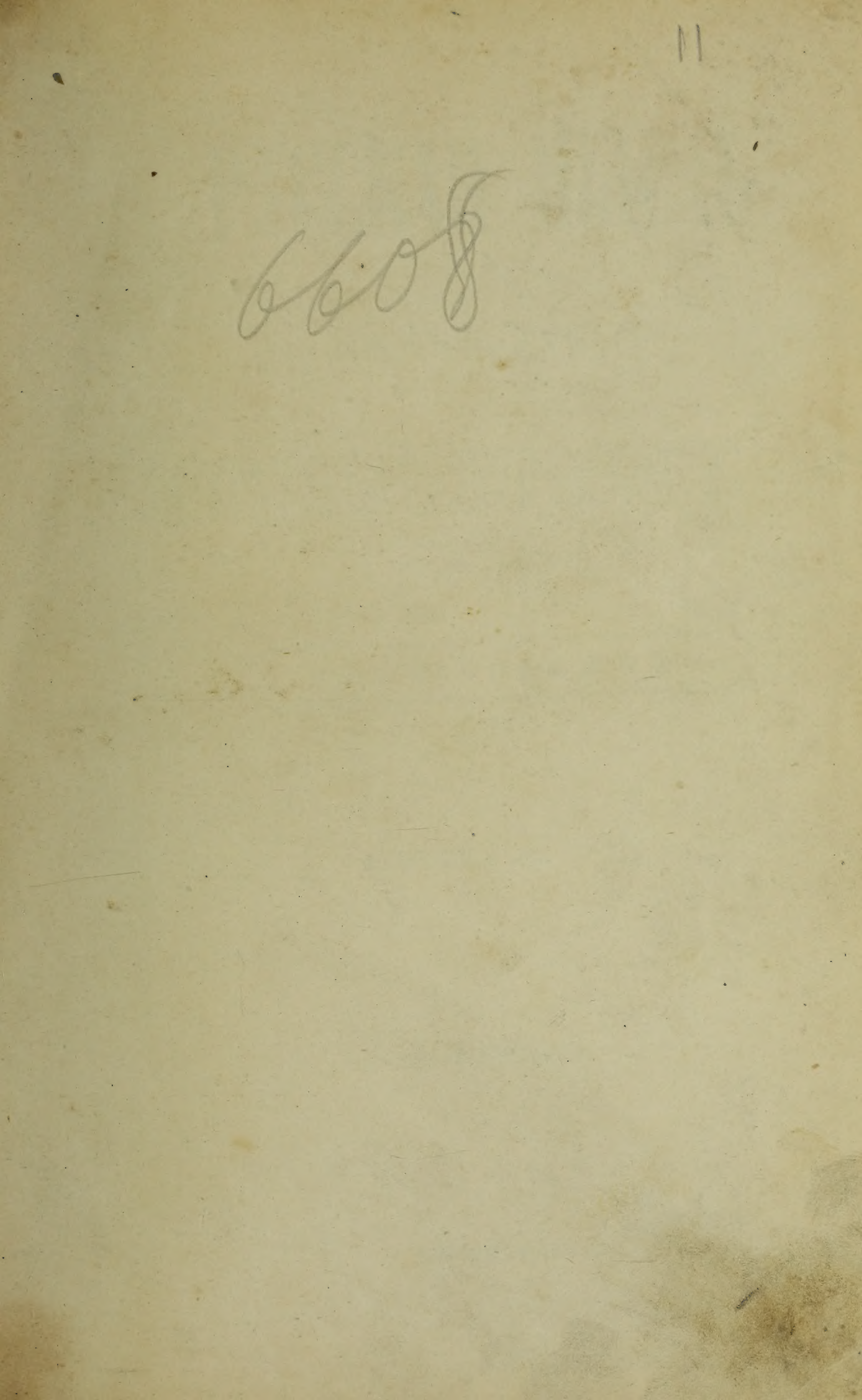

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

11
6608

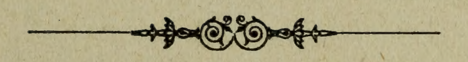
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1887.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БЛУДНЫЙ СЫНЪ *).

(Повѣсть).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Стояла сѣверная петербургская осень. Въ маленькой комнаткѣ одного изъ невзрачныхъ домовъ на Петербургской сторонѣ, въ какихъ обыкновенно ютится бѣдный учащійся людъ столицы, темнымъ вечеромъ у заваленнаго книгами стола, склонивъ усталую голову на обѣ руки, сидѣла Галя. Она нарочно не зажигала лампы, потому что свѣтъ невольно потянулъ бы ее къ работѣ, а ей такъ хотѣлось, такъ нужно было отдохнуть, посидѣть въ той тихой дремѣ, полной наплыва думъ и воспоминаній, къ которой такъ располагаютъ вообще сумерки. На дворѣ вылъ вѣтеръ, стоялъ холодъ, а въ комнатѣ было такъ тепло, такъ уютно, маятникъ часовъ стучалъ такъ мѣрно, такъ много всякихъ думъ и обрывковъ прошлаго лѣзло въ голову, что Галя никакъ не могла оторваться. Она такъ набѣгалась за день съ уроками, которыми поддерживала себя въ столицѣ, такъ устала, работая надъ лекціями профессора, такъ наволновалась всякими слухами и происшествіями дня, что отдохнуть часокъ-другой являлось необходимостью. И она сидѣла тихо и неподвижно, ни на что не глядя, ни о чемъ особенно не думая, перебирая въ головѣ то то, то другое, а услужливая въ такихъ случаяхъ память сама подсказывала матеріалъ... И Богъ знаетъ почему, по какому закону сцѣпленія идей, ей вдругъ вспомнился давно забытый N. Галя вздрогнула, блѣдныя щеки ея заалѣли румян-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

цемъ, когда предъ ней встали эти картины прошлаго... всталъ Андрей... пронеслось послѣднее ихъ свиданіе въ лодкѣ, его признаніе... Нельзя сказать, чтобъ она совсѣмъ забыла Андрея,— она его скорѣй не вспоминала. Сначала, какъ только они разстались и она уѣхала за границу, ей было очень тяжело,— Андрей не давалъ ей покоя, его любовь мучила ее, она точно виноватой чувствовала себя передъ нимъ, и болѣла за него, инстинктивно чуя, какъ было больно ему. Но затѣмъ прошли мѣсяцы, годъ, другой, почти цѣлыхъ три года неустаннаго труда и лишеній, отъ которыхъ она и поблѣднѣла, и похудѣла. Жизнь давала такъ много впечатлѣній, захватывавшихъ подчасъ всего человѣка, а Андрей не писалъ, не давалъ о себѣ знать ни строчкой, ни полусловомъ, ничто вокругъ даже не намекало, не говорило объ немъ—и больное чувство стало заживать, теряло свою остроту, и Галя все рѣже и рѣже стала вспоминать Андрея, рѣшивъ, что вся его любовь была простымъ порывомъ страстной, горячей натуры, задыхавшейся въ тяжелой обстановкѣ, которая давила, не давая выхода молодой энергіи и жаждѣ честной, осмысленной дѣятельности.

Изъ перваго же письма матери, полученнаго за границей, она узнала, что Андрей бросилъ гимназію, уѣхалъ изъ N. и съ тѣхъ поръ ни за границей, ни въ Петербургѣ, гдѣ она уже цѣлый годъ посѣщала курсы, не знала о немъ ничего, не слышала,— онъ точно въ воду канулъ.

И почему же вспомнился онъ ей именно теперь, когда она не знаетъ, гдѣ онъ, даже живъ ли онъ на свѣтѣ? Его высокая, сильная фигура такъ отчетливо выдѣляется передъ нею изъ мрака комнаты, честные, смѣлые глаза жгутъ ее взглядомъ; сильная рука такъ крѣпко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мягко и пріятно жметъ ея руку, отчего у ней кружится голова. Ей давно уже кажется, что это не полъ, не стѣны, не потолокъ, не душный, спертый воздухъ нагрѣтой печью комнаты. Надъ нею темносинее ночное небо Украйны и звѣзды, золотыя, какъ расплавленное золото, а внизу чистая, какъ зеркало, гладь рѣки, въ которой дрожатъ эти красивыя звѣзды... Какъ привольно, какъ легко дышетъ грудь этимъ воздухомъ, полнымъ аромата, полнымъ какой-то особенной нѣги, точно любовной ласки! Тихо скользитъ лодка, Андрей гребетъ какъ-то неслышно, какъ машетъ крыльями птица въ лазури; онъ шепчетъ ей что-то, она видитъ его блѣдныя губы, его горящіе глаза, полные любви,

страха и ласки... Ей хочется и плакать, и цѣловать, и ласкаться...

Или вотъ ясное, свѣтлое утро... Поѣздъ гремитъ и грохочетъ. Она сама сидитъ въ вагонѣ и несется, несется быстро... Ей такъ тяжело, такъ хочется плакать, хотя она и рада, въ то же время, тому, что ѣдетъ. Въ окнѣ мелькаютъ знакомыя мѣста, по которымъ они гуляли вдвоемъ... Что онъ, гдѣ? Слезы застилаютъ и туманятъ глаза... Она ничего не видитъ, только одну черную неподвижную точку у самой насыпи... Что это?... Точка ростетъ... да это и не точка вовсе, это онъ, Андрей... онъ протягиваетъ руки...

— Галя...

Не мечта ли это? Онъ ли это? Дѣйствительно ли слышала она свое имя, или...

— Можно войти?—кто-то застучалъ въ дверь.

Исчезли чары. Галя очнулась, вздрогнула, нахмурилась, какъ дѣлаетъ всегда человѣкъ, потревоженный въ своихъ думахъ.

— Это вы, Гриневъ?—спросила она недовольнымъ тономъ.

Ей послышался голосъ знакомаго студента.

— Нѣтъ... нѣтъ... тысячу разъ нѣтъ,—раздался въ отвѣтъ веселый басокъ,—это я... я... собственною персоной... я, Серг...

Галя не слушала уже и бросилась отворять двери. Въ комнату влетѣла веселая, подвижная фигурка нашего стараго знакомаго, Сергѣя Павловича. Несмотря на полноту, развившуюся съ годами беззаботной жизни, Сергѣй Павловичъ былъ все такъ же подвиженъ и юрокъ.

— Три дня здѣсь... три дня ищу и не могу найти,—кричалъ онъ, сжимая руку Гали.—Фу ты, куда забралась!... Ну, какъ живется?... Отчего нѣтъ огня?—сыпалъ онъ вопросами.

Но Галя не отвѣчала. Взволнованная неожиданнымъ свиданіемъ со старымъ знакомымъ, она суетилась, зажигала лампу, подавала стулъ, бѣгала къ хозяйкѣ справляться о самоварѣ, а Сергѣй Павловичъ такъ и сыпалъ словами.

— Ну, и Петербургъ вашъ,—кричалъ онъ, закуривая папиросу,—ходишь, ходишь—ничего не добьешься. Три дня бьюсь какъ рыба объ ледъ и никакого толку. Я по дѣлу сюда... дѣло есть одно. Жена вамъ кланяется, пеняетъ, что рѣдко пишете; а дочурка—такъ та даже цѣловать хочетъ. Молодецъ она у насъ, бой дѣвка... Чего это вы такъ мечетесь?—осадилъ онъ ее вдругъ вопросомъ.

— И сама не знаю,—засмѣялась Галя,—очень ужь вы удивили меня пріѣздомъ... Вотъ ужь не ожидала,—сказала она, садясь, наконецъ.—Э... да какъ же вы потолстѣли, сударь!

— И постарѣлъ?—шутливо спросилъ Сергѣй Павловичъ.

— Пожалуй... или, лучше, обрюзгли.

— Ничего не подѣлаешь, — со вздохомъ отвѣтилъ онъ,— время! Мало ли воды-то утекло, какъ мы видѣлись! Жизнь такая! Эта полнота есть, такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ патентъ на интеллигентность, сударыня, не шутите!... Такъ-то-съ! Что же, какъ живется?

Галя стала разсказывать о своей жизни въ столицѣ и въ Швейцаріи. Сергѣй Павловичъ слушалъ, волновался, жестикулировалъ, вставлялъ свои шуточки. Подали самоваръ. За чаемъ разговоръ тянулся еще веселѣе. Обоимъ—и Галѣ, и Сергѣю Павловичу пріятно было поговорить, перебрать прошлое, поразспросить о старыхъ знакомыхъ.

— А гдѣ онъ, что съ нимъ?—живо спросила Галя, когда разговоръ нечаянно коснулся Андрея, причемъ ея сердце точно забилось сильнѣе.—Я, вѣдь, совсѣмъ, совсѣмъ потеряла его изъ вида.

Сергѣй Павловичъ сорвался съ мѣста и, сильно жестикулируя, зашагалъ по комнатѣ.

— Удивительный человѣкъ какой-то, совсѣмъ какъ въ воду канулъ... Вы знаете, онъ, вѣдь, бросилъ гимназію?

— Это я знаю—мать писала, а дальше?

— Дальше?—Сергѣй Павловичъ еще энергичнѣе зашагалъ по комнатѣ.—Богъ его знаетъ!... Встрѣтился я съ нимъ случайно въ К., года два почти назадъ. Разговорились. Онъ проѣздомъ былъ изъ Питера,—вы тогда какъ разъ за границей были,—литературой пробовалъ жить, да, вѣдь, этимъ мудрено прожить. Въ управляющіе какого-то громаднаго княжескаго имѣнія поступилъ, съ громаднымъ жалованьемъ, но затѣмъ, я слышалъ, что-то у него вышло съ княземъ... изъ-за хозяйственныхъ улучшеній, что ли, или вродѣ этого... Въ управленіи желѣзной дорогой былъ,—мнѣ одинъ знакомый о немъ говорилъ,—тоже у него тамъ что-то вышло... Въ земствѣ, слышалъ, толкался. Странная натура!

— Онъ честный человѣкъ! Энергіи масса!—перебила Галя, страстно, лихорадочно слушавшая Сергѣя Павловича.

— Правда, да!—замахалъ Сергѣй Павловичъ руками.—Сталь-

ной человѣкъ!—какъ-то важно произнесъ онъ.—Но молодъ, горячъ. Такъ, вѣдь, нельзя — прямо, съ налету... разъ, два и кончено. Бочкомъ, бочкомъ, по кирпичику, по кирпичику и потихоньку.

Сергѣй Павловичъ очень наглядно показывалъ, какъ это нужно «бочкомъ, по кирпичику», и такъ уморительно, что Галя стала хохотать.

— Письмо къ вамъ!—постучалась хозяйка.

Все еще смѣющаяся, веселая, Галя быстро стала распечатывать конвертъ съ заграничнымъ штемпелемъ.

— Отъ товарки, вѣрно,—сказала она гостю.

— Ну-ка, ну-ка, что новенькаго, кстати?—спрашивалъ онъ, съ любопытствомъ слѣдя за ней глазами.

По мѣрѣ того, какъ она пробѣгала строки письма, щеки ея, вспыхнувшія было сначала румянцемъ, блѣднѣли все больше, а глаза широко раскрывались, какъ у удивленнаго, пораженнаго человѣка. Сергѣй Павловичъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Отъ Андрея, отъ Андрея Григорьевича,—проговорила она, наконецъ, какимъ-то нерѣшительнымъ, не то удивленнымъ голосомъ, точно сомнѣваясь и недоумѣвая.

Сергѣй Павловичъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Отъ Андрея? Что же, гдѣ онъ, что съ нимъ?

Галя вспыхнула, помолчала, подумала и еще разъ пробѣжала нѣсколько строкъ письма.

— Онъ за границей... въ Америкѣ.

— Какъ?... Что онъ тамъ дѣлаетъ?—допрашивалъ Сергѣй Павловичъ, не замѣчая, что Галя сильно разстроена.

— Онъ совсѣмъ уѣхалъ, навсегда, сжегъ за собой корабли, какъ пишетъ, чтобы не возвращаться.

— Зачѣмъ, почему? Чудакъ!—Сергѣй Павловичъ горѣлъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ.—Прочтите же!

Галя стояла въ нерѣшительности, колеблясь, наконецъ, стала читать:

«Вашъ адресъ я узналъ отъ одной изъ вашихъ товарокъ, моей знакомой. Я вамъ не писалъ никогда,—вы сами несомнѣнно поняли почему»,—начала она и остановилась.

— Ну, тутъ чисто-личные...

— Пропускайте! — почти крикнулъ Сергѣй Павловичъ.— Дальше... Суть-то, суть!

«Я бѣгу, уѣзжаю навсегда, — продолжала читать Галя,—

и за это свое бѣгство я нисколько не краснѣю. Мнѣ не передъ кѣмъ и не отъ чего краснѣть, какъ нѣтъ съ кѣмъ и прощаться, кромѣ васъ. Съ вами я хочу проститься, какъ съ единственнымъ...»—Ну, тутъ опять...—остановилась Галя.

— Хорошо, дальше!—махалъ Сергѣй Павловичъ отчаянно руками.

«И мнѣ больно было бы,—продолжала она,—если бы вы объяснили мой отъѣздъ чѣмъ-нибудь вродѣ малодушнаго, трусливаго бѣгства передъ трудною работой, объяснили его холоднымъ эгоизмомъ, разсчетомъ и т. д. Нѣтъ и нѣтъ,—говорю вамъ искренно,—не малодушіе тутъ, не трусость, не эгоизмъ, а глубокое убѣжденіе, что я здѣсь всѣмъ чужой, лишній, ненужный человѣкъ,—убѣжденіе, къ которому и вы, быть можетъ, придете въ свое время...»

Галя остановилась, подумала и покачала отрицательно головой.

— Никогда!—сказала она вслухъ, твердо и рѣшительно.

«...Интеллигенція же наша... Я сначала страстно вѣрилъ въ нее,—продолжала она читать,—спросите Сергѣя Павловича, если увидите его...»

— Да, да, вѣрно!—заговорилъ тотъ быстро, обрадовавшись, что и о немъ упоминается.

Галя пропустила что-то въ письмѣ, закусивъ губы, чтобы не размѣяться, и продолжала:

«...Не сразу я въ ней разочаровался; я, вѣдь, много толкался среди нея. Чего, чего не перепробовалъ, и вездѣ видѣлъ только болтуновъ, карьеристовъ и въ лучшемъ только случаѣ убѣжденныхъ трусовъ...»

— Ужь будто бы!—точно обидѣлся Сергѣй Павловичъ.

«...Что же мнѣ дѣлать съ ними и среди нихъ? Толочь воду и пугаться собственной тѣни? Я уѣзжаю въ Новый Свѣтъ, гдѣ другіе люди, гдѣ жизнь только складывается, гдѣ всякому много работы... Европы я боюсь, потому что тамъ сложившіяся традиціи, что тамъ все свое издревле установившееся, привычки, вкусы, характеры и т. д.,—словомъ, все то, что сдѣлаетъ меня тамъ чужимъ, такъ какъ я не всосалъ его съ дѣтства. Въ Новомъ Свѣтѣ еще нѣтъ—«свой» и «не свой», ибо тамъ каждый пока «свой», голосъ каждаго найдетъ откликъ въ жизни».

Окончивъ чтеніе, Галя насупилась, а Сергѣй Павловичъ въ восторгѣ бѣгалъ по комнатѣ и махалъ руками.

— Правда, правда!—кричалъ онъ въ какомъ-то экстазѣ.— Онъ тысячу разъ правъ! О, я бы самъ махнулъ за нимъ въ Америку, будь я помоложе и не будь семьи... Геніальная натура—Андрей, ге-ні-аль-на-я!—И онъ забѣгалъ по комнатѣ.—Я ему напишу, непремѣнно напишу! А вы?

— Нѣтъ, теперь я не буду писать,—задумчиво отвѣчала Галя,—пусть это пройдетъ, пусть онъ...

— Что?—въ удивленіи перебилъ ее Сергѣй Павловичъ,—вы не одобряете его, а?

— Нѣтъ. Это—увлеченіе, временное затмѣніе, вызванное раздраженіемъ, желчью... Онъ одумается, увидитъ. Послѣ—послѣ я напишу ему, но не теперь.

— Квасная патріотка!—захохоталъ Сергѣй Павловичъ,—ишь ты! А адресъ? есть его адресъ?

— Есть. Вотъ онъ,—отвѣтила Галя.

Сергѣй Павловичъ записалъ, лихорадочно, спѣшно, а Галя все стояла, грустная, задумчивая, точно придавленная.

Глава II.

Въ то самое время, когда Галя читала его письмо, Андрей уже почти проѣхалъ Европу и приближался къ морю. Трудно было признать въ немъ съ перваго взгляда того Андрея, котораго мы знали въ N. около трехъ лѣтъ тому назадъ. Щеки его поблѣднѣли, втянулись, глаза глубоко впали и на всемъ лицѣ, молодомъ, энергичномъ лицѣ лежалъ теперь отпечатокъ какой-то грусти, не то боли, не то надломленности, какъ бываетъ у людей, только что вставшихъ послѣ долгой, тяжелой болѣзни. И этотъ отпечатокъ не сходилъ съ него, что́ бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ бы ни думалъ, чѣмъ бы ни занимался, какою бы энергіей и силой ни сверкали его каріе, глубоко впавшіе глаза. Все, что ни встрѣчалъ онъ до сихъ поръ, покинувъ родину,—и впечатлѣнія кипучей жизни за границей, и роскошныя картины природы,—онъ встрѣчалъ все съ тѣмъ же неизмѣннымъ видомъ, почти безучастно, какъ китаецъ, ставящій себѣ принципомъ: ничему не удивляться у варваровъ. Онъ не засматривался въ окна вагоновъ, не искалъ древностей, не лазилъ по крутизнамъ и развалинамъ, не бѣгалъ по галлереямъ и музеямъ. Онъ быстро проѣхалъ Европу, какъ страстный любовникъ, спѣшащій на свиданіе, не видящій, не замѣчающій ничего по сторонамъ, на пути.

Европа была для него только долгимъ, томительнымъ путемъ, отдѣлявшимъ его отъ возлюбленнаго «запада». Что же могло быть въ ней интереснаго и замѣчательнаго?

Онъ только и думалъ, что о своемъ западѣ, излюбленномъ западѣ, куда бѣгутъ такіе же, какъ и онъ, всѣмъ и всему чужіе люди «строить новую жизнь на новомъ мѣстѣ» (такъ буквально говорилось въ «Путешествіи», чтеніе котораго главнымъ образомъ и натолкнуло Андрея на Америку),—гдѣ спросится и его голосъ, гдѣ онъ будетъ не чужой, не лишній, не непонятный, потому что у него есть и энергія, и желаніе работать. Западъ, казалось, былъ для него тѣмъ же, чѣмъ соломенка для утопающаго, послѣдняя надежда, послѣдній выходъ. Куда дѣться, не будь этого «запада»? Превратиться въ Дергуна или тянуть жизнь въ городахъ Европы безъ цѣли, безъ дѣла, не чувствуя подъ собой почвы, не имѣя никакихъ связей съ окружающею жизнью, всему и всѣмъ чужой? Андрей даже вздрогнулъ, когда подумалъ объ этомъ.

Онъ избѣгалъ разговоровъ, распросовъ, на которые такъ охотны нѣмцы,—хотя зналъ ихъ языкъ хорошо,—сторонился всѣхъ и всего. Вѣчно погруженный въ свои думы, онъ казался своимъ спутникамъ по вагону больнымъ, дремлющимъ, и его оставляли въ покоѣ. Разъ только, не далеко уже отъ моря, его думы перебилъ немолодой сосѣдъ баварецъ, съ любопытствомъ всматривавшійся сѣрыми, умными глазами въ его выразительное, блѣдное лицо.

— Куда вы ѣдете?—спросилъ онъ Андрея.

Потревоженный Андрей неохотно, почти грубо отрѣзалъ:

— На западъ!

— Во Францію?

— Нѣтъ, дальше...

— Въ Америку?—и въ тонѣ спрашивавшаго послышалось удивленіе.

— Да!—угрюмо отвѣтилъ Андрей, проклиная внутренно назойливость сосѣда.

Баварецъ посмотрѣлъ на него еще пристальнѣе, посмотрѣлъ на его плечи, руки и чуть-чуть улыбнулся.

— Боюсь показаться нескромнымъ,—началъ онъ,—но не позволите ли спросить... Вы знаете какое-нибудь ремесло?

— Нѣтъ, никакого не знаю!—все также неохотно, не глядя, отвѣтилъ Андрей.

— Знаете англійскій языкъ?

— Тоже нѣтъ.

— У васъ есть тамъ родные, знакомые?—продолжалъ допросъ сосѣдъ, все болѣе и болѣе удивляясь.

— Нѣтъ... никого нѣтъ... я одинъ.

— Вы туристъ?

— О, нѣтъ!...

— Чего же вы ѣдете туда?—почти крикнулъ тотъ, изумленный, нахмуривъ густыя брови.

— Жить!—отвѣтилъ Андрей.

Нѣмецъ широко раскрылъ свои умные сѣрые глаза, посмотрѣлъ на Андрея, потеръ лобъ рукой, подумалъ и спросилъ:

— Можно узнать вашу національность?

— Я русскій...

— А!...—протянулъ нѣмецъ, чуть-чуть улыбаясь мягкою, доброю улыбкой, и какъ-то просто и ласково, положивъ руку на колѣно Андрея, сказалъ задушевнымъ тономъ:

— Не ѣздите туда; тамъ вы не найдете того, чего ищете.

Андрей улыбнулся, какъ фанатикъ, когда ему говорятъ, что данное чудо невозможно.

— Да, да, не ѣздите,—продолжалъ тотъ тѣмъ же задушевнымъ, убѣжденнымъ тономъ.—Если бы вы хотѣли составить колоссальное богатство, выдвинуться,—о, я бы ничего не сказалъ... Но жить!... Тамъ нѣтъ жизни!

— Какъ?

— Въ смыслѣ той жизни, которую вы подразумѣваете,—поправился нѣмецъ,—*человѣческой* жизни,—подчеркнулъ онъ.—Тамъ вы встрѣтите одну погоню за наживой, за властью, которую даетъ она, и эта общая погоня сотретъ васъ, какъ пылинку, если вы не пойдете за нею...

— Въ восточныхъ штатахъ, пожалуй,—разговорился охотно Андрей, такъ какъ разговоръ шелъ о любимой темѣ,—тамъ можетъ быть, но въ западныхъ, гдѣ жизнь еще только слагается, куда прибываютъ лучшіе, энергичнѣйшіе типы со всѣхъ концовъ земли, съ самыми разнообразными міросозерцаніями, гдѣ нѣтъ традицій...

— Вы думаете?—перебилъ нѣмецъ эту вычитанную тираду.—Такъ должно казаться издали, но только издали... Всѣ эти «новые» люди прибываютъ туда съ *старыми* богами... Всѣ они бѣгутъ туда съ одною цѣлью—личнаго счастія, а соприка-

сающаяся съ западомъ жизнь восточныхъ штатовъ,—жизнь сильная, кипучая, страстная,—даетъ готовую формулу, готовый рецептъ счастія.

— Но, вѣдь, рецептовъ можетъ быть много...

— Вѣрно!—подхватилъ нѣмецъ,—какъ и вездѣ, но гораздо больше ихъ *здѣсь*, чѣмъ *тамъ*, и гораздо больше почвы для нихъ здѣсь. Сравнительно лучшее экономическое положеніе массы обезпечиваетъ общее положеніе, если и не отъ «жгучихъ вопросовъ», то отъ особенной, *нашей*,—подчеркнулъ онъ,—остроты ихъ... О рецептахъ и разныхъ формулахъ тамъ мечтаютъ одинокіе мыслители, а не сравнительно довольная масса... Тамъ имъ нѣтъ ходу!... Вѣрьте мнѣ: тамъ одинъ общій рецептъ счастія: «долларъ», какъ и одинъ лазунгъ: «Help your self!»... Я, вѣдь, былъ тамъ...

— Вы были тамъ? Чего же вы ѣздили? — живо спросилъ Андрей.

— Жить, — улыбнулся нѣмецъ. — Я уѣхалъ туда... тоже не жилось на родинѣ.

Долго говорили они все на ту же тему и Андрей стойко и горячо отстаивалъ свое. О, онъ знаетъ, что его ждетъ много труда, лишеній, самая суровая школа съ нуждой и голодомъ,—вѣдь, онъ разсчитываетъ только на свои мускулы, на одинъ мускульный трудъ въ первое время, пока пробьется, присмотрится, ознакомится съ жизнью, людьми, языкомъ. Но что же изъ того, что будетъ трудно?—даромъ ничто не дается! Ему нужна эта школа, нужна какъ загрязненному, пыльному путнику—чистая влага ручья, гдѣ бы онъ могъ смыть все, освѣжиться. Если онъ сможетъ, устоитъ, не падетъ,—онъ станетъ новымъ человѣкомъ, здоровымъ и сильнымъ безъ дряблости, колебаній, сомнѣній, вѣчнаго шатанья отъ постоянныхъ компромиссовъ и сдѣлокъ съ совѣстью, съ сердцемъ. Онъ знаетъ, что тамъ не рай, что и тамъ много злаго и темнаго, но ошибочно обобщать это злое и темное, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, его собесѣдникъ.

— И развѣ не легко, не привольно человѣческой груди въ широкомъ, зеленомъ лѣсу въ знойный день, хотя тамъ есть и гнилые пни, и трясины, и ядовитыя змѣи?—спрашивалъ онъ подъ конецъ и глаза его горѣли страстнымъ, лихорадочнымъ огнемъ, грудь порывисто дышала, а блѣдныя щеки оживились румянцемъ.

Страстная рѣчь, казалось, дѣйствовала на нѣмца; онъ точно колебаться началъ въ своихъ доводахъ. Онъ слушалъ, качая головой.

Ни малѣйшаго слѣда не оставилъ этотъ разговоръ въ душѣ Андрея, ни малѣйшаго колебанія не произвелъ онъ въ его задачахъ, планахъ, надеждахъ. Онъ всегда вообще туго подавался въ своихъ рѣшеніяхъ, а тутъ, къ тому же, все, казалось ему, было такъ опредѣленно, ясно, точно, такъ логически вѣрно. Нѣтъ, онъ не бредитъ, не ошибается, не фантазируетъ, не строитъ на зыбучемъ пескѣ! Давно уже ушелъ нѣмецъ на одной изъ промежуточныхъ станцій, а Андрей все сидѣлъ и думалъ, перебиралъ все прошлое, все то, отъ чего онъ бѣжалъ, что хотѣлъ забыть и, казалось, забылъ уже. Съ какимъ-то наслажденіемъ, точно въ свое оправданіе, копался онъ въ воспоминаніяхъ, въ прошломъ, выбирая и подчеркивая въ душѣ все то, что легло на нее бременемъ, побудило его бѣжать, оставить родную землю,—всѣ свои столкновенія, всѣ разбитыя дѣйствительностью иллюзіи, мечты и надежды,—все то, за что онъ обвинялъ не себя, а другихъ. Онъ вспоминалъ, перебиралъ все, даже юность, даже первыя свои столкновенія съ семьей, съ Барвиновкой. Развѣ не былъ онъ *чужимъ* съ своими влеченіями родной семьѣ, самымъ близкимъ людямъ? А затѣмъ, затѣмъ... мало, что ли, толкался онъ, мало пробовалъ, стукаясь всегда лбомъ о стѣну?... И гимназія, и земство, и частная служба,—все, все пробовалъ онъ и отовсюду бѣжалъ, потому что вездѣ одно и то же: гдѣ онъ встрѣтилъ сочувствіе, пониманіе, участіе? Въ комъ, гдѣ нашелъ поддержку? Нигдѣ, нигдѣ!

— Море!—крикнули въ вагонѣ.

Андрей очнулся, взглянулъ въ окно, вздохнулъ глубоко, какъ отъ тяжкаго кошмара, и улыбнулся впервые хорошею, счастливою улыбкой.

Когда онъ стоялъ у моря, глядѣлъ на его необъятный просторъ, точно желая проглянуть туда, далеко-далеко, за синее небо, которое надъ нимъ нависло и точно потонуло въ немъ, на пароходъ, который, пыхтя и свистя, легко качался на сѣрозеленыхъ волнахъ, посылая въ небо клубы чернаго, ѣдкаго дыма,—онъ почувствовалъ себя легко и привольно, какъ человѣкъ, долго взбиравшійся по крутизнѣ, чувствуетъ себя, добравшись до вершины. Онъ не понималъ ни слезъ, ни рыданій, ни поцѣлуевъ земли, которыми прощались вокругъ него сотни эми-

грантовъ съ родиной, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ жили, развивали свои силы, боролись и любили. Все это ему было чуждо, даже непонятно. Онъ самъ, казалось, ни о чемъ не плакалъ, не болѣлъ, ничего не жалѣлъ, не оставлялъ ничего другаго. «Развѣ Галя?»—мелькнуло въ немъ гдѣ-то глубоко, мелькнуло и застыло, исчезло. Вѣдь, съ Галей онъ уже давно, давно разстался!... Чего же плачутъ эти люди, чего жалѣютъ? Чѣмъ была для нихъ родина, если они бросаютъ ее? Чего же имъ жаль, чего плакать? И вдругъ у него защемило сердце, что-то заныло, что-то жгучее пробѣжало въ груди и блѣдныя щеки поблѣднѣли еще больше, поблѣднѣли, какъ у трупа. Ему вспомнились вдругъ, какъ-то внезапно, и семья, и Барвиновка, и покойный отецъ, и всѣ эти простые люди, еще въ дѣтствѣ гладившіе его умную головку, ихъ пожеланія имѣть ему отцовскую душу и сердце, ихъ надежды, въ прахъ разбитыя однимъ его словомъ: «не хочу». Да развѣ они всѣ не чужіе ему? Что общаго между ними, когда они даже понять не могутъ другъ друга? Цѣлая пропасть, непроходимая пропасть лежитъ между ними, да они всѣ, вѣроятно, и забыли его, какъ и онъ ихъ забылъ... Но отчего же вспомнились они ему теперь именно, вспомнились такъ живо, такъ реально? Передъ смертью, говорятъ, вспоминается дѣтство, дѣтскія впечатлѣнія,—вотъ отчего вспомнились! Вѣдь, онъ умираетъ, умираетъ для *этой* жизни, для Стараго Свѣта!...

— Да, да, да!—шепчутъ его блѣдныя губы.

— Was?—переспросилъ его длинный старикъ-швабъ, упорно, одиноко, какъ и Андрей, всматривавшійся въ морскую даль. Ему показалось, что Андрей его окликнулъ.

— Нѣтъ, я такъ,—смѣшался отъ неожиданности Андрей.— Скоро ли, однако, сядемъ на пароходъ?

— Сейчасъ, сударь. А вы одни?

— Одинъ.

— У васъ не съ кѣмъ прощаться, не о комъ пожалѣть?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Андрей.

— Дайте вашу руку!

Швабъ крѣпко сжалъ руку Андрея и какъ-то мягко, любовно, съ грустью поглядѣлъ въ его блѣдное лицо и впалые глаза.

— У меня тоже никого нѣтъ... Я тоже одинъ!—сказалъ онъ, сжимая его руку.—Я всѣхъ похоронилъ... А вы?

— И я похоронилъ.

Но Андрей выговорилъ это не твердо, точно сквозь зубы.

Глава III.

На пароходѣ Андрей чувствовалъ себя вообще хорошо и легко, не копался въ душѣ, не перебиралъ прошлаго,—онъ былъ покоенъ и только сгоралъ нетерпѣніемъ поскорѣе добраться, увидѣть эту новую «обѣтованную» землю. Никто уже не спорилъ съ нимъ здѣсь, никто не сомнѣвался, никто не пророчилъ разочарованія, новаго горя, бѣды. Напротивъ, сотни людей, окружавшихъ его теперь, всѣ эти бѣжавшіе съ родины нѣмцы, ирландцы, французы, испанцы, итальянцы и т. д.,—всѣ они вѣрили его вѣрой, жили его надеждой, сгорали его нетерпѣніемъ. Всѣ они ѣдутъ туда—далеко, за море, гдѣ такъ хорошо, гдѣ они забудутъ все выстраданное горе, оживутъ, поднимутъ голову. Что имъ родина—хе! У нихъ нѣтъ ея, она не мать имъ, а злая мачиха. Что видѣли они съ дѣтства, кромѣ нужды, горя, обидъ, всякихъ лишеній? Чѣмъ приласкала ихъ эта мать,—разъ, хоть на единый мигъ открыла она имъ свое сердце, приголубила? Нѣтъ, никогда! Пропадай же, родина, пусть ее любятъ тѣ, кого она гладитъ и холитъ, а они... они найдутъ себѣ другую родину—тамъ, далеко, за моремъ, куда ходитъ солнце и манитъ ихъ, гдѣ всѣмъ есть мѣсто за столомъ жизни!

Въ этой сферѣ одинаковыхъ вѣры, надеждъ, упованій было привольно Андрею, какъ въ знойный, палящій день хорошо въ прохладной рѣкѣ, какъ легко, привольно человѣку въ кругу любящей, дорогой семьи послѣ долгаго скитанія по свѣту среди чужихъ людей, тяжелыхъ столкновеній, непріятностей. Здѣсь всѣ его поймутъ, пожалѣютъ его обиды, скажутъ слово утѣшенія. Здѣсь никто не будетъ бередить его ранъ, смѣяться, пожимать плечами, качать недовѣрчиво головой, потому что здѣсь его раны—ихъ раны, его боль—ихъ боли.

Въ каждомъ лицѣ читалъ Андрей одну и ту же повѣсть, во всѣхъ глазахъ видѣлъ ту же надежду, въ каждомъ сердцѣ чувствовалъ ту же горячую вѣру въ будущее. И страстно прислушивался онъ къ стоустому восторженному бреду о новой жизни, на «новомъ мѣстѣ», страстно слушалъ людей, сильныхъ, здоровыхъ, энергичныхъ, трудолюбивыхъ, способныхъ сравнять горы съ равниной и навалить на равнины горы, но, какъ и онъ, измученныхъ, какъ и онъ, съ одною надеждой въ запасѣ. Прошлое ихъ было мрачно, настоящее было мрачно,—они, какъ и онъ, хотѣли отстоять хоть будущее, собрали весь запасъ силъ

и энергіи, бросили все, все порвали, оставивъ при себѣ одну надежду и вѣру.

Въ III классѣ, въ междупалубномъ пространствѣ, гдѣ помѣщался Андрей и всѣ его спутники, было просто ужасно,—сырость, вонь, темнота и тѣснота. Голова кружилась и болѣла безъ качки, отъ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ этой спертой, тяжелой атмосферѣ клоаки, куда добрый хозяинъ не пустилъ бы и собаки, а пароходная компанія набила людьми, взявъ съ нихъ за это по 45 талеровъ съ человѣка, съ харчами. Харчи были подъ стать всему,—все было гнилое, тухлое. Но ни Андрей, ни его спутники не роптали, не тяготились, не обращали вниманія, лучше сказать, не думали объ этомъ, какъ не думаетъ, не ропщетъ солдатъ на бивуакахъ, еле-еле дотащившійся до котла съ плохими щами. Лишь бы день прошелъ скорѣе, лишь бы ближе, лишь бы дойти поскорѣе.

А дни тянулись медленно до тошноты, до одури, какъ тянутся въ казематѣ дни узника, послѣдніе, срочные дни. Солнце вставало и ныряло, набѣгали и проносились дальше тучи, прыгали дельфины; каждый день то же, что̀ и завтра, что и вчера. Андрей прочитывалъ «Путешествія», возился съ лексиконами, присматривался къ окружавшему его люду, знакомился, выспрашивалъ, что и гдѣ могъ. Вонъ звучитъ традиціонная гитара испанца, подъ звуки которой нѣмцы пляшутъ родной вальсъ. Вонъ кучка французовъ съ жаромъ ведетъ споры, перебираетъ то то, то другое изъ жизни своей родины. Смотритъ Андрей кругомъ. У борта стоитъ высокій, мускулистый, какъ дикая степная лошадь, какъ бизонъ, колоссъ ирландецъ съ младенчески-чистыми, наивными глазами и съ восторгомъ жуетъ тухлую солонину послѣ своего вѣчно одного картофеля... Какъ страстно, съ какою вѣрой смотрятъ его глаза туда, далеко, за море, точно видятъ эту благословенную страну «съ кисельными берегами и молочными рѣками», гдѣ пріютились милліоны его братьевъ, сыновъ «зеленаго Эрина», выгнанные съ роднаго поля «жестокимъ бриттомъ», гдѣ нѣтъ ландлордовъ, нѣтъ «выселеній»! Даже жидъ, простой виленскій жидъ, всю жизнь свою стоявшій «безъ шапки» съ вѣчно однимъ подобострастнымъ, испуганнымъ видомъ, стоитъ твердо и смѣло смотритъ впередъ.

— Какъ это, вы разсказывали, тамъ устроено насчетъ работы?—въ сотый разъ спрашиваетъ Андрея старый швабъ, подсаживаясь къ нему и сопя короткою трубкой.

Швабъ съ первой ихъ встрѣчи у моря привязался къ нему, какъ къ другу.

И Андрей въ сотый разъ терпѣливо разсказываетъ, по описаніямъ, и о Castle-Garden'ѣ *), и о рабочемъ бюро, куда приходятъ всѣ ищущіе работы, гдѣ агенты разныхъ компаній и фермеровъ нанимаютъ на работы, заключаютъ тутъ же контракты подъ наблюденіемъ особыхъ коммиссаровъ, обязанныхъ болѣе или менѣе оберегать эмигрантовъ отъ эксплуатаціи и обмана.

— Да вотъ послушайте! — говоритъ онъ и въ сотый разъ читаетъ окружающему его люду выписки изъ «Путешествій».

— Holla!—радостно кричатъ молодые, а болѣе возрастные, болѣе степенные спокойно покачиваютъ головами и блескомъ глазъ выдаютъ только свое волненіе.

Вотъ какъ все хорошо устроено на ихъ новой родинѣ!

— Holla, Holla!—звучатъ радостные голоса.

— Eviva!—подхватываетъ тонкій фальцетъ ничего не понявшаго, а только увлеченнаго общимъ настроеніемъ и крикомъ итальянца.

— Ваша спеціальность, monsieur?—участливо спрашиваютъ Андрея французы.

— Я не знаю никакого ремесла, господа... Я... я учитель.

— А-а... monsieur le professeur сейчасъ, вѣроятно, найдетъ себѣ уроки... непремѣнно!—съ увѣренностью говорятъ они, чтобы сказать что-нибудь пріятное.

— Уроки? — удивляется Андрей,— какіе уроки? Ни за что, господа, да я и не знаю англійскаго языка... Мнѣ придется начать такъ, какъ всѣ начинаютъ—съ работы.

— Ахъ, какъ жаль, какъ жаль, monsieur! — съ непритворнымъ участіемъ киваютъ головой французы.

— Чего жаль? — почти насмѣшливо, задорно удивляется Андрей.

— Да какже, monsieur le professeur, вѣдь, это трудно, тѣмъ болѣе, что скоро зима, когда на фермахъ нѣтъ работъ... А фермы—самое лучшее для чернораб... pardon, monsieur, для неспеціалиста.

— Да,—беззаботно соглашается Андрей, — но это вздоръ...

---

*) Въ Castle-Garden'ѣ помѣщается особое учрежденіе, завѣдующее эмиграціей въ Нью-Йоркѣ. Тамъ ведется статистика эмиграціи, даются эмигрантамъ совѣты и даже пріютъ временный, мѣняютъ безъ обмана деньги по курсу, больныхъ помѣщаютъ въ больницы. Эмигранты доставляются непосредственно туда.

Я радъ, что мнѣ придется начинать новую жизнь съ такой школы... Она — пробный камень для меня, придется напрячь всю энергію... За то, когда пробьюсь я, хорошо освоюсь съ жизнью, со страной, съ людьми...

— Правда, правда, — деликатно соглашаются французы, — это вѣрно, monsieur, но... на первыхъ порахъ... на первыхъ порахъ... если будетъ очень трудно, monsieur... Если будетъ нуженъ другъ, товарищъ, monsieur,—вотъ адресъ! — и десятки рукъ суютъ Андрею свои карточки, на которыхъ карандашомъ отмѣчаютъ городъ, гдѣ думаютъ основаться, и свою спеціальность.

Андрей бралъ карточки, жалъ всѣмъ руки, благодарилъ, но ничѣмъ, ни словами, ни жестами не могъ выразить того, что стояло въ сердцѣ. Въ сердцѣ билась какая-то безпредѣльная близость, ласка ко всѣмъ этимъ искателямъ новой жизни, какое-то неизъяснимое чувство братства, которое двигаетъ людей на подвиги, на самоотверженіе. Слова любви замирали на устахъ, хотя сердце такъ и рвалось вылить ихъ потоками, хотя ему такъ хотѣлось всѣхъ обнять, всѣмъ сказать что-нибудь особенно хорошее, отплатить сторицей за ласку, мягкость, деликатность. Даже ирландецъ, съ которымъ онъ не могъ ни разу сказать и двухъ словъ, не зная его языка, и которому онъ изрѣдка уступалъ только куски своей солонины, хлѣба, ссужалъ табакомъ, что тотъ принималъ вѣжливо, но съ достоинствомъ, увидя его разъ больнымъ отъ качки и духоты въ трюмѣ, взвалилъ къ себѣ на плечи и, какъ ребенка, вынесъ на палубу и, снявъ свой ветхій, дырявый плащъ, прикрылъ имъ Андрея отъ дождя. Все это бодрило Андрея, оживляло и онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ никогда въ жизни. Онъ не преувеличивалъ, когда говорилъ, что ему придется, вѣроятно, начать съ самой суровой школы труда. Онъ ѣхалъ почти безъ гроша, отославъ при отъѣздѣ бо́льшую часть своихъ средствъ матери и оставивъ себѣ только на проѣздъ. Онъ ѣхалъ такимъ же пролетаріемъ, какъ и всѣ его спутники, даже гораздо бѣднѣе, необезпеченнѣе многихъ, такъ какъ не зналъ ремесла, не умѣлъ работать, а о болѣе интеллигентномъ трудѣ онъ и думать не могъ, не зная языка, умѣя только съ грѣхомъ пополамъ, да и то съ помощью словаря, прочитать мелкій разсказъ, анекдотъ и т. п. Но ни разу тревога за будущее не вползала въ его сердце,—напротивъ, онъ вообще никогда не боялся лишеній, а теперь онъ даже радъ былъ

бы имъ, искренно радъ... Волей-неволей придется напрячь всю энергію, борясь за жизнь, за то, чтобы не умереть съ голоду. Извѣстно, вѣдь, что обстановка человѣка можетъ и притуплять, и будить энергію. А энергія—все! Съ нею, путемъ тяжелаго, но полезнаго опыта, тяжелыхъ усилій, онъ скорѣе оріентируется въ странѣ, узнаетъ все то, что ускользнуло бы отъ него, не пробуй онъ самъ своими боками. «Окунусь въ это новое море жизни,—думалъ онъ,—и только головой и руками буду добираться до берега... Доберусь и...»—онъ не договаривалъ, но, само собою разумѣется, что дальше шла увѣренность въ счастіи.

А пароходъ летѣлъ все впередъ и впередъ и въ одно прекрасное, свѣтлое утро, ровно 12-е по счету, глазамъ, жадно искавшимъ ее, предстала эта «новая земля». Восторженный крикъ измученныхъ страстнымъ ожиданіемъ грудей привѣтствовалъ ее, тысячи глазъ, и давно сухихъ, блеснувшихъ теперь огнемъ, и молодыхъ, свѣжихъ, влажныхъ отъ восторга, пожирали ее и точно недоумѣвали, что и небо здѣсь то же, и солнце, и вода такъ же ласкаетъ, баюкаетъ берегъ, и такая же зеленая трава, какъ дома, одѣваетъ эту счастливую землю. Забыта томительная скука, забыты лишенія, болѣзнь, забыто все прошлое, даже пережитое горе забыто. Скорѣй бы выйти на этотъ берегъ, скорѣй бы увидѣть этотъ заманчивый, громадный, богатый и суетливый New York! О, какъ долго, какъ томительно долго тянутся эти осмотры: санитарный и таможенный, что за скука, что за отчаянная скука на этомъ страшномъ солнцепёкѣ!

Но вотъ все кончено и передъ измученными ожиданіемъ людьми выплываетъ громадный стеклянный куполъ Castle-Garden'a, этого порога Нью-Йорка для каждаго эмигранта. Все ближе и ближе, все громаднѣе ростетъ онъ и выныряетъ изъ воды, наконецъ, величественнымъ, грандіознымъ зданіемъ.

— На берегъ, господа, на берегъ!

И зачѣмъ это приглашеніе?—всѣ и такъ уже на берегу. Всѣ лица напряжены, немного блѣдны, у всѣхъ забилось сердце какимъ-то особеннымъ трепетомъ ожиданія чего-то жгучаго, хорошаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизвѣстнаго. Вслѣдъ за другими вошелъ Андрей въ залъ, освѣщенный сверху тѣмъ громаднымъ стекляннымъ куполомъ, что такъ долго мозолилъ глаза издали.

— По національностямъ, господа, подходить по національностямъ!

Все двигается, суетится, всѣ разбились на кучки. Андрей

случайно совсѣмъ сталъ въ кучку нѣмцевъ и пошелъ съ нею къ небольшому бюро, за которымъ сидѣлъ агентъ эмиграціонной коммиссіи. Агентъ записывалъ имена, разспрашивалъ о нуждахъ, предлагалъ совѣты.

— Ступайте на западъ, на западъ совѣтую... Здѣсь нечего дѣлать, рынокъ переполненъ руками! — говорилъ онъ каждому столяру, кузнецу, слесарю, земледѣльцу и т. д.— Каждый, отправляющійся на западъ, можетъ купить желѣзно-дорожный билетъ со скидкою половины цѣны!

Подошелъ Андрей.

— Ваша національность?

— Русскій.

— Какъ?—удивился агентъ.

— Русскій!...

— Спеціальность?—продолжалъ агентъ, не спуская глазъ съ Андрея.

— Учитель.

Агентъ пожалъ плечами.

— Знаете языкъ, англійскій языкъ?

— Нѣтъ.

Агентъ посмотрѣлъ на него пристально, записалъ и кивнулъ головой. Андрей отошелъ, чтобъ уступить мѣсто слѣдующему.

— Что вы намѣрены дѣлать?—крикнулъ ему въ догонку агентъ, опять повернувшись въ его сторону.

— На западъ!—отвѣтилъ Андрей, уходя.

— На западъ?—удивился тотъ, пожимая плечами и долго провожая его взоромъ.—На западъ!... На западѣ нужна не голова, а руки!...

Но Андрей уже не слышалъ; онъ шагалъ по небольшой площади, отдѣляющей Castle-Garden отъ «Бродвея»—самой богатой, суетливой улицы города. Послѣ двѣнадцатидневнаго путешествія водою, съ радостью вырвавшагося на волю школьника бѣгалъ онъ по New York'у, какъ каждый новичокъ, поражаясь грандіозностью построекъ, парками, скверами, суетой, движеніемъ, смѣшеніемъ языковъ, расъ, типовъ и костюмовъ, своебразіемъ жизни, поражающей вообще каждаго европейца на американской почвѣ. Все было ново, все было интересно и Андрею хотѣлось какъ можно больше и скорѣе узнать и насмотрѣться — заразъ, сегодня, въ этотъ первый и единственный день «празднаго от-

дыха». «Завтра уже за работу,—думалъ онъ,—непремѣнно за работу...»

Съ этою мыслью о работѣ онъ и проснулся на другой день утромъ въ одной изъ галлерей Castle-Garden'a, отводимыхъ для ночлега эмигрантамъ, не желающимъ или не имѣющимъ средствъ помѣститься въ гостиницахъ, и немедленно же отправился въ рабочее бюро. Народу было еще немного, нанимателей совсѣмъ не было и Андрей, усѣвшись на скамьѣ съ надписью «чернорабочіе», рядомъ съ двумя сонными ирландцами, сталъ отъ скуки рыться въ лексиконѣ учебника англійскаго языка. Мало-по-малу онъ до того увлекся своею работой, что и не замѣтилъ, какъ къ скамьѣ подошелъ агентъ-наниматель, здоровенный, обрюзглый толстякъ съ грубымъ, жестокимъ лицомъ и хитро бѣгавшими, нахальными, дерзкими глазками.

— На желѣзную дорогу! Кто хочетъ на желѣзную дорогу?— повторялъ онъ по-нѣмецки и по-англійски.

— Я,—отвѣтилъ Андрей, подымаясь,—я согласенъ!... Какая плата?—Онъ зналъ, что эмигрантовъ эксплуатируютъ агенты-наниматели, пользуясь ихъ наивностью и незнакомствомъ съ высотой рабочей платы, и потому сразу заговорилъ о «платѣ», смѣло и увѣренно, какъ сдѣлалъ бы это настоящій «янки». «Меня не надуешь; я не отдамъ себя за грошъ!»—говорили его глаза, смѣло смотря въ хитрое, злое лицо агента.

Тотъ хладнокровно оглядѣлъ его съ ногъ до головы, улыбнулся и вдругъ, вмѣсто отвѣта, протянулъ свою толстую, сильную руку и сталъ щупать его мускулы.

— Что вы?—вспыхнулъ Андрей, не ожидавшій ничего подобнаго,—что вы?—Вѣдь, я не скотина, я человѣкъ!...

Но агентъ уже не слушалъ. Сдвинувъ его съ пути своимъ дюжимъ плечомъ, онъ подходилъ къ другому.

— Мнѣ нуженъ не человѣкъ, а его мускулы!—отвѣтилъ онъ сквозь зубы, грубо и насмѣшливо улыбаясь.

Глава IV.

Если бы мы, читатель, обратились непосредственно къ Андрею съ вопросомъ: каково пришлось ему въ первое время на новомъ мѣстѣ, что онъ думалъ, чѣмъ жилъ, нашелъ ли то, чего искалъ, на что надѣялся,—онъ былъ бы, навѣрное, поставленъ этимъ вопросомъ въ большое затрудненіе. «Работалъ и голодалъ!»—

вотъ все, что онъ сказалъ бы намъ и что могъ бы сказать о первыхъ мѣсяцахъ жизни, когда тяжелая нужда, незнакомство съ условіями новой жизни и языкомъ страны, неумѣнье работать, полная изолированность и отсутствіе какой бы то ни было поддержки поставили его волей-неволей въ необходимость напрягать всѣ силы, всѣ помыслы только на добываніе куска хлѣба, на борьбу съ голодною смертью. Эта борьба поглощала всего человѣка, не оставляя мѣста ни для чего другаго,—поглощала до того, что въ немъ засыпалъ живой, сознающій, анализирующій, наблюдающій человѣкъ съ задачами, цѣлями, міросозерцаніемъ. Онъ сталъ тою идеальною живою машиной, работающею, устающею, голодающею—и только, о которой такъ вздыхаютъ всѣ фабриканты и заводчики міра. Кругомъ кипѣла самая широкая, шумная, энергическая жизнь, полная новыхъ формъ и явленій, любопытныхъ и свѣтлыхъ, о которыхъ давно мечтаетъ европеецъ,—условія труда, борьбы за хлѣбъ приводили въ восторгъ эмигрировавшихъ рабочихъ, а Андрей ничего не замѣчалъ, ни на что не обращалъ вниманія, точно не понималъ, не видѣлъ. Онъ ничѣмъ не интересовался, точно забылъ себя, забылъ все то, что привело его сюда. Для всего этого у него не было времени, онъ только работалъ, только отстаивалъ свое право на жизнь.

Все пережитое за это время слилось для него въ одно общее впечатлѣніе «каторги», и въ немъ тонули, какъ тонутъ въ морѣ дождевыя капли, всѣ отдѣльныя встрѣчи, впечатлѣнія, эпизоды; одно только стоитъ предъ нимъ, одно помнитъ онъ хорошо, цѣльно, что все это время ему приходилось страшно тяжело—не нравственно, не духовно, а чисто-физически. Онъ отлично помнитъ, что духовною жизнью онъ не жилъ. Онъ не думалъ, не анализировалъ, не представлялъ, не присматривался, не изучалъ,—онъ только работалъ, какъ волъ, какъ лошадь, машинально, почти безсознательно. Онъ зналъ и помнилъ только одно, что для крова и хлѣба нужно выработать не менѣе 4-хъ долларовъ въ недѣлю; жилъ только страхомъ, что ему откажутъ въ работѣ. «Мускулы, а не человѣкъ!»—стояло у него вѣчно въ ушахъ, не давая мѣста ничему другому, и онъ жилъ почти одними мускулами.

Никакая человѣческая сила не выдержала бы добровольно подобной борьбы «за хлѣбъ» неприспособленнаго, непривычнаго, умственно развитаго человѣка, самая сильная энергія могла не

устоять и сломиться, не явись на помощь безвыходность, замѣнявшая и силу, и энергію, сама толкавшая человѣка, и не будь человѣкъ одаренъ способностью «втягиваться». Будь у него средства добраться, Андрей, можетъ быть, поборолъ бы самолюбіе и вернулся, но средствъ у него не было; отступить—значило умереть, а кто же въ его годы, съ его вѣрой въ себя, энергіей, самолюбіемъ, волей, сдѣлаетъ такой выборъ?

И онъ методически, неустанно тянулъ свое ярмо, просыпаясь утромъ затѣмъ, чтобы къ вечеру растянуться неподвижно, еле дыша отъ усталости и боли во всѣхъ членахъ, ни о чемъ не думая, не гадая, весь охваченный одною потребностью сна и отдыха. И это только въ лучшемъ случаѣ, потому что бывало и хуже, когда не было ни работы, ни денегъ, а, значитъ, и хлѣба. Часто, въ особенности въ первое время, обливаясь по́томъ, напрягая до боли всѣ силы надъ только что найденною работой, онъ слышалъ роковое: «Идите! Вы неспособны, вы задерживаете другихъ!»—и тогда голодный, истощенный, еле держась на ногахъ, онъ шнырялъ взадъ и впередъ, вновь выискивая, выпрашивая работы, съ которой, можетъ быть, завтра его такъ же прогонятъ. Иногда, въ такія минуты, послѣ безплодныхъ поисковъ, имъ овладѣвала страшная, безотчетная злоба на всѣхъ и себя. Измученные нервы болѣзненно просыпались... Чувство какой-то тяжелой и больной обиды мучило, не давало покоя... Хотѣлось крикнуть, сказать, вылить все накипѣвшее, все больное такъ, чтобы всѣ услышали, остановились... Но развѣ, услышавъ, поняли бы его? Развѣ не простая онъ мускульная единица для всѣхъ здѣсь, какъ любой землекопъ-ирландецъ? Кто ему повѣритъ, кто его здѣсь знаетъ? «Какое намъ до тебя дѣло? Помогай самъ себѣ! Кто звалъ тебя сюда? А назвался—не пеняй!... Ты чужой, совсѣмъ чужой намъ!»—казалось, говорило все вокругъ Андрею и одна надежда, что все это только «пока», спасала его отъ отчаянія.

Въ такомъ положеніи разъ, онъ помнитъ, онъ чуть не укралъ булку. Это было въ многолюдномъ, богатомъ Чикаго, гдѣ онъ тщетно искалъ работы. Два дня у него не было во рту и корки и голодъ страшно его мучилъ. Къ тому же, его била лихорадка,—онъ двѣ недѣли сряду ночевалъ въ паркѣ, на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Какъ онъ очутился на набережной, онъ не помнитъ... У него кружилась голова отъ голода, болѣзни или вида тѣхъ сотенъ тысячъ кулей хлѣба, что,

окрашенные лучами заходившаго солнца, нагружались тутъ же на барки, баржи, пароходы... И вдругъ: «Булки, свѣжія, теплыя, мягкія булки!... Купите, купите!»—кричалъ мальчикъ, босой, блѣдный, таща лотокъ. Андрею стало жаль мальчика.

На бѣду онъ попалъ въ штаты осенью, въ самое тяжелое для рабочаго люда время, когда окончаніе полевыхъ работъ наводняетъ города массой голоднаго, ищущаго работы люда. Волей-неволей пришлось ему толкаться въ городахъ, вести конкурренцію съ настоящими здоровыми и сильными работниками при сравнительно маломъ спросѣ на руки. Положеніе дѣйствительно было отчаянно плохо. Лѣтомъ, на фермахъ, когда руки цѣнятся на вѣсъ золота, ему было бы легче, но теперь приходилось до крайности жутко. «Какой вы рабочій!»—насмѣшливо встрѣчали его хозяева, подозрительно оглядывая его бѣлыя, слабыя руки, изъ-за которыхъ имъ чудился бѣжавшій изъ европейской тюрьмы мошенникъ, и съ тою же подозрительностью встрѣчали его и товарищи рабочіе. «Какой онъ рабочій? Онъ бѣлоручка... ничего не умѣетъ... Попался, видно, дома на чемъ, ну, и бѣжалъ сюда отъ тюрьмы!»—говорили кругомъ; а Андрей еслибъ и могъ и умѣлъ объяснить говорившимъ, то, навѣрное, не сдѣлалъ бы этого. Ему не повѣрили бы и обдали бы хохотомъ. Статочное ли дѣло мѣнять богатое, обезпеченное положеніе на такую каторгу и, притомъ, добровольно? Ѣдетъ ли кто-нибудь сюда не отъ бѣды, не за лучшимъ кускомъ, не за лишнимъ долларомъ? Онъ или лгунъ, или сумасшедшій,—сказали бы ему; это навѣрное зналъ Андрей.

Несмотря на все, Андрей не отчаявался, не терялъ ни вѣры въ себя, ни энергіи. Искалъ работы, голодалъ, когда ея не было, рылъ песокъ, громоздилъ уголь, билъ камень, мѣсилъ кирпичъ,—словомъ, дѣлалъ все, что ни выпадало, что ни давали. Мало-по-малу онъ втянулся, пріобрѣлъ кое-какую сноровку, небольшой навыкъ и, что было для него чуть ли не самымъ важнымъ, «набилъ ухо», какъ говорится,—сталъ понемногу различать и понимать разговорную рѣчь, отдѣльные звуки которой сливались для него въ одинъ безконечный свистъ и шумъ сначала. Такимъ образомъ, къ серединѣ короткой зимы положеніе его немного улучшилось, стало легче находить работу, голодать и мыкаться приходилось меньше, а работа не такъ утомляла уже и не требовала сверхъестественнаго напряженія, поглощавшаго всего человѣка, оставляла мѣсто для ума, души,

наблюденій,—для духовной жизни. Андрей сталъ оживать, въ немъ сталъ просыпаться мыслящій, анализирующій, живой человѣкъ, охваченный доселѣ точно летаргіей, какимъ-то соннымъ, безсознательнымъ прозябаніемъ. Оглянувшись впервые назадъ, онъ съ удивленіемъ и почти ужасомъ убѣдился, что жилъ до сихъ поръ только инстинктомъ, какимъ-то неяснымъ, смутнымъ инстинктомъ жизни и самосохраненія, какъ волъ, какъ улитка, безъ смысла и цѣли. Думалъ онъ? Наблюдалъ? Дѣлалъ выводы, анализировалъ? — спрашивалъ онъ самъ себя и на все отвѣчалъ только: нѣтъ! Ничего такого онъ не помнитъ. Если и было, то незамѣтно, мимоходомъ. Что же онъ дѣлалъ? Приспособлялся, шляясь изъ города въ городъ! — улыбнулся онъ себѣ въ отвѣтъ,—улыбнулся тою хорошею, счастливою улыбкой, какою улыбается воскресшій послѣ тяжкой болѣзни больной, когда ему разсказываютъ, какъ онъ мучился въ жару и бредилъ.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ выходилъ изъ такого грубаго, животнаго состоянія, по мѣрѣ того, какъ мускульная жизнь уступала въ немъ мѣсто духовной, нервной, сознательно-человѣческой, имъ начинало овладѣвать что-то вродѣ скуки, чувство какой-то пустоты и неудовлетворенности. Не было съ кѣмъ дѣлиться впечатлѣніями, говорить, не было никого, кто бы его понялъ, оцѣнилъ, призналъ то, что требовало признанія, проявилъ бы хотя малѣйшій интересъ къ нему, какъ къ человѣку, а не мускульной машинѣ, товарищу за работой, обѣдомъ или по койкѣ. Какъ чернорабочему, Андрею приходилось всегда стоять за самымъ грубымъ, тяжелымъ трудомъ, вертѣться, такимъ образомъ, въ самомъ низшемъ, самомъ грубомъ кругу эмиграціи рабочаго люда, вѣчно враждовавшихъ другъ съ другомъ ирландцевъ и сѣверныхъ нѣмцевъ, составлявшихъ свои особые, тѣсно замкнутые кружки. Зная нѣмецкій языкъ, онъ могъ бы сблизиться съ нѣмцами, войти въ ихъ кругъ, но ему претила отличавшая ихъ грубость, ихъ какое-то холодное нахальство, циническій эгоизмъ, наглое самодовольство, кулачество и подхалюзничество, лакейство, о которомъ онъ читалъ еще у Берне. Къ тому же, нѣмцы, какъ и ирландцы, несмотря на симпатичныя ему стороны тѣхъ, не могли бы предложить ему ничего другаго, кромѣ общихъ попоекъ, картежной игры и т. п., а ему совсѣмъ не этого хотѣлось.

Отъ этой ли тоски, отъ желанія ли съ кѣмъ подѣлиться мыслями, поговорить, онъ разъ какъ-то, совсѣмъ нечаянно, вспомнилъ

о своемъ письмѣ къ Галѣ. Вѣдь, она могла же отвѣтить, письмо давно лежитъ, вѣроятно!—пронеслось въ головѣ и наполнило его чѣмъ-то мягкимъ и теплымъ. Ему вдругъ страстно захотѣлось получить это письмо, прочитать сейчасъ же, какъ можно скорѣе. Что-то тамъ дѣлается, что-то она напишетъ ему? Отчего это онъ ни разу до сихъ поръ не вспомнилъ, не подумалъ объ этомъ?—спрашивалъ и точно укорялъ онъ себя. Адресъ свой онъ далъ Галѣ на Castle-Garden, куда обыкновенно адресуются всѣ письма эмигрантамъ въ первое время ихъ пребыванія въ штатахъ, и теперь ему приходилось ждать, пока онъ напишетъ туда, пока тамъ отыщутъ его письмо, если оно тамъ есть, и перешлютъ ему по его новому адресу. Ждать приходилось долго, вѣдь, онъ былъ уже въ громадномъ С.-Луи, въ этомъ многошумномъ, богатомъ «сердцѣ штатовъ», столицѣ запада.

Письма онъ дождался, но не въ С.-Луи уже. Работа, исканіе ея погнали его еще дальше на западъ. Снѣжные наносы завалили желѣзную дорогу,—понадобилось много рабочихъ рукъ; компаніи предлагали хорошую плату—по 3 доллара въ день съ харчами и Андрей укатилъ съ первымъ рабочимъ транспортомъ. Въ снѣжномъ, пустынномъ полѣ, на сильномъ холодномъ вѣтру, весь обливаясь потомъ, изнемогая отъ усталости, онъ рылъ лопатой глубокій снѣгъ. Скука въ особенности его донимала. «Хоть бы шавбъ былъ тутъ!»—вспомнилъ онъ своего пароходнаго компаньона, глядя на чуждыя все лица, преимущественно ирландцевъ, тщетно вслушиваясь въ ихъ неумолкавшій, оживленный, непонятный разговоръ. И вдругъ онъ слышитъ свое имя, кто-то, громко крича, зоветъ его... Кто бы это?—Я!—отвѣчалъ онъ на зовъ, выдвигаясь впередъ, и, въ то же время, видитъ въ рукѣ спрашивающаго что-то бѣлое и слышитъ: «Письмо!—съ послѣднимъ транспортомъ! Письмо!»

Какъ страшно дрожатъ его руки, пока онъ рветъ конвертъ, какъ бьется его сердце!... Онъ не можетъ читать, у него захватываетъ духъ, кружится голова, сливаются строки... Сосѣдъ ирландецъ глядитъ на него съ такимъ неподдѣльнымъ участіемъ,—вѣдь, онъ самъ такъ трепещетъ, когда получаетъ вѣсточку съ дорогаго «зеленаго Эрина»,—онъ это отлично понимаетъ. Но что же это? «Я давно рѣшилъ, что ты геніальная натура!—читаетъ Андрей строки Сергѣя Павловича,— и самъ тоже...» А Галя?—спрашиваетъ онъ самъ себя, прерывая чтеніе, пораженный, удивленный, разочарованный,—такъ это не Галя, нѣтъ?—шепчутъ

его побѣлѣвшія губы, а глаза ищутъ и находятъ только сравненія съ орломъ въ поднебесьи, восклицанія по поводу того, какъ ему-де теперь «легко и чудно дышется», сожалѣнія о томъ, что «жена и дѣти мѣшаютъ» ему, Сергѣю Павловичу, отправиться въ штаты тоже, что было всегда «мечтой его юности» и т. д., все въ томъ же родѣ.

Писалъ одинъ Сергѣй Павловичъ. Андрей съ досадой швырнулъ письмо, — тамъ не было ничего, кромѣ приведенныхъ восклицаній. «Посмотрѣлъ бы я на тебя здѣсь съ твоимъ брюшкомъ, какимъ бы ты орломъ выглядѣлъ!» — прошипѣлъ онъ съ досадой. Ему было и досадно, и больно. Отчего Галя не отвѣтила? — неотступно мучило его, — вѣдь, вотъ, написалъ же тотъ! И отчего не написалъ онъ, что̀ она дѣлаетъ, что̀ думаетъ, что̀ говорила, когда читала ему письмо? Ахъ, Сергѣй Павловичъ, неисправимый Сергѣй Павловичъ! — вздохнулъ Андрей, снова пробѣгая письмо.

Но тутъ мысли его приняли другой оборотъ. Онъ сталъ удивляться, съ какой стати ожидалъ письма Гали. Вѣдь, для Гали онъ совсѣмъ, совсѣмъ посторонній и она, навѣрное, даже забыла о немъ. Зачѣмъ писалъ онъ ей, чего ждалъ онъ и что она можетъ ему отвѣтить, кромѣ формальныхъ, не нужныхъ пожеланій?... Эхъ! — почти крикнулъ онъ съ досадой и, закаявшись впередъ писать домой кому бы то ни было изъ старыхъ друзей и ждать отвѣта, craprise принялегъ съ какимъ-то ожесточеніемъ на лопату.

Глава V.

До весны, до начала полевыхъ работъ, оставалось съ небольшимъ два мѣсяца и Андрей начиналъ уже чувствовать себя побѣдителемъ, какъ на бѣду его въ странѣ разразился «банковый кризисъ». Сначала лопнулъ одинъ банкъ въ Нью-Йоркѣ, тамъ другой въ Чикаго, третій за нимъ въ С.-Луи, а тамъ и пошло одинъ за другимъ. Банки лопались, какъ слишкомъ раздутые мыльные пузыри, а вслѣдъ за ними закрывались фабрики, пріостанавливались заводы, наступила неслыханная безработица и дороговизна на все. Цѣлыя сотни тысячъ людей разорились въ пухъ, потерявъ всѣ свои сбереженія въ банкахъ, а еще бо̀льшее, неисчислимо-большее число тысячъ было обречено на голодъ, осталось безъ всякихъ средствъ къ существованію съ пріостановкой работъ. Страной овладѣла паника, вездѣ слышался гром-

кій ропотъ, собирались грозные митинги, произносились грозныя рѣчи, а кое-гдѣ доходило даже до вооруженнаго столкновенія съ милиціей голодныхъ рабочихъ массъ, требовавшихъ государственнаго вмѣшательства въ общее положеніе дѣлъ и открытія такимъ путемъ фабрикъ и заводовъ. Безчисленныя благотворительныя учрежденія Союза широко открыли свои дѣйствія, вездѣ учреждались даровыя кухни, столовыя, пекарни; но что могла подѣлать миска плохаго супа среди цѣлаго моря нищеты и голода? Къ тому же, нищета была горда, возмущалась необходимостью прибѣгать къ благотворительности и громко заявляла о своихъ сильныхъ рукахъ, о правѣ на трудъ и о многомъ другомъ, чего никакъ не хотѣли понять тѣ, что проповѣдывали «свободу промышленности» и «невмѣшательство», находя, что «все идетъ какъ нельзя лучше», что случившійся «кризисъ» въ порядкѣ вещей, вполнѣ естественъ и законенъ въ общемъ ходѣ индустріи и что нужно только «потерпѣть немножко».

Андрей быстро проѣлъ свое сбереженіе, скопленное при очисткѣ желѣзно-дорожнаго пути, и голодалъ теперь, какъ и всѣ, даже самые искусные и ловкіе рабочіе. Ему невыносимой казалась мысль обращаться къ благотворительности, и онъ рѣшился выносить голодъ, пока станетъ силъ, пока будутъ носить ноги. Тщетно шлялся онъ по безконечнымъ улицамъ С.-Луи, заглядывалъ въ каждый дворъ, ища какой бы то ни было работы, хотя бы за одинъ хлѣбъ,—работы не было. Цѣлую недѣлю кормился онъ разными выбросками сорныхъ кучъ: гнилымъ картофелемъ, корками дынь, арбузовъ и т. под. мерзостью, крѣпился какъ могъ, но, отощавъ въ конецъ, махнулъ рукой и побрелъ къ ближайшей даровой столовой какого-то благотворительнаго общества.

Страшно поразила его встрѣченная имъ тамъ картина. Десятки дѣтей, женщинъ, стариковъ и молодыхъ, блѣдныхъ, истощенныхъ, безъ кровинки, похожихъ скорѣе на скелеты, только живые и обтянутые кожей, чѣмъ на людей, наполняли залы столовой, страстно ожидая своей очереди; жадными взорами провожали они каждый глотокъ, каждую ложку добравшихся уже до супа другихъ, ѣвшихъ скелетовъ и на блѣдныхъ лицахъ ихъ отражалась какая-то бѣшеная, жестокая злоба нетерпѣнія. Красивыя, нарядныя лэди-распорядительницы шныряли взадъ и впередъ, отбирая номера, указывая очередь и своимъ здоровымъ, изящнымъ видомъ еще больше усугубляли, какъ бы подчерки-

вали общее ужасное впечатлѣніе контраста нищеты и горя. Въ углу залы методистскій пасторъ говорилъ проповѣдь на тему «любви и терпѣнія», и его глухой, надтреснутый голосъ звучалъ какъ-то особенно странно и дико среди немолчнаго лязга и звяканья ложекъ. Все вмѣстѣ говорило, казалось, о какой-то ужасной тризнѣ, печальныхъ и мрачныхъ могильныхъ поминкахъ во вкусѣ Эдгара Поэ. У Андрея морозъ пробѣжалъ по спинѣ и голова закружилась.

— Вы за даровымъ супомъ?—обратилась къ нему одна изъ распорядительницъ, молодая, бѣлокурая миссъ.

— Да!—чуть слышно выговорилъ Андрей.

Онъ вдругъ почему-то почувствовалъ себя и здоровымъ, и даже не голоднымъ среди всѣхъ этихъ несчастныхъ, и чувство какого-то жгучаго стыда и больной, невыразимой обиды за то, что онъ здѣсь, за даровою чашкой супа, душило его, окрасило румянцемъ его блѣдныя щеки, а глаза затуманило слезами.

— Вашъ номеръ?—продолжала миссъ.

— У меня нѣтъ номера!—отвѣтилъ онъ глухо.

— Вы въ первый разъ?

— Да!

— Подождите минутку, — сказала она, поворачиваясь уходить,—я вамъ принесу и номеръ, и супъ...

— Постойте! А свидѣтельство о бѣдности, гдѣ оно?—гнѣвно перебила ее суровая, немолодая дама, наступая на Андрея и измѣряя его недовѣрчивымъ взглядомъ.—Гдѣ у васъ свидѣтельство о бѣдности?

— Какое свидѣтельство? — спросилъ Андрей, дрожа и все больше краснѣя.

— Отъ прихода или попечительнаго совѣта...

— Я не бралъ свидѣтельства!—выговорилъ онъ уже совсѣмъ съ трудомъ.

— Не брали?—дама сурово измѣрила его съ ногъ до головы и прямо, уставивъ ему въ лицо недовѣрчивые, холодные глаза, произнесла важно и торжественно: — Стыдитесь, сударь! Лѣность—мать пороковъ!... Вы не хотите работать и набрасываетесь на даровое... Стыдитесь! Вонъ послушайте слова пастора!— и она метнула рукой въ уголъ.

У Андрея подкосились ноги, застучало въ вискахъ... Что-то сдавило ему грудь, поднимаясь все выше и выше къ глазамъ... Губы его силились что-то отвѣтить, но только нервно дрожали,

точно скованные... Гдѣ выходъ,—двери, окна?—онъ ничего не видитъ.

— Возьмите супъ!—раздался надъ его ухомъ голосъ молодой распорядительницы.—Ахъ, мадамъ,—обратилась она съ укоромъ къ старшей товаркѣ,—вы опять обидѣли нравоученіями... Такъ, вѣдь, нельзя, мадамъ!

Андрей пришелъ въ себя; жестомъ, полнымъ отвращенія, оттолкнулъ онъ протянутую ему миску и направился къ двери.

— А супъ, сэръ, супъ!—кричала ему вслѣдъ сконфуженная добрая дѣвушка.

— Не надо!—обернулся Андрей и вышелъ.

— А что, видите?—донесся до него голосъ старой лэди.—Вы говорите: нельзя такъ! Какъ нельзя? Вѣдь, вотъ же я пробудила совѣсть въ этомъ лѣнтяѣ и... отлично!

Онъ пошелъ, самъ не зная зачѣмъ и куда, полный горькаго, тяжелаго чувства, больной обиды, потрясенный, озлобленный до слезъ, до какого-то тупаго бѣшенства на все и себя, отъ котораго онъ задыхался. Такъ прошелъ онъ нѣсколько улицъ, пока не наткнулся на чугунную рѣшетку набережной, преградившую ему дорогу. Что было дѣлать? Очевидно, хлопотать о свидѣтельствѣ о бѣдности или... Но нѣтъ! Къ чорту свидѣтельство!... Не нужно ему такой благотворительности, да и никакой... Богъ съ ней, ненужно!... Въ воду? Тоже нѣтъ,—зачѣмъ? Онъ будетъ тянуть, пока не свалится съ ногъ, ну, а тамъ пусть везутъ въ больницу или дѣлаютъ что хотятъ,—ему все равно! И, стиснувъ зубы, онъ судорожно сжалъ перила рѣшотки.

— Сэръ!—и кто-то хлопнулъ его по плечу сзади.

Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ тощій, высокій, типичный янки и, точно зондируя его своимъ строгимъ, холоднымъ взглядомъ, протягивалъ ему маленькую брошюрку, на заглавномъ листѣ которой стояло крупными буквами:

«Новѣйшее, истиннѣйшее библейское общество, построенное на самыхъ настоящихъ библейско-христіаннѣйшихъ истинахъ», а немного ниже: «Долой еретиковъ методистовъ!»

Андрей понялъ, что передъ нимъ миссіонеръ какой-нибудь вновь возникшей секты, растущихъ въ штатахъ какъ грибы. Зло разобрало его еще сильнѣе и онъ положительно чувствовалъ, что дрожитъ отъ злобы, какъ только раскрылъ ротъ.

— Христіаннѣйшій мистеръ!—сказалъ онъ, нехорошо улы-

баясь,—вы бы, право, лучше сдѣлали, предложивъ мнѣ работу и хлѣбъ сначала, а потомъ ужь это...

Янки передернуло и отъ словъ, и отъ ихъ тона, и отъ улыбки. Они вообще не любятъ насмѣшекъ и смѣшнаго положенія. Сѣрые, холодные, безстрастные глаза его вдругъ вспыхнули огнемъ.

— Не единымъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, — знаете ли вы это, сэръ?—спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ Андрея.

— Знаю! — такъ же насмѣшливо продолжалъ тотъ, — но не знаете ли, какъ можно прожить безъ хлѣба?... Если знаете и можно, — о, я сейчасъ же пристану къ вамъ, сейчасъ же...

Янки засунулъ руки въ карманы, потоптался на мѣстѣ, посвисталъ и, поднявъ глаза на Андрея, спросилъ, точно въ раздумьи:

— Такъ у васъ нѣтъ работы, а?

— Нѣтъ!...

— Да, — поморщился онъ, — плохо: въ странѣ кризисъ, всѣмъ жутко! Что же дѣлать, сэръ? Нечего дѣлать... Но вы можете обратиться къ благотворительности...

— Обращался,—отказали. У меня нѣтъ свидѣтельства...

— Какого свидѣтельства?

— Свидѣтельства о бѣдности! — и Андрей разсказалъ сцену въ столовой.

— Это отвратительно!—возмутился янки. — Вамъ бы слѣдовало силой взять свое, васъ бы, навѣрное, оправдали... Вѣдь, даровая столовая существуетъ для голодныхъ... Впрочемъ, позвольте, сэръ, позвольте,—схватилъ онъ его въ страстномъ волненіи за рукавъ,—позвольте,—не методисты ли они?

— Этого я не знаю.

— Скажите номеръ дома и улицу, сэръ! Только номеръ и улицу,—наступалъ онъ почти въ изступленіи на Андрея, тряся его за рукавъ,—а?

Андрей сказалъ.

— Они, они! — закричалъ тотъ не своимъ голосомъ, — они, методисты!... Я такъ и зналъ, сэръ!... О, мы имъ не спустимъ, нѣтъ! Какой прекрасный случай!... Это промыслъ Божій надъ нами. О, мы обличимъ ихъ лицемѣріе, непремѣнно! — и янки хохоталъ отъ восторга и трясъ изо всей силы неповинный рукавъ Андрея.

— Зовутъ меня Самуэль Уиндоу, сэръ! А васъ?—спросилъ онъ, немного успокоившись.

Андрей назвалъ себя на американскій ладъ, какъ американцы перековеркали его имя.

— Ваша національность?—продолжалъ допросъ мистеръ Самуэль, подготовляя уже въ умѣ громовое обличеніе методистовъ.

— Русскій.

Тотъ отступилъ въ удивленіи.

— Русскій, а?... Я первый разъ вижу русскаго!—шепталъ онъ, разсматривая Андрея.—А ваша спеціальность?

— Дома—учитель, здѣсь—чернорабочій...

— А-а!—процѣдилъ какъ-то сквозь зубы мистеръ Самуэль.—А-а!... Милости просимъ ко мнѣ!—и, схвативъ за рукавъ Андрея, онъ потащилъ его за собой.

Пока они шли, янки что-то раздумывалъ, посвистывая, и вдругъ спросилъ:

— Вы ищете работы... гм... Не умѣете ли вы драться, сэръ?

— Что?—переспросилъ Андрей, думая, что онъ ослышался.

— Драться, боксировать... Вотъ такъ!—и мистеръ Самуэль показалъ пріемы бокса.

— Нѣтъ, совсѣмъ не умѣю!—отвѣтилъ Андрей, недоумѣвая.

— Жаль, — отвѣтилъ мистеръ Самуэль, — жаль... Въ моей профессіи проповѣдника иногда очень нуженъ бываетъ такой человѣкъ. Методистская чернь очень груба, сэръ, дѣлаетъ подчасъ большія непріятности... Намедни бочку изъ-подъ ногъ вытащили, проклятые... Жаль... Мнѣ нуженъ такой человѣкъ...

— Я совсѣмъ не гожусь для этого, — немного обидчиво отвѣтилъ Андрей,—совсѣмъ не гожусь...

— Жаль... Ну, да мы, можетъ быть, подыщемъ вамъ что-нибудь.

Эти слова пріободрили Андрея. Онъ понялъ, что за него теперь уцѣпится вся новая секта, чтобы такимъ образомъ насолить противникамъ, и сдѣлаетъ для него то, чего бы не сдѣлала, умирай онъ на ихъ глазахъ отъ голода. Онъ являлся для нихъ средствомъ показать всѣмъ свое великодушіе и гуманность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, унизить методистовъ. Правду сказать, все это ему крайне претило, казалось даже омерзительнымъ, но это было самое лучшее въ его положеніи, а онъ уже научился цѣнить «лучшій выходъ» и примирялся съ некрасивыми подчасъ частностями его.

Андрею дѣйствительно дали работу. Мистеръ Самуэль распо-

рядился по приходѣ домой, прежде всего, накормить его, а затѣмъ сталъ совѣщаться съ пятью главными членами секты, которыхъ пригласилъ по телеграфу. Всѣ они были въ восторгѣ отъ подвернувшагося случая и постановили единогласно написать громовое обличеніе методистовъ, а Андрея нанять для «свидѣтельствованія истины».

— Согласны вы, сэръ, свидѣтельствовать истину?—торжественно спросилъ его старикъ Бромфи, бывшій пресвитеріанскій пасторъ, а нынѣ глава этой секты.

— То-есть... что такое? Что долженъ я дѣлать?—спросилъ онъ.

— Мы не желаемъ насиловать вашей совѣсти... Мы просто предлагаемъ вамъ работу, легкую и приличную,—отвѣтилъ мистеръ Бромфи.—Вы будете только, оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, разносить по городу наши воззванія и брошюры... Согласны?

— Да!...

— Вы получите за это полдоллара въ день; при настоящемъ положеніи дѣлъ, сэръ, это громадная плата, а уважаемый и достопочтенный Самуэль Уиндоу дастъ вамъ обѣдъ и кровъ, къ тому же... Вы можете поселиться здѣсь сейчасъ же... Гдѣ ваши вещи?

— У меня нѣтъ никакихъ вещей уже!—отвѣтилъ Андрей.

— А!—Мистеръ Бромфи покачалъ головой съ сожалѣніемъ.—Но не отчаявайтесь, сэръ,—спохватился онъ,—не печальтесь,—«ничего»; это самый удобный багажъ по дорогѣ въ царствіе Божіе!

Цѣлую недѣлю проходилъ Андрей по улицамъ С.-Луи, «свидѣтельствуя истину», весь обвѣшанный съ ногъ до головы, какъ «человѣкъ-объявленіе», разными душеспасительными текстами, воззваніями къ «душевному исцѣленію» и брошюрами, спасавшими отъ «ада», и цѣлую недѣлю служилъ предметомъ ярой полемики газетъ двухъ разныхъ сектъ. Методисты сыпали въ него бранью, обзывали лѣнтяемъ, увѣряли, что въ даровую столовую онъ пришелъ не голодный, а ища только скандала, по наущенію «новыхъ еретиковъ», а «еретики»,—новая секта,—плакались надъ «несчастнымъ», которому «жестокосердые» методисты, забывъ притчу о самарянинѣ, «поднесли камень, вмѣсто хлѣба», и который, навѣрное, умеръ бы съ голода, не спаси его они. Цѣлую недѣлю господа Уиндоу и Бромфи

потирали отъ удовольствія руки и то и дѣло говорили Андрею: «Дѣла идутъ отлично; вы хорошо зарабатываете свои полдоллара въ день», — и секта росла. Но черезъ недѣлю подоспѣли новыя событія; газеты стали браниться уже изъ-за нихъ, Андрей былъ забытъ и «отцы» секты рѣшили, что «свидѣтельствовать истину» ему довольно.

— Вы получите новое назначеніе, — сказалъ ему мистеръ Бромфи. Оба, и мистеръ Диндоу, и Бромфи, были лѣсоторговцы. Они предложили Андрею работу въ лѣсныхъ складахъ за городомъ по рѣкѣ Миссури, вплоть до весны, за тѣ же полдоллара въ день. Это была четверть настоящей цѣны, но Андрей съ радостью согласился на все, хотя «отцы» поставили ему, къ тому же, очень тяжелыя условія. Все-таки, это была «настоящая работа», а не шатанье вывѣской по улицамъ, съ которымъ онъ примирялся только потому, что оно было, все-таки, лучше милостыни и голодной смерти.

Григорій Мачтетъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Гроза.

Пламеннымъ моремъ струится сіяніе,
Съ грохотомъ тучи вверху разверзаются,
Страшенъ рокочущій громъ.
Грозныя тучи—земное даяніе:
Съ нивы и съ поля онѣ собираются
Влаги живымъ серебромъ.
Мнится: торжественный часъ отомщенія—
Сгибшія силы толпою могучею,
Въ чудномъ порывѣ возставъ,
Въ громъ воплотясь, полны гнѣва, стремленія,
Къ мести зовутъ, собираются тучею
Въ память поруганныхъ правъ...
Все, что схоронено—свѣтлое, честное,
Сгибшее въ морѣ людскаго забвенія,
Въ лонѣ родимыхъ полей,—
Все позабытое, міру безвѣстное
Празднуетъ, вставши изъ праха и тлѣнія,
Въ нѣдрахъ небесъ юбилей...
Міръ осыпаетъ почетомъ и лаврами
Жалкихъ любимцевъ толпы рукоплещущей;
Славы вѣнцы имъ плетутъ,
Спичей и фразъ громозвучныхъ литаврами
И мишурой балаганной и блещущей
Люди ихъ суетно чтутъ...
Вы же погибли во тьмѣ, безъ вниманія
И безъ награды, со сгубленной силою,
Дѣти святаго труда...
Это не вы ли потокомъ сіянія
Блещете, падая вновь надъ могилою,
Какъ дождевая вода?...

Л. Пальминъ.

ПОТОПЪ *).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I.

Вѣрный Сорока везъ своего полковника черезъ дремучіе лѣса, самъ не зная куда ѣхать, что дѣлать, что начать.

Кмицицъ былъ не только раненъ, но и оглушенъ выстрѣломъ.

Сорока отъ времени до времени обмакивалъ тряпицу въ цыбарку съ водой и отиралъ ему лицо, иногда останавливался у ручьевъ и лѣсныхъ озеръ, но ни вода, ни остановка, ни движенія коня не могли привести въ чувство пана Андрея. Онъ лежалъ какъ мертвый и солдаты, менѣе опытные, чѣмъ Сорока, начинали тревожиться, ужь не умеръ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ.

— Живъ,—отвѣчалъ Сорока на всѣ вопросы,—черезъ три дня будетъ сидѣть на конѣ, какъ любой изъ насъ.

Дѣйствительно, черезъ часъ Кмицицъ раскрылъ глаза и изъ устъ его вылетѣло слово:

— Пить!

Сорока приложилъ къ его губамъ манерку съ чистою водой; оказалось, что панъ Андрей не можетъ раскрыть рта безъ невыносимой боли. Въ безпамятство онъ больше не впадалъ, но ни о чемъ не спрашивалъ, какъ будто ничего не помнилъ. Глаза его были широко раскрыты и онъ безсмысленно глядѣлъ на лѣсную чащу, на кусочекъ голубаго неба надъ его головой и на своихъ товарищей,—смотрѣлъ, какъ человѣкъ, только что оч-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

нувшійся отъ сильнаго опьяненія, позволялъ Сорокѣ осматривать себя, не стоналъ при перемѣнѣ бандажей, даже, напротивъ, холодная вода приносила ему видимое облегченіе.

А Сорока утѣшалъ его:

— Завтра, панъ полковникъ, дурь пройдетъ; Богъ дастъ, гдѣ-нибудь найдемъ ночлегъ.

Подъ вечеръ, точно, ошеломленіе начало проходить. Передъ самымъ заходомъ солнца Кмицицъ осмотрѣлся болѣе сознательнымъ взоромъ и спросилъ:

— Что это за шумъ?

— Какой шумъ? Никакого шума нѣтъ,—отвѣтилъ Сорока.

Шумѣло только въ головѣ пана Андрея, потому что вечеръ стоялъ тихій. Солнце косыми лучами проникало въ чащу, сыпало повсюду золотистыми искрами и окрашивало густымъ пурпуромъ коренья и стволы могучихъ сосенъ. Вѣтра не было ни малѣйшаго, съ березъ и грабовъ, тихо кружась, падали на землю высохшіе листья, или робкій звѣрь трусливо сворачивалъ въ сторону отъ всадниковъ.

Несмотря на холодъ, паномъ Андреемъ начала овладѣвать горячка. Онъ забормоталъ:

— Ваше сіятельство! между нами на жизнь и на смерть!...

Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло и Сорока подумывалъ уже о ночлегѣ, но дорога пошла болотомъ,—нужно было добраться до болѣе сухаго мѣста.

Прошелъ часъ, другой, а болото все тянулось безъ конца. Взошелъ полный мѣсяцъ, въ лѣсу сдѣлалось виднѣй. Вдругъ Сорока соскочилъ на земь и внимательно началъ разсматривать почву подъ ногами.

— Тутъ прошли лошади,—сказалъ онъ,—слѣды остались.

— Да тутъ и дороги никакой нѣтъ,—отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ, поддерживающихъ пана Кмицица.

— А слѣды, все-таки, остались, и много! Вонъ тамъ, между соснами, видно какъ на ладони.

— Можетъ быть, скотина ходила.

— Нѣтъ. Теперь время лѣсныхъ пастбищъ прошло, да, наконецъ, слѣды подковъ видны ясно. Должно быть, тутъ проѣзжали какіе-то люди. Хоть бы добраться до хаты лѣсничаго. Поѣдемъ по слѣдамъ.

Сорока снова вскочилъ на коня и поѣхалъ впередъ. Слѣды копытъ ясно виднѣлись на торфянистомъ грунтѣ, и слѣды, на-

сколько можно было различить при невѣрномъ лунномъ свѣтѣ, совершенно свѣжіе. А несмотря на то, лошади увязали все глубже и глубже. Солдаты пана Кмицица начинали опасаться, не откроются ли передъ ними еще болѣе глубокія топи, какъ вдругъ до нихъ долетѣлъ запахъ дыма и смолы.

— Должно быть, смолокурня близко!—сказалъ Сорока.

Дѣйствительно, вдали показалась лента красноватаго дыма и языки тлѣющаго подъ дерномъ огонька.

Подъѣхавъ ближе, Сорока увидалъ хату, колодезь и большой сарай, построенный изъ сосновыхъ бревенъ. Измученные кони весело заржали, имъ отвѣтило ржаніе изъ сарая, откуда тотчасъ же появилась какая-то фигура, одѣтая въ полушубокъ овчиною вверхъ.

— Много лошадей?—спросилъ онъ.

— Послушай, это смолокурня, что ли?—сказалъ Сорока.

— Что вы за люди? Откуда взялись?—продолжалъ разспрашивать смолокуръ голосомъ, въ которомъ слышался страхъ и удивленіе.

— Не бойся, не разбойники!

— Идите своею дорогой, вамъ тутъ нечего дѣлать!

— Зажми ротъ и проводи насъ въ хату, пока мы просимъ. Не видишь, хамъ, что веземъ раненаго?

— Да кто вы такіе?

— Смотри, какъ бы я тебѣ изъ ружья не отвѣтилъ. Лучше тебя, мужикъ! Веди насъ въ хату, а нѣтъ, мы тебя въ твоей же смолѣ зажаримъ.

— Одинъ я не справлюсь съ вами, но скоро насъ будетъ больше. Всѣхъ васъ уложимъ... Идите, коли хотите, не мое дѣло.

— Давай намъ ѣсть... и горѣлки. Пана веземъ; онъ заплатитъ.

— Если отсюда живъ уѣдетъ.

Въ хатѣ, въ печкѣ горѣлъ огонь, а изъ горшковъ, поставленныхъ на очагѣ, распространялся запахъ душонаго мяса. Комната была довольно большая. Сорока тотчасъ же замѣтилъ, что возлѣ стѣнъ стояли шесть кроватей, прикрытыхъ овечьими шкурами.

— Тутъ какая-то компанія живетъ,—шепнулъ онъ своимъ товарищамъ.—Подсыпать пороху и держать ухо востро! За этимъ мужикомъ смотрѣть, чтобъ не ушелъ. Пускай хозяева сегодня ночуютъ на дворѣ; мы хаты не уступимъ.

— Господа сегодня не пріѣдутъ,—сказалъ смолокуръ.

— Тѣмъ лучше, значитъ, спора изъ-за помѣщенія не будетъ, а завтра мы поѣдемъ. Ну-ка, выложи мясо въ миску,—мы голодны, да не жалѣй овса нашимъ конямъ.

— А откуда мнѣ взять овса, вельможный панъ солдатъ?

— Я слышалъ, какъ подъ сараемъ ржали лошади. Не смолой же ты ихъ кормишь.

— То не мои лошади.

— Твои ли, не твои ли, ѣдятъ же они что-нибудь, и наши ѣсть будутъ. Живо, дуракъ, живо, если тебѣ шкура твоя дорогà!

Смолокуръ не отвѣтилъ ничего. Солдаты положили спящаго пана Андрея на одну изъ кроватей и усѣлись за бигосъ и душоное мясо.

Сорока отыскалъ въ чуланѣ, рядомъ съ комнатой, водку, но выпилъ самъ немного. Онъ рѣшилъ бодрствовать всю ночь. Эта пустая хата съ шестью кроватями казалось ему крайне подозрительной. Онъ думалъ, что это попросту разбойничій притонъ, тѣмъ болѣе, что въ чуланѣ, откуда онъ принесъ водку, оказалось не мало оружія, пороху и разныхъ вещей, очевидно, награбленныхъ въ шляхетскихъ домахъ. Еслибъ отсутствующіе обитатели этой хаты возвратились, отъ нихъ едва ли можно было ожидàть не только гостепріимства, но даже просто милосердія; Сорока рѣшилъ занять хату и держаться въ ней при помощи оружія или мирныхъ переговоровъ.

— Возьми-ка фонарь и иди за мной,—сказалъ онъ смолокуру.

— Лучиной не прикажете ли посвѣтить вамъ? Фонаря у меня нѣтъ.

— Свѣти хоть лучиной; спалишь сарай и лошадей, — мнѣ все равно!

Послѣ такихъ убѣдительныхъ словъ фонарь тотчасъ же нашелся въ чуланѣ. Сорока приказалъ мужику идти впередъ, а самъ пошелъ за нимъ, не выпуская пистолета изъ рукъ.

— Кто живетъ въ хатѣ?—спросилъ онъ по дорогѣ.

— Паны живутъ.

— Какъ ихъ зовутъ?

— Мнѣ не приказано говорить.

— Эй, сдается мнѣ, что ты получишь отъ меня свинцовый гостинецъ!

— Еслибъ и солгалъ, сказалъ бы вамъ какое-нибудь прозвище, то вы все равно никогда бы не узнали.

— Правда. А много этихъ пановъ и кто они таковы?

— Старый панъ, двое молодыхъ, двое слугъ. Шляхтичи они.

— Живутъ здѣсь?

— Иногда здѣсь, иногда Богъ знаетъ гдѣ!

— А коней столько откуда?

— Паны приводятъ, а откуда, не знаю.

— Говори правду, не разбойничаютъ ли твои паны по дорогамъ?

— Развѣ я знаю? Должно быть, берутъ коней, а у кого—не мое дѣло.

Они вошли въ середину сарая.

— Свѣти!—сказалъ Сорока и началъ взоромъ знатока осматривать лошадей.

— Покойникъ панъ Зендъ былъ бы доволенъ, — ворчалъ онъ.—Польская, московская... а вотъ этотъ, меренъ, нѣмецкая... и эта... хорошіе кони!... А что вы имъ даете?

— Чтобъ не солгать вамъ, я весною засѣялъ для нихъ овсомъ двѣ полянки.

— Ну, хорошо, пойдемъ теперь домой!

Идя дорогой, Сорока раздумывалъ, что̀ ему начать, и ни на чемъ не останавливался. Вдругъ онъ ударилъ себя рукою по лбу.

— Экій я дуракъ! Взять мужика и приказать ему вывести насъ на дорогу!...—Тутъ Сорока вновь задумался.—На дорогу? А тамъ князь и полки... Нечего дѣлать, придется сидѣть въ хатѣ, пока полковникъ выздоровѣетъ, а тогда ужь его дѣло.

У дверей хаты стояли на караулѣ солдаты. Сорока приказалъ имъ смѣниться послѣ полуночи, а самъ повалился на кровать, стоявшую рядомъ съ кроватью Кмицица.

Въ комнатѣ было тихо, только сверчки не переставая распѣвали свои пѣсни, да больной въ горячкѣ метался по своей постели. До ушей Сороки долетали его безсвязныя слова:

— О, ваше величество, простите... Они измѣнники... Я выдамъ всѣ ихъ тайны... Республика—красное сукно... Хорошо, панъ князь, попались вы мнѣ!...

Сорока привставалъ на постели и слушалъ; больной вскрикнетъ разъ-другой, заснетъ и потомъ опять начинаетъ кричать:

— Александра, Александра! не гнѣвайся на меня!...

Только около полуночи онъ успокоился совершенно и заснулъ

какъ слѣдуетъ. Сорока тоже начиналъ дремать, какъ вдругъ услыхалъ стукъ въ дверь.

Старый солдатъ тотчасъ же вскочилъ на ноги и вышелъ изъ хаты.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Панъ вахмистръ, смолокуръ убѣжалъ.

— Сто чертей! вотъ онъ приведетъ сюда этихъ разбойниковъ. Кто смотрѣлъ за нимъ?

— Бѣлоусъ.

— Я пошелъ съ нимъ коней поить,—оправдывался Бѣлоусъ,—приказалъ ему ведро вытаскивать, а самъ держалъ лошадей...

— Ну, что-жь онъ, въ колодезь, что ли, прыгнулъ?

— Нѣтъ, панъ вахмистръ, юркнулъ между пнями; тамъ ихъ много около колодца валяется. Я бросилъ коней и за нимъ, да и попалъ въ яму. Ночь, темь, шельма знаетъ мѣсто, такъ и удралъ...

— Ужь приведетъ онъ сюда этихъ чертей, провалиться бы ему!... Ну, дѣлать нечего, ложиться не будемъ, нужно сидѣть до утра, а то того и гляди припожалуютъ.

Онъ сѣлъ на порогѣ съ мушкетомъ въ рукахъ, солдаты тоже усѣлись вокругъ и начали въ полголоса болтать между собой, прислушиваясь отъ времени до времени, не долетитъ ли до нихъ конскій топотъ.

Ночь была тихая и ясная. Въ лѣсныхъ глубинахъ кипѣла жизнь, грозный ревъ оленей доходилъ со всѣхъ сторонъ. Ревъ этотъ, короткій, хриплый, полный бѣшенства, слышался во всѣхъ углахъ лѣса, то дальше, то ближе, чуть ли не въ сотнѣ шагахъ отъ хаты.

— Если они подъѣдутъ, то будутъ тоже ревѣть, чтобъ обмануть насъ,—сказалъ Бѣлоусъ.

— Ночью не успѣютъ. Прежде чѣмъ мужикъ доберется до нихъ, разсвѣнетъ.

— А днемъ, панъ вахмистръ, нужно бы пошарить въ хатѣ и подъ стѣнами порыться. Если тутъ живутъ разбойники, то и деньги должны быть.

— Лучшія деньги вотъ здѣсь, въ конюшнѣ, — указалъ Сорока на сарай.

— Мы заберемъ ихъ?

— Дуракъ! тутъ выхода нѣтъ, все болото кругомъ.

— Вѣдь, мы же проѣхали.

— Насъ Богъ сохранилъ. Сюда ни одна живая душа ни войдетъ, ни выйдетъ, если дороги не знаетъ.

— Дорога не далеко, вотъ здѣсь, — сказалъ Бѣлоусъ, показывая на востокъ,— поѣдемъ, авось найдемъ.

— А ты думаешь, что какъ вышелъ на дорогу, такъ ты и бариномъ станешь? Иль тебѣ петля нравится больше пули разбойника? Тамъ насъ ужь навѣрное князь разыскиваетъ... Постойте-ка, что-то въ листьяхъ зашелестѣло...

Солдаты замолчали и насторожили уши. Дѣйствительно, вблизи послышались чьи-то тяжелые шаги.

— Кони...—шепнулъ Сорока.

Но шаги начали отдаляться отъ хаты, и скоро въ воздухѣ раздался дикій ревъ оленя.

— То олени! Или лань заветъ, или другаго пугаетъ.

Солдаты снова замолчали и начали дремать, только вахмистръ по временамъ поднималъ голову и прислушивался. Трудно было бѣдному Сорокѣ: глаза его поневолѣ смыкались, голова клонилась на грудь. Прошелъ часъ, другой, ближайшія сосны изъ черныхъ начинали дѣлаться сѣрыми, а верхушки ихъ бѣлѣли съ каждою минутой, какъ будто облитыя раскаленнымъ серебромъ. Ревъ оленей смолкъ и въ лѣсу воцарилась глубокая тишина. Наконецъ, взошло солнце и освѣтило утомленныя лица солдатъ, спящихъ мертвымъ сномъ на голой землѣ.

Двери хаты скрипнули и на порогѣ показался Кмицицъ.

— Сорока, эй!—крикнулъ онъ.

Солдаты вскочили на ноги.

— Господи, Боже мой! вы уже на ногахъ! — удивился Сорока.

— А вы заспались, какъ сурки; можно было бы вамъ головы посрубить и за плетень выбросить, прежде чѣмъ какой-нибудь проснулся бы.

— Мы сторожили до утра, панъ полковникъ; заснули, когда ужь совсѣмъ разсвѣло.

Кмицицъ осмотрѣлся вокругъ.

— Гдѣ мы? чья это хата?

— Не знаю, панъ полковникъ!

— Иди за мной,—сказалъ панъ Андрей и пошелъ во внутрь хаты.

Сорока отправился за нимъ.

— Слушай, — сказалъ Кмицицъ, садясь на кровать, — такъ это князь выстрѣлилъ въ меня?

— Да.

— А съ нимъ что стало?

— Ушелъ.

Наступила минута молчанія.

— Скверно, — сказалъ Кмицицъ, — очень скверно! Лучше бы его было положить на мѣстѣ, чѣмъ пускать живаго.

— Мы такъ и хотѣли было, да...

— Да что?

Сорока вкратцѣ разсказалъ, какъ было дѣло. Кмицицъ слушалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ, только глаза его начинали загораться зловѣщимъ огнемъ.

— Теперь его взяла верхъ, но мы еще встрѣтимся. Зачѣмъ ты съѣхалъ съ дороги?

— Боялся погони.

— И умно сдѣлалъ. Мало насъ теперь противъ силъ Богуслава, дьявольски мало!... Притомъ, онъ поѣхалъ въ Пруссію, тамъ мы не можемъ его преслѣдовать, надо ждать...

Сорока вздохнулъ свободнѣй. Панъ Кмицицъ, очевидно, не боялся чародѣйственной силы князя Богуслава, если говорилъ о преслѣдованіи. Эта увѣренность тотчасъ же вселилась въ сердце стараго солдата, который привыкъ думать головою своего полковника.

Панъ Андрей очнулся отъ глубокой задумчивости и началъ шарить около себя руками.

— А гдѣ мои письма? — спросилъ онъ.

— Какія письма?

— Письма, которыя были при мнѣ... Въ поясѣ были спрятаны... Гдѣ поясъ? — лихорадочно заторопился панъ Андрей.

— Поясъ я самъ снялъ съ васъ, чтобъ вамъ легче было дышать. Вотъ онъ.

Сорока подалъ кожаный поясъ съ карманами, которые стягивались снурками. Кмицицъ торопливо началъ доставать оттуда бумаги.

— Это охранныя грамоты къ шведскимъ комендантамъ, а письма гдѣ? — спросилъ онъ голосомъ, полнымъ безпокойства.

— Какія письма? — повторилъ Сорока.

— Тысячу чертей! письма гетмана къ шведскому королю, къ пану Любомірскому, всѣ мои письма...

— Если ихъ въ поясѣ нѣтъ, то нигдѣ нѣтъ; должно быть, пропали въ дорогѣ.

— На коней и искать!—страшнымъ голосомъ крикнулъ Кмицицъ.

Прежде чѣмъ изумленный Сорока успѣлъ выйти изъ комнаты, панъ Андрей упалъ на кровать и, схватившись за голову, началъ повторять со стономъ:

— Мои письма, мои письма!

Солдаты уѣхали всѣ, за исключеніемъ одного, которому Сорока приказалъ сторожить хату. Кмицицъ остался одинъ и началъ обдумывать свое не особенно завидное положеніе. Надъ паномъ Андреемъ висѣла страшная и неизбѣжная месть могучихъ Радзивилловъ, и не только надъ нимъ, но и надъ всѣми, кого онъ любилъ. Кмицицъ зналъ, что князь Янушъ не задумается поразить его въ самое чувствительное мѣсто, то-есть обратить свою месть на личность панны Биллевичъ. А Алексаннра была въ Кейданахъ, въ полной власти страшнаго магната, сердце котораго не знало состраданія. Чѣмъ больше Кмицицъ вдумывался въ свое положеніе, тѣмъ яснѣй приходилъ къ убѣжденію, что оно попросту страшно. Послѣ похищенія Богуслава, Радзивиллы будутъ считать его за измѣнника, сторонника Яна Казиміра, конфедераты и приверженцы Сапѣги считаютъ его также измѣнникомъ, слугою Радзивилла. Изо всѣхъ лагерей, партій и чужихъ войскъ, занимающихъ въ настоящую минуту республику, не было ни одного лагеря, ни одной партіи, ни одного войска, которые бы не считали его величайшимъ и злѣйшимъ врагомъ. Вѣдь, Хованскій назначилъ же награду за его голову, теперь назначатъ Радзивиллы, шведы и, кто знаетъ, можетъ быть уже назначили и сторонники несчастнаго Яна Казиміра. «Заварилъ кашу, теперь расхлебывай только!» —думалъ Кмицицъ. Похищая князя Богуслава, онъ хотѣлъ бросить его подъ ноги конфедератамъ, убѣдить ихъ неопровержимымъ доводомъ, что порываетъ всѣ связи съ Радзивиллами, вступить въ ихъ среду и добыть себѣ право сражаться за короля и отечество. Съ другой стороны, Богуславъ въ его рукахъ былъ бы залогомъ безопасности Александры. Но теперь, когда Богуславъ разгромилъ Кмицица и ушелъ, исчезала не только безопасность Александры, но и послѣднее доказательство, что Кмицицъ искренно бросилъ радзивилловскую службу. Правда, ему оставалась дорога къ конфедератамъ, и если онъ нападетъ

на отрядъ Володіёвскаго и его друзей полковниковъ, можетъ быть, они дарують ему жизнь, но примутъ ли его, какъ товарища, повѣрятъ ли ему, не подумаютъ ли, что онъ явился шпіонить, вселять въ войско духъ недовѣрія и вербовать людей для Радзивилла? Тутъ Кмицицъ вспомнилъ, что на немъ тяготѣетъ кровь конфедератовъ, что онъ первый побилъ въ Кейданахъ взбунтовавшихся венгровъ и драгуновъ, что онъ разсѣевалъ мятежные полки или силою приводилъ ихъ къ повиновенію, разстрѣливалъ солдатъ и офицеровъ, обнесъ Кейданы шанцами и, такимъ образомъ, обезпечилъ Радзивиллу успѣхъ, по крайней мѣрѣ, въ Жмуди... «Какъ мнѣ идти туда?—подумалъ онъ.—Для нихъ зараза будетъ лучшимъ гостемъ, чѣмъ я своею персоной!... Съ Богуславомъ на арканѣ у сѣдла—можно было бы, но съ голыми руками!...»

Еслибъ у него были, по крайней мѣрѣ, эти письма, то онъ могъ бы хоть цѣною ихъ вступить въ лагерь конфедератовъ, держалъ бы въ рукахъ князя Януша; эти письма могли бы подорвать кредитъ гетмана даже у шведовъ. Наконецъ, за эти письма онъ могъ бы выкупить Александру. Но теперь какой-то злой духъ устроилъ такъ, что и письма пропали.

Кмицицъ во второй разъ схватился за голову.

— Измѣнить въ глазахъ Радзивилловъ, въ глазахъ Александры, конфедератовъ и короля!... Погибло все: слава, честь, Александра,—все, все!...

Рана его на лицѣ горѣла еще, но въ душѣ было еще больнѣй, еще невыносимѣй. Въ довершеніе всего страдало и его рыцарское самолюбіе. Онъ потерпѣлъ такое позорное пораженіе отъ Богуслава. Что̀ въ сравненіи съ этимъ ударъ пана Володіёвскаго въ Любичѣ? Тамъ побѣдилъ его вооруженный человѣкъ, на дуэли, здѣсь—безоружный плѣнникъ, который находился въ его же рукахъ.

Весь трагизмъ его положенія съ каждою минутой становился для него все яснѣй и яснѣй. Чѣмъ больше всматривался онъ, тѣмъ больше видѣлъ ужасовъ, въ каждомъ углу подстерегали его безжалостные палачи, позоръ, срамъ, погибель Александры, стоны несчастной родины... и какой-то необъяснимый страхъ охватилъ сердце пана Андрея.

«Неужели я сдѣлалъ все это?—спрашивалъ онъ себя и волосы его вставали дыбомъ.—Не можетъ быть! Все это горячечный бредъ! Пресвятая Дѣва, не можетъ быть!...»

«Слѣпой, слѣпой безумецъ!—шепнула ему совѣсть—ничего бы подобнаго не было, еслибъ ты не покидалъ короля и отечества, еслибъ ты послушался Александры!»

И раскаяніе, какъ вихрь, подхватило его. О, еслибъ онъ сказалъ себѣ такъ: шведы противъ отчизны,—я на нихъ! Радзивиллъ противъ короля,—я на него! Тогда въ душѣ его было бы ясно и спокойно. Тогда онъ собралъ бы себѣ кучу проходимцевъ изъ-подъ неизвѣстнаго знамени и шлялся бы съ ними, какъ цыганъ по ярмаркамъ, подкрадывался бы къ шведамъ и топталъ ихъ своимъ конемъ, съ чистымъ сердцемъ и чистою совѣстью, до тѣхъ поръ, пока не предсталъ бы предъ Александрой покрытый славой и не сказалъ бы ей:

— Я теперь уже не изгнанникъ, а спаситель отечества... Люби меня, какъ я люблю тебя!

А теперь что?

Но гордая душа, привыкшая прощать себѣ многое, не сразу хотѣла признать свою вину. То Радзивиллы погубили его, обманули, покрыли безславіемъ, лишили чести и любимаго существа.

Панъ Кмицицъ заскрежеталъ зубами, погрозилъ кулакомъ въ сторону Жмуди, въ которой Янушъ, гетманъ, сидѣлъ, какъ волкъ на трупѣ, и прохрипѣлъ бѣшенымъ голосомъ:

— Мести, мести!

Въ порывѣ отчаянія онъ упалъ на колѣни по серединѣ комнаты.

— Обѣщаю тебѣ, Господи Іисусъ,—заговорилъ онъ,—уничтожать и губить этихъ измѣнниковъ... преслѣдовать закономъ, огнемъ и мечомъ до послѣдняго моего издыханія, до послѣдней минуты моей жизни! Аминь!

Но какой-то голосъ въ глубинѣ души шепнулъ ему:

«Служи отчизнѣ; месть послѣ!...»

Глаза пана Андрея горѣли лихорадочнымъ огнемъ, губы тряслись; онъ размахивалъ руками и громко разговаривалъ самъ съ собой, ходилъ, или, лучше сказать, бѣгалъ по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока вновь не бросился на колѣни.

— Вдохнови же меня, Христе, что мнѣ дѣлать, иначе я сойду съ ума!

Вдругъ до его ушей долетѣлъ звукъ выстрѣла. Лѣсное эхо отражало его отъ сосны до сосны и, наконецъ, принесло въ хату словно ударъ грома.

Кмицицъ всталъ и, схвативъ саблю, выбѣжалъ изъ комнаты.

— Что тамъ? — спросилъ онъ у солдата, стоящаго возлѣ порога.

— Выстрѣлъ, панъ полковникъ!

— Гдѣ Сорока?

— Поѣхалъ искать письма.

— Въ какой сторонѣ стрѣляли?

Солдатъ показалъ на восточную часть лѣса.

— Тамъ!

Вдали послышался конскій топотъ.

— Смотрѣть!—крикнулъ Кмицицъ.

Изъ зарослей показался Сорока, скачущій во всю прыть, а за нимъ и другой солдатъ. Оба соскочили съ коней и направили свои мушкеты къ зарослямъ.

— Что такое?—спросилъ Кмицицъ.

— Куча людей!—отвѣтилъ Сорока.

Глава II.

Наступила тишина, но вскорѣ въ заросляхъ что-то зашумѣло, словно то пробиралось стадо дикихъ кабановъ. Потомъ тишина воцарилась снова.

— Много ихъ тамъ?—спросилъ Кмицицъ.

— Человѣкъ шесть, а, можетъ быть, и восемь, я не могъ хорошенько сосчитать,—отвѣтилъ Сорока.

— Тогда наша взяла! Они не сладятъ съ нами!

— Не сладятъ, панъ полковникъ, только надо намъ кого-нибудь взять живымъ и поджарить, чтобъ указалъ дорогу.

— На все будетъ время. Берегись!

Едва Кмицицъ выговорилъ: «берегись!» какъ изъ зарослей показалась лента бѣлаго дыма и словно стая птицъ прошумѣла надъ головою пана Андрея.

— Дробью стрѣляютъ! — сказалъ Кмицицъ. — Если у нихъ нѣтъ мушкетовъ, ничего они съ нами не подѣлаютъ.

Сорока, держа одною рукой мушкетъ, положенный на сѣдло стоящей передъ нимъ лошади, сложилъ другую трубкой, приставилъ къ губамъ и закричалъ:

— Покажись кто-нибудь изъ зарослей, сейчасъ ногами задрыгаешь!

Черезъ нѣсколько минутъ изъ зарослей раздался громкій голосъ:

— Кто вы такіе?

— Лучше тѣхъ, что по большимъ дорогамъ грабятъ.

— По какому праву вы заняли наше жилище?

— Разбойникъ, а спрашиваетъ о правѣ! Вотъ васъ палачъ праву научитъ, къ палачу ступайте!

— Мы васъ выкуримъ отсюда, какъ барсуковъ!

— Иди, иди! Смотри только, какъ бы самому этимъ дымомъ не подавиться!

Голосъ въ заросляхъ замолкъ. Очевидно, нападающіе начали совѣщаться.

— Нужно кого-нибудь вызвать сюда, да связать,—шепнулъ Сорока на ухо Кмицицу,—вотъ у насъ будетъ и заложникъ, и проводникъ.

— Чего вы хотите?—спросилъ голосъ изъ зарослей.

Тогда заговорилъ самъ Кмицицъ:

— Какъ мы пріѣхали сюда, такъ бы и уѣхали, еслибъ ты, дуракъ, зналъ приличія и не начиналъ бы со стрѣльбы.

— Вы не усидите здѣсь, вечеромъ придутъ наши,—сто человѣкъ!

— Передъ вечеромъ придутъ двѣсти драгуновъ, а болота васъ не спасутъ. Тамъ есть и такіе, которые знаютъ дорогу, проѣдутъ, какъ и мы проѣхали.

— Такъ вы солдаты?

— Конечно, не разбойники.

— Изъ какой хоругви?

— А ты что за гетманъ? Не твое дѣло!

— Такъ говорите, чего вы хотите, черти бы васъ побрали! Зачѣмъ вы влѣзли въ нашу хату?

— Иди сюда! Горло цѣлѣй останется, не станешь его драть понапрасну. Ближе, ближе!

— А вдвоемъ можно?

— Можно.

Вскорѣ изъ зарослей вышло двое высокихъ и плечистыхъ людей. Одинъ, нѣсколько сгорбленный, долженъ былъ быть уже пожилымъ человѣкомъ, другой шелъ прямо; оба были одѣты въ полушубки, покрытые сѣрымъ сукномъ, какіе обыкновенно носила мелкая шляхта, высокіе кожаные сапоги и мѣховыя шапки, надвинутыя на глаза.

— Что за чортъ!—пробормоталъ Кмицицъ, присматриваясь къ нимъ.

— Панъ полковникъ!—крикнулъ Сорока, — вѣдь, это наши люди!

Тѣ подошли уже на нѣсколько шаговъ, но не могли видѣть стоящихъ у хаты,—ихъ закрывали кони.

Вдругъ Кмицицъ выступилъ впередъ, но приближающіеся и тутъ не узнали его (лицо Кмицица было обвязано платкомъ).

— А гдѣ другой твой сынъ, панъ Кемличъ?—спросилъ панъ Андрей.—Убитъ, что ли?

— Кто это? Что? Кто говоритъ? — перепугался старикъ и остановился на мѣстѣ съ широко раскрытыми глазами.

— Господи Ты Боже мой! Отецъ! Да это панъ полковникъ!— крикнулъ младшій, у котораго глаза были зорче.

— Іисусъ, о, сладчайшій Іисусъ! — заголосилъ старикъ,— такъ это панъ Кмицицъ!

— А, негодяи!—усмѣхнулся панъ Андрей,—такъ-то вы меня встрѣчаете?

Старикъ сошелъ со своего мѣста и закричалъ:

— Идите всѣ сюда, идите!

Изъ зарослей показалось еще нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ сынъ старика и смолокуръ; всѣ бѣжали сломя голову, съ оружіемъ въ рукахъ, но старикъ вновь закричалъ:

— На колѣни, шельмы, на колѣни! Это панъ Кмицицъ! Какой дуракъ тамъ стрѣлялъ? Подать его сюда!

— Да, вѣдь, вы же сами стрѣляли, — сказалъ молодой Кемличъ.

— Врешь, врешь, какъ собака! Кто могъ думать, панъ полковникъ, что это вы пожаловали къ намъ? О, Іисусъ!... Ужь и не знаю, чѣмъ мнѣ угощать васъ.

Тутъ онъ опять крикнулъ на сыновей:

— Пусть кто-нибудь одинъ изъ васъ, болвановъ, идетъ принести меду.

— Давайте ключъ!—сказалъ одинъ изъ сыновей.

Старикъ началъ отыскивать ключъ, подозрительно посматривая на сына.

— Ключъ тебѣ? Знаю я тебя, цыганъ: самъ больше выпьешь, чѣмъ сюда принесешь. Ключъ?... Лучше я самъ пойду... Ишь ты, ключъ ему занадобился! Подите, пни отвалите, а ужь принесу я самъ.

— Значитъ, погребъ-то у васъ пнями заваленъ, панъ Кемличъ?—спросилъ Кмицицъ.

— Да развѣ можно что-нибудь оставить съ такими разбойниками? Они и отца съѣсть готовы. Вы еще здѣсь? Идите пни отваливать! Такъ-то вы слушаетесь того, кто породилъ васъ на свѣтъ?... Прошу васъ, панъ полковникъ, въ хату.

Старый Кемличъ говорилъ необыкновенно пронзительнымъ и ворчливымъ голосомъ и все время безпокойно озирался по сторонамъ. То былъ старикъ огромнаго роста, костлявый, съ лицомъ вѣчно сердитымъ и недовольнымъ. Къ Кмицицу онъ относился съ подобострастіемъ, вспоминая, можетъ быть, старыя времена. Кмицицъ хорошо зналъ Кемличей. Отецъ и оба сына служили подъ его начальствомъ еще въ то время, когда онъ на собственный рискъ велъ войну съ Хованскимъ въ Бѣлоруссіи. То были храбрые, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свирѣпые солдаты. Среди проходимцевъ всѣхъ сортовъ, составлявшихъ отрядъ Кмицица, Кемличи отличались особенною жадностью. Особое пристрастіе чувствовали они къ лошадямъ, отбивали ихъ, гдѣ попало, и потомъ продавали въ городахъ и селеніяхъ. Отецъ дрался не хуже сыновей-близнецовъ, но послѣ каждой битвы регулярно отнималъ у нихъ лучшую часть добычи, жалуясь, притомъ, на всѣ манеры, что его обираютъ, и грозя отцовскимъ проклятіемъ. Сыновья ворчали на него, но, глуповатые по природѣ, не сопротивлялись. Несмотря на постоянныя ссоры, въ битвѣ они стояли другъ за друга горой, не щадя собственной крови. Товарищи не любили ихъ, но боялись, потому что въ раздраженіи они бывали просто страшны. Только одинъ Кмицицъ возбуждалъ въ нихъ неописанный страхъ.

Въ отрядѣ говорили, что они набрали много сокровищъ, но никто въ точности не зналъ, правда ли это. Однажды Кмицицъ выслалъ ихъ куда-то съ табуномъ коней, съ тѣхъ поръ они и исчезли. Кмицицъ думалъ, что ихъ убили, но солдаты утверждали, что они просто ушли съ лошадьми,—искушеніе было черезъ-чуръ велико. Теперь панъ Андрей увидалъ, что его солдаты были правы.

Войдя въ хату, онъ усѣлся на кровати и посмотрѣлъ прямо въ глаза старику.

— Кемличъ, а гдѣ мои лошади?—грозно спросилъ онъ.

— О, Іисусъ! О, сладчайшій Іисусъ!—простоналъ Кемличъ.—Солдаты Жултаренки забрали всѣхъ людей, изранили насъ, гнали цѣлыхъ шестнадцать миль, такъ что мы ушли еле живые.

О, Пресвятая Дѣва! Пригнали насъ сюда, въ эти лѣса, на голодъ и нищету, въ эту хату... Слава Богу, что вы живы и здоровы, хотя, какъ видно, ранены. О, сынки-то мои милые пошли пни отваливать и пропали. Что эти мерзавцы тамъ дѣлаютъ?... Голодъ и нищета у насъ,—больше ничего! Грибами питаемся, но для вашей милости найдется что выпить и закусить... Жултаренковы люди лошадей у насъ отняли, ограбили...

Въ это время въ комнату вошли двое младшихъ Кемличей, Козьма и Дамьянъ, парни огромные, нескладные, съ жосткими, щетинистыми волосами.

— Пни отвалили,—сказалъ Дамьянъ.

— Хорошо,—сказалъ старый Кемличъ,—пойду принесу меду.

Онъ многозначительно посмотрѣлъ на сыновей и сказалъ съ удареніемъ:

— А тѣхъ коней люди Жултаренки отняли.

Оставшись одинъ съ молодыми Кемличами, Кмицицъ вдругъ спросилъ:

— Что вы дѣлаете теперь?

— Лошадей беремъ!—въ одинъ голосъ отвѣтили близнецы.

— У кого?

— У кого случится, а больше у Жултаренки.

— Это хорошо, у непріятеля можно брать; но если вы отнимаете и у своихъ, то вы разбойники, а не шляхтичи. А что вы дѣлаете съ этими конями?

— Отецъ продаетъ въ Пруссіи.

— А у шведовъ вамъ приходилось отнимать, а? Они, конечно, защищались, ну, а вы тогда что дѣлали?

— Мы ихъ колотили.

— Ага, колотили! Значитъ, васъ знаютъ и у Жултаренки, и у шведовъ, и вамъ задаромъ не пройдетъ, если вы попадетесь къ нимъ въ руки!

Козьма и Дамьянъ молчали.

— Скверную ведете вы жизнь, болѣе достойную разбойниковъ, чѣмъ шляхты. Конечно, на васъ тяготѣютъ какіе-нибудь приговоры съ давнихъ лѣтъ?

— Какъ не быть!

— Я такъ и думалъ. Гдѣ вашъ отецъ жилъ прежде?

— Въ Боровичкѣ.

— Была у него деревушка?

— Была, въ одномъ владѣніи съ Копыстыньскимъ.

— А что съ нимъ сдѣлалось?

— Мы его убили.

— И должны были бѣжать отъ преслѣдованія? Туго вамъ придется, покончите вы жизнь на висѣлицѣ!

Двери отворились и въ комнату вошелъ старикъ съ бутылкой и двумя стаканами. Онъ безпокойно посмотрѣлъ на сыновей и пана Кмицица, а потомъ сказалъ:

— Ступайте, завалите погребъ.

Близнецы тотчасъ же ушли; отецъ налилъ одинъ стаканъ, въ ожиданіи, пока Кмицицъ позволитъ ему пить съ собою вмѣстѣ.

Но Кмицицъ и самъ не могъ пить; рана страшно мучила его. Старикъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Вы не позволите ли мнѣ осмотрѣть васъ? Я, вѣдь, это дѣло понимаю не хуже любаго цирульника.

Кмицицъ согласился и Кемличъ снялъ съ него повязку.

— Кожа ободрана, ничего! Хлѣба нужно приложить съ паутиной. Кто-то ужь очень близко выстрѣлилъ въ васъ, слава Богу, что не убилъ!

— Значитъ, мнѣ не то на роду написано. Сомни-ка поскорѣй хлѣба съ паутиной и приложи; мнѣ съ тобой потолковать надо.

Старикъ подозрительно поглядѣлъ на полковника, опасаясь, какъ бы опять рѣчь не зашла о несчастномъ табунѣ, отбитомъ козаками, но, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же размочилъ хлѣбъ, смѣшалъ его съ паутиной и приложилъ къ лицу пана Андрея.

Кмицицъ всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ, по временамъ останавливаясь передъ Кемличемъ и глядя на него разсѣянными глазами; очевидно, онъ что-то раздумывалъ, боролся со своими мыслями. Такъ прошло полчаса; старикъ все болѣе и болѣе безпокойно вертѣлся на своемъ мѣстѣ.

Вдругъ Кмицицъ остановился передъ нимъ.

— Панъ Кемличъ,—спросилъ онъ,—гдѣ тутъ ближе всего стоятъ хоругви, которыя взбунтовались противъ пана воеводы виленскаго?

Старикъ заморгалъ глазами.

— Говорятъ, что одна стоитъ въ Щучинѣ.

— Кто говоритъ?

— Сами солдаты изъ этой хоругви.

— Кто ею начальствуетъ?

— Панъ Володіёвскій.

— Хорошо. Позови мнѣ Сороку!

Старикъ вышелъ и черезъ минуту возвратился съ вахмистромъ.

— Письма нашлись?—спросилъ Кмицицъ.

— Нѣтъ, панъ полковникъ.

Кмицицъ щелкнулъ пальцами.

— Эхъ, горе какое! Можешь уйти, Сорока! За то, что вы потеряли письма, васъ слѣдовало бы повѣсить. Можешь уйти. Панъ Кемличъ, нѣтъ ли у тебя на чемъ писать? Хоть листа два бумаги и перо.

Старикъ скрылся за дверью чулана, который, очевидно, служилъ складомъ различныхъ вещей, и что-то надолго застрялъ тамъ. Кмицицъ во все это время ходилъ по комнатѣ и разсуждалъ самъ съ собой.

«Цѣлы ли письма, нѣтъ ли, — думалъ онъ, — гетманъ не знаетъ и будетъ бояться, чтобъ я не опубликовалъ ихъ. Я его держу въ рукахъ... Хитрость за хитрость! Я пригрожу, что отошлю ихъ воеводѣ витебскому. Именно! Дастъ Богъ, онъ испугается!»

Тутъ возвратился Кемличъ съ донесеніемъ, что бумага нашлась, но пера и чернилъ нѣтъ.

— Нѣтъ перьевъ? Развѣ въ здѣшнемъ лѣсу нѣтъ птицъ? Можно бы ихъ изъ ружья подстрѣлить.

Кемличъ торопливо выбѣжалъ изъ комнаты, потому что въ голосѣ Кмицица слышались какіе-то странные звуки, и вскорѣ возвратился съ ястребинымъ крыломъ въ рукахъ. Кмицицъ схватилъ его, вырвалъ перо и началъ очинивать его своимъ кинжаломъ.

— Ступай! — сказалъ онъ. — Легче срубить человѣку голову, чѣмъ очинить перо! А теперь нужны чернила.

Онъ заворотилъ рукавъ, прокололъ себѣ руку и обмочилъ перо въ крови.

Старикъ вышелъ изъ комнаты, а панъ Андрей принялся за письмо:

«Отнынѣ я отказываюсь отъ службы вашему сіятельству, потому что не хочу служить измѣнникамъ. А если я присягалъ на распятіи, что не оставлю васъ, то въ этомъ да проститъ меня Богъ,—хотя бы я и погубилъ свою душу, я предпочитаю горѣть въ вѣчномъ огнѣ за свою ошибку, чѣмъ за явную и сознательную измѣну отечеству и моему государю. Ваше сіятель-

ство обманули меня,—въ вашихъ рукахъ я былъ мечомъ, способнымъ проливать братскую кровь. Я призываю васъ на Божій судъ; пусть онъ рѣшитъ, на чьей сторонѣ была измѣна и на чьей чистыя намѣренія. Если же мы когда-нибудь встрѣтимся, я не посмотрю на то, что вы сильны и не только всякаго частнаго человѣка, но и цѣлую республику можете укусить на смерть,—и у меня есть сабля, а потому я вспомню о своей обидѣ и буду преслѣдовать ваше сіятельство по скольку мнѣ придадутъ силы мое горе и сознаніе перенесенной отъ васъ обиды. Вы знаете, ваше сіятельство, что я и безъ придворныхъ полковъ, безъ зȧмковъ и пушекъ могу доставить много хлопотъ. Пока хватитъ моихъ силъ, я буду мстить вамъ. Это вѣрно такъ же, какъ и то, что это письмо я пишу собственною кровью. У меня находятся письма вашего сіятельства,—письма, которыя могутъ васъ уличить не только въ измѣнѣ республикѣ, но и уронить во мнѣніи шведовъ, ибо вы ясно пишете, что готовы предать ихъ, коль скоро они поскользнутся. Вы хотите быть могущественнымъ, а я держу въ рукахъ вашу гибель (каждое письмо снабжено вашею печатью и собственноручною подписью). Я заявляю вашему сіятельству слѣдующее: если кто-нибудь изъ тѣхъ, кого я люблю и кто остался въ Кейданахъ, увидитъ малѣйшую непріятность, то я немедленно пошлю ваши подлинныя письма пану Сапѣгѣ, а копіи прикажу напечатать и распространить по всей странѣ. Хотите такъ: когда кончится война, вы отдадите мнѣ панну Биллевичъ, а я вамъ ваши письма? Вы хотите короны, но я не знаю, на что возможно будетъ возложить ее, когда ваша голова упадетъ отъ удара польскаго или шведскаго топора? Я, въ концѣ-концовъ, поручилъ бы васъ Богу, еслибъ не зналъ, что вы предпочитаете помощь дьявола. Кмицицъ».

«*P. S.* Конфедератовъ вашему сіятельству отравить не удастся: найдутся такіе люди, которые, переходя со службы дьявола на служеніе Богу, предупредятъ ихъ, чтобъ они не пили пива ни въ Орлѣ, ни въ Заблудовѣ».

Тутъ панъ Кмицицъ вскочилъ и началъ ходить по комнатѣ. Онъ былъ страшно взволнованъ. Письмо его къ Радзивиллу было просто-на-просто объявленіемъ войны, но панъ Андрей чувствовалъ въ себѣ необычайную силу и готовъ былъ хотя сію же минуту стать лицомъ къ лицу съ могущественнымъ родомъ, который потрясалъ цѣлою страной. Онъ, простой шляхтичъ, про-

стой рыцарь, онъ, изгнанникъ, преслѣдуемый закономъ, онъ, который не могъ ожидать помощи ни откуда, видѣлъ пророческимъ окомъ пораженіе князей Януша и Богуслава и свою побѣду. Какъ будетъ онъ вести войну, гдѣ найдетъ союзниковъ, какимъ образомъ побѣдитъ,—онъ не зналъ и даже не думалъ объ этомъ. Онъ только глубоко вѣрилъ, что поступаетъ согласно велѣніямъ совѣсти, что Богъ и правда будутъ на его сторонѣ. Ему дѣлалось легче, передъ нимъ словно открывались новыя страны, новые пути. Остается только сѣсть на коня и ѣхать впередъ, а тамъ онъ уже скоро достигнетъ чести, славы и Александры.

— Во всякомъ случаѣ, ни одинъ волосъ не спадетъ съ ея головы,—повторялъ онъ съ какою-то лихорадочною надеждой,—ее защитятъ письма... Гетманъ будетъ беречь ее, какъ зѣницу ока, какъ я самъ! Объ этомъ я уже озаботился. Я—червякъ, а жала моего испугаются.

Вдругъ въ голову ему пришла такая мысль:

— А если бы и къ ней написать? Посланецъ, который повезетъ письмо къ гетману, можетъ и ей отдать тайно лоскутокъ бумаги. Какъ не сказать ей, что я покончилъ съ Радзивилломъ и иду искать другой службы?

Онъ снова накололъ руку и началъ было писать: «Александра, я уже не въ лагерѣ Радзивилла, потому что, наконецъ, прозрѣлъ...», какъ вдругъ остановился.

— Нѣтъ, пусть отнынѣ за меня говорятъ мои дѣйствія, а не слова... Не стану писать!

Онъ разорвалъ листокъ бумаги и, вмѣсто того, написалъ короткое письмо къ Володіёвскому:

«Панъ полковникъ! Нижеподписавшійся предостерегаетъ васъ и вашихъ друзей. Гетманъ писалъ князю Богуславу и пану Гарасимовичу, чтобы васъ отравляли или убивали на ночлегахъ. Гарасимовича нѣтъ, онъ уѣхалъ съ княземъ Богуславомъ въ Пруссію, но такія же письма могли быть разосланы и къ другимъ управляющимъ. Также мнѣ извѣстно навѣрное, что гетманъ пойдетъ на васъ немедленно, какъ только получитъ помощь отъ генерала де-ла-Гарди. Остерегайтесь, какъ бы онъ не засталъ васъ врасплохъ и не перебилъ по одиночкѣ. Лучше всего просите воеводу витебскаго пріѣхать какъ можно скорѣе и принять васъ подъ свою команду. Вамъ совѣтуетъ искренно расположенный человѣкъ,—вѣрьте ему! А до тѣхъ поръ держитесь вмѣстѣ,

стоянки выбирайте другъ отъ друга поближе. У генерала конницы немного,—есть драгуны и люди Кмицица, да и то не надежные. Самого Кмицица уже нѣтъ, гетманъ далъ ему какое-то другое порученіе, потому что, кажется, не вѣритъ ему. Онъ не такой измѣнникъ, какъ говорятъ, онъ просто обманутый человѣкъ. Поручаю васъ Богу. Бабиничъ».

Бабиничъ—деревня, лежащая недалеко отъ Орши, съ давнихъ поръ принадлежащая фамиліи Кмицицовъ.

Теперь, когда Александра была обезпечена отъ мести князя, а конфедераты отъ неожиданнаго нападенія, панъ Андрей задалъ себѣ вопросъ: что дѣлать дальше?

Онъ порвалъ связь съ измѣнниками, сжегъ свои корабли и съ этой минуты хочетъ служить отечеству, принести ему въ жертву свои силы, здоровье, жизнь,—но какъ это сдѣлать? Съ чего начать? Къ чему приложить руки?

Пойти къ конфедератамъ? А если его не примутъ, объявятъ измѣнникомъ и казнятъ, или, что еще горше, выгонятъ вонъ?

— Лучше пусть казнятъ!—крикнулъ панъ Андрей и вспыхнулъ отъ стыда и сознанія собственнаго позора. — Кажется, спасти Александру и конфедератовъ легче, чѣмъ свою честь.

Вотъ тутъ-то и начиналось самое затрудненіе.

— Да развѣ я не могу дѣйствовать по-старому, какъ прежде съ Хованскимъ?—сказалъ онъ самому себѣ.—Соберу шайку и буду рѣзать шведовъ. Не въ новинку мнѣ! Никто не сопротивляется имъ,—я одинъ буду сопротивляться... Придетъ минута и, какъ нѣкогда Литва, вся республика спроситъ: кто этотъ рыцарь, который одинъ осмѣливается влѣзать въ самую пасть льва? Тогда я сниму шапку и скажу: «Смотрите, это я, Кмицицъ!»

И его такъ потянуло на кровавую работу, что онъ уже хотѣлъ было идти изъ комнаты, чтобы приказать садиться на лошадей своимъ солдатамъ и Кемличамъ и ѣхать.

Но прежде чѣмъ дойти до двери, онъ почувствовалъ, что какая-то сила толкнула его въ грудь и отпихнула отъ порога. Онъ остановился посрединѣ комнаты и оглянулся вокругъ удивленными глазами.

— Какъ же это такъ? А мои грѣхи такъ и останутся неискупленными?

«Гдѣ покаяніе за преступленія? — спросила его совѣсть.— Тутъ нужно совсѣмъ другое».

— Что?—спросилъ Кмицицъ.

«Чѣмъ ты можешь загладить свои вины, если не подвигомъ,—подвигомъ тяжелымъ, страшнымъ, безкорыстнымъ и чистымъ, какъ слеза?... Развѣ это подвигъ—собрать шайку мерзавцевъ и носиться съ ними, какъ вихрь, по полямъ и лѣсамъ? Не привлекаетъ ли тебя къ себѣ эта цѣль такъ, какъ пса манитъ къ себѣ кусокъ окровавленнаго мяса? Это—забава, а не подвигъ, не спасеніе отчизны, а разбой! Ты дѣйствовалъ такъ противъ Хованскаго, и чего же добился, въ концѣ-концовъ? Разбойники, что кроются въ лѣсахъ, также готовы нападать на шведскіе полки, а откуда ты возьмешь другихъ людей? Шведамъ ты можешь надѣлать хлопотъ, но еще больше зла доставишь своимъ соотечественникамъ. Такъ вотъ чѣмъ ты думаешь замѣнить постъ и покаяніе!»

Такъ говорила совѣсть въ панѣ Кмицицѣ, а панъ Кмицицъ видѣлъ, что она права, и его разбирала злоба на собственную совѣсть: какъ она можетъ такъ прямо высказывать горькую правду?

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ.—Кто мнѣ посовѣтуетъ, кто спасетъ меня?

Тутъ колѣни его невольно согнулись и изъ груди вырвался громкій, искренній вопль:

— О, Боже милосердый! Ты, Который на крестѣ сжалился надъ разбойникомъ, сжалься теперь и надо мною. Я жажду омыть себя отъ прежнихъ грѣховъ, начать новую жизнь и вѣрно служить своей отчизнѣ, но не знаю какъ, ибо блуждаю во мракѣ. Господи, я служилъ измѣнникамъ не по злобѣ, но по невѣдѣнію; освѣти меня, вдохнови, утѣшь и спаси, милосердія Твоего ради...

Панъ Андрей началъ бить себя въ грудь.

— А Ты, Пречистая Дѣва, вступись за меня передъ Своимъ Сыномъ, приди на помощь, не оставляй меня въ горѣ и отчаяніи моемъ, дабы я могъ служить Тебѣ, отомстить за Твое поношеніе, а въ минуту моей смерти будь покровительницей несчастной души моей!

Панъ Кмицицъ молился и не чувствовалъ, какъ изъ глазъ его падаютъ крупныя, частыя слезы. Наконецъ, онъ склонился головой на кровать и застылъ въ одномъ положеніи. Въ комнатѣ воцарилась тишина; слышно было только, какъ за окномъ

шептались могучія сосны. Вотъ раздались чьи-то тяжелые шаги и чей-то голосъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, панъ вахмистръ, куда мы теперь поѣдемъ?

— А я почемъ знаю!—отвѣтилъ Сорока.—Поѣдемъ, да и только! Куда? Можетъ быть, къ королю, что теперь стонетъ подъ шведскою рукой.

— Правда ли, что его всѣ оставили?

— Правда, только Господь Богъ не оставилъ.

Кмицицъ вскочилъ на ноги. Лицо его было ясно и спокойно. Онъ подошелъ къ дверямъ и крикнулъ:

— Готовить лошадей! Пора въ путь!

Глава III.

Солдаты были рады выѣхать изъ лѣса, тѣмъ болѣе, что боялись погони князя Богуслава. Старикъ Кемличъ самъ пошелъ въ хату, предчувствуя, что раньше или позже, а его все равно позовутъ.

— Вы хотите ѣхать?—спросилъ онъ, входя.

— Да. Ты выведешь меня изъ лѣсу. Мѣстность эта знакома тебѣ?

— Знакома. Я здѣшній... А куда вы хотите ѣхать?

— Къ королю.

— Пресвятая Дѣва!—изумился старикъ.—Къ какому же это?

— Ужь, конечно, не къ шведскому.

Кемличъ началъ креститься.

— Такъ развѣ вы не знаете, что король бѣжалъ въ Силезію, что его всѣ оставили? Даже Краковъ осажденъ.

— Поѣдемъ въ Силезію.

— А какъ мы проберемся черезъ шведовъ?

— По-шляхетски ли, по-мужицки ли, на сѣдлѣ или пѣшкомъ, все равно, только бы пробраться.

Кемличъ пересталъ удивляться. Онъ зналъ о роли и значеніи Кмицица при дворѣ Радзивилла. Понятно, Радзивиллъ хочетъ помириться съ королемъ и теперь посылаетъ пана Кмицица... Отчего и не услужить такимъ лицамъ, какъ Кмицицъ, Радзивиллъ и король?... Безъ награды не останешься, а заступничество... охъ, куда какъ пригодится, въ случаѣ, если придется отдавать отчетъ въ старыхъ грѣхахъ. Загорится война, а тутъ добыча

ужь сама въ карманъ полѣзетъ. Все это улыбалось Кемличу, который и безъ того привыкъ безпрекословно слушаться своего стараго начальника.

— Ну, да, ты поѣдешь со мной и сыновья твои поѣдутъ.

— Конечно, если вы прикажете, я поѣду; человѣкъ я маленькій, убогій... Хату свою бросить придется, пожитки...

— Я заплачу за все, да и вамъ лучше будетъ убраться отсюда, пока голова ваша цѣла на плечахъ.

— Святые угодники! Что вы говорите, панъ полковникъ?... Что можетъ грозить невиннымъ?

— Невиннымъ!—расхохотался панъ Андрей.—Знаю я васъ! Сначала вы владѣли вмѣстѣ съ Копыстынскимъ однимъ имуществомъ, потомъ убили его, убѣжали отсюда и служили у меня, потомъ увели мой табунъ...

— Боже ты мой, Боже!

— А теперь разбойничаете по дорогамъ, грабите всѣхъ, кто попадется подъ руку... Молчи, не оправдывайся, я все знаю,— твои же сыновья разсказали... Ну, грабили бы шведовъ, а то своихъ!... Стыдно, не шляхетское это дѣло!... Ты поѣдешь со мной, вѣрною службой загладишь свои вины и возстановишь честь. Я беру васъ къ себѣ на службу, а ты самъ знаешь, что служить у меня куда какъ выгоднѣй, чѣмъ воровать лошадей.

Глаза Кемлича противъ воли засверкали.

Кмицицъ замѣтилъ это и грозно сказалъ:

— Не пытайся только измѣнить мнѣ! Я тебя найду повсюду и всегда, только одинъ Богъ можетъ спасти тебя.

— Вотъ ужь это напрасно говорите, — глухо сказалъ Кемличъ.—Пусть меня Богъ покараетъ, если у меня явится такая мысль.

— Вѣрно, — послѣ короткаго молчанія сказалъ Кмицицъ,— измѣна еще не то, что разбой, и не одинъ разбойникъ остановится передъ измѣной.

— Что вамъ угодно будетъ приказать теперь? — спросилъ Кемличъ.

— Прежде всего, нужно отправить вотъ эти два письма. Одно къ князю воеводѣ... Пусть посланный отдастъ первой княжеской хоругви и возвращается назадъ. Отвѣта не нужно.

— Смолокуръ отвезетъ; онъ человѣкъ бывалый.

— Хорошо. Другое—въ Подлясье: спросить, гдѣ стоитъ ляуданская хоругвь пана Володіёвскаго, и отдать ему лично.

— Если это письмо не особенно спѣшное, то, выѣхавши изъ лѣса, мы можемъ отдать кому-нибудь по дорогѣ. Шляхта то и дѣло ѣдетъ въ лагерь къ конфедератамъ.

— Пусть будетъ такъ. А теперь слушай меня внимательно.

— Слушаю, слушаю, панъ полковникъ.

— Меня ославили повсюду за злодѣя, союзника гетмана и шведовъ. Если король узнаетъ, кто я, то не повѣритъ мнѣ, хотя самъ Богъ видитъ мою искренность. Ты понимаешь, Кемличъ?

— Понимаю, панъ полковникъ.

— Поэтому я называюсь не Кмицицъ, а Бабиничъ,—понимаешь? Настоящаго моего имени знать никто не долженъ. Чтобъ у меня языкъ держать за зубами! Если спросятъ, кто я, скажешь, что присоединился къ вамъ на дорогѣ, а откуда — не знаешь; поди, молъ, самъ спроси. Сыновьямъ и челяди скажешь то же самое. Хотя бы съ нихъ шкуру снимали, пусть я, все-таки, останусь Бабиничемъ. Вы мнѣ за это головой своей отвѣчаете!

— Такъ и будетъ. Пойду сыновьямъ скажу; этимъ дуракамъ нужно дубиной въ голову вколачивать. Далъ Господь радость... за грѣхи, вѣрно... Только вотъ что... не позволите ли вы мнѣ сказать еще одно слово?

— Говори.

— Не лучше ли намъ не сказывать солдатамъ, куда мы ѣдемъ?

— Конечно.

— Потомъ, не скрыть ли намъ ваше положеніе? Шведы даютъ пропускныя грамоты только важнымъ людямъ, а безъ грамотъ ведутъ прямо къ коменданту.

— У меня есть пропускныя грамоты къ шведскимъ комендантамъ.

Кемличъ постарался скрыть свое удивленіе при этихъ словахъ и только сказалъ:

— Грамоты нужно показывать только въ случаѣ особенной надобности; но если вы ѣдете по секретному дѣлу, то лучше держать ихъ при себѣ. Не знаю, выданы ли онѣ на имя Бабинича, или пана Кмицица, показать ихъ — значитъ оставить за собой слѣдъ и облегчить погоню.

— Очень умно! — воскликнулъ Кмицицъ. — Дѣйствительно, лучше спрятать ихъ до поры до времени, если только можно и безъ нихъ пробраться.

— Можно, ваша милость, только въ мужицкомъ платьѣ, или небогатымъ шляхтичемъ нарядиться; у меня все это есть,— шапки, старые полушубки и прочее. Возьмемъ мы десятокъ лошадей и будемъ забираться все въ глубь, къ Варшавѣ, точно будто бы съ ярмарки на ярмарку ѣздимъ. Шведы на насъ вниманія обращать не станутъ,—мало ли народу разъѣзжаетъ по дорогамъ?

— А если у насъ отберутъ лошадей? Въ военное время реквизиція вещь обыкновенная.

— Или купятъ, или отберутъ. Купятъ, тогда мы поѣдемъ въ Субботу не съ лошадьми, а за лошадьми; отберутъ—поѣдемъ жаловаться въ Варшаву или въ Краковъ.

— А гдѣ эта Суббота?

— Не далеко отъ Пятницы, ваша милость.

— Ты шутишь, Кемличъ!

— Помилуйте, смѣю ли я? Такъ называются эти мѣстечки. За Ловичемъ они; ярмарки тамъ бываютъ, народъ отовсюду съѣзжается, даже изъ Пруссіи лошадей приводятъ.

— Хорошо, я принимаю твой планъ. Мы поѣдемъ съ лошадьми, за которыхъ я заплачу тебѣ раньше, чтобъ не вводить тебя въ убытокъ... Приготовь полушубки, шапки и простыя сабли, мы ѣдемъ сейчасъ. Ступай... Подожди: предупреди, чтобъ меня никто не называлъ ни вашею милостью, ни паномъ полковникомъ, а просто Бабиничемъ!

Кемличъ вышелъ, а спустя часъ всѣ сидѣли уже на коняхъ, готовые пуститься въ дальнюю дорогу.

Пана Кмицица было невозможно узнать въ его убогой свиткѣ, въ шапкѣ съ вытертымъ бараньимъ верхомъ и съ завязаннымъ лицомъ. Точь въ точь мелкій шляхтичъ послѣ трактирной драки.

Солдаты съ изумленіемъ посматривали на своего полковника, въ особенности Сорока, который никакъ не могъ примириться съ своимъ новымъ положеніемъ и ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Не могу я его называть такъ, хоть что хочешь! Убей меня, а все я ему отдамъ честь по-старому, какъ слѣдуетъ!

— Что дѣлать? Приказано, такъ нужно слушать!— сказалъ Бѣлоусъ.—Сильно измѣнился нашъ полковникъ!

Солдаты не знали, что и душа пана Андрея измѣнилась едва ли не больше его наружности.

— Пошелъ!—крикнулъ панъ Бабиничъ.

Всадники окружили маленькій табунъ и погнали его впередъ.

Глава IV.

Держась пограничной черты, отдѣляющей Троцкое воеводство отъ Пруссіи, наши всадники пробирались цѣликомъ по лѣсу и, наконецъ, дошли до Лэнга, маленькаго городка, лежащаго уже за границей.

Лэнгъ напоминалъ не то лагерь, не то мѣсто съѣзда какого-то сеймика. Шляхта вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и имуществомъ, укрывшаяся отъ шведовъ подъ власть электора, распивала въ корчмахъ прусское пиво и обсуждала послѣднія политическія новости. Не разспрашивая ни о чемъ и только прислушиваясь къ разговорамъ, панъ Бабиничъ узналъ, что королевская Пруссія рѣшительно объявила себя на сторонѣ Яна Казиміра и заключила съ электоромъ договоръ сопротивляться всякому врагу. Говорили, что, несмотря на договоръ, большіе города не хотѣли впускать княжескіе гарнизоны, опасаясь, какъ бы хитрый князь не завладѣлъ ими вовсе или въ рѣшительную минуту не примирился бы со шведами.

Шляхта ворчала на подобное недовѣріе горожанъ и пану Андрею, знающему о сношеніяхъ электора съ Радзивилломъ, стоило много труда воздерживаться, чтобъ не раскрыть всѣхъ ихъ тайнъ. Онъ во-время сообразилъ, что убогому шляхтичу не слѣдъ вмѣшиваться въ разрѣшеніе сложныхъ политическихъ вопросовъ, надъ которыми и болѣе опытные люди безъ толку ломали свои головы.

Продавъ пару старыхъ лошадей и пріобрѣтя новыхъ, Кмицицъ поѣхалъ вдоль прусской границы, по большой дорогѣ въ Щучинъ, лежащій въ самомъ углу Мазовецкаго воеводства. Въ самый Щучинъ панъ Андрей не хотѣлъ заѣзжать. Онъ узналъ, что тамъ стоитъ хоругвь конфедератовъ и этою хоругвью предводительствуетъ панъ Володіёвскій. Какъ ему показаться на глаза славнаго воина? Словамъ его не повѣрятъ, а на дѣлѣ онъ еще не успѣлъ проявить себя... И панъ Кмицицъ приказалъ свернуть на западъ, въ сторону Вонсочи.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вонсочи стояла корчма, гдѣ панъ Андрей и рѣшилъ остановиться на ночлегъ, тѣмъ болѣе, что въ корчмѣ, кромѣ хозяина, никого не было.

Но едва только Кмицицъ съ тремя Кемличами и Сорокой сѣли за ужинъ, на дорогѣ послышался стукъ колесъ и топотъ лошадей.

Кмицицъ вышелъ посмотрѣть, не ѣдетъ ли это шведскій отрядъ, но, вмѣсто шведовъ, увидалъ бричку, за ней два воза съ поклажей и нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ.

Съ перваго же взгляда было видно, что это ѣдетъ какая-то важная особа. Бричка была запряжена четверкой отличныхъ лошадокъ, на козлахъ сидѣлъ кучеръ рядомъ съ гайдукомъ, одѣтымъ въ венгерку, а на главномъ мѣстѣ самъ панъ, въ волчьей шубѣ безъ рукавовъ, застегнутой на позолоченныя пуговицы.

Панъ, несмотря на свою важность, былъ еще очень молодъ,—лѣтъ двадцати съ небольшимъ. По его толстому, красноватому лицу и всей фигурѣ можно было замѣтить, что онъ не особенно много постится.

Бричка остановилась. Панъ увидалъ Кмицица у порога, махнулъ ему рукой и крикнулъ:

— Поди-ка сюда, любезный!

Кмицицъ, вмѣсто того, чтобъ приблизиться, ушелъ назадъ въ корчму и сѣлъ снова за ужинъ. Незнакомый панъ вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Отчего никто не выходитъ, когда я зову?—спросилъ онъ.

— Хозяинъ ушелъ въ подвалъ, а мы такіе же пріѣзжіе, какъ и вы,—сказалъ Кмицицъ.

— Благодарю за объясненіе. А кто вы такіе?

— Шляхтичи, съ лошадьми идемъ.

— Тогда бью челомъ. Позвольте и мнѣ присѣсть къ вамъ за столъ.—Панъ просилъ позволенія присѣсть такимъ тономъ, какъ будто бы былъ увѣренъ, что ему никто не откажетъ. Онъ не ошибся, потому что Кмицицъ вѣжливо отвѣтилъ ему:

— Усерднѣйше просимъ васъ, хотя и не знаемъ, чѣмъ угостить. У насъ только горохъ съ колбасой.

— Ну, у меня въ погребцѣ, положимъ, и получше нѣчто найдется,—не безъ гордости промолвилъ молодой панъ,—но для солдатскаго желудка и горохъ съ колбасой недурно, въ особенности если его запить хорошенько.

Съ этими словами (а говорилъ онъ очень медленно и важно) онъ усѣлся за столъ и, видя, что Кмицицъ подвинулся, прибавилъ ласково:

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста, любезнѣйшій! Въ дорогѣ на званіе и положеніе человѣка вниманія не обращаютъ, а еслибъ вы меня и толкнули локтемъ, отъ этого корона съ моей головы не свалится.

Кмицицъ, который въ это время подавалъ незнакомцу миску съ горохомъ, непремѣнно разбилъ бы ее объ голову молодаго пана, еслибъ его не разбиралъ смѣхъ. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Теперь такія времена, ваша милость, что и съ высочайшихъ головъ падаютъ короны, напримѣръ, нашъ король Янъ Казиміръ, который по праву можетъ носить двѣ короны, а носитъ только одинъ терновый вѣнецъ.

Незнакомецъ проницательно посмотрѣлъ на Кмицица и вздохнулъ.

— Теперь такія времена, что говорить о нихъ можно только съ испытанными друзьями... А вы это очень ловко сказали. Должно быть, вы служили при хорошихъ дворахъ, набрались коечего.

— Приходилось толкаться между людьми, слышать многое... Только я ни у кого не служилъ.

— А скажите, откуда вы родомъ?

— Изъ Троцкаго воеводства.

— А-а! Ну, что слышно на Литвѣ?

— По-старому; въ измѣнникахъ недостатка нѣтъ.

— Измѣнниковъ, вы говорите, любезнѣйшій? А что же это за измѣнники?

— Тѣ, которыя отступились отъ короны и республики.

— А какъ поживаетъ князь воевода виленскій?

— Болѣнъ, говорятъ: духъ захватываетъ.

— Дай Богъ ему здоровья; хорошій онъ человѣкъ.

— Для шведовъ развѣ хорошъ, потому что ворота имъ настежь отворилъ.

— Вы, кажется, не принадлежите къ числу его партизановъ?

Кмицицъ замѣтилъ, что панъ выпытываетъ изъ него правду.

— Э, что мнѣ за дѣло!—отвѣтилъ онъ,—пусть другіе думаютъ объ этомъ... Я боюсь только, чтобы шведы лошадей моихъ не забрали.

— Тогда нужно было сбыть ихъ на мѣстѣ. Говорятъ, на Подлясьѣ стоятъ хоругви, что взбунтовались противъ гетмана, и что будто бы у нихъ лошадей мало... Я вотъ и самъ въ Щучинъ ѣду.

— И вы также бѣжите отъ шведовъ?

Незнакомецъ посмотрѣлъ на Кмицица и спросилъ флегматично:

— Почему это вы говорите *также*, если сами не только не бѣжите отъ нихъ, но еще разсчитываваете продавать имъ лошадей, если они не возьмутъ ихъ у васъ силой?

Кмицицъ пожалъ плечами.

— Я говорилъ *также* потому, что въ Лэнгѣ видѣлъ много бѣглецовъ. Что же касается меня, то еслибъ имъ всѣ прислуживали такъ же, какъ я служить намѣренъ, то имъ недолго бы пришлось усидѣть на мѣстѣ.

— Но если вы такъ не любите шведовъ, то зачѣмъ вамъ удаляться отъ тѣхъ хоругвей, которыя оставили гетмана? Тамъ не мало достойныхъ людей, которые не захотѣли промѣнять своего государя на другого, и число ихъ ростетъ съ каждымъ часомъ. Вы идете изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ шведовъ еще не знаютъ, а вотъ здѣсь отъ нихъ кровавыми слезами плачутъ. Напримѣръ, генералъ Стенбокъ заявлялъ, что всякій можетъ сидѣть спокойно въ своемъ домѣ, что никто не тронетъ мирныхъ жителей. Какже! Генералъ одно, а подначальные другое,—жители всѣ умираютъ со страха за свою жизнь и имущество. Каждому хочется пользоваться трудами рукъ своихъ, а тутъ явится первый пришлецъ и давай ему. А не дашь, онъ на тебя вину какую-нибудь взвалитъ... Хорошо еще, если послѣ этого у тебя отберутъ все имущество, а то и голову съ плечъ долой. Теперь всѣ жалѣютъ о прежнемъ государѣ и смотрятъ на конфедератовъ, точно ожидаютъ отъ нихъ спасенія для себя и для отчизны...

— Ваша милость, кажется, тоже не особенно желаетъ добра шведамъ?—спросилъ Кмицицъ.

Незнакомецъ пугливо осмотрѣлся вокругъ, но потомъ успокоился и проговорилъ:

— Я желаю, чтобъ они всѣ подохли, и не скрываю этого отъ васъ, потому что вы кажетесь мнѣ человѣкомъ хорошимъ, а если я и ошибаюсь, то вы, все-таки, меня не свяжете и шведамъ не отдадите, потому что у меня есть сабля... и прислуга вооруженная, наконецъ...

— Вы можете быть совершенно спокойны; я не сдѣлаю этого. Напротивъ, мнѣ очень нравится, что вы оставили даже свою собственность, которая непремѣнно достанется въ руки непріятеля. Я очень одобряю вашу любовь къ отечеству.

Кмицицъ заговорилъ покровительственнымъ тономъ, вовсе не свойственнымъ мелкому шляхтичу, но молодой панъ не обра-

тилъ на это особаго вниманія и только хитро подмигнулъ глазами.

— Что я, дуракъ, что ли? У меня первое правило, чтобъ мое не пропадало: что Богъ послалъ, то надо беречь. Я сидѣлъ тихо около своихъ овиновъ и амбаровъ и только когда продалъ свою движимость,. то подумалъ: пора въ дорогу! Пускай теперь мнѣ мстятъ, пусть забираютъ, что̀ имъ понравится.

— Но вы оставили, во всякомъ случаѣ, землю и постройки?

— Какъ бы не такъ! Я арендую вонсоцкое староство у воеводы мазовецкаго, а теперь подходитъ срокъ моему контракту. Я ему послѣдней платы не внесъ, и не внесу, ей-Богу не внесу! Говорятъ, и панъ воевода мазовецкій тянетъ на шведскую руку. Пусть за мной аренда пропадетъ, а денежки мнѣ пригодятся.

Кмицицъ расхохотался.

— О, чтобъ васъ!... По всему видно, что вы не только храбрый человѣкъ, но и ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ!

— А какъ же иначе? Ловкость — это главное! Но я не о ловкости говорю съ вами. Отчего вы, сочувствуя отечеству и покинутому королю, не пойдете на Подлясье и не присоединитесь къ конфедератамъ? И Богу можете угодить, и себѣ карьеру составить,—мало ли случаевъ бывало, что бѣдный человѣкъ выходилъ изъ войны богатымъ? Я замѣчаю, что вы человѣкъ смѣлый и рѣшительный, и скоро можете разбогатѣть, если Господь пошлетъ хорошую добычу. Нужно только не тратить безъ толку то, что попадетъ въ руки,—вотъ мѣшокъ-то и будетъ наполняться мало-по-малу. Не знаю я, есть ли у васъ какая-нибудь деревушка, или нѣтъ, но при деньгахъ не трудно и арендовать что-нибудь, а тамъ и до собственнаго владѣнія недалеко. И такъ, изъ захудалаго шляхтича вы можете сдѣлаться человѣкомъ, какъ слѣдуетъ, служить по выборамъ, только бы труда не боялись.

Кмицицъ еле удерживался, чтобъ не расхохотаться.

— Васъ тамъ примутъ непремѣнно; тамъ люди нужны... Да что тутъ толковать? Вы мнѣ очень понравились и я беру васъ подъ свое покровительство.

Тутъ молодой человѣкъ гордо поднялъ голову и началъ разглаживать свои усы.

— Хотите быть моимъ оруженосцемъ? Будете носить мое оружіе и смотрѣть за прислугой.

Кмицицъ не выдержалъ и разразился веселымъ смѣхомъ.

— Чему это вы смѣетесь?—наморщилъ брови незнакомецъ.

— Очень ужь я обрадовался вашему предложенію.

Но молодой панъ разсердился не на шутку.

— Дуракъ тотъ, у кого вы переняли эти манеры. Нужно знать, съ кѣмъ говорите, и не переходить границъ приличія.

— Простите, простите! — весело началъ извинятъся Кмицицъ,—я не имѣю чести...

— Я—панъ Жендзянъ изъ Вонсочи!—съ гордостью перебилъ панъ.

Кмицицъ открылъ было ротъ, чтобы сказать свою вымышленную фамилію, какъ двери отворились и въ комнату поспѣшно вошелъ Бѣлоусъ.

— Панъ комен...

Кмицицъ грозно посмотрѣлъ на него, солдатъ смѣшался и докончилъ:

— Тамъ люди какіе-то идутъ... изъ Щучина.

Кмицицъ вздрогнулъ, но тотчасъ же оправился.

— Смотрѣть въ оба! А много ихъ?

— Человѣкъ десять.

— Если правда, что въ Щучинѣ стоитъ панъ Володіёвскій, то это, вѣроятно, его отрядъ,—сказалъ Жендзянъ.

Панъ Андрей прошелся по комнатѣ и сѣлъ въ самомъ темномъ углу. Въ сѣняхъ послышались шаги и въ комнату вошли нѣсколько человѣкъ.

Кмицицъ увидалъ перваго и сердце тревожно забилось въ его груди. То былъ Юзва Бутримъ, по прозванію Безногій.

— Эй, хозяинъ,—закричалъ онъ,—овса лошадямъ!

— У меня нѣтъ овса,—отвѣтилъ хозяинъ,—вотъ развѣ эти господа дадутъ.

И онъ указалъ на Жендзяна и Кмицица.

— Кто эти люди?—спросилъ Жендзянъ.

— А ты самъ кто таковъ?

— Староста вонсоцкій.

(Жендзяна, арендатора староства, его собственная прислуга звала старостой, и онъ привыкъ къ этому титулу).

Юзва Бутримъ смѣшался, узнавъ, съ какою важною персоной имѣетъ дѣло, и снялъ шапку съ головы.

— Ляуданцы, изъ бывшей хоругви Биллевича, а нынѣ пана Володіёвскаго.

— Ну? Такъ панъ Володіёвскій въ Щучинѣ?

— Какже, и съ другими полковниками. Тамъ панъ Оскерко и панъ Ковальскій и двое Скшетускихъ.

— Какихъ Скшетускихъ?—воскликнулъ Жендзянъ.—Одинъ изъ нихъ не изъ Бурца ли?

— Не знаю, говорятъ, збаражецъ.

— Батюшки, мой панъ!

Тутъ Жендзянъ поправился:

— Мой панъ кумъ, хотѣлъ я сказать.

У Кмицица въ головѣ одна мысль быстро смѣнялась другою. Прежде всего, его душа возмутилась при видѣ грознаго Бутрима и рука невольно схватилась за саблю. Прежній Кмицицъ тотчасъ приказалъ бы разорвать конями своего врага и убійцу его друзей, но теперешній панъ Бабиничъ сдержался. Даже больше, его пугала мысль, что если его узнаютъ, то могутъ помѣшать осуществленію его намѣреній. Онъ опустилъ голову на руки, точно его клонилъ сонъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, шепнулъ сидящему рядомъ Сорокѣ:

— Распорядись, чтобъ лошади были наготовѣ. Ночью мы поѣдемъ.

Кмицицъ показывалъ видъ, что дремлетъ, а воспоминанія такъ и тѣснились въ его головѣ. Люди эти напомнили ему Ляуду, Водокты и то недалекое прошлое, которое минуло, какъ сонъ. Когда Юзва сказалъ, что служилъ въ хоругви Биллевича, у пана Андрея дрогнуло сердце. И пришло ему на память, что въ такой же самый вечеръ, когда въ каминѣ горѣлъ яркій огонь, онъ, точно снѣгъ на голову, свалился въ Водокты и въ первый разъ увидалъ Александру посреди пряхъ.

Сквозь закрытыя рѣсницы онъ видѣлъ какъ на-яву эту ясную, спокойную дѣвушку, вспомнилъ, какъ она хотѣла быть его ангеломъ-хранителемъ, уберечь отъ зла, показать прямую, вѣрную дорогу. О, еслибъ онъ послушался ее, еслибъ онъ послушался ее!... Она знала, что дѣлать, на чьей сторонѣ стоять; она знала, гдѣ правда, долгъ, просто взяла бы его за руку и повела бы, еслибъ онъ захотѣлъ ее слушать.

И любовь такъ заговорила въ сердцѣ пана Андрея, что онъ готовъ былъ отдать до капли всю свою кровь, чтобъ упасть къ ногамъ этой дѣвушки, готовъ былъ обнять этого ляуданскаго медвѣдя, который перебилъ его друзей, и все это потому, что онъ былъ изъ тѣхъ мѣстъ, зналъ Биллевичей и видалъ Александру.

Изъ задумчивости пробудило его только собственное имя, которое Юзва Бутримъ повторилъ нѣсколько разъ. Юзва разсказывалъ Жендзяну о томъ, что произошло въ Кейданахъ со дня приснопамятнаго соглашенія гетмана со шведами, о сопротивленіи войска, объ арестѣ полковниковъ и ихъ счастливомъ спасеніи. Имя Кмицица повторялось нѣсколько разъ съ весьма нелестными эпитетами. Потомъ разговоръ перешелъ на пана Володіёвскаго и хоругви, стоящія въ Подлясьѣ.

— Насчетъ продовольствія плохо,—жаловался Бутримъ,—вотъ полковники и рѣшили раздѣлиться человѣкъ по сту и стать въ милѣ или двухъ другъ отъ друга. А какъ придетъ зима, я ужь и не знаю что будетъ.

Тутъ Кмицицъ не вытерпѣлъ и сказалъ изъ своего темнаго угла:

— Вотъ васъ гетманъ и передушитъ всѣхъ по-одиночкѣ.

Въ это время двери отворились и Сорока на минуту остановился на порогѣ. Юзва Бутримъ посмотрѣлъ на него и спросилъ у Жендзяна:

— Это вашъ человѣкъ?... Я его видѣлъ гдѣ-то.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Жендзянъ,—это шляхтичи, ѣздятъ съ лошадьми по ярмаркамъ.

— Куда ѣдете?—спросилъ Юзва.

— Въ Субботу.

— А гдѣ эта Суббота?

— Возлѣ Пятницы.

Юзва разсердился и нахмурилъ брови.

— Отвѣчай, коли спрашиваютъ!

Кмицицъ, опасаясь, какъ бы не вышло какого-нибудь недоразумѣнія, поспѣшилъ на помощь:

— Не сердитесь, панъ солдатъ; Пятница и Суббота, это села, гдѣ бываютъ конныя ярмарки. Не вѣрите, такъ спросите у пана старосты, онъ знаетъ.

— Какже, есть такія!—сказалъ Жендзянъ.

— Если такъ, то другое дѣло!—проговорилъ Юзва.—Да зачѣмъ вамъ ѣхать туда? Вы и въ Щучинѣ можете сбыть ихъ; у насъ въ лошадяхъ большой недостатокъ.

— Всякій ѣдетъ туда, гдѣ ему лучше,—уклончиво отвѣтилъ Кмицицъ.

— Я не знаю, гдѣ вамъ лучше, но намъ-то вовсе не вы-

годно, чтобъ вы продавали лошадей шведамъ, да разсказывали имъ про все, что увидите.

— Странно,—сказалъ Жендзянъ,—эти люди бранятъ шведовъ, а все такъ и норовятъ къ нимъ поближе.

Тутъ онъ обратился къ Кмицицу:

— А вы, любезный, не особенно похожи на барышника, и перстень у васъ на пальцѣ такой, какого бы и любой панъ не постыдился. Покажите-ка сюда!...

— Возьмите сами... Я очень усталъ.

— Э, братецъ, кто-нибудь подумаетъ, что ты свое лицо показать боишься!

Юзва, не говоря ни слова, подошелъ къ камину, вытащилъ горящую головню и, высоко дéржа надъ головой, пошелъ прямо на встрѣчу Кмицицу.

Кмицицъ поднялся во весь свой ростъ и уставился глазами прямо въ глаза Бутрима. Головня выпала изъ рукъ Юзвы, роняя тысячи искръ по дорогѣ.

— Іисусъ, Марія!—вскрикнулъ онъ,—это Кмицицъ!

— Я!—отвѣчалъ панъ Андрей, видя, что дальше скрываться нѣтъ возможности.

— Держи, держи!—закричалъ Юзва.—Такъ это ты, проклятый измѣнникъ, ты, дьяволъ воплощенный? Одинъ разъ ты уже вырвался изъ моихъ рукъ, и теперь, переодѣвшись въ чужое платье, идешь къ шведамъ?

Онъ схватилъ за шиворотъ пана Андрея, но тутъ съ лавки приподнялись два молодыхъ Кемлича, Козьма и Дамьянъ.

— Отецъ, напирать?—спросилъ Козьма.

— Напирай!—отвѣтилъ старый Кемличъ, обнажая саблю.

Вдругъ двери распахнулись и солдаты Юзвы ввалили въ комнату, но вслѣдъ за ними появилась и челядь Кмицица.

Юзва ухватилъ лѣвою рукой за шиворотъ пана Андрея, а правой махалъ вокругъ себя обнаженною рапирой. Панъ Андрей, не столь сильный, но болѣе ловкій, вцѣпился ему въ горло. Глаза Юзвы чуть не выскочили изъ орбитъ; онъ хотѣлъ было ударить по рукѣ Кмицица, но не успѣлъ,—панъ Андрей изъ всей силы хватилъ его рукоятью своей сабли по макушкѣ. Юзва зашатался и отклонился назадъ. Кмицицъ оттолкнулъ его еще, чтобъ освободить мѣсто для размаха, и ударилъ его саблей по лицу. Юзва грохнулся на полъ, какъ подрубленный дубъ.

— Бей!—крикнулъ Кмицицъ, въ которомъ проснулись старыя привычки.

Но въ комнатѣ и безъ того кипѣла битва. Двое молодыхъ Кемличей рубили саблями, а по временамъ бодали головами, какъ дикіе быки, съ каждымъ разомъ повергая врага на земь. Старикъ извивался какъ ужъ и просовывалъ свою рапиру между сыновей.

Жендзянъ держался въ сторонѣ, стараясь попасть въ Кмицица изъ пистолета, но панъ Андрей то появлялся на минуту въ освѣщенномъ мѣстѣ, то вновь тонулъ во95 мракѣ.

Ляуданцы сопротивлялись все слабѣй и слабѣй. Гибель Юзвы и страшное имя Кмицица нагоняли на нихъ паническій страхъ. Въ это время корчмарь тихонько проскользнулъ между борящихся съ ведромъ воды въ рукахъ и плеснулъ ее на огонь. Въ комнатѣ воцарилась полнѣйшая темнота, враги сбились въ тѣсную кучу. Прошло нѣсколько минутъ въ мертвомъ молчаніи; наконецъ, люди Жендзяна выскочили изъ комнаты сквозь вышибленныя двери въ сѣни, а за ними ляуданцы и Кемличи.

Началась свалка въ сѣняхъ, на дворѣ и подъ навѣсомъ, въ особенности около возовъ Жендзяна, подъ которые спрятались его люди.

— Сдавайся, — крикнулъ старый Кемличъ, запуская остріе своей сабли подъ телѣгу.

— Стой! сдаемся!—отвѣтило нѣсколько голосовъ и изъ-подъ телѣги полетѣло оружіе.

— Къ телѣгамъ! бери, что попадется подъ руки! Живо! — распоряжался старый Кемличъ.

Молодые, не дожидаясь повторенія приказа, кинулись на телѣги и начали было уже выбрасывать оттуда разныя вещи, какъ вдругъ раздался громкій голосъ:

— Стой!—и окровавленная сабля Кмицица плашмя прошлась по ихъ спинамъ.

Козьма и Дамьянъ поспѣшно отскочили въ сторону.

— Ваша милость!... развѣ нельзя?—покорно спросилъ старикъ.

— Стыдъ!—закричалъ Кмицицъ.—Отыщи мнѣ старосту.

Черезъ четверть часа Жендзянъ стоялъ передъ Кмицицемъ и кланялся ему въ поясъ.

— Панъ полковникъ, со мной поступаютъ несправедливо; я не искалъ ни съ кѣмъ ссоры, а если я ѣду навѣстить знакомыхъ, то это никому не воспрещается.

Кмицицъ, опершись на саблю, не отвѣчалъ ничего, и Жендзянъ продолжалъ:

— Я ни шведамъ, ни пану гетману никакого зла не сдѣлалъ, я только ѣду къ пану Володіёвскому, — онъ мой старый знакомый, мы когда-то воевали вмѣстѣ съ нимъ... Въ Кейданахъ я никогда не былъ, да и дѣла до нихъ мнѣ нѣтъ никакого. Я смотрю, какъ бы шкура моя цѣла осталась, да мое бы добро не пропало... Вѣдь, не награбилъ же я его, а заработалъ въ потѣ лица своего... Ужь вы позвольте мнѣ уѣхать отсюда спокойно. Въ чемъ я виноватъ? Если нельзя иначе, то я откуплюсь отъ вашихъ солдатъ, хотя у меня у самого почти ничего нѣтъ... По талеру имъ дамъ, чтобы ихъ труды даромъ не пропадали... Дамъ и по два... и васъ попрошу то же принять отъ меня...

— Привести его телѣги въ порядокъ!—сказалъ Кмицицъ.— А вы возьмите раненыхъ и убирайтесь къ чорту.

— Покорнѣйше благодарю васъ, панъ полковникъ,—обрадовался панъ староста.

Тутъ къ Кмицицу подошелъ старый Кемличъ, чуть не плача:

— Ваша милость... вѣдь, это наше... какъ передъ Богомъ, наше!

Но Кмицицъ посмотрѣлъ на него такъ, что старикъ какъ-то съежился и не посмѣлъ больше вымолвить ни слова.

Челядь Жендзяна сломя голову бросилась запрягать лошадей, а Кмицицъ опять подозвалъ къ себѣ пана старосту:

— Вы возьмете всѣхъ раненыхъ и убитыхъ, которые найдутся, отвезете ихъ пану Володіёвскому и скажете ему отъ меня, что я не врагъ его, а, можетъ быть, лучшій другъ, чѣмъ онъ думаетъ... Но я хотѣлъ избѣжать встрѣчи съ нимъ, потому что теперь еще не время. Встрѣтимся когда-нибудь позже, но теперь ни онъ не повѣритъ мнѣ, да и мнѣ нечѣмъ убѣдить его... Позже, можетъ быть... Вы поняли? Вы скажете ему, что эти люди сами напали на меня и я долженъ былъ обороняться.

— Конечно, конечно, по всей справедливости!

— Подождите... Вы скажете еще пану Володіёвскому, чтобъ онъ держался вмѣстѣ съ другими, что Радзивиллъ пойдетъ на него тотчасъ же, какъ дождется кавалеріи отъ Понтуса. Можетъ быть, они уже въ дорогѣ. Онъ съ княземъ конюшимъ и электоромъ замышляетъ что-то, значитъ, около границы стоять не безопасно. Самое же главное, пусть держатся вмѣстѣ, иначе

погибнутъ задаромъ. Воевода витебскій хочетъ пробраться на Подлясье,—пусть они идутъ ему на встрѣчу, чтобы, въ случаѣ надобности, оказать помощь.

— Я все это скажу, какъ вы мнѣ приказываете.

— Хотя это говоритъ Кмицицъ, хотя они опасаются Кмицица, пусть вѣрятъ ему, пусть посовѣтуются съ другими полковниками.

— Еслибъ у меня былъ какой-нибудь знакъ вашего довѣрія...

— Зачѣмъ это нужно?

— Тогда и панъ Володіёвскій легче повѣрилъ бы искренности вашихъ намѣреній.

— Пожалуй, возьмите вотъ этотъ перстень,—сказалъ Кмицицъ,—хотя знаковъ-то этихъ не мало на лбу у тѣхъ, кого вы повезете къ пану Володіёвскому.

Жендзянъ жадно схватилъ перстень, поблагодарилъ, а черезъ часъ уже спокойно ѣхалъ въ Щучинъ, увозя троихъ убитыхъ и нѣсколько раненыхъ, въ томъ числѣ Юзву Бутрима съ разсѣченнымъ лицомъ и разбитою головой. Любуясь при лунномъ свѣтѣ чудною игрой дорогаго камня, онъ думалъ о томъ странномъ и страшномъ человѣкѣ, который надѣлалъ столько зла конфедератамъ, а теперь хотѣлъ спасти ихъ отъ окончательной гибели.

— А, вѣдь, щедрый панъ,—прибавилъ вслухъ Жендзянъ.— Только ссориться съ нимъ опасно.

Такъ же безуспѣшно ломалъ голову и Кемличъ, стараясь найти отвѣтъ на вопросъ: кому же, наконецъ, служитъ панъ Кмицицъ?

— Ѣдетъ къ королю и бьетъ конфедератовъ, а они за короля стоятъ. Что это значитъ? И шведовъ боится, прячется отъ нихъ... Охъ, что-то будетъ съ нами?

Старикъ разозлился и началъ бранить сыновей:

— Подлецы вы! Безъ благословенія родительскаго подохнете. Не могли вы хоть тѣхъ убитыхъ-то обшарить?

Только одинъ Сорока былъ очень доволенъ и весело скакалъ за своимъ полковникомъ.

«Колдовство прошло,—думалъ онъ,—коли мы тѣхъ такъ скоро побили. Любопытно знать, кого-то мы теперь бить будемъ?» (Сорокѣ рѣшительно было все равно, кого бы ни бить).

Къ Кмицицу никто не смѣлъ ни подступиться, ни спросить о чемъ-нибудь. Молодой полковникъ ѣхалъ мрачный, какъ ночь.

Ему было страшно досадно, что онъ долженъ былъ бить тѣхъ людей, съ которыми онъ страстно желалъ бы стоять въ однихъ рядахъ. Но еслибъ онъ поддался имъ и позволилъ отвезти себя къ пану Володіёвскому, что сказалъ бы тотъ, узнавъ, что пана Андрея схватили переодѣтаго, съ охранными грамотами шведскихъ комендантовъ въ карманѣ?

«Старые грѣхи преслѣдуютъ меня, — подумалъ Кмицицъ. — Бѣжать, бѣжать какъ можно дальше... Боже, будь милостивъ мнѣ, грѣшному!... Пріѣду къ королю и вотъ тогда-то начнется настоящая служба...»

Глава V.

Послѣ долгихъ колебаній, панъ Володіёвскій рѣшился слѣдовать совѣту Кмицица, предупредить всѣхъ своихъ товарищей о грозящей имъ опасности, о необходимости соединиться вмѣстѣ и назначилъ сборнымъ пунктомъ Бѣлостокъ. Письмо его повліяло на всѣхъ полковниковъ, разсыпанныхъ по цѣлому Подлясскому воеводству. Одни изъ нихъ уже раздѣлили свои хоругви на меньшіе отдѣлы, чтобы легче перезимовать, другіе позволили офицерамъ разъѣхаться по сосѣднимъ шляхетскимъ помѣстьямъ, такъ что подъ знаменами въ каждомъ полку находилось по три, по четыре офицера, да по нѣскольку десятковъ солдатъ. Полковники отчасти руководствовались опасеніями голодовки, отчасти чувствовали себя не въ состояніи удержать въ надлежащей дисциплинѣ тѣ полки, которые, одинъ разъ отказавшись отъ повиновенія своимъ властямъ, готовы были взбунтоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Если бы нашелся достаточно популярный вождь и сразу повелъ бы ихъ противъ одного изъ двухъ непріятелей, даже противъ Радзивилла, дисциплина осталась бы ненарушенною, но теперь она съ каждымъ часомъ падала отъ бездѣйственнаго пребыванія въ Подлясьѣ, гдѣ все время уходило на обстрѣливаніе радзивилловскихъ замковъ, на грабежъ имѣній князя воеводы и на переговоры съ княземъ Богуславомъ. При такихъ условіяхъ солдатъ пріучался только къ своеволію да притѣсненію мирныхъ обывателей воеводства. Много солдатъ убѣжало изъ-подъ своихъ хоругвей, образовало разбойничьи шайки и грабило по большимъ дорогамъ. Такимъ образомъ, войско, въ которомъ король и патріоты видѣли свое единственное спасеніе, деморализировалось съ каждымъ днемъ, а дробленіе хоругвей на мел-

кіе отряды сулило уже окончательное разложеніе. Правда, держась вмѣстѣ, не легко было доставать себѣ провіантъ, но опасенія голода, можетъ быть, были и преувеличены. Стояла осень, урожай удался хорошій, а непріятель еще не успѣлъ побывать здѣсь. Странное дѣло! Шведы, занимающіе почти весь край, не дошли еще до Подлясья; съ другой стороны, полки Хованскаго, Трубецкаго и Серебрянаго бездѣятельно стояли въ своихъ прежнихъ позиціяхъ, колеблясь или, вѣрнѣе сказать, не зная, что дѣлать. На Руси Бутурлинъ съ Хмельницкимъ повсюду разсылали свои войска и еще недавно разгромили отрядъ подъ предводительствомъ короннаго гетмана, пана Потоцкаго. Но Литва обрѣталась подъ протекторатомъ шведовъ. Опустошать и занимать ее—значило то же самое, что объявленіе войны страшнымъ для цѣлаго свѣта шведамъ. «Союзники никого не трогаютъ»,—говорили тогдашніе политики. Существовало даже предположеніе, что они, вмѣстѣ съ Яномъ Казиміромъ и республикой, обратятъ оружіе противъ шведскаго короля. Дѣйствительно, завладѣй онъ республикой, предъ его могуществомъ поблѣднѣла бы вся Европа.

Хованскій не затрогивалъ ни Подлясья, ни конфедератовъ, а они, въ свою очередь, лишенные вождя, не были въ силахъ затронуть кого-нибудь или взяться за что-нибудь посерьезнѣе грабежа радзивилловскихъ имѣній. Однако, письма пана Володіёвскаго объ угрожающемъ походѣ Радзивилла пробудили полковниковъ. Они вновь начали формировать хоругви, писать приказы, сзывать солдатъ подъ страхомъ кары. Жиромскій, одинъ изъ лучшихъ полковниковъ, выступилъ первымъ подъ Бѣлостокъ, за нимъ черезъ недѣлю пришелъ Якубъ Кмицицъ, потомъ стали подходить солдаты Коховскаго и Липницкаго, то поодиночкѣ, то цѣлыми кучами; шла добровольно мелкая шляхта изъ окрестныхъ засцянковъ и даже изъ воеводства Люблинскаго; отъ времени до времени являлся какой-нибудь болѣе зажиточный шляхтичъ съ отрядомъ прилично вооруженныхъ слугъ. Изъ деревни въ деревню разъѣзжали депутаты, забирали провизію и расплачивались квитанціями,—однимъ словомъ, машина пошла въ ходъ, и когда прибылъ панъ Володіёвскій со своею ляуданскою хоругвью, подъ ружьемъ стояло уже нѣсколько тысячъ солдатъ. Не доставало только вождя.

Все это было и не особенно стройно, и порядкомъ особымъ не отличалось, но не такъ нестройно и безпорядочно, какъ та

великопольская шляхта, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ должна была защищать переправу подъ Устьемъ. Жители Подлясья и литвины были хорошо знакомы съ войной и не разъ слыхали трубу Беллоны. Каждый на своемъ вѣку дрался или съ турками, или съ татарами, а иные помнили даже и шведскую войну. Но надъ всѣми бралъ верхъ своею воинскою опытностью и краснорѣчіемъ панъ Заглоба. Вообще онъ былъ очень доволенъ: въ этомъ сбродѣ солдатъ никто не говорилъ, не промочивъ предварительно горла.

Въ лучахъ его славы тонули всѣ полковники. Ляуданцы разсказывали, что еслибъ не онъ, то Володіёвскій, Скшетускій, Мирскій и Оскерко погибли бы отъ руки Радзивилла. Онъ и самъ не скрывалъ своихъ заслугъ и отдавалъ себѣ полную справедливость, чтобы всѣ знали, кого видятъ передъ собою.

— Не люблю я хвалиться,—утверждалъ онъ,—ни болтать о томъ, чего не было... У меня главное, это—правда... Спросите хоть у моего племянника.

Тогда изъ-за плечъ пана Заглобы появлялся панъ Рохъ Ковальскій и изрекалъ торжественнымъ голосомъ:

— Дядя никогда не лжетъ! — затѣмъ обводилъ грознымъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ, словно искалъ дерзкаго, который осмѣлится спорить съ нимъ.

Но такъ какъ желающихъ спорить не оказывалось, то панъ Заглоба начиналъ разсказывать о своихъ главныхъ подвигахъ: какъ онъ при жизни пана Конецпольскаго дважды побѣдилъ Густава Адольфа, какъ побилъ Хмельницкаго, какъ князь Еремія подъ Збаражемъ ничего не дѣлалъ безъ его совѣта и поручалъ ему начальство надъ всѣми вылазками...

— А когда мы послѣ каждой вылазки перебьемъ, бывало, пять или десять тысячъ этихъ разбойниковъ, то Хмельницкій съ отчаянія только лбомъ объ стѣну бился и повторялъ: «Никто этого не въ состояніи сдѣлать, только этотъ дьяволъ Заглоба!» Послѣ збаражскаго мира ханъ глазъ съ меня свести не могъ и просилъ позволенія снять съ меня портретъ, чтобы послать въ подарокъ султану.

— Теперь намъ такихъ-то нужно болѣе, чѣмъ когда-либо! — повторяли слушатели.

А такъ какъ многіе и безъ того слышали о славныхъ подвигахъ пана Заглобы, да и послѣднія событія еще болѣе укрѣп-

ляли его репутацію, то слава великаго мужа росла съ каждою минутой и затмѣвала всѣхъ окружающихъ.

Жиромскій, Коховскій, Якубъ Кмицицъ и Липницкій также съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на пана Заглобу, приглашали его на совѣтъ и удивлялись его мудрости, почти равной его мужеству.

А посовѣтоваться теперь было о чемъ. Правда, выслали депутатовъ къ воеводѣ витебскому, чтобъ онъ пришелъ и взялъ власть въ свои руки, но мѣстопребыванія пана воеводы никто не зналъ въ точности, и депутаты пропали, словно въ воду канули. Были слухи, что они попали въ руки солдатъ Жултаренки, которые на свой страхъ подходили къ самому Волковыску, грабя все по дорогѣ.

Полковники рѣшили избрать временнаго вождя, который бы начальствовалъ надъ всѣми до пріѣзда пана Сапѣги. Нечего и говорить, что, за исключеніемъ пана Володіёвскаго, каждый полковникъ думалъ о самомъ себѣ.

Начались разныя интриги и подходы. Войско заявило, что и оно хочетъ имѣть участіе въ выборахъ, и не черезъ депутатовъ, а непосредственно.

Володіёвскій, послѣ совѣщанія съ своими товарищами, подалъ голосъ за пана Жиромскаго, человѣка солиднаго, дѣльнаго и опытнаго солдата. Тотъ, изъ чувства благодарности, предложилъ Володіёвскаго, но Коховскій, Липницкій и Якубъ Кмицицъ возразили, что нужно выбирать человѣка болѣе стараго, что вождь долженъ внушать войску почтеніе своими лѣтами и положеніемъ.

— Кто тутъ старше всѣхъ? — раздались многочисленные голоса.

— Дядя старше всѣхъ!—закричалъ вдругъ панъ Рохъ Ковальскій, да такъ громко, что обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

— Жаль только, что у него хоругви нѣтъ,—сказалъ Яховичъ, намѣстникъ Жиромскаго.

Но толпа не унималась:

— Ну, и что-жь изъ того? Развѣ намъ непремѣнно нужно выбирать только изъ полковниковъ?... Развѣ это не въ нашей власти? Развѣ не in liberis sufragiis? И королемъ можно выбрать любаго шляхтича, не только вождя...

Тутъ заговорилъ панъ Липницкій (онъ не былъ расположенъ къ Жиромскому и всячески старался помѣшать его выбору):

— Конечно, вы имѣете право голосовать, какъ вамъ будетъ угодно! А выберете не полковника, то тѣмъ и лучше,— обиды никому не будетъ.

Поднялся страшный шумъ. Одни кричали: «голосовать, голосовать!»—другіе: «кто здѣсь можетъ сравняться съ паномъ Заглобой? Кто великій рыцарь, опытный воинъ? Просимъ пана Заглобу!... Да здравствуетъ панъ Заглоба! Да здравствуетъ нашъ вождь!...»

— На сабли несогласныхъ!—кричали болѣе рьяные.

— Здѣсь нѣтъ несогласныхъ!—отвѣчала толпа.

— Да здравствуетъ! Онъ поразилъ Густава Адольфа! По его милости Хмельницкій волосы на себѣ рвалъ!

— Онъ самихъ полковниковъ спасъ!

— И шведовъ побилъ подъ Клаванами!

— Vivat, vivat Заглоба dux! Vivat, vivat!

И толпа начала подбрасывать шапки, бѣгая по обозу и разыскивая пана Заглобу.

Тотъ въ первую минуту изумился и смѣшался (конечно, онъ и думать не могъ о своей кандидатурѣ, хлопоча въ пользу Скшетускаго), но когда тысячеголосный крикъ толпы началъ повторять его имя, панъ Заглоба покраснѣлъ, какъ буракъ, и почувствовалъ, что голова его начинаетъ кружиться.

Въ радостныя минуты всякую вещь можно истолковать въ хорошую сторону.

— Смотрите!—кричала толпа,—покраснѣлъ, какъ панна! Видно сразу, что скромности въ немъ столько же, сколько и храбрости! Да здравствуетъ, и да ведетъ насъ къ побѣдамъ!

Тутъ подошли и полковники. Нечего дѣлать,—радъ не радъ, а приноси поздравленія. Только панъ Володіёвскій отчаянно поводилъ усиками, да Жендзянъ, разинувъ ротъ, не спускалъ взгляда съ пана Заглобы, который уже пришелъ въ себя, подперся рукою въ бока и высоко задралъ голову, принимая поздравленія съ достоинствомъ, соотвѣтственнымъ его положенію.

Панъ Жиромскій принесъ поздравленіе отъ полковниковъ, а потомъ заговорилъ офицеръ изъ хоругви Коховскаго, панъ Жимирскій, отъ имени войска, вплетая въ свою рѣчь цитаты изъ разныхъ писателей.

Заглоба слушалъ, кивалъ головой; затѣмъ, когда ораторъ кончилъ, вождь отвѣтилъ слѣдующими словами:

— Господа! если бы кто-нибудь захотѣлъ утопить истинную доблесть въ безбрежномъ океанѣ или придавить ее необъятною громадой Карпатскихъ горъ, она всегда выйдетъ наружу, чтобъ сказать человѣчеству прямо въ глаза: «Я—то, что не боится свѣта и суда и ждетъ награды». Но, какъ дорогой камень въ золотую оправу, такъ и эта добродѣтель должна облечь себя скромностью, и вотъ теперь, стоя передъ вами, я спрашиваю васъ: развѣ я не скрывался со своими заслугами? Развѣ я хвалился передъ вами? Развѣ я добивался положенія, какимъ вы удостоили меня? Вы сами оцѣнили меня за мои заслуги, хотя я готовъ вновь забыть ихъ и сказать вамъ: тутъ присутствуютъ люди лучше меня: панъ Жиромскій, панъ Оскерко, панъ Скшетускій, панъ Володіёвскій,—рыцари, какими не можетъ похвалиться даже древняя исторія... Почему же меня, а не кого-нибудь изъ нихъ вы выбрали своимъ вождемъ? Еще время есть... Снимите эту тяжесть съ моихъ плечъ и возложите на болѣе достойнаго!

— Нѣтъ, нѣтъ!—зарычали сотни и тысячи голосовъ.

— Нѣтъ!—повторили и полковники, довольные публичною похвалой и желающіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать свою скромность.

— И я вижу, что иначе быть не можетъ,—отвѣтилъ Заглоба,—пусть же совершится ваша воля. Благодарю васъ отъ души, братья, и думаю, Богъ дастъ, вы не раскаетесь въ своемъ выборѣ. Какъ вы за меня, такъ и я за васъ клянусь положить голову, и побѣду ли, или гибель сулитъ намъ неисповѣдимая судьба, сама смерть не разлучитъ насъ, ибо и по смерти мы будемъ дѣлить славу!

Толпа воодушевилась какъ одинъ человѣкъ. Одни хватались за сабли, другіе начинали плакать; лысина пана Заглобы покрылась крупными каплями пота, но энергія его все возростала:

— Мы будемъ стоять за нашего праваго короля, за нашего избранника, за нашу родину,—жить за нихъ и умереть! Братья! пока стоитъ наша земля, никогда еще не спадали на нее такія несчастія. Измѣнники отворили ворота, и теперь нѣтъ ни пяди земли, за исключеніемъ этого воеводства, не занятаго непріятелемъ. Въ васъ надежда отчизны, а во мнѣ ваша; на васъ и на меня обращены очи всей республики! Докажемъ же ей, что не напрасно она простираетъ къ намъ руки. Вы отъ меня требуете

мужества и твердости, я отъ васъ довѣрія и послушанія, а разъ мы будемъ тверды нашимъ согласіемъ, разъ мы своимъ примѣромъ откроемъ глаза тѣмъ, кого совратилъ врагъ, тогда къ намъ слетится половина республики! У кого въ сердцѣ живетъ Богъ и вѣра, тотъ присоединится къ намъ, силы небесныя подкрѣпятъ насъ и кто тогда устоитъ противъ насъ?!

— Такъ и будетъ! Самъ Соломонъ говоритъ! Бить, бить!— загремѣли грозные голоса.

А панъ Заглоба протянулъ руки къ сѣверу и началъ кричать:

— Приходи теперь, Радзивиллъ! Приходи, панъ гетманъ, панъ еретикъ, воевода Люцифера! Мы ждемъ тебя не въ безпорядкѣ, но въ одномъ лагерѣ,—не съ бумагами, договорами, но съ мечами въ рукахъ! Здѣсь ждетъ тебя благочестивое войско и его вождь. Выходи! сразись съ Заглобой на поединкѣ! Призывай адъ на помощь, будемъ драться!... Выходи!

Тутъ онъ снова обернулся къ войску и закричалъ во весь лагерь:

— Ей, Богу, панове, въ меня вступилъ духъ пророчества! Согласіе только, а ужь тамъ мы побьемъ этихъ негодяевъ, проходимцевъ, нищихъ, каналій, оборванцевъ, что лѣтомъ на саняхъ ѣздятъ!... Ужь задамъ я имъ перцу, пятки отобьютъ себѣ, когда бѣжать будутъ. Бей ихъ, кто въ Бога вѣруетъ, кому честь и отчизна дороги!

Въ воздухѣ сверкнуло нѣсколько тысячъ сабель. Вокругъ пана Заглобы царствовала страшная тѣснота, слышались крики:

— Веди насъ, веди на бой!

— Завтра! готовьтесь!—крикнулъ панъ Заглоба.

Выборъ происходилъ утромъ, а въ полдень былъ назначенъ смотръ войска. Хоругви установились на хорощанскихъ поляхъ одна рядомъ съ другой, въ полномъ порядкѣ, съ полковниками и хорунжими во главѣ, а мимо полковъ проѣзжалъ вождь, подъ бунчукомъ, съ позолоченною булавой въ рукѣ, съ перомъ цапли на шапкѣ. Настоящій гетманъ, да и только! Онъ поочередно осматривалъ хоругви, какъ пастырь осматриваетъ свое стадо, а сердце солдатъ такъ и радовалось при видѣ столь величественной фигуры. На встрѣчу къ нему выѣзжалъ каждый полковникъ, онъ никого не оставилъ безъ вниманія, всякому сказалъ по нѣскольку словъ, одно одобрилъ, другое осудилъ, и даже тѣ изъ новоприбывшихъ, которые сначала не были довольны выборами, теперь должны были признаться въ душѣ, что новый

вождь — воинъ весьма опытный и начальствовать ему не въ первинку.

Только одинъ панъ Володіёвскій какъ-то странно поводилъ усиками, когда на смотру новый вождь потрепалъ его по плечу въ присутствіи другихъ полковниковъ и сказалъ:

— Панъ Михалъ, я очень доволенъ вами. Въ вашей хоругви такой порядокъ, какъ нигдѣ. Поступайте и впредь такъ же, и можете быть увѣрены, что я васъ не забуду!

— Чортъ возьми! — шепнулъ панъ Володіёвскій Скшетускому, возвращаясь со смотра, — могъ ли бы настоящій гетманъ сказать мнѣ что-нибудь другое?

Въ этотъ же самый день панъ Заглоба разослалъ отряды въ тѣ стороны, куда было нужно, и въ тѣ, куда не было нужно. На слѣдующій день, внимательно выслушавъ ихъ донесенія, онъ отправился на квартиру пана Володіёвскаго (тотъ жилъ вмѣстѣ съ Скшетускимъ).

— При войскѣ я долженъ сохранять свое достоинство, — ласково сказалъ онъ, — но когда мы одни, то можемъ держать себя на прежней дружеской ногѣ... Здѣсь я старый товарищъ, не начальникъ! И вашимъ совѣтомъ я не пренебрегу, хотя у меня есть и свой разумъ, — я знаю, что вы люди опытные; такихъ солдатъ во всей республикѣ одинъ, другой, да и обчелся.

Дружескія отношенія, дѣйствительно, скоро водворились, только одинъ Жендзянъ не смѣлъ держать себя попрежнему и прилѣпился на самомъ кончикѣ лавки.

— Что же вы, батюшка, думаете дѣлать? — спросилъ Янъ Скшетускій.

— Прежде всего, водворить порядокъ и дисциплину и занять чѣмъ-нибудь солдатъ, чтобъ они не излѣнились отъ бездѣйствія. Я хорошо слышалъ, панъ Михалъ, какъ вы ворчали точно сурокъ, когда я высылалъ людей на всѣ четыре стороны свѣта. Но я долженъ былъ это сдѣлать, чтобъ опять пріучить хоть какъ-нибудь солдатъ къ службѣ. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, чего намъ недостаетъ? Не людей, — этихъ наползло достаточно и еще наползетъ. Шляхта, что убѣжала отъ шведовъ изъ Мазовецкаго воеводства, тоже сюда придетъ. Въ людяхъ и сабляхъ недостатка не будетъ, только запасовъ у насъ нѣтъ, а безъ запасовъ никакое войско войны не выдержитъ. Моя мысль такова: приказать брать все, что попадетъ подъ руку, — коровъ, овецъ, свиней, хлѣбъ, сѣно, и изъ этого воеводства, и изъ вид-

ской области въ Мазовіи. Послѣдняя не видала еще непріятеля; тамъ всего вдосталь.

— Но если шляхта закричитъ благимъ матомъ, когда у нея станутъ забирать хлѣбъ и скотину?

— Войско для меня важнѣе шляхты. Пусть кричатъ! Наконецъ, я даромъ ничего не беру, за все будутъ выдаваться квитанціи (я ихъ наготовилъ столько, что половину республики можно взять въ реквизицію). Денегъ у меня нѣтъ, но послѣ войны и удаленія шведовъ республика за все заплатитъ. Ну, что вы мнѣ толкуете! Шляхтѣ же хуже, если голодное войско примется грабить. Я думаю и въ лѣсахъ поискать; тамъ, говорятъ, крестьянъ много съ пожитками прячется. Пусть все войско благодаритъ Духа Святаго, что Онъ внушилъ мысль выбрать меня своимъ вождемъ, потому что другой никто бы не справился.

— У вашей милости чисто-сенаторская голова! — сказалъ Жендзянъ.

— А что?—самодовольно спросилъ панъ Заглоба,—и у тебя, шельмы, соображеніе есть? Того и гляди, какъ и тебя намѣстникомъ сдѣлаю, пусть только вакансія откроется.

— Покорнѣйше благодарю васъ, ваша вельможность!

— Да. Такъ вотъ каковы мои мысли!—продолжалъ панъ Заглоба.—Прежде всего, набрать запасовъ, какъ будто мы должны выдержать осаду; потомъ мы устроимъ укрѣпленный лагерь, а тамъ пусть Радзивиллъ приходитъ со шведами или хоть съ самими чертями. Подлецъ я буду, если тутъ не устрою другаго Збаража.

— Ей-Богу, чудесная мысль!—воскликнулъ Володіёвскій,—только откуда мы пушекъ возьмемъ?

— У пана Коховскаго двѣ, у Кмицица одна, въ Бѣлостокѣ четыре. Онѣ должны были быть отправлены въ тыкоцынскій замокъ; вы не знаете, что пушки эти назначались туда и были куплены еще въ прошломъ году? Мнѣ такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ панъ Стемпальскій, здѣшній управляющій. И порохъ есть, по сту зарядовъ на каждую пушку. Управимся, панове, только помогайте мнѣ, да и о себѣ не забывайте. Можетъ быть, выпить кто-нибудь хочетъ? Что-жь, я не мѣшаю.

Володіёвскій приказалъ принести меду.

— Вы думали, что я буду вождемъ только по названію?—продолжалъ Заглоба, отхлебывая изъ своего кубка.—Nunquam! Я не просилъ этой чести, но разъ вы облекли меня ею, то должны слушаться. Я знаю, что такое значитъ получить должность,

санъ... Вотъ увидите, до чего я дойду впослѣдствіи. Я сдѣлаю тутъ другой Збаражъ, ничего иного, кромѣ втораго Збаража! И Радзивиллъ, и шведы подавятся, прежде чѣмъ проглотятъ меня. Хотѣлъ бы я, чтобъ и Хованскій сунулся сюда; я бы его туда спряталъ, что его и въ судный день не нашли бы. Не далеко стоятъ, пусть придутъ, пусть попробуютъ!... Меду, панъ Михалъ!

Володіевскій налилъ, панъ Заглоба выпилъ залпомъ, сморщилъ брови и проговорилъ, точно стараясь припомнить что-то:

— О чемъ я говорилъ? Чего я хотѣлъ?... Ага! меду, панъ Михалъ!

Володіёвскій налилъ снова.

— Говорятъ,—продолжалъ Заглоба,—что и панъ Сапѣга любитъ выпить въ доброй компаніи. И неудивительно: каждый порядочный человѣкъ это любитъ. Только измѣнники, которые куютъ въ душѣ предательскіе замыслы противъ отчизны, боятся вина, чтобы не выдать своихъ тайнъ. Радзивиллъ пьетъ березовый сокъ, а послѣ смерти будетъ пить смолу. Ей-Богу, будетъ! Чему вы смѣетесь? Я заранѣе предвижу, что мы сойдемся съ паномъ Сапѣгой, потому что мы похожи другъ на друга, какъ одно конское ухо на другое, или какъ одинъ сапогъ на другой. Притомъ, онъ одинъ вождь, а я другой. Впрочемъ, я къ его пріѣзду всѣ дѣла устрою какъ слѣдуетъ. Много лежитъ на моихъ плечахъ, ну, да дѣлать нечего! Не кому думать объ отчизнѣ, такъ думай ты, старикъ Заглоба, пока живъ. Одна бѣда—канцеляріи у меня нѣтъ.

— А на что вамъ канцелярія?—удивился Скшетускій.

— А на что королю канцлеръ? Нужно будетъ и такъ послать въ какой-нибудь городъ, чтобы мнѣ печать вырѣзали.

— Да что вы будете запечатывать, милый панъ Заглоба?—спросилъ Володіёвскій.

— Въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ вы можете называть меня по-старому «милымъ паномъ Заглобой». Не я буду запечатывать, а мой канцлеръ... Прежде всего, вы это поймите!

Тутъ панъ Заглоба гордо и важно окинулъ взоромъ присутствующихъ, такъ что Жендзянъ вскочилъ съ лавки, а панъ Станиславъ Скшетускій пробормоталъ:

— Honores mutant mores!

— На что мнѣ канцелярія? А вотъ послушайте. Знайте, что неслыханныя несчастія, которыя разразились надъ нашею головой, прежде всего, были вызваны развратомъ, своеволіемъ и из-

лишествомъ (меду, панъ Михалъ!),—излишествомъ, говорю я, которое усиливается со дня на день. Но самая главная причина—это еретики, которые все болѣе и болѣе приходятъ въ смѣлость, оскорбляютъ нашу святую Покровительницу и привлекаютъ на насъ Ея гнѣвъ...

— Правда!—хоромъ воскликнули рыцари,—диссиденты первые пристали къ непріятелю, и кто знаетъ, не сами ли привели его сюда?

— Примѣръ—великій гетманъ литовскій!

— Но и въ воеводствѣ, находящемся подъ моею властью, въ еретикахъ недостатка нѣтъ, въ Тыкоцинѣ и въ другихъ мѣстахъ, и потому я, чтобы привлечь благословеніе Божіе на наше дѣло, издаю универсалъ, чтобы всякій, живущій въ грѣхахъ, отказался отъ своихъ заблужденій въ теченіе трехъ дней, а имущество тѣхъ, кто не захочетъ этого сдѣлать, будетъ конфисковано на содержаніе войска.

Рыцари съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Они знали, что у пана Заглобы нѣтъ недостатка въ сообразительности, но вовсе не предполагали въ немъ присутствія такого политическаго такта.

— И вы спрашиваете,—съ тріумфомъ сказалъ панъ Заглоба,— откуда я возьму деньги на войско?... А конфискація, а всѣ имущества Радзивилла, которыя въ силу моего распоряженія перейдутъ въ собственность войсба?

— Только право-то будетъ ли на нашей сторонѣ?—вставилъ Володіёвскій.

— Теперь такія времена, что у кого сабля, у того и право! А какимъ правомъ руководствуются шведы и всѣ тѣ, кто занялъ границы республики?

— Правда!—съ увѣренностью сказалъ панъ Михалъ.

— Этого мало!—воскликнулъ, воспламеняясь мало-по-малу, панъ Заглоба.—Другой универсалъ я пошлю шляхтѣ Подлясскаго воеводства, чтобы она являлась на всеобщее ополченіе. Шляхта должна вооружить свою челядь, чтобъ у насъ не было недостатка въ пѣхотѣ. Я знаю, что многіе изъ нихъ не прочь бы пойти, да все ожидаютъ, чтобы какое-нибудь правительство призвало ихъ какою-нибудь бумагой. Вотъ имъ теперь и правительство, и бумага...

— Да, у васъ, дѣйствительно, голова короннаго канцлера!—воскликнулъ панъ Володіёвскій.

— Меду, панъ Михалъ!... Третье письмо я пошлю къ Хованскому, чтобъ онъ убирался ко всѣмъ чертямъ, а нѣтъ, такъ мы его выкуримъ изо всѣхъ замковъ и городовъ. Правда, они теперь стоятъ спокойно и крѣпостей не берутъ, но козаки Жултаренки ходятъ шайками по тысячѣ, по двѣ человѣкъ и грабятъ все вокругъ. Пусть ихъ удержатъ, иначе мы ихъ будемъ бить.

— Конечно, мы можемъ дѣлать это, — сказалъ Янъ Скшетускій,—войско не сидѣло бы сложа руки.

— И я думалъ объ этомъ и сегодня же посылаю новые разъѣзды къ Волковыску, но et haec facienda et haec non omitenda... Четвертое письмо я хочу послать нашему избраннику, нашему доброму королю, утѣшить его въ горести, сказать, что есть еще такіе, кто не оставилъ его, что ихъ сердца и сабли готовы помогать ему. Пусть на чужбинѣ хоть этимъ утѣшится нашъ отецъ, нашъ государь милый, наша кровь ягеллонская... пусть... пусть...

Тутъ панъ Заглоба расплакался (у него и такъ голова кружилась отъ излишняго принятія меда), но потомъ скоро пришелъ въ ярость:

— А электоръ?! Коли онъ заключилъ союзъ съ прусскими городами, то пусть выступаетъ въ поле противъ шведовъ, пусть не виляетъ хвостомъ на всѣ стороны, пусть сдѣлаетъ то, что обязанъ сдѣлать добрый ленникъ по отношенію къ своему суверену, пусть выставитъ войска въ его защиту.

— Кто знаетъ, не перейдетъ ли онъ на сторону шведовъ?— сказалъ Станиславъ Скшетускій.

— Перейдетъ на сторону шведовъ? Я покажу ему! Прусская граница недалеко, а у меня въ распоряженіи нѣсколько тысячъ сабель. Не будь я вождь надъ этимъ славнымъ войскомъ, если я не навѣдаюсь къ нему въ гости съ огнемъ и мечомъ. Продовольствія нѣтъ? Хорошо, найдемъ его достаточно у пруссаковъ!... Я сейчасъ напишу ему (молчи, Жендзянъ! нечего восхвалять меня, слышалъ?): «Панъ электоръ! довольно играть въ прятки! Довольно вилять и туда и сюда! Выходи противъ шведовъ, а нѣтъ, такъ я приду въ гости въ Пруссію. Иначе и быть не можетъ...» Перо, чернилъ, бумаги!... Жендзянъ, ты поѣдешь съ письмомъ?

— Поѣду! — отвѣтилъ Жендзянъ, очень довольный своимъ новымъ положеніемъ.

Но прежде чѣмъ панъ Заглоба принялся за писанье, окна

дома задрожали отъ неистоваго крика. Заглоба вышелъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что привезли тѣ пушки, о которыхъ онъ говорилъ раньше и которыя привели солдатъ въ такой восторгъ.

Къ Заглобѣ приблизился панъ Стемпальскій, бѣлостокскій управляющій, и обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

— Ясновельможный вождь! съ тѣхъ поръ, какъ покойный панъ маршалъ великаго княжества Литовскаго обратилъ доходы съ Бѣлостока на поддержаніе тыкоцинскаго замка, я, управляющій Бѣлостокомъ, дѣйствовалъ согласно его предписанію, что могу указать своими отчетами. Двадцать уже лѣтъ какъ я укрѣплялъ этотъ замокъ пушками и оружіемъ, согласно плану, указанному маршаломъ. Теперь же, когда перемѣнчивая судьба обратила этотъ замокъ въ подпору для враговъ, я совѣтовался съ Богомъ и собственною совѣстью, долженъ ли продолжать дѣйствовать попрежнему, или обязанъ передать вамъ все, что осталось у меня?...

— Обязаны!—важно перебилъ Заглоба.

— Я прошу только объ одномъ, чтобы вы въ присутствіи всего войска засвидѣтельствовали и дали мнѣ квитанцію въ томъ, что я отдалъ все въ руки республики, представителемъ которой въ настоящую минуту являетесь вы, панъ гетманъ.

Заглоба кивнулъ головой въ знакъ согласія и началъ просматривать поданный ему реэстръ.

Оказалось, что, кромѣ пушекъ, въ наличности находится триста нѣмецкихъ мушкетовъ, двѣсти бердышей и шесть тысячъ злотыхъ въ наличности.

— Деньги пойдутъ на войско,—сказалъ Заглоба,—что же касается мушкетовъ и бердышей...

Онъ осмотрѣлся вокругъ.

— Панъ Оскерко! вы возьмете ихъ себѣ и сформируете пѣшую хоругвь... Пѣхота у насъ есть, да мало... И такъ, панове, теперь у насъ и деньги, и пушки, и пѣхота, а провіантъ будетъ современемъ... Вотъ вамъ результаты моего управленія!

— Vivat!—крикнуло войско.

— А теперь пусть всѣ солдаты бѣгутъ во весь духъ въ село за лопатами и штыками. Мы устроимъ укрѣпленный лагерь, второй Збаражъ! Офицеръ ли ты, или солдатъ, не стыдись лопаты и черной работы!

И вождь удалился въ свою квартиру, сопровождаемый восторженными кликами войска.

— Ей-Богу, этотъ человѣкъ не даромъ носитъ голову на плечахъ, — сказалъ Яну Скшетускому панъ Володіёвскій, — всѣ дѣла пошли какъ-то иначе, лучше, чѣмъ прежде.

— Только Радзивиллъ подольше не приходилъ бы, — замѣтилъ Станиславъ Скшетускій.—Это вождь такой, что другаго и во всей республикѣ не сыщешь. Нашъ панъ Ѳаглоба можетъ только хорошо снабдить лагерь провіантомъ, а въ остальномъ куда-жь ему мѣряться съ Радзивилломъ?

Да и самъ панъ Заглоба не безъ нѣкотораго безпокойства подумывалъ о прибытіи Януша Радзивилла. Онъ припоминалъ всѣ прежнія побѣды Радзивилла и фигура гетмана принимала въ его глазахъ неестественные размѣры.

— О-охъ, кто съ этимъ чортомъ совладаетъ! — вздыхалъ панъ Заглоба.—Я говорилъ, что онъ меня не задавитъ, а онъ меня какъ журавль лягушку проглотитъ.

И онъ давалъ себѣ въ душѣ клятву никогда не давать генеральной битвы Радзивиллу.

«Ну, будетъ осада,—думалъ онъ, — а это всегда длится долго. Можно тогда и къ трактатамъ прибѣгнуть, а тѣмъ временемъ, можетъ быть, и Сапѣга подойдетъ».

На случай, еслибъ онъ не подошелъ, панъ Заглоба рѣшилъ во всемъ слушаться Яна Скшетускаго; онъ помнилъ, какъ князь Еремія высоко цѣнилъ этого офицера и его военныя способности.

— Вы, панъ Михалъ,—говорилъ онъ Володіёвскому,—сотворены только для атаки, но если васъ заставить начальствовать надъ цѣлою арміей, то... вы, вѣдь, не откроете лавку съ продажей ума, потому что у васъ его и такъ мало, а Янъ... о, это умная голова!... и еслибъ меня не стало, онъ одинъ могъ бы замѣнить меня.

Тѣмъ временемъ подходили разнорѣчивыя вѣсти: одни говорили, что Раздивиллъ идетъ уже черезъ Пруссію, другіе, что онъ, разбивъ войска Хованскаго, занялъ Гродно и двигается оттуда съ грозною силой, но были и такіе, что утверждали, будто не Радзивиллъ, но Сапѣга побилъ Хованскаго при помощи князя Михала Радзивилла. Разъѣзды не привозили, однако, никакихъ извѣстій, за исключеніемъ слуховъ о шайкѣ Жултаренки, что стояла подъ Волковыскомъ и угрожала цѣлому городу. Всѣ окрестности горѣли въ огнѣ.

Черезъ день начали являться бѣглецы. По ихъ словамъ, горожане отправили пословъ къ Хованскому и Жултаренкѣ съ просьбою сжалиться надъ городомъ, но Хованскій сказалъ, что это простая шайка, не имѣющая ничего общаго съ его войскомъ. Жултаренко, въ свою очередь, посовѣтовалъ жителямъ дать за себя выкупъ, чего они, по своей бѣдности, сдѣлать не могли.

Они умоляли пана вождя помочь имъ, пока длятся переговоры о выкупѣ,—потомъ будетъ уже поздно. Панъ Заглоба выбралъ полторы тысячи добрыхъ солдатъ, въ томъ числѣ ляуданкую хоругвь, и призвалъ къ себѣ пана Володіёвскаго.

— Ну, панъ Михалъ,—сказалъ онъ,—теперь ваше время показать свое искусство. Вы поѣдете къ Волковыску и уничтожите шайку грабителей, что грозитъ неукрѣпленному городу. Вамъ это не въ первый разъ и вы можете считать такое порученіе знакомъ особаго расположенія нашего.

Тутъ онъ обратился къ другимъ полковникамъ:

— Самъ я долженъ оставаться въ лагерѣ, потому что, во-первыхъ, на мнѣ лежитъ вся отвѣтственность, а, во-вторыхъ, не стану же я связываться съ какою-нибудь разбойничьею шайкой! Вотъ пусть придетъ Радзивиллъ, тогда мы увидимъ, кто окажется опытнѣй: панъ ли гетманъ, или я.

Володіёвскій и его хоругвь отправились съ большою охотой,—бездѣйствіе начинало уже надоѣдать имъ. Вождь стоялъ верхомъ и перекрестилъ ихъ на дорогу. Многіе съ удивленіемъ смотрѣли на пана Заглобу, но самъ онъ помнилъ, что Жулкевскій и другіе гетманы имѣли обыкновеніе также благословлять удаляющіяся хоругви.

Но едва хоругви исчезли вдали, какъ онъ началъ уже безпокоиться о нихъ.

— Янъ!—сказалъ онъ,—не послать ли намъ Володіёвскому еще горсть людей?

— Не нужно! — отвѣтилъ Скшетускій.—Володіёвскому идти въ такую экспедицію все равно, что съѣсть сковороду яичницы. Боже мой! да онъ во всю свою жизнь ничего другаго и не дѣлалъ.

— Да; а если онъ встрѣтится съ подавляющею силой?.. *Nec Hercules contra plures.*

— Что толковать о такомъ воинѣ? Прежде чѣмъ идти на врага, онъ осмотритъ все хорошенько, и если силы бу-

дутъ неравны, урветъ, что можно, и возвратится, или самъ пришлетъ за помощью. Вы можете быть совершенно спокойны.

Прошло три дня.

Въ лагерь подходилъ со всѣхъ сторонъ провіантъ, являлись охотники, а о панѣ Михалѣ не было ни слуху, ни духу.

Безпокойство пана Заглобы возростало, и, несмотря на всѣ увѣренія Скшетускаго, что Володіевскій никакимъ образомъ не могъ бы въ это время дойти до Волковыска и возвратиться обратно, панъ Заглоба послалъ сто человѣкъ конницы Кмицица на развѣдки.

Отрядъ ушелъ. Снова протекло два дня безъ всякаго извѣстія. Только на седьмыя сутки, сѣрымъ туманнымъ вечеромъ, челядь, посланная въ Бобровники, возвратилась съ извѣстіемъ, что видѣли какое-то войско, выходящее изъ-за лѣсовъ за Бобровниками.

— Панъ Михалъ!—радостно воскликнулъ Заглоба.

Нѣтъ, то не былъ панъ Михалъ. Челядь поэтому и не поѣхала на встрѣчу, что увидала какія-то чужія знамена, которыхъ въ войскѣ пана Володіевскаго не было. Притомъ, и самаго войска было больше. Кто ихъ знаетъ, сколько? Можетъ быть, три тысячи, можетъ быть, пять или десять.

— Я возьму двадцать человѣкъ и поѣду на встрѣчу,—сказалъ Липницкій.

Прошелъ часъ, другой, наконецъ, пану Заглобѣ донесли, что приближается не отрядъ, но цѣлое большое войско.

И, неизвѣстно почему, по всему обозу вдругъ пронесся слухъ:

— Радзивиллъ идетъ!

Эта вѣсть, какъ электрическая искра, встряхнула и подняла на ноги весь лагерь; солдаты въ величайшемъ безпорядкѣ высыпали на валы, только одна пѣхота Оскерки заняла указанное ей мѣсто. Среди волонтеровъ воцарилась паника. Слухи, одинъ другаго невѣроятнѣй, возникали и передавались съ тысячью варіантовъ. «Радзивиллъ уничтожилъ Володіевскаго и отрядъ Кмицица»,—повторяли одни. «Ни одинъ человѣкъ не ушелъ»,—повторяли другіе. А панъ Липницкій словно сквозь землю провалился. «Гдѣ вождь, гдѣ вождь?»

Прибѣжали полковники и вскорѣ привели все въ порядокъ.

Панъ Заглоба, когда до его ушей дошли крики: «Радзивиллъ идетъ!»—сильно смѣшался, но въ первую минуту не хотѣлъ вѣрить. Что же бы тогда сдѣлалось съ Володіевскимъ? Да, нако-

нецъ, позволилъ бы онъ себя окружить такъ, что ни одинъ человѣкъ не могъ бы придти съ предостереженіемъ? А тотъ—другой отрядъ? А панъ Липницкій?

— Не можетъ быть!—повторялъ панъ Заглоба, отирая лобъ, покрытый крупными каплями пота.—Этотъ змѣй, этотъ убійца, этотъ Люциферъ... неужели онъ уже вышелъ изъ Кейданъ? Неужели приближается послѣдняя минута?

А крики: «Радзивиллъ! Радзивиллъ!» становились все громче. Панъ Заглоба пересталъ сомнѣваться, схватилъ шапку и побѣжалъ къ Скшетускому.

— Янъ, спаси! теперь пора!

— Что случилось?—изумился Скшетускій.

— Радзивиллъ идетъ! Всѣ мои надежды я возлагаю на тебя, потому что и покойный князь Еремія считалъ тебя предназначеннымъ для роли полководца. Я лично буду надсматривать надъ всѣмъ, а распоряжайся ты.

— Едва ли это можетъ быть Радзивиллъ,—сказалъ Скшетускій.—Откуда надвигается войско?

— Со стороны Волковыска. Говорятъ, что окружили Володіёвскаго и тотъ отрядъ, что я недавно послалъ.

— Володіёвскій позволилъ себя окружить?... Не знаете вы его развѣ? Это онъ-то и возвращается, никто другой.

— Да говорятъ тебѣ, страшныя силы идутъ.

— Слава Богу. Значитъ, идетъ панъ Сапѣга.

— Боже всемилостивый! Что ты толкуешь? Вѣдь, дали же бы намъ знать; вѣдь, Липницкій поѣхалъ на встрѣчу!

— Въ томъ-то и доказательство, что идетъ кто-нибудь другой, а не Радзивиллъ. Они узнали другъ друга и возвращаются вмѣстѣ. Идемъ, идемъ!

— И я тоже говорилъ!—крикнулъ Заглоба.—Всѣ оторопѣли, а я подумалъ: не можетъ этого быть! Сразу подумалъ. Идемъ! живо, Янъ, живо! А тѣ-то перетрусили... Ха-ха-ха!

На валахъ лицо пана Заглобы сіяло твердостью и мужествомъ. Онъ останавливался каждую минуту и кричалъ какъ можно громче:

— Господа, гости близко, не теряйте присутствія духа! Если это Радзивиллъ, то я покажу ему дорогу назадъ въ Кейданы! Зажечь костры на валахъ! Прятаться мы не будемъ, пусть насъ видятъ! Зажечь костры!

Черезъ четверть часа весь лагерь пылалъ яркимъ огнемъ. Солдаты, ставши спиною къ кострамъ, всматривались въ темноту. Вдругъ изъ мрака послышались выстрѣлы мушкетовъ. Панъ Заглоба схватилъ за полу пана Скшетускаго.

— Огонь начинаютъ!—безпокойно проговорилъ онъ.

Но вслѣдъ за выстрѣломъ послышались радостные крики. Сомнѣнію больше не было мѣста. Минуту спустя появилось нѣсколько всадниковъ на измученныхъ лошадяхъ.

— Панъ Сапѣга! панъ воевода витебскій!

Солдаты волною хлынули съ валовъ и бросились впередъ съ такими криками, что всякій посторонній наблюдатель могъ бы подумать, что это кричитъ населеніе города, на который напали врасплохъ враги.

Черезъ минуту панъ воевода витебскій въѣхалъ въ кругъ огня, во главѣ своихъ офицеровъ, съ Володіёвскимъ по правую сторону. То былъ человѣкъ пожилой, довольно толстый, съ лицомъ некрасивымъ, но умнымъ и добродушнымъ. По сѣдымъ усамъ, подстриженнымъ надъ верхнею губой, и маленькой бородкѣ его можно было принять за иностранца, хотя онъ одѣвался по-польски. Прославленный многими военными подвигами, онъ, все-таки, больше походилъ на дипломата, чѣмъ на полководца; люди, знающіе его ближе, говорили, что Минерва оставила на лицѣ пана воеводы бо̀льшій отпечатокъ, чѣмъ Марсъ. Какъ бы то ни было, по этому лицу можно было сразу узнать добраго, хорошаго человѣка.

Панъ Заглоба подскочилъ къ нему во главѣ своихъ полковниковъ, а панъ воевода пріостановилъ своего коня и началъ кланяться рысьей шапкой.

— Ясновельможный панъ воевода!—началъ Заглоба,—еслибъ я обладалъ краснорѣчіемъ древнихъ римлянъ, или, углубляясь еще болѣе въ отдаленные вѣка, знаменитаго аѳинянина Демосѳена, то и тогда бы не съумѣлъ выразить радости, которою наполнились наши сердца при видѣ васъ. Нашею радостью радуется вся республика, тѣмъ болѣе, что мы не ожидали вашего появленія. Мы стояли на этихъ окопахъ съ оружіемъ въ рукахъ, готовые биться, а не привѣтствовать, испускать бранные крики, а не радостные возгласы, проливать не слезы умиленія, но нашу собственную кровь!.. Когда стоязычная молва разнесла вѣсть, что приближается защитникъ отечества, а не измѣнникъ,—вое-

вода витебскій, не великій гетманъ литовскій,—Сапѣга, не Радзивиллъ...

Пану Сапѣгѣ хотѣлось, очевидно, поскорѣе въѣхать въ лагерь. Онъ махнулъ рукой съ добродушною небрежностью и сказалъ:

— Идетъ и Радзивиллъ. Черезъ два дня ужь тутъ будетъ!

Панъ Заглоба смѣшался: во-первыхъ, перебили нить его мыслей, во-вторыхъ, извѣстіе о близости Радзивилла не могло особенно благопріятно повліять на него. Съ минуту простоялъ онъ передъ Сапѣгой, не зная, что дѣлать, наконецъ, опомнился, вытащилъ изъ-за пояса булаву, вспомнилъ, что было подъ Збаражемъ, и проговорилъ торжественнымъ голосомъ:

— Войско избрало меня своимъ вождемъ, но я передаю знакъ моей власти въ болѣе достойныя руки, чтобы дать примѣръ молодежи, какъ нужно отказываться отъ почестей и сана pro publico bono.

Солдаты начали было что-то кричать, но Сапѣга только усмѣхнулся:

— Какъ бы только Радзивиллъ не подумалъ, что вы изъ страха передъ нимъ отдаете мнѣ булаву. Онъ былъ бы очень радъ!

— Онъ меня уже знаетъ,—отвѣтилъ Заглоба,—и не обвинитъ въ трусости: я первый въ Кейданахъ обозвалъ его измѣнникомъ и увлекъ другихъ своихъ примѣромъ.

— Коли такъ, то ведите насъ въ лагерь. Дорогой Володіёвскій сказывалъ мнѣ, что вы образцовый хозяинъ, а мы утомлены и голодны.

Въѣздъ Сапѣги въ лагерь произошелъ среди неописанной радости.

Панъ Заглоба вспомнилъ, что, по слухамъ, Сапѣга не прочь попировать и выпить, и рѣшилъ достойнымъ образомъ отпраздновать день его пріѣзда. Пиръ вышелъ на славу. Разговоръ болѣе шелъ о Радзивиллѣ. Панъ воевода зналъ самыя свѣжія новости о томъ, что дѣлается въ Кейданахъ. По его словамъ, гетманъ литовскій послалъ нѣкоего Кмицица къ шведскому королю съ письмами и съ просьбой, чтобы съ двухъ сторонъ разомъ ударить на Подлясье.

— Вотъ ужь чудеса, такъ чудеса!—воскликнулъ панъ Заглоба.—Еслибъ не этотъ самый Кмицицъ, мы до сихъ поръ не

собрались бы вмѣстѣ и Радзивиллъ могъ бы, если бы подошелъ, съѣсть насъ по одиночкѣ, какъ сѣдлецкіе крендели.

— Мнѣ панъ Володіёвскій все разсказалъ,—отвѣтилъ Сапѣга.—Видно по всему, что онъ питаетъ къ намъ большую любовь. Жаль, что онъ не любитъ отечество въ такой же степени. Люди, подобные ему, не вѣрящіе ни во что, не могутъ никому служить какъ слѣдуетъ и каждому готовы измѣнить, какъ въ данномъ случаѣ Кмицицъ Радзивиллу.

— Но между нами нѣтъ измѣнниковъ и мы всѣ готовы до послѣдней капли крови стоять за васъ!—сказалъ Заглоба.

— Вполнѣ вѣрю этому,—согласился воевода.—Я даже не ожидалъ встрѣтить здѣсь такой достатокъ и долженъ благодарить васъ за вашу предусмотрительность.

Заглоба покраснѣлъ отъ удовольствія. Ему прежде казалось, что воевода обращается съ нимъ хотя ласково, но не съ такимъ почтеніемъ, какое было бы желательно пану ех-военачальнику. Онъ началъ разсказывать, что̀ онъ сдѣлалъ, какіе запасы собралъ, какъ досталъ пушки и сформировалъ пѣхоту; наконецъ, не безъ примѣси хвастовства, упомянулъ о письмахъ, посланныхъ имъ изгнаннику-королю, Хованскому и электору.

— Послѣ моего письма панъ электоръ долженъ будетъ или стать на нашу сторону, или перейти на сторону нашихъ враговъ!—гордо закончилъ онъ.

Воевода погладилъ усы, язвительно улыбнулся и спросилъ:

— А къ германскому императору вы не писали?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ изумленный Заглоба.

— Жаль. Вы могли бы сноситься съ нимъ какъ равный съ равнымъ.

Всѣ полковники громко расхохотались, но панъ Заглоба тотчасъ же постарался доказать, что если воевода хотѣлъ быть косою, то въ лицѣ его, пана Заглобы, наткнулся на камень.

— Ясновельможный панъ!—сказалъ онъ,—къ электору я могъ писать, я и самъ, какъ шляхтичъ, тоже электоръ (избиратель) и не такъ давно еще подавалъ голосъ за Яна Казиміра.

— Правда, правда!—согласился воевода витебскій.

— Но съ такимъ могущественнымъ монархомъ, какъ цезарь, я въ переписку не вступаю, чтобы ко мнѣ не примѣнили пословицу, которую я слышалъ на Литвѣ.

— Что это за пословица?

— «Какая-то дурацкая голова,—должно быть, изъ Витебска!»—проговорилъ, не смущаясь, панъ Заглоба.

Полковники перепугались, но воевода витебскій откинулся на спинку кресла и залился искреннимъ смѣхомъ.

— Ишь какъ онъ поддѣлъ меня!... Дайте мнѣ обнять васъ!... Когда я буду бриться, то попрошу у васъ языкъ на время.

Пиръ продолжался далеко за полночь и затянулся бы еще дольше, еслибъ изъ-подъ Тыкоцина не пріѣхало нѣсколько шляхтичей. По ихъ словамъ, передовые отряды Радзивилла достигли уже этого города.

Глава VI.

Радзивиллъ давно ударилъ бы на Подлясье, еслибъ разныя обстоятельства не удерживали его въ Кейданахъ. Прежде всего, онъ ожидалъ шведскаго подкрѣпленія, а Понтусъ де-ла-Гарди нарочно задерживалъ его присылку. Несмотря на свое родство съ королемъ, шведскій генералъ ни по происхожденію, ни по значенію, ни по богатству не могъ равняться съ литовскимъ магнатомъ и теперь, когда, благодаря стеченію обстоятельствъ, Радзивиллъ находился въ зависимости отъ него, Понтусъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи какъ можно яснѣе выставить свое превосходство.

— Два года тому назадъ онъ считалъ бы за счастье получить мое письмо и завѣщалъ бы его по духовной своимъ потомкамъ,—жаловался князь своимъ дворянамъ,—а теперь корчитъ изъ себя чуть ли не полновластнаго монарха!

Одинъ шляхтичъ, извѣстный по всей околицѣ за свой злой языкъ, однажды позволилъ себѣ сказать:

— Пословица говоритъ, ваше сіятельство: что посѣешь, то и пожнешь.

Радзивиллъ разгнѣвался и приказалъ посадить его въ башню, но на другой день выпустилъ и подарилъ ему цѣнную золотую пряжку, потому что у шляхтича, по слухамъ, водились деньги, а князь хотѣлъ занять у него подъ росписку. Шляхтичъ пряжку принялъ, но денегъ, все-таки, не далъ.

Наконецъ, пришло и шведское подкрѣпленіе,—восемьсотъ человѣкъ тяжелыхъ рейтеровъ; триста человѣкъ пѣхоты и сто легкой кавалеріи Понтусъ отправилъ прямо въ тыкоцинскій замокъ, чтобы на всякій случай имѣть тамъ свой гарнизонъ. Эти послѣд-

ніе, безъ всякой помѣхи со стороны войска Хованскаго, дошли до мѣста своего назначенія; конфедераты въ это время были еще разсѣяны по всему Подлясью и только грабили радзивилловскія имѣнія. Разсчитывали, что князь немедленно тронется съ мѣста, но онъ все еще медлилъ. До него дошли слухи о несогласіяхъ, царствующихъ среди полковниковъ.

«Нужно имъ дать время, чтобъ они схватили другъ друга за горло,—думалъ князь.—Они перегрызутъ другъ друга безъ войны, а тогда мы и на Хованскаго ударимъ».

Но вдругъ начали приходить противуположныя вѣсти. Полковники не только не перегрызлись другъ съ другомъ, но соединились вмѣстѣ подъ Бѣлостокомъ. Князь недоумѣвалъ, что могло послужить причиной такой перемѣны. Наконецъ, имя Заглобы, какъ вождя, достигло княжескихъ ушей. Говорили о заложеніи укрѣпленнаго лагеря, о пушкахъ, взятыхъ Заглобою изъ Бѣлостока, о ростѣ силы конфедератовъ, о массѣ прибывающихъ охотниковъ. Князь Янушъ впалъ въ такой гнѣвъ, что даже неустрашимый Гангофъ не смѣлъ приблизиться къ нему.

Наконецъ, вышелъ приказъ войскамъ готовиться въ походъ. Въ одинъ день вся дивизія была въ готовности: одинъ полкъ нѣмецкой пѣхоты, два шведской, одинъ литовской; панъ Корфъ начальствовалъ артиллеріей, Гангофъ конницей. Кромѣ драгуновъ Харлампа и шведскихъ рейтеровъ, тутъ былъ еще легкій полкъ Невяровскаго и великолѣпная хоругвь самого князя. У князя было не больше войска во время первыхъ войнъ съ Хмельницкимъ; ихъ было достаточно, чтобъ одержать множество блестящихъ побѣдъ и покрыть его имя неувядаемою славой.

Но теперь звѣзда знаменитаго воина закатывалась и онъ самъ томился какимъ-то тягостнымъ предчувствіемъ, заглядывалъ въ будущее и не видѣлъ ничего опредѣленнаго. Онъ пойдетъ на Подлясье, разнесетъ бунтовщиковъ, прикажетъ содрать кожу съ ненавистнаго Заглобы, но что же изъ того? Что дальше? Какая перемѣна произойдетъ отъ этого? Ударитъ ли онъ на Хованскаго, отомститъ ли за цубиховское пораженіе и украситъ ли голову новыми лаврами? Князь говорилъ такъ, но не вѣрилъ этому; повсюду начали ходить слухи, что сѣверныя полчища, встревоженныя ростомъ шведскаго могущества, прекратятъ войну, а, можетъ быть, даже войдутъ въ соглашеніе съ Яномъ Казиміромъ. Тогда Радзивиллу негдѣ и не на чемъ будетъ проявить свою силу. Если бы Янъ Казиміръ съумѣлъ заключить миръ и дви-

нуть на шведовъ своихъ недавнихъ враговъ, тогда счастье могло бы склониться на его сторону противъ шведовъ и, вслѣдствіе этого, противъ этого самаго Радзивилла.

Изъ Короны, правда, извѣстія были благопріятнѣй. Удачи шведовъ превзошли всѣ ожиданія. Воеводства поддавались одно за другимъ; въ Великой Польшѣ они царствовали какъ въ Швеціи, въ Варшавѣ правилъ Радзѣёвскій; Малая Польша не оказывала сопротивленія; Краковъ долженъ пасть не сегодня, такъ завтра; король, покинутый войскомъ и шляхтой, съ горемъ въ сердцѣ, съ разбитою вѣрой въ свой народъ, ушелъ въ Силезію и самъ Карлъ Густавъ дивился легкости, съ которою ему удалось сломить могущество, когда-то страшное самимъ шведамъ.

Но въ этой-то легкости Радзивиллъ и видѣлъ опасность для себя. Онъ предчувствовалъ, что ослѣпленные шведы не будутъ считаться съ нимъ, не будутъ обращать на него вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ оказался вовсе не такимъ всесильнымъ въ Литвѣ, какъ всѣ, не исключая и его самого, думали раньше.

Отдастъ ли ему шведскій король Литву или хотя бы Бѣлую Русь? Не предпочтетъ ли онъ какимъ-нибудь восточнымъ клочкомъ республики успокоить алчность вѣчно голоднаго сосѣда, чтобъ имѣть руки развязанными въ остальной Польшѣ?

Эти вопросы постоянно мучили душу князя Януша и не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью. Понтусъ де-ла-Гарди не осмѣлился бы относиться къ нему съ такимъ неуваженіемъ, еслибъ не надѣялся, что король одобритъ его тактику, или, что еще горше, не былъ бы снабженъ заранѣе инструкціями.

«Пока я стою во главѣ нѣсколькихъ тысячъ людей, — думалъ Радзивиллъ,—на меня еще будутъ обращать вниманіе, но когда у меня не будетъ денегъ, когда наемные полки разбѣгутся,—что тогда?»

Дѣйствительно, давно онъ уже не получалъ аренды со своихъ громадныхъ имѣній; бо̀льшая часть ихъ, разсѣянная по всей Литвѣ вплоть до кіевскаго Полѣсья, была занята непріятелемъ, остальную, подлясскую, разграбили конфедераты.

По временамъ князю казалось, что онъ падаетъ въ пропасть. Всѣ его труды и интриги могли только доставить ему имя измѣнника, ничего больше.

Страшило его и другое видѣніе—смерть. Почти каждую ночь появлялась она у изголовья его ложа и манила его къ себѣ костлявою рукой.

Еслибъ онъ стоялъ наверху славы, еслибъ онъ хоть на минуту могъ возложить на свою голову корону, къ которой стремился съ такою страстью, то встрѣтилъ бы это страшное видѣніе безтрепетнымъ окомъ. Но умереть покрытымъ всеобщимъ презрѣніемъ и безславіемъ,—это казалось страшнѣе самой смерти магнату, гордому какъ самъ сатана.

Не разъ наединѣ или въ присутствіи своего астролога онъ сжималъ свои виски и повторялъ глухимъ голосомъ:

— Горитъ! горитъ! горитъ!

За день до выступленія войскъ гетману дали знать, что князь Богуславъ выѣхалъ изъ Тангоровъ.

Князь Янушъ словно ожилъ. Богуславъ привозилъ съ собою молодость, силу и слѣпую вѣру въ будущность. Въ его лицѣ должна была возродиться Биржанская линія, для него одного трудился князь Янушъ.

Онъ хотѣлъ было самъ ѣхать на встрѣчу ему, но, вспомнивъ о требованіяхъ этикета, выслалъ только золоченую коляску и цѣлую хоругвь Невяровскаго, и приказалъ палить изъ пушекъ, точно въ честь пріѣзда самого короля.

Когда послѣ церемоніальнаго привѣтствія братья остались одни, Янушъ схватилъ Богуслава въ объятія и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Словно ко мнѣ опять возвратились молодость и здоровье!

Но князь Богуславъ внимательно посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Что съ вами, ваше сіятельство?

— Оставимъ въ сторонѣ наши титулы, разъ насъ никто не слышитъ... Что со мною? Болѣнъ я и, кажется, скоро свалюсь, какъ подгнившее дерево... Ну, да не въ томъ дѣло! Какъ моя жена и дочь?

— Онѣ выѣхали изъ Тангоровъ въ Тыльцу. Обѣ здоровы, а Маrіе точно не развернувшаяся роза... Ma foi! Ни у кого въ свѣтѣ нѣтъ болѣе прелестной ножки, а коса до самой земли...

— Она вамъ показалась такою красивой? Тѣмъ лучше. Самъ Богъ внушилъ вамъ мысль пріѣхать сюда. У меня на душѣ становится легче, когда я вижу васъ... Что вы мнѣ привезли *de publicis?*... Что электоръ?

— Вы, вѣдь, знаете, что онъ заключилъ союзъ съ прусскими городами?

— Знаю.

— Только они не очень ему довѣряютъ. Данцигъ не хотѣлъ принять его гарнизона. У нѣмцевъ чутье хорошее.

— И это знаю. А вы не писали къ нему? Что̀ онъ думаетъ о насъ?

— О насъ?...—разсѣянно переспросилъ Богуславъ и началъ безпокойно осматриваться вокругъ. Князь Янушъ думалъ, что онъ ищетъ чего-то, но онъ торопливо подошелъ къ зеркалу, стоящему въ углу, и началъ ощупывать свое лицо.

— Кожа у меня немного обвѣтрѣла... впрочемъ, завтра пройдетъ... Что электоръ думаетъ о насъ? Ничего... Писалъ мнѣ, что не забудетъ о насъ.

— Какъ такъ не забудетъ?

— Письмо у меня съ собою, я покажу вамъ... Пишетъ, что будь, что̀ будетъ, онъ объ насъ не забудетъ... Я ему вѣрю, потому что это ему выгодно. Электоръ столько же заботится о республикѣ, сколько я о своемъ старомъ парикѣ, и охотно бы отдалъ ее шведамъ, еслибъ только могъ сцапать Пруссію; но теперь шведское могущество начинаетъ безпокоить его и ему необходимо имѣть союзника въ будущемъ, и этимъ союзникомъ явитесь вы, если возсядете на литовскомъ престолѣ.

— Еслибъ это такъ и было!... Не для себя добиваюсь я трона!

— На первое время, можетъ быть, не удастся выторговать всю Литву, хотя бы хорошій кусокъ, съ Бѣлоруссіей и Жмудью.

— А шведы?

— Шведы тоже будутъ рады загородиться нами съ востока.

— Вы проливаете бальзамъ на мои раны.

— Бальзамъ... Ахъ, да!... Какой-то колдунъ въ Тангорахъ хотѣлъ продать мнѣ бальзамъ... говоритъ, что кто намажется имъ, того не будетъ брать ни сабля, ни шпага, ни стрѣла. Я приказалъ тотчасъ же вымазать его самого, потомъ пырнуть копьемъ и—вообразите себѣ—копье прошло на-вылетъ!...

Князь Богуславъ расхохотался, но Янушу подобный разговоръ приходился не по вкусу и онъ повернулъ его на старую тему.

— Я послалъ письма къ шведскому королю и ко многимъ нашимъ сановникамъ,— сказалъ онъ.— Должно быть, и вы получили письмо черезъ Кмицица.

— Подождите немного. Поэтому-то я и пріѣхалъ сюда. Что вы думаете о Кмицицѣ?

— Человѣкъ горячій, небезопасный, неукротимый, шальная голова, но одинъ изъ тѣхъ, которые вѣрно служатъ намъ.

— Какже, какже! Меня чуть было въ царство небесное не отправилъ!

— Что такое?—встревожился Янушъ.

— Говорятъ, что вамъ нельзя гнѣваться: васъ сейчасъ же душить начинаетъ. Дайте мнѣ слово терпѣливо и спокойно слушать меня, а я вамъ все разскажу о вашемъ Кмицицѣ и вы его узнаете лучше, чѣмъ знали до сихъ поръ.

— Хорошо, я буду спокоенъ, только, ради Бога, къ дѣлу!

И князь Богуславъ разсказалъ обо всемъ, что произошло въ Пильвишкахъ.

Нужно было удивляться, какъ съ княземъ Янушемъ вновь не повторился припадокъ астмы. Онъ весь дрожалъ, скрежеталъ зубами, рвалъ волосы, наконецъ, крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Да!... Ну, такъ хорошо же! Онъ забылъ только одно, что его возлюбленная въ моихъ рукахъ.

— Сдержитесь же, ради Бога, и слушайте дальше! — перебилъ Богуславъ. — Я сразился съ нимъ по-рыцарски и если не внесу этого приключенія въ свой дневникъ, то только потому, что мнѣ стыдно. Я далъ этому дураку провести себя, какъ ребенка, — я, о которомъ самъ Мазарини говорилъ, что равнаго мнѣ дипломата нѣтъ при всемъ французскомъ дворѣ. Ну, да это въ сторону... Сначала я думалъ, что убилъ этого Кмицица, а теперь имѣю въ рукахъ доказательства, что онъ живъ.

— Ничего, мы найдемъ его, достанемъ, выкопаемъ хоть изъ-подъ земли!... А теперь я нанесу ему такой ударъ, что онъ предпочелъ бы быть сожженнымъ заживо!

— Никакого удара вы ему не нанесете, только себѣ повредите. Слушайте! По пути сюда я замѣтилъ, что какой - то мужикъ на скверной лошаденкѣ все время держится возлѣ моей коляски. Я приказалъ его привести къ себѣ.—Куда ѣдешь?— «Въ Кейданы». — Что везешь? — «Письмо князю воеводѣ». Я взялъ письмо, а такъ какъ между нами тайнъ никакихъ нѣтъ, прочелъ его. Вотъ оно!

Князь Янушъ подалъ письмо Кмицица, то, которое было написано въ лѣсу въ хижинѣ Кемлича.

Князь пробѣжалъ его глазами, смялъ въ бѣшенствѣ и закричалъ:

— Правда, клянусь Богомъ, правда! У него мои письма, а

тамъ написаны такія вещи, которыя шведскій король можетъ счесть за смертельное оскорбленіе для себя.

Тутъ гетмана схватилъ припадокъ астмы, ротъ его искривился, руки судорожно хватались за горло. Князь Богуславъ хлопнулъ въ ладоши и отдалъ распоряженіе сбѣжавшимся слугамъ:

— Присмотрите за княземъ и, когда онъ опомнится, просите его пожаловать въ мою комнату.

Спустя два часа, Янушъ, съ глазами, налитыми кровью, съ распухшими рѣсницами и посинѣвшимъ лицомъ, постучался въ дверь комнаты Богуслава. Богуславъ лежалъ въ постели; лицо его было намазано миндальнымъ молокомъ, которое должно было придавать кожѣ мягкость и блескъ. Безъ парика, безъ румянъ онъ казался гораздо старѣе, чѣмъ въ обыкновенное время, но князь Янушъ не обратилъ на это никакого вниманія.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—что Кмицицъ не рѣшится опубликовать мои письма; это равнялось бы смертному приговору его невѣстѣ. Онъ отлично понимаетъ, что только такимъ образомъ онъ можетъ держать меня въ рукахъ, но и я, въ свою очередь, не могу отомстить ему и одно сознаніе моего безсилія приводитъ меня въ бѣшенство.

— Эти письма нужно достать во что бы то ни стало, — сказалъ Богуславъ.

— Но *quo modo?*

— Вы должны подослать къ нему какого-нибудь ловкаго человѣка. Пусть онъ вступитъ съ нимъ въ дружбу, а затѣмъ, при первой возможности, захватитъ письма, а самого его пырнетъ ножомъ. Нужно обѣщать большую награду.

— Кто возьмется за это?

— Еслибъ это было въ Парижѣ или Германіи, я бы въ одинъ день нашелъ сотню охотниковъ, но въ нашемъ краю и такого товара не достанешь.

— О, еслибъ его можно было схватить живымъ и отдать въ мои руки! Я сразу заплатилъ бы ему за все... Я повторяю вамъ, что смѣлость этого человѣка превосходитъ всякую мѣру. Я и выслалъ-то его потому, что онъ надоѣдалъ мнѣ со всякою мелочью и начиналъ ужь очень безцеремонно проявлять свою волю... Сколько разъ я чуть-чуть не приказалъ разстрѣлять его. Но я не могъ сдѣлать этого, не могъ...

— Скажите, правда ли, что онъ намъ сродни?

— Онъ дѣйствительно родственникъ Кишекъ, а черезъ нихъ и нашъ.

— Да? Онъ поклялся мстить намъ до послѣдняго издыханія. Къ счастью, я далъ ему урокъ, что и съ нами враждовать не особенно легко. Согласитесь, что я обошелся съ нимъ по-радзивилловски, и еслибъ какой-нибудь французскій рыцарь могъ похвалиться подобнымъ подвигомъ, то болталъ бы объ этомъ по цѣлымъ днямъ, за исключеніемъ времени обѣда, сна и поцѣлуевъ... Они какъ сойдутся вмѣстѣ, то врутъ другъ передъ другомъ такъ, что солнцу становится стыдно свѣтить... А что это за дѣвушка, о которой вы говорили?

— Биллевичъ.

— Биллевичъ? Тутъ не фамилія нужна... Скажите, хороша она? (Замѣтьте, мнѣ ничего не стоитъ говорить стихами).

— Я не обращаю вниманія на женщинъ, но думаю, что и королева польская могла бы позавидовать ея красотѣ.

— Польская королева? Марія-Луиза? Во времена Сенъ-Марса, можетъ быть, и она была не дурна, но теперь при видѣ ея всякая собака взбѣсится. Если ваша Биллевичъ такова, то можете оставить ее у себя; но если она дѣйствительно хороша, то я возьму ее въ Тангоры... Тамъ мы вмѣстѣ обдумаемъ, какъ отомстить Кмицицу.

Янушъ задумался на минуту.

— Нѣтъ,— сказалъ онъ, — вы употребите насиліе противъ нея, и тогда Кмицицъ опубликуетъ письма.

— Я буду прибѣгать къ силѣ съ какою - то сельскою красоткой?... Безъ хвастовства, мнѣ приходилось имѣть дѣло и не съ такими, а насилія я еще не пускалъ никогда въ ходъ. Разъ только, но то было во Фландріи... Дура была... дочь оружейника... Потомъ пришли испанскіе пѣхотинцы... все было записано на ихъ счетъ.

— Вы не знаете этой дѣвушки... Это чисто-ходячая добродѣтель, монахиня какая-то.

— Я и монахинь знаю.

— Притомъ, она ненавидитъ насъ,— патріотка... Она-то и Кмицица сбила съ толку. Между нашими женщинами такихъ немного найдется... Умъ у ней мужской... Яростная партизанка Яна Казиміра.

— Мы постараемся еще болѣе увеличить число его партизановъ.

— Нѣтъ, я не сдѣлаю этого, иначе Кмицицъ опубликуетъ письма... Я долженъ беречь ее, какъ зѣницу ока... до поры до времени. Потомъ я отдамъ ее вамъ или вашимъ драгунамъ,—мнѣ все равно.

— Даю вамъ честное слово, что я не прибѣгну къ силѣ, а я всегда сдерживаю свое слово... развѣ за исключеніемъ политики... Мнѣ было бы стыдно, еслибъ я не могъ добиться желаемаго другимъ путемъ.

— Вы ничего и не добьетесь.

— Въ самомъ худомъ случаѣ съѣмъ отказъ, а получить отказъ отъ женщины не стыдно... Вы идете на Подлясье, что вы будете дѣлать съ нею? Съ собой ее не возьмете, здѣсь не оставите, потому что сюда придутъ шведы, а намъ нужно, чтобъ эта дѣвушка, comme otage, осталась въ нашихъ рукахъ... Не лучше ли будетъ, если я возьму ее въ Тангоры, а Кмицицу напишу: «отдай письма, а я отдамъ тебѣ невѣсту»? Если я отдамъ ее не совсѣмъ такою, какою взялъ, то вотъ вамъ и начало мести.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны будете взять и ея дядю, мечника росенскаго. Онъ тоже гоститъ здѣсь.

— Ну, нѣтъ. Шляхтичъ, вѣроятно, мажетъ сапоги саломъ по старому обычаю, а я этого выносить не могу. Впрочемъ, мы увидимъ это. Пригласите ихъ сегодня ужинать, чтобъ я могъ рѣшить, стоитъ ли игра свѣчъ, а пока я обдумаю планъ. Только, ради Бога, не говорите ей о выходкѣ Кмицица; это могло бы только возвысить его въ ея мнѣніи. Да за ужиномъ не спорьте со мной, что̀ бы я ни говорилъ. Вы увидите мой планъ и вспомните свою молодость.

Гетманъ махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты, а князь Богуславъ заложилъ обѣ руки подъ голову и принялся за обдумываніе своего плана.

Глава VII.

Къ ужину, кромѣ мечника росенскаго и Александры, пришли нѣсколько кейданскихъ офицеровъ и дворянъ князя Богуслава. Самъ онъ явился въ такомъ великолѣпномъ костюмѣ, что положительно ослѣплялъ глаза. Парикъ его былъ завитъ волнистыми локонами, лицо напоминало розы и лиліи, а глаза горѣли, какъ звѣзды. Одежда его состояла изъ чернаго кафтана, съ разрѣз-

ными рукавами, на шеѣ красовался воротникъ изъ чудеснѣйшихъ брабантскихъ кружевъ, громадной цѣны, а черезъ правое плечо до лѣваго бедра шла перевязь шпаги, изъ голландской кожи, такъ усѣянная брилліантами, что казалась совершенно огненной. Такъ же сверкала брилліантами и рукоять шпаги Богуслава, а въ розеткахъ его башмаковъ свѣтили два самыхъ большихъ, величиною въ лѣсной орѣхъ. Вся фигура его дышала красотой и благородствомъ.

Въ одной рукѣ онъ держалъ кружевной платокъ, другою поддерживалъ шляпу, украшенную неимовѣрно длинными черными страусовыми перьями.

Всѣ, не исключая князя Януша, смотрѣли на него съ восторгомъ и удивленіемъ. Князю воеводѣ приходили на память его молодыя лѣта, когда онъ точно также затмѣвалъ всѣхъ при французскомъ дворѣ своею красотой и богатствомъ. Пора эта давно прошла, но теперь гетману казалось, что онъ возродился въ этомъ изящномъ рыцарѣ, который, вдобавокъ, носилъ одинаковую съ нимъ фамилію.

Богуславъ разговаривалъ съ Гангофомъ. Можетъ быть, онъ нарочно сталъ съ нимъ рядомъ для бо́льшаго контраста (Гангофъ обладалъ изумительно уродливымъ лицомъ).

Наконецъ, появились и дамы — пани Корфъ и Александра. Богуславъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и, поклонившись сначала пани Корфъ, приложилъ уже было палецъ къ губамъ, чтобъ послать паннѣ Биллевичъ, по тогдашней модѣ, воздушный поцѣлуй, какъ замѣтилъ ея гордую осанку и въ одну минуту измѣнилъ тактику. Онъ схватилъ въ правую руку шляпу и, приблизившись къ молодой дѣвушкѣ, склонился такъ низко, что локоны его парика упали по обѣимъ сторонамъ его плечъ, а шпага приняла горизонтальное положеніе. Болѣе почтительнаго поклона онъ не могъ отдать французской королевѣ. Александра (она слышала о его пріѣздѣ и сразу догадалась, кто стоитъ передъ нею) также низко присѣла передъ нимъ.

Богуславъ поднялъ голову, живо подошелъ къ Александрѣ и подалъ ей руку.

— Я не вѣрю своимъ глазамъ!—началъ Богуславъ, провожая ее къ столу.—Скажите, прелестная богиня, какимъ образомъ вы спустились съ Олимпа въ Кейданы?

— Я простая шляхтянка, не богиня, и могу принять слова вашего сіятельства только за очень преувеличенную любезность.

— О, будь въ этой комнатѣ хоть одно зеркало, я тотчасъ же подвелъ бы васъ къ нему, и вы увидали бы, что я нисколько не преувеличиваю.

Онъ наклонилъ голову и передъ Александрой блеснули его глаза, большіе, черные, искрящіеся. Дѣвушка вспыхнула яркимъ румянцемъ, потупилась и отступила немного назадъ; она почувствовала, что локоть Богуслава слегка прижимаетъ ея руку къ сердцу.

За столомъ онъ занялъ мѣсто рядомъ съ ней и видно было, что ея красота произвела на него дѣйствительно сильное впечатлѣніе. Онъ разсчитывалъ видѣть здоровую, краснощекую шляхтянку, но встрѣтилъ гордую панну, въ глазахъ которой виднѣлся серьезный умъ и непреклонная воля, полную той прелести, которая невольно привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца. Но помимо этого въ ней было еще какое-то величіе и Богуславъ противъ воли подумалъ: «Я черезъ-чуръ рано сжалъ ея руку... съ такими сразу ничего не возьмешь».

Но, тѣмъ не менѣе, онъ поклялся покорить ея сердце и съ какою-то дикою радостью предвкушалъ сладость минуты, когда эта дѣвственная чистота и величіе склонятся передъ его волей. На пути къ цѣли стояла грозная фигура Кмицица, но это еще болѣе возбуждало духъ самоувѣреннаго рыцаря. Подъ вліяніемъ быстрой смѣны ощущеній, онъ весь разгорѣлся, кровь начала быстро пробѣгать по его жиламъ. Онъ весь сіялъ, какъ его брилліанты.

Разговоръ за столомъ сдѣлался общимъ, или, вѣрнѣе, перешелъ въ общій хоръ похвалъ Богуславу. Блестящій рыцарь слушалъ все это съ усмѣшкой, но безъ всякаго вида удовлетворенія, какъ вещи очень старыя, очень знакомыя. Имена князей, маркизовъ, графовъ, побѣжденныхъ имъ на поединкахъ, такъ и лились одно за другимъ. Слушатели приходили въ изумленіе, а князь Янушъ съ довольною улыбкой поглаживалъ свои длинные усы.

— Рыцарей интересуютъ только военные подвиги, но мы, женщины, желали бы услыхать о другихъ побѣдахъ вашего сіятельства. До насъ доходило столько слуховъ...—вмѣшалась въ разговоръ пани Корфъ.

— Все это неправда... Правда, меня хотѣли сосватать... Ея величество королева Франціи была такъ милостива...

— Съ принцессой де-Роганъ,—перебилъ Янушъ.

— И съ другой, де-ла-Форсъ... Но такъ какъ даже и король не можетъ распоряжаться чужимъ сердцемъ, а богатства, слава Богу, намъ нечего искать во Франціи, то изъ этого ничего и не вышло... Правда, эти дѣвушки были знатны и очень красивы, но у насъ не мало и еще болѣе красивыхъ.

Тутъ онъ бросилъ взглядъ на Александру. Та сдѣлала видъ, что ничего не слышитъ, а пани Корфъ живо отвѣтила:

— Такихъ много, нѣтъ только такихъ, кто могъ бы равняться съ вами богатствомъ и родомъ.

— Позвольте мнѣ не согласиться съ вами,—горячо заговорилъ Богуславъ.—Во-первыхъ, никакая польская шляхтянка не стоитъ ниже Рогановъ и де-ла-Форсовъ (таково мое искреннее убѣжденіе); во-вторыхъ, Радзивилламъ не въ первый разъ жениться на шляхтянкахъ, какъ это могутъ подтвердить многочисленные примѣры. Увѣряю васъ, что шляхтянка, которая станетъ женою Радзивилла, даже при французскомъ дворѣ можетъ имѣть преимущество передъ княгинями и принцессами...

— Благородный человѣкъ! — шепнулъ Александрѣ мечникъ росенскій.

— Я всегда былъ такого мнѣнія, хотя мнѣ не разъ было стыдно сравнить польское дворянство съ иностраннымъ. Развѣ тамъ могло бы имѣть мѣсто то, что произошло здѣсь? Развѣ всѣ могли бы покинуть своего государя?... Покинуть!—этого мало: покушаться на его жизнь! Да, французскій дворянинъ можетъ совершить какое угодно преступленіе, но королю своему не измѣнитъ.

Всѣ съ недоумѣніемъ посмотрѣли на князя. Гетманъ нахмурился, а Александра не спускала своихъ восхищенныхъ, благодарныхъ глазъ съ лица Богуслава.

— Простите, князь,—продолжалъ Богуславъ, обращаясь къ Янушу,—я знаю, вы не могли поступить иначе,—это было единственное средство спасти Литву; но, уважая васъ, какъ старшаго, и любя, какъ брата, я не перестану спорить съ вами о Янѣ Казимірѣ. Мы въ своемъ кругу, и я открыто говорю то, что думаю: да, это былъ незабвенный государь, добрый, милостивый и вдвойнѣ дорогой моему сердцу. Вѣдь, я первый изъ поляковъ сопровождалъ его, когда его выпустили изъ французскаго плѣна. Правда, я былъ тогда почти еще ребенкомъ, но никогда не забуду этого и готовъ былъ бы отдать свою кровь,

чтобъ, по крайней мѣрѣ, защитить его отъ злодѣевъ, что покушаются на его жизнь.

Янушъ понялъ игру Богуслава, но и тогда она показалась ему черезъ-чуръ смѣлою и рискованною для такого ничтожнаго выигрыша.

— Боже мой! о какихъ покушеніяхъ на жизнь его величества вы говорите?—спросилъ онъ, не скрывая своего неудовольствія.—Можетъ ли такое чудовище найтись среди польскаго народа?... Клянусь, ничего подобнаго не бывало съ самаго начала республики!

Богуславъ поникъ головой.

— Не болѣе, какъ мѣсяцъ тому назадъ,—съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ заговорилъ онъ,—когда я ѣхалъ изъ Подлясья въ Тангоры, ко мнѣ явился одинъ шляхтичъ... изъ очень хорошаго дома. Этотъ шляхтичъ, не зная моихъ истинныхъ чувствъ къ нашему доброму государю, вѣроятно, считалъ меня его врагомъ. И вотъ онъ за большую награду брался ѣхать въ Силезію, похитить Яна Казиміра и отдать его въ руки шведовъ живымъ или мертвымъ...

Всѣ присутствующіе окаменѣли отъ изумленія.

— А когда я съ гнѣвомъ и негодованіемъ отвергъ его предложеніе, этотъ мѣднолобый человѣкъ сказалъ мнѣ: «Тогда я поѣду къ Радзѣёвскому; тотъ купитъ и заплатитъ мнѣ на вѣсъ золота...»

— Я не считалъ себя другомъ Яна Казиміра, — сказалъ Янушъ,—но еслибъ такое предложеніе было сдѣлано мнѣ, то предложившаго я, безъ всякаго суда, приказалъ бы растрѣлять.

— Въ первую минуту и я хотѣлъ было сдѣлать то же самое,—отвѣтилъ Богуславъ,—но нашъ разговоръ происходилъ съ глазу на глазъ, а о тиранствѣ и жестокости Радзивилловъ и такъ не мало толковъ. Все-таки, я напугалъ его, сказавъ, что не только Радзѣёвскій, но даже Хмельницкій или шведскій король, навѣрное, наказали бы его смертью,—однимъ словомъ, постарался отвлечь его отъ коварнаго замысла. Есть надежда, что кара не минетъ его, и вы, князь, первый можете наказать, такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу вашихъ дворянъ; онъ даже вашъ полковникъ...

— Что такое?... мой дворянинъ?... мой полковникъ?... Кто такой? Кто?... Говорите!

— Его фамилія Кмицицъ!—сказалъ Богуславъ.

— Кмицицъ?!—повторили всѣ присутствующіе.

— Неправда!—вдругъ вскрикнула панна Биллевичъ, вскакивая со стула съ искрящимися глазами и волнующеюся грудью.

Наступило глухое молчаніе. Одни не остыли еще отъ страшной новости, сообщенной Богуславомъ, другіе удивлялись дерзости дѣвушки, которая осмѣлилась обвинить Радзивилла во лжи. Мечникъ началъ бормотать: «Александра! Александра!» а Богуславъ облекъ свое лицо тучею грусти и проговорилъ безъ гнѣва:

— Если это родственникъ или женихъ панны, то мнѣ очень грустно... Но, во всякомъ случаѣ, выбросьте его изъ своего сердца; онъ не стоитъ васъ.

Александра простояла еще съ минуту, наконецъ, лицо ея мало-по-малу начало вновь принимать первоначальную окраску и она опустилась на свое мѣсто.

— Простите, князь,—сказала она.—Я напрасно сомнѣвалась въ вашихъ словахъ... Отъ этого человѣка всего ожидать можно.

— Пусть меня покараетъ Богъ, если я питаю къ вамъ какое-нибудь чувство, кромѣ жалости,—мягко сказалъ Богуславъ.

— Онъ былъ женихъ этой панны,—вмѣшался князь Янушъ.—Я самъ ихъ сосваталъ. Человѣкъ молодой, глупостей надѣлалъ массу... я освободилъ его отъ суда,—онъ добрый солдатъ. Положимъ, я зналъ его буйный характеръ, но такое злодѣйство... нѣтъ, я не могъ ожидать этого!

— Оставимъ этотъ разговоръ!—воскликнулъ Богуславъ.—Если и вамъ тяжело слушать это, то каково же паннѣ Биллевичъ?

— Не обращайте на меня вниманія,—отвѣтила Александра,—я могу все выслушать.

Но ужинъ подходилъ къ концу, подавали воду для мытья рукъ.

Князь Янушъ всталъ первый и подалъ руку пани Корфъ, а Богуславъ Александрѣ.

— Богъ покаралъ измѣнника,—тихо сказалъ онъ.—Кто потерялъ васъ, тотъ потерялъ рай... Нѣтъ и двухъ часовъ, какъ я увидалъ васъ, и радъ бы видѣть вѣчно, но не въ слезахъ и горести, а въ блаженствѣ и счастьи.

— Благодарю васъ,—медленно отвѣтила Александра.

Послѣ ухода дамъ, мужчины вновь возвратились къ столу и

принялись за кубки. Богуславъ пилъ напропалую,—онъ былъ очень доволенъ собою. Князь Янушъ разговаривалъ съ мечникомъ.

— Завтра я выхожу съ войскомъ на Подлясье,—сказалъ онъ.—Въ Кейданы придетъ шведскій гарнизонъ. Когда возвращусь, одному Богу извѣстно... Вы не можете оставаться здѣсь; солдаты — неподходящая компанія для вашей племянницы. Вы оба поѣдете вмѣстѣ съ княземъ Богуславомъ въ Тангоры. Панна Александра можетъ поступить въ штатъ двора моей жены.

— Ваше сіятельство,—отвѣтилъ мечникъ,—Богъ далъ намъ свой домъ, зачѣмъ намъ скитаться по чужимъ? Вы очень добры къ намъ, но я не хочу злоупотреблять вашею добротой и предпочиталъ бы вернуться подъ отцовскую кровлю.

Князь не могъ выяснить пану мечнику всѣхъ поводовъ, въ силу которыхъ ему ни за что не хотѣлось выпускать изъ рукъ Александру, но кое-что, все-таки, онъ сказалъ со всею рѣзкостью откровенности магната:

— Если вы считаете это добротою, то тѣмъ лучше... Но я вамъ долженъ сказать, что, кромѣ доброты, я руководствуюсь еще и осторожностью. Вы будете моимъ заложникомъ и отвѣтите за всѣхъ Биллевичей, которые, какъ я хорошо знаю, не принадлежатъ къ числу моихъ друзей и готовы поднять всю Жмудь, когда я уйду... Можете посовѣтовать имъ, чтобы сидѣли спокойно и ничего не дѣлали противъ шведовъ; за это вы отвѣтите мнѣ своею головой и головой вашей племянницы.

Мечникъ начиналъ терять терпѣніе и живо отвѣтилъ:

— Конечно, мнѣ безполезно указывать на мои шляхетскія права. Сила останется, все-таки, на сторонѣ вашего сіятельства, а мнѣ все равно, гдѣ ни сидѣть въ тюрьмѣ; даже я предпочитаю сидѣть тамъ, а не здѣсь!

— Довольно!—грозно сказалъ князь.

— Довольно и довольно!—проворчалъ мечникъ.—Богъ дастъ, время насилія скоро минетъ и законъ вновь войдетъ въ свои права. Короче говоря, вашему сіятельству нечего стращать меня,— я васъ не боюсь!

Богуславъ увидалъ, какъ молнія гнѣва сверкнула въ глазахъ Януша, и быстро подошелъ къ разговаривающимъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Я сказалъ пану гетману,—раздражительно отвѣтилъ мечникъ,—что предпочитаю тюрьму въ Тангорахъ, нежели въ Кейданахъ.

— Въ Тангорахъ нѣтъ тюрьмы, тамъ только мой домъ, въ которомъ вы будете какъ у себя. Я знаю, гетманъ видитъ въ васъ заложника, я—дорогаго гостя.

— Благодарю васъ, ваше сіятельство.

— Это я долженъ благодарить васъ. Чокнемся и выпьемъ. Старые люди говорили, что пріязнь надо поливать, чтобъ она не засохла въ зародышѣ.

Часъ спустя, мечникъ, слегка пошатываясь, возвращался въ свою комнату и въ полголоса разговаривалъ самъ съ собою:

— Вотъ это магнатъ, такъ магнатъ! Такого вниманія, предупредительности днемъ съ огнемъ не отыщешь!... Чистое золото!

Братья остались наединѣ.

— Очевидно,—спросилъ Янушъ,—что въ вашемъ разсказѣ о Кмицицѣ нѣтъ и слова правды?

— Очевидно... Вы сами хорошо знаете. Ну, что, скажите, Мазарини не правду ли говорилъ? Однимъ ударомъ отомстить врагу и сдѣлать брешь въ прекрасной крѣпости... Вотъ это называется интригой, достойной перваго дипломата въ свѣтѣ! А эта панна — чистая жемчужина! Я думалъ, что у меня сердце выскочитъ.

— Помните, что вы дали слово... Помните, что вы погубите насъ, если тотъ опубликуетъ письма.

— Что за брови! Что за королевскій взоръ!... Поневолѣ чувствуешь какое-то почтеніе, страхъ... Откуда въ дѣвушкѣ такое почти царственное величіе?... Разъ въ Антверпенѣ я видѣлъ на гобеленѣ дивно вытканную Діану, травящую собаками любопытнаго Актеона... Точь-въ-точь она!

— Смотрите, какъ бы Кмицицъ не опубликовалъ писемъ, тогда насъ собаки, навѣрное, загрызутъ до смерти.

— О, нѣтъ! Это я Кмицица превращу въ Актеона и затравлю на смерть. Два раза я уже разбилъ его на голову, но дѣло между нами еще пока не кончено... Смотрите, вонъ вамъ пажъ принесъ какое-то письмо.

Воевода виленскій взялъ письмо въ руки и перекрестилъ его. Онъ всегда дѣлалъ такъ, чтобъ уберечь себя отъ дурныхъ вѣстей. Вдругъ лицо его перемѣнилось.

— Печать Сапѣги!—закричалъ онъ,—это отъ воеводы витебскаго.

Гетманъ сломалъ печать и началъ читать про себя, прерывая чтеніе восклицаніями:

— Идетъ на Подлясье!... Спрашиваетъ, не дамъ ли я ему порученій въ Тыкоцинъ!... Издѣвается!... Еще хуже, послушайте, что онъ пишетъ дальше:

«И такъ, ваше сіятельство желаете междоусобной войны, хотите вонзить еще одинъ мечъ въ грудь матери-родины? Въ такомъ случаѣ, приходите въ Подлясье, я жду васъ и надѣюсь на Бога, что Онъ покараетъ вашу гордость моими руками. Но если вы имѣете хоть какую-нибудь жалость къ отечеству, если совѣсть заговорила въ васъ, если васъ тяготятъ ваши прежніе поступки и вы хотите раскаяться, то дорога передъ вами открыта. Созовите всеобщее ополченіе, поднимите крестьянство и ударьте на шведовъ. Помѣхи со стороны Хованскаго вы не встрѣтите никакой; онъ самъ собирается напасть на Инфлянты, хотя держитъ это въ тайнѣ. Наконецъ, если бы Хованскій даже и хотѣлъ что-нибудъ предпринять, я удержу его и всѣми силами постараюсь помочь вашему сіятельству спасти отечество. Все зависитъ отъ однихъ васъ; время возвратиться на истиный путь и загладить свои вины еще не миновало. Тогда станетъ очевиднымъ, что вы не изъ личныхъ соображеній, но только для предотвращенія конечной гибели Литвы приняли шведскій протекторатъ. Да просвѣтитъ васъ Господь, о чемъ я каждый день молю Его, хотя ваше сіятельство почему-то приписываете мнѣ какіе-то враждебные замыслы.

«*P. S.* Говорятъ, блокада съ Несвижа снята и князь Михалъ хочетъ присоединиться къ намъ, какъ только приведетъ все въ порядокъ. Посмотрите, какъ поступаютъ достойные ваши родственники, и послѣдуйте ихъ примѣру, и, во всякомъ случаѣ, имѣйте въ виду, что теперь для васъ наступила рѣшительная минута».

— Слышали?—спросилъ князь, окончивъ письмо.

— Слышалъ... Ну, и что-жь?—отвѣтилъ Богуславъ, проницательно глядя на брата.

— Нужно отречься отъ всего, все бросить, порвать собственными руками свою же работу...

— Поссориться съ могущественнымъ Карломъ Густавомъ и держаться за хвостъ изгнаннаго Яна Казиміра, чтобъ изволилъ смилостивиться и вновь принять на службу... а пана Сапѣгу просить о заступничествѣ...

Лицо Януша побагровѣло.

— Замѣчаете, какъ онъ пишетъ мнѣ: «исправься, и я прощу тебѣ»,—точно монархъ къ своему подданному!

— Онъ иначе писалъ бы, если бы надъ его головой сверкнуло шесть тысячъ сабель.

— Однако...—тутъ князь Янушъ угрюмо задумался.

— Однако, что?

— Можетъ быть, можно спасти отечество, если поступить по совѣту Сапѣги?

— А себя? А меня? А Радзивилловъ?

Янушъ не отвѣтилъ ничего, поникъ головой на сложенныя руки и думалъ.

— Пусть будетъ такъ!... Завтра иду на Подлясье, а черезъ недѣлю ударю на Сапѣгу.

— Вотъ это по-радзивилловски!—воскликнулъ Богуславъ и подалъ ему руку.

Огни мало-по-малу гасли въ замкѣ. Только одна Александра Биллевичъ не спала въ своей комнатѣ. Стоя на колѣняхъ передъ своимъ ложемъ, она ломала руки и шептала:

— Смилуйся надъ нами... смилуйся надъ нами!

Въ первый разъ послѣ выѣзда Кмицица она не хотѣла, не могла молиться за него.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАЗЛАДЪ *).

(Повѣсть).

V.

Каменева на другой день почувствовала себя положительно больной, но, по обыкновенію, не обратила вниманія на это обстоятельство, приписывая слабость волненію вчерашняго дня. Съ утра она отправилась по редакціямъ, прося работы. Всюду ее любезно выслушивали, сожалѣли, упоминали о другихъ сотрудницахъ *Правды,* которыя опередили Каменеву въ поискахъ, разспрашивали о подробностяхъ, но, въ концѣ-концовъ, объявляли, что редакціи завалены рукописями, мѣста постоянныхъ сотрудниковъ всѣ заняты... «Впрочемъ, отчего же?... Приносите статейку, можетъ быть, понравится, пустимъ».

Каменева напоминала, мучительно краснѣя, что она извѣстна по своимъ работамъ во *Всемірномъ Телеграфѣ.*

— Вы же сами, ваша газета,—сказала она въ одной редакціи,—обратили вниманіе на мою работу...

— Приносите, приносите, увидимъ,—снисходительно замѣчали ей секретари и редакторы.

Надо было много наивности, чтобы вѣрить этимъ обѣщаніямъ, и Каменева не вѣрила имъ. Она побывала во всѣхъ маломальски порядочныхъ редакціяхъ и уныло наняла извощика, чтобы ѣхать въ знакомыя ей *Равнину* и *Смѣхъ сквозь слезы.*

Тамъ ее встрѣтили участливо. Въ *Равнину* перешли многіе сотрудники изъ *Всемірнаго Телеграфа.* Ее узнали, усадили, предложили чаю, засыпали разспросами и новостями о *Всемір-*

---

*) *Русская Мысль,* кн. VI.

номъ Телеграфѣ. Редакторъ, котораго она видѣла всего второй разъ, просилъ зайти за отвѣтомъ черезъ двѣ недѣли и взялъ разсказъ.

Она вышла, ободренная, и быстро зашагала въ редакцію *Смѣха сквозь слезы*, находившуюся недалеко. Но было уже поздно, и швейцаръ объявилъ ей, что пріемъ бываетъ здѣсь одинъ разъ въ недѣлю.

— Черезъ недѣлю пожалуйте.

Разбитая, она вернулась домой и, снова перемогая усталость, засѣла за переводы. Однако, работала она не долго и слегла въ постель. Маша нашла, что у нея лихорадка, присовѣтовала послать за хининомъ и напоила ее липовымъ цвѣтомъ.

— Боже мой! Неужели я заболѣю?—ужасалась Каменева.

— Богъ милостливъ! Отдохнете, выспитесь, пропотѣете, все какъ рукою сниметъ,—утѣшала Маша.

Она сидѣла цѣлые дни дома, выходя только за работой, либо для того, чтобы отнести готовое платье. Очевидно, добродѣтель эта давалась ей не легко: она частенько плакала украдкой отъ Валентины Львовны, частенько раздражительно покрикивала на расходившихся у нея въ номерѣ мальчиковъ, сидѣла насупясь и тяжко вздыхала, но все же выдерживала характеръ. Ее поддерживало участіе къ Валентинѣ Львовнѣ и Вѣрочкѣ, и горе Каменевой заставляло ее забывать о собственномъ горѣ.

Вѣрочка начинала поправляться, но Каменевой не было лучше. Случались дни, когда она чувствовала въ себѣ много силы и здоровья, но длилось такое состояніе не долго. Къ вечеру температура тѣла быстро подымалась; кашель усиливался, а съ нимъ возвращался и полный упадокъ силъ. Иванъ Александровичъ не былъ у нихъ цѣлую недѣлю, и Каменева догадывалась, что женѣ его совсѣмъ плохо.

Деньги, данныя Машей, быстро таяли. Въ банкирской конторѣ за билетъ дали всего 150 рублей. Пятьдесятъ отданы были за квартиру, сорокъ—въ уплату стараго долга, десять рублей доктору; въ первыя же сутки по полученіи денегъ отъ нихъ оставалось не болѣе 50-ти рублей; затѣмъ на эти деньги обѣдали, платили понемногу въ лавки, и по прошествіи недѣли Каменева осталась съ 30 рублями... Ей дѣлалось жутко. Маша заговаривала о дачѣ, которую не мѣшало бы теперь искать; но за нездоровьемъ Валентины Львовны обѣимъ имъ некогда было начать

поиски. Каменева боялась даже, что къ маю онѣ не успѣютъ перебраться,—денегъ не будетъ.

Переводы подвигались успѣшно, затѣмъ Валентина Львовна послала письмо въ петербургскій журналъ, куда отослала свой разсказъ. Пора было давно имъ отвѣтить. Шестимѣсячный срокъ истекалъ.

Какъ только наступилъ день пріема посѣтителей въ редакціи *Смѣха сквозь слезы*, Валентина Львовна отвезла редактору свой переводъ, первыя главы котораго были окончены. Ее попросили зайти за отвѣтомъ черезъ недѣлю.

Отъ Чагина въ началѣ второй недѣли было получено письмо. Онъ ничего не упоминалъ о жалкомъ концѣ *Правды*, но участливо освѣдомлялся о здоровьѣ Валентины Львовны и Вѣры. «Какъ идутъ дѣла? Я безпокоюсь»,—писалъ онъ.

Каменева тотчасъ же сѣла писать отвѣтъ. Тонъ ея письма былъ какъ-то вызывающе веселъ, скорѣе насмѣшливъ. Она увѣряла Чагина, что нисколько не огорчена прекращеніемъ газеты, что работу достать не трудно, здоровье ея и Вѣры лучше,—словомъ, желать ничего не надо. Она то подсмѣивалась надъ его безпокойствомъ, то гнѣвно выговаривала ему за недовѣріе къ ея силамъ. Онъ обѣщалъ пріѣхать недѣли черезъ полторы, потому что работы задержатъ; она, однако, не звала его. Перечесть письмо она не рѣшилась, чувствуя, что разорветъ его тогда: слишкомъ оно грубо и неискренно вылилось изъ-подъ пера.

Въ ожиданіи отвѣта изъ редакціи *Смѣха сквозь слезы*, Валентина Львовна не могла себя принудить переводитъ дальше и начала работу для газеты, когда-то отзывавшейся о ней съ похвалой. Это была компиляція одной научной статьи. Въ два дня она окончила статью и пошла съ нею въ редакцію. Сдавъ ее, она вдругъ увидала временный застой въ работѣ. Отовсюду приходилось ждать отвѣта и рѣшенія, спѣшнаго дѣла не предвидѣлось. Она испугалась,—испугалась возможности остаться съ незанятою головой, возможности вдуматься въ свое положеніе и въ будущее. На это она не находила силъ. Отчаянно набросилась она на разсказъ, но способность творчества исчезла. Она ложилась на постель и старалась забыться сномъ. Досугъ мучилъ ее, мучилъ праздностью мозга, въ которомъ зарождались печальныя картины, мрачныя предчувствія. «А если всѣ обманутъ и работы не будутъ приняты?»—иногда нежданно вставала предъ ней мысль. И она гнала ее прочь, не имѣя силъ задуматься надъ

ней, желая удержать надежды, которыя чахли, какъ цвѣты безъ солнца.

— Валентина Львовна, вамъ письмо! — объявила какъ-то утромъ Маша, входя въ номеръ Каменевой. — Я поштальона въ колидорѣ встрѣла...

Каменева обернулась и жадно схватила письмо. Въ глазахъ ея потемнѣло. На конвертѣ стояло имя редакціи петербургскаго журнала, откуда она такъ давно и страстно ждала отвѣта. Выходившая изъ номера Маша испугалась бы, еслибъ увидала страшную блѣдность, покрывшую лицо Каменевой. Она стояла неподвижно у стола, не разрывая конверта и словно силясь проникнуть взоромъ сквозь его атласистую, сѣрую бумагу. Что ждало ее тамъ? До сихъ поръ, если Каменевой приходило въ голову, что разсказъ не будетъ принятъ, она старалась гнать эти мысли, боясь отчаянія. И теперь впервые она очутилась лицомъ къ лицу съ этимъ страшнымъ «невѣдомымъ». Черезъ мгновеніе она могла узнать о своей участи, и она отдаляла это давно жданное мгновеніе, отдаляла его съ ужасомъ, жалѣя, что оно наступило. Задыхаясь, такъ сильно билось ея сердце, она сорвала конвертъ, мягко скользнувшій на полъ. Теперь она была увѣрена въ неудачѣ и удивлялась, какъ могла она прежде разсчитывать на успѣхъ.

Письмо выпало изъ ея рукъ. Она тяжело опустилась на стулъ и уронила голову на столъ.

Да... она была поражена, она была убита и первый разъ въ жизни она усомнилась въ самой себѣ. Какъ ни приготовилась она въ послѣднюю минуту къ отказу, но онъ сразилъ ее неожиданностью, потому что надежда, лелѣянная ею такъ долго, не могла замереть вполнѣ при видѣ письма и невольно поддерживала ея силы. Теперь она не надѣялась, не вѣрила въ себя, ничего не ждала и была бы счастлива, если бы могла заплакать.

Сколько времени просидѣла она такъ, она не помнила. Никогда, даже послѣ разрыва съ Чагинымъ, даже послѣ смерти мужа, даже послѣ потери мѣста во *Всемірномъ Телеграфѣ* не переживала она такихъ жуткихъ минутъ. Тогда была вѣра въ свои силы, въ свой талантъ, въ творчество, какъ источникъ забвенія отъ всѣхъ жизненныхъ неудачъ. Теперь этого таланта не признавали за ней, и невольно вспоминались слова Чагина. Онъ серьезно просилъ ее не записываться въ ряды литературныхъ неудачниковъ. Но она не слушала Чагина. О, какъ вѣрила она

тогда въ себя и какъ счастлива была она этою вѣрой! Валентина Львовна съ ненавистью оттолкнула отъ себя начатый разсказъ. Къ чему это жалкое самоуслажденіе? Все надо уничтожить.. Она ремесленница, а не художникъ. Передавать чужія мысли, переводить и компилировать чужія статьи,—вотъ ея дѣло... А творчество надо оставить на долю другихъ счастливцевъ...

Валентина Львовна бросила начатый разсказъ въ одинъ изъ ящиковъ коммода и вдругъ вспомнила, что у нея есть дубликатъ повѣсти, отправленной въ Петербургъ. Надо прочесть его, чтобъ увидать промахи, чтобы понять негодность темы. Повѣсть, дѣйствительно, нашлась между бумагами. Валентина Львовна имѣла силу прочесть рукопись внимательно, но, дойдя до последней страницы, она съ отвращеніемъ отбросила отъ себя свою работу. Ей казалось теперь, что ничего безцвѣтнѣе нельзя было написать.

— Нѣтъ, нѣтъ таланта! — крикнула она съ отчаяніемъ.— Господи! И зачѣмъ только я живу?!

Она прошлась по комнатѣ, но, чувствуя полный упадокъ силъ, легла на постель и пролежала такъ до вечера, отказываясь отъ обѣда и общества Маши. Съ дѣтства Каменева научилась презирать женщинъ - паразитовъ, живущихъ за спиной семьи или мужа. Теперь она пошла дальше. Цѣлью жизни ея было — самой въ литературѣ защищать дорогую ей идею женскаго труда.

Права ли она, разсчитывая пробиться одной, не опираясь на сильнаго покровителя? Отчего не попробовать? И кто ей сказалъ, что она никогда не будетъ имѣть успѣха? Развѣ не ошибались редакторы въ своихъ приговорахъ? Во всякомъ случаѣ, если безъ протекціи нельзя проникнуть въ этотъ міръ, она отыщетъ себѣ покровителя... Прочь гордость!... Цѣль слишкомъ высока, чтобы гнушаться средствами, ведущими къ достиженію ея.

Она сорвалась съ постели, вся пылая отъ лихорадочнаго физическаго и умственнаго возбужденія. Снова проснулась надежда, а съ нею и бодрость. Она сѣла за письменный столъ и вновь перечла старую рукопись... Нѣтъ, она была права, она чувствовала свою силу. Была, можетъ быть, неопытность, были промахи, она ихъ не замѣчала; но со строкъ этихъ такъ и вѣяло несомнѣнною свѣжестью мысли и оригинальностью пріема; нужды нѣтъ, что тема была не нова! Тѣмъ больше для нея чести... И *это* Каменева понимала и была снова счастлива.

Она, не вставая съ мѣста, тутъ же написала въ петербургскую редакцію, приложивъ въ конвертъ къ письму рубль и прося ей выслать рукопись немедленно. Завтра же она рѣшила узнать адресъ одного извѣстнаго писателя, жившаго въ Москвѣ, чтобы просить его протекціи.

Маша, заглянувъ въ номеръ, удивилась при видѣ оживленія Каменевой. Валентина Львовна вспомнила объ обѣдѣ и набросилась съ жадностью на разогрѣтое кушанье. Но послѣ нѣсколькихъ ложекъ супу аппетитъ пропалъ, явилось какое-то непонятное отвращеніе къ пищѣ.

Валентина Львовна проработала до глубокой ночи надъ новымъ разсказомъ, чувствуя въ себѣ необыкновенную бодрость и рѣдкій подъемъ духа.

Засыпая, она думала: «Упасть легко, подняться трудно... Вотъ я поднялась и пойду, и буду идти, пока хватитъ силы».

Ей казалось, что и силы-то ея велики.

Вставъ, Валентина Львовна была все въ томъ же возбужденіи. Напившись чаю, Каменева прежде всего пошла въ адресный столъ за справкой.

— Господинъ X*** выбылъ изъ Москвы въ Тверь 20 апрѣля...

Она поблѣднѣла и долго стояла, какъ потерянная, у конторки, гдѣ записываютъ имена лицъ, о которыхъ наводятъ справку. Толпа оттиснула ее, сдавила и принудила поспѣшить на чистый воздухъ.

Эта неудача разомъ подломила ея силы. Возбужденіе исчезло и смѣнилось слабостью.

Трудно было бы повѣрить, что насталъ смѣющійся, зеленый май. Деревья на бульварахъ стояли оголенныя, воздухъ былъ рѣзкій, съ холоднымъ и сильнымъ вѣтромъ, съ неба, то и дѣло покрывавшагося тучами, полилъ крупный дождь. Вздрагивая въ своемъ легкомъ пальто, Каменева поплелась по мостовой. Дождь былъ такъ некстати. Путь ей предстоялъ большой, на извощиковъ тратиться она не рисковала, конки въ ту сторону не было, а старыя калоши начинали быстро промокать. Теперь она шла въ редакцію *Равнины*. Двухнедѣльный срокъ, назначенный редакторомъ, истекалъ. Нынче она узнаетъ, когда напечатаютъ ея разсказъ, и если скоро, не лучше ли попросить немного денегъ впередъ? Сотрудничество въ *Равнинѣ* не льстило ея самолюбію. Журналъ считался «чистенькимъ» и только. Это не мѣшало ему быть безцвѣтнымъ, критика о немъ умалчивала. Лишь

денежный вопросъ игралъ здѣсь рѣшающую роль. *Равнина* платила хотя и немного, но все же аккуратно. Редактора не было, когда Каменева вошла въ опрятныя комнаты. Ее встрѣтили двое бывшихъ сотрудниковъ *Всемірнаго Телеграфа*, которые не ужились тамъ и пристроились къ *Равнинѣ*.

— Скоро будетъ Григорій Ильичъ? — освѣдомилась она, радуясь, что посидитъ въ теплѣ.

— Часа черезъ полтора... Да вы присядьте, не хотите ли чаю?

Она съ удовольствіемъ раздѣлась. Ботинки ея были мокры, и она чувствовала ознобъ. Подъ руку ей попался послѣдній нумеръ *Равнины*, и ей было любопытно видѣть его содержаніе. Два оригинальные разсказа, одинъ переводъ, два небольшія стихотворенія и затѣмъ сплетни, или такъ называемый фельетонный отдѣлъ, дающій мѣсто плодовитой фантазіи репортера, наконецъ, три-четыре картинки, — вотъ каково было содержаніе журнала. Каменева полюбопытствовала, кто скрывается подъ псевдонимами. Двое собесѣдниковъ поклонились ей съ скромнымъ видомъ, но съ самодовольною улыбкой. Третій псевдонимъ принадлежалъ самому редактору. Для стиховъ и рисунковъ было двое постоянныхъ сотрудниковъ. Каменева просмотрѣла нѣсколько другихъ №№. Тѣ же безсодержательные разсказы, тѣ же «передовицы» съ мучительными потугами мысли, силящейся создать нѣчто остроумное или ядовитое, съ туманными намеками на *кого-то*, — намеками, понятными только автору, такіе же безцвѣтные стишки и громадный фельетонъ... И тѣ же псевдонимы.

— И это весь персоналъ вашей редакціи? — изумилась Каменева.

Въ отвѣтъ ей пожали плечами. Чего же еще нужно публикѣ? Развѣ здѣсь нѣтъ разнообразія отдѣловъ? Каждый изъ нихъ жалѣлъ только, что недостатокъ средствъ у издателя не позволяетъ ему расширить рамки журнала.

— Помилуйте, зарабатываемъ гроши... Что можно получать, имѣя въ недѣлю какихъ-нибудь 300 строчекъ?

— А кто у васъ переводитъ?

Ей назвали фамилію. Каменева вспыхнула. Это была та смѣлая барыня, которая интригами когда-то выжила ее изъ *Всемірнаго Телеграфа*.

— И тутъ она, Боже мой! Развѣ Григорій Ильичъ не могъ бы дать мнѣ переводовъ? У этой барыни есть постоянное мѣсто, а я нуждаюсь.

Сотрудники *Равнины* нерѣшительно переглянулись.

— Наврядъ ли... Впрочемъ, попытайте. Только, знаете ли, въ такомъ маленькомъ журналѣ каждая строчка берется съ бою. На переводы отдѣляется не болѣе 200 строкъ еженедѣльно.

Тяжелое, горькое и злое чувство шевельнулось въ душѣ Каменевой.

Часы показывали половину третьяго. Срокъ давно прошелъ. Каменева выразила безпокойство.

— Да вамъ зачѣмъ его видѣть-то? Передайте мнѣ, я скажу ему. Если насчетъ переводовъ...

— Нѣтъ, здѣсь разсказъ мой былъ принесенъ.

Сотрудники переглянулись съ недоумѣніемъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ ударилъ себя всею ладонью по лбу.

— Да, да, да... Позвольте, вашъ разсказъ называется *Безъ опоры?*

— Нѣтъ, *Безъ исхода.*

У сотрудника вытянулось лицо и глаза стали совсѣмъ круглые.

— Тэкъ-съ... тэкъ-съ... Онъ не принятъ.

Губы Каменевой шевельнулись беззвучно и сомкнулись. Къ чему ахать, удивляться, вызывать притворныя сожалѣнія? Ясное дѣло, что *Равнина* для нихъ доходная статья, хлѣбъ и что никого посторонняго не допустятъ они даже обглодать остающіяся корки.

— Вотъ, извольте. Вѣдь, я совсѣмъ забылъ. Григорій Ильичъ нарочно его на столѣ оставилъ, чтобы вамъ отдали назадъ.

Она молча взяла рукопись и оглянулась на другаго собесѣдника. Тотъ совершенно равнодушно выжималъ въ свой стаканъ сокъ изъ лимона.

— Жаль, что вы меня такъ задержали,—сухо, сквозь зубы замѣтила она, прощаясь съ товарищами.

На улицѣ она сунула рукопись въ карманъ. Вдругъ парадная дверь хлопнула и высунулась голова забывчиваго сотрудника.

— Вы потрудитесь прочесть, Валентина Львовна; тамъ на послѣдней страницѣ отъ редактора нѣсколько строкъ. Причины выяснены, почему разсказъ не принятъ.

Она не обернулась и только вспыхнула до ушей.

Она шла подъ дождемъ, который, казалось, никогда не перестанетъ. Щеки ея пылали, а тѣло знобило. Она приписывала это промокшимъ ботинкамъ. «Теперь зайду только въ редакцію газеты, куда сдала научную статью, а тамъ домой»,—рѣшила

она. Ей хотѣлось согрѣться и лечь. Она боялась захворать, потому что чувствовала страшную слабость. Но ее она объясняла волненіемъ.

Сказать, что неудача относительно втораго разсказа огорчила ее больше, чѣмъ неудача съ первымъ, было бы невѣрно. Тогда она была подавлена горемъ, теперь она вся пылала отъ негодованія. Съ первымъ не было связано никакихъ матеріальныхъ разсчетовъ: это былъ вопросъ самолюбія, авторской гордости. Во второмъ случаѣ Каменева прямо ждала денегъ. Она вспоминала теперь, какъ часто имѣла случай занести, идя въ редакцію *Правды*, свой разсказъ редакторамъ *Равнины* или *Смѣха сквозь слезы*. Но ее останавливала гордость. Ей жаль было отдать работу въ эти, не замѣченные критикой, журнальчики, жаль было разставаться съ этими строками, которыя ей не надоѣдало перечитывать. «Теперь не стоитъ еще, — думала она тогда,—нѣтъ особенной нужды въ деньгахъ». И только эта нужда заставила ее пойти въ *Равнину*. О, какъ счастлива была бы она, если бы знать, что ея произведеніе оказалось пригоднымъ хотя бы для *Равнины!*

— Ну, что-жь?—ободряла она самое себя.—Ясное дѣло, что ничью работу тамъ не примутъ. Предложу разсказъ въ редакцію *Смѣха сквозь слезы*. Авось; они даютъ ходъ начинающимъ. Охъ! Что это со мною?

Она остановилась съ крикомъ. Страшная острая боль, пронизавшая ее насквозь и захватившая духъ, боль въ груди и лѣвомъ боку заставила Каменеву остановиться. Шатаясь, выронивъ зонтикъ, она прислонилась къ двери какого-то магазина. Нѣсколько прохожихъ остановились на мгновеніе, затѣмъ они прошли, оглядываясь съ любопытствомъ. Неподалеку стоялъ городовой. Съ расширенными отъ испуга глазами, блѣдная, какъ полотно, Каменева дождалась, когда взглядъ его упалъ на нее, и махнула ему рукой.

— Кликнете мнѣ извощика,—слабо прошептала она.

Неподалеку дребезжала пролетка. Съ помощью городоваго Валентина Львовна усѣлась и сдѣлала знакъ ѣхать. Извощикъ поѣхалъ прямо. Прошло нѣсколько минутъ. Боль въ боку была сильна, но дышать можно было уже свободно. Какъ ни стремилась Валентина Львовна домой, но какой-то инстинктъ подсказывалъ ей, что лучше будетъ сначала завернуть въ редакцію газеты. Она такъ и сдѣлала. Извощика Каменева не отпустила,

отлично понимая, что силы ея слабѣютъ съ каждою минутой. На высокой лѣстницѣ у ней закружилась голова, и она присѣла на каменныя ступени, чтобы не упасть. Войдя въ пріемную, она опустилась на стулъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ ее секретарь съ своего мѣста, вѣжливо кланяясь.

Въ редакціи шла какая-то суматоха. Шкапы хлопали, швейцаръ пробѣгалъ съ подносомъ; въ углу двое мужчинъ ожесточенно спорили. Изъ другой комнаты доносился крикливый голосъ. По лицу секретаря видно было, что Каменева пришла не во-время.

Онъ повторилъ свой вопросъ, прежде чѣмъ Каменева нашла силы подняться и подойти къ нему.

Увидавъ ея больное лицо, секретарь вскочилъ и предложилъ ей стулъ. Она объяснила причину своего прихода. Секретарь растерялся и покраснѣлъ, — очевидно, онъ не могъ припомнить посѣтительницу.

— Да, да, припоминаю...—говорилъ онъ.—Только, извините, сударыня, она еще не прочтена...

— Но самъ редакторъ говорилъ мнѣ, что задерживать не будетъ... Мнѣ очень нужно узнать...

— Позвольте, я справлюсь...

Онъ вышелъ изъ комнаты. Крикливый голосъ на мгновеніе смолклъ.

Секретарь порылся въ ящикахъ письменнаго стола, заглянулъ въ два-три шкапа и вернулся, еще болѣе смущенный.

— Извините, сударыня, я въ данную минуту даже не могу вамъ сказать, гдѣ она находится. Очевидно, она попала между другими бумагами... Зайдите за отвѣтомъ черезъ недѣлю.

Каменева встала. Послѣ такихъ двухъ крупныхъ неудачъ, какія она пережила за эти сутки, такая мелочь уже не могла уколоть ее. Ею овладѣла апатія, хотѣлось скорѣй вернуться домой, согрѣться, утишить чѣмъ-нибудь ноющую боль въ боку и груди.

— Отвѣтьте мнѣ откровенно,—спокойно обратилась она къ секретарю.—Утруждать васъ я болѣе не буду. Могу я разсчитывать, что мою статью прочтутъ и примутъ?

Секретарь сконфузился.

— Не хотѣлось бы напрасно васъ обнадеживать, сударыня: дѣло въ томъ, что у насъ на всѣ отдѣлы имѣются постоянные

сотрудники, а что касается фельетоннаго отдѣла, то мы положительно наводнены компиляціями, переводами и оригинальными статьями. Выбираемъ, конечно, лишь то, что можетъ наиболѣе заинтересовать публику...

Нервно дрогнули губы Каменевой. Она молча пожала руку секретарю и вышла изъ дома.

— Теперь къ себѣ и скорѣе!... Что за день, что за несчастный день!...

VI.

Когда Каменева добралась до своего номера въ четвертомъ этажѣ, она вдругъ услыхала странный, оглушительный звонъ. Разомъ темнота покрыла корридоръ и заволокло зрѣніе. Въ этой темнотѣ замелькали яркія точки, кружась съ страшною быстротой. Воздуху вдругъ не стало въ легкихъ. Каменева упала на грязный половикъ корридора въ ту минуту, когда Маша отворяла дверь номера.

— Батюшки, умерла!—не своимъ голосомъ крикнула Маша на весь корридоръ. На ея крикъ сбѣжалась прислуга. Дѣти, испугавшись неожиданнаго зрѣлища, отчаянно заплакали. Корридорный побѣжалъ за ближайшимъ докторомъ, пока Каменеву, находившуюся въ глубокомъ обморокѣ, вносили въ комнату и укладывали на клеенчатый диванъ.

Валентина Львовна очнулась только при стараніяхъ доктора. Наскоро задавъ вопросы Машѣ и съ помощью ея раздѣвъ больную, онъ внимательно выстукалъ и выслушалъ молодую женщину, которая не переставала кашлять и обливаться пòтомъ, отымавшимъ у нея послѣднія силы.

Каменева расширеннымъ взоромъ слѣдила за его движеніями, когда онъ съ лицомъ словно окаменѣвшимъ сѣлъ писать рецепты.

— Докторъ,—слабо позвала она,—я очень сильно простудилась?

Онъ обернулся съ какою-то странною торжественностью въ выраженіи лица.

— Да, сударыня... Вы сильно простудились, и если хотите жить, вы должны серьезно лечиться.

— Да... Но, вѣдь, я встану? Сейчасъ я не могу подняться... Но, вѣдь, вернутся мои силы? Докторъ... у меня дѣти на рукахъ... Говорите правду...

Ужасъ глядѣлъ изъ ея большихъ глазъ и слышался въ замирающемъ голосѣ.

Докторъ всталъ и, передавая рецепты Машѣ, у которой непокорныя слезы такъ и бѣжали по лицу, захватилъ шляпу и подошелъ къ больной.

— Я не могу у васъ отнять надежду... Природа иногда дѣлаетъ чудеса... У васъ болѣзнь шла слишкомъ быстро, благодаря жизненнымъ условіямъ. Перемѣните ихъ немедленно, уѣзжайте въ деревню, въ крайнемъ случаѣ на дачу... Вотъ для васъ лучшее леченіе... А пока...

Онъ обернулся къ всхлипывавшей Машѣ и объяснилъ ей, что̀ нужно дѣлать съ мазью, порошками и пилюлями.

— Неужели я умру, Маша?—отчаянно крикнула Каменева, когда дверь закрылась за докторомъ.—А дѣти куда дѣнутся?

Маша утѣшала ее, какъ могла.

Преданная портниха заперла свой номеръ, приволокла матрасъ и расположилась на полу въ комнатѣ Каменевой. Валентину Львовну перенесли на кровать. Диванъ заняли мальчики, которыхъ для безопасности загородили стульями.

Два дня прошли, но не принесли облегченія. Боли и кашель повторялись, температура не понижалась, силы не хотѣли вернуться. Вѣрочкѣ было настолько лучше, что ей позволили выходить, и портниха поселила у себя всѣхъ дѣтей. Ихъ крики, ссоры и слезы раздражали больную и мѣшали выздоровленію. Портниха, не подозрѣвавшая о неудачахъ Каменевой, съ сіяющимъ лицомъ объявила ей, что слышала о выгодной дачѣ въ Давыдковѣ.

— Знакомые вотъ тутотко въ колидорѣ сказываютъ... Прекрасная дача... И всего-то сорокъ рублей за лѣто... Что̀ бы намъ съѣхать-то отсюда, Валентина Львовна? Вотъ вамъ какъ полегчаетъ, я бы съѣздила задатокъ дать... Не перебили бы ее у насъ... Ужь больно дешево...

Эти разговоры мучили Каменеву, давая ей еще больнѣе чувствовать значеніе всѣхъ ея неудачъ. Ее терзала совѣсть при взглядѣ на простодушное лицо Маши, которая безъ ея поддержки должна погибнуть. Но больше всего ее тяготило воспоминаніе о дѣтяхъ... За что эти бѣдняжки должны лишиться здороваго воздуха?... Она вдругъ страстно захотѣла ихъ видѣть и приласкать и послала за ними портниху.

Вообще эти порывы, свойственные натурѣ Валентины Львов-

ны, стали повторяться чаще. То она страстно ласкала малюток, то гнала ихъ отъ себя, говоря, что они ее раздражаютъ.

— Маша, сколько у насъ денегъ?... Взгляните, въ лѣвой сторонѣ коммода, средній ящикъ,—какъ-то разъ точно встрепенулась Каменева.

Въ коммодѣ оставалось около двадцати рублей. Портниха дѣлала чудеса экономіи, чтобъ удержать деньги, которыя словно плыли между пальцевъ.

— Да вы не безпокойтесь, Валентина Львовна, у меня работа есть...

Она вдругъ вспылила, задохнулась, закашлялась.

— Я не нищая... Да что вы, въ самомъ дѣлѣ? Не думаете ли вы, что я вамъ на шею сяду?

Эти вспышки были уже не въ диковинку, и Маша терпѣливо переносила ихъ. Сознавая, какъ она капризна и несправедлива, Каменева часто горько каялась.

Валентина Львовна горько задумывалась, ей было страшно. О дачѣ какъ-то замолчали,—это сдѣлалось само собой; но выдвигался вопросъ поважнѣе. Недѣли черезъ полторы надо вносить плату за квартиру, деньги уходили, и теперь трудно было обманываться и вѣрить, что ихъ легко достать.

Валентина Львовна и не вѣрила. До изнеможенія она придумывала способы выпутаться изъ нужды. Остается бросить поиски журнальной работы, придется искать мѣста приходящей гувернантки, переѣзжать въ подвалъ, покидать дѣтей на чужія, грубыя руки, бросать Машу. Сердце ея обливалось кровью при этой мысли. Она вдругъ съ благодарностью и любовью вспомнила о Чагинѣ. О, какъ ей захотѣлось увидать его и Ивана Александровича, ея единственныхъ друзей!... Когда же пріѣдетъ Чагинъ? Онъ умолялъ ее отдать дѣтей ему на лѣто. Конечно, она это сдѣлаетъ. Сама не поѣдетъ,—это невозможно. Уступить ему—значитъ отречься отъ всего завѣтнаго и пойти на содержаніе. Этого не будетъ. Ему-то менѣе, чѣмъ кому-либо другому, созналась бы она въ своихъ неудачахъ. Она теперь жаждала его ласки, жаждала добраго слова Ивана Александровича,—такъ тяжело ей было одной, совсѣмъ одной, съ ея грустными думами и безсонными ночами.

Но Валентина Львовна, поджидая Чагина, боялась себя, боялась вліянія той жгучей и сладкой отравы, которая понемногу

разливалась въ ея жилахъ, зажигая кровь, заставляя возбужденно пылать ея щеки, и которая называлась страстью.

Принадлежать ему, взять у жизни нѣсколько минутъ личнаго счастія... но оставаться независимой, жить хотя бы уроками, потомъ свидѣться, знать, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который тебѣ близокъ... И опять идти своею дорогой, черпая въ этихъ краткихъ свиданіяхъ, въ его пріѣздѣ въ Москву, новыя силы, чтобы вести жизнь самостоятельной женщины, никому, кромѣ себя, не обязанной кускомъ хлѣба.

Иногда она чувствовала замѣчательный подъемъ духа. Ей хотѣлось сейчасъ же бѣжать на поиски, писать разсказы, отправлять готовые въ другіе журналы. Мало ихъ развѣ въ Россіи? Одни не примутъ, примутъ другіе,—было бы терпѣнье, была бы энергія. Развѣ нельзя найти уроки, чтобы жить въ ожиданіи отвѣта изъ редакціи? Да, наконецъ, и теперь отчаяваться нечего. Надо снести разсказъ въ *Смѣхъ сквозь слезы*... Ужь тамъ-то примутъ. Какихъ глупостей тамъ только не печатаютъ? Да, навѣрное, и переводъ ея примутъ...

Черезъ четыре дня Валентина Львовна встала, несмотря на слабость, и рѣшила выйти. День былъ прекрасный, солнечный, хотя и свѣжій. Она увѣрила и себя, и Машу, что совсѣмъ здорова. Ей не хотѣлось пропускать пріемнаго дня въ редакціи каррикатурнаго журнала, на который оставалась вся надежда. Передъ тѣмъ какъ идти она вспомнила, что на разсказѣ, который не приняла *Равнина*, редакторъ написалъ что-то. Рукопись такъ и осталась въ пальто кармана. На оберткѣ Каменева прочла, карандашомъ написанныя, слѣдующія слова:

«Мѣстами разсказъ очень недуренъ, но слогъ не выдержанъ, и поэтому разсказъ помѣщенъ быть не можетъ».

Она усмѣхнулась. Дѣйствительно, уважительная причина!... Она стерла резинкой эту фразу и съ рукописью вышла на улицу. На воздухѣ у нея закружилась голова, но она кликнула извощика и двинулась въ путь.

Редакторъ радушно встрѣтилъ Каменеву, но извинился, что переводъ помѣщенъ не будетъ.

— Для еженедѣльнаго изданія, согласитесь, помѣщать такіе длинные романы мы положительно не можемъ. Интересъ публики охлаждается... Дайте что-нибудь коротенькое, нумера на два, не больше, и ручаюсь вамъ, что будетъ помѣщено. Не скоро, конечно, но все же будетъ...

Это, все-таки, называлось утѣшеніемъ, хотя Каменевой было страшно жаль времени и здоровья, потраченныхъ на такой непроизводительный трудъ. Она отдала редактору разсказъ, пожаловалась на *Равнину*, гдѣ не даютъ хода начинающимъ, попросила его поскорѣй, въ виду ея безденежья, прочесть рукопись и распростилась.

Дома она нашла въ иностранныхъ газетахъ разсказъ, который въ переводѣ, дѣйствительно, годился бы нумера на два. Не медля ни минуты, она принялась за работу, но по прошествіи двухъ часовъ съ ней повторились тѣ же припадки: невыносимая боль въ боку, головокруженіе и, наконецъ, глубокій обморокъ.

Въ комнатѣ въ эту минуту никого, кромѣ Каменевой и Вѣрочки, не было. Дѣвочка, слыша стонъ матери и замѣтивъ, какъ безжизненно свисло и опустилось все ея тѣло со стула, испуганно выбѣжала изъ номера.

Въ ту же секунду раздался глухой стукъ отъ паденія тѣла, увлекшаго за собой стулъ.

— Ахъ, ахъ... мама... мама!...—кричала Вѣрочка, мчась по корридору къ номеру Маши.

— Тише, тише, сударыня. Носикъ поберегите!

Съ этими словами Иванъ Александровичъ, только что вступившій на площадку лѣстницы, слегка присѣлъ, широко открылъ объятія и принялъ въ нихъ дрожавшую дѣвочку.

Черезъ минуту онъ приводилъ въ чувство Каменеву. Она открыла глаза и слабо улыбнулась, увидавъ своего друга. Необыкновенная серьезность его взгляда поразила ее.

Немедленно онъ раздѣлъ Валентину Львовну, узналъ отъ нея о прошломъ обморокѣ, о недавней болѣзни, объ усиливающемся кашлѣ и приговорѣ другаго доктора.

— Я, очевидно, простудилась, Иванъ Александровичъ,—робко говорила Каменева, виновато заглядывая въ избѣгавшіе ея взгляда глаза доктора.—Теперь я сама вижу, что рано вышла... И потомъ малокровна я стала... да?

Онъ не отвѣчалъ и принялся выслушивать ея грудь и бокъ.

Эта процедура длилась долго, мучительно долго,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Валентинѣ Львовнѣ.

Наконецъ, докторъ приподнялся, спряталъ инструменты и молча вышелъ изъ-за перегородки, избѣгая, попрежнему, взгляда больной. Маша, подавая ему воду для рукъ, испугалась страннаго выраженія его лица.

Настала тишина, и всѣмъ троимъ было отъ нея жутко. Каменева, точно пришибленная, разомъ какъ-то опустившись всѣмъ тѣломъ, глядѣла расширенными глазами передъ собой, словно ожидала, что изъ-за деревянныхъ ширмъ на нее выглянетъ страшный, знакомый призракъ.

Вдругъ докторъ заговорилъ первый, ходя по комнатѣ и потирая руки.

— Вы, можетъ быть, удивлялись, почему я къ вамъ не шелъ такъ долго? Дѣло вотъ въ чемъ: жена слегла въ постель. Организмъ слишкомъ истощенъ, и на консиліумѣ рѣшено, что ѣхать въ Крымъ безполезно... Теперь болѣзнь зашагаетъ еще быстрѣе, и къ осени Ольги не будетъ. А у меня на рукахъ останутся трое дѣтей...

Никто не отвѣчалъ. Маша тихонько выскользнула изъ комнаты, дождавшись, когда докторъ повернулся къ ней спиной.

— Вотъ вамъ и бракъ по страсти!... Какъ бодро смотрѣли мы впередъ семь лѣтъ назадъ!... «Будемъ трудиться,—говорила она.—Была бы любовь, да вѣра въ себя, мы весь міръ завоюемъ...» Одного не приняли въ разсчетъ, бездѣлицы—здоровья! И вотъ теперь—послѣднее дѣйствіе жизненной комедіи.

Каменева слышала, какъ онъ остановился, и рѣзкій голосъ его задрожалъ.

— Теперь дѣти останутся... Зачѣмъ они мнѣ? Что я буду съ ними дѣлать? Могу ли я воспитать ихъ самъ? Вѣдь, въ чужія руки отдать придется... И я увѣренъ, что двое младшихъ покончатъ такъ же, какъ и мать, до двадцати лѣтъ не дотянутъ... Нѣтъ, скажите мнѣ, зачѣмъ они родятся, эти дѣти? Зачѣмъ они теперь не умрутъ, пока малы, пока я имъ всего сердца не отдалъ?!...

Голосъ его зазвенѣлъ слезами. Онъ опустился на первый попавшійся стулъ и спряталъ лицо въ руки.

Каменева сдѣлала невольное движеніе, чтобы подняться и пойти къ нему, но не нашла въ себѣ силъ и со стономъ, вызваннымъ жестокою болью во всемъ тѣлѣ, ушла глубже въ подушки.

— Да лежите, лежите... Куда вамъ вставать!—рѣзко крикнулъ онъ и опять зашагалъ по комнатѣ.

— И еслибъ вы слышали ее!... Какихъ только плановъ, какихъ только замысловъ нѣтъ у нея на будущее! Она рѣшила, видите ли, пансіонъ открыть съ августа, дѣтей подготовлять къ

гимназіи. Это за какіе-нибудь три мѣсяца до смерти. Въ Крымъ не хотѣла ѣхать, сердилась на лишнюю трату денегъ... Жажда жизни страшная... И вѣрить не хочетъ, что у нея бугорчатка.

Его фигура появилась въ рамкѣ двери, ведущей за перегородку. Взъерошенные волосы и запущенная борода придавали его исхудавшему лицу что-то дикое. Съ испугомъ глядѣла на него Каменева, жадно ловя каждое слово, не имѣя силы отвести глазъ, словно ждала она, что за всѣми этими рѣчами скрыта страшная загадка, и вотъ-вотъ она подойдетъ къ ея рѣшенію...

— Я васъ спрашиваю: честно ли обманывать умирающую? Честно ли подавать надежды роднымъ? Со всѣмъ, согласитесь со всякою мыслью, какъ бы она ни была страшна, можно примириться... Да... да... должно примириться. Не вы первая, не вы послѣдняя... До васъ шли и падали на этомъ трудномъ пути, то же будетъ и послѣ васъ. Глупо было надѣяться. Глупо было вѣрить въ участіе общества и разсчитывать на свои силы. Но еще глупѣе закрывать глаза, когда смерть стоитъ за плечами, и бояться оглянуться. Кто не жилъ трусомъ, пусть и не умираетъ какъ трусъ... Оплакивать и роптать на свершившійся фактъ? Къ чему? Лучше смириться... Лучше знать, что ваши дни сочтены и молча уступить дорогу другимъ... Пусть бьются, можетъ быть, достигнутъ того, до чего вамъ не удалось дожить...

Непобѣдимый ужасъ леденилъ кровь въ жилахъ Валентины Львовны. О, какъ онъ глядитъ, какъ онъ жадно, пристально глядитъ на нее! Какъ торжественно звучитъ этотъ глухой голосъ! Кому онъ говоритъ это? Неужели ей? Страшно оглянуться... Что-то будто вѣетъ на нее ледянымъ дыханьемъ. Не ея ли смерть стоитъ тамъ, за плечами?

И она, не отрываясь, глядѣла на него тѣмъ же страшно-пристальнымъ, немигающимъ взглядомъ.

Вдругъ неестественнымъ усиліемъ она приподнялась съ подушекъ.

— Да... Честнѣе сказать правду... должно сказать... Говорите, докторъ, правду: скоро я умру?

— Да.

Она захватила на груди воротъ рубашки, точно воздуху въ груди не было, точно задыхалась.

— Что у меня?

— Скоротечная чахотка.

Она опустилась на подушки и спрятала въ нихъ лицо.

Молчаніе длилось страшно долго. Докторъ тихо подошелъ, нагнулся къ рукѣ Каменевой и коснулся ея губами.

Она повернула къ нему свое прозрачное лицо. Что-то дикое и мрачное было въ ея взглядѣ.

— Валентина Львовна,—голосъ его обрывался,—вы мнѣ простите, что я не утаилъ правды?

— Нѣтъ, нѣтъ... спасибо. Такъ лучше.

Онъ схватилъ ее за руки... Она глядѣла куда-то передъ собой, словно забывъ объ его присутствіи.

— О чемъ вы думаете теперь, скажите?

— О дѣтяхъ.

Грудь ея порывисто приподнялась, какъ бы отъ рыданья.

— Валентина Львовна, вѣрьте... Еслибъ была хоть тѣнь надежды, я не отнялъ бы ее у васъ... Теперь слишкомъ поздно... Я это давно предугадывалъ, и, все-таки, я пораженъ... Я могъ бы, если бы вы были для меня совсѣмъ чужой, посторонней, послать васъ на югъ, въ деревню, въ Крымъ, но я не могу лгать... Пристройте дѣтей, пока есть время... Вы, правдивая, не простили бы мнѣ этого обмана.

Она долго молчала, все такъ же глядя передъ собой.

— А сколько мнѣ осталось прожить приблизительно?... Годъ? полгода?—Голосъ ея звучалъ спокойно.

Его губы дрогнули. Она перевела на него свои мрачные глаза.

— Ну, что же вы молчите? Все равно теперь...

— Мѣсяца три... До первыхъ осеннихъ дней...

Судорога пробѣжала по ея лицу. Оно исказилось страданьемъ. Потомъ вѣки ея сомкнулись, и слеза, какъ бы выдавленная, медленно проползла по щекѣ.

Докторъ тихо вышелъ изъ-за перегородки, одѣлся и со шляпой въ рукѣ подошелъ къ постели.

— До свиданія, Валентина Львовна, я загляну надняхъ. Совѣтую лежать, имѣть больше покоя... Примиритесь съ тѣмъ, что я вамъ сказалъ... Терять такую собачью жизнь, какъ наша, право, не горько...

Она вдругъ открыла глаза.

— Нѣтъ! Мнѣ жаль жизни... Счастливы тѣ, кто будутъ жить...

Когда онъ дошелъ до двери, онъ услыхалъ ея упавшій голосъ.

— Пришлите ко мнѣ дѣтей,—просила она.

VII.

А Маша загуляла. Въ то утро, какъ слегла Валентина Львовна, она получила записку слѣдующаго содержанія:

«Лежу больной, одинъ. Чаю заварить некому. Чего глаза не кажешь?...»

Сердце Маши, изстрадавшееся за три недѣли разлуки, не вытерпѣло. Она заглянула къ Каменевой и робко объявила ей, что сбѣгаетъ часочка на два.

— Работу обѣщаютъ,—торопилась она, избѣгая взгляда больной.—Я часочка на два... Къ ночи вернусь...

Каменева не обратила вниманія на эти слова,—ей было не до Маши.

Но пришелъ вечеръ, настала ночь,—портниха не возвращалась. Каменева поняла, что она ее обманула.

Дѣти просили чаю. Черезъ силу, охая и безпрестанно присаживаясь, чтобы не упасть,—такъ кружилась голова отъ слабости,—Валентина Львовна позвала прислугу, напоила дѣтей и съ помощью горничной уложила ихъ. Ночью она опять бредила, пугая впечатлительную Вѣрочку. Потомъ наступили мучительные часы безсонницы, въ которые вся прошлая жизнь мелькала передъ ней, и грудь, казалось, разорвется отъ беззвучныхъ рыданій. Вотъ она — загадка, рѣшеніе которой ее такъ страшило! Чахотка—и до первыхъ осеннихъ дней. А, можетъ быть, раньше, можетъ быть, и здѣсь постарались смягчить правду? Смириться... Легко сказать! Когда цѣль не достигнута и ни одна завѣтная мечта не сбылась. Она останется навсегда въ тѣни и неизвѣстности, и не потому, чтобы энергіи и таланта не хватило,—нѣтъ, потому что подкралась изъ-за угла непрошенная гостья и схватила ее за горло желѣзною рукой... Ей еще не выслали изъ Петербурга ея разсказъ. Пока его прочтутъ въ другой редакціи и дадутъ отвѣтъ, пройдетъ шесть мѣсяцевъ, она будетъ лежать въ могилѣ... Черезъ три мѣсяца... до первыхъ осеннихъ дней...

Нѣтъ, съ этимъ примириться невозможно! Валентина Львовна въ ночной тьмѣ рвала на себѣ волосы, ломала руки, грызла подушки.

«Много ли, много ли насъ, такихъ, что отвернулись отъ счастія ради идеи и пошли на борьбу?... И изъ этихъ много ли такихъ, что не падали отъ первыхъ неудачъ и, все-таки, шли впередъ упрямо, вѣря, что восторжествуютъ когда-нибудь?

У меня было все... Талантъ, гордость, честолюбіе, сила воли... Бездѣлицы не хватило—здоровья».

И опять, и опять неслись передъ ней картины прошлаго, чередуясь какъ бы въ калейдоскопѣ... И всюду она видѣла себя согбенной надъ столомъ, въ перепискѣ нотъ, въ заучиваньи лекцій, въ хлопотахъ съ дѣтьми, въ даваньи уроковъ, въ переводахъ, съ утра до поздней ночи... Всюду видѣла она душную, узкую комнату, скудный обѣдъ, плохую одежду, и, несмотря на неустанный трудъ,—всюду долги, лишенія, недостатокъ не только въ комфортѣ, но и въ самомъ необходимомъ, потому что этотъ трудъ оплачивался слишкомъ низко.

Проклятія невольно просились на уста.

Она забылась подъ утро, принявъ двойную порцію сонныхъ порошковъ. Но дѣти не дали ей выспаться. Какое было дѣло этимъ величайшимъ въ мірѣ тиранамъ и эгоистамъ, что каждое движеніе вызывало у Валентины Львовны нестерпимую боль! Они хотѣли ѣсть и громко плакались на то, что мама такъ долго возится, вставая. Но раздражительная мать на этотъ разъ терпѣливо выслушивала эти крики. Ни на минуту не забывала она, что скоро навсегда разстанется съ малютками... Она напоила ихъ чаемъ, послала за молокомъ и закусками, потому что готовить обѣда сама не могла. Дѣти, утоливъ голодъ, подняли возню, мальчики дрались, обижали Вѣру, та капризничала и бѣжала подъ крылышко къ матери. Въ комнатѣ положительно стоялъ стонъ. Изъ сосѣдняго номера прислали сказать, что будутъ жаловаться управляющему. Каменева лежала съ закрытыми глазами, слабо охая и не сознавая, не видя за своими думами ничего окружающаго.

Къ вечеру ей стало легче, она перешла на диванъ и, не отрываясь, жадными глазами слѣдила за дѣтьми. Вопросъ о томъ, гдѣ достать денегъ, чѣмъ жить?—какъ-то отодвинулся, забылся. Не все ли равно? Всего три мѣсяца. Предъ этою страшною мыслью все блѣднѣло и уходило въ даль.

Часовъ въ восемь вернулась Маша и бросилась цѣловать у Каменевой руки. Она не была пьяна, но по блѣдному лицу ея и мутнымъ глазамъ видно было, что она порядкомъ-таки погуляла.

Она, захлебываясь отъ слезъ, разсказывала, какъ любовникъ обманулъ ее, больнымъ прикинулся, какъ опять споилъ ее и сманивалъ переѣхать въ тѣ же номера.

— Женится-то онъ, видите ли, на рожѣ, да старше его лѣтъ на восемь, деньги беретъ... Такъ нужно ему, чтобы любовница молодая у него подъ бокомъ жила... И не подлецъ ли онъ послѣ этого?

— И вы, конечно, переѣдете? — горько усмѣхнулась Каменева.

— Нѣтъ, чтой-то вы, Валентина Львовна? Да чтобъ онъ надо мной измываться сталъ? Ужь я эту жисть каторжную изведала.

Каменева за руку притянула ее къ себѣ и строго заглянула ей въ лицо.

— Видно, пропащая вы дѣвушка, Маша, и не вытащить мнѣ васъ изъ грязи... Только исполните вы мою просьбу: мнѣ ужь не долго жить, до осени (рука Маши дрогнула). Побудьте до тѣхъ поръ со мной и не бросайте дѣтей. У нихъ, вѣдь, никого здѣсь нѣтъ.

Маша всплеснула руками и упала головой на платье Каменевой.

Вечерняя почта принесла письмо на имя Валентины Львовны. Оно было отъ Чагина. Дрожащими руками она разорвала конвертъ и прочла слѣдующее:

«Я въ Москвѣ на два дня. Нынче рыскаю по магазинамъ, ищу лучшую сортировку. Привезъ чинить вѣялку. Дѣла по горло, домой вернусь къ ночи. А завтра часамъ къ восьми жду тебя (слѣдовалъ адресъ гостиницы). Говорить нужно много, а у тебя негдѣ говорить. Не дождусь, когда свижусь съ тобой, моя радость. «Твой Чагинъ».

Письмо выпало у нея изъ рукъ, — такъ сильно онѣ дрожали; она его подняла, перечла снова и снова. Завтра... Она внезапно почувствовала необыкновенную бодрость и жажду жизни. Силы разомъ точно удесятерились. Теперь только поняла Каменева, какъ дорогъ ей Чагинъ. Какъ-то разомъ, вдругъ забылось, что смерть стоитъ за плечами.

VIII.

Чагинъ только что вернулся въ гостиницу на Тверской, покончивъ свои дѣла, страшно голодный, уставшій и радостный. Онъ снялъ сюртукъ и замѣнилъ его шведскою курткой на ярко-алой подкладкѣ, что такъ шло къ южному типу его лица и тем-

нымъ волосамъ. Онъ занималъ въ дорогой гостиницѣ номеръ изъ двухъ комнатъ. Въ первой, красиво и богато отдѣланной, ярко горѣли свѣчи на столѣ, покрытомъ скатертью. Отъ холодныхъ закусокъ несся раздражающій обоняніе запахъ. Свѣтъ лампы и свѣчей искрился въ граненыхъ графинахъ, наполненныхъ винами.

Чагинъ ходилъ по номеру, неслышно ступая по бархатному ковру и словно ныряя въ полусвѣтъ спальной. Выходя въ освѣщенное пространство, онъ нетерпѣливо поглядывалъ на часы. Что могло задержать Валентину? Онъ не сомнѣвался, что она будетъ.

Послѣднее свиданіе, о которомъ до сихъ поръ онъ не могъ вспомнить безъ трепета, доказало ему, что вліяніе его надъ нею не ослабѣло послѣ четырехъ лѣтъ разлуки.

Въ корридорѣ раздались легкіе шаги и, прежде чѣмъ Валентина Львовна постучалась въ дверь, Чагинъ широко распахнулъ ее и долго они обнимались молча.

Впервые въ жизни Валентина Львовна хотѣла казаться Чагину красивою и ей было обидно, когда яркій свѣтъ лампы упалъ на ея убогій нарядъ. Среди роскошной обстановки невольно рѣзали глазъ ея бѣдное пальто и порыжелая шляпа и теперь только Каменева пожалѣла, что она не имѣетъ изящества и врожденнаго вкуса.

Избѣгая его взгляда, она позволила себя раздѣть, но Чагинъ, страдая въ душѣ за ея костюмъ и за ея стыдъ, который онъ прочелъ на ея выразительномъ лицѣ, всячески старался дѣлать видъ, что не замѣчаетъ безобразнаго пальто, брошеннаго имъ на первое попавшееся кресло. Она была въ простомъ, но чистомъ шерстяномъ платьѣ, которое сидѣло на ней хорошо. Черный цвѣтъ его красиво оттѣнялъ блѣдность ея лица.

«Голубка моя,—думалъ онъ, усаживая Каменеву у стола съ закусками,—я тебя одѣну, какъ картинку, и заставлю полюбить красоту одежды, надъ которой ты смѣялась».

Только теперь замѣтилъ Чагинъ, какъ рѣзко измѣнилась молодая женщина за эти три недѣли. Разрушительная болѣзнь наложила на нее роковую печать: щеки ввалились; внутренній огонь, пожиравшій это больное тѣло, придавалъ странный блескъ глазамъ и яркимъ румянцемъ горѣлъ на щекахъ. Затаенная боль сдвинула темныя брови.

— Валентина, что съ тобой? Ты все та же, но точно чужая. Я никогда не видалъ у тебя такого страннаго выраженія. Ты больна?

— Нѣтъ, милый, нѣтъ... Пустяки, пройдетъ.

Она такъ успокоивала его, что онъ повѣрилъ. Ему хотѣлось вѣрить въ свое счастье.

Чагинъ объявилъ, что голоденъ, какъ волкъ, и набросился на закуски съ аппетитомъ здороваго человѣка. Валентина Львовна тоже ѣла, но ее больше мучила жажда. Онъ безпрестанно окрашивалъ виномъ холодную воду, которую она медленно глотала. Все время онъ болталъ безъ умолку, посвящая Валентину Львовну во всѣ интересы деревни, своего хозяйства и уѣзда, въ земствѣ котораго онъ служилъ. Подали самоваръ; Каменева взялась хозяйничать. Чагинъ вдругъ подошелъ къ ней съ двумя стаканами краснаго вина.

— Не откажись выпить, Валечка, — просилъ онъ, обнимая ея талію.—Знаешь ли, за что я буду пить? За наше счастье, за наше будущее. Скажи, Валя, оно наше?

— Да.—Она чокнулась съ Чагинымъ и выпила стаканъ.

Онъ просто не вѣрилъ своимъ глазамъ, ему казалось, что онъ грезитъ. Та ли эта суровая, непреклонная женщина, съ которою онъ такъ неожиданно порвалъ четыре года назадъ? Вотъ она сидитъ за самоваромъ, гладко причесанная, женственная, съ кроткою улыбкой и ласковою рѣчью... Да, да. Она переродилась. Онъ думалъ, что ее переродила любовь. Вотъ она, побѣда, въ его рукахъ, и онъ торжествовалъ, онъ готовъ былъ кричать отъ счастья, не зная, какою дорогою цѣной досталось оно ему. Но все же онъ робѣлъ. Чтò, если на вопросъ его: мы никогда теперь не разлучимся?—она отвѣтитъ ему, что это невозможно! Онъ все же хотѣлъ объясненія болѣе полнаго, чтобы знать, чего стòитъ эта побѣда.

Онъ не подозрѣвалъ, что ее переродила смерть, вѣяніе которой она чувствовала надъ собой. Онъ не зналъ, что она шла на послѣднее свиданіе, заранѣе желая сдѣлаться хоть на одинъ вечеръ такою женщиной, какую онъ жаждалъ въ ней видѣть, желая забыться хоть разъ въ жизни въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Она хотѣла забыть, что сердце ея всегда принадлежало той голодной, обездоленной толпѣ, изъ которой она вышла и въ которую опять уйдетъ, какъ только забрезжитъ первый лучъ разсвѣта... Теперь она хочетъ остановиться на минуту и взять хотя на мгновеніе то счастье, котораго она не знала никогда. Могила не отдастъ пережитаго, нé возвратитъ потеряннаго и, прежде чѣмъ лечь въ эту могилу съ первыми осенними днями,

она измѣнитъ себѣ, обманетъ Чагина, но будетъ счастлива... Послѣдніе часы своей жизни она возьметъ себѣ.

— Валентина, что съ тобою? Ты не та...—твердилъ Чагинъ, въ душѣ котораго надежда боролась съ тайнымъ страхомъ.

— Но такою ты меня любишь, ты счастливъ? — повторяла она, съ тревогой заглядывая въ его глаза.

— Я счастливъ...

Онъ ласково, но властно притянулъ ее къ себѣ на мягкій, низкій диванъ. Сердце его стучало такъ сильно, что оглушало его.

— Валя, поговоримъ серьезно... Ты сейчасъ была такъ прекрасна въ твоей роли домовитой хозяйки... Я забылся... Мнѣ казалось, что я сижу у себя, въ Дубкахъ, а ты подлѣ меня... И такъ на всю жизнь... (Онъ остановился перевести дыханіе). Неужели это невозможно?

Матовый свѣтъ лампы прямо падалъ на лицо молодой женщины. Мгновенно краска сбѣжала съ этого лица, и оно приняло отпечатокъ невыносимой боли. Онъ не видѣлъ въ своемъ волненіи этой блѣдности и дикаго ужаса въ ея глазахъ, опущенныхъ на коверъ.

— Ты должна была подумать о значеніи нашей встрѣчи... Она не даромъ, къ чему мучиться? Ты видишь сама, что насъ раздѣляютъ предразсудки, жалкіе призраки, которымъ надо смѣло взглянуть въ лицо, чтобы они разсѣялись. Не все ли равно для тебя, богатъ ли я, бѣденъ ли? Я, который такъ радовался, что могу эти деньги употребить на пользу другихъ, я кляну ихъ теперь. Они мѣшали моему счастію... Неужели помѣшаютъ и теперь?

Она молчала, и руки ея холодѣли въ его пылавшихъ рукахъ. Но она не говорила «нѣтъ», и съ новымъ приливомъ энергіи онъ умолялъ ее сдаться. Тридцатилѣтній Чагинъ подъ вліяніемъ страсти дѣлался юношей и со всѣмъ пыломъ юности онъ покрывалъ поцѣлуями ея блѣдное лицо.

— Валя, ты молчишь! Стало быть, я правъ. Постой, не возражай... Я зову тебя на лѣто... Если мы не уживемся, ты вернешься въ Москву, но прежде ты пріищешь себѣ выгодную работу... Лучше всего пристроиться къ журналу. Ахъ, кстати, что же разсказъ твой? Неужели нѣтъ до сихъ поръ отвѣта?

Мучительно загорѣлось ея лицо.

— Жду со дня на день.

— Давно пора... Во всякомъ случаѣ, ты будешь писать на свободѣ, не къ спѣху. Въ деревнѣ такъ легко работаетъ голова... Помнишь лѣсъ? Ты его такъ любила... Мы будемъ вмѣстѣ гулять. Да, да? скажи!... Какъ быстро мелькнетъ время... Ты должна пробыть весь августъ... Увидишь уборку хлѣба, новыя машины въ ходу. При тебѣ въ школѣ ученье начнемъ... Потомъ къ сентябрю ты вернешься... только на что-нибудь вѣрное... Не насилуй себя, своего здоровья. Ты должна беречься ради дѣтей и меня... Видишь, Валя, я на всѣ твои условія согласенъ, ни въ чемъ тебя не стѣсню... Я буду въ Москвѣ на два зимніе мѣсяца. Потомъ вернусь въ Дубки, буду коротать холостякомъ свои дни, пока не придетъ весна и не вернетъ мнѣ мою радость... Что это... ты плачешь?

— Ахъ, это ничего... Я плачу отъ счастья...

И, спрятавъ голову на его груди, она рыдала съ отчаяніемъ. Такъ плачутъ надъ трупомъ любимаго человѣка.

— Я всегда любилъ твоихъ дѣтей, особенно Мишу,—продолжалъ Чагинъ, гладя ея волосы.—Но теперь они мнѣ еще ближе стали... Я готовъ няньчиться съ ними всю жизнь... Тамъ, въ Дубкахъ, ты не узнаешь дѣтей. Сосновый лѣсъ... Ты знаешь, что для слабогрудыхъ это спасенье... Ну, полно, дорогая, не плачь... Ты словно хоронишь меня. Слушай... Ты пріѣдешь съ дѣтьми черезъ недѣлю?

Она на мгновеніе колебалась.

— Да...

Чагинъ вскочилъ, шатаясь. Ему казалось, что воздуху не хватаетъ легкимъ въ этой высокой комнатѣ.

— Валя, скажи, это не сонъ? Я не сплю?

— Нѣтъ, нѣтъ... Это правда...

Его лицо приняло восторженное выраженіе.

— Да, Валя... Любовь — вотъ правда... И передъ ней мы всѣ безсильны.

Она хотѣла встать, но ноги не слушались. Страшная слабость сковала члены. Внутреннее пламя, разрушавшее этотъ организмъ, сладкою отравой разливалось по жиламъ. Невольно голова ея опустилась на валикъ дивана. Чагинъ стоялъ около, не сводя съ нея глазъ. Въ комнатѣ царила тишина. Ни одинъ звукъ изъ того міра, о которомъ она хотѣла забыть, не долеталъ до нихъ...

IX.

Разсвѣтало, когда пролетка остановилась на Срѣтенкѣ, у подъѣзда меблированныхъ комнатъ. Валентина Львовна позвонила, затѣмъ обернулась къ Чагину, который прятался подъ верхомъ.

— Прощай...

Онъ порывисто схватилъ ея руки.

— Черезъ недѣлю, Валя, да?

— Прощай, прощай...

Она, расширивъ свои глаза, казавшіеся громадными отъ тѣни рѣсницъ, глядѣла на него жадно, не отрываясь, не слыша, что́ онъ говоритъ.

Въ двери загремѣлъ ключъ.

Она стиснула его пальцы съ силой, которую онъ не подозрѣвалъ въ ней.

— Такъ ты счастливъ?—и, не дождавшись отвѣта, махнула рукой.—Прощай... прощай...

Пролетка повернула и загрохотала по мостовой въ ту минуту, какъ Валентина Львовна поднялась по лѣстницѣ. Она шла, какъ лунатикъ. Корридоръ спалъ. Ночныя тѣни блѣднѣли по мѣрѣ того, какъ въ окна входили лучи яснаго утра.

Она съ испугомъ оглянулась, когда ключъ загремѣлъ въ замкѣ ея номера. Нѣтъ, никто не видѣлъ ея возвращенія, никто не зналъ, что она пошла на сдѣлку съ гордостью и не взяла, а украла счастье, отъ котораго отказывалась четыре года тому назадъ.

Номеръ ея былъ пустъ. Дѣти, по уговору съ Машей, заснули въ комнатѣ портнихи. Она поспѣшно раздѣлась и легла, стараясь согрѣться и прогнать мучившій ее ознобъ. Но ни на минуту не сомкнула она глазъ.

Черезъ недѣлю или двѣ она отошлетъ ему дѣтей съ Машей. Сама останется и умретъ... Она знала, когда шла, что обманетъ Чагина, но сдѣлаетъ его счастливымъ... Чѣмъ еще могла она вознаградить его за тотъ ударъ, который она готовится ему нанести? Она отдастъ ему дѣтей, онъ имъ замѣнитъ отца—и вотъ она его неоплатная должница; и никогда, ничѣмъ не искупить ей этого долга. Проститъ ли онъ ей этотъ обманъ? Не проклянетъ ли онъ ея память? Не мелькнула ли передъ нимъ истина, когда она цѣловала его руки? Нѣтъ, онъ съ такимъ довѣріемъ прощался съ ней нынче...

Въ водоворотѣ столицы, насмотрѣвшись на агонію голодающихъ, она начала вѣрить, что стыдно отдаваться личному счастью, какъ стыдно ѣсть изысканный обѣдъ, когда рядомъ не хватаетъ хлѣба.

Чагинъ уѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ. Валентина Львовна, не знавшая, куда дѣваться съ тоски, не разгибаясь, писала переводъ. Дня черезъ два ей выслана была рукопись изъ Петербурга. Не читая, Валентина Львовна заперла ее въ ящикъ коммода. Теперь всему конецъ—и мечтамъ о пользѣ, и честолюбію, ничего впереди, кромѣ могилы.

Но существовать чѣмъ-нибудь надо же было, и въ сознаніи, что надо поддерживать до извѣстнаго срока быстро разрушающійся организмъ, было что-то омерзительное. Комедія какая-то... Если умереть, то не лучше ли скорѣе? Иногда она лихорадочно спѣшила окончить переводъ. Ей вышлютъ деньги, эти деньги она прибережетъ на похороны. Иногда ее мучила мысль, что если бы разсказъ ея былъ принятъ, она расплатилась бы съ Машей. Часто, особливо въ безсонныя ночи, нападала страшная, смертельная тоска, страстная тоска по дѣтямъ. Ихъ будущее мучило ее. Конечно, Чагинъ не оставитъ ихъ, пока не сойдется съ другою женщиной. А тогда, куда дѣнутся эти малютки?... Любовь не вѣчна... Ничего, ничего нѣтъ вѣчнаго,—твердила она себѣ съ отчаяніемъ,—и черезъ годъ, много два, она будетъ забыта. Но ее не терзала ревность; страсть умерла въ Каменевой въ ту минуту, когда наемный экипажъ увезъ отъ нея Чагина. Что мучило ее въ тоскливые дни и безсонныя ночи, такъ это сомнѣніе въ будущности дѣтей. Что выйдетъ изъ нихъ?

Нерѣдко Каменева обдумывала все пережитое ею и спрашивала себя, была ли она, дѣйствительно, права, отталкивая чувство Чагина даже теперь, въ эти послѣдніе часы своей догорающей жизни? Права ли была она, обманувъ его? Еслибъ онъ былъ бѣденъ, нуждался въ ея трудѣ, колебалась ли бы она идти съ нимъ въ жизнь рука объ руку? Наврядъ ли... Она видѣла бы въ немъ одного изъ «своихъ», жизнь котораго не грѣшно было бы скрасить любовью. При этомъ она сохранила бы свою независимость, право уйти отъ него, когда другіе обездоленные потребуютъ ея ухода, труда и силъ. *Такъ* только понимала она любовь. Она не задумалась бы уйти въ сестры милосердія, еслибъ открылась война, какъ бы ни молилъ ее Чагинъ остаться. Она обманула его въ послѣднее свиданіе, но не

могла же она поступить иначе. Спорить, доказывать свою правоту—это толочь воду въ ступѣ; никогда имъ не понять другъ друга; ссориться передъ вѣчною разлукой было тяжело,—оставалось солгать и сдѣлать его счастливымъ.

Онъ тоже ее обманывалъ. О, она это ясно понимала!... Поѣхать къ нему и прожить на его счетъ хотя бы всего три мѣсяца — это уже первый шагъ по тому скользкому пути, котораго она упрямо избѣгала всю жизнь. Дальше ноги понесутъ сами подъ гору и не хватитъ силъ остановиться; трудно будетъ требовать отъ него уваженія, разъ пошла бы она на сдѣлку. А гдѣ взять силы перенести презрѣніе къ самой себѣ?

Быть можетъ,— неслись въ мозгу ея мысли,— найдутся такіе, что осудятъ это самолюбивое желаніе ея и за могилой имѣть право на его уваженіе. Можетъ быть, въ виду смерти, всѣ эти счеты и анализы мелки и безцѣльны. Но какой же смыслъ былъ бы во всей ея прошлой жизни, если бы подъ конецъ ея она согласилась ѣхать къ нему на содержаніе и умирать на его рукахъ? Къ чему? Жила одна и умретъ одна, не измѣнивъ себѣ до конца.

Подходило пятнадцатое число, срокъ платежа за квартиру, а денегъ почти не оставалось. Валентина Львовна черезъ силу дописала переводъ и снесла его редактору *Смѣха сквозь слезы*. Она не жаловалась, не просила участія, но ея лицо говорило такую горькую повѣсть, что редактора проняло.

— Вы совсѣмъ больны?—замѣтилъ онъ, беря рукопись.

Она молчала.

— Вамъ, можетъ быть, деньги нужны впередъ?

Съ минуту она колебалась.

— За что же деньги? Вы развѣ примете мою работу?

— Отчего же? Всего два листа. Напечатаемъ недѣли черезъ двѣ. Я могу вамъ дать рублей дцадцать впередъ.

— А разсказъ?

— Надо полагать, что и разсказъ примемъ, съ нѣкоторыми передѣлками, конечно... Но только напечатаемъ не скоро...

Зажавъ деньги въ руку, Каменева вышла на улицу. Это была все же удача, но ее она уже не радовала: поздно!

Шумно мчалась мимо нея чужая жизнь. Весна одѣла изумруднымъ уборомъ деревья, придала солнечнымъ лучамъ живи-

тельную мощь. Все спѣшило, рвалось куда-то въ радостномъ возбужденіи.

Полученные двадцать рублей были жалкою каплей въ морѣ долговъ Валентины Львовны. Они давали возможность просуществовать еще недѣли двѣ. Тамъ она получитъ остальные двадцать рублей за напечатанный переводъ и заплатитъ за номеръ. И опять впереди никакихъ рессурсовъ. Чѣмъ она расплатится съ кредиторами, такими же бѣдняками, какъ она, на что проживетъ?

Жутко было останавливаться надъ такими вопросами.

И странно!... Осенью отъ нея останется трупъ, а она съ тоской думаетъ, гдѣ возьметъ денегъ, чтобы прокормиться. Вѣдь, это возмутительный самообманъ. Для кого и для чего играть роль здороваго человѣка? Не лучше ли...

Она встрепенулась и вскрикнула, какъ человѣкъ, пробуждающійся отъ страшнаго сна къ отрадной дѣйствительности. Мысль, внезапно возникшая въ ея мозгу, казалась ей откровеніемъ. Умереть и скорѣе! Не присутствовать въ качествѣ посторонняго лица при разложеніи своего организма... Пресѣчь самой разомъ эту страшную траги-комедію. Не дожидаться, какъ трусъ, когда смерть пожелаетъ наложить на тебя свою руку... Да, это будетъ смѣло и честно.

Она словно ожила, когда въ ней созрѣла рѣшимость на самоубійство. Она спрашивала себя еще недавно, какъ проживетъ она одна, отославъ дѣтей съ Машей въ деревню? Отвѣтъ найденъ. И не надо жить... Такъ легче...

X.

Дѣти должны были уѣхать черезъ недѣлю. Маша все хлопотала, суетилась, укладывалась. Дѣтямъ сшиты были новые костюмчики, кое-что изъ бѣлья, куплена обувь. Валентина Львовна ни во что не вникала; она не разставалась съ дѣтьми, душила ихъ въ объятіяхъ, рыдала надъ ними, какъ изступленная.

— Да будетъ вамъ,—утѣшала Маша,—подумаешь, на вѣкъ разстаетесь.

Каменева и ее обманула, увѣривъ, что пріѣдетъ въ Дубки черезъ недѣлю по отъѣздѣ дѣтей.

Чагинъ отправлялъ письмо за письмомъ, осыпая въ нихъ Валентину Львовну самыми пламенными ласками, но она читала

ихъ холодно,—женщина умерла въ ней. Чагинъ неожиданно выслалъ двѣсти пятьдесятъ рублей «на дорогу». Въ письмѣ, приложенномъ къ посылкѣ, онъ чуть ли не на каждой строчкѣ извинялся передъ Каменевой въ томъ, что рискнулъ предложить ей эту сумму. Но онъ полагалъ, что у нея есть нужды, есть долги, которые мѣшаютъ ей выѣхать. Иначе чѣмъ объяснить эти постоянныя отсрочки? Если бы не полевыя работы и не стройка, онъ бы самъ за ними пріѣхалъ.

Читая эти строки, Каменева внутренно холодѣла. Новой встрѣчи между ними не должно быть... Ничего она не чувствовала къ нему, кромѣ страшной жалости, кромѣ горячей благодарности за его заботу о дѣтяхъ... Пусть она—неоплатная должница его, но платить ему любовью она не находила силъ. Надо кончить скорѣе...

Еслибъ Чагинъ не догадался выслать Каменевой деньги, то она сама рѣшилась бы просить ихъ. Ей страшно казалось умереть, не заплативъ Машѣ. Она, прежде всего, вернула ей долгъ и поспѣшила расплатиться съ другими кредиторами.

— Еще день, еще одинъ...—твердила себѣ Валентина Львовна, просыпаясь наканунѣ того дня, когда дѣти должны были уѣхать. Наконецъ, этотъ день насталъ. Чагину дали телеграмму. Всю ночь Валентина Львовна не ложилась, любуясь спавшими дѣтьми. Подъ утро она сѣла писать Чагину. Маша должна была передать ему въ руки это письмо. Оно лежало у нея въ карманѣ теперь, но она забыла о немъ, вся отдавшись дѣтямъ. Сама она не замѣчала, какъ крупныя, тихія слезы бѣжали по ея щекамъ. Съ ужасомъ слѣдила она за часовою стрѣлкой. Поѣздъ отходилъ въ одиннадцать утра.

— Вѣра, ты не забудешь меня?—поминутно спрашивала Валентина Львовна дѣвочку, которая удивленно глядѣла на заплаканное лицо матери.

— Мамочка, какая у тебя между бровей морщинка!...

Настало время ѣхать на вокзалъ. Теперь Каменева уже не плакала. Она положительно растерялась, глядя, какъ Маша застегиваетъ на мальчикахъ ихъ дорожныя, теплыя куртки. «Сейчасъ, сейчасъ все кончится, и больше никогда...»—горько думала она.

Маша разсчитывала взять двухъ извощиковъ, но Каменева не соглашалась и приторговала черезъ корридорнаго коляску къ вокзалу. Ей надо было, ѣхавши на поѣздъ, видѣть передъ собой

разомъ всѣхъ малютокъ. Они были прелестны въ своихъ костюмахъ. Ихъ радовалъ яркій блескъ солнца, теплый вѣтеръ, обвѣвавшій ихъ блѣдныя личики, грохотъ коляски, шумъ столичной жизни, новыя впечатлѣнія поѣздки. Они громко болтали, захлебываясь отъ восторга, перебивая другъ друга, дѣлясь впечатлѣніями, не обращая вниманія на маму, нетерпѣливо отстраняясь отъ ея ласкъ.

— Вѣра, Вѣра, будешь ли ты помнить свою маму?—шептала Каменева, ловя и цѣлуя худенькія ручки.

— О, мама! Посмотри, какое платье... Вонъ, видишь, ѣдетъ съ голубымъ зонтикомъ...—восторженно вскрикивала Вѣрочка. Мальчики наперерывъ восторгались клячами, тащившими коляску, и все норовили сѣсть на козлы.

— Да уймитесь вы, неслухи! —досадливо одергивала ихъ Маша.

Ее тоже радовала поѣздка, какъ развлеченіе и новизна.

— Миша, сердце мое, поцѣлуй меня!—молила Каменева, насильно поворачивая къ себѣ личико мальчика и ища его губъ. Но рѣзвый ребенокъ со всѣмъ жестокимъ эгоизмомъ дѣтства тихо отстранялъ мать рукою, чтобы полюбоваться еще разъ на свои новыя, блестящія штиблеты. Каменева откинулась въ уголъ коляски и залилась слезами. «Они меня забудутъ, забудутъ, забудутъ...»—шептала она съ отчаяніемъ.

— Да полно вамъ убиваться, Валентина Львовна!... Сидите вы, Мишенька, смирно!... Что это, въ самомъ дѣлѣ? И охота вамъ такъ убиваться! Свидимся черезъ недѣлю...

Каменева схватила руку портнихи.

— Пишите мнѣ, Маша, сейчасъ же, какъ пріѣдете, благополучно ли доѣхали, не случилось ли чего съ дѣтьми...

— Богъ милостливъ... Чему случиться? Телеграмму дали, небось Юрій Николаевичъ лошадей выслали, сами встрѣчать выѣдутъ...

— Да, да, напишите... А главное—на желѣзной дорогѣ... Тутъ такъ часто несчастія бываютъ... Главное, Вѣру поберегите, чтобъ сквозняка въ вагонѣ не было... Мальчики... Я до тѣхъ поръ спокойна не буду, пока не получу... Даете слово, Маша?

— Вотъ вамъ крестъ...

— Спасибо, спасибо... И берегите ихъ, берегите...

Они подъѣхали къ вокзалу. Толпа раздѣлила ихъ на мгно-

веніе. Пока Маша бѣгала въ кассу брать билеты и сдавала багажъ, Валентина Львовна прощалась съ дѣтьми, глядѣла на нихъ жадно, страстно, силясь запечатлѣть въ своей памяти навсегда эти измѣнчивыя черты...

— Вѣрочка, постой, не смотри туда, на меня взгляни... Любишь ли ты меня, моя дѣвочка?

— Да, мамочка, люблю. — Она обвилась ручками вокругъ шеи Каменевой.

— И всегда будешь помнить? — задыхаясь отъ слезъ, глотая ихъ, спрашивала Валентина Львовна.

— Да...

— Мамочка,—дернулъ ее за рукавъ Коля,—посмотри, какая собачка...

Она не слышала, цѣлуя и тиская худенькія ручки дочери.

— Вѣрочка, помни, всю жизнь помни, что я тебѣ скажу... Будь какъ я, не ѣшь чужой хлѣбъ, живи своимъ трудомъ. Ты слышала, ты поняла? Повтори скорѣе...

— Поняла... Ахъ, мамочка, гляди, какая милая собачка...

Она вырвалась изъ рукъ матери и вслѣдъ за мальчиками бросилась къ красивому бѣлому пуделю, который сторожилъ чемоданъ и, дружелюбно помахивая хвостомъ, обнюхивалъ новыхъ знакомцевъ.

Каменева заломила руки. Слезы градомъ текли по ея лицу. На нее оглядывались съ недоумѣніемъ. Она ничего не видѣла.

— Валентина Львовна,—запыхавшись, кричала Маша, издалека махая ей билетами, — куды вы запропастились? Второй звонокъ данъ...

И вотъ они бѣгутъ на дебаркадеръ, входятъ въ вагонъ, усаживаются. Каменева, поблѣднѣвъ, креститъ дѣтей дрожащею рукой. Они, не глядя на нее, прильнули къ окнамъ, чтобы видѣть толпу, испуганно бѣгущую по платформѣ занимать мѣста. Паровозъ страшно заревѣлъ. Миша испугался и заплакалъ.

— Боже! сквознякъ тутъ. Окно подымите, Маша, скорѣе... Миша, ангелъ мой, не бойся, крошка... Вотъ и нѣтъ ничего... Дѣти, прощайте... Поцѣлуй меня, Коля... Вѣрочка...

— Что Юрію Николаевичу передать? Ахъ, Боже мой... сумка гдѣ? У васъ, Вѣрочка? Не затеряйте, глядите... Сами будете, что ли, черезъ недѣлю? Ну, поцѣлуемтесь...

Онѣ обнялись торопливо.

— Да, да... Вотъ письмо, отдайте ему, скажите... Постойте, что я хотѣла сказать? Не помню, ничего не помню. Ну, все равно...

— Выходите, господа, выходите,—торопилъ кондукторъ.— Дверь запираемъ, сейчасъ третій звонокъ.

Съ воплемъ Каменева кинулась къ дѣтямъ и захватила ихъ въ одномъ безумномъ объятіи.

— Пожалуйте-съ,—торопилъ кондукторъ.

Она оторвалась, вышла, шатаясь, не помня себя.

Третій звонокъ пронесся по платформѣ. Слышался послѣдній стукъ запираемыхъ вагоновъ. Въ окно, составивъ одну смѣющуюся группу, глядѣли дѣти съ Машей... Портниха махала Каменевой платкомъ... Она подбѣжала и поймала ручку Коли.

Поѣздъ дрогнулъ. Цѣлое облако дыма заволокло платформу. Каменева приникла губами къ чьей-то маленькой ручкѣ, чьей— она не видѣла. Бѣлые клочья дыма, разрываясь и низко стелясь надъ дебаркадеромъ, кутали поѣздъ. Съ минуту Каменева торопливо шагала, не сводя глазъ съ окна, откуда ей махали ручки дѣтей. Но поѣздъ прибавилъ ходу. Вотъ ужь мельчаютъ, блѣднѣютъ лица. Бѣлый платокъ вѣетъ въ воздухѣ... Она побѣжала, спотыкаясь, безсвязно крича что-то, махая руками.. Она добѣжала до конца платформы и оперлась ноющею грудью на рѣшетку. Воздуха не было въ легкихъ... «Дѣти!»— отчаянно крикнула она, протягивая руки вслѣдъ исчезающему паровозу...

XI.

За стѣной пробило семь часовъ вечера. Валентина Львовна очнулась и открыла глаза. Сколько дней прошло съ отъѣзда дѣтей? Какой нынче день? Она ничего не помнила. Она попробовала подняться и не могла. Слабость была слишкомъ велика. Собственное тѣло показалось ей огромнымъ, тяжелымъ, какъ глыба. Она опять закрыла глаза.

За перегородкой кто-то тихо ходилъ. Ужасъ вдругъ расширилъ зрачки Каменевой.

— Кто тамъ?—хриплымъ шепотомъ спросила она.

— Валентина Львовна... Никакъ проснулись? Слава-те, Господи! Ужь очень я испужалась. Третій день, какъ спите.

Передъ ней стояла горничная съ письмами въ рукахъ. Каменева дрогнула всѣмъ тѣломъ, приподнялась съ усиліемъ на локтѣ и жадно взглянула на конверты. Одно письмо было отъ Ивана Александровича, другое—отъ Чагина, изъ Дубковъ.

— Дуня, темно... Зажгите свѣчку, я ничего не вижу...

— Охъ, Господи! На дворѣ еще день. Это отъ слабости, видно, у васъ въ глазахъ темнѣетъ.

Иванъ Александровичъ прислалъ всего двѣ строчки:

«Простите, что не иду къ вамъ; жена умираетъ. Что-то ускорило ходъ болѣзни; можетъ быть, къ лучшему это, не знаю... Прощайте».

Чагинское письмо начиналось такъ: «Валя, что ты пишешь? Что за тонъ и фразы! Меня мучатъ страшныя предчувствія... Еслибъ не стыдъ за этотъ суевѣрный страхъ, я давно былъ бы у тебя».

Каменева закрыла глаза руками и старалась припомнить содержаніе записки, которую послала Чагину съ Машей.

«Я буду черезъ недѣлю,—писала она,—раньше не жди, дѣла не пускаютъ. Юрій, какъ отблагодарю я тебя за доброту къ дѣтямъ? Никогда, ничѣмъ не расквитаться мнѣ съ тобою. Прости, что я ошибалась въ тебѣ, что я тебя оскорбляла. Все забудь, кромѣ того, что я твоя неоплатная должница. Не суди обо мнѣ строго. Поручаю тебѣ дѣтей, какъ будто ты имъ отецъ. Да благословитъ тебя за это Богъ!»

Она опять взялась за письмо Чагина. Онъ звалъ ее скорѣе, увѣрялъ ее въ своей любви, уваженіи и преданности, благодарилъ, что она прислала ребятъ. «Я въ нихъ люблю тебя прежде всего, но люблю ихъ также, какъ чудесныхъ, многообѣщающихъ дѣтей». Онъ умолялъ выслать телеграмму о выѣздѣ. Встрѣчать ее онъ поѣдетъ самъ.

Валентина Львовна приподнялась и сѣла на постели.

— Развѣ поѣхать? Богъ мой! Я съ ума сошла.

Но безумное желаніе росло, заглушая разсудокъ. Увидать дѣтей, Чагина... Еще разъ обнять ихъ, проститься навсегда и уѣхать назадъ.

Она съ трудомъ спустила ноги. Тѣло ныло, точно она подвергала себя жестокому бичеванію. Страстная жажда увидать дорогія лица, окружавшія ее въ забытьи, заставляла трепетать это изнуренное тѣло. Неудержимая радость давила горло, какъ давятъ его слезы. Но вернется ли она? Осилитъ ли она иску-

шеніе? Сможетъ ли она добровольно вновь оторваться отъ дѣтей? Да и Чагинъ не пуститъ.

И не надо. Тѣмъ лучше, она останется... и умретъ на его рукахъ. Предъ смертью смолкнетъ ея гордость. Что за счеты теперь? Всю жизнь не знала она покоя. Пусть же узнаетъ теперь. Оставаться одной на долгія безсонныя ночи въ этой мрачной комнатѣ съ призракомъ смерти за спиной... Она содрогнулась.—Никогда! Ѣхать скорѣе...

Въ ногахъ лежало ея платье. Она дрожащею рукой отыскала карманъ и нащупала тамъ рублевку и мелочь.

Вотъ препятствіе... Какъ ѣхать? Гдѣ взять денегъ? Развѣ у горничной занять, у Возницына и выслать съ первою почтой? Ей вспомнились наглые глаза управляющаго. Нѣтъ, нѣтъ... Этого вынести нельзя... Чтобы горничная, чтобы управляющій сказали, что она уѣхала къ своему любовнику на содержаніе?... И развѣ они не будутъ правы?

Со стономъ она закрыла лицо руками. Потомъ обвела глазами тѣсную комнатку. Неужели оставаться здѣсь?

Въ комнатѣ быстро темнѣло. Тучи набѣгали отовсюду, предвѣщая грозу... Далеко гдѣ-то хлопали окна... Блеснула молнія и слабо прогремѣлъ раскатъ грома... За перегородкой было душно... Воздуху, казалось, не хватало... Она попробовала подняться на ноги, ее качнуло, и всею тяжестью тѣла она налегла на затрещавшую перегородку. Шатаясь, цѣпляясь дрожащими руками за мебель и стѣны, чтобы не упасть, Валентина Львовна добрела до стола и опустилась на диванъ.

Молнія ярко вспыхнула. Надъ самымъ домомъ разразился ударъ... Ливень вдругъ крупными каплями захлесталъ по стекламъ, застучалъ по желѣзной крышѣ.

— Барыня, у васъ окно заперто? Что это вы въ одной рубашкѣ?—удивилась вбѣжавшая горничная.

Каменева попросила дать ей одѣяло, чернильницу, перо и зажечь свѣчи.

— Тамъ въ коммодѣ бумага почтовая... Да вотъ еще, Дуня... Изъ кармана выньте деньги, и какъ дождь перестанетъ, купите мнѣ марку загородную и снесете письмо въ почтовый ящикъ... Слышите?

— Слушаю-съ... Вы, барыня, письмецо у кровати обронили, еще не читанное.—Она вышла.

Каменева схватилась обѣими руками за листокъ. Письмо

было отъ Вѣрочки. Она прочла, заглянула на слѣдующую страницу, словно ища чего-то, перечла снова. Кривыя, совсѣмъ наклонныя линіи строкъ, съ безобразными каракулями, сливались въ ея глазахъ, наполнившихся жгучими слезами.

Она встряхнула головой, взяла перо и начала свой отвѣтъ Чагину:

«Не жди меня, Юрій, я не пріѣду, обманула. Прости. Смерть за плечами; тѣмъ лучше. Нѣтъ силъ работать, нѣтъ силъ просить милостыню. Чего мнѣ стоило тебя обмануть! Когда подростетъ Вѣра, скажи ей все, какъ я жила, какъ умерла, пусть помнитъ меня всегда, всегда. Не бросай дѣтей, ради всего святаго, ты одинъ у нихъ теперь. Бумаги мои возьми себѣ, тамъ разсказъ. Не лѣнись посылать его въ журналы. Обѣщай мнѣ это, слышишь? Юрій, какъ я къ тебѣ рвалась, тамъ умереть, съ дѣтьми повидаться! Увижу ли я васъ еще, мои ангелы? О, слабость какая, неужели смерть?

«Не пріѣзжай, не надо видѣться, еще тяжеле будетъ умирать. Сохрани письмо, отдай Вѣрѣ, когда подростетъ. Для нея я удержалась отъ искушенія; о, какъ трудно мнѣ! Скажи ей, что я умерла, не измѣнивъ себѣ до конца. И ты это помни всю жизнь. Есть женщины, для которыхъ любовь—не все. Постой, еще что-то: Машу пристрой, я за нее много душой болѣла, пусть живетъ работой. Изъ редакціи *Смѣха сквозь слезы* получи деньги за переводъ и разсказъ, возьми ихъ себѣ, ничего у меня больше нѣтъ.

«Юрій, научи дѣтей быть честными и трудиться,—не для себя жить».

Глухой вопль вылетѣлъ изъ груди Валентины Львовны. Она протянула руки передъ собою, какъ бы видя дорогія лица малютокъ. Голова ея упала на письмо.

Дверь скрипнула. Дуня внесла марку.

— Господи, на дворѣ-то море разливанное!...

Каменева очнулась и машинально стала писать адресъ.

— Дуня, какое у насъ нынче число?

— Кто его знаетъ? Сказывали, завтра первое.

— Первое іюня... Дѣти уѣхали 28 мая... Гдѣ вы теперь, гдѣ?...

— Охъ, барыня, матушка... Что это съ вами?

Каменева сама не знала что̀. Она чувствовала только, какъ сразу, съ страшною силой горячая волна поднялась къ горлу,

захватывая духъ, и не успѣла Валентина Львовна понять и крикнуть, какъ ярко-алая кровь хлынула изо рта.

Дуня взвизгнула, бросилась изъ номера. Въ корридорѣ захлопали двери, поднялась суматоха. Нѣсколько жилицъ вбѣжали въ комнату Каменевой и, потолкавшись и поахавъ надъ умирающей, рѣшили не трогать ее до прихода врача. Минуты все уходили, а съ ней и силы Валентины Львовны. Она это чувствовала, но, казалось, забыла о возможности смерти и все боялась захлебнуться кровью.

Наконецъ, вбѣжалъ молодой врачъ, растерянно взглянулъ на больную и самъ кинулся въ аптеку за лѣкарствомъ.

Возницынъ, случайно пріѣхавшій въ меблированныя комнаты, весь блѣдный, велѣлъ вызвать врача. Самъ онъ остался въ корридорѣ, не рѣшаясь вступить въ комнату, куда вошла смерть.

— Умираетъ она, что ли?—спросилъ онъ какимъ-то сорвавшимся голосомъ.

— Надо думать, что умретъ. Организмъ совсѣмъ разрушенъ. Надо бы телеграфировать роднымъ. Гдѣ они?

— Ахъ, да никакихъ родныхъ... Пріятель у нея одинъ, ему дать знать, пусть ѣдетъ хоронить... Вотъ не было печали! Теперь пойдутъ хлопоты, возись!—досадливо бормоталъ Возницынъ, не стараясь даже понизить голоса.

Она слышала все, до послѣдняго слова, и судорога пробѣжала по ея лицу, и вѣки тяжело сомкнулись. Но она осталась недвижимой, и только прозрачные пальцы безостановочно, какъ бы конвульсивно, перебирали воротъ рубашки на груди.

— Какъ жаль, такая молодая!—слышался съ страшною ясностью, какъ бы надъ самымъ ухомъ ея, голосъ молодаго доктора.—Должно быть, доработалась, бѣдняга!

Докторъ вернулся въ номеръ. Дуня всхлипывала у окна.

Каменева открыла глаза и впилась въ молодое лицо врача своимъ мрачнымъ взоромъ.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ распоряженій? — тихо спросилъ онъ, глядя въ сторону.

Она попросила приподнять ее, дать ей перо и недоконченное письмо.

— Оставьте меня одну, — прошептала она. Лицо ея было спокойно, и вся жизнь, казалось, сосредоточилась въ пальцахъ, которые судорожно шевелились на груди.

Дуня съ докторомъ вышли, и, спускаясь въ контору, онъ

просилъ горничную покараулить у дверей, чтобы кликнуть его, если положеніе больной ухудшится.

Она осталась одна и сидѣла недвижно, прислонясь къ подушкамъ, широко раскрывая глаза при каждомъ тяжкомъ, мучительно-трудномъ вдыханіи своей впалой груди. Со свистомъ и легкимъ хрипомъ вылеталъ воздухъ изъ разрушенныхъ легкихъ. Хотя бы окно догадались открыть... какъ душно... Она застонала.

Дуня въ одно мгновеніе была у дивана и исполнила желаніе Каменевой. Сырой воздухъ медленною струей поползъ въ комнату и заволновалъ пламя свѣчи. Отраженіе ея причудливыми тѣнями пробѣжало по неподвижному лицу умирающей. Горничная тихо вышла. Изъ корридора доносился глухой гулъ голосовъ. Чей-то ребенокъ капризно плакалъ недалеко. Откуда-то урывками долетали неясные звуки блестящей пьесы, исполняемой чьею-то искусною рукой, и когда они замирали, слышно было только, какъ за окномъ дождевыя капли тихо, немолчно звенѣли, ударяясь о стекла.

Вотъ онъ, конецъ... Всему конецъ... и борьбѣ, и честолюбивымъ мечтамъ, и жаждѣ жизни... Да, счастливы тѣ, кто будутъ жить...

Дѣтей, дѣтей-то увидать бы въ послѣдній разъ!... Одна среди чужихъ...

Что это?—не одна... Есть кто-то въ комнатѣ, тамъ, за спиною. Вотъ какъ и въ тотъ памятный вечеръ, когда Иванъ Александровичъ разгадалъ ей страшную загадку... Да, она вновь живо чувствуетъ присутствіе кого-то незримаго, но могучаго, передъ кѣмъ она безсильна... Оглянуться жутко, крикнуть—нѣтъ силы... Душитъ что-то. Не этотъ ли «незримый» заперъ окно?

Блѣднымъ, дрожащимъ почеркомъ она набросала на бумагу свои послѣднія мысли:

«Умираю,—прощайте, дѣти!... Юрій, не бросай ихъ!... Вѣра, счастье мое, радость моя, помни свою маму, прощай... прощ...»

Перо выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ. Письмо, лежавшее на груди, казалось свинцовою гирей. Движеніемъ трепетавшихъ пальцевъ она сбросила его на полъ.

Свѣча, казалось, гасла подъ чьимъ-то леденящимъ дыханіемъ. Сизыя тѣни вдругъ показались изъ угловъ, поползли и протянули къ ней огромныя руки. Ближе, ближе... Точно стѣны

сдвинулись... Точно что-то громадное, безформенное, но ужасное вышло изъ этой тѣни, подошло къ ней и тяжкою глыбой налегло къ ней на грудь... Все померкло разомъ... Свѣчу задули... Смерть это, что ли? Воздуху дайте!... Душно... Боже! Какъ жутко умирать...

Чагинъ взялъ разсказъ Каменевой изъ редакціи каррикатурнаго журнала и издалъ его съ краткимъ предисловіемъ отъ себя вмѣстѣ съ повѣстью, потерпѣвшей неудачу. Критика сразу отмѣтила въ нихъ выдающійся талантъ и пожалѣла о ранней смерти автора.

Н. Вербицкая.

---

* *
*

Околдуй меня, очаруй меня,
Зашуми грозой надъ душой моей,—
Я хочу борьбы, я хочу огня,
Жить, я жить хочу!... Дай душою всей
Окунуться въ глубь этихъ сладкихъ мукъ,
Гдѣ быстрѣй-прочнѣй богатырскихъ рукъ,
И безъ молота, и безъ пламени,
Скорбь и гнѣвъ куютъ всепобѣдный мечъ
Для горячихъ битвъ, для геройскихъ сѣчъ!...
Безъ меча въ рукѣ и безъ знамени
Мнѣ-ль идти на бой, на великій бой
Съ мощнымъ недругомъ, съ роковой судьбой?
Укрѣпи-жь меня, ополчи меня,
Жизнью до-полна грудь налей мою,—
Я хочу грозы, я хочу огня,
Побѣдить иль пасть... но въ бою, въ бою!...

С. Фругъ.

ИГРАЛИЩЕ СУДЬБЫ *).

(Fortune's Fool).

Романъ Джуліана Готорна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава VII.

— Не могу сказать, сэръ, чтобы я много зналъ объ этомъ; я, вѣдь, человѣкъ не семейный и, слѣдовательно, не слышу бабьей болтовни. Позвольте, однако, вы сказали французъ? Я полагаю, что вамъ лучше всего отправиться къ старому Мосси Джексу; онъ живетъ вонъ въ томъ домѣ подъ вязомъ. Онъ самъ французъ и лучше всѣхъ можетъ сказать вамъ то, что вы желаете знать.

Этотъ совѣтъ былъ данъ мистеромъ Мёлленомъ (хозяиномъ гостиницы «Фениксъ») своему новому посѣтителю въ отвѣтъ на разспросы, съ которыми тотъ обратился къ нему послѣ обѣда.

— Въ этомъ домѣ?—спросилъ посѣтитель, взглянувъ по направленію, указанному мистеромъ Мёлленомъ.

Потомъ онъ закурилъ сигару и спросилъ:

— Какъ давно онъ живетъ здѣсь?

— Лѣтъ четырнадцать или около того. Задолго до меня, во всякомъ случаѣ. Я завелъ эту гостиницу, сэръ, ровно восемъ лѣтъ тому назадъ, и осмѣлюсь сказать, что во всемъ штатѣ не найдется гостиницы лучше моей.

— Вы сказали, что его зовутъ Мосси Джексъ? Онъ женатъ? Есть у него дѣти?

— У него? Должно быть, нѣтъ; я не видалъ и не слыхалъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Жилъ съ нимъ мальчикъ, да оказался никуда негоднымъ и теперь давно уже рыскаетъ по лѣсамъ.

— Я думаю пойти и поговорить съ нимъ. Потрудитесь, мистеръ Мёлленъ, сказать моему камердинеру, чтобъ онъ спросилъ свою барышню, пойдетъ ли она со мной? Благодарю.

Маделена пришла черезъ нѣсколько минутъ и отправилась съ дядей къ старому красному дому подъ вязомъ.

Они шли теперь еще медленнѣе обыкновеннаго; но Маделена замѣтила, что дядя Флойдъ сильно затягивался своею сигарой и былъ очень озабоченъ; разъ, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить на вопросъ, который она сдѣлала ему и котораго, повидимому, онъ не слыхалъ, онъ вдругъ наклонился и крѣпко поцѣловалъ ее въ лобъ. Тогда они были очень близко отъ дома, въ который, какъ видѣла Маделена, вошли два человѣка за минуту передъ тѣмъ. Послѣ этого дядя Флойдъ бросилъ сигару и пошелъ скорѣе.

Когда онъ постучался, дверь тотчасъ отворилъ странно одѣтый старикъ съ сѣдыми волосами и необыкновенно зоркими глазами. Онъ и дядя Флойдъ посмотрѣли другъ на друга, а потомъ послѣдній проговорилъ:

— Мнѣ сказали въ гостиницѣ, что я могу получить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о предметѣ, интересующемъ меня. Можете вы удѣлить мнѣ одинъ часъ?

— Прошу войти, сэръ,—отвѣтилъ старикъ съ вѣжливостью, поразившею Маделену и доказавшею дядѣ Флойду, что онъ имѣетъ дѣло съ джентльменомъ типа, не свойственнаго Новому Свѣту.

Они вошли; старикъ затворилъ за ними дверь.

— Пожалуйте впередъ, во вторую дверь направо,—сказалъ онъ.

Идя по этому указанію, они очутились въ небольшой темной комнатѣ, съ книжною полкой, со столомъ, заваленнымъ разными разностями, и съ портретомъ на стѣнѣ, но до того почернѣвшимъ отъ времени или пыли, что на немъ ничего нельзя было разобрать.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ, хозяинъ замѣтилъ, что, можетъ быть, для молодой дѣвицы разговоръ будетъ не интересенъ, но что въ комнатѣ наверху есть ручная бѣлка и книжка съ картинками, которыя покажутся ей болѣе интересными.

Маделена очень охотно согласилась съ этимъ, и хозяинъ проводилъ ее наверхъ. Когда онъ вернулся въ кабинетъ, въ его

обращеніи произошла нѣкоторая перемѣна. Оно было гораздо церемоннѣе, чѣмъ до сихъ поръ, и напомнило его посѣтителю о французскихъ аристократахъ и ихъ секундантахъ (въ числѣ которыхъ былъ и онъ) въ дуэли, происходившей много лѣтъ тому назадъ.

Теперь разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ.

— Прежде чѣмъ я отдамъ себя въ ваше распоряженіе, не потрудитесь ли вы сказать мнѣ ваше имя?

— Когда я въ Англіи, я баронъ Кастльмиръ,—отвѣтилъ посѣтитель.—Здѣсь, кажется, такіе титулы не признаются; но, можетъ быть, это будетъ не совсѣмъ неумѣстно для нашего настоящаго свиданія. Я только желаю просить васъ сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о предметѣ, интересующемъ меня. Вы, кажется, живете здѣсь лѣтъ двѣнадцать или болѣе?

— Я пріѣхалъ сюда, господинъ баронъ, пятнадцатаго марта, четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Этотъ домъ понравился мнѣ, я купилъ его и съ тѣхъ поръ живу здѣсь.

— Домъ, я полагаю, былъ не занятъ въ то время?

— Не совсѣмъ такъ, господинъ баронъ. Въ ночь пятнадцатаго марта его занимала хозяйка, мадамъ Дёджонъ.

— Дёджонъ, да,—сказалъ лордъ Кастльмиръ, ухватившись за ручки кресла своими бѣлыми, съ синими жилками, руками,—она здѣсь жила одна?

— Не совсѣмъ одна, — сказалъ французъ, сморщивъ свои брови. — Здѣсь была другая женщина, молодая; но она умирала.

— А вы видѣли ее? Вы были съ нею, когда она умирала?

— Я имѣлъ это удовольствіе, господинъ баронъ.

— Почему вы говорите удовольствіе?—спросилъ посѣтитель и лицо его вспыхнуло.

— Вы, безъ сомнѣнія, сказали бы то же самое, если бы были на моемъ мѣстѣ,—возразилъ французъ ледянымъ тономъ.—Эта молодая дѣвушка была изъ хорошей фамиліи, но отдала себя и свою честь любовнику; а этотъ любовникъ, этотъ негодяй, господинъ баронъ, опозорилъ ее, привезъ сюда и бросилъ. Онъ былъ не только негодяй, но и лжецъ, потому что, уѣзжая отсюда, сказалъ дѣвушкѣ, что скоро вернется или вызоветъ ее къ себѣ. Этою выдумкой онъ примирилъ ее съ разлукой; но безполезно говорить, что онъ не сдержалъ своего обѣщанія. Слово честь для такихъ людей, господинъ баронъ, одинъ пустой звукъ. Молодая дѣвушка, однако, повѣрила ему; до самой смерти она

вѣрила, что онъ вернется, и даже оставила мнѣ кое-какія безделицы—я не знаю чтò—чтобы передать ему, когда онъ явится. Но изъ такого безславія, какое покрыло ее, смерть самое желанное избавленіе, и я имѣлъ удовольствіе, которое и вы раздѣлили бы, присутствовать при ея смерти.

— Почемъ вы знаете, можетъ быть, этотъ человѣкъ тоже заслуживаетъ сожалѣнія?—сказалъ лордъ Кастльмиръ, лицо котораго подергивалось не разъ, пока говорилъ французъ.—Но я здѣсь не затѣмъ, чтобы защищать его передъ вами; кто бы вы ни были, онъ, вѣроятно, не захочетъ этого. Я желаю собрать отъ васъ свѣдѣнія, а не слышать ваше мнѣніе; и вы можете быть увѣрены, что получите щедрую плату за то, чтò скажете мнѣ.

— Боже милосердый! — вскричалъ старый французъ, весь дрожа и приподнимаясь съ своего кресла.—Да знаешь ли ты, негодяй, кому ты предлагаешь деньги за разсказъ о посрамленіи умершей женщины?

Онъ замолчалъ, чтобы собраться со всею своею энергіей и сказать съ надлежащимъ драматическимъ эфектомъ, кто онъ такой, но старикъ плохо разсчиталъ свои силы. Бѣдный мосье Жакъ, постоявъ нѣсколько минутъ съ протянутыми впередъ дрожащими руками и съ сжатыми костлявыми кулаками, опять со стономъ опустился въ свое кресло и закрылъ лицо руками.

— Моя Анета! мое дитя!—произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ и съ рыданіями сострадания отчасти къ себѣ и отчасти къ ней,—твой отецъ слишкомъ слабъ, чтобъ отмстить съ достоинствомъ за тебя или за оскорбленіе, нанесенное его собственной чести.

Когда лордъ Кастльмиръ услыхалъ эти прерывистыя слова, назначавшіяся не для него, сердце его замерло и онъ почувствовалъ какую-то тупую и щемящую боль. Утромъ, сидя на могилѣ Анеты, онъ, конечно, чувствовалъ печаль, но эта печаль происходила отъ жалости къ своей собственной участи въ соединеніи съ какимъ-то невольнымъ облегченіемъ отъ сознанія, что если Анета и страдала, то эти страданія прекратились уже давно.

Жестокія и, можетъ быть, безобразныя подробности были изглажены, а остались только грустныя и элегическія воспоминанія. Онъ могъ вспоминать тѣ счастливые часы, которые они проводили вдвоемъ передъ разлукой; мечтать объ этомъ было наслажденіемъ своего рода, которое портили только вопросы и

замѣчанія Маделены. Такимъ образомъ, его сіятельство, вообразивъ, что ему придется вытерпѣть только это, почувствовалъ, какъ исправилась и возвысилась его душа, а также и тайную (можетъ быть, безсознательную) радость, что это дѣло обошлось такъ легко.

Но дѣло принимало теперь менѣе удобный оборотъ. Все, что было непріятнаго и жестокаго въ судьбѣ Анеты, ожило опять въ мосье Жакѣ, а другая сторона этой исторіи исчезла изъ вида. Преступленіе, совершонное четырнадцать лѣтъ тому назадъ, возстало передъ нимъ во всей своей ужасающей наготѣ. Анета умерла, но осталось жить существо, которое можетъ отравить всю жизнь лорда Кастльмира.

Въ виду этихъ соображеній, лорду Кастльмиру казалось, что съ нимъ самимъ было поступлено несправедливо, потому что онъ вспомнилъ, какъ послѣ того декабрьскаго дня, теперь столь отдаленнаго, когда онъ получилъ внезапный призывъ немедленно оставить Сёнкукъ и вернуться въ Англію,—послѣ того дня прощанія и несдержанныхъ обѣщаній онъ достаточно вынесъ разочарованій, обманутыхъ ожиданій, непріятностей мелкихъ и важныхъ, чтобъ имѣть право считать ихъ наказаніемъ за свои грѣхи, и что поэтому грѣхи должны быть прощены ему. Часто среди горестей и страданій онъ утѣшалъ себя мыслью: «Это я заслужилъ, слѣдовательно, я долженъ это переносить; долгъ заплатится — угрызеніе совѣсти утихнетъ». Но если наказаніе начинается только теперь, къ чему же служили всѣ другія страданія?

Когда эти размышленія пробѣгали въ головѣ лорда Кастльмира, онъ почти былъ готовъ разсердиться, зачѣмъ переносилъ свои несчастія съ такою кротостью. Однако, за этимъ первымъ порывомъ чувства явилось чувство лучшее. Глаза его были устремлены на старика, находившагося передъ нимъ, и видѣли несчастіе сильнѣе и благороднѣе, чѣмъ его несчастіе. Потомъ имъ овладѣла нѣжность при мысли, что это родной отецъ той женщины, которую онъ когда-то такъ любилъ,—отецъ, о которомъ она говорила такъ часто, спрашивая себя, проститъ ли онъ ее, а въ болѣе лучшемъ расположеніи духа представляла себѣ то время, когда все объяснится и простится и всѣ они будутъ жить вмѣстѣ свободно и счастливо.

«Такъ и могло быть,—думалъ лордъ Кастльмиръ,—и Анета была бы жива теперь, и этотъ старикъ былъ бы полонъ любви

ко мнѣ, вмѣсто того, чтобы ненавидѣть меня, если бы я поступилъ иначе; я и поступилъ бы такъ, если бы могъ предвидѣть конецъ съ самаго начала».

— Такъ вы Жакъ Мальгре?— продолжалъ баронъ послѣ продолжительнаго молчанія.

Французъ поднялъ глаза, но лицо его было безотвѣтно и не выражало ничего, а пальцы рукъ, лежавшихъ на колѣняхъ, безцѣльно шевелились.

— Я не стану оскорблять васъ просьбою о прощеніи: я опоздалъ четырнадцатью годами для этого,—продолжалъ англичанинъ.—Но, можетъ быть, я не опоздалъ сдѣлать что-нибудь. Полагаю, вы угадываете, что привело меня сюда. Мнѣ не приходило въ голову, что я увижу васъ; мы встрѣчаемся въ первый разъ, и я зналъ только одно ваше имя. Я зналъ, что Анета умерла, хотя не зналъ—какъ и когда. Пріѣхалъ я сюда,—продолжалъ онъ, приступая къ главному пункту съ очевидною неохотой и затрудненіемъ,—затѣмъ, чтобы узнать... спросить, была ли Анета матерью...

Онъ помолчалъ и, наконецъ, прибавилъ:

— И остался ли живъ ея ребенокъ?

— Вы не знали меня, господинъ баронъ,—сказалъ французъ, и голосъ его какъ-то странно хрипѣлъ, какъ будто въ немъ порвались какія-то пружины,—но вы догадались, что я узналъ въ васъ вора, укравшаго мое дитя; вы говорили о прощеніи, о вознагражденіи,—я не знаю о чемъ. Я становлюсь старъ,—ну, да... это все равно; однако, я узналъ васъ, хотя, какъ вы говорите, мы не встрѣчались никогда; но не такъ, какъ вы, господинъ баронъ, я думалъ о встрѣчѣ съ вами, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ положилъ въ могилу мою дочь. Я думалъ о васъ даже болѣе, чѣмъ о ней; вы являлись мнѣ во снѣ, и въ этой самой комнатѣ...

Тутъ что-то безумное появилось въ его взглядѣ, а дыханіе съ трудомъ вырывалось изъ горла.

— Знаете ли, лордъ Кастльмиръ,—сказалъ онъ,—зачѣмъ я пустилъ васъ въ эту комнату, въ которую не входилъ никто?

Лордъ Кастльмиръ сидѣлъ съ какимъ-то угнетеннымъ чувствомъ, ожидая, какая еще непріятность ждетъ его.

— Слушайте же,—продолжалъ отецъ Анеты пронзительнымъ и взволнованнымъ голосомъ и съ тою размашистою жестикуля-

ціей, которая вызываетъ улыбку у англо-саксонцевъ,—я пустилъ васъ сюда потому, что каждый день звалъ васъ сюда, и вы, наконецъ, явились! Ага, это не первый нашъ разговоръ, лордъ Кастльмиръ. Вашего имени, вашего лица я не зналъ; но я звалъ васъ—звалъ душу человѣка, котораго я ненавидѣлъ; и вы явились, потому что отъ такого зова ничья душа не можетъ устоять. Каждый день я оскорблялъ васъ, проклиналъ; я говорилъ вамъ такія вещи, для выраженія которыхъ не находилось словъ,—я терзалъ васъ... А когда вы изгибались отъ мученій, плакали и просили пощады, я хохоталъ надъ вами, насмѣхался и еще крѣпче стягивалъ узлы... но не затѣмъ, чтобъ убить—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! оттого, что вы мнѣ были нужны и на другой день, и на третій—всегда! Мы были хорошими товарищами во всѣ эти годы. А теперь,—тутъ его голосъ опять началъ дрожать и глаза потускнѣли,—теперь вы здѣсь, это правда; но теперь совсѣмъ другое: я вижу, что я... устарѣлъ!

Тутъ Жакъ Мальгре остановился и лицо его приняло какое-то растерянное выраженіе. Онъ какъ будто безмолвно обращался къ тому самому врагу, на котораго излилъ свою ярость, съ просьбой научить его, какъ нанести живому лицу тѣ оскорбленія, которыми онъ осыпалъ вызываемое имъ видѣніе.

Лордъ Кастльмиръ, однако, вовсе не былъ расположенъ разжигать фантазіи своего полупомѣшаннаго хозяина. Вельможа очень утонченный и щепетильный по природѣ, онъ былъ глубоко возмущенъ тѣмъ, что уже случилось, и даже, можетъ быть, предпочелъ бы оскорбленіе дѣйствіемъ. Мысль, что онъ, пэръ Англіи, человѣкъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ соблюдавшій приличіе и порядочность, былъ большую часть своей жизни предметомъ безграничной ненависти человѣка, котораго не видѣлъ никогда, мучила и волновала его. Это затронуло его какъ вторженіе въ то душевное убѣжище, которое даже преступникъ имѣетъ право сохранить для самого себя; это заставило его почувствовать, что онъ никогда не можетъ болѣе удаляться въ самого себя съ надеждой на безопасность, такъ какъ закоренѣлая злоба стараго француза найдетъ его повсюду, куда бы онъ ни спрятался. Если ненависть не глубже любви, то она, во всякомъ случаѣ, заставляетъ глубже чувствовать себя.

Какъ бы то ни было, баронъ не имѣлъ никакого желанія выслушивать что-нибудь подобное; онъ тотчасъ бы отретировался,

если бы необходимость не заставляла его прежде добиться тѣхъ свѣдѣній, для которыхъ онъ проѣхалъ три тысячи миль по морю и по сушѣ. Онъ посмотрѣлъ на Жака Мальгре и не безъ удовольствія увидалъ, что послѣдній взрывъ ярости затихъ, по-крайней мѣрѣ, на время. Съ другой стороны, въ томъ, что его сіятельство намѣревался сказать, ничто не могло раздражить француза, а скорѣе могло произвести обратное дѣйствіе; и, какъ бы то ни было, никто не могъ сдѣлать этого за него. Онъ наклонился впередъ и кротко взглянулъ въ лицо своему хозяину.

— Господинъ Жакъ Мальгре,—сказалъ онъ, какъ будто не случилось ничего непріятнаго,—вопросъ о существованіи ребенка еще не рѣшенъ. Можете вы сказать мнѣ, остался онъ живъ?

— Ребенокъ!—вскрикнулъ старикъ медленно.—Развѣ вы, лордъ Кастльмиръ, считаете вѣроятнымъ, что можетъ остаться въ живыхъ ребенокъ, мать котораго умерла, брошенная и съ растерзаннымъ сердцемъ, въ тотъ самый день, какъ онъ родился?

— Стало быть, его нѣтъ?—воскликнулъ лордъ Кастльмиръ.

Въ его голосѣ слышалось облегченіе; ему казалось, что именно этого результата онъ и желалъ. Изъ двухъ возможныхъ выходовъ это, можетъ быть, былъ наименѣе неудовлетворительный. Это избавитъ отъ хлопотъ, гласности, отъ множества непріятностей и огорченій. Да, такъ лучше!

Лордъ Кастльмиръ всталъ съ своего мѣста съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ и подумалъ о Маделенѣ. Если бы не тѣнь отца Маделены на заднемъ планѣ, все было бы очень свѣтло. Но эта тѣнь давно уже не являлась, и, какъ другія тѣни, можетъ быть, затерялась въ той великой тѣни, изъ которой не появляется никакая другая.

Все это время Жакъ Мальгре наблюдалъ за своимъ посѣтителемъ и, замѣтивъ перемѣну въ его выраженіи, отчасти угадалъ причину.

— Вы уже уходите, такъ скоро, господинъ баронъ?—спросилъ онъ. — Развѣ вы не поинтересуетесь узнать о характерѣ и воспитаніи вашего сына?

Это слово какъ будто пронзило насквозь сердце англичанина: онъ вдругъ съ спазмодическимъ движеніемъ прижалъ локти къ бокамъ, а губы его побѣлѣли. Затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ кровь бросилась ему въ лицо. Онъ не отвѣтилъ Жаку Маль-

гре, но взглянулъ на него какъ-то странно и опять опустился въ свое кресло.

Все это приводило въ недоумѣніе Жака Мальгре. Его увѣрили,—и не безъ основанія, какъ казалось,—что лордъ Кастльмиръ больше всего желалъ сына. Но очевидное облегченіе, выказанное имъ, когда онъ предположилъ, что ребенокъ не остался живъ, а потомъ его смятеніе, когда ему сказали, что у него есть сынъ, показывали, что тутъ кроется нѣчто болѣе того, что предполагали. Странная прихоть судьбы, о чемъ стоитъ здѣсь упомянуть: въ минуты нервнаго угнетенія, когда память и самообладаніе бываютъ наименѣе дѣятельны, Жакъ Мальгре чувствовалъ къ Кастльмиру инстинктивное влеченіе. Онъ нравился ему неизвѣстно почему,—это было нѣчто въ родѣ духовнаго сродства; такъ что если бы онъ могъ совсѣмъ забыть, почему онъ не любилъ его, атмосфера тотчасъ прояснилась бы. Но люди какъ будто считаютъ стыдомъ слѣдовать влеченію сердца и всецѣло отдаютъ себя во власть гнѣва и злобы.

— Милордъ,—сказалъ, наконецъ, старикъ,—вы понимаете, что я не знаю ничего о васъ и о томъ, зачѣмъ вы пріѣхали сюда. Когда я лишился дочери, моею единственною цѣлью было отыскать ее; когда я нашелъ ее, я жалѣлъ, зачѣмъ она уже не умерла. Она не сказала мнѣ о васъ ничего такого, по чему я могъ бы васъ отыскать; теперь вы явились, желая узнать что-то отъ меня, но вы не сказали, что̀ именно. Пока вы не скажете мнѣ всего, я самъ ничего не скажу. Вы должны уступить мнѣ, а не я вамъ. Можете вы сдѣлать мнѣ какую-нибудь уступку, господинъ баронъ?

— Я могу доставить вамъ нѣкоторое удовлетвореніе, господинъ Мальгре,—отвѣтилъ Кастльмиръ.—Я могу показать вамъ, что я пріѣхалъ сюда безъ всякаго желанія нанести вамъ вредъ. Я не старикъ, какъ вы видите,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—а, между тѣмъ, моя жизнь можетъ прекратиться каждую минуту. Я страдаю порокомъ сердца. Не хочется умереть съ тяжелою ношей на совѣсти. Это одна изъ причинъ, которыя привели меня сюда. Есть и другія причины, но, можетъ быть, лучше начать сначала.

Глава VIII.

Высокопочтенный лордъ Вивіанъ былъ старшій изъ двухъ братьевъ, сыновей стараго государственнаго мужа, Генри, двѣ-

надцатаго барона Кастльмира. Онъ былъ ребенокъ смышленый, но слабаго сложенія; сначала думали, что онъ не доживетъ до зрѣлыхъ лѣтъ и что его младшій братъ, который былъ гораздо выше его ростомъ и крѣпче, будетъ наслѣдникомъ. Флойдъ, однако, выросталъ, онъ былъ баловень семьи, и мать не отдавала его въ школу, чтобы онъ не повредилъ своего здоровья или чтобы ему не повредило отсутствіе нѣжности и вниманія. Флойдъ занимался дома подъ надзоромъ наставника, и его понятливость облегчала ему ученіе. Когда онъ сдѣлался изъ длинноволосаго мальчика стройнымъ и изящнымъ юношей, ему пришло въ голову, что Шелли былъ не только удивительный поэтъ, но и превосходный руководитель въ религіозномъ и общественномъ отношеніи. Онъ находилъ въ себѣ нѣкоторое наружное сходство съ авторомъ *Возмущенія Ислама* и рѣшилъ, что ничего не можетъ сдѣлать лучше, какъ продолжать дѣятельность этого несчастнаго молодаго радикала съ того самаго пункта, на которомъ прекратила ее итальянская лодка. Правда, у Флойда Вивіана не было поэтическаго дарованія, какъ онъ самъ вскорѣ удостовѣрился, но за то онъ могъ писать очень хорошо акварелью и масляными красками. Еще небольшая подробность, достойная вниманія: онъ обыкновенно носилъ въ карманѣ небольшой томикъ Эсхилла. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ отправился въ Италію отыскивать новаго Байрона, чтобы сдѣлаться его неотступнымъ спутникомъ.

Все это было въ порядкѣ вещей и не заслуживаетъ особенныхъ насмѣшекъ. Молодой вельможа не былъ самъ великимъ мыслителемъ или геніемъ въ какомъ бы то ни было родѣ; но ему нравились слова и дѣйствія тѣхъ, кто подходилъ подъ эту мѣрку, и, воображая, что онъ идетъ подъ ихъ знаменемъ, онъ развивалъ въ себѣ самоуваженіе.

Обладая большимъ богатствомъ, онъ находилъ удовольствіе проповѣдывать всеобщій коммунизмъ; онъ любилъ распространяться о томъ, что всякій просвѣщенный умъ обязанъ затоптать ногами всѣ условности и не допускать никакихъ посредниковъ между нимъ и природой. Занимаясь этимъ, Флойдъ Вивіанъ проводилъ время очень пріятно и надѣлалъ сравнительно не много бѣдъ.

Люди такого сорта очень похожи на младенцевъ, которые, сидя на рукахъ у своихъ нянекъ, принимаютъ походку и ростъ няньки за свои, между тѣмъ какъ ни разу не становятся на землю своими ногами. Рѣдко случается, что они спрыгнутъ съ

рукъ няньки и попробуютъ сами шагать, и тогда имъ приходится плохо; но вообще они позволяютъ носить себя по мостовой и мимо сточныхъ трубъ, а потомъ гордятся, что ноги ихъ цѣлы, а обувь не грязна.

Съ теченіемъ времени, несомнѣнно, какъ это вообще случается съ подобными людьми, физическія наклонности пересилили бы умственныя, наслѣдникъ кастльмирскій спокойно вернулся бы въ помѣстья своихъ предковъ и сдѣлался бы надежнымъ тори и членомъ господствующей церкви, какъ его отецъ. Но судьбѣ было угодно, чтобы въ его жизни случилось одно обстоятельство, которое должно было дать ему совсѣмъ другое направленіе и окрасить всю его будущую жизнь совсѣмъ въ другую краску. Онъ возвращался домой изъ Италіи, но, проѣзжая черезъ Парижъ, остановился тамъ на короткое время и, при обстоятельствахъ довольно странныхъ, встрѣтился съ хорошенькою и умненькою француженкой, дочерью человѣка съ значительнымъ политическимъ вліяніемъ и еще болѣе значительною философскою извѣстностью. Жакъ Мальгре, такъ звали этого господина, находился въ то время въ отсутствіи, по дипломатическому порученію въ Берлинѣ, а Анета была оставлена на попеченіи одной писательницы, родственницы ея отца. Надзоръ, которому обыкновенно подчинены незамужнія женщины во Франціи, былъ значительно ослабленъ относительно Анеты Мальгре, и Вивіанъ (путешествовавшій инкогнито подъ именемъ мистера Флойда) былъ допущенъ къ короткости съ дѣвушкой великодушнаго и впечатлительнаго характера. Она восхищалась его мнѣніями, потому что они были для нея непонятны, и любила его, потому что онъ говорилъ, что понимаетъ ее. Флойдъ Вивіанъ развивалъ передъ нею свои планы относительно радикальнаго измѣненія всѣхъ общественныхъ отношеній и молодая дѣвушка слѣпо вѣрила въ ихъ осуществимость. Бросивъ свое званіе и наслѣдство въ Англіи, о которыхъ его младшій братъ заботился болѣе, чѣмъ онъ, Вивіанъ бѣжалъ въ Америку, могущественную отчизну свободы и будущности, гдѣ онъ найдетъ всеобщую подачу голосовъ, женскую эмансипацію, свободную торговлю, пастбища и земледѣліе, или музыку, поэзію и живопись. Вотъ какимъ мечтамъ предался этотъ несчастный молодой англичанинъ, а такъ какъ глупцы погибаютъ отъ послѣдствій своей глупости, а не отъ самой глупости, то Флойдъ и Анета имѣли возможность привести въ исполненіе хоть одну часть своего плана. Они ускользнули изъ

Парижа подъ носомъ довѣрчивой и ослѣпленной писательницы, сѣли на корабль въ Гаврѣ и послѣ благополучнаго путешествія высадились на берегъ въ Ньюбёрипортѣ въ Массачузетсѣ. Оттуда они прослѣдовали на прибрежной шкунѣ въ Сёнкукъ и тамъ нѣкоторое время были совершенно счастливы.

По крайней мѣрѣ, Анета была довольна всѣмъ. Объ ея спутникѣ этого нельзя сказать съ достовѣрностью. Его натура была не такая крѣпкая и не такая цѣльная, какъ у нея, и, можетъ быть, что даже тогда онъ началъ сомнѣваться, достанетъ ли у него твердости довести свое предпріятіе до конца. Съ самаго начала онъ велъ съ своими родными двойную игру. Вмѣсто того, чтобъ откровенно сообщить о своемъ новомъ шагѣ въ жизни, онъ написалъ къ нимъ о намѣреніи посѣтить Америку и устроилъ, чтобы деньги присылались къ нему по обыкновенію; объ Анетѣ и своихъ отношеніяхъ къ ней не упомянулъ ни слова.

Мѣсяца три или четыре они жили вдвоемъ очень удобно въ старомъ красномъ домѣ съ длинною покатою кровлей и широкою трубой и проводили время, гуляя по окрестностямъ, читая стихи, занимаясь живописью и любовью. Свои же коммунистическіе планы они оставили пока; сначала надо было привыкнуть къ этой странѣ и изучить характеръ и предразсудки жителей. Анета, конечно, могла сомнѣваться относительно приведенія въ исполненіе этого намѣренія; но Флойдъ долженъ былъ знать съ самаго начала свою неспособность и выдерживать тайныя и безполезныя огорченія, которыя возбуждаетъ сознаніе въ своей слабости.

Въ эту ненадежную Аркадію пришло письмо изъ Англіи. Умиралъ старый лордъ Кастльмиръ, и Флойдъ долженъ былъ спѣшить, чтобы застать его въ живыхъ. Анета, не подозрѣвавшая до этой минуты, что человѣкъ, которому она отдалась, былъ не просто Флойдъ Вивіанъ, была глубоко взволнована этимъ извѣстіемъ. Радовался или огорчался Флойдъ, кто можетъ это сказать? Онъ старался представить Анетѣ, во-первыхъ, что ему необходимо ѣхать, а, во-вторыхъ, что она не должна ѣхать съ нимъ: въ тогдашнемъ положеніи ея здоровья такое продолжительное путешествіе было бы опасно; кромѣ того, дѣла дома, можетъ быть, устроятся не такъ гладко, какъ можно бы желать, и, наконецъ, зачѣмъ ей ѣхать, когда ей удобно здѣсь подъ внимательнымъ надзоромъ мистрисъ Дёджонъ, а онъ, навѣрное, вернется еще до разрѣшенія Анеты? О, да, онъ вернется! Безъ сомнѣнія, онъ и думалъ это, когда говорилъ.

Бѣдная женщина собралась со всѣми своими силами и отпустила его, отдавъ ему всѣ свои мысли и все свое сердце. Она не позволяла себѣ высказывать ни опасеній, ни жалобъ, когда онъ уѣхалъ, и очень весело болтала съ мистрисъ Дёджонъ, только почему-то всегда плакала по ночамъ, что̀ было очень дурно и неблагодарно съ ея стороны. Зимніе дни проходили однообразно; она сидѣла у окна свой комнаты, шила рубашечки, вязала чулочки и время отъ времени взглядывала на сѣрый восточный океанъ, по которому проходило много кораблей, но ни одинъ не направлялся за нею. Часъ ея разрѣшенія приближался; неужели она встрѣтитъ его одна? Много мыслей пробѣгало въ головѣ ея, можетъ быть, сожалѣнія, можетъ быть, сознанія въ заблужденіи и раскаянія, но ничто не помрачало ея любви, ничто не колебало ея вѣры.

Передъ отъѣздомъ Флойдъ оставилъ ей достаточно денегъ на цѣлый годъ и условился съ нею, чтобъ она писала два раза въ мѣсяцъ по данному ей адресу въ Лондонъ. Въ случаѣ, если болѣзнь не позволитъ ей писать, она должна была заставить мистрисъ Дёджонъ написать; но, въ случаѣ ея смерти (разумѣется, объ этомъ серьезно нельзя было и думать), писать не слѣдовало вовсе.

Анета писала семь разъ и сама отдавала на почту свои письма. Послѣднее письмо было написано четырнадцатаго марта и между любящими словами вкрались кроткіе упреки и жалобы. Она надѣялась, что онъ не получитъ этого письма,— такъ она писала, потому что если получитъ, то, значитъ, не поспѣетъ сюда во̀-время, чтобы первому увидать того, кто современемъ будетъ носить его имя. Теперь онъ явится очень скоро. А пока... скучаетъ ли Флойдъ безъ нея такъ, какъ она скучаетъ безъ него? Она и желала этого, и не желала, потому что довольно одному изъ нихъ быть несчастнымъ. Онъ, однако, не долженъ думать, что она несчастна; она въ очень хорошемъ расположеніи духа, только иногда чувствуетъ себя очень одинокой въ старомъ домѣ. Но черезъ нѣсколько дней, если все пойдетъ благополучно, она уже не будетъ одинокою. Если Флойдъ не поспѣшитъ, онъ найдетъ соперника, который вытѣснитъ его! Потомъ слѣдовали фразы, подобныя которымъ всѣ чистые глаза читали или будутъ читать въ свое время, но которыхъ не къ чему приводить здѣсь или гдѣ бы то ни было. Потомъ былъ очерченъ кружокъ, гдѣ былъ

напечатлѣнъ поцѣлуй; потомъ имя—и больше ничего по сю сторону вѣчности.

Надо признаться, что когда Флойдъ Вивіанъ (въ это время тринадцатый баронъ Кастльмиръ) получилъ это письмо, онъ находился не на возвратномъ пути въ Сѣнкукъ, а въ великолѣпномъ отелѣ въ Лондонѣ и только что кончилъ одѣваться къ обѣду. Слуга подалъ ему письмо, онъ узналъ почеркъ, и такъ какъ спѣшилъ, то сунулъ письмо въ карманъ, чтобы прочесть послѣ обѣда. За обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ леди Ангоры ДеЛень, одной изъ красавицъ этого сезона, и разговоръ обратился на Шелли. Лордъ Кастльмиръ считалъ славу его нѣсколько преувеличенною; это былъ очень милый поэтъ, но съ ошибочными и сумасбродными воззрѣніями. Возьмите, напримѣръ, его взгляды на бракъ. Леди Ангора задумалась и сказала:

— Если бы всѣ мужчины раздѣляли ваши идеи, лордъ Кастльмиръ, вы-то уже неспособны сдѣлать ошибку такого рода!

Его сіятельство улыбнулся, вздохнулъ и перемѣнилъ разговоръ. За столомъ было очень немного гостей, кромѣ леди Ангоры, дочери стараго друга семьи, потому что по старомъ лордѣ еще носили глубокій трауръ. На другой день лордъ Кастльмиръ поѣхалъ въ деревню и оставался тамъ десять дней; онъ нѣсколько разъ думалъ о непрочтенномъ письмѣ, которое было оставлено въ Лондонѣ вмѣстѣ съ фракомъ, но велѣть его прислать было не совсѣмъ ловко. Когда онъ вернется въ Лондонъ, тамъ будетъ ждать его другое письмо.

Когда онъ пріѣхалъ, старое письмо онъ нашелъ, а новое еще не прибыло. Прошло двѣ недѣли, а письмо все не приходило. Слѣдующія двѣ недѣли лордъ Кастльмиръ провелъ въ тайной лихорадкѣ недоумѣнія, страха или надежды. Какъ бы то ни было, письмо не пришло. Но цѣлый годъ потомъ онъ говорилъ себѣ время отъ времени: «Я поѣду въ Америку, какъ только выберу время, и посмотрю...» Но для молодаго пэра, только что вступившаго на арену политической жизни, трудно найти случай для какой-то неопредѣленной поѣздки въ полуварварскую страну Атлантическаго океана. А тутъ, къ тому же, была леди Ангора, прелестная дѣвушка и великолѣпная невѣста. Она не могла слышать объ Америкѣ и находила большимъ мужествомъ со стороны лорда Кастльмира, что онъ рѣшился разъ тамъ побывать.

Въ слѣдующемъ іюнѣ мѣсяцѣ — черезъ полтора года послѣ того, какъ Флойдъ Вивіанъ уѣхалъ изъ Новой Англіи — лордъ

Кастльмиръ и леди Ангора были обвѣнчаны къ великой радости своихъ друзей и общества. Было очень утѣшительно, что молодой лордъ устроился такъ выгодно и въ такихъ раннихъ лѣтахъ.

Дѣйствительно, немногимъ на долю достается столько счастья и удобства, сколько досталось ему; единственный тревожный элементъ заключался въ томъ несчастномъ младшемъ братѣ, который еще не примирился съ мыслью, что Флойдъ рѣшился вырости и присвоить себѣ титулъ и сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода; между тѣмъ какъ онъ, человѣкъ болѣе основательный и разумный, былъ принужденъ похоронить себя въ нищенскомъ приходѣ съ доходомъ только въ шестьсотъ фунтовъ.

Объ этомъ младшемъ братѣ слѣдуетъ упомянуть подробнѣе, чѣмъ было сдѣлано до сихъ поръ. Онъ составлялъ во многихъ отношеніяхъ контрастъ съ Флойдомъ. Лицо у него было длинное, грубое, носъ большой, волосы и брови черные; сложенія онъ былъ сильнаго и нѣсколько тяжеловѣснаго, и, подобно Ричарду III, имѣлъ большую вѣру въ убѣдительность своего языка. Онъ любилъ выказывать себя хитрѣе и прозорливѣе тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло; одурачить своего собесѣдника въ глаза было для него наслажденіемъ. Отъ родителей онъ наслѣдовалъ нѣкоторую нравственную совѣстливость и наклонность къ порядочности, но съ раннихъ лѣтъ принялся исправлять эти недостатки и, послѣ долгихъ усилій, искоренилъ ихъ. Онъ видѣлъ, что общество эгоистично и требуетъ отъ каждаго человѣка отдѣльно непосильныхъ жертвъ.

«Общество никогда не отказывалось ни отъ чего для моей пользы,—разсуждалъ этотъ лукавый умъ,—зачѣмъ же мнѣ отказываться отъ чего-нибудь для пользы общества? Несомнѣнно, что общество сильнѣе меня, если я веду съ нимъ борьбу равнымъ оружіемъ, но эта превосходная сила именно и даетъ мнѣ право пользоваться всѣми возможными выгодами, какія я могу извлечь изъ нея. Я буду дѣлать видъ, будто уступаю и подчиняюсь, но въ дѣйствительности стану заботиться о моей собственной пользѣ на счетъ чего бы то ни было».

Человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, безъ сомнѣнія, самъ соглашался съ этимъ; но какъ другіе люди, онъ дошелъ до этого сознанія только путемъ личнаго опыта. Разумѣется, счастіе, благопріятствовавшее ему, должно было казаться результатомъ прозорливости, а неудачи безсмысленнымъ и злымъ несчастіемъ. Младшій братъ лорда Кастльмира иногда имѣлъ успѣхъ, иногда нѣтъ;

и случалось такъ, что успѣвалъ онъ всегда только въ бездѣлицахъ. Первые шаги молодаго пастора были довольно удачны; онъ съумѣлъ себя хорошо поставить въ своемъ приходѣ, даже начиналъ пріобрѣтать нѣкоторую популярность и пользоваться вліяніемъ, и пошелъ бы очень далеко, еслибъ не случилось одной катастрофы.

Подробности ея неизвѣстны,—ихъ не допустили до гласности; но результатомъ было то, что пасторъ долженъ былъ оставить свой приходъ и удалиться за границу. Тогда оказалось, что онъ жилъ сообразно не тѣмъ средствамъ, которыя у него были, а тѣмъ, которыя надѣялся получить, и лорду Кастльмиру пришлось заплатить долги для избѣжанія скандала. Его сіятельство даже согласился платить брату ежегодно опредѣленную сумму, если тотъ будетъ продолжать жить за границей и не станетъ дѣлать непріятности роднымъ.

Нѣсколько лѣтъ эта сдѣлка съ обѣихъ сторонъ ни чѣмъ не нарушалась; хотя изгнанный братъ продолжалъ обращаться за деньгами на разныя непредвидѣнныя случайности и былъ постояннымъ источникомъ тревоги для лорда Кастльмира, чрезвычайно щекотливаго насчетъ фамильной чести и опасавшагося, что братъ, въ отмщеніе за недостатокъ щедрости, сдѣлаетъ какой-нибудь новый, еще болѣе громкій скандалъ.

Нѣкоторое время, однако, ничего дурнаго не случилось, кромѣ женитьбы бывшаго ректора на особѣ весьма сомнительной порядочности, бельгійской жидовкѣ по происхожденію и актрисѣ (или чѣмъ-то въ этомъ родѣ) по профессіи. Отъ этого брака родилась дочь, а мать вскорѣ умерла.

Года четыре спустя, вдовый отецъ написалъ длинное письмо лорду Кастльмиру о своей неспособности воспитывать дѣвочку прилично ея имени и просилъ, чтобы ей дали пріютъ въ Кастльмирѣ. На этомъ основаніи предложеніе врядъ ли было бы принято, но ему поблагопріятствовали обстоятельства. Супружество лорда Кастльмира оказалось не совсѣмъ удачнымъ. Жена его умерла, родивъ ему троихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ родился мертвымъ, а другія двое сдѣлались жертвою какой-то эпидимической болѣзни. Да и въ другихъ отношеніяхъ леди Ангора не отличалась умѣньемъ составить счастіе мужа, и даже намекали, что ему было трудно уживаться съ нею. Словомъ, въ благородномъ домѣ было довольно печально, и мысль, что присутствіе дѣвочки внесетъ въ него нѣкоторое оживленіе, была не

такъ непріятна, какъ можно было бы ожидать при другихъ обстоятельствахъ. Лордъ Кастльмиръ написалъ, что возьметъ дѣвочку на слѣдующихъ условіяхъ: если черезъ годъ присутствіе дѣвочки окажется неудобнымъ, то она будетъ возвращена отцу, въ противномъ случаѣ она будетъ считаться пріемною дочерью и наслѣдницей (за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ), и тогда отецъ долженъ отказаться отъ всякихъ настоящихъ и будущихъ притязаній на нее, подъ опасеніемъ лишиться своего настоящаго содержанія. На эти условія послѣ разныхъ колебаній и измѣненій отецъ согласился, и маленькая Маделена явилась въ Кастльмиръ.

Это было очень странное созданьице; но не такъ неподатливое, какъ можно было ожидать. Въ ней было много врожденнаго благородства, что́ лордъ Кастльмиръ приписывалъ вивіановской крови, были также симптомы эксцентричности, чего-то страннаго и необыкновеннаго, что̀ лордъ Кастльмиръ приписывалъ ея матери и что̀ намѣревался искоренить современемъ. До окончанія назначеннаго года, миссъ Маделена Вивіанъ не только обезпечила себѣ постоянное пребываніе въ домѣ дяди, но сдѣлалась его кумиромъ,—онъ готовъ былъ для нея на все,—и достигла этой побѣды (насколько ее можно было объяснить) не столько посредствомъ своихъ вивіановскихъ качествъ, какъ тою самою эксцентричностью и независимостью характера, которыя дядя намѣревался искоренить. Ея прихоти и фантастическіе капризы приводили его въ восторгъ и онъ не позволялъ никому идти ей наперекоръ. Она, съ своей стороны, не выказывала къ дядѣ горячей привязанности и давала ему чувствовать всю тяжесть своего гнѣва, когда что-нибудь не нравилось ей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не выражала желанія вернуться къ отцу, а черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалось ясно, что она совсѣмъ забыла его. Иногда, изъ особенной милости, она называла лорда Кастльмира отцомъ, хотя онъ желалъ, чтобъ она постоянно называла его этимъ именемъ; она какъ будто чувствовала и силу, и желаніе обходиться совсѣмъ безъ родителей. Ни одна десятилѣтняя дѣвочка въ Англіи не распоряжалась такъ самовластно собою и всѣми окружающими ее, какъ эта кастльмирская наслѣдница.

Около этого времени здоровье лорда Кастльмира сильно разстроилось. Доктора сказали ему, что онъ можетъ прожить долго, но можетъ быть также, что Провидѣнію будетъ угодно переселить его въ другой міръ во всякое время безъ предварительныхъ предостереженій. Размышляя объ этихъ непредвидѣнныхъ слу-

чайностяхъ, лордъ Кастльмиръ, весьма естественно, сталъ подумывать о будущемъ распредѣленіи своего огромнаго состоянія, а чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ бо̀льшій хаосъ водворялся въ его мысляхъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находился онъ: кастльмирскія помѣстья въ продолженіе послѣднихъ четырехъ столѣтій переходили отъ отца къ старшему сыну и въ прямыхъ мужскихъ наслѣдникахъ не было недостатка во весь этотъ продолжительный періодъ. За неимѣненіемъ, однако, такихъ наслѣдниковъ, помѣстьемъ могъ распорядиться по своему усмотрѣнію владѣлецъ. Настоящему барону первому въ его родѣ досталось это непріятное преимущество. У него не было сына отъ леди Кастльмиръ и, очевидно, онъ можетъ отказать свое состояніе кому захочетъ. Не менѣе очевиднымъ было и то, что ему было бы всего пріятнѣе сдѣлать Маделену своею единственною наслѣдницей; онъ и сдѣлалъ бы это, если бы его не удерживали слѣдующія два соображенія.

Первое состояло въ томъ, что отецъ Маделены, по всей вѣроятности, долженъ былъ пережить старшаго брата, и этотъ человѣкъ станетъ непремѣнно грабить имѣніе, наживаться на счетъ его, какъ только оно перейдетъ въ руки его дочери. Ее можно юридически не допустить передать отцу даже хоть часть имѣнія; но нельзя лишить возможности давать ему деньги или предложить гостепріимство въ своемъ домѣ. Словомъ, нечего было сомнѣваться, что этотъ обезславленный пасторъ непремѣнно поселится въ Кастльмирѣ, какъ только умретъ настоящій владѣлецъ; и тогда, если только Маделена окажется похожей на всѣхъ дочерей вообще, въ результатѣ выйдетъ, что наслѣдство достанется не Маделенѣ, а ея отцу. Можетъ быть, удастся придумать еще что-нибудь, но вполнѣ отстранить опасность невозможно; и если бы это было единственное препятствіе къ наслѣдству Маделены,—а ихъ было два, какъ выше упомянуто,—то и оно остановило бы лорда Кастльмира.

Въ чемъ же состояло второе препятствіе? Этотъ самый вопросъ пришелъ въ голову Жаку Мальгре, когда человѣкъ, сидѣвшій напротивъ него, дошелъ до этого мѣста въ своемъ разсказѣ. Въ чемъ бы оно ни состояло, а оно было такъ сильно, что заставило его отказаться на время отъ домашнихъ удобствъ и отправиться съ своею пріемною дочерью туда, гдѣ разыгрывалась его романическая исторія.

Глава IX.

Если читатель понялъ характеръ лорда Кастльмира изъ того, что было изложено въ послѣдней главѣ, онъ нѣсколько приготовится къ тому, что привело мосье Жака,—мнѣніе котораго о человѣческой натурѣ было, можетъ быть, не такъ снисходительно, какъ могло бы быть,—въ совершенное изумленіе.

Вотъ какъ это вышло: когда старый французъ спросилъ лорда Кастльмира, зачѣмъ онъ побезпокоился пріѣхать въ Америку наводить справки о незаконномъ сынѣ, который могъ сдѣлаться наслѣдникомъ только по особенному разрѣшенію закона, лордъ Кастльмиръ покраснѣлъ и заколебался.

Жакъ Мальгре продолжалъ:

— Я теперь сознаюсь вамъ, господинъ баронъ, что у васъ есть сынъ и живетъ онъ въ моемъ домѣ со дня своего рожденія. Но что вамъ до этого? Вы его не знаете; у васъ нѣтъ къ нему любви, а у него къ вамъ. Зачѣмъ вы желаете навязать ему богатство, на которое онъ не имѣетъ права и о которомъ никогда не будетъ сожалѣть? Лучше отдайте его вашей пріемной дочери (вы ее такъ любите) и не связывайте моего внука и меня никакими... одолженіями!

Послѣднему слову Жакъ Мальгре придалъ выраженіе особаго сарказма, какъ бы желая напомнить не только барону, но и себѣ, что не можетъ съ нимъ помириться.

— Но я полагаю, что вы любите вашего внука?—сказалъ баронъ, оставивъ безъ вниманія насмѣшку, хотя тревожно повернулся въ своемъ креслѣ.—Онъ еще не устарѣлъ для того, чтобы получить воспитаніе для такой высокой карьеры, какая только можетъ предстоять человѣку. Не позволяйте вашей непріязни ко мнѣ повредить его интересамъ. Вспомните, что онъ сынъ Анеты, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мой.

— Я этого не забылъ,—угрюмо отвѣтилъ французъ,—и мы оба пострадали за это. Будь онъ только ея сынъ, или плодъ честнаго супружества, я отдалъ бы ему всю мою любовь. Но въ тѣ минуты, когда я желалъ бы обнять его, какъ сына Анеты, мысль о томъ, кто погубилъ цвѣтокъ моего сердца, говорила мнѣ, что у этого мальчика въ жилахъ кровь не только жертвы, но и обольстителя. Сколько разъ я готовъ былъ задушить его одною рукой, отдавая другою мое сердце.

Когда старикъ говорилъ это, глаза его странно сверкали.

— Дьявольское дѣло совершили вы,—продолжалъ онъ болѣе пылкимъ тономъ.—Вы смѣшали любовь и ненависть въ невинномъ ребенкѣ! Вы отравили все, что могло сдѣлать мою старость спокойной и счастливой! Нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ учить любимаго ребенка тому, что можетъ сдѣлать его благоразумнымъ и сильнымъ; но мнѣ всегда мѣшала мысль: «зачѣмъ я буду дѣлать пользу сыну моего врага?»—и я не хотѣлъ. Часто я говорилъ ему жестокія слова,—онъ не понималъ ихъ смысла; но они оттолкнули его отъ меня и я одиноко кончаю мою жизнь. А теперь вы явились предложить ему богатство и имя—имя того, кто погубилъ его мать!

Тутъ французъ всталъ и обратился къ лорду Кастльмиру съ суровымъ и церемоннымъ достоинствомъ.

— Баронъ Кастльмиръ,—сказалъ онъ,—я не принимаю вашего предложенія. Ни деньгами, ни знатностью вы не можете загладить этого оскорбленія. Но если вы желаете отдать мнѣ моего внука, чтобъ я могъ безъ васъ прижать его къ моей груди и почувствовать, что онъ мой всецѣло, тогда не угодно ли вамъ взять этотъ пистолетъ.

Онъ подалъ старинный пистолетъ лорду Кастльмиру, оставивъ другой въ своей рукѣ.

— Здѣсь не такое мѣсто и не такая страна,—прибавилъ онъ,—гдѣ слѣдуетъ соблюдать формальности въ дѣлахъ такого рода. Но для чести достаточно, что мы станемъ здѣсь одни другъ противъ друга, безъ всякихъ преимуществъ съ той или другой стороны. Четырнадцать лѣтъ хранилъ я это оружіе въ надеждѣ, что настанетъ день, когда можно будетъ употребить его. Если вы предпочитаете, господинъ баронъ, мы выйдемъ изъ дома, хотя и эта комната кажется мнѣ очень удобной. Вы сами подадите сигналъ.

Первый разъ во время этого свиданія англичанинъ улыбнулся. Его не только забавляла церемонная старинная вѣжливость, какою французъ прикрасилъ свое смертоносное предложеніе, а нелѣпость этой мѣры вознаградить бѣднаго Жака Мальгре за страданіе, которое онъ причинилъ ему. Но онъ почувствовалъ облегченіе человѣка, не подверженнаго физическому страху,—облегченіе отъ того, что нравственное напряженіе перешло въ физическую область ощущенія. Рана отъ пули не причиняетъ такихъ продолжительныхъ и сильныхъ страданій, какъ метательный снарядъ, срывающійся съ языка. Очень можетъ быть даже,

что лордъ Кастльмиръ на одно мгновеніе почувствовалъ искушеніе согласиться на предложеніе Жака Мальгре, но тотчасъ же опомнился.

— Я не могу согласиться на рискъ лишить васъ жизни,— сказалъ онъ, положивъ пистолетъ на столъ,—но послѣ того, какъ я вамъ скажу то, чего вы, кажется, не подозрѣваете, я не прочь, чтобы вы застрѣлили меня, если вамъ заблагоразсудится; мнѣ все равно: теперь или въ другое время кончить мою жизнь.

— Что же вы имѣете сказать мнѣ, милордъ?—спросилъ французъ и въ голосѣ его слышалось безпокойство, хотя обращеніе не измѣнилось.

— Ваша дочь была обвѣнчана со мною; она была моею законною женой, и нашъ сынъ законный наслѣдникъ Кастльмировъ,—отвѣтилъ англичанинъ скороговоркой и прерывисто дыша.

Онъ всталъ и оперся рукою о спинку своего кресла.

Лицо француза сморщилось, по тѣлу пробѣжалъ трепетъ; нѣсколько минутъ онъ не могъ проговорить ни одного слова, а когда, наконецъ, заговорилъ, голосъ его дрожалъ и обрывался.

— То, что вы мнѣ сказали, неправда,—началъ онъ.—Вы сказали это потому, что вы боялись... нѣтъ!... Но вы шутите... ради Бога увѣрьте меня, что вы шутите! Боже милостивый, это не можетъ быть справедливо!

— Неужели васъ огорчило извѣстіе, что честь вашей дочери была чиста, мосье Мальгре?—съ любопытствомъ спросилъ англичанинъ.—Вотъ свидѣтельство нашего брака, написанное въ Парижѣ наканунѣ нашего отъѣзда въ Гавръ.

Онъ вынулъ изъ кармана пачку бумагъ и подалъ одну изъ нихъ французу, который взглянулъ на нее и уронилъ на столъ. Потомъ онъ, шатаясь, добрался до своего кресла, опустился въ него, какъ человѣкъ, изъ котораго вышла вся жизненная сила, и уронилъ голову на руки.

Лордъ Кастльмиръ ожидалъ вспышки гнѣва, а Жакъ Мальгре вовсе не думалъ о лордѣ Кастльмирѣ и оставался глубоко равнодушенъ къ свойству и степени его нравственнаго криводушія. Единственный предметъ, занимавшій мысли старика и подавлявшій его, была та злополучная и непоправимая несправедливость, съ которою онъ относился къ памяти дочери съ минуты ея смерти. Онъ проклиналъ ее, не хотѣлъ простить, между тѣмъ какъ она была невинна. Онъ выбросилъ ее изъ своего сердца, какъ

обезславившую его имя, а она его не обезславила. Онъ вымещалъ на ея сынѣ свою неудавшуюся месть, когда мальчикъ долженъ бы служить сладостнымъ утѣшеніемъ въ его потерѣ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ себя жалкимъ, злобнымъ затворникомъ и изгнанникомъ, вступилъ въ разладъ съ цѣлымъ свѣтомъ и жилъ только въ смутной надеждѣ достигнуть безполезнаго мщенія; и теперь, въ ту минуту, когда вообразилъ, что мщеніе находится въ его рукахъ, поводъ къ мщенію испарился въ воздухѣ. Все это было страшнымъ ударомъ для Жака Мальгре. Анета! Анета! Анета!—съ угрызеніемъ раздавалось въ его душѣ. Онъ думалъ объ ея могилѣ, на которой безумная гордость не допустила его сдѣлать любящую надпись, а о комнатѣ, въ которой она умерла, онъ не смѣлъ даже и думать. Въ пистолетахъ теперь надобности не представлялось, да Жакъ Мальгре и забылъ объ нихъ, забылъ обо всемъ, даже и о присутствіи въ сосѣдней комнатѣ джентльмена съ черными бакенбардами, который такъ заботился о судьбѣ будущаго Джона, четырнадцатаго барона Кастльмира.

— И такъ,—сказалъ лордъ Кастльмиръ, говорившій уже многое другое, что Жакъ Мальгре, можетъ быть, слышалъ, но не понялъ,—я увижу мальчика завтра утромъ въ вашемъ присутствіи. Съ этимъ брачнымъ свидѣтельствомъ и свидѣтельствомъ о рожденіи ребенка, которое находится у васъ, его личность достаточна доказана.

— Да, да, конечно,—бормоталъ Жакъ Мальгре.—Вотъ свидѣтельство объ его рожденіи, я всегда ношу его съ собою; возьмите его. Да, да, завтра.

— Для того, чтобы поставить это дѣло внѣ всякихъ сомнѣній,—продолжалъ лордъ Кастльмиръ,—у меня сдѣлано завѣщаніе,—два завѣщанія, собственно. Вотъ они. Первое, какъ вы видите, сдѣлано въ пользу моей племянницы и пріемной дочери Маделены. Одно должно имѣть силу въ такомъ случаѣ, если не явится прямой наслѣдникъ, и вводитъ ее во владѣніе когда ей минетъ двадцать одинъ годъ. Этотъ второй документъ, который, какъ вы видите, помѣченъ мѣсяцемъ позднѣе перваго, отдаетъ мое состояніе моему сыну съ обязательствомъ выплачивать Маделенѣ пожизненно тысячу фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы они вступили въ бракъ, но объ этомъ здѣсь не упомянуто, чтобы насилуя такимъ образомъ ихъ наклонность, мы не помѣшали ей. Вы понимаете меня, мосье Мальгре?

— Конечно, мы помѣшали бы.

— Я оставлю у васъ всѣ бумаги, чтобы вы пересмотрѣли ихъ на свободѣ. Признаюсь, мосье Мальгре, я предпочелъ бы отдать имѣніе безусловно моей племянницѣ, несмотря на нѣкоторыя невыгоды, сопряженныя съ этимъ; но никакъ не могъ помириться, что ея титулъ впослѣдствіи замѣнится другимъ; и, кромѣ того, я не хотѣлъ прибавить несправедливость къ несправедливости. Это дѣло съ самаго начала причиняло мнѣ много горя и безпокойства.

Лордъ Кастльмиръ колебался, какъ будто желалъ сказать еще что-то, но французъ такъ явно не интересовался его признаніями, что онъ передумалъ. Вотъ каковъ былъ конецъ четырнадцатилѣтняго тайнаго униженія и нерѣшимости съ одной стороны и разъѣдающей сердце ярости и добровольной мизантропіи— съ другой.

— Теперь я прощусь съ вами, мосье Мальгре, — сказалъ лордъ Кастльмиръ, направляясь къ двери.—Завтра мы рѣшимъ остальное. Кажется, моя дѣвочка наверху,—прибавилъ онъ, опять повернувшись и протягивая руку.—Какъ вы думаете, не можемъ ли мы сдѣлаться друзьями?

— Конечно, господинъ баронъ, завтра! — отвѣтилъ французъ, не измѣняя выраженія своего лица и не двигаясь съ мѣста.

И такъ, эти два человѣка разстались, не пожавъ другъ другу руки. Въ передней лордъ Кастльмиръ позвалъ племянницу, она пришла съ бѣлкой на рукахъ; она подружилась съ ней лучше, чѣмъ ея дядя съ Жакомъ Мальгре, и не хотѣла разстаться съ нею. Лордъ Кастльмиръ наклонился и поцѣловалъ Маделену въ лобъ, и они вышли изъ дома рука объ руку.

Минуты три спустя, дородная фигура въ черной одеждѣ вышла изъ дверей, взглянула направо и налѣво и торопливо пошла по переулку по тому же направленію, какъ и тѣ двое. Восточный вѣтеръ нагналъ тучи на небо; было уже совсѣмъ темно.

Глава X.

Когда Маделена и дядя Флойдъ прошли нѣкоторое разстояніе по переулку, они достигли небольшаго возвышенія. Переулокъ съ каждой стороны былъ окаймленъ каменною стѣной, точно такою, какая окружала поле Мосси Джекса. Но на этомъ возвышеніи деревьевъ не было и съ вершинъ открывался прекрасный видъ къ юго-востоку на море. Дядя Флойдъ предложилъ остано-

виться на нѣсколько минутъ и отдохнуть. Маделена, привыкнувъ къ тому, что дядя устаетъ въ самыя неожиданныя минуты и когда бы, кажется, устать не отъ чего, не сдѣлала возраженія на это предложеніе; ей хотѣлось поиграть съ бѣлкой, что̀ было неудобно во время ходьбы.

Вечеръ былъ теплый. Хотя и надъ головой, и вокругъ было темно, но на восточномъ горизонтѣ виднѣлась тусклая полоса свѣта, потому что тамъ всходила луна. Теперь, когда дневные звуки прекратились, шумъ моря былъ слышнѣе и, казалось, такъ близко, что можно было бы различить плескъ каждой отдѣльной волны. Съ болота слышался продолжительный и меланхолическій крикъ какой-то птицы. Какъ бы въ отвѣтъ ему изъ деревни тоже раздалось ауканье, но оно не повторилось, а птица продолжала кричать время отъ времени. Она какъ будто ждала отвѣта другаго рода.

Дядя Флойдъ сѣлъ на плоскій камень, лежавшій у самой стѣны, и прислонился къ ней спиною. Онъ сидѣлъ небрежно, какъ человѣкъ усталый. Онъ дѣйствительно очень усталъ; ему казалось, будто онъ странствовалъ по разнымъ утомительнымъ дорогамъ и что пришло время отдохнуть. Онъ охотно отдыхалъ бы здѣсь долго, долго; онъ дошелъ до поворота въ своей жизни и достигъ такого возвышенія, на какое ему не приходилось подниматься уже давно. Онъ надѣялся подняться еще выше современемъ, но теперь желалъ отдохнуть—оглянуться на прошлое и собраться съ духомъ для того, чтобъ обдумать, что предстоитъ ему. А что предстояло? Лордъ Кастльмиръ вздохнулъ, однако, онъ не былъ печаленъ; но какая-то особенная тишина разлилась въ душѣ его, какое-то грустное спокойствіе, совсѣмъ не похожее на то, что онъ чувствовалъ прежде. Оно походило на этотъ лѣтній вечеръ, теплый и мягкій, съ свѣтлою полосой восходящей луны за рубежомъ океана, къ которому было обращено его лицо. Крикъ птицы съ невидимаго болота казался только эхомъ голоса, раздававшагося въ его душѣ. Онъ не могъ заглянуть впередъ, и въ сознаніи его все какъ-то странно мѣшалось—и прошедшее, и настоящее, и будущее. Онъ видѣлъ передъ собою весь міръ; но существовалъ ли онъ дѣйствительно на самомъ дѣлѣ? Процессъ творчества могъ ли считаться законченнымъ? Лордъ Кастльмиръ усмѣхнулся. Ему стало какъ-то сразу ясно, что сдѣланное имъ и многими другими рѣшительно ничего не стоило, а дѣлать-то нужно было совсѣмъ иное.

«Еслибъ я могъ повѣдать людямъ ту истину, которую я вижу теперь!»—подумалъ онъ.

Потомъ его размышленія приняли болѣе глубокомысленный оборотъ.

«Сердце человѣка,—думалъ онъ,—было дано ему не затѣмъ, чтобы погубить его черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Истина, которую я вижу, сейчасъ сдѣлается аксіомой, потому что я похожъ на морскую волну: все, изъ чего состою я—это не я. Черезъ минуту я ударюсь о берегъ и раздроблюсь въ брызги, но то, что составляло мою сущность, останется...»

— Маделена, дай мнѣ твою руку, дитя мое.

— Я не могу,—отвѣтила Маделена,—я держу бѣлку.

Рука дяди Флойда опустилась. Настало молчаніе. Легкая судорога пробѣжала по лицу дяди Флойда, слабо освѣщеннаго полосою свѣта съ востока. Потомъ его черты приняли выраженіе глубокаго спокойствія и вѣки опустились.

— Папа,— сказала, наконецъ, Маделена,—пойдемте теперь домой. Мнѣ не нравится крикъ этой птицы. Развѣ вы не довольно отдохнули?

Должно быть, нѣтъ, потому что онъ не отвѣчалъ.

— Я теперь дамъ вамъ руку,—сказала Маделена,—пойдемте! По переулку идетъ человѣкъ, котораго я боюсь.

Человѣкъ, о которомъ она говорила, находился тогда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ; онъ приблизился и остановился передъ ними. Онъ былъ въ черномъ платьѣ, съ длинными черными бакенбардами; но Маделена не могла разсмотрѣть его лица. Она прижалась къ дядѣ и обняла его шею рукой.

— Добрый вечеръ, Флойдъ,— сказалъ подошедшій, и такъ какъ тотъ не отвѣчалъ, онъ прибавилъ:—что это, неужели ты отвернешься отъ роднаго брата?

— Вы думаете, будто мы повѣримъ, что вы его братъ?—съ гнѣвомъ спросила Маделена.

— Ну, Мадди, нельзя ожидать, чтобъ у тебя достало смысла узнать роднаго отца, хотя ты очень выросла съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ въ послѣдній разъ,— отвѣтилъ этотъ человѣкъ съ короткимъ смѣхомъ,—но, право, Флойдъ, это слишкомъ нелѣпо съ твоей стороны! У меня и въ мысляхъ нѣтъ ничего дурнаго; я не меньше тебя удивляюсь нашей встрѣчѣ. Но ты видишь, что я узналъ тебя и, скажу откровенно, рѣшительно не желаю отказаться отъ своихъ надеждъ въ пользу твоего неза-

коннорожденнаго сына... Ты долженъ... Что это съ нимъ?... Онъ спитъ?

— Если онъ спитъ, вы не имѣете права будить его,—сказала Маделена.

Въ это время луна поднялась надъ горизонтомъ и ея свѣтъ упалъ на дядю Флойда. Человѣкъ въ черной одеждѣ наклонился къ самому лицу лорда Кастльмира. Потомъ онъ дотронулся до его руки, потомъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и сначала какъ будто хотѣлъ тотчасъ уйти. Но, постоявъ нѣсколько времени и раза два тяжело переведя духъ, онъ опять сдѣлалъ шагъ впередъ и заговорилъ тихимъ тономъ съ дѣвочкой.

— Пойдемъ, Маделена. Не бойся меня, я тебя не трону. Твой дядя... его не слѣдуетъ тревожить. Онъ очень болѣнъ; намъ надо пойти за докторомъ. Я твой отецъ, моя милая, я Мордокъ Вивіанъ. Мы не должны терять времени.

— Если вы мой отецъ, почему же я васъ не знаю?—спросила дѣвочка подозрительно.

— Это все равно; ты вспомнишь меня послѣ, можетъ быть. Пойдемъ со мной теперь.

Онъ протянулъ ей руку.

— Дядя Флойдъ, идти мнѣ съ нимъ? Онъ отецъ мой?—спросила она, наклоняясь къ тому, кто сидѣлъ тутъ, чтобы взглянуть ему въ глаза.

— Онъ не можетъ отвѣчать тебѣ... Ради Бога, дитя, не задерживай меня здѣсь!—сказалъ Мордокъ Вивіанъ голосомъ, въ которомъ слышался страхъ.

— Чего вы боитесь? Вы сначала не боялись,—сказала Маделена.

Потомъ она опять взглянула на лорда Кастльмира, который сидѣлъ погруженный въ такую глубокую задумчивость, и что-то въ его блѣдной физіономіи, теперь ясно освѣщенной луной, заставило ее отшатнуться отъ него. Что-то ужасное случилось съ дядей, который такъ любилъ ее, къ которому и она была привязана, но о которомъ никогда не имѣла очень высокаго мнѣнія. По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ это былъ онъ, а, между тѣмъ, навѣрное, не онъ, а какой-то холодный незнакомецъ, страшно похожій на него. Тайна этой невидимой, но ужасной перемѣны испугала дѣвочку: это была первая великая дѣйствительность, представшая предъ нею безъ всякихъ прикрасъ.

Въ сравненіи съ этимъ страхомъ, отвращеніе, которое она

почувствовала къ человѣку, называвшему себя ея отцомъ, потеряло свою силу, потому что теперь и онъ, и она имѣли, такъ сказать, одно общее дѣло. Она подошла къ нему и ухватилась за полу его сюртука своею маленькою ручкой.

— Онъ идетъ за нами,—пролепетала она.

Мордокъ Вивіанъ вздрогнулъ и обернулся.

— Что? Кто?—вскрикнулъ онъ задыхающимся голосомъ.

Со страхомъ вглядывался онъ въ темноту, напрягалъ зрѣніе и прислушивался. Но позади не слышалось никакихъ шаговъ.

— Ты испугала меня, дитя!—сказалъ онъ, наконецъ, пожимая плечами.—Нужно же сдерживать себя... Никто нейдетъ за нами. Пойдемъ.

«Господь знаетъ, какъ это случилось!—бормоталъ онъ про себя.—Это, положимъ, хорошо; но я предпочелъ бы не видѣть этого именно теперь! Счастіе ли это? Оно давно приближалось, да теперь вышло какъ-то некрасиво. Но надо же извлекать пользу изъ всего. Бѣдный Флойдъ! Теперь, если я могу устроиться съ этимъ старымъ французомъ, мы будемъ въ безопасности, и мистеръ Джекъ можетъ пускать здѣсь свои стрѣлы до страшнаго суда! Да, со мною дурно поступлено съ самаго начала, теперь очередь настала и для меня».

Ободренный этими размышленіями и разстояніемъ, отдѣлявшимъ его въ это время отъ одинокой фигуры, сидѣвшей въ темнотѣ на вершинѣ небольшаго возвышенія, преподобный Мордокъ Вивіанъ подошелъ къ старому красному дому, теперь казавшемуся чернымъ подъ тѣнью вяза. Оставивъ Маделену на крыльцѣ съ строгимъ приказаніемъ стоять тутъ, пока онъ не вернется, онъ осторожно прошелъ за уголъ зданія. Во всѣхъ окнахъ нижняго этажа было темно, но въ верхнемъ окнѣ мерцалъ огонь и на сторѣ виднѣлась движущаяся тѣнь. Успокоенный этимъ, пасторъ вернулся на крыльцо, гдѣ дѣвочка усѣлась въ уголъ съ бѣлкой на рукахъ, и тихо вошелъ въ домъ. Онъ ощупью пробирался по темному корридору, пока не дошелъ до второй полуотворенной двери. Проскользнувъ въ нее, онъ подошелъ къ столу, на которомъ могъ различить кучу лежавшихъ бумагъ. Двѣ бумаги были большіе документы, написанные на какой-то плотной бумагѣ, похожей на пергаментъ. Были еще двѣ, очевидно, бумаги простыя. Онъ поднесъ всѣ четыре къ окну, въ который пробирался лучъ луннаго свѣта. Разсмотрѣвъ ихъ пристально, онъ положилъ одну на столъ, а всѣ другія въ ме-

таллическій ящичекъ, который висѣлъ у него черезъ плечо. Шаги наверху, отъ которыхъ слегка заколебались старыя стѣны зданія, заставили его остановиться и прислушаться. Дверь наверху отворилась и затворилась, и шаги начали спускаться съ лѣстницы. Мосси Джексъ сходилъ внизъ и несъ лампу, какъ было видно по свѣту сквозь полуотворенную дверь. Лѣстница была такъ расположена, что если бы пасторъ вздумалъ выйти, онъ долженъ былъ встрѣтиться съ французомъ лицомъ къ лицу. Поэтому онъ ждалъ, въ надеждѣ, что старикъ, можетъ быть, не войдетъ въ кабинетъ. Но въ этомъ онъ обманулся. Мосси Джексъ, спустившись съ лѣстницы, медленно отворилъ двери и вошелъ въ кабинетъ. Мордоку Вивіану некогда, да и негдѣ было спрятаться и ничего болѣе не оставалось, какъ стоять на своемъ мѣстѣ и ждать, что будетъ.

Старый французъ несъ въ лѣвой рукѣ лампу, а черезъ правую руку была перекинута запыленная и изъѣденная молью разная одежда, очевидно, принадлежавшая женщинѣ. Тутъ была богатая атласная шубка, обшитая и подбитая мѣхомъ, вышитое платье съ кружевами, шляпка страннаго фасона и пара маленькихъ смятыхъ перчатокъ. Онъ прямо взглянулъ на Мордока, но глаза его были безсмысленны, какъ у человѣка, зрѣніе котораго временно перестало представлять ему какіе бы то ни было предметы, кромѣ тѣхъ, которые занимали его мысли.

Когда онъ подошелъ, Мордокъ подвинулся къ одной сторонѣ; онъ стоялъ прямо передъ столомъ, а старикъ поставилъ лампу и благоговѣйно положилъ одежду на кресло. Посмотрѣвъ на нее съ минуту тѣмъ же самымъ пристальнымъ и углубленнымъ взглядомъ, онъ повернулся къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ темный портретъ. Ухватившись за него своими костлявыми руками, онъ снялъ его съ крючка и осторожно положилъ на столъ, затѣмъ досталъ съ нижней полки стклянку съ какою-то коричневою жидкостью, откупорилъ и налилъ немного жидкости на полотно; потомъ потеръ кусочкомъ холста, и Мордокъ увидалъ, что копоть постепенно исчезаетъ съ портрета. Начинало обнаруживаться лицо, казавшееся точно живымъ, лицо чрезвычайно хорошенькой молодой женщины, лѣтъ восемнадцати, съ мягкими каштановыми волосами и нѣжнымъ цвѣтомъ кожи. Она не улыбалась, но веселость юности какъ будто сіяла изъ каждой черты. Въ то же время, взглядъ выражалъ глубину и умъ и въ немъ изображалось воплощеніе души, созданной наслаждаться всѣми радостями

разума и сердца. Такая женщина можетъ сдѣлать жизнь мужчины блаженною, поддерживать его и вдохновлять въ горѣ или пораженіи, сочувствовать его успѣху и удовольствіямъ.

Когда Мосси Джексъ кончилъ реставрацію портрета, онъ поставилъ его прямо на кресло, гдѣ лежала обветшалая одежда. Дѣйствіе этого соединенія было неожиданно и странно, точно будто изъ ветхаго и запыленнаго савана возстала свѣжесть и красота живой души, которую ни смерть, ни время не могли уничтожить. Для стараго Мосси Джекса, однако, это зрѣлище имѣло другое значеніе. Онъ теперь узналъ правду о своей несчастной дочери, и правда эта ярко засіяла передъ его омраченными гнѣвомъ и злобой глазами. Онъ нарочно вызвалъ изъ темноты изгнанный портретъ, чтобъ еще болѣе увеличить свое горе и жгучее раскаяніе.

Печальнѣе всего, однако, было то, что старикъ совсѣмъ забылъ объ Анетѣ и горевалъ отчасти о своемъ нравственномъ помраченіи, а отчасти и о потерѣ того негодованія, которое составляло пищу и занятіе его послѣднихъ лѣтъ. Его злоба была эгоистична и не менѣе эгоистична была теперь его горесть,—онъ самъ не зналъ, что̀ онъ теперь дѣлаетъ и зачѣмъ. Онъ чувствовалъ побужденіе выразить какимъ-нибудь образомъ свое внутреннее потрясеніе, и это побужденіе приняло такую форму. Оно было неопредѣленно, но характеризовало то безцѣльное существованіе, до котораго доведена была его жизнь.

Что же каса́ется Мордока, то его главнымъ желаніемъ было выбраться оттуда, и путь теперь былъ для него открытъ; а, между тѣмъ, онъ мѣшкалъ, поддавшись странности это зрѣлища. Мосси Джексъ всталъ на колѣни передъ кресломъ и что-то бормоталъ въ полголоса. Этотъ человѣкъ, по всему видимому, потерпѣлъ крушеніе отъ того самаго вѣтра, который направилъ Мордока на благополучный путь. Но голова Мордока была такъ разстроена роковымъ происшествіемъ, которое пока было извѣстно ему одному, что ему начало казаться, не замѣшанъ ли и онъ сюда какимъ-нибудь образомъ. Пасторъ какъ-то машинально опасался, чтобы скоропостижная смерть брата не повліяла невыгодно на его судьбу; она такъ разстроила или, правильнѣе будетъ сказать, опередила его планы, что въ глубинѣ сердца онъ почти готовъ былъ считать это какою-то ловушкой судьбы. Въ воздухѣ чувствовался запахъ смерти, какія надежды ни нашептывалъ бы разсудокъ. Богатство и власть, казавшіяся недавно доступными

ему, походили теперь на тѣ сокровища въ волшебныхъ сказкахъ, которыя, когда ихъ разсмотришь, окажутся булыжникомъ и всякою дрянью. Настоящее мѣсто для Мордока было здѣсь, возлѣ француза, въ пыли и ржавчинѣ. Пасторомъ овладѣла какая-то слабость. Воспоминанія обо всѣхъ его дурныхъ поступкахъ столпились въ головѣ его и спрашивали, заслуживаетъ ли онъ чего-нибудь, кромѣ неудачи и отчаянія? Едва держась на ногахъ, онъ прокрался позади Мосси Джекса и вышелъ туда, гдѣ ночная темнота и Маделена ожидали его.

Глава XI.

Когда мальчикъ, извѣстный подъ именемъ Джека, увидалъ, какъ черныя фалды сюртука его посѣтителя исчезли за угломъ оврага, когда онъ оправился отъ волненія, послѣдовавшаго за этимъ приключеніемъ, онъ предался серьезнымъ размышленіямъ о себѣ и своихъ дѣлахъ. По его мнѣнію, онъ теперь достигъ такого возраста, когда человѣкъ долженъ рѣшить, что̀ онъ будетъ дѣлать въ свѣтѣ. Онъ былъ пяти футовъ и четырехъ дюймовъ ростомъ. Своими стрѣлами онъ часто убивалъ зайца въ восьмидесяти ярдахъ, а однажды, на разстояніи полутораста ярдовъ, подстрѣлилъ большую синюю цаплю шести футовъ величины. Онъ могъ пробѣжать въ теченіе цѣлаго часа за разъ по лѣснымъ тропинкамъ, не запыхавшись и не уставъ. Онъ могъ проплыть до Пловерской скалы за милю отъ берега и вернуться назадъ, не коснувшись ногами дна. Онъ могъ найти дорогу по лѣсу и днемъ, и ночью, умѣлъ достать пищу и удобно устроиться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всякій бѣлый человѣкъ страдалъ бы отъ голода и неудобствъ. Онъ умѣлъ говорить и читать по-французски и по-англійски и порядочно зналъ мѣстное индѣйское нарѣчіе; могъ наигрывать множество мелодическихъ мотивовъ на своемъ банджо.

Безъ сомнѣнія, всего этого было достаточно, чтобы обезпечить человѣку успѣхъ въ жизни. У него совсѣмъ не было родныхъ. Перемѣнивъ мѣсто жительства, онъ будетъ избавленъ отъ хлопотъ продавать мебель или тащить ее съ собою, потому что мебели у него не было. Путешествіе, даже самое дальнее, обойдется ему очень дешево, не только потому, что онъ будетъ странствовать пѣшкомъ, но и потому, что у него не было денегъ. Правда, онъ, можетъ быть, пожелаетъ путешествовать моремъ, но

и тутъ затрудненій не представляется,—онъ настолько знакомъ съ конструкціей и управленіемъ прибрежнаго судна, что безъ труда можетъ найти мѣсто на одномъ изъ тѣхъ большихъ трехмачтовыхъ судовъ, которыя становились на якорѣ въ Ньюбёрипортѣ, по разсказамъ тѣхъ, кто тамъ былъ. Джеку хотѣлось попробовать счастія на синемъ морѣ; ему казалось, что такимъ образомъ онъ скорѣе дойдетъ до разрѣшенія интересующихъ его вопросовъ, чѣмъ въ путешествіи по сушѣ. Однако, это важное рѣшеніе можно было отложить на нѣсколько минутъ или даже до завтрашняго утра. Для принятія мѣръ, долженствующихъ вліять на всю будущую жизнь человѣка, не слѣдуетъ спѣшить.

А причинъ, заставлявшихъ Джека предпринять свое неопредѣленное странствованіе, было не мало. Не говоря уже объ однообразіи жизни на одномъ мѣстѣ,—Голова Колдуньи мало гарантировала его спокойствіе. Вотъ хотя бы взять непріятное происшествіе, случившееся въ этотъ день. Джекъ чувствовалъ, что онъ не въ состояніи болѣе оставаться тамъ гдѣ его покой былъ нарушенъ такъ грубо и самовольно. Это мѣсто теперь всегда будетъ напоминать ему противную физіономію, фигуру и гнусный поступокъ человѣка въ черной одеждѣ. Кромѣ того, его преслѣдовало предчувствіе, что этотъ человѣкъ вернется во главѣ шайки злодѣевъ, такихъ же, какъ и онъ, чтобы захватить его въ плѣнъ и, можетъ быть, лишить жизни. Джекъ слыхалъ, что въ индѣйскихъ войнахъ плѣнныхъ мучили и сожигали на кострѣ; можетъ быть, такова будетъ и его участь, если его захватятъ живымъ. Что же касается его способовъ обороны, то у него осталось только одиннадцать стрѣлъ; и, допустивъ, что онъ убьетъ одного изъ нападающихъ каждою стрѣлой, все-таки, останется достаточное число, чтобы порядочно его побить. Конечно, у него оставалось еще другое оружіе обороны, гораздо страшнѣе стрѣлъ или даже винтовокъ, но, увы, это оружіе можно пустить въ ходъ только одинъ разъ. Оно было способно одно уничтожить маленькую армію, особенно если эта армія пойдетъ на атаку сжатыми рядами; но если оружіе не попадетъ въ цѣль, то послужитъ скорѣе къ пользѣ, чѣмъ ко вреду врага. Вдобавокъ къ этому неудобству, Джека терзало въ глубинѣ души тайное сомнѣніе, можетъ ли даже дѣйствовать это оружіе?

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Джекъ въ одну изъ своихъ прогулокъ случайно набрелъ на каменоломню и чрезвычайно за-

интересовался производившимися тамъ работами. Онъ видѣлъ, какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ люди пробуравливали глубокія узкія отверстія въ скалѣ, и въ эти отверстія потомъ всыпали цѣлыя пригоршни какого-то чернаго зернистаго вещества, похожаго на очень крупный черный песокъ. Когда всѣ отверстія были туго набиты этимъ веществомъ, всѣ люди оставили работу, спрятались за углами и чрезъ нѣсколько минутъ Джекъ съ удивленіемъ увидалъ, что онъ одинъ стоитъ у каменоломни. Пока онъ удивлялся этому исчезновенію и старался понять значеніе криковъ, долетавшихъ до его ушей съ каждой стороны, вдругъ оглушительные взрывы раздались со всѣхъ сторонъ въ каменоломнѣ вмѣстѣ съ тучами бѣлаго дыма и паденіемъ огромныхъ глыбъ.

Пока онъ спрашивалъ себя, не сдѣлалась ли подвижною твердая земля и хотѣлъ отойти въ другое мѣсто, обломокъ гранита около двухъ футовъ въ діаметрѣ поднялся на воздухъ, какъ птица, и грохнулся за нѣсколько шаговъ отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ. Черезъ минуту всѣ работники вышли изъ своихъ закоулковъ, окружили его и начали задавать самые нелѣпые вопросы: знала ли его мать, что онъ ушелъ? не желаетъ ли онъ намазать себѣ волосы кускомъ гранита? не думаетъ ли онъ, что порохъ будетъ ждать, пока онъ отойдетъ?—и тому подобное.

На всѣ эти вопросы Джекъ отвѣчалъ важнымъ и исполненнымъ достоинства молчаніемъ. Работники оставили его и опять, смѣясь, принялись за работу. Но одинъ высокій чернобородый малый, съ крѣпкими загорѣлыми руками, ласково потрепалъ его по плечу, повелъ къ тому мѣсту, гдѣ работалъ, и весь день проболталъ съ нимъ. Джеку онъ очень понравился. Онъ сказалъ, что его зовутъ Гью Бернъ и что онъ родился въ Англіи, въ городѣ Бидефортѣ, на берегу Девоншира. Еще мальчикомъ онъ поступилъ на корабль, отправлявшійся въ Китай, и въ городѣ, называемомъ Гонконгъ, ушелъ съ корабля безъ позволенія, странствовалъ по морю и по сушѣ, имѣлъ много приключеній и, наконецъ, добрался до страны, называемой Австралія, находящейся за десять тысячъ миль отъ Бидефорта и почти въ такомъ же разстояніи отъ Сѣнкука. Тамъ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, держалъ коровъ и овецъ и получалъ много денегъ. Но насталъ годъ, когда въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ не выпало ни одной капли дождя, самая большая рѣка въ Австраліи раздѣлилась на нѣсколько полустоячихъ лужъ. Весь скотъ

Гью вымеръ и онъ оставилъ Австралію съ десятью фунтами въ карманѣ и на другомъ кораблѣ отправился въ Новую Зеландію. Тамъ онъ мало увеличилъ свое состояніе, но за то опытность его увеличилась значительно, онъ имѣлъ нѣсколько схватокъ съ сильною расой дикарей, извѣстныхъ подъ именемъ маори, ему перешибли палицей ребро, а копьемъ повредили мускулъ въ ногѣ. Но климатъ Новой Зеландіи былъ очень хорошъ, на душѣ его было легко, раны скоро зажили и онъ сталъ чувствовать себя, попрежнему, здоровымъ. Тогда онъ поступилъ вторымъ помощникомъ шкипера на корабль, отправлявшійся въ Лиму, въ Перу. Но ихъ настигъ ураганъ; корабль отбросило за нѣсколько сотъ миль къ сѣверу отъ настоящаго пути, наконецъ, появилась течь и, въ концѣ-концовъ, оказалась то, что Гью и молодой двадцатилѣтній человѣкъ по имени Брейянъ были выброшены на берегъ на островъ Рей въ Панамскомъ заливѣ. Окрестные жители обошлись съ ними хорошо. Брейянъ отправился на кораблѣ въ Англію, а Гью вздумалъ посмотрѣть на Соединенные Штаты и пробрался въ Новый Орлеанъ, гдѣ живутъ по бо́льшей части все французы и негры, а лежитъ этотъ городъ у самой большой рѣки въ цѣломъ свѣтѣ,—и такъ постепенно въ Нью-Йоркъ, Бостонъ и, наконецъ, въ Ньюбёрипортъ и Сёнкукъ. Здѣсь онъ уже девять мѣсяцевъ, но начинаетъ скучать и намѣренъ скоро перебраться въ другое мѣсто.

Тутъ разскащикъ остановился, а слушатель спросилъ его, куда онъ намѣренъ отправиться.

— Вотъ этого я не могу сказать тебѣ, мой милый Джекъ,— отвѣтилъ этотъ дюжій Марко-Поло, нанося сильный ударъ своимъ молоткомъ въ головку огромнаго желѣзнаго гвоздя, который онъ держалъ въ лѣвой рукѣ.—Это мнѣ все равно, только бы попасть въ новыя земли, чего я всегда желаю.

— Слышали вы что-нибудь о Брейянѣ?—спросилъ Джекъ.

— Ахъ, вотъ былъ весельчакъ!—сказалъ Гью, положивъ молотокъ и повернувъ голову на одну сторону,—двадцати лѣтъ отъ роду и такой же сильный, какъ я, хотя крошечку пониже меня. Вѣчно веселъ и ничего не боится; разъ вытащилъ человѣка изъ воды за десять шаговъ отъ огромной акулы, а на другой день далъ такую затрещину мошеннику, сплутовавшему въ картахъ, что чуть не положилъ его на мѣстѣ. Брейянъ— сынъ джентльмена, хотя такого же грубаго вида, какъ и всѣ мы, изъ хорошей фамиліи, гдѣ-то тамъ на сѣверѣ, но изъ ка-

кой, никто не зналъ, потому что онъ называлъ себя только Брейяномъ. Нѣтъ, ничего я не слыхалъ о немъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались въ Порто Белло, но онъ накуралеситъ вездѣ, гдѣ бы ни былъ.

Съ этими словами онъ покачалъ своею темною бородой и опять принялся колотить молоткомъ.

— Зачѣмъ вы дѣлаете это отверстіе?—спросилъ Джекъ.

— Ты самъ долженъ бы это знать, пріятель Джекъ; ты, вѣдь, чуть за это не поплатился, счастіе твое вывезло. Въ это отверстіе вкладывается порохъ, мы зажигаемъ его этою ниточкой, а что случается потомъ, твои глаза сами это видѣли.

— Вы называете порохомъ это черное вещество?

— Точно такъ.

— Какъ же это онъ можетъ взрывать такія большія скалы?

— Это я знаю не больше тебя, а знаю только, что взрываетъ.

Джекъ помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Гью Бернъ, вы дадите мнѣ немножко этого порошка?

— Съ удовольствіемъ, если ты обѣщаешь не взорвать имъ твоей головы,—сказалъ девонширецъ.—Ну, раскрой твою сумку; теперь у тебя достаточно. Но зачѣмъ это тебѣ?

— Я скажу въ другой разъ,—отвѣтилъ Джекъ таинственно.—Мнѣ хотѣлось бы отправиться съ вами, когда вы уѣдете отсюда, хотѣлось бы видѣть Брейяна.

— Дай мнѣ твою руку, мальчикъ,—воскликнулъ смуглый великанъ,—ты мнѣ нравишься и говоришь ты хорошо. Мы поѣдемъ вмѣстѣ и отыщемъ Брейяна, если онъ живъ. Приходи сюда опять, когда найдешь время, и мы поговоримъ обстоятельно.

На это предложеніе Джекъ согласился очень охотно и друзья разстались. Джеку какъ-то не удавалось опять пробраться къ каменоломнѣ, такъ что онъ не видалъ Гью съ тѣхъ поръ. Порохъ онъ сберегъ, держалъ его въ сухомъ мѣстѣ, какъ растолковалъ ему Гью, и послѣ размышленій, въ день, исполненный приключеній, о которомъ я пишу, сдѣлалъ нѣкоторыя приготовленія, не то чтобы опасаясь какого-то опредѣленнаго бѣдствія, но разсуждая довольно логично, что если онъ намѣренъ отправиться путешествовать на слѣдующій день, то ожидаемое бѣдствіе можетъ случиться только въ слѣдующіе двѣнадцать часовъ.

День прошелъ, солнце закатилось, окрасивъ западъ такими очаровательными красками, что Джекъ, смотря туда, рѣшился направиться въ ту сторону на закатъ солнца. Онъ, однако, вспомнилъ, что солнце такъ же хорошо восходитъ, какъ и заходитъ, и если это случится завтра, то онъ, можетъ быть, передумаетъ. Такимъ образомъ, онъ оставилъ вопросъ открытымъ.

Когда прозрачныя тѣни вечера начали сгущаться въ оврагѣ, Джекъ вошелъ въ свою пещеру и принялся за ужинъ, размышляя, что ему не придется болѣе ужинать въ этомъ мѣстѣ. Эта мысль не опечалила его, потому что ему еще не представлялось случая узнать, что значитъ тоска по родинѣ. Въ своихъ мечтахъ о будущемъ онъ видѣлъ такія же пещеры, ожидающія его каждый день въ концѣ пути. А Мосси Джексъ? Развѣ Джекъ не пожелаетъ увидѣть его опять? Онъ часто не видалъ его недѣлю или даже двѣ и не скучалъ. Но Джекъ, вѣроятно, не понималъ, какая разница не желать видѣть человѣка или не имѣть возможности видѣть его.

Взошла луна и заглянула въ оврагъ. Вокругъ царила торжественная и сладкая тишина. Джекъ взялъ свой банджо и, сидя на Головѣ Колдуньи, началъ перебирать струны. Онъ поднялъ голову къ небу, глаза его расширились, а сердце сильно билось. Онъ чувствовалъ, что въ свѣтѣ есть что-то восхитительное, чего стòитъ добиваться болѣе всего другаго и что̀ когда-нибудь онъ найдетъ. Онъ игралъ очень тихо, чтобы видѣніе не испугалось и не исчезло, а море нашептывало ему нѣжный аккомпаниментъ.

Между тѣмъ, луна поднималась выше, пока не показалась надъ вершинами деревьевъ и не заиграла въ свѣтлыхъ струяхъ ручейка. Она озарила и суровое чело Головы Колдуньи, набросивъ тѣнь Джека съ другой стороны. Мальчикъ взялъ нѣсколько заключительныхъ аккордовъ, а потомъ положилъ банджо на колѣни. Журчаніе ручейка, казавшееся ему до сихъ поръ гармоническимъ, теперь превратилось въ какую-то дисгармонію. Хоръ лягушекъ весело болталъ о своихъ мелкихъ дѣлишкахъ.

Джекъ начиналъ чувствовать, какъ его клонитъ ко сну.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ, выпрямился и просидѣлъ нѣсколько минутъ совершенно неподвижно, а, между тѣмъ, чувствовалъ какое-то сильное колебаніе или сотрясеніе, такъ что онъ зашатался на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ. Сострясеніе сдѣлалось сильнѣе, и Джекъ скоро замѣтилъ, что Голова Колдуньи

дрожитъ. Безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, огромная глыба качалась и движеніе это не походило на то, которое бывало въ то время, когда Джекъ качалъ ее. Она дрожала какъ бы отъ страха, предчувствуя какое-нибудь важное событіе. И Джекъ вспомнилъ,—при этомъ воспоминаніи кровь бросилась ему въ лицо и дыханіе сдѣлалось неровнымъ,—разсказы индѣйцевъ, какъ этотъ волшебный камень имѣлъ обыкновеніе дрожать такимъ образомъ при приближеніи опасности.

Минуты черезъ двѣ движеніе прекратилось. Джекъ соскользнулъ съ глыбы и вошелъ въ пещеру, откуда вышелъ черезъ минуту, оставивъ тамъ свой банджо. Онъ держалъ въ рукѣ кремень и огниво и, присѣвъ въ тѣни, сдѣлалъ какое-то осторожное движеніе руками около узкой трещины между глыбой и подножіемъ, на которомъ она держалась. Потомъ мальчикъ вышелъ изъ тѣни и, приложившись ухомъ къ землѣ, внимательно прислушался. Прошло болѣе минуты—ничего не слышно. Джекъ подозрительно поднялъ голову. Но черезъ минуту опять сталъ прислушиваться. Далеко вдоль оврага слышались шаги—тяжелая, неуклюжая походка, знакомая мальчику, а въ подтвержденіе онъ услыхалъ голосъ—сладкій, но непріятный, тонъ котораго онъ никогда не могъ забыть. Голосъ этотъ обращался къ кому-то, кто шелъ сзади,—очевидно, къ враждебному войску поселянъ. Слѣдовательно, случилось то, чего Джекъ опасался: его враги, предводительствуемые главнымъ его врагомъ, пришли ночью напасть и врасплохъ захватить его. Захватить они его могутъ; но врасплохъ не нападутъ,—онъ дорого продастъ свою свободу и жизнь. Суровое выраженіе разлилось по лицу мальчика,—выраженіе, знакомое тѣмъ, кто зналъ его впослѣдствіи, но казавшееся страннымъ теперь. Когда шаги и голосъ приблизились, Джекъ отодвинулся подъ тѣнь скалы и исчезъ изъ вида.

— Да, да, мы теперь идемъ какъ слѣдуетъ,—сказалъ голосъ.—Я узнаю это мѣсто. Подожди здѣсь, пока я влѣзу и возьму...

Внезапный свѣтъ, блеснувшій между глыбой и стѣной оврага, придалъ лунному свѣту какую-то блѣдную синеватость своею яркою краснотой. Потомъ трескъ, сотрясеніе и какое-то громадное тѣло поднялось и опустилось внизъ. Это зрѣлище и эти звуки могли парализовать самые крѣпкіе нервы. Затѣмъ настала темнота, послышалось паденіе какой-то громадной тяжести,

и земля затряслась, какъ при землетрясеніи; поднялись пыль и дымъ; тысячи проснувшихся птицъ защелкали и защебетали; наконецъ, тишина и спокойствіе вновь вступили въ свои права. Но странная глыба, съ незапамятныхъ временъ таинственно высившаяся надъ узкимъ ручьемъ,—Голова Колдуньи исчезла съ своего вѣковаго подножія. Она лежала въ оврагѣ между скалистыми стѣнами, загородивъ изумленный ручеекъ, пробивавшійся мимо нея съ каждой стороны и съ смутнымъ журчаніемъ, попрежнему, направлявшійся къ морю. Нѣсколько минувъ спустя, человѣкъ, чужой въ этихъ мѣстахъ, проходя здѣсь, и не подозрѣвалъ бы, какой тутъ случился геологическій переворотъ.

Е. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ Прерадовича *).

I.

Два сердца.

Волнуется синее море,
    А по̀ морю лодка плыветъ;
А въ лодкѣ—на счастье и горе—
    Два сердца стремятся впередъ.
Два сердца сливаются въ душу
    Одну—навсегда, навсегда...
Имъ хочется выплыть на сушу,
    Но вмѣстѣ имъ смерть—не бѣда!
И храброе сердце все стонетъ:
    «Мнѣ страшно! Раскатистый валъ
Насъ къ берегу—въ рабство пригонитъ,
    Иль въ морѣ убьетъ наповалъ...»
А робкое сердце смѣется:
    «О чемъ же, мой милый, тужить?
И въ рабствѣ проклятомъ придется
    Съ тобою мнѣ весело жить!»

II.

Звѣздный хороводъ.

На лазурномъ небосводѣ
Звѣзды ходятъ въ хороводѣ;
    Всѣ столпились въ тѣсный рядъ

*) Прерадовичъ—одинъ изъ лучшихъ сербско-хорватскихъ поэтовъ, къ сожалѣнію, мало извѣстный у насъ въ Россіи. *Переводчикъ.*

И о страннице печальной,
О Земле многострадальной,
Робко-нежно говорятъ.

—

Тихо молвила Денница:
«Наша бедная сестрица
И печальна, и темна.
Не судите Землю строго:
У нея заботы много,—
Истомилася она.

—

Сколько ногъ босыхъ блуждаетъ,
Твердой почвы ожидаетъ
На мельчайшей изъ планетъ!
Сколько рукъ тамъ крепкихъ страждетъ
И работы алчетъ, жаждетъ,
А работы—нетъ, какъ нетъ!

—

Сколько тамъ сердецъ съ любовью,
Обливающихся кровью
И болящихъ за народъ!
Не будите Землю! Тише!...»
И, смотря на Землю свыше,
Разошелся хороводъ.

Леонидъ Трефолевъ.

Страхованіе рабочихъ.

Германскіе законы 1883 и 1884 гг. обезпечиваютъ значительную часть нѣмецкихъ рабочихъ на случай болѣзни вообще и неспособности къ труду, происшедшей отъ несчастія во время работы.

Эти законы стоили большаго труда германскому правительству. Въ 1869 г., во время обсужденія Allgemeine Deutsche Gewerbeordnung, членъ парламента, Штуммъ, сдѣлалъ первое предложеніе о застрахованіи рабочихъ. Парламентъ призналъ невозможнымъ заниматься такимъ важнымъ вопросомъ между прочимъ и оставилъ его въ сторонѣ. Чрезъ десять лѣтъ Штуммъ повторилъ предложеніе. Этотъ разъ оно разсмотрѣно было въ коммиссіи и парламентъ постановилъ: «просить г-на канцлера представить проектъ объ учрежденіи кассъ для фабричныхъ рабочихъ, по образцу горнозаводскихъ кассъ». Первые проекты канцлера не имѣли успѣха. Оппозиція въ парламентѣ была очень сильна. Только третій проектъ принятъ парламентомъ, но въ такомъ измѣненномъ видѣ, что отъ первоначальнаго проекта осталась лишь тѣнь. Парламентская коммиссія затратила 50 продолжительныхъ засѣданій на разсмотрѣніе одного проекта о страхованіи на случай болѣзни; въ парламентѣ же потребовалось 16 засѣданій для этой цѣли. Несмотря на множество непріятностей, причиненныхъ въ парламентѣ автору проекта, кн. Бисмаркъ откровенно призналъ, что оппозиція много помогла дѣлу: законъ вышелъ гораздо лучшимъ, чѣмъ первоначальный проектъ его.

Оба закона основаны на принудительномъ страхованіи. Принудительное страхованіе—не новость. Оно извѣстно въ Германіи съ XVII вѣка относительно недвижимости. Въ прошломъ вѣкѣ прусское правительство практиковало принудительное страхованіе скота въ Силезіи, въ предупрежденіе чумы, появившейся на границѣ этой провинціи, въ Польшѣ. Кантонъ Ваадтъ ввелъ принудительное страхованіе отъ philoxera и страхованіе скота. Баварское правительство вводило косвеннымъ путемъ принудительное страхованіе рабочихъ на акціонерныхъ фабрикахъ: утвержденіе устава было сопряжено съ исполненіемъ этого требованія.

Распространеніе принудительнаго страхованія на другія отрасли—также не изобрѣтеніе германскаго правительства. Сорокъ лѣтъ назадъ Эмиль де-Жирарденъ предлагалъ общее государственное страхованіе даже относительно воровства: каждый обязанъ застраховать себя отъ воровства и государство обязано вознаградить убытокъ, если таковой произойдетъ. Въ 1858—9 гг. во Франціи снова возникъ проектъ государственнаго страхованія всевозможныхъ рисковъ. Германскіе законы страхованія рабочихъ нашли подражателей и распространителей. Въ Австріи теперь работаютъ надъ проектомъ подобнаго закона; также въ Италіи и Франціи, гдѣ первоначальная идея сейчасъ же расширена на разные риски.

Хотя германскіе законы о страхованіи рабочихъ не отличаются оригинальностью идеи, но они вводятъ нѣчто новое въ общественный строй: они вводятъ такую степень обезпеченія рабочихъ, какая до сихъ поръ не была достигнута ни въ одной странѣ, несмотря на то, что попытки обезпечить ихъ положеніе продолжаются нѣсколько вѣковъ. Первая попытка обезпечить положеніе рабочихъ чрезъ государственное добровольное—не принудительное—страхованіе принадлежитъ англійскому правительству. Съ 1833 г. правительство продаетъ мелкія ренты (annuitier) отъ 1 до 50 ф. ст. Рента можетъ быть немедленная (immediate) или отсроченная (deferred). Немедленная рента есть доходъ, уплачиваемый тотчасъ по внесеніи капитала. Наприм., 65-ти лѣтній человѣкъ вноситъ 88 ф. и получаетъ за эту сумму годовой доходъ въ 10 ф. до конца жизни; если ему 70 лѣтъ, онъ платитъ меньше—73 ф. Женщины платятъ больше, потому что онѣ отличаются бо̀льшею долговѣчностью. Такая форма страхованія годится для рабочихъ, успѣвшихъ сберечь къ старости небольшой капиталъ, обыкновенный доходъ отъ котораго недостаточенъ для существованія. Страхованіе даетъ бо̀льшій доходъ; но за то самый капиталъ получаетъ государство. Эта форма страхованія пригодна, поэтому, только для такихъ людей, которымъ некого обезпечивать послѣ своей смерти, наприм., для холостыхъ. Отсроченная рента есть доходъ, уплачиваемый по наступленіи извѣстнаго возраста. Такой доходъ можно купить, уплативъ единовременно извѣстную сумму. Напримѣръ, за 10 ф. годоваго дохода, уплачиваемаго съ 60-ти лѣтняго возраста до конца жизни, 30-ти лѣтній человѣкъ долженъ внести 24 ф. Вмѣсто единовременнаго вклада, можно платить преміи въ какіе угодно сроки: каждый годъ, каждые полгода, четверть года, каждый мѣсяцъ, даже каждую недѣлю, до наступленія 60-ти лѣтняго возраста. Вмѣсто вкладовъ въ 24 ф., можно платить ежегодно по 1 ф. преміи. Женщины и здѣсь платятъ больше. Эта форма также не годится для людей, желающихъ обезпечить кого-нибудь послѣ своей смерти.

Отсроченная рента можетъ быть соединена съ возвратомъ капитала (returnable): если застрахованный умретъ до достиженія назначеннаго возраста, наприм., 60 лѣтъ, внесенный вкладъ или преміи возвращаются,

конечно, безъ процентовъ. За 10 лѣтъ годоваго дохода, уплачиваемаго съ 60-ти лѣтняго возраста, 30-ти лѣтній человѣкъ вноситъ 40 ф. Эти ренты назначены для рабочихъ; поэтому опредѣленъ низкій максимумъ дохода: 50 ф. въ годъ. Этимъ устраняется, кромѣ того, конкурренція страховымъ обществамъ.

Съ 1853 г. правительство страхуетъ также капиталъ отъ 20 до 100 ф., уплачиваемый по смерти застрахованнаго. Наприм., за 50 ф., уплачиваемыхъ по смерти застрахованнаго, 30-ти лѣтній человѣкъ вноситъ 8 ф. Застрахованная сумма можетъ быть увеличена во всякое время, но не менѣе, какъ на 5 ф. каждый разъ. Если застрахованный желаетъ увеличить ее до 50 ф., то онъ вноситъ еще 13 ф., если ему, наприм., въ это время 33 года. Послѣдующими взносами онъ можетъ увеличить застрахованную сумму до 100 ф. Вмѣсто единовременнаго вклада, застрахованный можетъ платить преміями въ какіе ему угодно сроки, отъ каждой недѣли до каждаго года; наприм., за 43 ф. 30-ти лѣтній человѣкъ долженъ платить ежегодно, до смерти, по 1 ф. Если онъ боится, что по достиженіи извѣстной старости онъ не будетъ въ состояніи платить премій, онъ можетъ ограничить время уплаты, наприм., 60-ти лѣтнимъ возрастомъ. Въ такомъ случаѣ, если ему 30 лѣтъ, годовая премія за 10 ф. составляетъ 2 ф. Съ 1864 г. государственное страхованіе соединено съ почтовыми сберегательными кассами. Вслѣдствіе этого соединенія, страхованіе облегчено въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, для рабочаго трудно собрать сумму, нужную для начала страхованія. Въ этомъ помогаетъ ему почтовая сберегательная касса, принимающая вклады отъ одного пени. Въ Англіи болѣе 5 тысячъ почтовыхъ кассъ; нѣтъ сколько-нибудь значительнаго поселенія, въ которомъ не было бы такой кассы. Рабочій имѣетъ случай утилизировать сбереженіе, гдѣ бы онъ ни находился. Во-вторыхъ, облегчена процедура застрахованія. Каждая касса выдаетъ всякому безвозмездно планъ страхованія, наставленіе и всѣ нужные формуляры. Аспирантъ долженъ отвѣтить на предложенные напечатанные вопросы, представить свидѣтельство о рожденіи или свидѣтельство о его возрастѣ и ручательство двухъ домовладѣльцевъ въ его самоличности. Всѣ эти документы почтовое отдѣленіе отправляетъ въ центральное бюро, которое извѣщаетъ аспиранта, также по почтѣ, къ какому врачу онъ долженъ явиться для освидѣтельствованія. По окончаніи этой операціи аспиранту остается только явиться въ ближайшее почтовое отдѣленіе за полученіемъ книжки. Все остальное продѣлываетъ касса безъ его участія. Ему предоставляется впослѣдствіи платить въ какое ему угодно почтовое отдѣленіе и получать изъ какого ему угодно почтоваго отдѣленія. Если онъ имѣетъ вкладъ въ кассѣ, этотъ вкладъ переводится, по его желанію, прямо въ страховое отдѣленіе, безъ всякихъ хлопотъ со стороны аспиранта.

И, несмотря на всѣ эти удобства, результаты ничтожны: въ 1876

году застраховано было только на 89,353 ф. немедленныхъ рентъ 7,380 лицами и на 10,193 ф. отсроченныхъ рентъ 525 лицами. Этотъ фактъ объясняютъ конкурренціею частнаго страхованія и въ особенности конкурренціею множества рабочихъ союзовъ—friendly societies, trades unions; почти каждый рабочій—членъ какого-нибудь общества. Взносы въ эти общества поглощаютъ свободные остатки отъ заработной платы. Кромѣ того, многія изъ этихъ обществъ имѣютъ значеніе обществъ взаимнаго страхованія рабочихъ. Они предлагаютъ, повидимому, болѣе благопріятныя условія страхованія, но, конечно, не могутъ равняться съ казеннымъ страхованіемъ по обезпеченности, почти абсолютномъ въ государственныхъ кассахъ. Но рабочіе не смотрятъ такъ далеко. Они, прежде всего, обращаютъ вниманіе на величину платежей и на обѣщанія за эти платежи; въ состояніи ли страхователь исполнить ихъ, или нѣтъ, на это менѣе всего обращается вниманіе. Нужно замѣтить, что англійское правительство прибѣгло къ казенному страхованію для отвлеченія рабочихъ отъ частныхъ сберегательныхъ кассъ, которыя часто банкротились. Вклады перешли изъ этихъ кассъ, но, какъ видно, не въ государственное страхованіе, а въ общества взаимнаго страхованія рабочихъ. Но главная причина неуспѣха состоитъ, кажется, въ томъ, что рента, уплачиваемая рабочему съ 55 или 60 года, мало ему помогаетъ, если онъ въ 40 лѣтъ окажется неспособнымъ къ работѣ.

Страхованіе не приноситъ правительству дохода, но оно не причиняетъ ему и убытковъ, хотя возможность послѣднихъ не исключена: страховой фондъ помѣщается въ консоляхъ; если цѣна послѣднихъ поднимается, страховая операція можетъ потерпѣть отъ потери процентовъ, приносимыхъ этою бумагой.

Вторая попытка государственнаго страхованія для рабочихъ сдѣлана французскимъ правительствомъ. Оно учредило въ 1850 г. Caisse de retraites. Касса принимаетъ вклады на всякую сумму, начиная съ 5 фр., и выдаетъ rentes viagères pour la vieillesse двухъ родовъ: рента съ capital aliéné, à fonds perdu, и съ capital réservé. Первая—то же, что англійская отсроченная рента—deferred. Вторая похожа на англійскую ренту съ возвратомъ капитала — returnable, только здѣсь капиталъ возвращается въ случаѣ смерти застрахованнаго до назначеннаго возраста, съ котораго должна уплачиваться рента, наприм., съ 60 лѣтъ, тогда какъ рента съ capital réservé возвращаетъ капиталъ по смерти застрахованнаго, когда бы она ни послѣдовала: до наступленія опредѣленнаго возраста, какъ въ Англіи, или послѣ того, какъ застрахованный пользовался уже доходомъ болѣе или менѣе продолжительное время, т.-е. по смерти застрахованнаго капиталъ во всякомъ случаѣ возвращается и имъ, слѣдовательно, могутъ воспользоваться наслѣдники. Поэтому эту форму ренты хвалятъ, въ интересахъ семейной жизни. Конечно, если капиталъ возвращается по смерти застрахованнаго, во всякомъ случаѣ, доходъ долженъ быть меньше. О

тарифѣ можно судить по слѣдующему примѣру: за годовую ренту въ 600 фр., уплачиваемую съ 10-ти лѣтняго возраста, 20-ти лѣтній человѣкъ платитъ 30 фр. въ годъ до 60 лѣтъ, или по 10 су за каждый рабочій день. Максимумъ годоваго дохода 1,500 фр. Такими рентами можно воспользоваться для обезпеченія жены, дѣтей, но и хозяинъ можетъ застраховать своихъ рабочихъ. Касса гарантирована правительствомъ, которое завѣдуетъ ею безвозмездно чрезъ caisse de consignations. Связь казеннаго страхованія съ caisse des consignations состоитъ въ томъ, что рента съ capital aliéné разсматривается какъ одна изъ формъ погашенія государственнаго долга.

Успѣхъ французской кассы также незначителенъ. Съ 1851 до 1863 г. куплено рентъ всего на 79.953,086 франк.; изъ нихъ съ capital aliéné 46.046,855 фр. и съ capital résérvé 33.906,230 фр. Къ 1873 г. продано рентъ всего на 167.282,054 фр.; изъ нихъ capital aliéné 101.242,634 и capital résérvé 66.039,419 фр.

Желѣзныя дороги, компаніи омнибусовъ, подрядчики казенныхъ построекъ обязаны страховать своихъ рабочихъ. Въ 1871 г. добровольныхъ застраховокъ было только на 1.342,599 фр.; остальныя вынужденныя.

По образцу французской кассы устроена въ Бельгіи caisse générale d'épargne et de retraites sous la garantie de l'état. Въ 1860 году было только 1,655 застрахованныхъ; въ 1877 г.—4,847; они уплатили всего только 2.849,058 фр.

Изъ германскихъ государствъ только въ Саксоніи существуетъ подобное учрежденіе: Konigliche Sächsische Altersrentenbank, основанный въ 1858 г.

Банкъ продаетъ ренты двухъ сортовъ: 1) уплачиваемыя немедленно по внесеніи капитала (sofort), какъ англійская непосредственная рента (immediate), и 2) aufgeschobene Rente, какъ англійская отсроченная рента (deferred). Но эта послѣдняя въ саксонскомъ банкѣ можетъ быть двухъ видовъ: a) Lebensrente, уплачиваемая въ теченіе всей жизни, отъ извѣстнаго возраста, и b) уплачиваемая впередъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Эта послѣдняя форма введена ради обезпеченія молодыхъ людей во время обученія ихъ въ школѣ, во время отправленія воинской повинности. Если родители внесутъ въ пользу только что родившагося ребенка 100 мар., то банкъ платитъ 73 мар. 52 пф. въ годъ, въ теченіе 4 лѣтъ, по достиженіи ребенкомъ 20-ти лѣтняго возраста. Эти средства затрачиваются на воспитаніе застрахованнаго или на содержаніе его во время военной службы. Но уплаченный капиталъ уступается въ пользу банка.

Отсроченная рента можетъ быть куплена съ условіемъ возврата капитала, какъ во французской кассѣ capital résérvé.

Допускается также отказъ отъ капитала впослѣдствіи, т.-е. превращеніе отсроченной ренты съ возвратомъ капитала въ отсроченную ренту

съ отказомъ отъ капитала,—превращенiе capital réservé въ capital aliéné. Рента съ отказомъ отъ капитала, разумѣется, больше. Не желая лишать родныхъ наслѣдства, застрахованный отказался отъ большаго дохода, но удержалъ капиталъ. Между тѣмъ, наслѣдникъ умираетъ или прiобрѣтаетъ обезпечивающее его состоянiе, или мѣсто, или наслѣдница выходитъ замужъ. Въ такомъ случаѣ застрахованный можетъ увеличить свой доходъ, отказавшись отъ капитала, т.-е. превративъ ренту изъ capital réservé въ ренту съ capital aliéné.

Допускается также превращенiе отсроченной ренты съ возвратомъ капитала въ немедленную ренту. Этимъ правомъ застрахованный можетъ также воспользоваться въ случаѣ, подобномъ предъидущему. Застрахованный имѣетъ право на ренту, напр., съ 60-ти лѣтняго возраста. По достиженiи имъ 50 лѣтъ наслѣдники умираютъ. Онъ можетъ отказаться отъ капитала и сейчасъ начать пользоваться доходомъ.

Допускается, наконецъ, измѣненiе возраста, съ котораго уплачивается доходъ. Наприм., застрахованный имѣетъ право на доходъ съ 60-ти лѣтняго возраста съ возвратомъ капитала. По достиженiи имъ 45 лѣтъ наслѣдники умираютъ. Онъ можетъ отказаться отъ капитала и замѣнить 60-ти лѣтнiй возрастъ, наприм., 50-ти лѣтнимъ.

Банкъ принимаетъ вклады отъ 1 марки. Минимумъ ренты 2 м., максимумъ—2,000 мар.

Для рабочихъ весьма важно, что въ этомъ банкѣ не нужны перiодическiе правильные вклады. Каждый вкладъ даетъ право на общую ренту, которую вкладчикъ можетъ увеличивать, какъ и когда ему угодно, послѣдующими вкладами. Рабочiй не можетъ быть увѣренъ, что онъ всегда будетъ въ состоянiи аккуратно вносить платежи; его доходъ измѣняется, а иногда, во время промышленныхъ застоевъ, вовсе прекращается. Саксонскiй банкъ не требуетъ перiодическихъ взносовъ.

Банкъ — государственное учрежденiе. Правительство принимаетъ на себя издержки управленiя и отказывается отъ штемпельнаго сбора. Банкъ находится въ управленiи другаго банка—Landrentenbank. Каждые десять лѣтъ представляется подробный отчетъ въ Ständeversammlung. Правительство удержало за собою право измѣнять тарифы. Банкъ имѣетъ агентовъ.

Успѣхъ этого учрежденiя тоже невеликъ. Въ 1878 г. было 962 вкладчика съ рентой въ 699,478 мар. съ отказомъ отъ капитала и на 127,899 мар. съ возвратомъ капитала. Сумма вкладовъ достигла къ 1884 году только 4.705,080 м. Въ 1868 году французское правительство учредило особую страховую кассу только для рабочихъ, «занятыхъ физическимъ трудомъ», — caisse d'assurance. Касса страхуетъ два случая: en cas des décés и en cas d'accidents. Assurance en cas des décés ничего особеннаго не представляетъ. Оно организовано на общихъ началахъ обществъ взаимнаго страхованiя, только съ гарантiей пра-

вительства. Но касса ничего не приплачиваетъ. Максимальная страховая сумма 3,000 фр. Assurance en cas d'accidents есть также общество взаимнаго страхованія, но оно получаетъ субсидію отъ правительства. Въ случаѣ инвалидности, происшедшей отъ несчастія во время работы, рабочій получаетъ годовую ренту въ 150 фр., если онъ платилъ 3 фр. въ годъ, т.-е. если онъ застрахованъ. Это минимальная рента. Если онъ платилъ 8 фр. въ годъ, рента увеличивается до 644 фр. Но къ каждому вкладу, каждой преміи правительство прибавляетъ 50%. Эта субсидія должна поощрять рабочихъ къ застрахованію. Уставъ различаетъ полную и неполную инвалидность. Неполная инвалидность есть неспособность къ работѣ, которою человѣкъ былъ занятъ до несчастія, но онъ въ состояніи исполнять какія-нибудь другія работы. Въ этомъ случаѣ онъ получаетъ только половину ренты. Въ случаѣ несчастія съ смертнымъ исходомъ, вдова, дѣти, престарѣлые родители (съ 60-ти лѣтняго возраста) получаютъ единовременно двойную годовую ренту. Касса старалась привлечь общества рабочихъ, sociétés de secours mutuel, къ коллективному застрахованію ихъ членовъ и рекомендовала этимъ обществамъ распространеніе свѣдѣній о страхованіи въ ихъ собраніяхъ.

Коллективное страхованіе устроено такъ: члены общества взаимной помощи застрахованы въ этомъ обществѣ. Но общество перестраховываетъ весь рискъ въ казенной кассѣ, т.-е. коллективно, но по именному списку членовъ. Этотъ списокъ касса требуетъ для провѣрки правильности разсчета. Касса контролируетъ страхованіе въ обществѣ, принимая на себя рискъ, первоначально возложенный на общество. Въ такомъ коллективномъ страхованіи общество можетъ помогать отдѣльнымъ членамъ, платя за нихъ часть или всю премію. Рента уплачивается въ общество, которое можетъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію: на похороны, на покупку мѣста на кладбищѣ. Чрезъ перестраховку общество выигрываетъ тѣмъ, что оно можетъ принимать на себя риски, которые ему безъ перестраховки были бы не подъ силу. Общество состоитъ изъ небольшаго числа членовъ; для него каждый рискъ опаснѣе, нежели для большой кассы, имѣющей много членовъ. Для кассы коллективное страхованіе выгодно тѣмъ, что она освобождается отъ необходимости имѣть дѣло съ каждымъ застрахованнымъ порознь: общество собираетъ преміи отъ своихъ членовъ и передаетъ всю сумму въ кассу. По идеѣ правительства, страхованіе рабочихъ должно было раздѣлиться между обществами взаимной помощи и казенною кассой: общества должны принять на себя только кратковременную помощь, наприм., во время кратковременной болѣзни; казенная касса должна взять на себя продолжительные платежи, пенсіоны. Trésoriers généraux, receveurs particuliers de finances, percepteurs des contributions directes, receveurs des postes — агенты кассы.

Правительство обязало разныхъ зависящихъ отъ него предпринима-

телей—казенныхъ подрядчиковъ, компаніи омнибусовъ, компаніи желѣзныхъ дорогъ—страховать ихъ рабочихъ.

На кассу возлагали большія надежды, но онѣ не осуществились. Съ открытія кассы до 1872 г. застраховано только на 360,000 фр., премій получено 13,323 фр. Въ 1870 г. застраховано было отъ 25 обществъ 5,380 человѣкъ, уплатившихъ 16,669 фр. премій; въ 1871 г. отъ 16 обществъ—4,540 человѣкъ; въ 1872 г. отъ 23 обществъ—5,365 человѣкъ.

Рабочіе избѣгаютъ казенную кассу, не терпя правительственнаго вмѣшательства, иногда же по недоразумѣнію, думая, что они чрезъ казенное страхованіе освобождаютъ предпринимателей отъ отвѣтственности въ случаѣ несчастія на фабрикѣ. Хозяева находятъ частное страхованіе болѣе дешевымъ.

Къ этимъ причинамъ неуспѣха присоединился еще чрезвычайно тяжелый административный аппаратъ, дѣйствующій въ случаѣ несчастія, постигшаго застрахованныхъ: 1) протоколъ несчастія составляетъ мэръ; 2) потерпѣвшій подвергается изслѣдованію врача, по порученію мэра; 3) протоколъ мэра и свидѣтельство врача передаются субпрефекту; 4) субпрефектъ передаетъ все дѣло въ особый комитетъ, находящійся въ каждомъ arrondissement. Въ комитетѣ предсѣдательствуетъ префектъ или назначенное имъ лицо и присутствуютъ 4 члена по назначенію префекта: инженеръ путей сообщенія или горный даннаго arrondissement и 2 члена отъ мѣстныхъ обществъ взаимной помощи; если послѣднихъ нѣтъ, фабриканты, управляющіе ихъ или рабочіе наиболѣе распространенной въ данномъ мѣстѣ промышленности. Комитетъ рѣшаетъ, имѣетъ ли рабочій право на ренту; 5) это постановленіе подкрѣпляется присягою, данною потерпѣвшимъ передъ мировымъ судьею; 6) все дѣло пересылается генералъ-директору кассы. Касса находится въ завѣдываніи упомянутой выше кассы: caisse des consignations *).

---

*) Въ Германіи недавно возникло учрежденіе, подобное описаннымъ выше: Allgemeine Deutsche Stiftung für Altersrenten und Capital-Versicherung. Объ успѣхахъ его пока ничего нельзя сказать. Это учрежденіе частное, но находящееся подъ надзоромъ правительства, подъ непосредственнымъ надзоромъ прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ. Фондъ этого учрежденія—Kaiser-Wilhelm-Spende—составляетъ 1.950,000 м. Учрежденіе находится подъ протекторатомъ кронпринца и назначено для рабочихъ. Минимальный вкладъ 5 м., максимальная годовая рента 1,000 м., уплачиваемая по достиженіи застрахованнымъ 55 лѣтъ и, въ случаѣ инвалидности, раньше. Допускаются обѣ формы: съ отказомъ отъ капитала и съ удержаніемъ его.

Чрезъ 5 лѣтъ застрахованный можетъ воспользоваться ссудою въ размѣрѣ $^9/_{10}$ изъ $^1/_2$% въ мѣсяцъ; онъ можетъ также взять весь вкладъ съ 2% и процентами на проценты обратно. Періодическіе платежи не нужны: каждый вкладъ—особый договоръ на особую ренту. При учрежденіи имѣется особая Sammelcasse изъ 3%, для мелкихъ вкладовъ, приготовляемыхъ къ страхованію. Предполагается навербовать агентовъ въ средѣ крупныхъ предпринимателей, завѣдующихъ жел. дорогами, общественныхъ властей и проч.

Государственное добровольное страхованіе мало помогло рабочимъ. Но и страховые союзы рабочихъ не принесли имъ большой пользы, хотя попытки этого рода гораздо древнѣе государственнаго страхованія. Примитивнѣйшая форма такихъ союзовъ—Sterbecasse, botes и clubs у англійскихъ рабочихъ, похоронная касса. Происхожденіе этихъ союзовъ совершенно неизвѣстно. Многіе имѣютъ религіозный характеръ. Устройство ихъ самое простое. По смерти одного изъ членовъ дѣлается складчина на похороны, послѣ которыхъ остатокъ пропивается. Въ нѣкоторыхъ есть благотворительный элементъ: достаточные члены отказываются отъ помощи. Въ нѣкоторыхъ союзахъ соединены разныя цѣли: помощь во время болѣзни, во время заключенія въ тюрьмѣ; нѣкоторые выдаютъ пенсіоны вдовамъ, сиротамъ, старикамъ; нѣкоторые страхуютъ новорожденныхъ: въ случаѣ смерти ребенка, родители получаютъ извѣстную сумму; это—похоронная касса въ примѣненіи къ дѣтямъ, или, если сумма превышаетъ издержки на похороны, страхованіе издержекъ, затраченныхъ на содержаніе умершаго ребенка. Законъ ограничиваетъ это страхованіе: за ребенка, умершаго раньше 5 лѣтъ, родители не могутъ получить больше 6 ф., за ребенка, умершаго раньше 10 лѣтъ, болѣе 10 ф. Ограниченіе это объясняется подозрѣніемъ, что дѣти умираютъ быстрѣе въ провинціяхъ, въ которыхъ страхованіе дѣтей распространено (Engelmacherei).

Общества тайныхъ орденовъ, распространенныхъ между рабочими, занимаются также страхованіемъ. Изъ множества такихъ союзовъ наиболѣе извѣстенъ Independent order of odd fellows. Отдѣленіе этого ордена—Manchester Unity, имѣющее 4,000 ложъ, распространенныхъ въ Америкѣ и на европейскомъ континентѣ, въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Ганноверѣ, Штутгардѣ. Число его членовъ составляетъ 1/10 всѣхъ членовъ рабочихъ союзовъ въ Англіи. Это—свободное масонство въ средѣ рабочихъ. Членомъ можетъ быть всякій, вѣрующій въ Бога. Всѣ описанныя общества извѣстны

Тарифъ выработанъ лучшими техниками. Доходъ идетъ на временныя вспомоществованія, по опредѣленію наблюдательнаго совѣта, и на увеличеніе основнаго фонда до 5 м. Учрежденіе содержится на проценты отъ основнаго фонда, помѣщеннаго въ государственныхъ бумагахъ, и подъ залогъ недвижимости. Учрежденіе управляется дирекціею, наблюдательнымъ совѣтомъ и общимъ собраніемъ. Послѣднему предоставлено только дѣлать предложенія и подавать мнѣнія. Учрежденіе это есть также техническое бюро, обязанное помогать обществамъ взаимнаго страхованія статистическимъ и математическимъ матеріаломъ, давать совѣты при составленіи уставовъ и вообще относительно устройства управленія. Операціи открыты въ 1879 г. Къ 1885 г. было 8,363 вкладчика, имѣвшихъ 1.841,480 м. вкладовъ. Слабая сторона учрежденія, неизбѣжная, конечно, при недостаточной статистикѣ, заключается въ способѣ покрытія возможнаго дефицита. Онъ покрывается сокращеніемъ рентъ. Послѣдующіе рентьеры заплатятъ за предъидущихъ, которые получили больше, чѣмъ слѣдовало, вслѣдствіе чего образовался дефицитъ. Кромѣ того, въ виду возможнаго сокращенія рентъ, всѣ обѣщанія становятся сомнительными: застрахованный не можетъ быть увѣренъ въ томъ, сколько онъ получитъ.

подъ общимъ названіемъ friendly societies. Точной статистики ихъ нѣтъ. Полагаютъ, что въ Англіи ихъ наберется до 32,000. Одинъ изъ трехъ рабочихъ—членъ какого-нибудь союза.

Friendly societies причинили много заботъ англійскому правительству. Они банкротились сотнями. Въ Англіи нѣтъ деревни, которая не пережила банкротства какого-нибудь friendly societies. Треть всѣхъ зарегистрованныхъ съ 1794 г. friendly societies обанкротились. Они не были и не могли быть основаны на раціональныхъ началахъ. Таблицъ смертности и заболѣваемости не было; резервнаго фонда не было; расходы покрывались простою раскладкой между членами; наличнымъ средствамъ трудно было найти безопасное помѣщеніе за отсутствіемъ банковъ и другихъ способовъ утилизированія. Одинаковыя преміи, по раскладкѣ, злоупотребленія кассировъ, противъ которыхъ союзы были совершенно безсильны, потому что законъ ихъ не признавалъ, вслѣдствіе чего они не могли преслѣдовать кассировъ передъ судомъ, невѣжество членовъ, дурное вліяніе хозяевъ пивныхъ заведеній, въ которыхъ союзы собирались, обманъ—обыкновенныя явленія въ friendly societies.

Вниманіе правительства къ этимъ союзамъ обнаружилось впервые въ законѣ 1794 г. Съ тѣхъ поръ издано нѣсколько законовъ, пытавшихся регулировать friendly societies, но до сихъ поръ безъ видимаго успѣха. Въ законѣ 1794 г. правительство предлагаетъ рабочимъ союзамъ признаніе ихъ юридическими лицами, съ правомъ судебной защиты и съ освобожденіемъ ихъ отъ штемпельнаго и другихъ сборовъ, если они примутъ постановленія нормальнаго статута. На основаніи этого статута, въ уставѣ каждаго союза долженъ быть обезпеченъ способъ помѣщенія средствъ обществъ и порядокъ ликвидаціи; каждый уставъ долженъ быть утвержденъ четвертнымъ засѣданіемъ мировыхъ судей.

Законъ 1819 г. требуетъ, чтобы тарифы были разсмотрѣны двумя математиками, и предоставляетъ союзамъ право помѣщать ихъ средства въ англійскомъ банкѣ. При обсужденіи этого закона въ парламентѣ, предлагали учредить въ Лондонѣ коллегію математиковъ для составленія и провѣрки страховыхъ тарифовъ. Но предложеніе не было принято.

Въ 1825 г. парламентская коммиссія изслѣдовала положеніе friendly societies. Обнаружены большія упущенія со стороны мировыхъ судей и коммиссія убѣдилась, что требованіе закона о провѣркѣ тарифовъ математиками неисполнимо, за недостаткомъ математиковъ въ деревняхъ и маленькихъ городахъ. Тарифы разсматривали, вмѣсто математиковъ, деревенскіе учителя или канцелярскіе контролеры.

Законъ 1829 г. требуетъ, чтобы тарифы были разсмотрѣны особымъ лицомъ въ регистратурѣ.

Законъ 1846 г. отмѣняетъ провѣрку тарифовъ и налагаетъ на союзы обязанность производить чрезъ экспертовъ періодическую провѣрку поло-

женія общества. Экспертомъ считается актуаръ изъ финансоваго управленія или лицо, прослужившее 5 лѣтъ въ какой-нибудь страховой компаніи Лондона, Эдинбурга или Дублина. Этотъ законъ предоставляетъ союзамъ право помѣщать ихъ резервы въ бюро государственныхъ долговъ.

Законъ 1850 года требуетъ опять утвержденія тарифовъ въ регистратурѣ.

Законъ 1855 года требуетъ только свидѣтельства въ провѣркѣ тарифовъ экспертами.

Такая же измѣнчивость требованій относительно отчетовъ: законъ 1829 г. требуетъ отчета за каждыя пять лѣтъ, законъ 1834 г. отмѣняетъ это требованіе, а законъ 1846 года вводитъ его снова.

Законъ 1855 года различаетъ между friendly societies, которыя только предъявили свои уставы, въ доказательство того, что они не преслѣдуютъ противозаконныхъ цѣлей; подъ этою рубрикой прописаны тайные ордена и friendly societies registered, представившія свидѣтельства экспертовъ, провѣрявшихъ ихъ тарифы. Первыя признаются только юридическими лицами и пріобрѣтаютъ право судебной защиты; вторыя, кромѣ того, пользуются правомъ вносить свои резервы въ бюро государственныхъ долговъ. Всѣми этими преимуществами воспользовались далеко не всѣ frindly societies: не болѣе половины.

Въ 1870 г. парламентская коммиссія опять изслѣдовала положеніе этихъ союзовъ и показала, что «результатъ девяностолѣтней закодательной дѣятельности, качественно и количественно, ничтоженъ».

Предоставляя союзамъ право юридическаго лица, право судебной защиты, право вносить деньги въ англійскій банкъ или казначейство, правительство желало обезпечить средства союзовъ отъ злоупотребленій. Но и эта цѣль не вполнѣ достигнута,—многіе союзы не пользуются этими правами.

Въ противодѣйствіе friendly societies, въ началѣ этого вѣка возникло общество рабочихъ подъ покровительствомъ высшихъ классовъ. Friendly societies были часто несостоятельны вслѣдствіе слишкомъ малаго числа членовъ; новыя не ограничивались даннымъ мѣстомъ, они вербовали членовъ въ цѣломъ графствѣ. Friendly societies терпѣли отъ невѣжества членовъ, отъ пьянства, сопровождавшаго собранія; новыя общества устраивались священниками, учителями, понимавшими дѣло; пьянство изгнано. Но, несмотря на эти преимущества, большинство рабочихъ не воспользовалось ими.

Trades unions — союзы рабочихъ, преслѣдующіе особенную цѣль: регулированіе отношеній къ предпринимателямъ. Но при этихъ союзахъ имѣются также страховыя кассы, про которыя эксперты говорятъ, что онѣ будутъ состоятельны, если ихъ резервный фондъ увеличить на 50 процентовъ.

О состоятельности этихъ кассъ можно быть и другаго мнѣнія. Брентано утверждаетъ, что состоятельность общества взаимнаго страхованія основана не на одномъ резервномъ фондѣ; недостатокъ этого фонда покрывается послѣдующею раскладкой. Въ состояніи ли рабочіе покрыть раскладкой недостатокъ резервнаго фонда—неизвѣстно. Поэтому состоятельность этихъ кассъ, даже имѣя въ виду эту помощь, все-таки, не доказана.

Кромѣ описанныхъ страховыхъ кассъ, въ Англіи существуютъ несвободныя страховыя кассы при разныхъ крупныхъ предпріятіяхъ, напримѣръ, желѣзныхъ дорогахъ, устроенныя правленіями этихъ предпріятій; онѣ находятся въ полной зависимости отъ нихъ.

Кассы взаимнаго страхованія рабочихъ на континентѣ—только слабое отраженіе англійскихъ кассъ. Въ особенности французскія кассы только пародія свободныхъ кассъ. Рабочія общества sociétés de secours mutuel существовали прежде на основаніи общихъ постановленій наполеоновскаго кодекса о союзахъ. Теперь ихъ регулируютъ законы 1850 и 1852 гг. По этимъ законамъ, для учрежденія союза нужно согласіе префекта, который даетъ разрѣшеніе только въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ союзъ полезнымъ. Президентъ назначается главою государства. Допускаются почетные члены. Число членовъ болѣе 500 допускается только съ особаго разрѣшенія правительства. Тарифы утверждаются правительствомъ. Деньги хранятся въ caisse de consignations изъ $4^1/_2$ процентовъ. Легаты утверждаются правительствомъ и не могутъ превосходить 500 франковъ. Община обязана отвести помѣщеніе для союза безвозмездно. Правительство даетъ субсидіи. Въ 1852 г. дано 10.000,000. Ликвидацію разрѣшаетъ префектъ; онъ можетъ по своему усмотрѣнію и ликвидировать союзъ.

До сихъ поръ есть союзы, существующіе на основаніи наполеоновскаго кодекса; другіе существуютъ просто съ разрѣшенія префекта. Но преимуществами пользуются только основанные по законамъ 1850 и 1852 гг.

Въ средѣ парижскихъ рабочихъ возникло недавно страховое учрежденіе, имѣющее громадный успѣхъ: Les prévoyants de l'Avenir.

Каждый человѣкъ, достигшій пятнадцатилѣтняго возраста, можетъ быть его членомъ. Онъ вноситъ $2^1/_2$ франка вступныхъ денегъ и обязуются вносить ежемѣсячно по 1 франку всю свою жизнь. Эти взносы немедленно помѣщаются въ государственную сберегательную кассу и потомъ въ государственныя бумаги, по составленіи достаточной для этого суммы, за что онъ получаетъ право участвовать въ дѣлежѣ дохода, приносимаго этими бумагами, но только по истеченіи 20 лѣтъ отъ момента вступленія въ общество. Черезъ 20 лѣтъ онъ получаетъ право на пенсіонъ. Но и тогда онъ не освобождается отъ взносовъ по 1 франку въ

мѣсяцъ. Уставъ не обѣщаетъ впередъ опредѣленной суммы пенсіона. Онъ, очевидно, будетъ зависѣть отъ числа членовъ, оставшихся къ тому времени въ живыхъ. Чѣмъ больше членовъ умретъ, тѣмъ больше придется изъ дохода на долю каждаго изъ живыхъ. Величина пенсіоновъ зависитъ отъ быстроты вымиранія членовъ. Эту величину можно бы высчитать, если бы было извѣстно, сколько членовъ приходится на каждый возрастъ и сколько изъ нихъ достигнетъ того возраста, въ какомъ они будутъ черезъ 20 лѣтъ. Чѣмъ больше въ обществѣ новыхъ членовъ, напр., отъ 15-ти до 20-ти лѣтняго возраста, тѣмъ больше вѣроятности, что большинство изъ нихъ доживетъ до 20-ти годоваго срока, тѣмъ меньше придется на долю каждаго при раздѣлѣ дохода.

Многіе изъ современныхъ участниковъ, по всей вѣроятности, не доживутъ до этого срока. Они жертвуютъ свои средства въ пользу будущаго поколѣнія. Учредители не скрываютъ этого. Напротивъ, они настаиваютъ, что ради великаго въ будущемъ матеріальнаго обезпеченія будущихъ рабочихъ нужно пожертвовать современнымъ; они утверждаютъ, что рабочій, воспользовавшійся благотворительностью, погибшій человѣкъ; рабочіе должны сами о себѣ заботиться. Они говорятъ, что идея, ради которой современные рабочіе жертвуютъ, возвышаетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, что эта жертва облагораживаетъ рабочихъ. Идея пожертвованія проведена въ статутѣ такъ строго, что рабочіе отказываются отъ возвращенія уплаченныхъ премій не только пока общество существуетъ,—они отказываются отъ нихъ во всякомъ случаѣ: если общество закроется, фондъ его передается какому-нибудь другому обществу, наиболѣе похожему на Les prévoyants. Преміи составляютъ неприкосновенный фондъ. Всѣ издержки производятся изъ дохода. Всѣ должности почетныя—безъ жалованья. Эти постановленія о неприкосновенномъ фондѣ сильно напоминаютъ «вѣчный фондъ» въ первыхъ парижскихъ производительныхъ ассоціаціяхъ.

Для рабочихъ, не располагающихъ прочнымъ доходомъ, весьма важно то, они могутъ прерывать уплату премій; за просрочку назначенъ штрафъ 25 сан. въ мѣсяцъ, а за годовую просрочку исключеніе, но рабочій всегда имѣетъ возможность, уплативъ штрафъ, вступить опять въ члены общества, только просроченное время пропадаетъ для пенсіоннаго срока. Во время болѣзни и отправленія военной службы члены освобождаются отъ взносовъ. Но и это время не причитывается въ пенсіонъ.

Для эгоистическихъ побужденій общество представляетъ только одну приманку: членъ общества, лишившійся заработка по болѣзни, имѣетъ право на вспомоществованіе, но также только черезъ пять лѣтъ отъ времени вступленія. Несмотря на эти обѣщанія въ довольно отдаленномъ будущемъ, дѣло пошло неожиданно быстро. Къ 1 сентября 1886 года, т.-е. черезъ пять лѣтъ, общество имѣетъ 21,246 членовъ; фондъ составляетъ 507,725 фр.; онъ быстро ростетъ, каждый мѣсяцъ даетъ 21,000 фр.;

кромѣ того, пока общество не платитъ пенсіоновъ, проценты обращаются въ капиталъ и приносятъ опять проценты; доходъ увеличивается также, если бумаги, принадлежащія обществу, купленныя ниже пари, выходятъ въ тиражъ. Бумаги хранятся въ сберегательной кассѣ.

Центральное бюро находится въ Парижѣ, но общество имѣетъ 130 секцій, изъ которыхъ около 20 разсѣяны въ разныхъ частяхъ Парижа. Секціи оказываютъ большую пользу обществу: 1) онѣ облегчаютъ членамъ уплату премій: бюро секціи недалеко отъ каждаго члена. Если въ данномъ городѣ слишкомъ мало членовъ для образованія секціи, два члена назначаются сборщиками премій, которыя сейчасъ же отправляются въ ближайшую секцію, по почтѣ или переводомъ на банкъ. Взносъ премій допускается сколько угодно франковъ впередъ. 2) Секціи много помогаютъ распространенію общества. Каждая секція считаетъ за честь учредить подобную же секцію въ ближайшемъ городѣ или поселеніи.

Идеи общества пропагандируются публичными лекціями, концертами, разными представленіями, печатью. Каждое публичное представленіе привлекаетъ вниманіе публики и даетъ новыхъ адептовъ, кромѣ денежнаго дохода. Парижское общество образовало изъ среды своихъ членовъ оркестръ.

Durousset издалъ комментаріи къ статуту общества Notice sur «Les Prévoyants de l'Avenir»; приготовляется къ изданію календарь общества, издается ежемѣсячная газета *Le Prevoyant de l'Avenir*, въ которой помѣщаются распоряженія центральнаго бюро, инструкціи секціямъ, отчеты и проч. Пресса отнеслась очень симпатично къ новому предпріятію. Президентъ республики сдѣлалъ подарокъ въ пользу лотереи, разыгранной на одномъ изъ баловъ общества.

Trades unions введены въ Германіи въ 60-хъ годахъ, благодаря агитаціи доктора Гирша. Они называются здѣсь Gewerkvereine. Въ Берлинѣ учреждено Anwaltschaft des Verbandes der deutschen Gewerkvereine. Въ послѣднее время число членовъ дошло до 40,000. Въ 1870 г. открыта Invalidenkasse, которая чрезъ 4 года имѣла 10,000 застрахованныхъ, съ капиталомъ въ 323,000 мар. Касса обѣщаетъ платить пенсіоны отъ 4½—6 мар. въ недѣлю. Еженедѣльный взносъ—10 пф. Тарифъ составленъ авторитетами страховаго дѣла. На основаніи закона 1876 г., проведено раздѣленіе кассъ, т.-е. страховая касса выдѣлена изъ общей кассы. Правительство, желая оградить страховую кассу отъ другихъ расходовъ, въ особенности отъ расходовъ на стачки, потребовало раздѣленія кассъ. Прежде рабочіе вступали въ союзъ, ища въ немъ защиты въ борьбѣ съ предпринимателями, вмѣстѣ съ тѣмъ, они пользовались и страхованіемъ; теперь касса выдѣлена и можно быть членомъ союза, не будучи застрахованнымъ. Отъ этого страхованіе страдаетъ.

Изъ нѣмецкихъ страховыхъ кассъ обращаютъ на себя особенное вниманіе кассы горнозаводскихъ рабочихъ—Knappschaften. Новые страховые

законы заимствовали у нихъ многое. По первоначальному проекту предполагалось просто распространить устройство горнозаводскихъ кассъ на всѣ остальныя производства.

Союзы горнозаводскихъ рабочихъ возникли по такимъ же побужденіямъ, какъ союзы рабочихъ въ другихъ производствахъ,—для защиты своихъ интересовъ. Хозяева образовали гильдіи; рабочіе, Knappen, образовали свои союзы—Knappschaften. Время возникновенія ихъ не извѣстно. Въ горнозаводскихъ статутахъ XIV в. о нихъ уже упоминается. Изъ уставовъ XVI и XVII вв. видно, что они тогда уже имѣли госпитали, богадѣльни, помогали деньгами во время болѣзни, держали врача, проповѣдника, помогали вообще обѣднѣвшимъ товарищамъ, давали имъ деньги на постройку домовъ. Владѣльцы рудниковъ участвовали во взносахъ. Касса хранилась въ церкви. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались привилегіями. Вестфальскіе союзы были освобождены отъ военной службы, отъ личныхъ общественныхъ повинностей, отъ акциза, военнаго постоя, имѣли свой судъ. Вся горнозаводская промышленность находилась подъ контролемъ правительства. Рабочіе считались на государственной службѣ. Договоръ о наймѣ утверждался начальствомъ, которое и освобождало рабочаго отъ договора. Рабочій давалъ присягу передъ начальствомъ. Земское право 1794 г. (Landrecht) кодифицировало ихъ статуты безъ существенныхъ измѣненій. Привилегіи вестфальскихъ рудниковъ уничтожены во время французскаго господства и потомъ не возстановлены, несмотря на стачки рабочихъ.

Законъ 1854 г. ввелъ однообразіе въ устройствѣ союзовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спуталъ инвалидныя кассы съ страхованіемъ здоровья (Krankencassen). Раздѣленіе удержалось только въ двухъ союзахъ.

Законъ 1860 г. уничтожилъ контроль правительства и подчинилъ горное производство общимъ законамъ о промышленности. Но онъ не тронулъ союзовъ рабочихъ.

Горнозаводскій законъ 1865 г. кодифицировалъ все предъидущее.

Изъ этихъ законовъ только законъ 1854 г. внесъ измѣненіе, именно ухудшеніе, въ положеніе горнозаводскихъ кассъ. Прежде касса обязана была помогать по мѣрѣ силъ и сообразно съ обстоятельствами. Новый законъ установляетъ точныя минимальныя требованія отъ кассы и потому увеличиваетъ эти требованія, не обращая вниманія на силы кассы, безъ всякаго разсчета и безъ всякаго статистическаго матеріала. Онъ, кромѣ того, соединяетъ разнообразные платежи изъ одной кассы: деньги на похороны, на леченіе, содержаніе во время болѣзни, на воспитаніе дѣтей. Половина премій возложена на хозяевъ; они обязаны доносить о всѣхъ измѣненіяхъ въ рабочемъ персоналѣ.

Кассою завѣдуетъ правленіе, половинный составъ котораго выбирается хозяевами, другой—старшинами изъ рабочихъ (Knappschaftältest). Высшій надзоръ за кассой поручается особому коммиссару по назначе-

нію центральнаго горнозаводскаго управленія въ Галлѣ (Oberbergamt). На него возложены обыкновенныя обязанности: ревизія книгъ, кассы и проч. Старшины выбираются рабочими. Если рабочіе этого не сдѣлаютъ, правленіе назначаетъ старшинъ. Отказъ отъ должности допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда допускается отказъ отъ должности опекуна. Старшина долженъ заботиться объ интересахъ союза; ему принадлежитъ общій надзоръ; онъ можетъ дѣлать предложенія правленію.

Доступъ въ союзы свободенъ для всѣхъ отъ 18 до 40-лѣтняго возраста. Но членами считаются только занятые горнымъ дѣломъ. Посторонніе рабочіе: ремесленники, каменщики, плотники, извощики и проч. къ союзу не принадлежатъ.

Члены союза, горнозаводскіе рабочіе, дѣлятся на два класса: неполноправные и полноправные (Mindestberechtigte и Meistberechtigte). Переходъ изъ перваго класса во второй иногда зависитъ отъ согласія правленія, но большею частью отъ срока пребыванія въ работахъ. Этотъ срокъ весьма различенъ: отъ полгода до 8 лѣтъ; полгода въ одномъ союзѣ, 1 годъ въ 18 союзахъ, 2—въ 12, 3—въ 19, 4—въ 2, 5—въ 4, 6—въ 8, 8—въ 1. Нѣкоторые статуты сокращаютъ эти сроки для сыновей полноправныхъ рабочихъ.

Каждый рабочій можетъ быть отпущенъ правленіемъ въ отпускъ, напримѣръ, во время сокращенія производства. Онъ удерживаетъ право возвратиться.

Только 11 союзовъ не дѣлаютъ различія между полноправными и неполноправными относительно вспомоществованія изъ кассы. Остальные союзы оказываютъ только полноправнымъ вспомоществованія всѣхъ видовъ. Вспомоществованіе неполноправнымъ ограничивается денежною помощью во время болѣзни и деньгами на похороны; пенсіи инвалидамъ изъ неполноправныхъ рабочихъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ выдаются только въ томъ случаѣ, если инвалидность произошла отъ несчастія во время работы.

Въ 1879 г. полноправныхъ было 153,003, неполноправныхъ 103,538. Но эти цифры мѣняются. Въ 1886 г. полноправныхъ было 77,225, неполноправныхъ 92,887; въ 1871 г. первыхъ было 123,489, вторыхъ 118,274.

Преміи платятся только до 45-ти лѣтняго возраста. Во время болѣзни, съ четвертаго дня, выдается пособіе въ продолженіе 3 мѣсяцевъ, отъ 7 до 15 зильбергрошей въ недѣлю, смотря по классу, по которому застрахованъ. Неполноправный получаетъ 6 зильбергрошей въ недѣлю.

На похороны касса даетъ 16 тал.; если смерть произошла вслѣдствіе грубой неосторожности потерпѣвшаго—только 10 тал. Полный инвалидъ получаетъ въ мѣсяцъ отъ 2 до 13 тал. 15 зильбергрошей, смотря по продолжительности службы и классу страхованія. Полуинвалидъ получаетъ

половину. Вдовій пенсіонъ составляетъ отъ 2 до 5 тал. 25 зильбергрошей; деньги на воспитаніе сиротъ отъ 15 до $22^{1}/_{2}$ зильбергрошей.

Право на кассу утрачивается: 1) вслѣдствіе невнесенія премій, 2) перехода въ другой союзъ, 3) оставленія работы безъ отпуска, 4) утраты чести и 5) симулированія болѣзни.

Произвольное оставленіе работы ведетъ за собою потерю права на вспомоществованіе во время болѣзни и денегъ на похороны. Преміи никогда не возвращаются. Оставившій работу можетъ удержать право на пенсію для себя, вдовы и сиротъ, если онъ продолжаетъ платить преміи. Но за ушедшаго рабочаго хозяинъ, конечно, не платитъ премій, тѣхъ 50%, о которыхъ выше сказано; поэтому нѣкоторые статуты требуютъ, чтобы рабочій принялъ на себя эти преміи. Нѣкоторые статуты не требуютъ никакихъ премій отъ рабочихъ, отпущенныхъ въ отпускъ вслѣдствіе сокращенія работы; другіе предоставляютъ правленію освободить отъ такихъ рабочихъ платежей.

Въ 1879 г. въ Пруссіи было 89 союзовъ (Knappschaften) въ 2,146 горныхъ и соляныхъ промыслахъ. Рабочіе свободно переходятъ изъ одного союза въ другой, если союзы имѣютъ одинаковые статуты. Но рабочіе, переходящіе въ другіе промыслы, теряютъ права на кассу. Въ теченіе 1869—79 гг. оставили союзы и потеряли права: 34,4% полноправныхъ и 39,26% неполноправныхъ.

Самые значительные союзы имѣли отъ 2 до 3 тал. резервнаго фонда на человѣка. Эксперты утверждаютъ, что на каждаго члена нужно прибавить по 50 мар. въ резервный фондъ, чтобы сдѣлать союзы состоятельными, въ среднемъ; нѣкоторые находятся въ гораздо худшемъ положеніи. Эксперты утверждаютъ, что нѣтъ ни одной состоятельной кассы.

Главные недостатки этихъ кассъ слѣдующіе: 1) несоотвѣтствіе премій съ рентами, т.-е. пенсіонами всякаго рода, съ временными денежными вспомоществованіями во время болѣзни и проч.; 2) дробленіе кассъ; одно спорадическое несчастіе можетъ сдѣлать каждую отдѣльную кассу несостоятельною. Одно несчастіе, происшедшее въ 1879 г. въ Брюкенбергерскомъ рудникѣ, обанкротило мѣстную кассу такъ, что она могла платить пенсіоны потерпѣвшимъ только два года. Каждое сокращеніе производства въ данномъ мѣстѣ, данномъ рудникѣ, ложится всею своею тяжестью на одну кассу и можетъ ее задавить; 3) соединеніе горныхъ рудниковъ съ соляными промыслами въ одной кассѣ противорѣчитъ раціональному страхованію: эти промыслы представляютъ собою различные риски; также соединеніе въ одной кассѣ страхованія пенсіоновъ, денегъ на похороны, вспомоществованія во время болѣзни и денегъ на содержаніе дѣтей въ школѣ не можетъ быть признано раціональнымъ. Величина каждой изъ этихъ издержекъ зависитъ отъ совершенно различныхъ обстоятельствъ.

Взаимное страхованіе рабочихъ въ С. Америкѣ осуществляется въ

разнообразныхъ кассахъ: 1) въ кассахъ, учрежденныхъ при религіозныхъ ложахъ; 2) въ trades unions, по образцу англійскихъ, соединяющихъ рабочихъ одинаковой профессіи; 3) въ кассахъ, учрежденныхъ при фабрикахъ; 4) въ кассахъ, учрежденныхъ рабочими различныхъ профессій; 5) въ кассахъ, составъ которыхъ смѣшанный, состоящій изъ рабочихъ и людей другихъ классовъ, но съ преобладаніемъ рабочихъ.

Всѣ эти кассы выдаютъ денежныя вспомоществованія во время болѣзни и деньги на похороны. Страхованіе пенсіоновъ инвалидамъ—рѣдко. Всѣ жалуются на неудовлетворительность этихъ кассъ. Религіозныя ложи распространены во всѣхъ классахъ, но больше всего между рабочими. Онѣ различаются по классамъ, къ которымъ принадлежатъ ихъ члены, также по расѣ и цѣлямъ, преслѣдуемымъ союзами. Эти цѣли весьма различны: моральныя, общественныя, экономическія. Политика, по статутамъ, исключена, но практикуется весьма сильно. Экономическая цѣль—страхованіе, иногда выдача ссудъ.

Точныхъ данныхъ объ этихъ союзахъ нѣтъ. Данныя относятся къ отдѣльнымъ мѣстностямъ. Извѣстно, наприм., что въ одной Филадельфіи 80 ложъ, Odd fellows, считаютъ полмилліона членовъ. Распространеніе ложъ очень легко. Шесть почтенныхъ гражданъ должны обратиться письменно въ центральную ложу съ просьбою о выдачѣ имъ chartes и приложить 16 долл. Связь каждой филіальной ложи съ центральною ограничивается только отчетомъ. Организація всѣхъ ложъ одинакова; отличіе только въ формальностяхъ, въ ритуалѣ, за который американцы крѣпко держатся. Американцамъ нравятся такія обрядности, главнымъ образомъ, конечно, потому, что принятые въ ложахъ ранги льстятъ личному тщеславію народа, отказавшагося отъ внѣшнихъ почестей на основаніи конституціи страны; кромѣ того, поверхностное религіозное чувство американцевъ охотно предается всему непонятному, мистическому, безъ дальнѣйшаго разсужденія. Масонскій церемоніалъ этихъ ложъ весьма нравится американцамъ. Вліяніе ложъ на внѣшнюю дисциплину янки несомнѣнно. Но проникаетъ ли это вліяніе глубже? Католики не принимаютъ участія въ масонствѣ.

Ложи выдаютъ вспомоществованіе во время болѣзни—3 долл. въ недѣлю, члены платятъ $6^1/_2$ цент. въ недѣлю. На похороны выдается 30 долл., женѣ—15. Пенсіоны инвалидамъ не исключаются, но выдаются рѣдко. Отъ пенсіонеровъ отдѣлываются довольно легко—ихъ исключаютъ: сложный ритуалъ и правила внѣшней морали даютъ достаточно поводовъ. Въ случаѣ временной нужды отдѣльныхъ членовъ помогаютъ складчиною. Иногда выдаютъ изъ кассы единовременныя вспомоществованія; иногда выдаются ссуды до 100 долл. на 6 мѣсяцевъ, за поручительствомъ.

Движеніе членовъ между ложами свободно. Уходящій получаетъ выходной билетъ, дающій ему право на вступленіе въ другую ложу, съ платою только половины входныхъ денегъ. Иногда выдается билетъ на проѣздъ.

Trades unions мало распространены въ Америкѣ; для нихъ не достаетъ главнаго условія: прикрѣпленности рабочаго къ данной профессіи. Европейскій рабочій всю свою жизнь занимается однимъ промысломъ. Фабричный рабочій навсегда фабричный рабочій; ткачъ на вѣкъ остается ткачомъ. Въ Америкѣ рабочіе подвижнѣе. Фабричные рабочіе переходятъ въ сельское хозяйство и наоборотъ. Легкость измѣненія профессіи объясняется доступностью земли и специализацiею въ сельскомъ хозяйствѣ. Европейскій земледѣлецъ долженъ обладать многими свѣдѣніями и опытностью, чтобы вести дѣло съ успѣхомъ; въ его хозяйствѣ соединено много различныхъ отраслей. Американское сельское хозяйство специализировано: данное хозяйство занято, наприм., только свиноводствомъ, другое—только гусеводствомъ; одно хозяйство производитъ только вишни, другое только яблоки. Подвижность мѣшаетъ объединенію рабочихъ. Существующіе trades unions ограничиваются, главнымъ образомъ, регулированіемъ отношеній къ предпринимателямъ. Страховыя кассы при нихъ рѣдки. Страхованіе пенсіоновъ отчасти замѣняется сравнительною легкостью наживы, обезпечивающею старость. Другимъ формамъ страхованія дѣлаютъ большую конкурренцію частныя и общественныя страховыя учрежденія.

Страхованіе безработицы существуетъ только въ двухъ союзахъ: у табачниковъ, приготовляющихъ сигары, и у нѣмецкихъ наборщиковъ. Другіе союзы имѣютъ только бюро для собиранія свѣдѣній о спросѣ и предложеніи работы, устроенное по англійскому образцу. Но и табачники, и наборщики выдаютъ вспомоществованіе во время безработицы, не принимая на себя обязанности, по мѣрѣ средствъ кассы. Вспомоществованіе выдается въ теченіе трехъ недѣль, но только съ девятаго дня безработицы, по 1 долл. въ день. Получающій вспомоществованіе обязанъ принять работу, если союзъ найдетъ ему мѣсто. Главное условіе—не работать отъ 8 часовъ вечера до 5 часовъ утра. Иногда союзъ выдаетъ билетъ на проѣздъ для пріисканія работы.

Чаще встрѣчаются похоронныя кассы и кассы страхованія здоровья. Преміи—наибольшія, наприм., въ мѣсяцъ 45 цент. Въ случаѣ смерти, всѣ члены платятъ по 1 долл., женщины платятъ половину. Въ случаѣ болѣзни, выдается умѣренное вспомоществованіе. Роды не считаются болѣзнью.

Страхованіе несчастныхъ случаевъ распространено мало. Въ страховыхъ обществахъ рабочіе пользуются имъ тоже весьма рѣдко, хотя несчастія случаются чаще, чѣмъ въ Европѣ. Высокое вознагражденіе, присуждаемое судомъ, и всевозможныя мѣры огражденія на фабрикахъ внушаютъ довѣріе рабочимъ. Въ случаѣ процесса, союзъ помогаетъ рабочимъ. При непредвидѣнномъ несчастіи или несчастіи, происшедшемъ по винѣ потерпѣвшаго, т.-е. когда предприниматель не подлежитъ отвѣтственности, прибѣгаютъ къ благотворительности со стороны союза, чрезъ складчину, или къ посторонней помощи.

Страхованіе капитала на случай смерти практикуется иногда въ слѣдующей формѣ: рабочій моложе 35 лѣтъ, наприм., платитъ въ мѣсяцъ 2 долл., моложе 40 л.—4, моложе 45—5, моложе 50—6; кромѣ того, каждый годъ 1 долл. Въ случаѣ смерти его, выдается столько долларовъ, сколько имѣется членовъ. Каждый случай смерти ведетъ за собою новое обложеніе: каждый вноситъ 1 долл. 10 цент. Десять центовъ затрачиваются на управленіе.

У табачниковъ прежде была касса для страхованія, съ цѣлью пріисканія работы. Вспомоществованія изъ этой кассы выдавались въ видѣ ссуды, которую рабочій долженъ былъ погасить еженедѣльными взносами въ размѣрѣ 10% заработной платы. Но ею стали злоупотреблять: брали деньги не для пріисканія работы, а лишь бы прожить нѣсколько дней, не прося милостыни, не только тѣ, которые имѣли въ виду найти работу, но и всѣ, не имѣвшіе мѣста. Касса оказалась несостоятельною. Ее замѣнила газета, издаваемая союзомъ для сосредоточенія спроса и предложенія труда, *Cigar-Makers official Journal*.

Специфически-американское учрежденіе — касса страхованія инструментовъ. На европейскихъ фабрикахъ рабочій пользуется инструментомъ фабриканта; на американскихъ онъ долженъ имѣть свой инструментъ. Цѣна этого инструмента, конечно, очень различна. У табачниковъ онъ стоитъ отъ 1 до 3 долл., у телѣжниковъ—100 долл. Страхованіе инструментовъ въ страховыхъ обществахъ—дорого и не достигаетъ цѣли, потому что они берутъ только одинъ рискъ отъ огня; союзная касса дешевле и страхуетъ отъ огня и другихъ опасностей: воды, взрыва, въ случаѣ, если обрушится зданіе. Всякій членъ союза долженъ застраховать свой инструментъ. Отъ 8 часовъ вечера до 5 часовъ утра, а также въ воскресенье, инструментъ не застрахованъ. Американскіе рабочіе очень настаиваютъ на сокращеніи рабочихъ часовъ. Они утверждаютъ, что большинство несчастій, происходящихъ по винѣ рабочаго, случается въ вечернее и ночное время, когда люди, вслѣдствіе истощенія чрезмѣрною работой, утрачиваютъ способность внимательно относиться къ дѣлу.

Страховыхъ кассъ при фабрикахъ въ Америкѣ не много. Подвижность рабочихъ и здѣсь дѣйствуетъ. Только въ самое послѣднее время и только на востокѣ фабричная организація стала походить на европейскую.

Существующія фабричныя кассы практикуютъ страхованіе разныхъ формъ. Фабричная касса у пивоваровъ, наприм., страхуетъ здоровье. Рабочій платитъ 80 цент. въ мѣсяцъ и 1 долл. при вступленіи; предприниматель, устроившій кассу, приплачиваетъ 50%. Во время болѣзни застрахованный получаетъ 1 долл. въ день. Съ оставленіемъ фабрики рабочій теряетъ всѣ права на кассу.

На табачныхъ фабрикахъ въ Нью-Йоркѣ это страхованіе устроено немного иначе: хозяева платятъ 25 долл. въ мѣсяцъ и вычитаютъ изъ каждой заработной платы по 25 цент. При оставленіи работы, застра-

хованный получаетъ обратно половину внесенныхъ имъ премій; даже во время стачки рабочіе остаются членами кассы въ теченіе 3 мѣсяцевъ. За каждую недѣлю болѣзни касса платитъ 5 долл. Эта касса выдаетъ также пенсію старикамъ и инвалидамъ, но только чрезъ 10 лѣтъ службы на фабрикѣ. За это страхованіе одни рабочіе платятъ преміи.

Страховыя кассы рабочихъ разныхъ профессій представляютъ ту выгоду, сравнительно съ предъидущими, что онѣ дешевле. Вслѣдствіе многочисленности членовъ, на каждаго приходится меньше издержекъ управленія и касса можетъ довольствоваться меньшею преміей, оказывая ту же помощь.

Типомъ кассъ этого рода можетъ служить возникшій въ 1880 г. въ Нью-Іоркѣ между нѣмецкими рабочими союзъ: Allgemeiner Arbeiterbund. Въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ, платятъ здѣсь всего 10 цент.

О кассахъ смѣшаннаго состава, въ которыхъ участвуютъ люди разныхъ классовъ, хотя рабочіе преобладаютъ, нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что финансовое положеніе ихъ далеко не обезпечено.

Всѣ эти общества основаны на послѣдующей раскладкѣ. Но, къ сожалѣнію, почти ни одно изъ существующихъ обществъ, основанныхъ на послѣдующей дополнительной раскладкѣ, не можетъ претендовать на предикатъ «раціонально устроеннаго.»

Про эти американскіе союзы нужно сказать то же, что говорятъ про подобные союзы въ другихъ странахъ. Они состоятъ изъ мало-образованныхъ людей, которымъ не достаетъ пониманія основъ страховаго устройства, извѣстныхъ даже образованнымъ людямъ только по названію.

Всѣ эти маленькіе союзы заключаютъ въ себѣ неустранимые недостатки. Ошибки въ основахъ большихъ страховыхъ компаній легко покрываются именно потому, что онѣ большія; недочеты легко распредѣляются между большимъ числомъ участниковъ; кромѣ того, онѣ гораздо разборчивѣе въ пріемѣ членовъ, т.-е. пользуются лучшимъ страховымъ матеріаломъ. Къ такой строгости союзы рабочихъ неспособны; строгость представляется здѣсь жестокостью по отношенію къ товарищамъ. Кратковременный застой въ производствѣ данной отрасли и въ данномъ только мѣстѣ дѣлаетъ кассу несостоятельною. Одно несчастіе можетъ совершенно разрушить кассу. Въ 1886 г., наприм., въ каменно-угольной копи въ Йоркѣ погибло за разъ 300 человѣкъ, къ которымъ присоединились еще 28 рабочихъ, помогавшихъ погибшимъ; въ другой копи погибло заразъ 100 человѣкъ. Въ такихъ случаяхъ маленькая мѣстная касса, конечно, не въ состояніи помочь всѣмъ вдовамъ и сиротамъ.

Изъ этого слѣдуетъ, разумѣется, только то, что маленькіе союзы не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ихъ кассамъ, но не то, что они вовсе безполезны. Касса оказывается безсильною въ случаѣ большаго несчастія, но она оказываетъ и оказывала

помощь многимъ во многихъ случаяхъ, въ которыхъ потерпѣвшіе были бы совершенно безпомощны, если бы не было кассы.

О страхованіи рабочихъ заботились также разныя кассы, съ примѣсью благотворительности, учрежденныя людьми высшихъ классовъ.

Въ Германіи сдѣлано нѣсколько такихъ попытокъ. Въ 1843 г. учреждена Leipziger Krankenkasse von D-r Heim. Къ страхованію допускаются люди отъ 20 до 50-ти лѣтняго возраста. Застрахованный получаетъ во время болѣзни отъ 1 до 5 тал. въ недѣлю. За 2 талера ренты, наприм., онъ платитъ при вступленіи 5 зильбергр., за 5 тал. 10 зильбергр. и, кромѣ того, по особому тарифу. Вспомоществованіе выдается только полтора года. Если онъ былъ 20 лѣтъ членомъ кассы, онъ становится застрахованнымъ на всю жизнь. Резервный фондъ помѣщается какъ деньги несовершеннолѣтнихъ. Вспомоществованіе не выдается, если болѣзнь произошла отъ пьянства, драки, распутства. Такого же рода Versicherungscasse für erwerbsunfähige Arbeiter der Provinz Sachsen zu Halle an der Saall. Касса страхуетъ пенсіоны неспособнымъ къ труду вслѣдствіе старости, болѣзни, инвалидности. За 10 тал. годовой ренты застрахованный платитъ въ мѣсяцъ 1 зильбергр. 3 пф., если ему 20 лѣтъ; 1 зильбергр. 7 пф., если ему 25 л.; 3 зильбергр. 4 пф., если ему 40 лѣтъ; 6 зильбергр. 4 пф., если ему 50 л. Пенсіонъ выдается по истеченіи 3 лѣтъ отъ вступленія въ кассу.

Въ кассѣ имѣются почетные члены; изъ подарковъ этихъ членовъ выдаются чрезвычайныя вспомоществованія. Касса находится подъ контролемъ королевскаго правительства.

Kranken- und Sterbecasse zu Wiesbaden 1843 г. тоже назначена для рабочихъ. Она страхуетъ здоровье, издержки на похороны и небольшой капиталъ, уплачиваемый въ случаѣ смерти застрахованнаго. Въ члены кассы принимаются мѣстные граждане отъ 20 до 50-ти лѣтняго возраста. Застрахованный платитъ при вступленіи отъ 2 флор., если ему 20 л., до 25 флор., если ему 50 лѣтъ, и ежемѣсячно по 15 крейц.; кромѣ того, 20 крейц. въ случаѣ смерти одного изъ членовъ. За это онъ получаетъ во время болѣзни 2 флор. 48 крейц. въ недѣлю; на похороны 25 флор. и 100 флор. получаютъ наслѣдники. Но эти 100 флор. выдаются только по завѣщанію, которое должно храниться въ ящикѣ кассы. Касса имѣетъ также почетныхъ членовъ. Резервный фондъ помѣщается въ гипотекахъ города или округа, но ни въ какомъ случаѣ не въ иностранныхъ государственныхъ бумагахъ.

Pensionverein für Handels-und Industrie-Bedienstäte, возникшій недавно въ Вѣнѣ, есть также попытка въ этомъ родѣ. Онъ выдаетъ пенсіоны старикамъ и капиталы въ случаѣ смерти. Общество дѣйствуетъ довольно успѣшно. Чрезъ два года по учрежденіи, въ 1884 г., оно застраховало 530 человѣкъ. Но весь рискъ перестрахованъ въ «Янусѣ».

Благотворительный элементъ и здѣсь есть: общество имѣетъ 427 Un-

terstützende Mitglieder. Общество пропагандируетъ себя въ провинціальныхъ городахъ чрезъ публичныя лекціи и поученія.

Страховыя общества пробовали также распространить страхованіе въ средѣ рабочихъ, но съ очень небольшимъ успѣхомъ. Лондонская компанія Prudential продала на нѣсколько милліоновъ мелкихъ полисовъ отъ 5 до 10 ф. стерл. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ во Франціи возникла акціонерная компанія для страхованія рабочихъ. Иниціаторомъ этого дѣла былъ Наполеонъ III, высказавшій эту идею при раздачѣ премій въ политехническомъ обществѣ, въ 1865 г. Securité générale нашло подражателей: въ Брюсселѣ учреждена компанія съ тою же цѣлью подъ названіемъ Prudence, въ Вѣнѣ—Shutz. Securité générale имѣетъ акціонернаго капитала 2½ милл. фр. Оно страхуетъ рабочихъ отъ различныхъ несчастій. Коллективно договоръ заключается не съ отдѣльнымъ рабочимъ, а съ предпринимателемъ, наприм., фабрикантомъ, который самъ собираетъ преміи съ рабочихъ, или вычитаетъ ихъ изъ заработной платы, или платитъ изъ своего кармана. Это не касается компаніи. Она имѣетъ дѣло съ фабрикантомъ. Подобно фабриканту, договоръ можетъ заключить союзъ рабочихъ, ихъ страховая касса. Компанія выигрываетъ въ коллективномъ страхованіи тѣмъ, что она сразу получаетъ много застрахованныхъ, т.-е. сразу совершаетъ большую операцію, не имѣя хлопотъ съ отдѣльными аспирантами.

Этимъ объясняется скидка. За капиталъ съ 1,000 фр. премія перваго класса (менѣе опасный рискъ) равняется 4 фр. 55 с., втораго класса—5 фр. 95 с. При коллективномъ страхованіи премія уменьшается: въ первомъ случаѣ до 3 фр. 5 с., во второмъ до 3 фр. 95 с.

Нѣмецкія компаніи Turingia, Germania, Rentenanstalt zu Stuttgart предлагаютъ также рабочимъ свои услуги и при коллективномъ страхованіи дѣлаютъ скидки, только въ другой формѣ. При страхованіи похоронныхъ денегъ и капитала на случай смерти онѣ даютъ полпроцента съ застрахованной суммы по истеченіи перваго года и 4% съ каждой преміи (Incassoprovision); при страхованіи пенсіоновъ — 20% съ первой преміи и по 4% съ послѣдующихъ премій. Въ случаѣ недостатка работы, дѣлается отсрочка до 1 года, но съ вознагражденіемъ за это: за четверть года 5 пф. съ талера, за годъ 1 зильбергр. 6 пф. съ талера.

Вюртембергское министерство внутреннихъ дѣлъ изъявило готовность принять на себя уплату премій за людей, получающихъ отъ него жалованье. Аспирантъ дѣлаетъ только заявленіе одному изъ мѣстныхъ страховыхъ обществъ, которое принимаетъ на себя всѣ хлопоты. Преміи уплачиваются изъ жалованья, ежемѣсячными вычетами. Компаніи дѣлаютъ скидку отъ 2½ до 3%. Изъ формъ страхованія, практикуемыхъ нѣмецкими обществами, наиболѣе подходящія для рабочихъ слѣдущія: 1) пенсіонъ, уплачиваемый по достиженіи извѣстнаго возраста, напримѣръ, 60 л.; за 100 тал. годовой пенсіи, уплачиваемой съ 60 лѣтъ, рабочій

долженъ платить 8 зильбергр. 6 пф. еженедѣльныхъ премій, если ему 28 лѣтъ; 2) капиталъ, уплачиваемый по достиженіи извѣстнаго возраста, наприм., 60 лѣтъ. За 500 тал., уплачиваемыхъ по достиженіи этого возраста, еженедѣльная премія составляетъ 7 зильбегр. 11 пф., если ему 28 лѣтъ. Этотъ капиталъ уплачивается и въ томъ случаѣ, если застрахованный умретъ до достиженіи назначеннаго возраста. На случай старости застрахованный обезпечиваетъ себя, а на случай ранней смерти свое семейство; 3) свое семейство онъ можетъ обезпечить застрахованіемъ извѣстной суммы, наприм., 500 тал., уплачиваемыхъ въ случаѣ его смерти; еженедѣльная премія за этотъ капиталъ составляетъ 4 зильбергр. 10 пф., если ему 28 лѣтъ.

Во всѣхъ предъидущихъ случаяхъ каждый рабочій страхуется порознь. Въ коллективномъ застрахованіи страховое учрежденіе, все-таки, повѣряетъ каждый отдѣльный полисъ. Если союзъ рабочихъ перестраховываетъ свой рискъ, то страховая компанія провѣряетъ каждый отдѣльный рискъ, застрахованный союзомъ. Коллективное страхованіе освобождаетъ компанію только отъ собиранія премій съ каждаго застрахованнаго. Leipziger Unfallversicherungsbank предлагалъ фабрикантамъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ всего рабочаго персонала, занятаго на фабрикѣ. Для этого требуется, чтобы застрахованныхъ было не менѣе 100 человѣкъ, чтобъ они были не старше 60-ти лѣтняго возраста и чтобы застрахованная сумма была не менѣе 1,500 мар. Именной списокъ застрахованныхъ не требуется; застраховываются вообще рабочіе, занятые къ данной фабрикѣ, кто бы они не были.

Страховая сумма выплачивается только по истеченіи года отъ заключенія договора, т.-е. за несчастіе, происшедшее въ теченіе перваго года компанія не отвѣчаетъ. Застрахованъ только рабочій, пробывшій на фабрикѣ не менѣе 5 лѣтъ; переходъ на другую фабрику не лишаетъ его права на страховое вознагражденіе, если эта другая фабрика принадлежитъ одному изъ членовъ общества. Этимъ условіемъ рабочіе, очевидно, прикрѣпляются если не къ данной фабрикѣ, то къ фабрикамъ даннаго общества. Это страхованіе предполагалось устроить на началахъ обществъ взаимнаго страхованія: фабриканты, предполагалось, образуютъ изъ себя общество взаимнаго страхованія, которое будетъ состоять при лейпцигскомъ банкѣ. Предпріятіе не осуществилось вслѣдствіе кризиса 1873 г. По разсчету, общество могло бы открыться, если бы набралось 30,000 застрахованныхъ рабочихъ, но ихъ не набралось.

Страхованіе рабочихъ чрезъ фабрикантовъ встрѣчается только въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ. Извѣстно, напримѣръ, что берлинскіе строители машинъ застрахованы, но не на случай несчастій: застрахованы пенсіоны инвалидовъ, отъ болѣзни или старости. Преміи платятъ фабриканты.

Прежде говорили: вся бѣда въ томъ, что рабочіе мало получаютъ, и лѣкарствомъ была ассоціація, въ особенности производительная; теперь говорятъ: вся бѣда въ томъ, что положеніе рабочихъ не обезпечено, различіе между достаточнымъ и недостаточнымъ человѣкомъ состоитъ въ обезпеченности или необезпеченности дохода, и лѣкарство—страхованіе. Но въ какомъ положеніи находится страховое дѣло? Ассоціацію, банкъ, фабрику можно сейчасъ же устроить. Но нельзя сейчасъ же устроить страховое предпріятіе на раціональныхъ началахъ. Оно предполагаетъ довольно сложную предварительную работу, статистическій матеріалъ, безъ котораго невозможно правильно разсчитать преміи.

Формы страхованія, пригодныя для рабочихъ, находятся въ періодѣ эксперимента. Въ этой отрасли народнаго хозяйства только страхованіе отъ огня и нѣкоторыя формы страхованія жизни можно считать укоренившимися, конечно, оставляя въ сторонѣ морское страхованіе, самое древнее, но вмѣстѣ наиболѣе отдаленное отъ какой бы то ни было части рабочаго вопроса.

Морское страхованіе стоитъ въ сторонѣ даже отъ другихъ формъ страхованія. Начало морскаго страхованія находятъ въ Римѣ: государство страховало подрядчиковъ, доставлявшихъ продукты моремъ во время войны и голода, отъ опасностей, которыми угрожали непріятель и море. Иначе они не соглашались принять подрядъ. Но неизвѣстно, есть ли связь между римскимъ и позднѣйшимъ морскимъ страхованіемъ, развилось ли позднѣйшее страхованіе изъ этого римскаго начала или оно возникло независимо отъ него. Далѣе, говорятъ, что морское страхованіе развилось въ средніе вѣка подъ вліяніемъ запрещенія процентовъ. Капиталисты не могли, говорятъ, получать доходовъ отъ своихъ денегъ въ видѣ процентовъ; они прибѣгали къ морскому страхованію, въ то время единственному, и получали свои проценты подъ видомъ страховыхъ премій. Существованіе запрещенія процентовъ несомнѣнно, но несомнѣнно также, что эти законы не исполнялись; даже городскія корпораціи считали возможнымъ не обращать на нихъ вниманія; они не могли, поэтому, заставить капиталистовъ прибѣгать къ морскому страхованію. Зачатки морскаго страхованія, вѣроятно, никогда не будутъ открыты вслѣдствіе тогдашняго положенія лѣтописей, интересовавшихся менѣе всего экономическими явленіями. Извѣстно только, что первыя достовѣрныя данныя о немъ находятся въ Испаніи и Италіи, потомъ въ Нидерландахъ съ XV в., въ Англіи и Франціи съ XVII в. Эти данныя находятся въ статутахъ. Статутамъ, конечно, предшествовала продолжительная практика.

Въ Голландіи и Англіи въ XVII в. были значительныя компаніи морскаго страхованія; въ XVIII в. во Франціи и Германіи. Въ 1862 г. въ Бременѣ 22 компаніи занимались морскимъ страхованіемъ, въ Гамбургѣ 20. Англійское правительство воспользовалось развитіемъ морскаго страхованія въ прошломъ вѣкѣ и сдѣлало изъ него доходную статью. Оно

дало монопольное право двумъ компаніямъ: London Assurance Corporation и Royal Echange Company. Другія компаніи не имѣли права производить подобныя операціи, а привилегированныя платили правительству 300,000 ф. въ годъ, на уплату долга по цивильлисту. Монополія уничтожена только въ 1824 г.

Морское страхованіе—единственная отрасль страхованія, въ которой прежде господствовали и до сихъ поръ удержались частныя фирмы. Онѣ страховали только часть риска: если онъ былъ великъ для одной фирмы, другія части брали другія фирмы, или одна фирма брала весь рискъ на свою отвѣтственность и потомъ отъ себя перестраховывала его по частямъ у другихъ фирмъ. Договоръ заключался на биржѣ; о преміи торговались, какъ о всякихъ вещахъ, на рынкѣ. Фирмы завели списки судовъ и различали, какъ въ другихъ отрасляхъ страхованія, хорошіе и дурные риски. Представители нѣкоторыхъ фирмъ пріобрѣли извѣстность своею опытностью, памятью, связями.

Необходимость индивидуальной оцѣнки каждаго судна поддерживала частныя фирмы въ конкурренціи съ компаніями. Каждое судно имѣло свою индивидуальность и требовало, поэтому, специальной оцѣнки риска: свойство постройки, грузъ, назначеніе, качество капитана и матросовъ,—все вліяло на рискъ. Множество и разнообразіе вліяній не допускали шаблонной оцѣнки, которую можно было бы опредѣлить въ инструкціи и поручить агенту. Оцѣнка требовала самого хозяина. Всѣ дома, одинаково построенные и находящіеся въ одной мѣстности, представляютъ одинаковый пожарный рискъ, но не всѣ суда одинаковаго калибра подвергаются одинаковой опасности.

Въ послѣднее время замѣчается нивеллирующая тенденція: всѣ пароходы строятся по одинаковымъ правиламъ; качество матросовъ становится второстепеннымъ обстоятельствомъ, главное—качество машинъ; качества капитана прикрываются солидностью транспортной компаніи. Шаблонная оцѣнка дѣлается возможною. Присутствіе страхователя не нужно. Вмѣсто заключенія договора на биржѣ, аспирантъ телеграфируетъ разнымъ агентамъ и принимаетъ наиболѣе выгодное предложеніе. Придумали Telegram-Lexicon, дающій возможность обходиться немногими условными выраженіями. Морское страхованіе также единственная отрасль страхованія, законодательство о которой шло своимъ особеннымъ путемъ. Положительные законы морскаго страхованія давно кодифицированы. Морское страхованіе давно остается внѣ заботъ правительства. Всѣ заботы его направлены на другіе виды страхованія *).

---

*) Страхованіе транспортовъ есть отрасль морскаго страхованія, по происхожденію. Предпріятія морскаго страхованія первыя начали страховать клади на внутреннихъ водахъ, потомъ на сухопутныхъ дорогахъ, между прочимъ, и на желѣзныхъ. Теперь этою операціей занимаются также компаніи страхованія отъ огня и самостоятельныя предпріятія. Въ Германіи эта отрасль существуетъ болѣе сорока лѣтъ.

Изъ другихъ видовъ, страхованіе отъ огня—древнѣйшее. Теперь оно практикуется въ акціонерной формѣ и въ формѣ обществъ взаимнаго страхованія. Послѣдняя форма старѣе. Когда она возникла—неизвѣстно. Въ XVI в. они уже были въ Лондонѣ и Парижѣ; въ XVII в. ихъ было нѣсколько въ Германіи. Устройство этихъ древнихъ обществъ также неизвѣстно. Но о немъ можно судить по устройству обществъ взаимнаго страхованія, удержавшихся до сихъ поръ у австрійскихъ крестьянъ. Въ большинствѣ этихъ обществъ резервнаго капитала нѣтъ. Послѣ пожара убытокъ раздѣляется между членами; помощь погорѣвшему оказывается также натурою: строительнымъ матеріаломъ, работою, подводами. Въ немногихъ обществахъ члены платятъ годовыя преміи.

Во Франціи и Германіи есть большія общества взаимнаго страхованія отъ огня. По принципу они сходны съ предъидущими, но они устроены на болѣе раціональныхъ началахъ: вездѣ имѣется резервный капиталъ, составляемый изъ премій; большое число членовъ—бо́льшею частью изъ достаточныхъ людей. Во Франціи эти общества свободны. Утвержденія правительства не нужно; требуется только правильная отчетность; единственная ихъ привилегія состоитъ въ томъ, что имъ предоставлено пользоваться мѣстными органами правительства при заключеніи договоровъ, подобно тому, какъ другія страховыя учрежденія пользуются своими агентами.

Въ Германіи большія общества взаимнаго страхованія раздѣляются на двѣ категоріи: свободныя и принудительныя. Первыя ничего особеннаго собою не представляютъ. Это обыкновенныя общества взаимнаго страхованія, безъ всякихъ привилегій, типомъ которыхъ можетъ служить, наприм., общество взаимнаго страхованія отъ огня въ Готѣ. Принудительныя общества, извѣстныя подъ названіемъ Societäten, введены правительствомъ. Это не добровольный союзъ людей, соединившихся ради извѣстной цѣли, а союзъ, составленный правительствомъ чрезъ принужденіе.

Первая такая касса учреждена въ Гамбургѣ въ 1677 г.—Hamburger Feuercasse.

Тридцатилѣтняя война обратила вниманіе нѣмецкихъ правительствъ на страхованіе отъ огня. Пожары разрушили крестьянскія имущества; крестьянскія общины выдавали погорѣвшимъ свидѣтельства на право собирать милостыню—Brandbriefe. Отсюда возникло бродяжничество. Правительство было заинтересовано въ поддержаніи податной силы крестьянъ.

Прусское правительство хотѣло попробовать съ Берлина. Въ 1685 г. король сдѣлалъ предложеніе ввести принудительное страхованіе въ городѣ, но городской совѣтъ, ссылаясь на разныя неудобства, отклонилъ предложеніе «in gehorsamster und fussfälliger Submission»; утверждаютъ, что онъ боялся введенія новаго налога подъ видомъ преміи для страхованія. Но правительство не отказалось отъ своихъ намѣреній. Чрезъ нѣсколько времени оно учредило Generalfeuercasse für das ganze Reich, которая должна была страховать строенія, движимость и скотъ. Это было госу-

дарственное страхованіе, но безъ принужденія. Король обѣщалъ не смѣшивать премій съ доходами отъ доменныхъ и королевскихъ имуществъ и воздерживаться отъ всякаго вторженія въ кассу. Но и принципъ свободы удержался не надолго. Въ 1706 г. введено принужденіе. Однако, дѣло не пошло. Въ 1711 г. касса была закрыта. Фридрихъ Великій возстановилъ кассу на новыхъ началахъ. Принужденіе удержано, но страхованіе ограничено одною недвижимостью; устранена централизація: вмѣсто прежней кассы на все государство, устроены кассы въ разныхъ мѣстностяхъ; страхованіе локализовано; вмѣсто прежнихъ опредѣленныхъ премій, введены преміи, измѣняемыя по мѣрѣ надобности.

Но еще до этой общей реформы принудительное страхованіе введено въ разныхъ городахъ: въ Берлинѣ (1717 г.), Штетинѣ (1718 г.), Кёнигсбергѣ (1719 г.). Послѣ семилѣтней войны правительство прибѣгло къ страхованію въ Силезіи для поднятія реальнаго кредита. Съ половины прошлаго вѣка соціететы возникли въ разныхъ частяхъ Германіи. Въ Пруссіи они находятся въ управленіи городовъ и сословій; въ другихъ частяхъ Германіи они завѣдуются правительствами. Нѣкоторые изъ возникшихъ въ прошломъ вѣкѣ соціететовъ существуютъ до сихъ поръ; другіе соединились въ большіе союзы.

Принудительное страхованіе недвижимости до сихъ поръ имѣетъ поборниковъ. Не дальше, какъ въ прошломъ году, моравскій Landesausschuss предлагалъ ввести принудительное страхованіе жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, кромѣ индустріальныхъ, въ земскомъ страховомъ учрежденіи или въ акредитованномъ въ провинціи страховомъ обществѣ. Въ 1869 году городъ Нью-Йоркъ получилъ право ввести принудительное страхованіе, но онъ не воспользовался этимъ правомъ.

Акціонерныя компаніи принялись за страхованіе недвижимости позже. Первая акціонерная компанія этого рода возникла въ Англіи въ 1696 г., а по мнѣнію другихъ, раньше, въ 1648 г.; почти цѣлое столѣтіе позже появилась первая компанія въ Америкѣ; во Франціи и Германіи до нынѣшняго вѣка не было ни одной акціонерной страховой компаніи: первая нѣмецкая компанія учреждена въ Берлинѣ въ 1812 г., первая французская компанія—въ 1819 г.

Страхованіе отъ огня движимости началось съ страхованія товаровъ въ купеческихъ складахъ. Общества для взаимнаго страхованія товаровъ извѣстны въ сѣверныхъ торговыхъ городахъ Германіи съ XVII в. Первая акціонерная компанія для этой цѣли возникла въ Англіи въ 1710 году; первая нѣмецкая компанія учреждена въ Берлинѣ въ 1811 г.

Статистика страхованія отъ огня весьма неудовлетворительна. Отчеты обществъ и компаній слишкомъ суммарны. О крестьянскихъ страховыхъ обществахъ въ Германіи и Франціи ничего неизвѣстно. Объ австрійскихъ крестьянскихъ обществахъ сравнительно недавно собраны свѣдѣнія центральнымъ статистическимъ бюро (Statist. Central-Commission). Въ 1877

году всѣхъ обществъ было 263; изъ нихъ въ Верхней и Нижней Австріи 176. Изъ этихъ союзовъ 5 имѣли менѣе 60 членовъ, 27—отъ 100 до 200, 20—отъ 200 до 300, 21—отъ 300 до 500 член. 88 обществъ не показали застрахованной суммы; 21 общество не отвѣчали на вопросы о пожарахъ и имуществахъ.

Въ 1880 г. въ Германіи было 72 социетета, въ которыхъ было застраховано на 25 милліардовъ мар., и 32 страховыхъ общества съ застрахованною суммой въ 42 милліарда мар. Въ Австріи въ это же время было 61 страховое общество, изъ нихъ 29 акціонерныхъ и 32 общества взаимнаго страхованія. Въ 1867 году застрахованная сумма распредѣлялась такъ: въ социететахъ было застраховано на 2,652 милліона мар., въ обществахъ взаимнаго страхованія—511 милл. мар., въ акціонерныхъ—3,545 милл. м., въ иностранныхъ обществахъ—209 милл. м. Въ социететахъ застраховано, главнымъ образомъ, недвижимое имущество; во всѣхъ прусскихъ социететахъ застраховано всего на 90 милліоновъ марокъ движимости.

Во Франціи въ 1864 г. было 70 большихъ обществъ взаимнаго страхованія; въ 1857 г. во всей Франціи было только 18 акціонерныхъ компаній. Въ 1875 г. во французскихъ акціонерныхъ компаніяхъ было застраховано на 87,551 милл. фр., въ обществахъ взаимнаго страхованія—на 17,000 милл. франк. Двадцать лѣтъ назадъ считали, что во Франціи только половина имущества застрахована.

Въ Англіи въ 1876 г. было 37 страховыхъ компаній отъ огня и 30 другихъ компаній, занимавшихся этою операціей между прочимъ. Въ 1868 г. въ Англіи было застраховано на 9,513 милл. тал., т.-е. около 1/3 всего имущества было застраховано. Во время Смита изъ 100 домовладѣльцевъ 99 не страховали своего имущества. Въ 1868 г. въ Нью-Йоркѣ работала 161 компанія съ застрахованною суммой въ 4,454 милл. долларовъ.

Для пониманія французскихъ данныхъ нужно знать, что здѣсь одинъ и тотъ же рискъ часто нѣсколько разъ застрахованъ, потому что art. 1733 (Code civile) говоритъ: «наниматель или арендаторъ отвѣчаетъ за пожаръ, если онъ не докажетъ, что пожаръ произошелъ случайно, или вслѣдствіе неотразимой силы, или вслѣдствіе недостатка въ постройкѣ или отъ того, что огонь перешелъ отъ сосѣдей». Art. 1735 дополняетъ предъидущій: «арендаторъ или съемщикъ отвѣчаетъ за всякую порчу или убытокъ, происходящій отъ сублокаторовъ или людей, принадлежащихъ къ его дому».

Большіе и опасные риски вызвали дѣленіе и перестраховку (Rückversicherung). Сумму 34 милл., наприм., въ которой застрахована сталелитейная фабрика Круппа въ Эссекѣ, ни одна компанія не въ состояніи застраховать. Рискъ раздѣленъ между 12 обществами, которыя получаютъ 46 тыс. мар. преміи. Театры, наприм., представляютъ слишкомъ опасный

рискъ, какъ показываетъ статистика. Изъ 252 театровъ 5 сгорѣло до открытія, 70—просуществовали только 5 лѣтъ, 38 не достигли 10 лѣтъ, 45 не достигли 20 лѣтъ, 27—30, 12—40, 20—50, 17—60, 7—80, 8—100, только 3 просуществовали болѣе 100 лѣтъ. Одинъ такой рискъ можетъ уничтожить цѣлое страховое предпріятіе. Онъ также дѣлится или перестраховывается. Перестрахованіе отличается отъ дѣленія риска тѣмъ, что перестрахованію предшествуетъ страхованіе. Весь рискъ принимаетъ на себя первоначально одна компанія, которая потомъ передаетъ части этого риска другимъ компаніямъ. Недавно семь страховыхъ компаній въ Германіи и Австріи образовали союзъ; на основаніи договора, всякій рискъ, принятый одною изъ компаній, распредѣляется между всѣми членами союза. Перестрахованіе рисковъ, принятыхъ нѣмецкими страховыми компаніями, во французскихъ компаніяхъ произошло такимъ образомъ: въ 1837 г. французскимъ компаніямъ запрещено было практиковать въ Пруссіи; но нѣмецкія компаніи были, однако же, слишкомъ слабы для принятія большихъ рисковъ. Онѣ перестраховали ихъ во французскихъ компаніяхъ, которыя прежде страховали эти риски непосредственно. Теперь есть нѣсколько компаній, занимающихся исключительно перестрахованіемъ,—Rückversicherungsgesellschaften.

Другія цѣли вызвали также союзы между страховыми компаніями. Французскія компаніи образуютъ коалицію ради обладанія рынкомъ. Нѣмецкія общества составляютъ также союзъ, ради защиты своихъ интересовъ; они занимается также составленіемъ статистики страхованія отъ огня.

Страхованіе отъ огня практикуется теперь въ трехъ формахъ: въ формѣ обществъ взаимнаго страхованія, акціонерной и смѣшанной. Противъ обществъ взаимнаго страхованія возражаютъ такъ: риски каждаго такого общества скучены, наприм., въ одномъ городѣ, въ одной деревнѣ. Въ Берлинѣ, наприм., рискъ по страхованію движимости раздѣленъ между 29 страховыми обществами; но всѣ дома застрахованы въ одномъ обществѣ взаимнаго страхованія (Societät). Это общество можетъ постигнуть такая же судьба, какая постигла подобное гамбургское общество; послѣ громаднаго пожара въ 1842 г. оно оказалось несостоятельнымъ и вынуждено было заключить заемъ, который до сихъ поръ не погашенъ. Въ деревняхъ страховыя компаніи страхуютъ чрезъ 4 или 5 домовъ, тогда какъ въ обществѣ взаимнаго страхованія всѣ дома застрахованы подъ-рядъ. Конечно, общество взаимнаго страхованія подвергнуто опасности, но, во-первыхъ, эта опасность довольно отдаленная, — громадные пожары рѣдки, — и, во-вторыхъ, даже въ случаѣ такого несчастія, общество помогаетъ тѣмъ, что оно дѣлаетъ возможнымъ заемъ. Сельскія общества взаимнаго страхованія находятся въ различномъ положеніи, смотря по тому, господствуетъ ли въ данной мѣстности деревенская или подворная система. Австрійскія крестьянскія общества, наприм., распространены въ

провинціяхъ съ подворною системой и другихъ построекъ на страхъ не принимаютъ.

Дивидендъ акціонерныхъ компаній часто дѣлается предметомъ зависти застрахованныхъ. Они не хотятъ давать его акціонерамъ. Начинается движеніе въ пользу образованія общества взаимнаго страхованія. Душою такого движенія обыкновенно является кто-нибудь изъ служащихъ въ страховыхъ предпріятіяхъ, желающій обезпечить свое будущее. Онъ дѣйствуетъ какъ знатокъ дѣла. Вслѣдствіе подобнаго движенія, возникли, наприм., общества взаимнаго страхованія по группамъ производства.

Бумажныя фабрики образовали общество взаимнаго страхованія; то же сдѣлали металлическія фабрики, пивоваренные и сахарные заводы. Желѣзныя дороги обратились къ страховымъ компаніямъ съ требованіемъ участія въ ихъ доходахъ. Компаніи на это не согласились, ссылаясь на очень низкую премію; началось движеніе въ пользу образованія изъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ общества взаимнаго страхованія. Правительство положило этому конецъ, отказавъ субвенціонированнымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Къ прямому убытку отъ пожара присоединяется косвенный: потеря дохода, пока новый домъ строится или потерпѣвшій домъ исправляется, все равно, отдается ли домъ въ наемъ, или въ немъ помѣщается какое-нибудь предпріятіе (Miethentgang, Betriebsstillstand).

Англійскія компаніи около полвѣка страхуютъ этотъ рискъ въ связи съ страхованіемъ отъ огня. Изъ континентальныхъ компаній тріэстская Assecurazion generali занимается этою операціей нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ французскія компаніи Globe и La foncière принялись за это дѣло. Но есть большая разница между англійскимъ и французскимъ способомъ страхованія этого риска, именно—если пожаръ истребляетъ не все зданіе, а только причиняетъ ему вредъ. Въ Англіи застрахованный самъ опредѣляетъ сумму, въ которую рискъ страхуется, но вознагражденіе выдается по оцѣнкѣ, т.-е. уплачивается не застрахованная возможная потеря, а дѣйствительная. Во Франціи вознаграждается впередъ опредѣленный убытокъ, въ 10% съ убытка отъ огня, все равно, какъ бы ни былъ великъ убытокъ отъ прекращенія дохода. Если домъ, застрахованный въ 200,000 отъ огня и въ 20,000 отъ потери дохода, потерпитъ отъ пожара на 30,000, и вслѣдствіе этого лишается дохода въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,—дохода, равняющагося, по крайней мѣрѣ, 3,000, то вознагражденіе будетъ составлять только 500, т.-е. за два мѣсяца шестую часть отъ 10% съ 30,000.

Кромѣ огня, зданіямъ угрожаютъ другія опасности: наводненіе, буря, землетрясеніе, разрушеніе во время войны, возстанія и проч. Убытокъ, наприм., отъ наводненія во Франціи между 1871—76 гг. составлялъ, въ среднемъ, по оффиціальнымъ даннымъ, въ годъ, 38 милл. фр. Ни одинъ изъ этихъ рисковъ не застрахованъ.

Реальное страхованіе, прочно установившееся, страхованіемъ отъ огня

и исчерпывается. Страхованіе скота и градобитій до сихъ поръ не достигло удовлетворительныхъ результатовъ. Страхованіе скота испытывается съ прошлаго вѣка и теперь находится въ такомъ положеніи, какъ страхованіе жизни въ самомъ его началѣ. Дѣло нисколько не подвинулось. Въ Англіи, гдѣ именно впервые обратились къ этому страхованію, въ 1876 г. было всего два учрежденія, занимавшіяся этою операціей. Въ Германіи въ 7 большихъ обществахъ взаимнаго страхованія въ 1869 г. было застраховано всего на 8 милл. тал., тогда какъ въ одной Пруссіи считается почти 2 милл. лошадей, 4 милл. крупнаго скота, 19 милл. овецъ, 4 милл. свиней, около $1^1/_2$ милл. козъ, 8 тыс. ословъ. Во всей Австріи только 2 маленькихъ общества взаимнаго страхованія въ Форарльбергѣ, въ которыхъ застраховано 26,39% мѣстнаго скота. Въ 60-хъ годахъ возникли двѣ акціонерныя компаніи въ Австріи, Аписъ и Оріонъ, не имѣвшія успѣха; сельскіе хозяева и скотопромышленники въ Пештѣ хлопотали объ устройствѣ акціонерной компаніи, но дѣло не пошло. Австрійское министерство земледѣлія разослало въ 1880 г. циркуляръ во всѣ общества сельскаго хозяйства о введеніи страхованія; но общества даже не отозвались. Акціонерныя компаніи несли убытки, общества взаимнаго страхованія оказались несостоятельными,—въ этомъ состоитъ весь результатъ опытовъ почти цѣлаго столѣтія. Предпріятіе такъ мало привлекательно, что въ Германіи только въ 1863 г. возникла первая акціонерная компанія.

А, между тѣмъ, этотъ видъ страхованія несомнѣнно полезенъ. Страхованіе помогаетъ улучшенію скотоводства; хозяева часто не держатъ хорошаго скота изъ боязни большихъ потерь, если онъ не застрахованъ. Оно помогаетъ предупредить появленіе заразы; австрійскія общества нѣсколько разъ предупреждали венгерское правительство объ угрожающей опасности отъ возможнаго появленія чумы; они замѣчали это по ежемѣсячнымъ балансамъ своихъ счетовъ.

Затрудненіе состоитъ не въ величинѣ опасности. Опасность сама по себѣ не велика,—она не больше опасности отъ моря, наприм.; въ послѣднія 8 лѣтъ, по австрійской статистикѣ, погибло скота отъ чумы 1 %, хотя сумма убытка довольно значительна; во Франціи, напримѣръ, по оффиціальной статистикѣ, годовая потеря страны на скотѣ считается, между 1871—76 гг., въ 32 милл. фран. Но опасность эта очень измѣнчива и зависитъ отъ многихъ причинъ, весьма различныхъ, вслѣдствіе чего до сихъ поръ не удалось высчитать премію. Къ этому присоединяется недостатокъ статистики. Въ одной и той же странѣ опасность для рогатаго скота и для лошадей не одинакова, въ одной странѣ законы ветеринарной полиціи одни, въ другой—другіе, въ одной провинціи они исполняются такъ, въ другой—иначе; огражденіе границъ отъ вторженія заразительныхъ болѣзней весьма различно въ разныхъ странахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ затрудняется собираніе данныхъ; статистикою од-

ной страны нельзя пользоваться для страхованія въ другой и данныя статистики одной и той же страны становятся въ короткое время негодными.

Къ этимъ объективнымъ затрудненіямъ присоединяются злоупотребленія. Заболѣвшій скотъ убивается и продается, какъ мясо. Этимъ способомъ ограждаетъ себя отъ потери скотовладѣлецъ безъ всякаго страхованія. Пока незастрахованный скотовладѣлецъ можетъ сейчасъ же отправить на бойню заболѣвшій скотъ, всякая попытка страхованія остается безуспѣшною.

Въ Пруссіи и Швейцаріи введено принудительное страхованіе скота. Но неизвѣстно, каково положеніе кассъ. Въ Германіи много маленькихъ крестьянскихъ обществъ—Kuhgilden, но статистики ихъ нѣтъ.

Судьба страхованія отъ градобитія очень похожа на судьбу страхованія скота: такая же безуспѣшность работы.

Начало страхованія отъ градобитія относится ко второму десятилѣтію этого вѣка въ Германіи. Достовѣрные факты состоятъ въ слѣдующемъ. Въ 1876 г. въ Англіи были только 3 компаніи, занимавшіяся этою операціей. Гораздо богаче новыми попытками Германія. Въ 1880 г. здѣсь было 6 акціонерныхъ компаній и 25 обществъ взаимнаго страхованія. Въ 1877 г. въ Германіи было 6 акціонерныхъ компаній и 15 обществъ взаимнаго страхованія. У первыхъ было застраховано на 658 тыс. мар. и онѣ уплатили убытковъ 5 тыс. мар.; въ обществахъ взаимнаго страхованія застраховано было на 680 тыс. и они уплатили 5 тыс. убытковъ. Нѣмецкія компаніи рѣдко работали съ барышомъ.

Въ Австріи первое общество этого рода возникло въ 1824 г.—въ Вѣнѣ, но скоро ликвидировалось. Въ тридцатыхъ годахъ учреждено въ Миланѣ общество взаимнаго страхованія. Въ пятидесятыхъ годахъ взялись за дѣло компаніи страхованія отъ огня, но потерпѣли убытокъ.

Въ южныхъ провинціяхъ, какъ слишкомъ опасныхъ, страхованія градобитія почти не существуетъ; только нѣкоторыя компаніи и только въ томъ случаѣ, если у нихъ страхуютъ отъ огня, принимаютъ на себя рискъ отъ градобитій. Законы градобитій до сихъ поръ не извѣстны. Нѣкоторыя мѣсности много лѣтъ не подвергались этой опасности и потомъ въ одинъ годъ терпѣли отъ нея нѣсколько разъ. Статистика градобитій въ Австріи напечатана въ первый разъ въ 1878 г. центральнымъ статистическимъ бюро. Убытокъ отъ града въ южныхъ провинціяхъ въ теченіе 5 лѣтъ, отъ 1871—1876 г., составилъ 40.297,000 гульд.; изъ него вознаграждено, по застрахованію, 4,95%, т.-е. 1.942,000 гульд., въ 2,762 случаяхъ. Убытокъ въ другихъ провинціяхъ, за тотъ же періодъ, равнялся 17 милл. гульд. и изъ него уплачено вознагражденія 1.237,000 гульд. Какимъ колебаніямъ подвержены издержки въ этомъ предпріятіи, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: въ Нижней Австріи компаніи заплатили въ 1872 г. 7½ тыс. гульд., въ 1873—21 тыс., въ

1874—20 тыс., въ 1875—31½ тыс., въ 1876 г.—2 тыс., въ 1877—12 тыс., въ 1878—1 тыс.

Страхуютъ только крупныя экономіи и то не всегда.

Недавно нижне-австрійскій ландтагъ поручилъ коммиссіи изслѣдовать положеніе дѣла. Коммиссія обратилась къ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, къ странствующимъ учителямъ и къ окружному начальству (Bezirkshauptmannschaft). Изъ этихъ послѣднихъ 5 признали полезнымъ земское страхованіе, 5—считаютъ его только желательнымъ и 2 обѣщаютъ мало успѣха.

Въ обществѣ взаимнаго страхованія отъ огня въ Грацѣ недавно было сдѣлано предложеніе о введеніи операціи страхованія отъ градобитій, но оно забаллотировано. Сельско-хозяйственное общество въ Линцѣ постановило устроить страхованіе отъ градобитій; но постановленіе до сихъ поръ не исполнено. Наконецъ, баварское правительство обратилось въ 1882 г. къ сельско-хозяйственнымъ обществамъ съ вопросомъ о введеніи принудительнаго страхованія и получило отрицательный отвѣтъ.

Въ Италіи ни одна компанія не страхуетъ рисковъ этого рода.

Г—ръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Прогулка въ Алжиръ и Тунисъ.

I.

Выѣздъ изъ Парижа.—Клермонъ и долина Аллье.—Разговоръ съ сосѣдомъ.—Марсель и тамошнія церкви.—Трансъ-атлантическая компанія.—Компанейскіе пароходы и плаваніе по Средиземному морю.—Коралловыя ловли въ немъ и движеніе итальянцевъ за море, во французскія африканскія владѣнія.—Итальянцы и нѣмцы.—Раненые французы.

Жизнь въ большихъ городахъ, такъ называемыхъ умственныхъ и политическихъ центрахъ, сверхъ многихъ неудобствъ гигіеническихъ, умственныхъ, полицейскихъ и свѣтскихъ, иными еще оспариваемыхъ, имѣетъ ту, уже безспорную, невыгоду, что живой человѣкъ, если не желаетъ прокиснуть или стать очень одностороннимъ, непремѣнно долженъ бываетъ по временамъ выѣзжать изъ нихъ на вольный воздухъ, ins Grüne. Начинается весна, и городскія толкотня и духота становятся просто невыносимыми; васъ тянетъ въ даль, на просторъ, на свободу, точно будто не было доказано, что человѣкъ—царь природы, совсѣмъ отъ нея независимый и себѣ одному довлѣющій, а не какая-нибудь козявка, которая забивается на зиму въ щель и выползаетъ съ лучами апрѣльскаго солнца на воздухъ. Я помню, въ Петербургѣ меня тянуло въ степи, въ Сибирь, на Кавказъ, и первый клочокъ зелени, увидѣнный съ парохода гдѣ-нибудь подъ Симбирскомъ, на берегу Волги, заставлялъ ликовать. Изъ Парижа, какъ настоящаго средоточія европейской жизни, имѣющаго, притомъ, много любопытныхъ и живописныхъ окрестностей, конечно, не въ такой степени тянетъ въ даль, какъ изъ болотистаго «окна въ Европу»; однако, и тутъ нельзя утерпѣть, чтобы не убѣжать на время куда-нибудь въ Швейцарію или Норвегію, на Ферерскіе острова или въ Сенегамбію. Люди мрачные, мизантропы, изыскивающіе всѣ средства терзать себя и другихъ, переселяются обыкновенно въ Трувиль, Виши или Карлсбадъ, сплошь заселенные такими же нелюдимами съ больною печенью и изможденными нервами; но мнѣ эти «водяныя скопища» давно опротивѣли, и я свои лѣтнія прогулки направляю куда-нибудь «въ мѣста бо-

лѣе отдаленныя». Если нельзя, какъ бывало прежде, ѣхать въ Америку или Малую Азію, въ Японію или въ Тянь-шань, такъ отправлюсь въ Алжиръ и Тунисъ. Мѣста, конечно, избитыя со временъ пуническихъ войнъ и царя Массинисы, мѣста, еще недавно заселенныя пиратами, а нынѣ алжирцами, которые не далеко ушли отъ нашихъ ташкентцевъ; но, было-не было, ѣду. Круговой билетъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, отъ Парижа до Алжира, Туниса, Мальты и Неаполя, а оттуда домой, въ первомъ классѣ, съ хорошимъ продовольствіемъ при морскихъ переѣздахъ, стоитъ всего 515 франковъ, т.-е. 129 рублей,—правда, металлическихъ, но, вѣдь, вольно же моимъ соотечественникамъ добиться того, что ихъ рубль стоитъ два съ небольшимъ франка? Я — человѣкъ древній и помню времена, когда курсъ бывалъ 401—402 сантима (1848 года), а потому игнорирую новѣйшее финансовое усовершенствованіе и вѣрю, что 4 франка—не больше рубля.

Нѣтъ никакой возможности человѣку, не сопровождаемому жандармами, ѣхать въ Марсель черезъ Ліонъ, по битому, этапному тракту, гдѣ, сверхъ бочекъ бургундскаго вина и ссыльныхъ французовъ, отправляемыхъ въ Новую Каледонію, ѣздятъ одни англичане, когда бѣгутъ изъ родной old merry England за Альпы. Направляюсь, поэтому, чрезъ Овернь и Севенскія горы.

— Покажите мнѣ, пожалуйста, мѣсто, гдѣ папа Урбанъ II успѣлъ на цѣлыя двѣсти лѣтъ свести европейцевъ съ ума, направивъ толпы ихъ съ цвѣтущихъ береговъ Луары и Сены въ пустынную Сирію,—говорю я своему спутнику, коренному клермонтцу.

— Да мы не знаемъ хорошенько, гдѣ это было. Современный Клермонъ хотя и зараженъ еще ультрамонтантствомъ, но въ крестовыхъ походахъ не находитъ большой занимательности.

— Помилуйте, какъ же это? Въ кои вѣки разъ вашъ городъ попалъ на страницы исторіи, и вы не имѣете прочнаго памятника такого знаменательнаго событія?

— За то мы имѣемъ кое-что лучшее; вотъ у насъ статуя Паскаля, Дазе; вотъ по сосѣдству, на Пюи-де-Домъ, одна изъ самыхъ высоколежащихъ метеорологическихъ обсерваторій въ Европѣ; вотъ внизу факультетскія зданія, ботаническій садъ, какихъ немного во Франціи, музеи естественно-историческій и художественный, для любителей археологіи даже цѣлый готическій соборъ, достаточно мрачный и запыленный. А хотите спуститься еще далѣе въ глубь вѣковъ,—у насъ рядомъ есть памятники повеличавѣе: Пюи-де-Домъ, Парью, Роньонъ, и т. д. Въ одномъ мѣстѣ найдете средневѣковое рыцарское гнѣздо на вершинѣ скалы, въ другомъ— остатки галльской крѣпости, которую осаждалъ, да не взялъ, самъ Цезарь, въ третьемъ—потоки лавы, которые застыли задолго до начала всякой исторіи.

Собесѣдникъ мой—*homo novus* и скептикъ; я отпускаю ему непочтительные его отзывы, и мы ѣдемъ далѣе.

— Замѣчаете вы,—говоритъ онъ мнѣ,—что долина Аллье есть одна изъ самыхъ глухихъ мѣстностей Франціи, и что не будь Виши, о ней такъ называемый свѣтъ давно бы забылъ? А, между тѣмъ, вѣдь, отсюда вышла династія Бурбоновъ, такъ долго царствовавшая надъ Франціей, да и теперь нѣкоторые изъ членовъ этой семейки владѣютъ здѣсь большими имѣніями. Упадокъ провинціальной жизни дошелъ до того, что владѣлецъ одного изъ самыхъ роскошныхъ здѣшнихъ замковъ, герцогъ Монпансье, хочетъ его продать и не находитъ покупателей. Было время, когда богатѣйшіе биржевые тузы, особливо израильскіе бароны, на-расхватъ покупали старинныя рыцарскія усадьбы, чтобы надъ ними водрузить свой новорожденный флагъ и подъ сѣнью его и древнихъ гербовъ начать родниться съ кровною аристократіей; теперь этого нѣтъ. Вотъ если вы запутались въ дѣлахъ и за безцѣнокъ продаете каменноугольныя копи или желѣзодѣлательный заводъ, жидъ-покупатель тутъ-какъ-тутъ, налицо; а за парки и замки онъ не дастъ и гроша.

— Что-жь?—замѣчаю я.—Это очень естественно. Каждый желаетъ вложить капиталъ въ дѣло производительное; а что же такое средневѣковый замокъ, хотя бы съ галлереей портретовъ и закоптѣлыхъ картинъ? Кому это нужно, кромѣ прямыхъ наслѣдниковъ прежнихъ владѣльцевъ и, пожалуй, любителей археологической дребедени?

— А исторія, а славныя преданія?—возражаетъ мой непослѣдовательный *homo novus*.

— Да, вѣдь, вы ихъ не знаете и съ 1793 года не хотите знать. Сами ваши герцоги и графы давно, вѣдь, промѣняли свои родословныя и гербы, даже замки и парки, на акціи, основывая банки, наполняющіе міръ бѣдняками, или играютъ на биржѣ, какъ пресловутый Мюратъ.

— Правда, общество наше замѣтно обмѣщанивается, но знаете, вѣдь, въ этомъ залогъ нашего будущаго величія.

Въ такой безпутной, по отношенію логики, бесѣдѣ проходятъ добрые полтора часа, и я убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, что если аристократическія преданія и вкусы еще хранятся иногда во французскомъ обществѣ, то едва ли не исключительно на-показъ, изъ спѣси, а не по внутреннимъ симпатіямъ. Послѣднимъ вполнѣ удовлетворяетъ нравственный кодексъ биржи. И когда я, шутя, замѣчаю, что французы напрасно расходуются на содержаніе двухъ отдѣленій биржеваго храма, то мой безсистемный собесѣдникъ тоже находитъ, что, «конечно, закрытіе этихъ двухъ *succursale'й* биржи было бы экономіей».

— Пойдемте,—говорилъ мнѣ мой оверньятъ по пріѣздѣ въ Марсель,—посмотрѣть здѣшній соборъ, который строится вотъ уже тридцать лѣтъ и все не можетъ достроиться. Прежде, когда Евгенія Монтихо была всемогуща, деньги текли обильною струей въ кассу мѣстнаго епископа и ра-

бота кипѣла; теперь, *слава Богу* (это буквально), не то. Патеры сидятъ впроголодь, и соборъ не только не подвигается, а понемногу начинаетъ портиться, требовать исправленій, починокъ. Посмотрите: подмостки уже сгнили, привратникъ недаромъ предупреждалъ, чтобы не взбираться на нихъ, даже не стоять прямо подъ ними.

Послѣднее замѣчаніе было вѣрно, и его повторилъ намъ патеръ, тутъ же ходившій по собору и заносившій какія-то отмѣтки въ карманную книжку.

— Представьте, господа,—говорилъ этотъ служитель будущаго алтаря,—мы доведены до того, что надъ окончаніемъ этого священнаго зданія нынѣ трудятся всего 28 человѣкъ, считая тутъ архитектора и меня, грѣшнаго представителя церковной власти. Двадцать восемь человѣкъ! Тутъ, вѣдь, и живописцы, и штукатуры, и скульпторы, и столяры, и даже простые плотники: это подобно жалости! И въ какомъ городѣ? — богатѣйшемъ во Франціи послѣ Парижа!

— Однако, mon père,—замѣтилъ я,—вѣдь, дали же марсельцы средства поставить золоченую статую на вершину колокольни у Notre Dame de la Garde, — стало быть, не совсѣмъ же они скупы на церковныя нужды...

— Не говорите этого, — отвѣчалъ мнѣ патеръ, — золоченая статуя Богородицы, стоящая на самомъ высокомъ пунктѣ Марсели, есть отчасти дѣло грѣховныхъ разсчетовъ. Это просто дневной маякъ для коммерческихъ кораблей, сооруженный съ цѣлью внушать мореходцамъ уваженіе къ богатствамъ нашего города. Въ христіанскомъ и художественномъ смыслѣ это, какъ вы сами, конечно, замѣтили, самое неудачное произведеніе.

Трансъ-атлантическая компанія, на пароходѣ которой мнѣ предстояло переѣхать изъ Марсели въ Алжиръ, есть одно изъ тѣхъ дѣтищъ бонапартовскаго режима, которыя, вмѣстѣ съ Messagéries Maritimes, шестью желѣзно-дорожными обществами, парижскими омнибусами, подвижнымъ кредитомъ и другими подобными предпріятіями, предназначены надолго обирать Францію. Въ дѣлѣ эксплуатаціи, предоставленной ей и вспомоществуемой казной монополіи почтоваго, т.-е. срочнаго, пароходства она хорошо хранитъ завѣты своихъ основателей, братьевъ Перейра: быть привѣтливой съ высшими, власть и вліяніе имущими, и налегать на низшихъ. Поэтому, если пассажиру перваго класса на ея пароходахъ недурно, то съ прочими, особенно вдали отъ Марсели, она церемонится мало: займетъ, наприм., всю переднею палубу пустыми бочками и легкими, но громоздкими тюками, и сгонитъ всѣхъ пассажировъ, особливо арабовъ, въ душныя каюты. Впрочемъ, я долженъ признаться, что и тутъ наглости ея есть предѣлъ, далеко превзойденный, наприм., русскимъ обществомъ пароходства и торговли. На одномъ изъ пароходовъ послѣдняго мнѣ пришлось, наприм., ѣхать въ первомъ классѣ отъ бе-

реговъ Софіи до Константинополя: это было мученье. При отсутствіи балласта въ трюмѣ, пароходъ сильно качало даже на тихой водѣ. На палубѣ всѣхъ классовъ капитанъ расположилъ *сидя* огромную толпу богомольцевъ, возвращавшихся изъ Іерусалима домой, — сидя потому, что дать каждому 3 аршина длины и 1 ширины не позволяло мѣсто. Пилигримы эти немедленно наградили насъ такимъ множествомъ насѣкомыхъ, что ѣхавшая вмѣстѣ съ нами жена одного московскаго банкира, крупнаго акціонера компаніи, впадала въ изступленіе и обѣщалась наговорить въ Одессѣ кому слѣдовало такихъ вещей, которыя могутъ быть позволены только крупнымъ акціонерамъ и дамамъ. Въ кушаньяхъ находимы были тѣ же насѣкомыя... У французовъ этого нѣтъ,—впрочемъ, по одной ли волѣ компаній, не умѣю сказать. Присутствіе въ трюмѣ указнаго числа балласта ужь, конечно, обусловливается не этою волей, а строгимъ надзоромъ капитановъ надъ портами, которые передъ выходомъ парохода въ море посѣщаютъ его трюмъ и свидѣтельствуютъ, что балластъ не замѣненъ какими-нибудь легковѣсными товарами, назначенными къ скорой выгрузкѣ. Что̀, если бы у насъ завелось нѣчто подобное, хоть въ Одессѣ и Астрахани? Сколько уменьшилось бы страданія путешественниковъ!

Средиземное море въ апрѣлѣ и маѣ очаровательно. Темнолазурныя воды его образуютъ одну необозримую гладь. Пароходъ скользитъ по ней безъ малѣйшей качки и сотрясеній, а возбуждаемыя его движеніемъ легкія волны днемъ сверкаютъ на солнцѣ какъ массы сапфира, а ночью свѣтятся кроткимъ голубовато-фіолетовымъ свѣтомъ. Куда же идти въ сравненіе съ ними струямъ нашихъ Каспія или Балтики!... Впрочемъ, все наверстывается, какъ училъ еще Азаисъ. Если въ названныхъ русскихъ моряхъ вода имѣетъ грязно-желто-зеленый цвѣтъ, такъ за то въ ней водятся сиги, лососи, осетры и стерляди, которыхъ мало или вовсе нѣтъ въ Средиземномъ морѣ; а желудочныя потребности, что ни говори, все же серьезнѣе эстетическихъ. Такъ, хвала каспійскому рыболовству и осетровой икрѣ; однако, не забудемъ и средиземныхъ кораллов и губокъ, которые тоже кое-что значутъ. На ловлю ихъ ежегодно отправляются къ берегамъ Алжиріи и Туниса множество итальянцевъ изъ Генуи, Неаполя и Ливорно, и, пользуясь главнѣйше людскою глупостью, которая дорого цѣнитъ красноватыя известковыя жилища актиній, зашибаютъ порядочную копѣйку. Удивляться надо, что эта ловля не прекратилась доселѣ, потому что коралловидныя массы можно производить искусственно съ очень большимъ совершенствомъ, и онѣ дѣйствительно фабрикуются въ Неаполѣ, Женевѣ, Парижѣ. Я думаю, что секретъ успѣха поддѣлывателей обусловливается больше всего ихъ наглостью, неуступчивостью въ цѣнахъ. Поступай они такъ, какъ сингалезцы въ Цейлонѣ, которые запрашиваютъ за мѣдный, золоченный, перстень съ рубиномъ или

сапфиромъ десять фунтовъ стерлинговъ, чтобъ отдать его, не безъ барыша же, за два шиллинга, никто бы въ Европѣ не покупалъ коралловъ.

Итальянцы стремятся въ Алжирію и Тунисъ, впрочемъ, не ради одной коралловой ловли и доставляемыхъ ею барышей. Гораздо чаще имъ приходится спасаться туда отъ голода, человѣколюбиво водворяемаго на ихъ родинѣ потомками папъ, папскихъ племянниковъ, кардинальскихъ сестрицъ, маркизовъ и дуковъ. Система фермерскаго хозяйства, господствующая нынѣ въ бо̀льшей части Италіи, создала такую массу пролетаріевъ, что они толпами бѣгутъ за море, и не только въ Алжиръ и Тунисъ, но въ Буэносъ-Айресъ и Монтевидео. Самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ этой эмиграціи были представлены въ 1861 г. венеціанскому географическому конгрессу; но ихъ обнародованіе въ 1883 г. едва ли измѣнило къ лучшему судьбу людей, долженствующихъ оставлять родину, чтобы не умирать отъ голода: сердца дуковъ и папскихъ племянниковъ не трогаются отъ статистическихъ цифръ. На французской территоріи въ сѣверной Африкѣ теперь итальянцевъ мѣстами больше, чѣмъ французовъ, и рабочіе почти сплошь итальянцы. Особенно это можно сказать про Тунисъ, отчего въ Италіи такъ и негодовали на присоединеніе этого регентства къ Франціи. Нѣтъ почти парохода изъ Генуи, Ливорно, Неаполя, который бы не подвозилъ нѣсколькихъ итальянцевъ-переселенцевъ или работниковъ. Спеціальность итальянцевъ—строительство, особливо ремесла каменщиковъ и плотниковъ, и можно безъ преувеличенія сказать, что ими обстроена бо̀льшая часть прибрежныхъ городовъ Средиземнаго моря въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ. Со времени устройства желѣзныхъ дорогъ они начали проникать даже въ глубь обѣихъ частей свѣта,—на сѣверѣ, напрям., до Парижа и Вѣны. И вездѣ архитекторы и подрядчики предпочитаютъ ихъ всѣмъ другимъ каменщикамъ и плотникамъ, потому что работаютъ они прочно и вмѣстѣ изящно. Альпійскіе туннели, особенно сенъ-готардскій, сполна прорыты итальянскими руками, такъ что ради наплыва ломбардцевъ, пьемонтцевъ и тосканцевъ долина нѣмецкой Рейсы, между Альтдорфомъ и Гошененомъ, была обстроена итальянскими *alberg*'ами (харчевнями), къ немалому неудовольствію тедесковъ, считавшихъ, что они—настоящіе хозяева страны и до̀роги и что, слѣдовательно, харчевнямъ надлежало именоваться *Bier-Haus*'ами.

Вражда итальянцевъ къ нѣмцамъ извѣстна каждому. Примѣры ея изъ недавнихъ временъ (1848 — 66 годовъ) разсказываются, какъ анекдоты, въ салонахъ и даже аудиторіяхъ. Не думая безъ надобности увеличивать ихъ числа, разскажу одинъ, происшедшій на моихъ глазахъ въ декабрѣ 1883 г. и очень отличительный для опредѣленія характера той ненависти, которую возбуждаютъ къ себѣ тедески по южную сторону Альпъ. 16 декабря, въ 8 часовъ утра, долженъ былъ прибыть въ Геную, возвращавшійся изъ Испаніи, наслѣдный германскій принцъ, которому императоръ не позволилъ ѣхать по желѣзнымъ доро-

гамъ чрезъ Францію. Было извѣстно, что принцъ изъ Генуи повернетъ на Римъ, для отдачи визита королю итальянскому, а потому можно было ожидать большихъ приготовленій для встрѣчи гостя на первомъ шагѣ итальянской земли; иные непрочь были предсказывать даже народное торжество въ Генуѣ, но ошиблись. На улицѣ Бальби, по которой долженъ былъ въѣзжать принцъ въ городъ, были, правда, повѣшены муниципалитетомъ, поперегъ пути, германскіе и итальянскіе флаги, но и они кончились сейчасъ же за королевскимъ дворцомъ, гдѣ принцъ останавливался; въ окнахъ же частныхъ домовъ этой улицы, а также во всѣхъ остальныхъ домахъ цѣлой Генуи не было *ни одного* флага, *ни одного* щита, вензеля или другой подобной эмблемы радости. Въ портѣ и на площади у памятника Коломба начальство распорядилось выстроить шпалерами два батальона и батарею; но народа не было вовсе, несмотря на воскресный день. А такъ какъ принцъ опоздалъ и, вмѣсто 8 часовъ, прибылъ въ полдень, то проявленія непріязни къ тедескамъ еще болѣе усилились. Тѣ зрители и прохожіе, которые появлялись у Коломбова памятника, громко говорили артиллеристамъ: «Идите домой! Съ какой стати вамъ зябнуть для нѣмца, который такъ пренебрегаетъ вами?» Наконецъ, принцъ прибылъ и въ полной парадной формѣ проѣхался до дворца мимо войскъ, молчаливо дѣлавшихъ на караулъ, и посреди зданій, въ которыхъ двери и окна были повсюду заперты. Народа на улицахъ не было вовсе, и потому замѣтить холодность пріема было не трудно; но вскорѣ по прибытіи во дворецъ принцу пришлось узнать нѣчто болѣе непріятное. Въ два часа пополудни началось по цѣлому городу движеніе къ сторонѣ памятника Мадзини. Тамъ, въ сосѣднемъ театрѣ, давался дѣтскій праздникъ, и собиравшіяся, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, дѣти рядами проходили мимо статуи республиканскаго агитатора. Кое-кто изъ свиты принца пробрались въ собравшуюся толпу; но, воротясь во дворецъ, вѣроятно сообщили, что германскимъ гостямъ на праздникѣ нечего было дѣлать, а потому принцъ и не явился туда, хотя цѣль спектакля была благотворительная, именно усиленіе средствъ пріютовъ. Какъ только это обнаружилось, генуэзцы усилили признаки своей непріязни къ тедескамъ и въ частности къ королевскому гостю. Скрытыя дотолѣ огромныя красныя афиши немедленно появились по всему городу, даже около королевскаго дворца, возвѣщая публикѣ, что вечеромъ въ тотъ же день всѣ шесть генуэзскихъ театровъ даютъ представленія въ пользу капитала на памятникъ Гарибальди. Это совсѣмъ сконфузило нѣмцевъ. Не ложась вовсе отдыхать, принцъ въ полночь оставилъ Геную и отправился въ Римъ. На этотъ разъ около станціи желѣзной дороги, т.-е. на той же площади Коломба, собралась небольшая кучка народа, которая безъ шума, но съ усмѣшкой, провожала гостей замѣчаніями вродѣ того, что, «вѣроятно, тедески больше уже не явятся къ нимъ». Я ожидалъ, что на-завтра газеты разскажутъ весь этотъ эпизодъ; но даже самыя красныя воздержа-

лись. Онѣ только помѣстили, въ отдѣлѣ мелкихъ извѣстій, свѣдѣніе о проѣздѣ германскаго принца черезъ ихъ городъ съ прибавленіемъ, что ни одинъ изъ кораблей прибывшей съ нимъ эскадры не можетъ идти въ ровень съ итальянскимъ *Duilio*; иныя и совсѣмъ промолчали о событіи, какъ будто его вовсе не было. Замѣчу, что случаю этому особенно радовались французы: я имѣлъ возможность въ этомъ убѣдиться на одномъ ученомъ банкетѣ въ Парижѣ, гдѣ, черезъ два дня послѣ самаго происшествія, разсказывалъ о немъ, какъ очевидецъ.

На пароходѣ, который перевозилъ насъ изъ Марсели въ Алжиръ, было по нѣскольку человѣкъ итальянцевъ и нѣмцевъ, особенно изъ такихъ классовъ общества, которые не скрываютъ своихъ симпатій и антипатій; однако, все обошлось благополучно, и никакихъ споровъ и перебранки не было. Публикѣ, притомъ, было совсѣмъ не до нихъ. Передъ самымъ отходомъ изъ порта на пароходъ была доставлена «большая партія попорченнаго пушечнаго мяса», какъ выразился мой радикальный оверньятъ, и она обратила на себя исключительное вниманіе всѣхъ. Это были раненые солдаты, вернувшіеся изъ Тонкина и, по премудрому распоряженію французской морской администраціи, сначала высаженные въ Марсели, а потомъ уже отправлявшіеся къ своимъ прежнимъ полкамъ, въ Алжирію. Всѣ интересовались ихъ впечатлѣніями, всѣ хотѣли узнать, что такое была ихъ война и что̀ за страна, въ которой и изъ-за которой они проливали кровь. Но всѣ почти остались не при чемъ. Солдаты, en braves gens, толковали лишь о томъ, какъ они «охотились» за аннамитами и китайцами, какъ вязли въ болотахъ, какъ ихъ подстрѣливали непріятели, часто невидимые, какъ, набираемые силой, туземные носильщики продовольствія иногда разбѣгались, оставляя войска безъ хлѣба; но за что дрались они и получали раны, какова завоеванная страна, каковъ народъ, ее населяющій, стоитъ ли французамъ поселяться въ Тонкинѣ,—на всѣ эти вопросы храбрые воины не умѣли отвѣчать ничего. «Жарко и сыро тамъ, и лихорадки насъ доходили хуже непріятеля»,—вотъ все, что можно было добиться отъ нихъ опредѣлительнаго.

— Чѣмъ вы питались въ походѣ?

— А тѣмъ же, чѣмъ и въ Алжирѣ, только вмѣсто хлѣба часто давали рисъ, да кофе по временамъ замѣняли чаемъ; вина же вовсе не было: его давали только больнымъ.

— Ну, а трудно было бороться съ черными флагами и съ китайцами?

— Конечно, не даромъ же доставались побѣды; однако, гдѣ-жь имъ было держаться противъ насъ? Ни артиллеріи порядочной у нихъ не было, ни даже умѣнья обращаться съ ружьями; а, главное, начальники ихъ—трусы, первыми бѣгали отъ нашихъ пуль.

— Отчего вы предпочли вернуться для окончанія службы въ Алжиріи, а не остались въ Тонкинѣ до конца войны или хоть вашего служебнаго срока?

— Приказъ такой вышелъ отъ министра, чтобы раненыхъ вернуть къ прежнимъ полкамъ.

— А безъ этого многіе пожелали бы остаться въ Тонкинѣ?

— О, нѣтъ! Кому охота умирать отъ лихорадокъ въ дрянныхъ шалашахъ?

— Ну, а многіе получили награды, отличія?

— Кое-кто получилъ почетнаго легіона или военную медаль, иные— похвальный отзывъ въ приказѣ по полку; очень немногіе унтеръ-офицеры произведены въ подпоручики.

— Такъ что вообще не стоило вызываться на службу въ Тонкинъ?

— Конечно, не стоило; да, вѣдь, скучно и дома, въ казармахъ, особенно по маленькимъ городамъ и стѣпнымъ укрѣпленіямъ въ Алжирѣ; а тутъ въ жилахъ течетъ не вода, а кровь, и въ головѣ однѣ глупыя надежды смѣняются другими.

— Простите нескромность: если бы теперь васъ еще разъ вызвали на подобную службу въ Тонкинъ или Мадагаскаръ, поѣхали ли бы вы опять?

— Помилуйте, съ какой стати?... Теперь нужно поскорѣе дослуживать срокъ да спѣшить къ себѣ въ Ардешскій департаментъ. Офицеры сказывали, что раненымъ будутъ, предпочтительно передъ другими, раздавать табачныя лавочки...

Бѣдный военный министръ! — подумалъ я, слыша этотъ отвѣтъ. — Онъ полагалъ въ каждомъ полку создать «ядро ветерановъ-героевъ», посылая на время часть солдатъ для войны въ Тонкинъ, а они вотъ каковы: думаютъ не о вдохновленіи товарищамъ боевой отваги, а о табачныхъ лавочкахъ, то-есть о доходѣ въ нѣсколько сотъ франковъ въ годъ... Впрочемъ, оно совершенно естественно. Только я сомнѣваюсь, чтобы всѣмъ израненнымъ мечтателямъ удалось добиться табачныхъ лавочекъ.

II.

Алжирское генералъ-губернаторство и споры о немъ.—Вопросъ о колонизаціи.—Французскіе колонисты и туземцы.—Кабилія.—Городъ Алжиръ и его удобства.—Успѣхи европейской промышленности въ Алжиріи.

При самомъ выходѣ изъ Марсели мы узнали, что въ тотъ же день и часъ изъ Алжира выѣзжаетъ во Францію мѣстный генералъ-губернаторъ и что, слѣдовательно, на половинѣ дороги намъ предстоитъ встрѣча съ этимъ сановникомъ. Возникли толки объ алжирскомъ генералъ-губернаторствѣ, и значительная часть пароходныхъ политиковъ склонялась къ тому, что мѣсто это уже не нужно, по безполезности, и что не будь у всѣхъ французскихъ правительствъ, безъ исключенія, страсти размножать бюрократію, особенно же создавать синекуры, такъ алжирское про-

консульство вовсе не существовало бы нынѣ. Трехъ префектовъ, назначенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и прямо сносящихся съ нимъ, было бы совершенно достаточно. Конечно, прежде, когда страна завоевывалась и вся власть надъ ней принадлежала генераламъ, командовавшимъ войсками, одинъ высшій представитель правительства былъ необходимъ; но теперь на что онъ? Вопросами внѣшней политики, какъ вице-король Индіи, онъ не занимается; войско и флотъ отъ него не зависятъ, кромѣ случаевъ возмущенія арабовъ; важныхъ экономическихъ и общественныхъ вопросовъ, при разсмотрѣніи которыхъ нужно бы было присутствіе въ Алжирѣ единой центральной власти, нѣтъ. Правда, нужно колонизировать страну; но какъ же доказать, что дѣло колонизаціи пойдетъ лучше подъ руководствомъ одного наѣзжаго чиновника, чѣмъ вовсе безъ казенной регламентаціи? Соединенные Штаты не имѣютъ генералъ-губернаторовъ въ мало-населенныхъ территоріяхъ, а колонизируются отлично; въ Алжиріи же, какъ показалъ многолѣтній опытъ, генералъ-губернаторы часто являлись и являются стѣснителями переселенцевъ, которыхъ направляютъ, напримѣръ, не туда, куда бы тѣ желали, а куда кажется нужнымъ начальству. Живое доказательство послѣдняго представляетъ водвореніе эльзасцевъ въ Кабиліи при адмиралѣ Гейдонѣ и его преемникахъ. Адмиралъ былъ хорошій администраторъ, зналъ управляемую имъ страну, но, за всѣмъ тѣмъ, надѣлалъ не мало ошибокъ именно въ дѣлѣ распредѣленія колонистовъ по краю. Кабилію ему показалось нужнымъ колонизировать для того, чтобы въ ней не повторялись бунты вродѣ бывшаго въ 1871 году; но что же вышло? Переселенцы изъ Эльзаса, уроженцы страны съ свѣжимъ климатомъ, вовсе не могутъ работать сами на отведенныхъ имъ земляхъ, потому что они не привыкли къ африканской жарѣ. Они, притомъ, часто болѣютъ лихорадками, дѣти же ихъ вымираютъ, не достигнувъ зрѣлаго возраста. Въ четырнадцать лѣтъ, съ 1871 года, число эльзасскихъ выходцевъ въ Кабиліи не только не увеличилось, но уменьшилось болѣе чѣмъ на 20 процентовъ. Притомъ, для обработки полей имъ приходится нанимать тѣхъ же кабиловъ, у которыхъ подъ ихъ поселенія была отнята земля. Послѣдствія понятны сами собою: доведенные до нищенства, туземцы работаютъ на пришельцевъ нехотя, каждый годъ возвышая заработную плату; когда же жатва поспѣваетъ и нужно бываетъ ее свозить, тогда снопы нерѣдко исчезаютъ съ полей, да не только снопы, а и скотъ, назначенный для ихъ перевозки. Воровство вообще, а конокрадство въ частности стали систематическимъ промысломъ у кабиловъ, и отыскивать воровъ бываетъ почти невозможно. При этомъ никакія генералъ-губернаторскія строгости уже не въ состояніи искоренить зла, возникшаго отъ генералъ-губернаторской ошибки. Рознь между туземнымъ населеніемъ и пришельцами въ послѣднее время едва ли не сильнѣе, чѣмъ была до 1871 года. Иные надѣются, что устройство черезъ Кабилію (которую по характеру мѣст-

ности и населенія можно уподобить нашему Дагестапу) желѣзной дороги изъ Алжира въ Константину «смягчитъ суровые нравы туземцевъ», говоря слогомъ оффиціальныхъ писателей, но, во-первыхъ, это еще сомнительно, а, во-вторыхъ, если бы желѣзная дорога и успокоила край, такъ, вѣдь, это не было бы доказательствомъ пользы генералъ-губернаторскаго управленія. Ея сооруженія могли потребовать отъ правительства и простые генералы, по стратегическимъ причинамъ, или частные промышленники, для торговыхъ нуждъ.

Сторонники проконсульскаго управленія говорятъ, что безъ него въ Алжиріи три тамошніе префекта не могли бы никогда согласиться относительно общихъ нуждъ страны,—каждый тянулъ бы на свою сторону, и Оранъ, напримѣръ, былъ бы въ вѣчномъ противорѣчіи съ Константиною, вѣчно требовалъ бы издержекъ въ ущербъ Константины (или обратно). Генералъ-губернаторъ тѣмъ и хорошъ, что онъ есть безпристрастная, стоящая выше префектовъ, власть, которая регулируетъ департаментскія домогательства, взвѣшиваетъ ихъ важность и отклоняетъ излишнія. Кромѣ того, онъ наблюдаетъ вообще за ходомъ правительственной машины въ Алжиріи, чего министрамъ изъ Парижа дѣлать пока невозможно. Замѣнить же правительственную опеку широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ пока невозможно. Эта послѣдняя оговорка, можно сказать, выдаетъ весь секретъ алжирскаго генералъ-губернаторства. Вотъ уже пятьдесятъ пять лѣтъ французы владѣютъ Алжиріей, а туземцы, составляющіе огромное большинство, почти вовсе не участвуютъ въ управленіи и общемъ хозяйствѣ края. Они даже не «французскіе граждане», а «покоренный народъ», ибо не имѣютъ политическихъ правъ, не участвуютъ въ выборѣ депутатовъ въ палату *). Имъ, правда, не мѣшаютъ получать образованіе, иногда очень хорошее, — быть, наприм., врачами, юристами и т. п., были изъ нихъ и генералы (Юсуфъ и др.); но въ администраціи имъ достаются лишь мѣста незавидныя, безъ вліянія, напримѣръ, переводчиковъ при арабскихъ бюро, гдѣ власть принадлежитъ офицерамъ и французскимъ подъячимъ низшаго сорта. При этомъ недовѣріи къ туземцамъ, понятно, что нужно держать въ Африкѣ проконсула, который бы, съ одной стороны, подавлялъ недовольства туземцевъ разными мѣрами, а съ другой—хоть отчасти—защищалъ покорныхъ туземныхъ овецъ отъ хищничества волковъ, т.-е. заморскихъ пришельцевъ. Но такъ какъ этотъ проконсулъ непремѣнно французъ же, то въ результатѣ получается нѣчто нелѣпое: по теоріи, онъ—защитникъ слабыхъ, а на дѣлѣ—онъ вѣчно на сторонѣ сильныхъ, какъ соотечественниковъ.

Хорошій городъ Алжиръ, гораздо лучше своего политическаго кузена,

---

*) На 3.310,000 душъ населенія въ Алжиріи есть всего 50,000 политическихъ избирателей, французскихъ гражданъ. Изъ туземцевъ и иностранцевъ 55,000 могутъ участвовать въ выборахъ муниципальныхъ, но не политическихъ; остальная масса, 3.200,000 душъ, безгласна.

Тифлиса, хотя въ европейскомъ смыслѣ и моложе его на тридцать лѣтъ. И что особенно утѣшительно, съ точки зрѣнія европейской, въ частности французской, цивилизаціи, это — успѣхъ его офранцуженія. До 1830 года онъ былъ столицей разбойничьяго мусульманскаго владѣнія, гдѣ европейцевъ морили въ плѣну и гдѣ даже дипломатическихъ агентовъ били по щекамъ; теперь сыновья и внуки африканскихъ варваровъ не только въ послушаніи у европейцевъ, но стараются имъ подражать во многомъ; а о томъ, чтобъ избѣжать ихъ вліянія, и не думаютъ. Занявъ Алжиръ, французы, очевидно, поняли, что не слѣдуетъ имъ допускать тамъ чьего-либо господства, кромѣ своего собственнаго, и вотъ въ 55 лѣтъ возникъ блестящій французскій городъ, тогда какъ мы изъ Тифлиса, грузинскаго по происхожденію, сдѣлали скорѣе армянскій, чѣмъ русскій городъ. Набережная Алжира, съ ея великолѣпными домами, террасой, магазинами, прислоненными къ ней, портомъ, желѣзною дорогой и пр., рѣшительно способна возбудить зависть, напримѣръ, у одесситовъ, не говоря уже про севастопольцевъ или бакинцевъ. Въ гигіеническомъ отношеніи Алжиръ гораздо выше, напримѣръ, стариннаго приморскаго города Палермо, куда, однако, наши доктора сбываютъ нерѣдко чахоточныхъ, вѣроятно, не зная, что столица Сициліи есть вонючая яма, обставленная только очень красивыми горами. Я жилъ въ Алжирѣ именно на набережной, около небольшаго, но прекраснаго пальмоваго сквера, въ гостиницѣ «Oasis», которая сдѣлала бы честь любой европейской столицѣ и въ которой все недорого,—конечно, потому, что въ Алжирѣ она далеко не одна, а должна выдерживать конкурренцію многихъ другихъ. Зимой во всѣхъ этихъ гостиницахъ много народу, главнымъ образомъ, слабогрудыхъ французовъ; и если они тутъ не находятъ того непрерывнаго и утомительно-скучнаго свѣтскаго разгула, какъ въ Ниццѣ, то ужъ, конечно, пользуются лучшими условіями для возстановленія испорченнаго здоровья. Врачей въ Алжирѣ не мало; есть даже мусульмане—для мусульманъ, имѣющіе дипломы изъ Парижа или Ліона. Прогулокъ по окрестностямъ города можно дѣлать сколько угодно, весьма живописныхъ и очень недорогихъ. Омнибусовъ и конокъ въ Алжирѣ едва ли не больше, чѣмъ въ Ниццѣ, и цѣна имъ самая дешевая. Рестораны и кофейныя не уступаютъ марсельскимъ, лучшимъ во Франціи. Но что самое главное, самое характеристическое для франко-африканскаго города, это—изданіе въ немъ шестнадцати журналовъ, изъ которыхъ иные, какъ *Akbar* и *Vigie*, не уступаютъ лучшимъ столичнымъ по интересу содержанія и даровитости изложенія. Живя въ Алжирѣ и не получая европейскихъ газетъ, можно не отставать отъ современности, а мѣстные вопросы изучить въ совершенствѣ, ибо они обсуждаются смѣло и всесторонне въ ежедневныхъ листкахъ. Политическіе представители Алжиріи, т.-е. ея депутаты въ палатѣ, я думаю, даже нигдѣ въ цѣлой Франціи не оцѣниваются печатью такъ строго, какъ на страницахъ мѣстныхъ журналовъ. И при

этомъ имъ одинаково не прощаютъ ни пренебреженія мѣстными интересами, ни игнорированья общихъ нуждъ націи. При мнѣ шла рѣчь о выборѣ одного депутата, и на вакансію предлагался бывшій губернаторъ, упомянутый уже адмиралъ Гейдонъ; но печать, отдавая справедливость его заслугамъ и знакомству съ Алжиріей, заявляла, что выбирать его, какъ политическаго реакціонера, не слѣдуетъ, ибо Франціи нужны не ретрограды, а либеральные прогрессисты. Не многія заморскія владѣнія европейцевъ и въ частности французовъ такъ близко слили свои интересы съ общеотечественными.

Меня очень занималъ вопросъ о томъ, насколько французскіе переселенцы въ Алжиріи сохраняютъ патріотическую связь съ родиной, помнятъ и любятъ ее. Отвѣтъ можно бы было найти уже въ одномъ томъ обстоятельствѣ, что парижское, т.-е. самое всенивеллирующее, самое всецентрализирующее въ мірѣ, правительство не находитъ нужнымъ алжирскихъ рекрутъ отсылать на службу во Францію, а употребляетъ ихъ въ самой Алжиріи, и не нахвалится патріотизмомъ и другими доблестями мѣстныхъ войскъ. Но это отвѣтъ нѣсколько теоретическій, подлежащій перетолкованіямъ, особенно въ виду того, что офицеры въ Алжиріи всѣ изъ сенъ-сирской или сомюрской военныхъ школъ. Мнѣ поэтому хотѣлось добыть нѣсколько фактовъ безспорныхъ и мѣстныхъ. Ихъ отыскать не стоило большаго труда. Вотъ юноша лѣтъ 19, рожденный и воспитанный въ Алжиріи, изъ французскихъ переселенцевъ, возитъ меня по окрестностямъ въ своемъ фаэтонѣ.

— Скоро вы поступите на службу?—говорю я.

— Да черезъ годъ съ небольшимъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Что же, васъ, какъ уроженца Алжиріи, пошлютъ во Францію?

— Нѣтъ; а либо въ Константину, либо въ Орань, только бы не въ свой департаментъ.

— Хорошо; но, вѣдь, ничто не мѣшало бы вамъ попроситься на родину вашего отца, гдѣ, вѣроятно, у васъ есть родственники.

— Ахъ, это было бы очень хорошо; да какъ же сдѣлать? Отецъ уже думалъ отправить меня въ Марсель кучеромъ въ омнибускую компанію, чтобы во время набора я былъ во Франціи и поступилъ въ тамошніе полки; да денегъ это стоитъ большихъ, а мы не богаты.

— Такъ вы очень любите Францію, хотя и никогда не видали ее?

— Еще бы!—отвѣчалъ онъ, гордо сверкая глазами, и я думаю, что ни одинъ древній римлянинъ не произносилъ съ бо́льшимъ патріотическимъ увлеченіемъ своего *civis romanus sum*, чѣмъ этотъ французскій «хлопецъ», рожденный на африканской почвѣ, своего «еще бы!»

Потомъ мнѣ не разъ приходилось говорить съ дѣтьми французскихъ переселенцевъ въ Алжиріи, и результатъ былъ постоянно одинъ и тотъ же. Я невольно порадовался за Францію.

Другая утѣшительная сторона французской колонизаціи Алжиріи со-

стоитъ въ экономическомъ преуспѣяніи этой страны подъ французскимъ господствомъ и даже прямо благодаря французскимъ капиталамъ и предпріимчивости. Не однѣ французскія деревни и фермы имѣютъ видъ довольства въ Алжиріи, но и французскія фабрики, лавки, дороги, школы и пр. Алжирскій лицей, какъ зданіе, приспособленное для обученія молодежи, лучше многихъ парижскихъ. Въ десяти верстахъ отъ Алжира, въ небольшомъ городкѣ Maison-carrée, у раздѣленія желѣзной дороги на двѣ вѣтви, тунисскую и оранскую, быстро возникли и разцвѣли нѣсколько фабрикъ, работающихъ паромъ и получающимъ сырье почти на мѣстахъ,—идеалъ экономическаго развитія какой угодно страны. Не угодно ли теперь посмотрѣть, къ какимъ результатамъ привело это совмѣстное преуспѣяніе земледѣлія и мануфактуръ. Въ 1831 году Алжирія отпустила за границу своихъ продуктовъ всего на 1.479,600 франковъ, въ 1881 уже на 143.584,600, а въ 1884 г. почти на 200 милліоновъ. И средства населенія, его богатства, быстро ростутъ, что опять-таки доказывается цифрами привоза изъ-за моря. Въ 1831 году этотъ привозъ достигалъ всего 6.500,000 фр., въ 1881 г. онъ уже превосходитъ 242.000,000 франк. И никто не жалуется на невыгодный торговый балансъ, никто не чувствуетъ себя бѣднѣе прежняго даже деньгами. Умно эксплуатируемыя естественныя богатства страны покрываютъ всѣ домашніе расходы и еще даютъ возможность выписывать изъ Европы предметы роскоши и накоплять капиталы. Не даромъ нашъ знаменитый соотечественникъ, П. М. Чихачевъ, на годичномъ съѣздѣ британской ассоціаціи ученыхъ въ 1882 году сказалъ имъ, что «французы сдѣлали за 50 лѣтъ въ Алжиріи, для себя и для страны, больше, чѣмъ англичане въ Индіи». А послѣдніе коечто сдѣлали: съ этимъ и у насъ не споритъ никто.

Мнѣ очень бы хотѣлось распространиться объ успѣхахъ образованія и гражданственности во французскихъ сѣверо-африканскихъ владѣніяхъ, хотя бы потому, что это могло бы послужить точкою отправленія для сравнительнаго изслѣдованія нашихъ собственныхъ успѣховъ на Кавказѣ и въ Средней Азіи; но, во-первыхъ, это заняло бы много мѣста,—слишкомъ много для летучихъ дорожныхъ замѣтокъ,—а, во-вторыхъ, отчасти это уже и сдѣлано нѣкоторыми путешественниками, отъ Макшеева и Костенко до Куропаткина, Горлова и Елисѣева. Попробую, однако, привести нѣсколько цифръ, которыя, вѣдь, для нашего поколѣнія не кажутся уже такъ скучными, какъ для нашихъ отцовъ, можетъ быть, потому, что послѣднимъ приходилось употреблять ихъ почти исключительно при карточныхъ разсчетахъ и при уплатѣ долговъ опекунскому совѣту. Вотъ, во-первыхъ, статистическія данныя о народномъ образованіи. Высшее образованіе дается въ четырехъ школахъ: правовѣдѣнія, медицины, естественныхъ наукъ и литературной. Первая имѣетъ восемь каѳедръ и при самомъ, весьма недавнемъ, возникновеніи своемъ имѣла уже нѣсколько десятковъ учениковъ. Вторая, при одиннадцати каѳедрахъ,

имѣла въ 1880 г. 143 студента. Въ третьей, въ томъ же году, было семь профессоровъ и кончило курсъ 43 молодыхъ людей; къ ней принадлежитъ хорошая астрономическая обсерваторія. Наконецъ, словесный факультетъ, при одиннадцати профессорахъ, далъ уже 105 молодыхъ людей съ хорошимъ литературнымъ образованіемъ. У насъ въ Тифлисѣ и Ташкентѣ ничего подобнаго не было и нѣтъ, почему неудивительно, что университеты не только въ Одессѣ и Харьковѣ, но въ Женевѣ, Вѣнѣ, Парижѣ имѣютъ много студентовъ-армянъ, грузинъ и татаръ. Для второразряднаго образованія есть въ Алжиріи 2 лицея, съ 3,400 учениками, въ числѣ которыхъ есть 365 евреевъ и 272 мусульманина. Дѣвочки не лишены его, какъ недавно еще было въ самой Франціи: въ Оранѣ, Константинѣ и Филипвилѣ существуютъ зачатки женскихъ гимназій. Первоначальное образованіе дѣтей европейцевъ совершается въ 650 школахъ общественныхъ и 130 вольныхъ, а, между тѣмъ, все европейское населеніе Алжиріи не превосходитъ 430,000 душъ, считая тутъ людей недавно лишь водворившихся въ странѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Наконецъ, для туземцевъ есть рядъ училищъ совершенно національныхъ и мусульманскихъ, въ числѣ которыхъ находятся три высшія, въ Алжирѣ, Константинѣ и Тлемсенѣ, да двѣ гимназіи франко-арабскія. Іезуиты основали для туземцевъ Кабиліи школы въ Джема-Сахриджѣ и Тауриртѣ; другіе миссіонеры—въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ. Кардиналъ Лавижери сильно печется о разведеніи европейскихъ школъ для туземцевъ, особенно для сиротъ; онъ изъ нихъ дѣлаетъ то переводчиковъ, то лѣкарей, то проповѣдниковъ, носящихъ туземную одежду и потому легко проводящихъ въ народѣ французское вліяніе. Въ этомъ смыслѣ одинъ англичанинъ, хозяинъ фермы и давній обитатель сѣверной Африки, говорилъ мнѣ, что «для утвержденія французскаго господства въ Алжиріи (и Тунисѣ) кардиналъ одинъ, своею личностью, стоитъ корпуса войскъ».

Утомительны цифры, а потому я приведу еще лишь очень немногія изъ нихъ. Алжирія имѣетъ въ настоящую минуту до 2,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Это, конечно, немного для страны величиною съ Францію; но Сибирь, въ 25 разъ бо́льшая Алжиріи, не имѣетъ еще ни одной версты, владѣемъ же мы ею не 55 лѣтъ, а цѣлыя 307. Притомъ, въ степныхъ частяхъ страны, т.-е. на 3/4 ея протяженія, желѣзныя дороги пока и не нужны; плодоносный же Тель прорѣзанъ ими во всю длину, а мѣстами и въ ширину. Дороги эти исправны, но, должно признаться, непомѣрно до́роги. Извѣстная французская желѣзно-дорожная акула, компанія *Paris-Lyon-Méditerranée*, развернула въ Алжиріи свою пасть такъ широко, что ѣзда по ея линіямъ, мѣстами, обходится вдвое и даже втрое дороже, чѣмъ въ самой Франціи, гдѣ, однако же, желѣзно-дорожные переѣзды тоже очень недешевы. Алжирская печать вопіетъ противъ этого злоупотребленія капиталомъ, и для убѣжденія компаніи въ пользѣ уменьшенія тарифовъ приводитъ многочисленные примѣры перевозки большихъ

тяжестей на лошадяхъ, по обыкновеннымъ путямъ, параллельнымъ съ рельсовыми. Это, какъ видите, то же самое, что бываетъ иногда у насъ между Одессой и Балтой или Харьковомъ и Ростовомъ: возы идутъ рядомъ съ локомотивомъ и иногда даже обгоняютъ его.

III.

Желѣзныя и другія дороги въ Алжиріи.—Порты.—Пароходство.—Контрабанда и вѣроятный ея результатъ.—Англичане, нѣмцы и евреи въ Алжиріи.

Поѣздки внутрь Алжиріи отъ береговъ Средиземнаго моря очень легки, благодаря прекрасной системѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя построены французами на всемъ протяженіи страны, отъ границъ Марокко до Туниса, причемъ пять поперечныхъ линій, идущихъ съ сѣвера на югъ, связаны одною продольной, отъ Орана до Ла-Гулетты, порта Туниса. Перерывъ на этой послѣдней существуетъ лишь въ одномъ мѣстѣ, между Манервилемъ и Арфиджемъ, т.-е. въ предѣлахъ Кабиліи, страны очень гористой. Но и этотъ промежутокъ скоро будетъ пополненъ, ибо постройка дороги неутомимо продолжается, несмотря на большія техническія трудности. Когда она будетъ окончена, тогда вся алжиро-тунисская желѣзно-дорожная сѣть будетъ имѣть длины болѣе 2,000 верстъ; теперь же паровые поѣзды ежедневно ходятъ на протяженіи 1,900 в., въ иныхъ мѣстахъ по три и по четыре въ день. Для страны, которая, при площади, превосходящей Францію, имѣетъ населеніе, уступающее населенію одного Лондона, это уже движеніе очень немаловажное, такъ что желѣзныя дороги въ Алжиріи приносятъ своимъ акціонерамъ, французамъ, до 18.000,000 франковъ дохода. У меня нѣтъ подъ рукой цифръ, относящихся до нашей кавказской сѣти, включая тутъ и ростово-владикавказскую линію; но кажется, что въ обоихъ случаяхъ строители не ошиблись въ разсчетѣ, затрачивая значительные капиталы на рельсовые пути тамъ, гдѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ простыя экипажныя дороги были рѣдкостью. Нужно еще замѣтить, что въ Алжиріи желѣзно-дорожная сѣть пополняется и питается обширною сѣтью шоссе, какихъ не знаетъ ни одна другая часть обширнаго материка африканскаго. Въ этомъ отношеніи французы далеко оставили за собою даже римлянъ, этихъ образцовыхъ строителей хорошихъ путей сообщенія. По бо̀льшей части этихъ шоссейныхъ дорогъ ходятъ срочные дилижансы и теперь во всѣ сколько-нибудь значительные пункты внутренности страны, до самыхъ предѣловъ Сахары, не трудно проѣхать совершенно такъ же, какъ по любой странѣ Западной Европы, и даже съ бо̀льшими удобствами, чѣмъ, наприм., по Испаніи и нѣкоторымъ частямъ Балканскаго полуострова, не говоря уже о бо̀льшей части Россіи. Такъ какъ скотоводство въ среднихъ частяхъ страны, удаленныхъ отъ моря на 100—300 верстъ, очень обширно, то въ лошадяхъ и мулахъ, для перевозки тяжестей по шоссей-

нымъ дорогамъ, недостатка нѣтъ и перевозка эта стôитъ не дорого. Я упомянулъ уже, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе жадности желѣзно-дорожныхъ компаній, шоссе конкуррируютъ съ рельсами, и это, конечно, очень радуетъ арабовъ, владѣльцевъ перевозочнаго скота. Только верблюды совсѣмъ почти исчезли изъ береговой полосы, и если тамъ еще мѣстами существуетъ вьючная перевозка, то она совершается на ослахъ и мулахъ. Верблюдъ въ современной Нумидіи и Мавританіи сталъ дѣйствительнымъ «кораблемъ пустыни», одной пустыни.

Французы смотрятъ на Алжирію не такъ, какъ мы на Кавказъ, Туркестанъ, Сибирь, то-есть какъ на страну, составляющую органическую часть самой Франціи. Она для нихъ все еще колонія, заморское владѣніе, которое «нужно эксплуатировать», какъ европейцы вообще эксплуатировали свои владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта до начала XIX столѣтія, а отчасти продолжаютъ и нынѣ. Въ этомъ смыслѣ сѣверная Африка, хотя и составляющая уже нераздѣльное политическое цѣлое съ коренною Франціей, все же, прежде всего, есть страна для добыванія дешеваго сырья и для возможно дорогой продажи ей французскихъ фабричныхъ произведеній. Купцы, занимающіеся этимъ обмѣномъ, этою «эксплуатаціей», разумѣется, суть самые вліятельные люди во всемъ, что̀ касается экономическихъ судебъ Алжиріи и Туниса. Отсюда—стремленіе правительства удовлетворить самой насущной ихъ потребности: имѣть въ сѣверной Африкѣ хорошіе порты. По несчастію, природа не дала въ этомъ отношеніи ничего даромъ, а все пришлось создавать искусственно, съ большими издержками. И французы не остановились передъ этимъ. Въ короткое время они создали отличныя гавани въ Оранѣ, Алжирѣ, Филипвилѣ, Бонѣ и проч. Порты алжирскій и филипвильскій особенно замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ желѣзно-дорожныя станціи находятся у самаго берега, такъ что перегрузка товаровъ хотя и требуетъ еще подвоза ихъ съ кораблей на лодкахъ, но за то совершается безостановочно, благодаря закрытости самихъ портовъ; въ Бонѣ же самые большіе средиземноморскіе пароходы пристаютъ прямо къ берегу, и тамъ мѣстная перевозка—уже сухопутная, обусловленная тѣмъ, что желѣзно-дорожная станція не у самаго моря. Въ древнемъ Карѳагенѣ, т.-е. у теперешней Гулетты, корабли еще вынуждены бросать якорь довольно далеко отъ берега, но за то желѣзная дорога очень близка отъ берега, да идетъ уже рѣчь объ углубленіи Тунисскаго озера, съ уменьшеніемъ его размѣровъ, что̀ доставитъ кораблямъ превосходнѣйшую, совершенно закрытую гавань, а мѣстному населенію — нѣсколько тысячъ десятинъ самой лучшей земли. Предпріимчивость французскихъ инженеровъ не останавливается ни передъ чѣмъ: были бы капиталы. А они есть.

Торговая дѣятельность въ нѣкоторыхъ портахъ, особливо въ Алжирѣ, Оранѣ и Бонѣ, очень значительна и поддерживается правильными пароходными рейсами изъ Марсели и Порта-Вандра, причемъ совершающіе эти

рейсы французскіе пароходы, по дорогѣ въ Африку или изъ нея, заходятъ еще въ нѣкоторые порты Испаніи и Италіи. Французская трансъатлантическая компанія играетъ особенно важную роль въ поддержаніи этихъ срочныхъ сообщеній Франціи съ Африкой. Она изъ одной Марсели отправляетъ еженедѣльно въ Алжиръ пять пароходовъ, которые обыкновенно пересѣкаютъ Средиземное море въ 29—30 часовъ. Но, кромѣ ея, есть нѣсколько другихъ пароходныхъ обществъ, уже не субсидированныхъ правительствомъ, которыя перевозятъ французскіе товары въ Алжирію и Тунисъ и обратно; назову, наприм., Transports maritimes à vapeur, Compagnie de navigation mixte, Marie Moreau, Caillol et Saintpierre, гаврское пароходное общество, итальянскую компанію Флоріо и Руббатинэ, наконецъ, Messagéries maritimes. Если есть столько соперниковъ по перевозкѣ людей и тяжестей между Франціей и сѣверною Африкой, то ясно, что работы по этой перевозкѣ не мало. И до того нѣкоторыя отрасли ея важны, что для нихъ существуютъ спеціально приспособленныя паровыя суда. Компанія Кальоля и Сентпьера, наприм., занимается почти исключительно перевозкой изъ Алжиріи во Францію скота, преимущественно барановъ, но также лошадей и коровъ. Итальянцы особенно дѣятельно посѣщаютъ Тунисъ, Ла-Каль, Сусу и проч. по дорогѣ въ Триполи. Не трудно бываетъ встрѣтить во французскихъ портахъ сѣверной Африки и суда испанскія, греческія, египетскія, даже американскія и др.; но англичане посѣщаютъ ихъ рѣдко, и самые ихъ пакетботы проходятъ изъ Гибралтара въ Мальту, не касаясь Алжиріи, хотя все почти время плаваютъ въ виду ея береговъ и могли бы, напримѣръ, имѣть пассажировъ изъ Алжира въ Египетъ, Сирію и на крайній востокъ. Такова ужь судьба двухъ сосѣднихъ націй, соединенныхъ «сердечнымъ согласіемъ» и раздѣленныхъ Ламаншемъ: гдѣ одна господствуетъ, туда другая, по возможности, не показываетъ и носа.

Англичане, впрочемъ, встрѣчаются въ Алжиріи и особенно въ Тунисѣ, какъ купцы и даже землевладѣльцы. Только это по большей части англо-мальтійцы, а не кровные бритты. Послѣдніе предпочитаютъ посѣщать Алжирію лишь наѣздами, отчасти какъ туристы, отчасти какъ организаторы контрабанды, которая очень дѣятельна, особенно на марокской границѣ, къ западу отъ Орана. Гибралтаръ, разумѣется, служитъ центромъ этого благороднаго промысла, и французы ничего противъ него сдѣлать не могутъ. Такъ какъ, однако же, ближайшими агентами англичанъ являются мароканцы, которыхъ французская пограничная стража иногда излавливаетъ, то вся эта таможенная война можетъ привести въ одинъ прекрасный день къ войнѣ настоящей, то-есть ко вторженію французовъ въ Марокко и поступленію съ мѣстнымъ султаномъ такъ же, какъ четыре года тому назадъ было поступлено съ тунисскимъ беемъ. Это, по современнымъ политическимъ понятіямъ, не будетъ покореніемъ страны, а только установленіемъ надъ ней, по прямому ея согласію, мир-

наго «протектората». За крумирами, которые подадутъ поводы къ французской экспедиціи, дѣло не станетъ: ихъ найдутъ немедленно, какъ только явится возможность обдѣлать дѣло безъ опасенія европейскаго вмѣшательства. Въ 1878 г. они отыскались тотчасъ послѣ того, какъ Ваддингтонъ вернулся изъ Берлина съ «чистыми руками»; для похода въ Марокко не нужно даже получать благословенія съ береговъ Шпре, а достаточно будетъ запутать въ какую-нибудь непріятную аферу Англію и пригрозить Испаніи, или же приласкать ее. Ордега, недавній министръ Франціи въ Марокко, отлично понималъ это и, соотвѣтственно этому, дѣйствовалъ, но, кажется, слишкомъ ужь торопился.

Англичане-мальтійцы, какъ я сказалъ, особенно многочисленны въ Тунисѣ; но ихъ много и въ сосѣдней съ послѣднею провинціи Константинѣ. Своимъ поведеніемъ они не даютъ французскимъ властямъ повода изгонять ихъ изъ страны, а потому держатся въ ней, даже умножаются. Не то съ нѣмцами. Послѣдніе проникли было въ Алжирію, какъ ремесленники, отчасти какъ земледѣльцы, но послѣ 1871 года должны были, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, оставить страну, гдѣ ихъ начали притѣснять. Алжирская администрація надѣялась, что эльзасцы съ успѣхомъ замѣнятъ ихъ, но отчасти ошиблись. Эльзасцы, какъ я уже сказалъ, не только не благоденствуютъ въ странѣ, но мѣстами даже вымираютъ. Въ провинціи Оранѣ нынѣшнимъ лѣтомъ тщетно ищутъ европейскихъ работниковъ на поля, которыя именно предполагалось обрабатывать руками эльзасцевъ, и начальство должно было дать отпускъ многимъ сотнямъ рабочихъ военнаго вѣдомства, чтобы помочь фермерамъ.

IV.

Константина и тунисская желѣзная дорога. — Тунисъ и Карѳагенъ. — Сфаксъ и Габесъ. — Виды Лессепса на пріобрѣтеніе послѣдняго пункта. — Вопросъ о внутреннемъ морѣ.

Всякаго иностранца, пріѣзжающаго въ Алжирію, чтобъ ознакомиться со страною въ общихъ, главныхъ ея чертахъ, обыкновенно, послѣ осмотра города Алжира и ближайшихъ его окрестностей, направляютъ въ Лагуатъ, лежащій на сѣверной окраинѣ Сахары, верстахъ въ трехстахъ отъ Алжира, прямо на югъ. Такая поѣздка сразу знакомитъ и съ Телемъ, т.-е. цвѣтущею, нерѣдко лѣсистою частью страны, и со степною природой высокаго плоскогорья, на которомъ разбросаны озера, и, наконецъ, съ началомъ настоящей африканской пустыни и однимъ изъ рѣдкихъ оазисовъ, среди ея находящихся. Эта дорога до того заѣзжена, описана такъ многими, даже русскими путешественниками, что мнѣ не хотѣлось терять времени на поѣздку по ней.

— Ну, такъ поѣзжайте въ Константину и потомъ въ Бискру,—говорили мнѣ алжирцы.—Вы увидите самую живописную и во многихъ отно-

шеніяхъ самую любопытную часть страны. Увидите ее не только поперегъ, въ профиль, описанною въ каждомъ учебникѣ географіи, но и вдоль.

— Ѣду.

Но такъ какъ желѣзная дорога изъ Алжира въ Константину еще не окончена, то направляюсь сначала моремъ, черезъ Делисъ, Бужи и Колло въ Филипвиль. Вотъ городки и города, которыхъ цвѣтущее состояніе ясно свидѣтельствуетъ о пользѣ европейскаго господства въ сѣверной Африкѣ. Филипвиль въ особенности хорошъ и по обстройкѣ, и по прекрасному порту, созданному въ немъ французами. Окрестности его живописны, и вся дорога отъ него до Константины напоминаетъ, что вы здѣсь находитесь въ краю, справедливо носившемъ у римлянъ названіе мавританской житницы. Впрочемъ, бóльшая часть плодородной почвы остается пока незасѣянною и даже незаселенною. Рѣдко-рѣдко гдѣ виднѣется ферма или небольшая деревня—центръ обширнаго скотоводства и хлѣбопашества; но за то матеріальное довольство ихъ обитателей бросается въ глаза. Константина не даромъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ рынковъ Алжиріи для сырья, которое потомъ и отправляется въ Филипвиль. Она притягиваетъ къ себѣ произведенія не только сосѣднихъ мѣстностей, но и Батны, находящейся отъ нея во сто слишкомъ верстахъ къ югу и соединенной съ нею желѣзною дорогой. Въ Константинѣ, больше чѣмъ гдѣ-нибудь, легко видѣть взаимное проникновеніе элементовъ европейскаго и мавританскаго, безъ рѣзкаго преобладанія перваго, какъ въ Филипвилѣ или Алжирѣ. Промышленные интересы связали арабовъ съ французами, и Константина, этотъ алжирскій Гунибъ по мѣстоположенію, теперь скорѣе напоминаетъ мирный Тифлисъ, чѣмъ бывшую военную резиденцію Шамиля. Только объемъ ея, естественно, меньше тифлисскаго, потому что она расположена на отдѣльной скалѣ, падающей во всѣ стороны крутыми обрывами и имѣющей плоскую, слегка наклонную вершину не болѣе какъ въ одну квадратную версту. Сорока-тысячное населеніе города представляетъ самую пеструю этнографическую смѣсь, потому что здѣсь, кромѣ французовъ и мавровъ, немало итальянцевъ, мальтійцевъ и пришельцевъ изъ разныхъ частей внутренней Африки. И всѣ живутъ и движутся, главнымъ образомъ, около купли-продажи скота и хлѣба, причемъ нѣкоторыя изъ произведеній скотоводства, напримѣръ, кожи, тутъ же и обрабатываются. Я бы назвалъ Константину самымъ привлекательнымъ для туриста мѣстомъ Алжиріи, если бы не слишкомъ казенный видъ европейской ея части: госпитали, казармы, арсеналы, штабы, префектура, мэрія, казначейство и пр., собранные въ кучу, производятъ впечатлѣніе какого-то Новогеоргіевска или Бобруйска, а не дѣятельнаго торговаго центра. Только окружающая живописная мѣстность напоминаетъ, что вы не въ Бобруйскѣ.

Константина связана теперь желѣзною дорогой съ Тунисомъ. «Этого,—

говорятъ французы,—во времена римлянъ не было, и потому-то мы прочнѣе стоимъ въ Мавританіи и Нумидіи, чѣмъ сограждане Цезаря и Катона». Пожалуй, оно и такъ; но я бы подождалъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, прежде чѣмъ произносить окончательное сужденіе о прочности французскаго владычества въ сѣверной Африкѣ. Вѣдь, оно покамѣстъ, главнымъ образомъ, все же опирается на штыки и пушки, форты и крѣпости, а не на сліяніе побѣдителей съ побѣжденными. Одни патеры, мѣшающіе заключенію браковъ между католиками и масульманами, сколько препятствуютъ объединенію разноплеменнаго населенія! А муллы, а пресловутые арабскіе бюро — развѣ это не источники розни политической, религіозной и затѣмъ племенной? Пора бы европейскимъ народамъ, завоевывающимъ иноплеменныя страны, принять мѣры къ тому, чтобы религія не вмѣшивалась въ политику и не препятствовала заключенію брачныхъ узъ, самыхъ надежныхъ для выработки смѣшанныхъ расъ, чуждыхъ изувѣрства и племенныхъ предубѣжденій и предразсудковъ, а потому и легче сливающихся съ завоевателями. Объ арабскихъ бюро я не говорю: члены ихъ, майоры и капитаны, давно прославились, какъ разжигатели племенной ненависти мусульманъ-арабовъ къ французамъ. Это настоящіе алжирскіе ташкентцы временъ незабвеннаго ярымъ-падишаха,

По счастію, число арабскихъ бюро постепенно сокращается, и теперь военному управленію въ Алжиріи подлежитъ лишь полмилліона народа изъ 3.300,000 всего ея населенія. Да и эти полмилліона живутъ преимущественно въ степяхъ, сосѣднихъ съ Сахарою, т.-е. на югѣ страны, вдали отъ мѣстностей производительныхъ и промышленныхъ. Французы, даже самые миролюбивые, говорятъ, что уничтожить тамъ господство военнаго элемента нельзя, потому что страна находится на военномъ положеніи, какъ подверженная постоянной опасности вторженія туареговъ и другихъ степныхъ хищниковъ; но такъ ли это, я не берусь судить. Несомнѣнно только для меня и для всякаго, что ротные и эскадронные командиры, самые искусные въ манежѣ и на конюшнѣ, самые свѣдущіе въ воинскихъ артикулахъ, едва ли могутъ быть хорошими законовѣдами, да еще мусульманскаго права.

Какую систему управленія введутъ французы въ Тунисѣ, пока невозможно сказать; но очевидно, что они и сами замѣтили, что арабскихъ бюро изъ майоровъ и капитановъ тамъ вводить вовсе не слѣдуетъ и что даже безпокойныхъ крумировъ лучше до времени оставить подъ вѣдѣніемъ ихъ природныхъ мусульманскихъ администраторовъ, съ беемъ во главѣ. Послѣдній посаженъ на веревочку, но пасомое имъ стадо имѣетъ видъ независимости, свободы; французы являются даже заступниками за слишкомъ угнетаемыхъ подданныхъ его высокостепенства, Сиди-Али. Разумѣется, все это притворство, политика, имѣющая цѣлью, во-первыхъ, сберечь деньги на содержаніе слишкомъ большой военной силы, которая бы понадобилась, если бы дѣйствовать слишкомъ по-алжирски, и, во-вто-

рыхъ, не подавать повода къ жалобамъ иностранныхъ резидентовъ въ Тунисѣ. Въ концѣ-концовъ, нужно будетъ ввести сполна французскую администрацію не въ одни финансы, а и во всѣ отрасли управленія: вотъ тогда будетъ и видно, въ чемъ франко-тунисскій разсчетъ лучше франко-алжирскаго. Пока въ Тунисѣ больше всего замѣтно желаніе французовъ «эксплуатировать» страну въ самомъ обиходномъ значеніи этого слова, извлекая изъ народа деньги на уплату по купонамъ тунисскихъ облигацій, ставшихъ французскими; да еще даетъ себя чувствовать католическій прозелитизмъ монсиньора Лавижери; о другихъ благодѣяніяхъ французскаго господства пока не слышно, по крайней мѣрѣ, отъ безпристрастныхъ наблюдателей, какими слѣдуетъ считать иностранцевъ, живущихъ въ странѣ и жившихъ въ ней до заключенія трактата въ Бордо, вынужденнаго у покойнаго бея чуть не съ ножомъ у горла. Поживемъ—увидимъ.

Само собою разумѣется, что въ Тунисѣ первая замѣчательность не онъ самъ, даже не цитадель его, въ которой беи иногда держали по 20,000 христіанскихъ плѣнниковъ сразу, а сосѣднія развалины Карѳагена.

— Да гдѣ же онѣ?—спрашиваетъ невольно заѣзжій, прибывъ даже на самое мѣсто.

— Вы по нимъ ходите,—отвѣчаютъ вамъ,—только между камнями, изъ которыхъ были сложены зданія, и вашими подошвами есть слой земли, на которомъ разрослись травы, а иногда даже деревья.

— Гдѣ же гавани Карѳагена?... Тутъ я вижу одно открытое море и чуть замѣтные выступы берега, которые не могли доставить убѣжища кораблямъ.

— Древніе и не нуждались въ этомъ. Они приставали съ своими галерами къ берегу и, когда нужно было, даже вытаскивали ихъ на сушу.

— А Тунисское озеро,—развѣ оно не могло служить гаванью?

— Нѣтъ, оно слишкимъ мелко для этого.

— Да, теперь; но двадцать вѣковъ тому назадъ въ немъ могло и не быть столько илу и нечистотъ, какъ теперь, послѣ небрежнаго мусульманскаго владычества и выбрасыванія въ озеро всякихъ нечистотъ изъ Туниса и Ла-Гулетты.

— Исторія говоритъ противъ васъ; а, впрочемъ, можетъ быть, озеро и служило внутреннимъ портомъ, да только археологи не постановили на этотъ счетъ окончательнаго сужденія.

— Вотъ въ дорожникѣ Пьесса я нахожу...

— Ахъ, если находите, то тѣмъ лучше, только всѣ дорожники въ мірѣ, не исключая Меррэя и Бедекера, требуютъ ввода въ ихъ показанія дробныхъ коеффиціентовъ.

Французы, какъ я уже упомянулъ, хотятъ на самомъ дѣлѣ сдѣлать изъ Тунисскаго озера (Багиры) портъ, углубивъ его, а равно и соединяющій его съ моремъ проливъ, который имѣетъ всего 12 саженъ ши-

рины. Что-жь, доброе дѣло! Лишь бы тунисцевъ не заставляли при этомъ работать такъ, какъ феллаховъ въ Египтѣ, при рытьѣ Суэзскаго канала. Можно только опасаться временной невзгоды: при вычерпываніи озернаго ила, конечно, будутъ подниматься въ атмосферу тучи вредныхъ испареній, ибо озеро давно служило и служитъ клоакою для нечистотъ Туниса. Тогда, разумѣется, жизнь въ городѣ и въ Ла-Гулеттѣ станетъ на время невыносимою; но это зло, очевидно, преходящее, да и противъ него возможны гигіеническія мѣры. Затѣмъ слава Карѳагена можетъ возстановиться; только на этотъ разъ гавань его будетъ лежать на западѣ, а не на востокѣ отъ города. Дворецъ бея и другія дачи на берегу Средиземнаго моря могутъ такъ и остаться дачами, очень привлекательными на видъ. Мѣсто же древняго Карѳагена для большаго торговаго города, во всякомъ случаѣ, выгоднѣе мѣста, занимаего Тунисомъ.

Для человѣка, не погрузившагося исключительно въ политику и торговлю, самая замѣчательная вещь въ современномъ Тунисѣ есть проектированное Рудэромъ и Лессепсомъ внутреннее море, точнѣе озеро, соединенное съ Средиземнымъ моремъ длиннымъ и глубокимъ каналомъ. Естественно, что оно заинтересовало и меня, тѣмъ болѣе, что я партизанъ не только наполненія водою алжиро-тунисскихъ солончаковъ (шоттовъ), но и расширенія и углубленія Каспійскаго моря на счетъ Чернаго и притоковъ его. Едва ли нужно напоминать, въ чемъ состоитъ Рудэровскій проектъ и на чемъ онъ основанъ. Находящіяся въ двухъ стахъ верстахъ отъ залива Габесъ соляныя озера Мельгиръ, Меруанъ, Селтемъ, Расра и др. лежатъ ниже Средиземнаго моря и занимаютъ площадь, равную нѣсколькимъ департаментамъ Франціи. Если ихъ соединить съ моремъ довольно широкимъ и глубокимъ каналомъ и достигнуть того, чтобы въ наполненномъ такимъ образомъ бассейнѣ вода пришла на одинъ уровень съ Средиземнымъ моремъ, то образуется водоемъ, въ 14 разъ превосходящій Женевское озеро и годный для судоходства. Множество нездоровыхъ мѣстностей исчезнетъ подъ водою, и окрестная пустыня можетъ стать плодородною, ибо въ сосѣдствѣ съ такою обширною водяною поверхностью влажность воздуха значительно увеличится, появятся дожди, образуются ручьи и рѣчки,—точнѣе, возстановятся тѣ, которые, видимо, когда-то существовали. Тунисъ и часть Алжиріи получатъ превосходную естественную границу съ юга и будутъ защищены отъ пагубнаго климатическаго вліянія Сахары и отъ вторженія степныхъ разбойниковъ. Вотъ сущность проекта и главныхъ доводовъ въ пользу его осуществленія. Казалось бы, трудно сказать противъ него что-нибудь дѣльное, но, разумѣется, нашлись люди, которые постарались его дискредитировать. Въ числѣ ихъ сталъ нѣкто Коссонъ, богатый рантье и любитель ботаники, когда-то трудившійся надъ изученіемъ флоры сѣверной Африки. Онъ, во-первыхъ, «вольный академикъ», а, во-вторыхъ, близкій знакомый

президента республики, Греви, для котораго устраиваетъ иногда праздники въ своемъ имѣніи: стало быть, его голоса приходится слушать. А говорилъ онъ противъ проекта не разъ: и въ газетахъ, и въ ученыхъ журналахъ, и на съѣздахъ ученой ассоціаціи, и въ засѣданіяхъ академіи наукъ. Въ послѣдней даже такъ часто, что защитникъ проекта, Лессепсъ, однажды напомнилъ ему, что «полемика становится скучною, что пора перестать говорить о предметѣ, уже исчерпанномъ, и что, конечно, если бы рѣчь шла о ботаникѣ, то онъ, Лессепсъ, безъ спора склонился бы передъ авторитетомъ своего ученаго товарища, но что въ дѣлѣ прорытія каналовъ онъ позволяетъ себѣ имѣть свое имѣніе». Оппозиція отъ этого не унялась и только перенесла свои домогательства на иную почву, наприм., стала высказываться въ такомъ смыслѣ, что предпріятіе вырыть внутреннее море есть чисто-спекулятивная афера, гдѣ дѣло идетъ только о томъ, чтобъ остричь легковѣрныхъ акціонеровъ и взять съ нихъ хорошую учредительскую премію. Рудэръ и Лессепсъ отвѣчали на эти извѣты тѣмъ, что обратились къ правительству съ просьбою назначить коммиссію изъ компетентныхъ лицъ для рѣшенія вопроса: можно ли осуществить проектъ и какія вѣроятныя послѣдствія должно предвидѣть отъ этого осуществленія? Всѣ данныя, нужныя для правильнаго сужденія о предметѣ, напримѣръ, результаты продольныхъ и поперечныхъ нивеллировокъ, сверленія почвы для узнанія состава ея, цифры температуры и влажности въ мѣстахъ, гдѣ должны совершаться работы,—все было доставлено коммиссіи, которая имѣла нѣсколько засѣданій, общихъ и частныхъ, по отдѣленіямъ. Общимъ голосомъ коммиссія рѣшила, что проектъ физически осуществимъ, что исполненіе его, конечно, можетъ принести пользу странѣ въ климатическомъ, гигіеническомъ и экономическомъ отношеніяхъ; но что, по дороговизнѣ предпріятія, правительству нѣтъ нужды ему покровительствовать. Справедливо говорилъ потомъ Лессепсъ въ одномъ публичномъ собраніи, въ Сорбоннѣ, что «въ коммиссіи, назначенной ученымъ министромъ-инженеромъ, Фрейсине, засѣдало слишкомъ много ученыхъ, т.-е. теоретиковъ, и не было практиковъ». Послѣднимъ, напримѣръ, легко было бы доказать, что каналъ и другія работы по наполненію Мельгира могутъ стоить лишь 200 милл. франковъ, вмѣсто 750-ти, къ которымъ пришла коммиссія, что испареніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ поглощать всей воды, которую каналъ будетъ приводить изъ Средиземнаго моря, и т. д. Правительство въ цѣломъ его составѣ осталось глухо къ этимъ замѣчаніямъ; но военное министерство, несмотря на смѣну министровъ, продолжало и продолжаетъ покровительствовать проекту. Едва умеръ Рудэръ, который былъ военнымъ офицеромъ-геодезистомъ и котораго министерство награждало за работы по нивеллировкѣ, какъ министръ поспѣшилъ назначить ему преемника, изъ геодезистовъ же, и, притомъ, личнаго его друга, который

нынѣ продолжаетъ работы въ прежнемъ духѣ и съ тою же добросовѣстностью. Офицеръ этотъ, собственно говоря, не несетъ военной службы, но онъ продолжаетъ получать свое содержаніе и не теряетъ линіи на производство и полученіе отличій, онъ даже считается не «сверхштатнымъ» членомъ военно-ученаго комитета, а обыкновеннымъ профессоромъ топографіи въ сенъ-сирскомъ военномъ училищѣ, только находящимся въ командировкѣ. Нравственно его поддерживаетъ цѣлый свѣтъ, матеріально—Лессепсъ и нѣкоторые его друзья... Пожелаю ему успѣха, въ возможности котораго совершенно увѣренъ.

М. Венюковъ.

Левъ Александровичъ Мей.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы, небольшою кучкой, проводили тѣло одного изъ видныхъ представителей отечественной литературы — поэта Льва Александровича Мея — изъ Дмитровскаго переулка, у Владимірской, на Митрофаніевское кладбище. Здѣсь, 16 мая, благодаря признательной памяти и живымъ побужденіямъ его близкихъ родныхъ, намъ привелось вмѣстѣ съ ними помянуть эту симпатичную личность, пожалѣть, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ, объ ея преждевременной и неожиданной кончинѣ и обратиться къ далекому прошлому, чтобы тамъ вызвать и объяснить причины нашей нынѣшней встрѣчи на дорогой и незабвенной могилѣ. Конечно, не праздная задача повѣрки числа наличныхъ поминальщиковъ, хотя бы на праздный и домашній вопросъ: «много ли осталось насъ?» — привлекла сюда всѣхъ немногихъ. Пришли немногіе,—это само собою разумѣется: четверть столѣтія — достаточное право, чтобъ охладѣть въ давнихъ, хотя бы и искреннихъ чувствахъ и, съ другой стороны, не успѣть ознакомиться молодому поколѣнію съ поэтомъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, когда со времени изданія его сочиненій (въ 3 томахъ) истекли тѣ же 25 лѣтъ. Малое же число собравшихся—по нынѣшнимъ временамъ — и совсѣмъ въ порядкѣ вещей. Не такъ давно, почти что надняхъ, въ домовой церкви удѣльнаго вѣдомства собралось очень мало для чествованія болѣе живой памяти умершаго за границей П. В. Анненкова, послѣдняго представителя эстетической критики, перваго и лучшаго издателя сочиненій Пушкина и перваго его біографа, принадлежавшаго той же литературной эпохѣ и родственнаго по симпатіямъ и убѣжденіямъ со Л. А. Меемъ. Въ изящно убранномъ и весьма помѣстительномъ и людномъ столичномъ храмѣ согласный хоръ пѣвчихъ, очень громкій и сильный голосъ придворнаго протодіакона и молитвы священника, произнесенныя задушевнымъ, трогательнымъ голосомъ, слышали всего лишь десять человѣкъ (на вторую панихиду въ обширномъ Казанскомъ соборѣ собралось еще меньше). На могилѣ Л. А.

Мея, подъ проливнымъ дождемъ, поминали его, вмѣстѣ со вдовою и свойкомъ, Л. Л. Леонидовъ, Д. В. Аверкіевъ, М. Н. Загуляевъ, В. В. Крестовскій и Н. С. Таганцевъ. Не прибѣгая къ упрекамъ и утѣшеніямъ мотивами гражданской скорби, поддаемся невольному увлеченію, побуждающему оглянуться далеко назадъ и хоть наскоро заглянуть въ прошлое нашей молодости, въ первую половину пятидесятыхъ годовъ. Тогда произошла наша встрѣча въ Петербургѣ съ этимъ, только что перебравшимся сюда, кореннымъ москвичомъ,—кореннымъ по рожденію, первоначальному воспитанію, послѣдующему умственному развитію и по душевнымъ симпатіямъ. Несмотря на то, что Мей переѣхалъ сюда съ семьей для безвыѣзднаго пребыванія, онъ, все-таки, всецѣло принадлежалъ Москвѣ, и не потому лишь одному, что въ ней онъ впервые выступилъ на литературное поприще и началъ печататься въ погодинскомъ *Москвитянинѣ*.

Петербургская журналистика, уже успѣвшая въ то время поглотить всю наличную литературу или, какъ выражались тогда, «изящную словесность», сама продовольствовалась довольно скудными средствами. Газетъ было всего три и, по замѣчательной случайности, въ полное противорѣчіе нынѣшнимъ временамъ, вмѣстѣ съ ними занимали читающую публику четыре толстыхъ (какъ называютъ теперь) журнала. Издавались *Отечественныя Записки*, значительно ослабленныя отливомъ талантливыхъ силъ, но сохранившія свое достоинство, признанное и заслуженное, аккуратно выходя въ свѣтъ къ 1-му числу каждаго мѣсяца. Блестящій, владѣвшій общими симпатіями, твердо укрѣпившійся на ногахъ въ теченіе 5—6 лѣтъ своего существованія, *Современникъ* беззастѣнчиво опаздывалъ выходомъ по недѣлямъ вслѣдствіе различныхъ непріятностей и по независящимъ обстоятельствамъ, подъ которыми всегда безошибочно предполагалась цензурная скачка съ препятствіями, а иногда безхозяйная беззаботность издателя. Съ трудомъ и съ опаздываніемъ на мѣсяцы доживалъ свой жалкій вѣкъ *Пантеонъ*, отъ котораго уже оторвался репертуаръ русскихъ театровъ, но съ явными признаками, что существованіе журнала несомнѣнно обязано честной, опытной и трудолюбивой рукѣ одного неутомимаго литератора. Побѣдительно надъ послѣднимъ и въ догонку за двумя передовыми силилась поспѣвать *Библіотека для Чтенія*. И въ самомъ дѣлѣ, неизбѣжно и добросовѣстно являлась она въ публикѣ перваго числа каждаго мѣсяца и, согласно обѣщанію годовой подписной рекламы, въ неизмѣнномъ размѣрѣ тридцати печатныхъ листовъ. Каждый изъ четырехъ работалъ подъ общимъ строжайшимъ попечительствомъ и подъ надзоромъ отдѣльныхъ руководителей. *Современнику*, наблюдаемому самымъ снисходительнымъ и уступчивымъ цензоромъ Бекетовымъ, завидовали прочіе. *Отечественныя Записки*, съ своимъ строгимъ и опытнымъ Фрейгангомъ, вели постоянную борьбу безъ перемирій. *Пантеонъ* и *Библіотека* стремились отстаивать себя искусными

переговорами, съ торгомъ и переторжками, на которыя нерѣдко командировали самихъ авторовъ. Народился особый типъ ловкихъ діалектиковъ и умныхъ и счастливыхъ адвокатовъ за себя и другихъ (имена ихъ были извѣстны и пользовались общею любовью и почетомъ). Такія же литературныя вещи, на которыя накладывался полный и безапелляціонный красный крестъ, тогда уже почти вовсе не писались. Не только что-нибудь недозволенное или смѣлое, но и просто такое, что могло быть заподозрѣннымъ, проносилось хорошо спеленаннымъ, крадучись подъ заборомъ. Даже на подобное искусство потребовались особое умѣнье и травленые люди и нашлись такіе, которые возбуждали удивленіе и служили примѣромъ. Всякій изъ четырехъ наружно казался довольнымъ своимъ менторомъ и лишь опасался, чтобы котораго-нибудь изъ четырехъ не замѣнили новымъ и, стало быть, нерѣшительнымъ, или пятымъ, старымъ и очень хорошо извѣстнымъ: онъ, какъ только поступилъ на мѣсто, тотчасъ же обзавелся каретой, выкрашенною красною краской, и ѣздилъ въ ней съ такимъ же угрожающимъ самодовольствомъ, съ какимъ подписывалъ свое анекдотически-извѣстное имя «Елагинъ» надъ литографированными школьными графлеными транспарантами, разрѣшая ихъ къ печати. Кромѣ подобной рѣзко выдающейся дѣйствительности, литературныя встрѣчи и бесѣды изобиловали частными разсказами и указаніями на ту странную и всегда неожиданную требовательность, какая предъявлялась къ совершенно невиннымъ размышленіямъ, картинамъ и сценамъ въ предъявленныхъ на просмотръ статьяхъ. Ко всему этому, взаимное журнальное соперничество разъединяло согласныя литературныя силы, хотя и поддерживало нравственное напряженіе и умственную бдительность. Послѣднія въ особенности требовались для *Библіотеки для Чтенія*, подвергавшейся наибольшимъ упрекамъ и обличеніямъ. Укоряли журналъ въ самодовольствѣ старыми успѣхами и въ неподвижномъ упрямствѣ не перемѣнять мѣста, несмотря на новыя требованія. Затѣмъ, когда журналъ началъ прислушиваться и выступилъ на путь отступленій и уступокъ, его стали обвинять въ двуличіи, хотя это было уже совершенно несправедливо. Въ первомъ случаѣ обвиненіе попадало въ цѣль, такъ какъ прямо и непосредственно относилось къ основателю и давнему редактору; во второмъ упреки грѣшили тѣмъ незнаніемъ, что въ органѣ Сенковскаго были уже два редактора: старый и новый. Старый, руководившійся своеобразными правилами, былъ безцеремоненъ со статьями сотрудниковъ, исправляя и приписывая свое и самонадѣянно перемарывая иногда до такой степени, что отъ первоначальнаго текста авторскаго не оставалось слова на словѣ. Новый редакторъ былъ прислушливъ къ добрымъ совѣтамъ, обнаруживалъ свои симпатіи къ молодымъ писателямъ и современнымъ идеямъ. Однимъ изъ его близкихъ товарищей и друзей былъ поэтъ А. Н. Майковъ, другимъ—критикъ и соредакторъ *Отечественныхъ Записокъ*, Дудышкинъ. Чужія мнѣнія онъ уважалъ, чужой литературный трудъ считалъ непри-

косновеннымъ и отвѣтственнымъ лишь для самого автора. Всѣ эти обстоятельства вызвали переворотъ и повернули судьбы органа Сенковскаго на новую дорогу и въ противную сторону.

Оффиціальнымъ редакторомъ журнала считался О. И. Сенковскій, но въ данное время начала 50-хъ годовъ онъ оставался лишь номинальнымъ; дѣйствительнымъ же и уполномоченнымъ отъ него былъ Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій, а издателемъ—книгопродавецъ В. П. Печаткинъ. Давній основатель *Библіотеки для Чтенія* (въ 1834 году для поддержанія и распространенія полезной дѣятельности книгопродавца Смирдина), двѣнадцать лѣтъ писавшій и обрабатывавшій почти сплошь своею рукой всѣ статьи журнала (за исключеніемъ, конечно, статей компетентныхъ ученыхъ или признанныхъ литераторовъ), къ 50-мъ годамъ, видимо, сталъ охладѣвать къ нему. Разстроенное усиленными трудами здоровье потребовало отъѣзда за границу, но и по возвращеніи оттуда О. И. Сенковскій не возстановилъ своихъ симпатій къ своему дѣтищу и, конечно, не измѣнилъ своихъ взглядовъ вообще на журнальную дѣятельность и задачи. Эти взгляды довольно извѣстны и засвидѣтельствованы лицомъ, непосредственно ознакомившимся съ убѣжденіями нѣкогда блистательнаго и остроумнаго барона Брамбеуса. Баронъ никогда не вѣрилъ вліянію какого-либо журнала на публику. На этотъ случай у него нашлось обычное парадоксальное уподобленіе. Онъ съ привычною твердостью и увѣренностью говорилъ, что это мнимое вліяніе «похоже на неподвижность земли и движеніе солнца, тогда какъ земля увлечена послѣднимъ неудержимо и непреоборимо, сама того не замѣчая и для самой себя совершенно невидимо». Сенковскій былъ убѣжденъ, что всякій журналъ довѣрчиво читается только тѣми, чьи мнѣнія и страсти онъ угадываетъ, и только въ той же степени, въ какой и въ самомъ дѣлѣ онъ ихъ угадываетъ. «Съ той самой минуты, какъ вздумаетъ журналъ идти съ довѣрившимися ему наперекоръ или начнетъ увѣрять ихъ въ томъ, что̀ имъ не по нутру, онъ теряетъ у нихъ милость и благоволеніе и лишается славы». По числу и разряду читателей, т.-е. любителей журнала, можно только знать число и качество людей, явно или тайно расположенныхъ къ такому-то роду мнѣній. Журналъ «просто товаръ, покупаемый по вкусу покупателей, или особый родъ аптечной приходо-расходной книги, по которой можно опредѣлить господствующіе роды болѣзней». Вліяніе принадлежитъ лишь необыкновенному таланту и производится имъ лично и независимо. Критика—похвала, брань — совершенно безсильны надъ публикой и доставляютъ ей одну только потѣху во вредъ литературѣ. Эти убѣжденія сдѣлали ученѣйшаго и образованнаго Брамбеуса равнодушнымъ къ судьбамъ той литературной борьбы, которая затѣяна была съ нимъ журналами съ новыми направленіями. Онъ оставался хладнокровнымъ и какъ бы далъ себѣ слово не отвѣчать на вызовы, хотя ближе знающіе его предполагали это равнодушіе болѣе искусственнымъ,

чѣмъ естественнымъ. Здѣсь же ищутъ причину возврата его къ любимымъ занятіямъ археологіей и философіей. Къ началу 50-хъ годовъ онъ уже разнообразилъ привычныя и любимыя изысканія химическими, оптическими и механическими занятіями. Предоставивъ журналъ непосредственному веденію А. В. Старчевскаго, самъ О. И. Сенковскій въ своемъ домѣ, въ Свѣчномъ переулкѣ, производилъ опыты надъ жидкимъ стекломъ, обливая имъ, вмѣсто обоевъ, стѣны. Занялся акустикой и придумалъ нѣсколько остроумныхъ примѣненій къ музыкальнымъ инструментамъ и къ большому, особаго устройства, оркестріону, но къ своему журналу охладѣвалъ все болѣе и болѣе. Такъ, наприм., въ 50-хъ годахъ онъ, лишь по усиленнымъ настояніямъ новаго и молодаго редактора, успѣлъ дать въ журналъ нѣсколько крупныхъ разборовъ *Путешествій по Азіи* Березина, *Обозрѣнія Оттоманской имперіи* (Серчевскаго въ 1854 г.) и библіографическихъ замѣтокъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и благопріятный отзывъ въ характеристикѣ и оцѣнкѣ трудовъ Л. А. Мея, по обыкновенію, написанный на перемѣченныхъ лоскуткахъ бумаги, съ надписками надъ строками, со вставками между строкъ и во всѣхъ направленіяхъ по полямъ, крестъ-на-крестъ, вдоль и поперегъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ хорошимъ учителемъ для наборщиковъ и безжалостнымъ мучителемъ метранпажей: доставленную ему корректуру онъ снова испещрялъ поправками, выбросками, вставками; надъ старою статьей воздвигалась совсѣмъ новая. Вліяніе Сенковскаго въ эти годы выразилось болѣе рельефнымъ образомъ въ рекомендаціи литературныхъ упражненій женщинъ, находившихся подъ особымъ его покровительствомъ. Появились повѣсти Лейлы (псевдонимъ г-жи Ахматовой), повѣсти жены Ос. Ив. (урожденной баронессы Раль) и проч. невыгодныя и неудобныя пріобрѣтенія для журнала, навлекавшія на него всякій разъ новыя справедливыя нападки критики. Будучи послѣдовательнымъ и не переставая быть противникомъ такъ называвшейся «натуральной школы», Сенковскій, тѣмъ не менѣе, не мѣшалъ уполномоченному редактору дѣйствовать въ журналѣ по собственному вкусу и на свой страхъ, по влеченію и симпатіямъ къ новому направленію, обнаружившемуся въ наибольшемъ успѣхѣ и дѣйствовавшему съ ускоренною силой въ это самое время, предшествовавшее крупнымъ государственнымъ преобразованіямъ. О. И. Сенковскій не одобрялъ, но снисходительно дозволялъ помѣщеніе очерковъ изъ народной жизни, проявляя свою требовательность лишь на перемѣны рѣзко не нравившихся ему заголовковъ (такъ, наприм., названіе одного разсказа *Пастухъ* указалъ перемѣнить въ *Встрѣчу* и посѣтовалъ на то, что дозволилъ оставить за однимъ очеркомъ названіе *Извощики*). Въ 1854 году остроумный редакторъ совсѣмъ отсталъ отъ изданія и, кажется, разгнѣвался на него. Съ большею готовностью согласился онъ потомъ послужить перомъ даже на сторонѣ. По старымъ добрымъ отношеніямъ съ Смирдинымъ-отцомъ, онъ рѣшился помочь его сыну, задумав-

шему юмористическій журналъ: написалъ бойкій проспектъ, пересыпанный блестками юмора въ обычномъ тонѣ, съ прнноровкой къ улицѣ; сдѣлалъ листку *Весельчакъ* неожиданно большую подписку; затѣмъ, какъ бы спѣвши лебединую пѣсню, вскорѣ совсѣмъ замолкъ. А. В. Старчевскій рѣшительно шелъ въ новомъ направленіи, стараясь подровняться съ тѣмъ, которое было любезно и присуще прочимъ двумъ петербургскимъ большимъ журналамъ. Эти давно уже перестали быть, по иноземнымъ образцамъ и во вкусѣ Сенковскаго, простыми сборниками случайныхъ статей или revues.

Въ это самое время, когда было начато коренное, можно сказать, преобразованіе внутренняго содержанія *Библіотеки для Чтенія*, прибылъ въ Петербургъ Л. А. Мей, присоединился прямо къ этому журнальному органу и на первыхъ порахъ даже поселился въ квартирѣ радушнаго редактора, выѣхавшаго на лѣто на дачу. Въ это время мы, уже ранѣе работавшіе въ журналѣ, и спознали лично новоприбывшаго поэта- москвича.

Прибылъ Л. А. Мей молодымъ человѣкомъ—по годамъ, изящнымъ—по наружному виду и усвоеннымъ манерамъ. Его внѣшность, какъ живая, и сейчасъ возстаетъ прежде всего въ моей памяти: до того была типична его невысокая фигура, статная, выступавшая твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ, съ открытымъ красивымъ лицомъ, съ откинутыми назадъ и на высокія плечи длинными вьющимися черными волосами *). Для щеголеватаго мундирнаго Петербурга онъ какъ разъ приходился ко двору, хотя въ этомъ наружномъ обликѣ художника или поэта, въ то время вовсе не казавшемся страннымъ, онъ не предъявлялъ особенно кричащихъ претензій. Онъ былъ совершенно искреннимъ и самимъ собою, авторомъ тѣхъ пьесъ, гдѣ въ такихъ прелестныхъ образахъ представлена имъ пластическая красота древняго міра. Лучшія изъ его стихотвореній,—и между ними «Сплю, но сердце чуткое не спитъ»,—мы всѣ уже знали наизусть. Знакомство съ авторомъ казалось въ высшей степени лестнымъ и желательнымъ и при встрѣчѣ съ нимъ его приподнятая и откинутая назадъ голова и нѣсколько театральная выступка насъ не поразила. Видѣлся поэтъ — поклонникъ античной красоты, толкователь быта классическихъ временъ и переводчикъ классическихъ поэтовъ. Наша забитая и напуганная всяческими страхами, а потому недовѣрчивая и осмотрительная молодая товарищеская семья пишущихъ всего больше боялась именно неудачи первыхъ впечатлѣній и разочарованій. Однако, мы не вдолгѣ убѣдились, что предъявленная намъ ориги-

*) Портретъ, который надняхъ выдала за Мея *Всемірная Иллюстрація,* не имѣетъ ни одной живой и хотя бы сколько-нибудь схожей черты; это—несчастная копія съ какой-то лубочной фотографіи. Покойный Мей сниматься не любилъ и подлинныхъ, схожихъ портретовъ его намъ случалось видѣть немного.

нальность костюма, прически и посадки была лишь обманчивая внѣшность, пріобрѣтенная привычкой и воспитаніемъ. Онъ былъ заботливъ и внимателенъ къ себѣ, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, что любилъ заниматься гимнастикой, выработалъ крѣпкія желѣзныя мышцы и былъ въ самомъ дѣлѣ очень силенъ. Любя иногда, при случаѣ, въ товарищескомъ кружкѣ, прихвастнуть этими преимуществами, онъ производилъ наглядные опыты съ достаточнымъ успѣхомъ: оказывался ловкимъ въ борьбѣ и удачливымъ въ подъемѣ значительныхъ тяжестей одной и обѣими руками. Однако, всѣ эти особенности обманчиво говорили въ пользу его долгой жизни: нашлись иныя, враждебныя причины, истекавшія изъ увлекающейся, чрезвычайно воспріимчивой и несомнѣнной поэтической природы его. Въ послѣдней, во всякомъ случаѣ, нельзя было не признать присутствія полнаго изящества, которое лишь по неприглядкѣ могло казаться нѣкоторою аристократичностью, излишкомъ привязанности къ высшимъ общественнымъ сферамъ, очевиднымъ стремленіемъ попасть туда, гдѣ богато до роскоши живутъ, весело до одуренія проводятъ время и ѣдятъ тонкія блюда до полнаго пресыщенія. Нашъ поэтъ такъ уже наладилъ себя и былъ послѣдователенъ въ своихъ привычкахъ и потребностяхъ: наприм., при скудныхъ средствахъ нанималъ дорогія квартиры только по той причинѣ, что онѣ были или просторны, или оригинальны, или оказывали изъ оконъ хорошіе виды. Нужда его не пронимала: въ обширной квартирѣ не хватало мебели; другая, красивая, стояла нетопленной, да за то была просторна и свѣтла, отвѣчала его изящному вкусу и извѣстнымъ привычкамъ. Пусть кричатъ птицы въ клѣткахъ и мѣшаютъ бесѣдѣ, пусть снуетъ подъ ногами шаршавая собаченка, — поэтъ любилъ природу и питалъ нѣжныя чувства ко всѣмъ ея созданіямъ. Это стремленіе ко внѣшнему блеску въ самомъ дѣлѣ инымъ казалось личною слабостью поэта, и несомнѣнно, по общественному положенію его, было недостаткомъ характера, за каковой и приводилось ему дорого расплачиваться. Во всякомъ же случаѣ подобнымъ претензіямъ напрашивалось оправданіе и объясненіе въ воспитаніи, полученномъ имъ въ привилегированномъ Александровскомъ лицеѣ; къ тому же, онъ поступилъ сюда не изъ простой всесословной или народной гимназіи, а изъ московскаго дворянскаго института (впослѣдствіи 4 гимназія, когда она помѣщалась въ самомъ изящномъ до замѣчательной художественности домѣ Пашкова, на углу Моховой и Знаменки). Въ Москвѣ Мей началъ проходить службу въ привилегированной и блестящей канцеляріи генералъ-губернатора, гдѣ отъ высшихъ чиновниковъ не требовалось особеннаго канцелярскаго труда, но было обязательнымъ знаніе въ совершенствѣ моднаго языка, внѣшняя представительность и свѣтская ловкость на роскошныхъ балахъ. Здѣсь умѣньемъ танцовать и выдающеюся внѣшностью можно было—и многимъ удавалось—пробить себѣ путь съ низшихъ должностей чиновниковъ особыхъ порученій до высшихъ ступеней длинной и широкой

бюрократической лѣстницы. Мею одновременно довелось вращаться и въ праздной средѣ богатаго московскаго барства, отживавшаго свой вѣкъ по Староконюшеннымъ, на Сивцевомъ Вражкѣ и т. под., но еще цѣплявшагося за крѣпостное право и все еще не переставшаго держаться многихъ традицій грибоѣдовскихъ временъ. Затѣмъ и въ литературной дѣятельности Мей неизмѣнно продолжалъ показывать пристрастіе къ изящной формѣ изложенія, къ красивымъ и образнымъ выраженіямъ старинныхъ лѣтописей и живаго народнаго языка,—стало быть, и на этотъ разъ былъ искреннимъ и послѣдовательнымъ.

Намъ приходится останавливаться на этотъ разъ съ нѣкоторою подробностью здѣсь именно въ силу того, что въ нашемъ поэтѣ замѣчалась видимая двойственность и какъ будто противорѣчіе въ характерѣ. По наружности—аристократъ и щеголь, какъ бы намѣренно, въ отличіе съ прочими рядившійся въ художественную тогу, въ товарищескомъ кругу—подлинный демократъ и въ иныхъ проявленіяхъ даже до нѣкоторыхъ крайностей. Намъ всѣмъ казалось тогда, что микробъ демократизма съ рожденія въ бѣдной чиновничьей семьѣ сидѣлъ уже въ немъ и только задерживался въ развитіи до сихъ поръ случайными моментами. Лишь только нашлась благопріятная почва, вотъ онъ и развился въ удобную для наблюденій и хорошую культуру. Эта почва дана была тѣмъ литературнымъ кружкомъ, который группировался около новой редакціи *Библіотеки для Чтенія*. Она естественно нуждалась въ молодыхъ силахъ и собрала ихъ: Кукольника уже вовсе перестали читать, Лейлу никто не читалъ; у публики отошла охота читать популярные пересказы сочиненій иностранныхъ ученыхъ; пожелали статей руководящихъ и направляющихъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Въ составѣ новой редакціи *Библіотеки для Чтенія*, какъ и вездѣ, оказались и начинающіе изъ студентовъ, офицеровъ и вообще почувствовавшихъ въ себѣ желаніе печатно высказаться въ томъ или другомъ направленіи, тѣми или иными заранѣе пріобрѣтенными наблюденіями. Примкнули вскорѣ и нѣкоторые уже изъ работавшихъ въ счастливыхъ, т.-е. болѣе распространенныхъ, журналахъ. Первые прибѣгли охотно, вторые—съ оглядкой, принеся на первый разъ остатки или излишки тѣхъ литературныхъ работъ, которыя не попали въ *Отечественныя Записки* и *Современникъ* по недостатку мѣста, по неполному соотвѣтствію требованіямъ этихъ двухъ журналовъ и по другимъ авторскимъ домашнимъ соображеніямъ. Издатель *Библіотеки* расплачивался аккуратно и не въ стѣснительномъ размѣрѣ гонорара, въ то время когда наиболѣе счастливый журналъ зачастую платежи задерживалъ и на требованія платы откровенно сердился и упрекалъ. Сенковскій также былъ своеобразенъ въ этомъ отношеніи. Для него еще было живо въ памяти то недалекое время, когда иные писатели за честь считали себѣ печататься безъ всякаго денежнаго вознагражденія. Когда двадцатилѣтняя редакторская и издательская практика заставила измѣнить

взгляды, онъ, все-таки, включилъ въ параграфы условій съ авторами то, чтобы начинающему не выдавать денегъ за первыя *три* статьи, въ смыслѣ взысканія за рекомендацію публикѣ или вродѣ тюремнаго «влазнаго», когда со всякаго новичка арестанты берутъ вкупную плату. Старый редакторъ *Библіотеки* считалъ занятіе литературою простымъ и свободнымъ искусствомъ, — занятіемъ, не нуждающимся ни въ какихъ матеріальныхъ поощреніяхъ. По свидѣтельству близко стоявшаго къ нему человѣка, не одинъ незнакомецъ, по незнанію этихъ убѣжденій или капризовъ барона, заговаривавшій съ нимъ о цѣнѣ своего рукописнаго произведенія, встрѣчалъ не совсѣмъ любезный пріемъ. Лишь только онъ смѣшалъ умъ съ деньгами, то былъ сухо отправляемъ въ книжную лавку или контору издателя, гдѣ литература становится товаромъ. Новый редакторъ *Библіотеки* началъ дѣйствовать въ противуположномъ направленіи, но въ согласіи съ *Отечественными Записками,* гдѣ расплачивались съ небывалою аккуратностью, и достигъ именно тѣхъ результатовъ, что въ редакцію *Библіотеки для Чтенія* стали прибѣгать и даже перебѣгать. Въ числѣ перебѣжавшихъ были люди суровой школы воспитанія, съумѣвшей сдѣлать ихъ робкими, недовѣрчивыми къ себѣ и до излишества осмотрительными, а тяжелая, принижающая нужда не позволила развиться достаточной смѣлости и рѣшительности, хотя бы только для того, чтобы позвонить у дверей богатыхъ квартиръ редакторовъ съ признаннымъ литературнымъ автѣритетомъ. Къ тому же, на рынкѣ предложеніе услугъ, все-таки, увеличивалось. *Библіотека* для этихъ свѣжихъ и новыхъ оказалась дійствительно вновь открытымъ рынкомъ для сбыта, когда на нее сталъ уже сердито ворчать, а потомъ и взлаивать, при помощи *Сѣверной Пчелы*, Ѳаддѣй Булгаринъ. До того времени онъ считалъ себя съ этимъ журналомъ въ любви, согласіи и союзѣ.

Въ это самое время переворота и прибылъ Л. А. Мей и не только пристроился къ *Библіотекѣ* и помѣстился въ квартирѣ редактора, но и отдался дѣловымъ интересамъ изданія съ тѣмъ увлеченіемъ, которое составляло отличительную и поучительную черту его характера. Тотчасъ же и оказалось, что внѣшнее высокомѣріе и видимая недоступность были обманчивы до послѣдней степени. Совсѣмъ напротивъ: проще въ сношеніяхъ и охотливѣе на послугу мало было въ литературныхъ кружкахъ людей, подобныхъ ему. Петербургскіе литераторы казались слишкомъ занятыми собой, чтобы замѣчать подъ ногами копошившихся и изнывающихъ въ нуждѣ и въ безсиліи борьбы съ нею маленькихъ начинающихъ. Исключеніе составляли по счету трое; однако, чтобы достичь до И. С. Тургенева, около котораго группировались тогда всѣ лучшія и всѣ талантливыя силы, надобилось особое счастіе понравиться его требовательнымъ вкусамъ какимъ-нибудь случайно-удавшимся разсказомъ или стихотвореніемъ. Чтобы узнать добрѣйшаго человѣка И. И. Панаева, надо было очутиться съ нимъ либо лицомъ къ лицу, чтобы никого другаго въ это

время онъ уже и не могъ бы видѣть, либо принести благонадежную рекомендацію. П. В. Анненковъ, отличавшійся изумительнымъ добродушіемъ и прославившійся готовностью на всякую помощь, стоялъ настолько вдалекѣ и былъ скроменъ, что до него трудно было доискаться. Новоприбылой Л. А. Мей съ сильнымъ московскимъ закаломъ и со свойственною его поэтической натурѣ впечатлительностью тотчасъ же и предъявилъ всѣ тѣ данныя, съ помощью которыхъ люди обыкновенно занимаютъ самую середину кружка и въ которыхъ робкіе и неумѣлые сильно нуждаются.

Добрѣйшій человѣкъ по самой природѣ, радушный и хлѣбосольный съ московскаго обычая, Л. А. Мей оказался съ такимъ избыткомъ сердечности, на которую способна лишь несомнѣнная и чистая поэтическая натура. Какъ натура цѣльная, онъ былъ и во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣннымъ: къ забитымъ, заброшеннымъ и потеряннымъ всегда чувствовалъ особенное влеченіе. Онъ не смотрѣлъ при этомъ на частыя личныя разочарованія и тѣ непріятности и огорченія, которыя этимъ природнымъ свойствомъ причинялъ семьѣ своей, горячо имъ любимой и платившей ему взаимностью. Встрѣтитъ онъ гдѣ-нибудь въ трущобномъ мѣстѣ захудалаго оборванца, въ поэтическомъ увлеченіи заподозритъ въ немъ какую-нибудь симпатическую добрую черту, увлечется—обласкаетъ, приведетъ къ себѣ на квартиру, украдкой накормитъ и затѣмъ долго возится съ нимъ, рекомендуя всѣмъ, какъ алмазъ въ грязи. Онъ долго потомъ возится съ этимъ человѣкомъ, пока тотъ чуть не на его глазахъ не снесетъ въ кабакъ пожертвованныя имъ на картузъ или обувь деньги. Иной просто и на чистоту, бывало, обворуетъ благодѣтеля, или, по долгомъ испытаніи, покажетъ ему и досконально докажетъ всю свою нравственную пустоту или умственную безсодержательность. Будучи деликатнымъ, онъ никогда не прибѣгалъ къ упрекамъ и сѣтованіямъ на виноватаго, и, оставаясь обманутымъ, никогда не вдавался въ раскаяніе. На справедливые упреки онъ отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ: бывало, ходитъ себѣ торопливымъ шагомъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ и съ удвоенною силой потягиваетъ изъ памятнаго намъ коротенькаго чубука жуковскій табачокъ, который онъ, по московскимъ привычкамъ, не обмѣнивалъ на папиросы, получившія уже тогда большія права гражданства. Многіе изъ насъ, уцѣлѣвшихъ, помнятъ (а намъ лично никогда не забыть), съ какою неожиданною и удивившею всѣхъ стремительностью, въ легонькомъ домашнемъ пальто и безъ шапки въ холодный и мокрый осенній день онъ бросился изъ квартиры, пробѣжалъ по холоднымъ длиннымъ сѣнямъ и выскочилъ на улицу спасать щенка, котораго безжалостно топилъ дворникъ въ Лиговкѣ. Онъ щенка отнялъ, что-то сунулъ дворнику въ руку и затѣмъ не брезговалъ воспитывать этого «непородистаго, нескладнаго, невзрачнаго, постоянно злаго и постоянно мрачнаго» пса. Онъ какъ бы сочувственно вспомнилъ самымъ дѣломъ того, которому онъ далеко раньше посвятилъ цѣлое стихотвореніе, озаглавивъ: *Чуру*.

Дай лапу мнѣ!... вотъ такъ. Теперь я успокоенъ:
Есть сторожъ у меня!... Пускай насъ осмѣютъ,
Какъ прежде, многіе: *немногіе* поймутъ.

Мы, однако, хорошо понимали, сколько разъ видавши его сидящимъ въ каретѣ! Ѣзда въ каретѣ была слабостью, доводившею его иногда до комическихъ положеній и трагическихъ результатовъ: приводилось отдавать за нее все то, за чѣмъ поэтъ ѣздилъ и что успѣлъ получить на домашнія потребности и семейныя нужды. Но не въ этомъ дѣло, а суть вся въ томъ, что Левъ Александровичъ несомнѣнно ѣхалъ хлопотать за кого-нибудь, за какого-нибудь начинающаго писателя по редакціямъ. Надо было слышать всю неотразимость представляемыхъ аргументовъ, щедро собранныхъ воедино, въ соотвѣтствіе лицу и сообразно окружающимъ обстоятельствамъ, чтобы выпросить денежную поддержку покровительствуемому имъ лицу. Онъ не соображалъ, наприм., при этомъ случаѣ, что фельетонистъ *Библіотеки для Чтенія* Егоръ Моллеръ задолжалъ издателю свыше головы. Онъ забывалъ даже и то, что выхлопотанныя деньги пойдутъ на обѣдъ непремѣнно у Доминика, и что онъ самъ оторвался отъ спѣшной и срочной работы для этихъ разъѣздовъ, чтобы, будучи обманутымъ, подчиниться одному лишь влеченію добраго сердца. Случай, приведенный въ *Новомъ Времени* (въ ст. г. Быкова), когда нашъ поэтъ, обезпечившійся 25 руб., отдалъ ихъ Льву Камбеку на лѣстницѣ своей квартиры, въ которой въ клѣткахъ любимыхъ имъ птичекъ замерзла вода,—случай не единственный, а одинъ изъ цѣлаго десятка.

Эта возня съ потерянными и это хожденіе по трущобамъ съ очевиднымъ и доказаннымъ демократическимъ оттѣнкомъ легко уживались въ немъ съ аристократическою внѣшностью безъ всякихъ сдѣлокъ съ совѣстью и безъ обмана. Извѣстно до очевидности было то, что онъ имѣлъ товарищей по лицейскому выпуску, стоявшихъ уже въ то время на высокихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Однако, нашъ поэтъ, вѣчно нуждавшійся и недостаточно вознаграждаемый въ силу присущей его духу литературной спеціальности, никогда не искалъ въ нихъ. Былъ онъ настолько гордъ, строгъ къ себѣ и независимъ по профессіи, что такъ и не устроилъ ни себѣ самому, ни семьѣ прочно обезпеченнаго состоянія и виднаго положенія. Работать онъ, однако, любилъ; отъ труда никогда не бѣгалъ. Извѣстны его пробы въ государственной службѣ въ Москвѣ для дѣла: послѣ канцеляріи генералъ-губернатора онъ пыталъ свои силы на педагогическомъ поприщѣ—нѣкоторое время былъ инспекторомъ 2-й гимназіи (на Разгуляѣ), но не удержался, повредила ему откровенная поэтическая беззаботность въ рутинномъ хомутѣ гимназическаго чиновника и та независимость убѣжденій и стойкость во взглядахъ, которыя показались гордостью и сочтены были за либеральное непочтеніе къ начальству. Послѣднее въ тѣ времена старалось быть и казаться въ особенности строгимъ и придирчивымъ, не сдерживалось въ дерзостяхъ, что

прямой и мягкой душѣ поэта естественно казалось грубымъ и жестокимъ до невыносимаго. Московскія неудачи дали ему внушительный урокъ и вынудили искать средствъ къ жизни исключительно въ свободныхъ литературныхъ занятіяхъ. Для нихъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, который къ той порѣ уже успѣлъ отвлечь отъ Москвы многія художественныя силы и продолжалъ соблазнять и увлекать остальныя. Москва съ единственнымъ журналомъ *Москвитяниномъ* не въ силахъ была удержать даже и ту искусно подобравшуюся и согласно наладившуюся литературную группу, во главѣ которой стоялъ крупный талантъ и великая литературная сила—А. Н. Островскій, а около него группировалась такъ называемая «молодая редакція *Москвитянина*». По одиночкѣ, одинъ за другимъ, ея члены перенесли свою дѣятельность въ петербургскіе журналы, какъ сдѣлали А. Н. Островскій, А. Ѳ. Писемскій, А. А. Потѣхинъ, и даже всѣ, за исключеніемъ перваго, самолично перебрались въ Петербургъ на постоянное житье. Такъ поступили даже и самые дѣятельные, по постоянному участію въ журналѣ, каковы: А. А. Григорьевъ, Т. И. Филипповъ и Е. Н. Эдельсонъ. Л. А. Мей оказался только первымъ изъ всѣхъ, передовымъ изъ нихъ, отправившимся какъ бы для рекогносцировки. Затѣмъ, въ качествѣ обжившагося старожила, онъ поставилъ для себя священнымъ долгомъ—встрѣчать каждаго москвича хлѣбомъ-солью: непремѣнно устраивалъ вечерокъ. Такъ какъ бо́льшею частью эти неожиданные наѣзды застигали его врасплохъ, во время полнаго безденежья, то онъ бросался занимать. Добывши средства, любилъ угостить широко и сытно—по-московски и со вкусомъ. Собственноручно на садкѣ у Аничкова моста убивалъ колотушкой по головѣ налимовъ; наберетъ по пути гастрономическихъ закусокъ, цѣнныхъ винъ, самъ бѣгалъ на кухню, изготовляя московскую уху или солянку. Хлопоталъ, чтобы гостямъ было весело, и, дѣйствительно, былъ въ этомъ находчивъ. Торжествовалъ съ сіяющимъ лицомъ, когда удавалось всѣхъ перезнакомить, въ чемъ и заключался весь секретъ его преднамѣренныхъ желаній и затѣянныхъ хлопотъ. При неудачѣ промыслить деньги, доходилъ онъ до такого отчаянія, что совсѣмъ пропадалъ, не возвращаясь домой. Потомъ, при встрѣчѣ съ несолоно-хлебавшимъ, онъ простодушно извинялся, искренно просилъ прощенія. При удачахъ все добытое истрачивалъ, такъ что для расплаты съ извощикомъ приходилось ему вновь призанивать у того изъ гостей, съ которымъ находился въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ. *Библіотекѣ для Чтенія* этимъ способомъ удалось ему оказать серьезныя услуги, въ виду того, что у москвичей онъ пользовался большимъ уваженіемъ и самъ, словно тоскующій въ разлукѣ, искренно радовался имъ, какъ своимъ роднымъ. Когда за поэтическое увлеченіе и московское довѣрчивое добродушіе онъ наказалъ себя неудачами, набѣжалъ на дѣловую холодность, а послѣ погодинской распущенности и безсистемности на организацію петербургскихъ редакцій въ

подлинное подобіе дѣловыхъ коммерческихъ конторъ, нашъ поэтъ не растерялся, не пришелъ въ отчаяніе и не опустилъ рукъ. Примирившись съ новыми требованіями, онъ принималъ заказныя работы и, любя трудъ, велъ ихъ съ образцовою добросовѣстностью: старательно собиралъ и изучалъ матеріалы, не выходя по цѣлымъ недѣлямъ изъ дому. У насъ сохранились новгородскія лѣтописи (1, 2 и 3-я), всѣ испещренныя по полямъ и между строками текста замѣтками Мея, свидѣтельствующими объ его замѣчательной филологической подготовкѣ, остроуміи въ объясненіи непонятныхъ и изжившихъ словъ и выраженій и вообще въ выдающейся подготовкѣ къ разумѣнію древнихъ памятниковъ и въ изумительной начитанности. По новгородскимъ лѣтописямъ, очевидно, онъ подготовлялъ себя къ разумѣнію частной жизни сѣверныхъ вольныхъ общниковъ, столь трудному и темному вопросу, который, однако, съ художественною правдой, простотой и рельефностью онъ разрѣшилъ въ своихъ историческихъ драмахъ: въ *Царской невѣстѣ* и особенно въ *Псковитянкѣ*, а также въ пѣсняхъ *Про Евпатія Коловрата*, княгиню *Ульяну Вяземскую* и проч. Точно съ такою же добросовѣстностью отнесся онъ и къ заказной работѣ, произведенной на нашихъ глазахъ. Редакторъ разсчитывалъ (ошибочно и непрактично) освѣжить и оживить *Библіотеку* прибавленіемъ, вмѣсто обычныхъ переводныхъ романовъ, пространнаго энциклопедическаго словаря. Подчиняясь закону алфавита, Мею онъ поручилъ составить статью объ Абиссиніи. Левъ Алекс. исполнилъ задачу первымъ съ привычными ему внимательностью и добросовѣстностью, настолько образцово, что редакторъ справедливо и основательно ставилъ намъ эту статью въ образецъ. Самъ авторъ откровенно и искренно сознавался, что онъ съ наслажденіемъ подписалъ подъ статьей свое имя, хотя эта работа и противорѣчила его прямому направленію и призванію и давала прекрасный поводъ къ легкимъ остроумнымъ насмѣшкамъ, а, быть можетъ, должна была вызвать и горькіе упреки.

Въ сущности, Мей былъ человѣкомъ глубоко-образованнымъ, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, и, притомъ, прекрасно воспитаннымъ. Завидныя фундаментальныя знанія, поразившія даже такого энциклопедиста, какимъ несомнѣнно былъ высокоталантливый и разносторонне-ученый Сенковскій, не ограничивались однимъ знаніемъ многихъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ переводилъ подстрочно съ подлинниковъ образцы поэзіи еврейской, римской, греческой, польской, нѣмецкой, англійской и французской. Лингвистъ онъ былъ замѣчательный, но эта исключительная, какъ бы прирожденная способность, подкрѣпленная поэтическою воспріимчивостью, всегда дополнялась съ его стороны строгимъ историческимъ изученіемъ и обязывала его на комментаріи, блистательные по остроумной находчивости и глубокой вдумчивости въ самую суть и корень художественнаго замысла (примѣръ, между прочимъ, въ переводѣ *Слова о полку Игоревѣ*, въ преданіи: *Отчего перевелись на св. Руси витязи*, въ драмѣ изъ

римской жизни: *Сервилія* и многомъ другомъ). Филологическія изслѣдованія были его самымъ любимымъ занятіемъ, и въ этихъ знаніяхъ онъ также былъ весьма силенъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, къ родному языку Мей питалъ горячую любовь, доходившую до боготворенія. При изложеніи собственныхъ думъ, вырабатывая слогъ и подыскивая эпитеты, онъ былъ настолько строгъ и, въ то же время, такъ сказать, чистоплотенъ, что въ нынѣшнія времена нельзя встрѣтить и отдаленнаго подобія этому образцовому стилисту и высоко-талантливому поэту *). Образцомъ, добрымъ совѣтникомъ и опытнымъ проводникомъ онъ и служилъ съ полною и беззавѣтною охотой. Самъ же дошелъ до той изумительной виртуозности стиха и пластичности образовъ, что не только въ тѣ времена не видѣлъ соперниковъ, но не пріобрѣлъ таковыхъ даже и до сего дня. Стихъ давался ему легко; рифмы уловлялись съ поразительною быстротой и были изумительны по успѣхамъ побѣды надъ чрезвычайными трудностями. Сказать экспромтъ было для него такъ же легко, какъ выпить стаканъ воды. Экспромты Мея еще ждутъ собирателя: онъ ихъ разбросалъ и записалъ во множествѣ, но ни одинъ не попалъ въ полное собраніе его стихотвореній 1862 года. Въ числѣ таковыхъ изъ памятныхъ намъ одинъ былъ записанъ въ теченіе какихъ-нибудь пяти минутъ въ раскрытый и подложенный подъ руку альбомъ брата переводчика Беранже (Вас. Степ. Курочкина), Николая Степановича, котораго мы въ тотъ день собрались провожать на Черное море, въ службу врачомъ на пароходахъ тогда молодаго южнаго общества пароходства и торговли. Мей недолго думалъ и со свойственною ему быстротой и сердечною теплотой написалъ:

Я люблю въ васъ—не врача;
Не хвалю, что честно лечите;
Что рецептами съ-плеча
Никого не искалѣчите.
Я люблю въ васъ смѣлость думъ,
Руку дружественно-твердую,
И пытливо-гордый умъ,
И борьбу съ невзгодой гордую...

За свою любовь къ родному языку, за почтительное обращеніе съ этимъ могущественнымъ орудіемъ, за сознательное увлеченіе его красо-

*) Какъ увлекающійся всегда и во всемъ, онъ и въ этомъ вопросѣ способенъ былъ доходить также до нѣкоторыхъ крайностей. Владѣя тонкимъ и чуткимъ слухомъ, онъ, наприм., искренно не любилъ шипящихъ и свистящихъ грамматическихъ формъ причастій, а дѣепричастія считалъ незаконною, извнѣ навязанною формой рѣчи, не приличною строгому и безъ того богатому языку, и никогда ихъ не употреблялъ. Мало того, что всѣхъ серьезно упрашивалъ онъ не прибѣгать къ подобному обороту рѣчи,—онъ написалъ, для вящаго убѣжденія, цѣлый разсказъ *Кирилычъ* въ *Библіотекѣ*, забракованный самимъ авторомъ для полнаго собранія сочиненій, но для насъ въ настоящее время имѣющій автобіографическое значеніе.

тами, неустанное исканіе сокровищъ народной поэзіи и глубокое, всестороннее ихъ изученіе Мей награжденъ литературнымъ успѣхомъ. Въ переводахъ и переложеніяхъ Мей былъ точенъ и столько же строгъ съ себѣ, какъ и во всѣхъ литературныхъ замыслахъ и работахъ. Въ доказательство мы имѣемъ возможность въ концѣ нашихъ воспоминаній представить одинъ образецъ Меевскаго *перевода* пѣсни Беранже *Въ день именинъ моего доктора*. Хотя онъ и былъ напечатанъ въ 3-мъ томѣ полнаго собранія, но въ параллель къ нему у насъ сохранилось на ту же тему *подражаніе* Беранже В. С. Курочкина, не попавшее въ полное собраніе сочиненій столь же незабвеннаго, милаго и дорогаго поэта. Тотъ же случай отъѣзда брата на далекія моря и въ опасныя плаванія далъ возможность Василію Степановичу выступить въ товарищеское, невинно-милое состязаніе со Львомъ Александровичемъ, успѣвшимъ уже написать въ тотъ же альбомъ свой подстрочный переводъ Беранже.

Такого симпатично-милаго человѣка, образцоваго литературнаго дѣятеля и безцѣннаго товарища мы получили въ то самое время, когда въ особенности нуждались въ поддержкѣ и руководствѣ. Припоминая теперь эти первые пятидесятые года, едва вѣрится въ то приниженное и загнанное положеніе, которое переживалось нами. Точно какая-то непогодливая темная осенняя ночь заслѣпила глаза и путники, желавшіе продолжать путь дальше, готовы были остановиться, предавшись полному отчаянію. Невольно они цѣплялись за тѣхъ, которые были впереди и обѣщали вывести на свѣтъ и просторъ еще дò-свѣту. Заднимъ приходилось вполнѣ имъ довѣриться. Когда же, среди непроницаемой тьмы, слышались твердые и торопливые шаги догонявшаго и пристававшаго къ намъ со стороны свѣжаго спутника, мы какъ будто подбодрялись, заручались смѣлостью и надеждой и безостановочно шли впередъ, приглядываясь и прислушиваясь къ этому еще неусталому прибылому. И страшная гроза успѣла за это время разразиться надъ нами, и ужасный ураганъ, ломавшій съ корнемъ деревья темнаго и дремучаго лѣса, которымъ мы самохотно брели, пронесся надъ нашими головами. Мы держались за провожатыхъ, не спуская ихъ съ глазъ и ни минуты не теряя изъ вида. И въ сумерки разсвѣта, и послѣ уходившейся бури, во время отдаленныхъ раскатовъ смолкавшаго грома, мы все тянулись себѣ впередъ, стараясь насильно попадать со всѣми въ ногу. Когда вдругъ разсвѣло, мы всѣ оказались налицо: между нами не было ни отсталыхъ, ни изнемогшихъ, были спотыкавшіеся и немного усталыхъ по причинѣ чрезвычайныхъ трудностей пути по колеямъ, рытвинамъ и черезъ валявшіяся подъ ногами кокоры и сучья. На этотъ разъ, какъ и всегда послѣ грозы и бури, на полномъ затишьѣ и при яркомъ блескѣ солнца, въ разряженномъ и очищенномъ воздухѣ стало легче дышать и вольнѣе идти.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, т.-е. въ первые годы преобразовательной эпохи, въ освободительную пору жизни русской, литературная дѣятельность Мея выразилась естественно наибольшею силой и велась имъ съ удвоенною энергіей. Живой и чрезвычайно подвижный по темпераменту, онъ сталъ работать торопливо и поспѣшно,—можетъ быть, и съ ущербомъ для себя въ смыслѣ законченнаго развитія своего большаго художественнаго таланта. За то онъ вездѣ поспѣвалъ: подкрѣплялъ добрымъ совѣтомъ начавшихъ; поддерживалъ участіемъ и личными хлопотами начинающихъ; ни разу не отказалъ нуждавшимся въ его личныхъ литературныхъ трудахъ (благодарная память, на недавней поминкѣ на могилѣ, сразу привела трехъ обязанныхъ дружбѣ и помощи Льва Александровича во многомъ). Когда была дана свобода высказываться печатно, когда литература освобождена была отъ стѣснительныхъ путъ и появились новые журналы и газеты, Мей охотно вызывался на помощь всякому, кто умѣлъ возбудить его сочувствіе, не отказывалъ даже маленькимъ уличнымъ листкамъ. Все это производилось подъ вліяніемъ тѣхъ же присущихъ его характеру увлеченій и готовности помогать всѣмъ просящимъ людямъ, безъ разбору. Когда задумана была *Искра*, а при недостаткѣ денежныхъ средствъ искали мы безуспѣшно матеріальной опоры, Мей много вложилъ сердечнаго участія въ поддержку упадавшей энергіи и много хлопотъ, чтобы поставить дѣло на ноги въ коммерческомъ отношеніи. Эти хлопоты не удались ему не по его винѣ, но сочувствіе къ виновнику новаго журнальнаго предпріятія, В. С. Курочкину, не переставало дѣлать многое въ нравственномъ отношеніи. Сочувствіе Мея продолжало оставаться всегда неизмѣннымъ, было очень кстати и имѣло особенное значеніе. Курочкинъ испытывалъ постоянныя неудачи на первыхъ шагахъ житейскаго и литературнаго поприща. Начавши службу въ одномъ изъ гренадерскихъ полковъ, онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, ѣхалъ однажды съ парада на извощикѣ, забывши, по природной разсѣянности, снять полукруглый офицерскій значекъ съ груди, теперь даже совершенно исчезнувшій у всѣхъ. На бѣду, попался онъ прямо на глаза великому князю Михаилу Павловичу, который и приказалъ ему отправиться на гауптвахту. Все дѣло для другаго этимъ бы и кончилось, но полковое начальство съумѣло затѣснить молодаго офицера, только что начинавшаго, по выходѣ изъ корпуса, военную службу. Затѣснили его до того, что Василій Степановичъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Онъ началъ писать стихи, но первые опыты, отданные въ журналы, не были напечатаны. Онъ собралъ всѣ ихъ въ кучу и сдалъ въ *Современникъ*, и долго ждалъ, и едва дождался, что они явились въ журналѣ забитыми въ отдѣлѣ *Смѣси*, безъ означенія его фамиліи и съ оговоркой вродѣ того, что вотъ-де, кажется, и не дурно, а на свой отвѣтъ принять помѣщеніе ихъ не можемъ, а напечатать не прочь, и

пусть же сами читатели обсудятъ, правы ли мы въ этомъ дѣлѣ. Василій Степановичъ находился въ полномъ разочарованіи самимъ собою, считалъ себя бѣдовикомъ и серьезно сѣтовалъ даже и на доставшуюся ему отъ родителя фамилію. Но онъ сдѣлалъ опытъ перевода *Стараго капрала* Беранже; мы передали его въ *Библіотеку для Чтенія*. Кажется, литературный товаръ былъ высокой пробы, большой цѣны и яркаго блеска въ отдѣлкѣ, но страшно то, что тутъ предъявляется солдатъ, прибившій офицера, и т. д. На выручку выступилъ Мей, очарованный мастерствомъ стиха. Онъ, не говоря ни слова, сѣлъ въ карету, поѣхалъ куда слѣдовало и силою своихъ неотразимыхъ аргументовъ, съ помощью и подъ защитою авторитетности, признанной за нимъ всѣми тогдашними опекунами печати, отстоялъ прелестный переводъ, которымъ и украсилась книжка *Библіотеки*.

Мей казался всѣхъ оживленнѣе и первымъ принесъ на новоселье свой вкладъ, когда вызвавшійся быть издателемъ (Базилевскій), для знакомства и закрѣпленія отношеній, предложилъ починное пиршество. Обѣдомъ дѣло началось, да имъ же и кончилось; опекуны неудачнаго, хотя и охотливаго издателя дали Василію Степановичу новый поводъ продолжать считать себя въ бѣдовикахъ, а Льву Александровичу—опять любезныя ему и никогда не стѣснявшія его хлопоты поймать гдѣ-либо болѣе важнаго и надежнаго издателя съ свободнымъ капиталомъ. Когда *Библіотека для Чтенія* обнаружила полную готовность слѣдовать новому направленію, согласному съ прочими передовыми журналами, задумано было фактическое знакомство и сближеніе съ редакторами и сотрудниками изданій. Рѣшенъ былъ парадный вечеръ съ танцами и роскошнымъ ужиномъ. Мей опять оказался впереди всѣхъ насъ; самодовольно потиралъ себѣ руки, похаживая по большой бальной залѣ, энергически затягивался изъ завѣтной трубочки, опять взялъ карету, сѣлъ и поѣхалъ за закупками закусокъ, расходы по которымъ лежали на насъ, сотрудникахъ. Мей уже раньше согласилъ на то, чтобы А. В. Старчевскій, жившій тогда въ домѣ Авериныхъ на Петербургской Сторонѣ, на Зелениной улицѣ (прозванной нами за дощатую, выстилавшую ее, мостовую «клавикордной»), очистилъ все свое прекрасное и обширное помѣщеніе и приготовилъ ужинъ. Издатель В. П. Печаткинъ обязался поставить вина и холодную закуску, мы, сотрудники,—фрукты, мороженое и музыку. Еще раньше Мей рѣшилъ, кому изъ насъ ѣхать приглашать гостей изъ литераторовъ. Прибыло много, почти всѣ званые, и между ними, по замѣчательной и счастливой случайности, тѣ два передовыхъ представителя литературы, которые впослѣдствіи и преемственно были редакторами этой же самой *Библіотеки для Чтенія*, т.-е. А. В. Дружининъ и А. Ѳ. Писемскій. Удостоилъ посѣщеніемъ нашъ вечеръ и самъ маститый и домосѣдливый основатель нашего журнала, О. И. Сенковскій. Захотѣлось ему посмотрѣть

на выросшее новое дѣйствующее и похитившее у него любовь публики молодое поколѣніе пишущихъ. Онъ поигралъ въ карты, побесѣдовалъ кое-съ-кѣмъ, блеснулъ умомъ и очаровалъ всѣхъ привѣтливостью и любезнымъ обращеніемъ. Всѣмъ было весело, всѣ разошлись довольными и для журнала вечеръ нашъ оказался не безрезультатнымъ. Мей, по просьбѣ самого Сенковскаго, перезнакомилъ всѣхъ съ нимъ; самъ былъ до избытка оживленъ и веселъ, и объ этомъ событіи вспоминалъ потомъ какъ о самомъ радостномъ и дорогомъ въ его жизни. Но кончился пиръ нашъ бѣдою. Левъ Александровичъ, подъ веселую минуту и въ экзальтированномъ настроеніи, любилъ прихвастнуть и показать какой-нибудь замысловатый фокусъ, все въ томъ же прямомъ разсчетѣ оживить собравшееся общество. Не любилъ онъ серьезныхъ компаній и нахмуренныхъ лицъ и неналаживавшихся бесѣдъ. На этотъ разъ онъ выдумалъ фокусъ съ бокалами, ножки которыхъ должны были отскакивать, какъ бы отрѣзанными, если ударить по верхней чашкѣ сосуда особенно ловко и сильно ладонью руки. Первый опытъ оказался блестящимъ. При второмъ изъ руки брызнула кровь фонтаномъ. Арника не помогла; Николай Курочкинъ уѣхалъ, другаго доктора среди насъ не нашлось; мы повезли раненаго, чтобы перевязать разрѣзанную артерію ладонной дуги въ ближайшей больницѣ св. Маріи Магдалины, на Васильевскомъ островѣ.

Забыли мы и не въ силахъ вспоминать, за добрыми качествами поэта, его недостатковъ, на которые успѣли уже на этихъ дняхъ указать въ печати также встрѣчавшіеся съ поэтомъ и неспознавшіе ни причинъ, ни поводовъ его общенародной русской слабости. Чужая душа—потемки. Мей же былъ такъ деликатенъ по природѣ и воспитанъ прекрасно, что, будучи раздражительнымъ и впечатлительнымъ до обидчивости, умѣлъ искусно сдерживать себя и вызывалъ этимъ легкомысленное мнѣніе иныхъ судей о своей скрытности. Въ самомъ дѣлѣ, въ своей жизни онъ прошелъ, какъ солдатъ сквозь строй, между цѣлымъ рядомъ неудачъ и невзгодъ, будучи приготовленнымъ въ привилегированномъ заведеніи къ успѣхамъ въ службѣ и къ жизни на гладкомъ пути, какъ на налощенномъ паркетѣ. Онъ спокойно, съ выдержаннымъ равнодушіемъ, шелъ мимо неудачъ, не возмущался и не измѣнялъ своему по наружности самодовольному и неунывающему настроенію духа.

И недаромъ всѣ, вспомнившіе Л. А. Мея черезъ 25 лѣтъ по его смерти, согласились на одномъ, что въ русской литературѣ онъ представляетъ собою рѣзко выдающійся образецъ несправедливо, неблагодарно и незаслуженно «забытаго поэта».

С. Максимовъ.

Въ день именинъ моего доктора.

(Изъ Беранже).

(Сочиненія Л. Мея, т. 3, стр. 352).

Поднимаемъ мы къ верху стаканы
За здоровье врача своего,
Да боимся: больные—тираны,
У друзей не отняли-бъ его.
У господъ этихъ вѣчно замашка—
Разнемочься не кстати сплеча...
— Господа, вамъ—ромашка, ромашка...
Дайте выпить друзьямъ за врача.

Вѣдь, могли подождать бы больные,
А не ждутъ: отовсюду гонцы...
Вонъ—безумцы зовутъ молодые,
Киѳереина сына жрецы...
— Легковѣрные, васъ обманули:
Вы въ Эротѣ нашли палача!
— Господа, принимайте пилюли:
Дайте выпить друзьямъ за врача!...

Вонъ—сосѣдъ его требуетъ къ сроку:
У одной изъ его дочерей
Пухнуть начало съ лѣваго боку,
И что день, то сильнѣй и сильнѣй...
Испугалась семья не на шутку;
Рветъ и мечетъ старикъ сгоряча...
Потерпите, о дѣва, минутку:
Дайте выпить друзьямъ за врача!

Пусть весной его жизнь процвѣтаетъ,
Пусть, избѣгнувъ житейскихъ мытарствъ,
И не вѣдаетъ онъ и не знаетъ
Ни рецептовъ своихъ, ни лѣкарствъ!
Вкругъ него—всѣ друзья молодые,—
И бесѣда ихъ такъ горяча...
— Умирайте ужь, что ли, больные;
Дайте выпить друзьямъ за врача!

Брату Н. С. Курочкину.

(Доктору. Подраж. Беранже *).

Друзья мои, напѣнимте бокалы—
И первый пусть въ честь доктора бокалъ;
Я не забылъ, какъ онъ меня, бывало,
Отъ ранъ любви по-братски починялъ.
Да онъ никакъ уходитъ? Онъ бѣдовый:
Здѣсь у него больной недалеко...
Да ну его! Пускай пьетъ жиръ тресковый...
А съ нами пей холодное клико!

Друзья мои, мы выпьемъ за здоровье
Лечебницы сверхштатнаго врача.
Но вотъ толпа истерзанныхъ любовью
Стучится къ намъ, зубами скрежеща:
Чиновники, студенты, офицеры...
Тебѣ отъ нихъ отдѣлаться легко
Декоктами—симъ нектаромъ Венеры;
А съ нами пей холодное клико!

Еще бѣда: онъ акушоръ отличный!
Вотъ барышня, зардѣвшись отъ стыда,
Съ округлостью немного неприличной,
Запретнаго вкусившая плода,
Закрывъ лицо, съ нимъ шепчется, робѣя...
Здѣсь бабушка живетъ недалеко—
Пусть къ ней идетъ. Тамъ общество скромнѣе—
А съ нами пей холодное клико!

Намъ не до васъ, больные, подождите!
Мы съ докторомъ засѣли пировать.
Пришла къ вамъ смерть,— такъ мрите, мрите, мрите!
Мы можемъ къ вамъ священника прислать,
А въ докторѣ нуждаемся мы сами.
Дай Богъ ему всю жизнь прожить легко,
И практики побольше, чтобы съ нами
Почаще пить холодное клико.

В. Курочкинъ.

*) Печатается стихотвореніе съ автографа, нигдѣ не напечатанное и не попавшее ни въ одно изъ полныхъ собраній сочиненій Курочкина. *Ред.*

Наша каменно-угольная промышленность *).

II.

На послѣднемъ X съѣздѣ горнопромышленниковъ, бывшемъ въ Харьковѣ въ концѣ прошлаго года, углепромышленники обсудили всѣ свои теперешнія нужды и изложили ихъ въ томѣ «трудовъ». Этими-то такъ называемыми трудами мы и воспользуемся для ознакомленія читателя съ вожделѣніями донецкихъ углепромышленниковъ.

Давно уже, а именно съ 1880 года, правительство предлагаетъ донецкимъ углепромышленникамъ согласиться на принятіе дифференціальнаго тарифа на перевозку ихъ угля по желѣзнымъ дорогамъ. Дифференціальный тарифъ, — можетъ быть, читатель этого термина не знаетъ, — есть такой тарифъ, при которомъ провозная плата увеличивается не пропорціонально разстоянію, а въ меньшей пропорціи. Такъ вотъ такого-то рода тарифъ и предлагало углепромышленникамъ правительство въ интересахъ дефицитныхъ и малодоходныхъ желѣзныхъ дорогъ, а, въ сущности, въ интересахъ государственаго казначейства; оно предлагало повысить тарифныя ставки (тарифная ставка есть цѣна перевозки 1 пуда на разстояніе 1 версты) для малыхъ разстояній и понизить ихъ для большихъ, но безуспѣшно: предложеніе его до 1884 года на всѣхъ съѣздахъ отвергалось, какъ не отвѣчающее нуждамъ углепромышленности. Углепромышленникамъ хотѣлось бы, чтобы на дальнія-то разстоянія ставки понизили, но чтобы на ближнія не возвышали, а, напротивъ, если можно, чтобы тоже понизили. Такъ такъ интересы государственнаго казначейства, казалось бы, должны стоять на первомъ планѣ и уже затѣмъ интересы частныхъ лицъ, то сопротивленіе углепромышленниковъ не должно бы задерживать осуществленіе мѣръ, необходимыхъ въ видахъ государственной пользы, но, тѣмъ не менѣе, фактъ тотъ, что проектъ дифференціальнаго тарифа до сихъ поръ остается проектомъ. Только въ 1884 году, на IX съѣздѣ, нѣкоторая часть углепромышленниковъ согласилась, имѣя

---

*) *Русская Мысль*, кн. V.

въ виду открытіе для нихъ дальнихъ рынковъ, — на дифференціальный тарифъ, за то другая часть стала еще громче, чѣмъ прежде, протестовать противъ него.

Вотъ въ какомъ положеніи стояло дѣло объ угольномъ тарифѣ передъ открытіемъ X съѣзда.

Воззрѣнія донецкихъ углепромышленниковъ, какъ они выяснились на X съѣздѣ въ частности, совершенно подобны воззрѣніямъ углепромышленниковъ подмосковныхъ: какъ тѣ, такъ и эти находятъ, что существующіе тарифы слишкомъ высоки, что каменноугольная промышленость есть тоже важное государственное дѣло, что у правительства оно должно стоять на первомъ планѣ, что если правительство и платитъ или доплачиваетъ акціонерамъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, то это ровно ничего не значитъ въ сравненіи съ благоденствіемъ углепромышленности, что, наконецъ, дефицитность и малодоходность желѣзныхъ дорогъ происходятъ вовсе не отъ того, что дороги возятъ уголь слишкомъ дешево, а отъ другихъ причинъ, а, главнымъ образомъ, отъ того, что эксплуатаціонные расходы дорогъ слишкомъ велики.

Воззрѣнія тѣ же, разница только въ томъ, что подмосковные углепромышленники отстаиваютъ status quo, а донецкіе настоящимъ своимъ положеніемъ недовольны, требуютъ тарифныхъ пониженій вообще и до нѣкоторыхъ пунктовъ въ частности: до Москвы, до Одессы, до сахарныхъ заводовъ Кіевской губерніи, до Маріуполя, до Азовской гавани и т. д.

До какой степени углепромышленники жаждутъ тарифныхъ пониженій, это лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ доклада г. Авдакова: «Надѣяться на пониженіе тарифа дорогами юго-западными не только нѣтъ основанія, но едва ли остается объ этомъ говорить, въ виду такой ставки, какъ $^1/_{125}$». Да, не едва ли, а навѣрное не слѣдовало этого писать: $^1/_{125}$ коп. съ пуда и версты; это такая малая тарифная ставка, какая едва ли есть еще на какой-нибудь дорогѣ въ мірѣ.

Понизить провозную плату угля до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ англійскаго угля, нужно въ интересахъ потребителя: будь донецкій уголь дешевле, его стали бы употреблять и крестьянинъ въ своей хатѣ, и горожанинъ въ своемъ домѣ. Если предположить,—чего вовсе не слѣдуетъ предполагать,—что отъ пониженія провозной платы уголь соразмѣрно съ нимъ подешевѣетъ, то и тогда нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы крестьянинъ южныхъ губерній замѣнилъ свое топливо—кизякъ и солому, а горожанинъ дрова—углемъ. Этого не будетъ по той же самой причинѣ, по какой Петербургъ,—кромѣ тѣхъ домовъ, которые отапливаются калориферами,—отапливается дровами, несмотря на то, что сажень однополѣнныхъ березовыхъ дровъ здѣсь стоитъ 5 руб., а пудъ каменнаго угля 10 коп., такъ что, на основаніи извѣстныхъ уже намъ вычисленій,—вычисленій, добавимъ, невѣрныхъ, — отапленіе углемъ должно бы обходиться вдвое дешевле отопленія дровянаго.

Понизить же провозную плату до тѣхъ мѣстъ, гдѣ конкуррируетъ англійскій уголь, нужно уже не въ интересахъ потребителей, а въ интересахъ отечественной промышленности, и не вообще промышленности, а только промышленности каменноугольной. Тутъ интересы потребителей уже отступаютъ на задній планъ; углепромышленники не имѣютъ въ виду понижать цѣну угля и они, кромѣ пониженія тарифа, въ виду конкурренціи англійскаго угля, просятъ еще увеличить пошлину на иностранный уголь,—увеличить ее настолько, чтобы ввозъ его сталъ невозможенъ въ порты Чернаго моря и невозможна была бы доставка его въ Москву.

Мы дошли, такимъ образомъ, до второй «нужды» донецкихъ углепромышленниковъ, до ихъ желанія воспретить ввозъ англійскаго угля; но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ ихъ главной, ихъ первой нуждѣ: о дешевой перевозкѣ. Не потому дорога, говорятъ обыкновенно углепромышленники, даетъ доходъ малый или вовсе его не даетъ, что перевозитъ уголь слишкомъ дешево, а потому, что эксплуатаціонные расходы ея слишкомъ велики, т.-е. что хозяева и агенты дороги—народъ недѣятельный, неспособный и, главное, недобросовѣстный, а потому и тратятъ или, вѣрнѣе говоря, выводятъ въ расходъ больше, чѣмъ бы слѣдовало. Вотъ что обыкновенно говорятъ углепромышленники о желѣзной дороги, которая перевозитъ ихъ уголь. Доказывать это свое мнѣніе они не находятъ нужнымъ, ибо считаютъ его, вѣроятно, аксіомой.

Мы постараемся доказать, что это мнѣніе далеко не аксіома. Изъ отчетовъ желѣзныхъ дорогъ, печатаемыхъ въ *Указателѣ Министерства Путей Сообщенія*, читатель можетъ усмотрѣть, что эксплуатаціонные расходы донецкой и ряжско-вяземской дорогъ (т.-е. расходы на эксплуатацію средней версты дороги въ теченіе одного года) вовсе ужь не такъ велики, какъ это кажется углепромышленникамъ, — напротивъ того, есть много дорогъ въ Россіи, расходы которыхъ гораздо больше расходовъ тѣхъ дорогъ, на которыя углепромышленники жалуются. Кромѣ того, не надо забывать, что хозяйство вообще недоходныхъ и малодоходныхъ дорогъ въ особенности находится подъ надзоромъ правительства въ лицѣ инспекторовъ и ихъ помощниковъ. Какъ бы ни былъ иногда плохъ этотъ надзоръ, но, во всякомъ случаѣ, надзоръ есть, есть люди, агенты правительства, которые передъ правительствомъ обязаны отвѣчать за могущія случиться упущенія, расхищенія и пр. За угольными же копями такого надзора не существуетъ,—не существуетъ даже тогда, когда углепромышленникамъ правительство даетъ субсидію въ видѣ дешевой перевозки угля, въ видѣ наложенія таможенной пошлины на иностранный уголь и проч. Углепромышленники ходатайствуютъ о томъ, о другомъ, а правительству,—да и никому,—неизвѣстно, въ какомъ положеніи находится ихъ хозяйство, а, между тѣмъ, ходатайства

ихъ очень часто бываютъ уважены *). Изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи копей, насколько намъ извѣстно, одна только Чулковская копь, о которой мы подробно говорили въ первой половинѣ нашей статьи, печатаетъ годовые отчеты, да и то очень коротенькіе. Въ защиту дорогъ нашихъ и ихъ права возвышать тарифъ на уголь, при неимѣніи иныхъ грузовъ для перевозки, можно еще сказать, что въ Англіи, Германіи, Австріи, гдѣ углепромышленники не пользуются такимъ покровительствомъ правительственныхъ сферъ, какъ у насъ, можно сплошь и рядомъ встрѣтить тарифъ на перевозку угля въ 1/30 коп. съ пуда и версты и даже болѣе высокіе, у насъ же тарифъ въ 1/60 коп. кажется грабежомъ. Въ защиту же хозяевъ дорогъ и желѣзно-дорожныхъ агентовъ можно тоже кое-что сказать, хотя, къ сожалѣнію, и очень не много. Гражданскія добродѣтели во всѣхъ слояхъ населенія нашего отечества, какъ извѣстно, не особенно процвѣтаютъ.

Наконецъ, въ защиту желѣзно-дорожной техники, такъ какъ отъ нея тоже, и въ значительной степени, зависитъ размѣръ эксплуатаціонныхъ расходовъ, приведемъ слова *Отчета о всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 года въ Москвѣ*. На страницѣ 426-й II тома, послѣ выраженія сожалѣнія, что отъ желѣзныхъ дорогъ явилось мало экспонентовъ, сказано: «*Тѣмъ не менѣе, то, что на выставкѣ имѣется, указываетъ на громадный успѣхъ желѣзно-дорожной техники въ Россіи*». Замѣтимъ, что это говорится не какимъ-нибудь желѣзнодорожникомъ, а въ книгѣ, изданной подъ редакціей дѣйствительнаго члена Императорской академіи наукъ В. П. Безобразова.

Поинтересуемся теперь положеніемъ технихи у углепромышленниковъ.

На страницѣ 231 той же книги читаемъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: «Гораздо печальнѣе нашей прежней отсталости въ этомъ дѣлѣ фактъ, громко засвидѣтельствованный экспертизою на выставкѣ 1882 г., что наибольшая часть нынѣшней разработки у насъ каменнаго угля ведется *крайне нераціональнымъ, даже хищническимъ образомъ*, въ видахъ одной временной наживы, безъ всякой заботы о дальнѣйшей участи мѣсторожденій, разрушаемыхъ господствующими нынѣ у насъ пріемами добычи. Еще печальнѣе, что это явленіе замѣчается преимущественно въ главнѣйшемъ районѣ нашей каменно-угольной промышленности, въ южнорусскомъ. Изъ значительнаго числа (24) экспонентовъ этого района только у четырехъ системы разработки были признаны экспертизою совершенно раціональными; съ достовѣрностью предполагается, что копи всѣхъ прочихъ каменно-угольныхъ промышленниковъ южной Россіи, потому и не рѣшившихся явиться между экспонентами, находятся въ са-

*) Такъ, напримѣръ, эти бѣдные люди исходатайствовали себѣ въ 1884 году освобожденіе отъ промысловыхъ пошлинъ (см. *Труды IX съѣзда*, докладъ финансовой коммиссіи).

момъ неудовлетворительномъ положеніи. Это зло уменьшаетъ сожалѣніе, что наша каменно-угольная промышленность не шла до сихъ поръ болѣе быстрымъ шагомъ; если бы это было, то гораздо бо́льшее количество залежей было бы непроизводительно уничтожено».

Другая «нужда» донецкихъ углепромышленниковъ, какъ мы уже сказали, заключается въ изгнаніи англійскаго угля съ русскихъ рынковъ, а, главнымъ образомъ, изъ портовъ Чернаго моря и изъ Москвы. Въ черноморскіе порты привозится ежегодно до 20 милліоновъ пудовъ англійскаго угля, а въ Москву около 10. Изгнать эти 30 милліоновъ пудовъ иностраннаго угля изъ предѣловъ любимаго донецкими углепромышленниками отечества есть давнишняя мечта гг. Авдаковыхъ, Алчевскихъ, Мсциховскихъ и tutti quanti. При теперешнихъ цѣнахъ на этотъ уголь, изгонять его имъ если и выгодно, то не очень, а потому они и ходатайствуютъ передъ правительствомъ объ обложеніи иностраннаго угля пошлиной (см. *Труды X съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи*, часть I, стр. 211—244, докладъ горнаго инженера Авдакова). Давно уже донецкіе углепромышленники просятъ правительство обложить иностранный уголь пошлиной, и правительство вняло ихъ мольбамъ: съ 1 іюля 1884 года иностранный уголь, привозимый въ порты Чернаго моря, обложенъ пошлиною въ 2 копѣйки золотомъ съ пуда, а привозимый въ порты Балтійскаго моря пошлиною въ $^1/_2$ коп. золотомъ съ пуда. Результаты этого обложенія оказались, однако, вовсе не тѣ, какихъ ожидали люди, думающіе, что всякій налогъ можно переложить на потребителя: цѣны угля въ балтійскихъ портахъ остались безъ измѣненія, въ Одессѣ же уголь не только не вздорожалъ, а, напротивъ, подешевѣлъ. Что же теперь дѣлать? Обложить еще. Такъ разсуждаетъ X съѣздъ, а потому и проситъ онъ:

«1) О повышеніи пошлины на иностранный уголь, привозимый въ Россію чрезъ порты Азовскаго и Чернаго морей, съ 2 коп. до $3^1/_2$ коп. золотомъ съ пуда.

«2) О повышеніи пошлины на иностранный уголь, привозимый чрезъ порты Балтійскаго моря, съ $^1/_2$ коп. до 2 коп. золотомъ съ пуда».

Отъ такого обложенія англійскій уголь, какъ думаетъ X съѣздъ, вздорожаетъ въ южныхъ портахъ, среднимъ числомъ, на $2,_{08}$ к., а въ сѣверныхъ на $3^1/_4$ к. на пудъ *).

Такъ какъ въ южные порты привозится ежегодно до 20.000,000 пудовъ угля, то вздорожаніе угля на $2,_{08}$ коп. обойдется покупателямъ его въ 416,000 рублей, а вздорожаніе угля въ балтійскихъ портахъ на $3^1/_4$ коп. обойдется московскимъ потребителямъ иностраннаго угля,—которые потребляютъ около 10 милліоновъ пудовъ,—въ 325,000 рублей.

Вы, можетъ быть, думаете, читатель, что это будетъ для потребите-

*) Надо замѣтить, что разсчетъ г. Авдакова для балтійскихъ портовъ нѣсколько невѣренъ: изъ его аргументаціи слѣдуетъ, что повысить тамъ нужно пошлину не до 2, а до $2^1/_2$ к. золотомъ (стр. 214).

лей слишкомъ невыгодно? Совсѣмъ напротивъ. Дѣло въ томъ, что этого вздорожанія вовсе не произойдетъ. Тотъ же самый г. Авдаковъ, который, какъ предсѣдатель коммиссіи по вопросу о пошлинѣ на иностранный каменный уголь, подписалъ ея докладъ, въ которомъ очень подробно высчитывается, насколько нужно *поднять* цѣну англійскаго угля *), чтобы, продавая дóма донецкій уголь по 7 коп. за пудъ (цѣна, по мнѣнію г. Авдакова, «умѣренная»), при существующихъ провозныхъ платежахъ, можно было бы конкуррировать съ углемъ англійскимъ, тотъ же самый г. Авдаковъ, въ своемъ собственномъ докладѣ, утѣшаетъ насъ, что того, на что онъ надѣется, какъ предсѣдатель коммиссіи, вовсе не случится.

Въ его докладѣ есть часть, озаглавленная такъ: «Пошлина на уголь приведетъ къ общему удешевленію топлива».

Но этого мало—выписать заглавіе статейки г. Авдакова; не мѣшаетъ познакомить читателя съ ея содержаніемъ.

«Обнаружившіеся въ послѣднее время факты съ цѣнами на уголь,—говоритъ г. Авдаковъ,—послужили вполнѣ опроверженіемъ ни на чемъ не основаннаго опасенія, будто съ установленіемъ пошлины потребители поставлены будутъ въ необходимость платить за топливо дороже; напротивъ, пошлина приведетъ въ соприкосновеніе разнаго рода угля, вызоветъ конкурренцію и въ общемъ получится удешевленіе туземнаго угля. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что пошлина на иностранный уголь выгодна не только для углепромышленниковъ, но и **для потребителей иностраннаго топлива** **), въ интересахъ коихъ она также является мѣрою вполнѣ желательной».

Эта тирада, какъ видно, относится къ покупателямъ иностраннаго угля въ южныхъ портахъ и въ Москвѣ. Читаемъ далѣе:

«Нѣсколько въ иномъ положеніи находятся потребители иностраннаго угля въ прибалтійскомъ районѣ. Имъ, повидимому, болѣе всего слѣдовало опасаться введенія пошлины, такъ какъ сюда русскій уголь, по отдаленности бассейновъ, долгое время доставляемъ быть не можетъ. Но и въ этомъ районѣ пошлина на уголь не можетъ ни въ какомъ случаѣ оказаться **мѣрою обременительной** ***).

«Несмотря на увѣренія прибалтійскихъ биржевыхъ комитетовъ (петербургскаго, рижскаго и либавскаго), будто при обложеніи пошлиной иностраннаго угля пострадаютъ мѣстные жители и прибалтійская промышленность, а равно—будто пошлина гибельно отзовется на его потребителяхъ,—мы съ этимъ не согласны. Во-первыхъ, иностранный уголь, при обложеніи его пошлиной, могъ бы повыситься въ цѣнѣ только въ томъ случаѣ, если бы минеральное топливо не встрѣчало себѣ конкуррента

*) Это, впрочемъ, онъ высчитываетъ и въ своемъ собственномъ докладѣ съѣзду.
**) Жирный шрифтъ—г. Авдакова.
***) Жирный шрифтъ—г. Авдакова.

со стороны дровъ и торфа. Но дрова въ этомъ краѣ составляютъ еще значительный источникъ топлива, а при дороговизнѣ, если бы таковая произошла, угля иностраннаго, многія фабрики и заводы поневолѣ обратились бы къ торфу; а такъ какъ Англія, во всякомъ случаѣ, найдетъ невыгоднымъ терять для себя прибалтійскій рынокъ въ 70.000,000 пудовъ, то англійскіе углепромышленники *скорѣе* понизятъ цѣны на уголь, нежели рѣшатся потерять рынокъ».

Если дѣйствительно никакого возвышенія цѣнъ не произойдетъ, когда будетъ введена пошлина, о которой ходатайствуетъ X съѣздъ углепромышленниковъ, то спрашивается, зачѣмъ они, а въ томъ числѣ г. Авдаковъ, о ней ходатайствуютъ? И если это случится, то не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что углепромышленники, и первый г. Авдаковъ, будутъ ходатайствовать еще разъ, въ виду того, что пошлина не достигла цѣли, о возвышеніи ея, по крайней мѣрѣ, вдвое.

Замѣчательно, какъ различно дѣйствіе налога на англійскій и русскій уголь. Англійскій уголь, хоть обложи его 3 коп. на пудъ, сейчасъ на столько же или даже больше понижается въ цѣнѣ; а когда хотятъ возвысить провозную плату на русскій уголь, то наши углепромышленники объявляютъ, что они скорѣе закроютъ копи, чѣмъ будутъ такъ дорого платить за перевозку. Слушая г. Авдакова, можно подумать, что какъ ни обложи англійскій уголь, хоть обложи его, наприм. въ Петербургѣ, гдѣ онъ продается по 10 копѣекъ, 10 копѣйками съ пуда, то и тогда цѣна его, въ виду дровяной и торфяной конкурренціи, не возвысится.

Какъ страшна въ Петербургѣ конкурренція торфа, опредѣлить трудно, такъ какъ торфа въ Петербургѣ не продается; значитъ, конкурренція его, во всякомъ случаѣ, менѣе опасна, чѣмъ конкурренція дровяная, а дровяная конкурренція англійскому углю вовсе не страшна. Цѣна кубической сажени березовыхъ дровъ здѣсь 20 рублей; ее замѣняютъ *при отопленіи паровыхъ машинъ* 100 и даже 85 пуд. англійскаго угля; слѣдовательно, англійскій уголь можетъ конкуррировать съ нашими дровами даже при цѣцѣ въ 20 копѣекъ.

«Далѣе,—продолжаетъ г. Авдаковъ,—для мѣстнаго населенія вліяніе пошлины уже потому не можетъ быть ощутительно, что они (оно?) сожигаютъ исключительно дрова въ домашнемъ быту». Положимъ, что не исключительно, такъ какъ въ Петербургѣ есть множество домовъ, нагрѣваемыхъ калориферами, отапливаемыхъ, слѣдовательно, каменнымъ углемъ. Вздорожаніе угля отразится на стоимости отопленія такихъ домовъ, а, слѣдовательно, и на цѣнѣ квартиръ.

Далѣе г. Авдаковъ разсказываетъ, что если и вздорожаетъ уголь въ прибалтійскомъ, краѣ, т.-е. вздорожаетъ несмотря на конкурренцію дровъ и торфа, то и тогда бояться этого нечего, потому что на цѣнѣ фабрикатовъ, выдѣлываемыхъ въ этомъ краѣ при помощи иностраннаго угля,

вздорожаніе угля отразится такою ничтожною величиной, что и толковать объ этомъ не стоитъ.

Въ Россію черезъ порты Балтійскаго моря привозится, какъ говоритъ г. Авдаковъ, 70 милліоновъ пудовъ иностраннаго угля. Если для того, чтобы донецкій уголь могъ въ Москвѣ конкуррировать съ англійскимъ, правительство на каждый пудъ изъ этихъ 70 милліоновъ наложитъ просимую пошлину въ $3^1/_4$ к., то ясно, что потребителямъ этого угля, если онъ вздорожаетъ на весь размѣръ пошлины, придется истратить на уголь на 2.275,000 рублей больше, чѣмъ они тратятъ теперь. Не думаемъ, чтобы это было очень выгодно потребителямъ угля въ прибалтійскомъ краѣ.

Чтобы покончить съ иностранною конкурренціей, скажемъ еще нѣсколько словъ объ условіяхъ добычи угля въ Англіи. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, интересно узнать, отчего англійскій уголь конкуррируетъ съ нашимъ донецкимъ въ Одессѣ, Севастополѣ и даже въ Маріуполѣ, чуть не на мѣстѣ добычи донецкаго угля.

Вотъ какія данныя даетъ *Economiste français* касательно добычи каменнаго угля въ Англіи: цѣна угля на мѣстѣ добычи отъ 4 шилл. 6 пенс. до 4 шилл. 9 пенс. за тонну (62 пуда), что составитъ (по курсу 24 пенса за рубль) 3,83 коп. за пудъ. Рента землевладѣльца — 6 пенсовъ за тонну, т.-е. 0,4 коп. за пудъ. Рабочая плата въ послѣднее время сильно понизилась. Въ 1877 году она была 4 шилл. 9 пенс., а въ 1880 г. 4 шил. и въ 1884 г.—4 шилл. 1 пенсъ, т.-е. около 2 рублей въ день.

Такимъ образомъ, цѣна англійскаго угля на мѣстѣ добычи чуть ли не вдвое ниже цѣны донецкаго угля, который стóитъ на мѣстѣ добычи 7 коп.,—цѣна, по увѣренію г. Авдакова, умѣренная (стр. 213).

Рента же и рабочая плата, напротивъ того, въ Англіи выше, чѣмъ у насъ. Насколько низка рабочая плата у насъ, объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе ниже, а что рента въ Англіи выше, чѣмъ у насъ, то въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и только для гг. углепромышленниковъ напомнимъ общій экономическій законъ, что чѣмъ страна населеннѣе, чѣмъ культурнѣе, тѣмъ рента въ ней выше.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что прибыль донецкихъ углепромышленниковъ громадна.

Прежде чѣмъ перейти къ третьей нуждѣ донецкихъ углепромышленниковъ, интересно сопоставить первую нужду со второю. Въ трудахъ X съѣзда имѣется между другими докладами два: одинъ—докладъ коммиссіи о тарифахъ на перевозку донецкаго минеральнаго топлива, а другой — докладъ коммиссіи по вопросу о пошлинѣ на иностранный каменный уголь. Оба доклада утверждены съѣздомъ, оба доклада подписаны предсѣдателемъ обѣихъ коммиссій, горнымъ инженеромъ Авдаковымъ. Интересно въ этихъ докладахъ то, что въ первомъ изъ нихъ игнорируется

вовсе ходатайство съѣзда о возвышеніи пошлины, а во второмъ—игнорируется ходатайство съѣзда о пониженіи провозныхъ платъ. Такъ что если оба ходатайства будутъ уважены, то перевозка угля въ Одессу будетъ стоить на 2,63 коп. съ пуда дешевле, а при повышеніи пошлины на иностранный уголь съ 2 к. на 3½ к. золотомъ можно будетъ тамъ продавать его на 1½ к. золотомъ или на 2,44 к. кред. дороже, чѣмъ теперь. Слѣдовательно, тотъ углепромышленникъ, который получаетъ теперь 4 коп. *) барыша съ пуда, тогда получитъ болѣе 9.

Разсмотримъ еще одну нужду донецкихъ углепромышленниковъ. Имъ нужно, чтобы построили имъ миллеровскую вѣтвь, т.-е. желѣзную дорогу отъ Луганскаго завода до ст. Миллерово, воронежско-ростовской ж. д.; имъ нужно, чтобы построили имъ восточно-донецкую ж. д., т.-е. дорогу отъ ст. Звѣрево вор.-рост. ж. д. до Дубовки (пристань на Волгѣ); имъ нужно, чтобы построили имъ два порта: одинъ—въ Маріуполѣ, а другой въ Азовской гавани. Сколько милліоновъ должно потратить правительство для того, чтобъ удовлетворить этой нуждѣ донецкихъ углепромышленниковъ въ новыхъ путяхъ сообщенія, этого, конечно, знать въ точности нельзя, но думаемъ, что не менѣе 40. На одну только восточно-донецкую дорогу, по словамъ г. Голубева **), потребуется больше 21 милліона рублей.

Прежде, на IX съѣздѣ, мнѣнія углепромышленниковъ о вышеназванныхъ двухъ дорогахъ расходились: одни говорили, что нужна миллеровская вѣтвь, а не нужно восточно-донецкой дороги, а другіе, наоборотъ, что нужна восточно-донецкая, а не нужно миллеровской; на X же съѣздѣ партіи пошли на взаимныя уступки: и та, и другая партія признали, что обѣ дороги крайне необходимы, и это было съ ихъ стороны очень благоразумно, потому что если изъ лагеря самихъ углепромышленниковъ будутъ раздаваться голоса противъ постройки дорогъ для перевозки угля, думали они совершенно основательно, то нельзя расчитывать, чтобы эти дороги были построены; теперь же, когда всѣ согласны въ ихъ необходимости, ихъ построятъ, если не обѣ сразу, то поочередно. Но и теперь генералъ Золотаревъ, членъ съѣзда, говоритъ, и говоритъ очень основательно, что по миллеровской вѣтви не будетъ обратныхъ грузовъ; онъ, кромѣ того, говоритъ, и тоже совершенно основательно, что съ донецкимъ углемъ не слѣдуетъ забираться далеко на востокъ, что въ Миллеровѣ онъ встрѣтитъ грушевскій антрацитъ, а въ Дубовкѣ бакинскую нефть. Не надо забывать, что бакинская нефть успѣшно конкуррируетъ съ лучшими сортами англійской нефти въ Лондонѣ, что изъ недавнихъ опытовъ

*) Эта цифра не преувеличена: при д. Завидовой, Кривороженской волости, Бахмутскаго уѣзда, въ шахтѣ Е. И. Кудашевой добыча угля обходится по 4 коп. съ пуда; проданъ онъ мѣстнымъ частнымъ землевладѣльцамъ по 8 к. за пудъ (см. *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи*, томъ II, стр. 259).

**) См. его записку въ *Трудахъ X съѣзда*, стр. 157.

въ Петербургѣ оказалось, что ею съ успѣхомъ можно замѣнить уголь (это 10-ти копѣечный англійскій уголь!) на газовомъ заводѣ, т.-е. что добытый изъ нея газъ и дешевле стоитъ, и ярче горитъ. Изъ сдѣланнаго опыта отопленія паровоза выяснилось, что расходъ на отопленіе паровоза, пришедшаго изъ Коломны въ Петербургъ, при отопленіи нефтью, оказался на 50% меньше, чѣмъ при отопленіи углемъ. Какъ же можно не только разсчитывать, но предполагать, чтобы донецкій уголь вытѣснилъ съ Волги нефть, какъ думаетъ г. Голубевъ? Скажемъ болѣе: какъ можно думать, чтобы донецкій уголь могъ вытѣснить нефть даже въ Царицынѣ, а не только по всей Волги до самаго Нижняго? Вотъ что еще въ 1884 году говорилъ, по поводу конкурренціи донецкаго угля съ нефтью, представитель города Севастополя, г. Жудра: «Возвращаясь опять къ вопросу о цѣнѣ угля на севастопольскомъ рынкѣ, необходимо имѣть въ виду, что, кромѣ привоза иностраннаго угля, донецкому грозитъ конкурренція отъ введенія въ употребленіе жидкаго топлива, т.-е. нефти и ея остатковъ, которое должно появиться въ непродолжительномъ времени на Черномъ морѣ изъ Баку. Жидкое топливо имѣетъ столько преимуществъ передъ углемъ, въ особенности для пароходовъ, что только одна неурядица въ нефтяной промышленности въ Баку и частью недостатокъ перевозныхъ средствъ закавказской желѣзной дороги (должны считаться) причиною тому, что пароходы на Черномъ морѣ еще до сихъ поръ отапливаются углемъ». Что донецкій каменный уголь по восточно-донецкой дорогѣ на Волгу не пойдетъ, доказательства этого можно найти даже у того самаго г. Голубева, который своею запиской (*Труды съѣзда*, ч. I, стр. 133—157) хочетъ доказать противное. На страницѣ 137 г. Голубевъ *) говоритъ: «каменный уголь по Волгѣ около Самары, при стоимости его въ Царицынѣ 15 к. за пудъ, можетъ стоить не дороже 21 коп., тогда какъ нефть будетъ тамъ въ цѣнѣ 28 к. за пудъ». А. г. Жудра въ докладѣ своемъ, напечатанномъ въ трудахъ IX съѣзда, говоритъ, что одинъ пудъ нефти, при хорошо устроенной горѣлкѣ, замѣняетъ собою 1,9 пуда угля хорошаго качества **). Слѣдовательно, чтобы конкуррировать съ нефтью, стоющею 28 к. за пудъ, каменный уголь долженъ стоить не болѣе 14½ к. и, притомъ, долженъ быть хорошаго качества.

У г. Голубева на стр. 154 есть исчисленіе общаго вѣроятнаго количества грузовъ, ожидаемыхъ къ поступленію на восточно-донецкую дорогу. По его соображеніямъ, отъ Звѣрева къ Волгѣ пойдетъ 6 милл. пудовъ, на самомъ же дѣлѣ изъ нихъ 5½ (каменнаго угля) туда, какъ мы видѣли, не пойдетъ. Не менѣе того преувеличено у него и количество грузовъ обратнаго направленія—съ Волги на Звѣрево. Не будемъ входить въ разсмотрѣніе каждой изъ десяти рубрикъ предполагаемыхъ грузовъ

*) Надо замѣтить, что г. Голубевъ—членъ отъ министерства финансовъ въ коммиссіи по изысканіямъ направленія дороги, произведеннымъ въ 188¾ г.

**) Г. Жудра—морской инженеръ, слѣдовательно, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ свѣдущій.

въ этомъ направленіи (это было бы слишкомъ долго), замѣтимъ только, что, по соображеніямъ г. Голубева, $2^1/_2$ милл. пудовъ рыбнаго товара, вмѣсто того, чтобъ идти изъ Царицына въ Ростовъ черезъ Грязи, пойдутъ по восточно-донецкой дорогѣ; 1 милл. пудовъ желѣза, вмѣсто того, чтобы сплавляться изъ Царицына въ Ростовъ по Дону, направится въ Ростовъ черезъ Звѣрево; наконецъ, направятся изъ Дубовки въ Звѣрево произведенія фабрикъ Царства Польскаго.

Такія «исчисленія» у насъ очень обыкновенны, но только они обыкновенно производятся промышленниками или торговцами.

Мы видѣли такія исчисленія передъ постройкой маріупольской вѣтви донецкой дороги; мы ихъ видѣли передъ постройкой луньевской вѣтви уральской дороги и т. д., и т. д.

И такъ, о третьей нуждѣ донецкихъ углепромышленниковъ, въ виду конкурренціи бакинской нефти, можно съ большою увѣренностью сказать, что всѣ имѣющіе быть затраченными на удовлетвореніе ея правительствомъ милліоны будутъ брошены совершенно даромъ, безъ всякой пользы даже для самихъ гг. углепромышленниковъ.

Такимъ образомъ, мы познакомили читателя съ тремя главными нуждами донецкихъ углепромышленниковъ. Въ началѣ статьи мы сказали, что такъ какъ углекопы въ съѣздъ не собираются, трудовъ не печатаютъ, то мы ничего не можемъ сказать читателю о томъ, какъ живутъ углекопы, каковы *ихъ* нужды.

Теперь, въ самое послѣднее время, изданъ екатеринославскимъ губернскимъ земствомъ II томъ *Сборника статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи.* Въ немъ мы нашли довольно много свѣдѣній объ интересующемъ насъ предметѣ, а потому мы, по возможности, и подѣлимся ими съ читателемъ.

Вотъ, наприм., какъ описывается въ *Сборникѣ* обстановка углекоповъ, работающихъ на Семеновской и Александровской шахтахъ:

„Здѣсь ни школъ, ни больницъ, ни учителей, ни врачей, ни фельдшеровъ совсѣмъ нѣтъ; многіе изъ постоянныхъ рабочихъ—семейные, имѣющіе дѣтей, число которыхъ вполнѣ достаточно для одной школы, почему открытіе одной школы было бы весьма желательно. Жилища здѣшнихъ рабочихъ—землянки; два-три большихъ „балагана" для помѣщенія артелей вводятъ въ заблужденіе подъѣзжающаго къ шахтамъ. Съ перваго взгляда можно подумать, что здѣсь работы производятся въ ничтожныхъ размѣрахъ, потому что жилищъ для рабочихъ виднѣется очень мало, но заблужденіе скоро обнаруживается: оказывается, что на шахтѣ постоянно живетъ 100—150 рабочихъ. Едва замѣтныя возвышенія надъ поверхностью земли вокругъ шахты указываютъ на жилища рабочихъ; возвышенія эти—„шеи" землянокъ, торчащія изъ подземелій въ видѣ „конька" избъ. „Шеи" изображаютъ входы въ подземелья, закрываемые дверью; дверь низка, пройти въ нее можно только согнувшись. Тотчасъ за дверью начинаются земляныя ступеньки, ведущія къ другой двери; по бокамъ ихъ, до стѣнокъ „шеи", остаются небольшія пространства, гдѣ на голой землѣ устраиваются постели въ лѣтнее время или ставится посуда. Во время дождя вода проникаетъ и сквозь дверныя скважины, и сквозь покровъ и стѣнки „шеи". Другая дверь ведетъ прямо въ

жилище—узкое и продолговатое, или квадратное, сажени по $1^1/_2$ въ стѣнѣ; стѣны кое-какъ забраны досками или выложены слегка камнемъ и иногда побѣлены; полъ земляной, потолка нѣтъ, его замѣняетъ крыша подземелья на стропилахъ; внутри—подтопокъ съ плитой, столъ и скамейка для сидѣнья; кровати попадаются какъ исключеніе. Внутренность подземелья грязна и неопрятна; содержать жилище въ чистотѣ оказывается чрезвычайно затруднительнымъ, въ виду того, что что грязь заносится туда на ногахъ непосредственно изъ „шеи". Сквозь крышу и стѣны проникаетъ въ подземелье и сырость, и влага, а отъ всего этого въ жилищѣ постоянно, даже въ лѣтнее время, воздухъ затхлый и гнилой. Крошечныя окошечки, съ нечисто содержимыми стеклами, пропускаютъ внутрь жилища тусклый полусвѣтъ. Такимъ образомъ, рабочіе, задыхаясь въ спертой и тяжелой атмосферѣ подземныхъ галлерей, во время своихъ дневныхъ и ночныхъ работъ (когда, надо не забывать, легкія рабочихъ, въ особенности *забойщиковъ*, функціонируютъ необыкновенно интензивно), и, портя зрѣніе при тускломъ мерцаніи чадящей масляной лампы, лишены возможности пользоваться достаточнымъ свѣтомъ и чистымъ, свѣжимъ воздухомъ даже и во время своего отдыха. Благодаря всему этому, углекопъ представляетъ изъ себя изможденную, малосильную фигуру съ болѣзненно-блѣднымъ цвѣтомъ лица и плохимъ зрѣніемъ; жилища свои рабочіе строятъ сами изъ рудничнаго матеріала и сохраняютъ право пользованія ими во все время пребыванія на шахтѣ; право же собственности на эти землянки принадлежитъ (новороссійскому) обществу. Самыя шахты Семеновская и Александровская содержатся неисправно; въ нихъ нерѣдко случаются обвалы, вслѣдствіе чего и безъ того недостаточное провѣтриваніе подземныхъ ходовъ еще болѣе затрудняется и воздухъ спирается въ нихъ до того, что лампы тухнутъ или, какъ говорятъ рабочіе, „свѣтло не горитъ". Можно себѣ представить, каково дышать этимъ „воздухомъ" (стр. 283—284).

„Между Семеновской и Александровской шахтами новороссійскаго общества лѣтъ пять тому назадъ поселился кабатчикъ Левушинъ; по его словамъ, мѣсячная продажа питей изъ его „заведенія" составляетъ водки 40 ведеръ по 7—10 руб. за ведро, пива 20 ведеръ по 3 руб., „спеціальныхъ водокъ" 100 бутылокъ по 60—75 коп., кромѣ того, продается коньякъ и хересъ по 2 р. 50 к. за бутылку. Мѣсячная выручка до 500 рублей или, другими словами, съ каждаго рабочаго на рудникахъ сходитъ на питія не менѣе 2 р. 50 к., а въ годъ 30 рублей. Здѣсь пьянство бываетъ страшное. Начиная съ субботы, лишь только получатъ деньги, и до половины вторника рабочіе пьютъ поголовно. „Пропились насквозь; только жены, у кого онѣ есть, и поддерживаютъ мало-мальски",—заявляли намъ на рудикахъ. Здѣсь праздничный день—пьяный день; трезвые рабочіе попадаются тогда рѣдко. Нѣкоторые изъ рабочихъ допились до состоянія, близкаго къ delirium tremens, отъ многихъ постоянно нестерпимо разитъ перегорѣвшею сивухой. Можно представить, въ какой обстановкѣ живутъ эти „насквозь пропившіеся" люди, какими достатками располагаютъ они для хотя сколько-нибудь сноснаго устройства своей домашней жизни. Посѣщая для опросовъ уже извѣстныя землянки рабочихъ, мы, въ большинствѣ случаевъ, не могли пробыть въ нихъ больше двухъ-трехъ минутъ,—до того непріятенъ и тяжелъ въ нихъ воздухъ, даже при открытыхъ дверяхъ; но въ этой смрадной атмосферѣ живутъ не только взрослые, но и дѣти. Нерѣдко приходилось заставать въ землянкахъ бѣдныхъ женщинъ, кое-какъ прикрытыхъ грязными лохмотьями, сидящихъ на голомъ земляномъ полу со штопаньемъ въ рукахъ, съ груднымъ ребенкомъ, валяющимся около на кучѣ нечистаго и вонючаго рванья, и окруженныхъ другими дѣтьми, чумазыми, корявыми и полунагими малютками, высохшими какъ спички, съ синеблѣдными, до нельзя болѣзненными личиками. Тутъ же, кругомъ, ходили и кудахтали куры и хрюкали поросята. Въ одной такой землянкѣ, въ углу, лежалъ больной мальчикъ, едва было оправившійся послѣ оспы, но снова заболѣвшій горячкой. *На большинствѣ остальныхъ*

шахтъ жилища или такія же, или немного лучше, а нищета и пьянство проявляются въ тѣхъ же размѣрахъ" (стр. 323).

Иключеніями изъ этого общаго правила въ Екатеринославской губерніи являются, по словамъ *Сборника*, Рудниковскій рудникъ французской компаніи и Петровскій—г. Шейермана, въ особенности первый.

Вотъ какія, между прочимъ, находимъ свѣдѣнія въ *Сборникѣ* о населеніи, проживающемъ въ селеніяхъ и временно уходящемъ на рудники, т. е. о земледѣльцахъ, временно работающихъ у углепромышленниковъ:

„Идутъ на шахты обыкновенно безхозяйные и бѣднѣйшіе жители и отчасти изъ многодушныхъ семей средняго достатка. Крестьяне-хозяева уходятъ на шахты вслѣдствіе разстройства и значительнаго упадка своихъ хозяйствъ, не дающихъ достаточныхъ средствъ къ существованію. Для крестьянъ-земледѣльцевъ вообще ручныя работы, вслѣдствіе непривычки, являются крайне изнурительными. Двѣнадцати-часовая тяжелая работа въ полутьмѣ и при недостаткѣ чистаго воздуха въ шахтахъ быстро подрываетъ ихъ силы. Изъ 9 мѣсяцевъ въ году, въ теченіе которыхъ пѣшіе рабочіе бываютъ въ шахтахъ, рабочаго времени у самыхъ усердныхъ выходитъ не болѣе 6 мѣсяцевъ; по изнурительности рудничныхъ занятій, послѣ мѣсяца работы въ шахтахъ, каждому *крестьянину* необходимъ двухнедѣльный отдыхъ. На время отдыха бахмутскіе жители, получивъ часть заработка, обыкновенно уходятъ домой, а пришлые изъ дальнихъ мѣстъ отдыхаютъ въ казармахъ при шахтахъ.

„Общія условія работъ на славяносербскихъ и маріупольскихъ шахтахъ одинаковы съ условіями на бахмутскихъ рудникахъ: тѣ же двѣнадцати-часовыя (денныя и ночныя) смѣны рабочихъ, то же время на ѣду безъ отдыха послѣ обѣда, тѣ же артели общежитія, для удешевленія харчей, помѣщающіяся въ казармахъ, гдѣ, какъ и въ Бахмутскомъ уѣздѣ, рабочіе спятъ на нарахъ. Только кое-гдѣ въ лампахъ рабочихъ горитъ не масло, а рыбій жиръ, но отъ этого воздухъ въ подземельяхъ чище не бываетъ" (стр. 326 и 327).

О томъ, какую рабочую плату получаютъ углекопы, вотъ что, между прочимъ, находимъ въ *Сборникѣ*:

„О рабочей платѣ на шахтахъ въ Міусскомъ округѣ можно судить по даннымъ, собраннымъ отъ работавшихъ на рудникѣ г. Иловайскаго. Вообще цѣны измѣняются въ зависимости отъ наплыва рабочихъ людей. Помѣсячно получаютъ отъ подрядчика:

	На хозяйскомъ продовольствіи.	На своемъ продовольствіи.
Забойщики	12—15 р.	17—20 р.
Саночники	8—10 „	13—15 „
Вагонщики	10—12 „	15—17 „

О шахтѣ г-жи Нестеровой мы имѣемъ слѣдующія цифровыя данныя. Добываетъ г-жѣ Нестеровой уголь подрядчикъ-англичанинъ, за что получаетъ отъ нея по $1^3/_4$ коп. съ пуда; добываетъ онъ ежедневно 3,186 пуд. и получаетъ за нихъ, слѣдовательно, 55 руб. 76 коп., изъ коихъ онъ расходуетъ 48 руб. 43 коп., получая въ день чистаго барыша 7 руб. 33 к. Рабочій (не-спеціалистъ) получаетъ тамъ среднимъ числомъ 58 коп. въ день. Сама же г-жа Нестерова получаетъ въ день, продавая свой уголь на заводъ Юза по $4^1/_2$ коп. за пудъ, 87 руб. 61 коп. Слѣдовательно, изъ 12 рабочихъ часовъ рабочій работаетъ на себя немного болѣе 4 часовъ, а остальные 8 часовъ онъ работаетъ на предпринимателей.

Сдѣлаемъ еще одну выписку изъ *Сборника*. Вотъ что писалось по поводу вообще горнорабочихъ юга Россіи въ *Южно-Русскомъ Горномъ Листкѣ* 1881 года (№ 1, стр. 14):

„Вопросъ о горнорабочихъ на югѣ Россіи есть важный вопросъ. Его пока не касалось ни правительство, ни печать. Мы даже не имѣемъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ рабочихъ на каменно-угольныхъ копяхъ, не говоря уже о томъ, что въ литературѣ положительно нѣтъ никакихъ свѣдѣній о положеніи горнорабочихъ на югѣ Россіи. А, между тѣмъ, здѣсь, на югѣ, горнорабочій классъ является въ полномъ смыслѣ неблагоустроеннымъ. Бродячая жизнь, поголовное пьянство, нищета и голь,—вотъ характерныя качества нашего рабочаго. Болѣе или менѣе прилично обставлены рабочіе на большихъ рудникахъ, гдѣ они получаютъ задѣльную плату, но и здѣсь ихъ недостатокъ — пьянство. О небольшихъ же рудникахъ (а ихъ большинство) нечего и говорить“.

„Подобное положеніе горнорабочихъ,—продолжаетъ авторъ цитируемой статьи,—крайне вредно отражается и на развитіи горной промышленности и не должно долѣе продолжаться. Изучить положеніе горнорабочаго класса, дать ему, при помощи правительства и частныхъ промышленниковъ, правильную организацію—вотъ прямыя задачи, предстоящія къ разрѣшенію. Справедливость перваго замѣчанія не подлежитъ ни малѣйшему спору; замѣчательно, что оно до сихъ поръ не вызвало соотвѣтствующихъ, дѣйствительно необходимыхъ и, во всякомъ случаѣ, неизбѣжныхъ дѣйствій и мѣропріятій со стороны заинтересованныхъ лицъ и учрежденій. Если можно сказать, что къ выполненію первой изъ указанныхъ въ цитатѣ задачъ въ настоящее время уже приступлено, то въ отношеніи второй на практикѣ пока еще не сдѣлано ничего. Жизнь и здоровье рабочаго,—заключаетъ авторъ,—находятся въ прямой зависимости отъ степени техническаго совершенства производимыхъ въ рудникахъ работъ. И въ этомъ отношеніи каменно-угольные рудники на югѣ Россіи заставляютъ желать многаго“. Приведенные нами факты заваловъ, отдушинъ и вообще обваловъ въ рудникахъ Бахмутскаго уѣзда, какъ равно недостаточность приспособленій для провѣтриванія подземныхъ ходовъ, свидѣтельствуютъ, что послѣднія заключительныя слова автора не потеряли значенія и для настоящаго времени“ (стр. 333 и 334).

Будемъ надѣяться, что дальнѣйшее развитіе нашего фабрично-заводскаго законодательства устранитъ эти и подобныя имъ печальныя явленія.

Алексѣй Тверитиновъ.

ТЭНЪ.

(Paul Bourget: «Essais de Psychologie contemporaine»).

Предлагаемая, въ сокращенномъ переводѣ, характеристика Тэна принадлежитъ перу французскаго писателя, который до сихъ поръ мало извѣстенъ русской публикѣ, но представляетъ замѣтную величину въ современной французской литературѣ. Поль Бурже — романистъ, поэтъ и, въ то же время, критикъ. Критическія статьи его, появлявшіяся въ періодической прессѣ, были собраны имъ въ два тома и появились отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ *Очерки современной психологіи*. Въ предисловіи, которое онъ предпосылаетъ этому изданію, Бурже говоритъ, что цѣлью его было «составить нѣсколько замѣтокъ, которыя могли бы пригодиться историку нравственной жизни французскаго общества во второй половинѣ XIX вѣка». Однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ, вліяющихъ на нравственный складъ человѣка, Бурже считаетъ книгу. «При постоянномъ ослабленіи традиціонныхъ и мѣстныхъ вліяній,—говоритъ онъ,—въ наши дни книга становится великимъ иниціаторомъ. Нѣтъ ни одного человѣка между нами, который, заглянувъ въ глубину своей собственной души, не вынужденъ бы былъ сознаться, что онъ былъ бы нѣсколько инымъ человѣкомъ, если бы не прочелъ ту или другую книгу». Напрасно мудрецы, видя юношу, который за чтеніемъ любимаго автора забываетъ весь окружающій міръ, замѣчаютъ, что лучше бы ему оставить книгу и жить. «Увы! юноша живетъ въ эту минуту, и живетъ болѣе интензивною жизнью, чѣмъ если бы онъ рвалъ цвѣты, любовался закатомъ или сжималъ въ своихъ рукахъ руку дѣвушки. Онъ весь переходитъ въ фразы своего любимаго автора, которыя вводятъ его въ новый міръ неизвѣданныхъ чувствъ. Отъ этого перваго посвященія до подражанія—одинъ только шагъ, и юноша вскорѣ дѣлаетъ этотъ шагъ... Опредѣлить нѣкоторые образцы чувствъ, которыя иными писателями нашей эпохи предлагаются молодымъ людямъ для подражанія, указать нѣкоторыя изъ тѣхъ общихъ причинъ, которыя привели этихъ писателей

къ изображенію такого рода чувствъ и дѣлаютъ послѣднія симпатичными для читателей, такова цѣль настоящихъ очерковъ».

Съ перваго взгляда кажется, что авторъ въ выборѣ писателей для своихъ характеристикъ не придерживался никакого общаго плана. Что общаго между авторомъ *Fleurs du Mal*, Бодлеромъ, за которымъ, такъ сказать, офиціально упрочилась кличка «нездороваго поэта», и ученымъ экзегетомъ, моралистомъ и публицистомъ Ренаномъ, съ его академическимъ изяществомъ формы и аристократическою уравновѣшенностью содержанія, или между философомъ и «представителемъ чистой науки» Тэномъ и отцомъ современнаго натуралистическаго романа, романтикомъ Флоберомъ? Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ вы читаете эти очерки, по крайней мѣрѣ, первый томъ ихъ, въ который, кромѣ вышепоименованныхъ писателей, вошла характеристика Стендаля *), передъ вами все отчетливѣе выступаютъ родственныя черты этихъ, повидимому, столь разнородныхъ писателей. Изъ различныхъ, частью противуположныхъ направленій, которыя борятся въ умахъ современнаго человѣчества, Бурже избралъ представителей того направленія, которое, повидимому, для него самого имѣетъ наиболѣе притягательную силу. Направленіе это—пессимизмъ. Писатели, сгруппированные въ первомъ томѣ *Психологическихъ очерковъ*, необыкновенно рельефно воспроизводятъ въ себѣ, каждый по-своему, тотъ строй мыслей и чувствъ, который породилъ эту болѣзнь вѣка.

Бодлеръ, совмѣщающій въ себѣ, по опредѣленію Бурже, «мистика, развратника и тонкаго аналиста», раздвоенный между потребностями пресыщеннаго чувства и скептицизмомъ ума, безсильно воздыхающій о какомъ-то туманномъ идеалѣ неземной женской любви и, въ то же время, ищущій въ самыхъ уродливыхъ ухищреніяхъ разнузданнаго воображенія средства обновить наслажденіе опротивѣвшимъ ему развратомъ, презирающій глупцовъ, которые вѣрятъ еще въ прогрессъ, и самодовольно провозглашающій себя представителемъ эпохи упадка, — такова первая фигура этой маленькой портретной галлереи. Затѣмъ слѣдуетъ Ренанъ, этотъ «великій презиратель» и «диллетантъ» (опять-таки опредѣленіе Бурже); въ виду различныхъ теченій, борющихся въ умахъ и въ дѣйствительной жизни, онъ отказывается занять какое-нибудь опредѣленное положеніе; онъ дошелъ до того, что «сомнѣвается въ самомъ сомнѣніи своемъ», и «идеализмъ», который онъ себѣ вырабатываетъ, есть, въ сущности, совмѣщеніе самыхъ разнородныхъ началъ, только лишенныхъ той рѣзкости формулъ, которая придаетъ каждому изъ нихъ цѣльность и опредѣленность. По отношенію къ одному только вопросу становится онъ въ болѣе опредѣленное положеніе: «надвигающаяся волна демократическаго прилива» антипатична аристократическому чувству, кото-

*) Содержаніе втораго тома составляютъ: Дюма-сынъ, Леконтъ де-Лиль, братья Гонкуры, Тургеневъ и Аміель.

рое у него въ крови; онъ видитъ въ ней торжество посредственности, грозящее потопить нравственныя и умственныя вершины человѣчества. Еще далѣе слѣдуютъ: Тэнъ, жрецъ чистой науки, для котораго люди и предметы не существуютъ сами по себѣ, а существуютъ лишь абстрактные законы природы, въ нихъ проявляющіеся, для котораго нѣтъ выше наслажденія, какъ «созерцаніе», и который этому созерцанію неутомимо дѣйствующихъ законовъ природы принесъ въ жертву «благороднѣйшія потребности сердца»; Флоберъ, этотъ мизантропъ, презиравшій человѣческую глупость съ какимъ-то наслажденіемъ, этотъ честолюбецъ, набросившійся на литературу, «какъ на средство обмануть мучившую его потребность много дѣйствовать и сильно чувствовать». Этотъ писатель, утратившій, по собственному его признанію, надъ изображеніемъ вымышленныхъ страданій способность отзываться чувствомъ на дѣйствительныя страданія, этотъ фанатикъ слога, который, по странной непослѣдовательности, провозгласивъ всѣ человѣческія стремленія суетою суетъ, самъ становится добровольнымъ мученикомъ изобрѣтеннаго имъ стилистическаго идеала; наконецъ, Стендаль, этотъ философствующій и анализирующій солдатъ наполеоновскихъ войнъ, преслѣдующій, даже на поляхъ сраженій, среди грудъ изуродованныхъ труповъ, двойственное наслажденіе сильно ощущать и анализировать свои ощущенія. При всѣхъ особенностяхъ индивидуальныхъ физіономій, не трудно отличить въ этихъ портретахъ черты фамильнаго сходства: высокомѣрное выдѣленіе собственной личности изъ массы страдающаго и борющагося человѣчества; равнодушное или даже враждебное отношеніе къ стремленіямъ этого человѣчества; развитіе созерцанія и ощущенія въ ущербъ дѣятельной энергіи; своего рода духовное эпикурейство, пользующееся всѣми средствами знанія, искусства, культуры для того лишь, чтобъ обострять въ себѣ способность наслажденія,—эпикурейство, которое, въ концѣ-концовъ, само противъ себя обращается, такъ какъ способность наслажденія, слишкомъ тщательно культивируемая въ тѣсной сферѣ ощущеній, замкнутыхъ въ самихъ себѣ, постепенно убываетъ, какъ убываетъ сталь слишкомъ усердно оттачиваемаго лезвея ножа.

Бурже, какъ вѣрный послѣдователь того аналитическаго направленія, которое изъ романа перешло и въ современную французскую критику, «воздерживается отъ всякой оцѣнки характеризуемаго имъ направленія «an ud für sich»; онъ нѣсколько разъ оговаривается, что вся его задача въ томъ, чтобъ объяснить, какъ и при какихъ условіяхъ возникли данныя явленія. Провести совершенно послѣдовательно такую отрѣшенность отъ субъективной оцѣнки ему, конечно, не удается, и у него невольно вырывается вопросъ: «Дѣйствительно ли это ужасающее чувство тошноты, охватывающее самые великолѣпные умы передъ тщетными усиліями жизни, имѣетъ основаніе? Дѣйствительно ли человѣкъ, цивилизуясь, лишь осложнилъ свое варварство и придалъ лишь бо̀льшую

утонченность своей способности страдать?» Никакого опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ у него не находится, да и немудрено,—вѣдь, онъ, въ сущности, ученикъ тѣхъ авторовъ, характеристики которыхъ онъ даетъ: они — властители его думъ; ихъ воззрѣнія — та призма, сквозь которую преломляются, прежде чѣмъ проникнуть въ его сознаніе, общія идеи, составляющія такъ называемый духъ вѣка. Поэтому пессимизмъ его учителей кажется ему неизбѣжнымъ, роковымъ результатомъ того переворота, который развитіе естествознанія и побѣды естественнонаучныхъ методовъ вызвали во всѣхъ отрасляхъ умственной производительности; онъ даже сомнѣвается, чтобы было когда-либо возможно разрѣшеніе антиноміи между наукой и нравственнымъ чувствомъ. Нужно ли напоминать читателю, что цѣлый рядъ умовъ, не менѣе «великолѣпныхъ», чѣмъ тѣ, которые властвуютъ надъ думами Бурже, и, притомъ, игравшихъ въ научномъ движеніи даже болѣе творческую роль, убереглись отъ мнимо-роковыхъ выводовъ пессимизма? Не трудно доказать, что научный детерминизмъ, разсматривающій каждое явленіе въ связи съ обусловившими его причинами и съ дѣйствующими въ немъ законами естественной необходимости, не только не создаетъ никакой антиноміи между своими выводами и нравственнымъ чувствомъ, но, напротивъ, будучи понятъ надлежащимъ образомъ, вооружаетъ это послѣднее могущественными средствами для цѣлесообразнаго дѣйствія. Въ области физики, химіи, медицины научный детерминизмъ не помѣшалъ, а помогъ примѣненію законовъ естественной необходимости къ цѣлямъ и потребностямъ нашего человѣческаго существованія. Научная разработка соціологическихъ вопросовъ едва только началась; добытый ею матеріалъ можно сравнить съ молодымъ, неперебродившимъ виномъ, которое, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ вливать въ старые мѣха. А какого рода причинами обусловливается это переливанье новаго вина въ старые мѣха, порождающее пессимизмъ, это, между прочимъ, можно видѣть и изъ очерка, предлагаемаго нами читателю: въ одной изъ главъ этого очерка Бурже даетъ превосходную характеристику того настроенія умовъ, которое во времена второй имперіи, среди общей деморализаціи и разочарованія въ прежнихъ вѣрованіяхъ, съ одной стороны, подготовило торжество научнаго направленія въ области соціологіи, а съ другой — придало этому направленію характеръ раболѣпнаго преклоненія передъ всякимъ совершившимся фактамъ.

На этомъ мы можемъ закончить пояснительную замѣтку и предоставить слово самому Бурже.

Возникновеніе каждой новой литературной славы представляется своего рода загадкой. Иногда разрѣшеніе этой загадки осложняется крутыми поворотами, происходящими въ общественномъ мнѣніи относительно собственныхъ его любимцевъ. Внезапно модный писатель, безъ всякой

вины съ его стороны, кромѣ логическаго развитія мыслей, лежавшихъ въ основаніи первыхъ его трудовъ, возстановляетъ противъ себя тѣхъ, которые ему раньше рукоплескали. Такова была во всѣ времена судьба многихъ знаменитостей; такова въ настоящую минуту судьба Тэна. Вплоть до послѣднихъ годовъ авторъ *Англійской литературы* зачислялся большинствомъ своихъ читателей въ ряды тѣхъ, кого можно бы было назвать крайнею лѣвой современной мысли. Онъ извѣдалъ непріятности, сопряженныя съ такимъ положеніемъ, но и вкусилъ, въ то же время, отъ его преимуществъ. Епископъ Орлеанскій предупреждалъ отцовъ семействъ, чтобъ они держались на-сторожѣ отъ философа, провинившагося такою смѣлою фразой: «Факты, какъ физическаго, такъ и нравственнаго порядка всегда имѣютъ свои причины. Такая причинность существуетъ и для честолюбія, и для мужества, и для правдивости, такъ же, какъ она существуетъ для пищеваренія, для движенія мышцъ и для животной теплоты. Порокъ и добродѣтель—продукты, такъ же, какъ сѣрная кислота или сахаръ».

Эту фразу будущій глава натурализма, Эмиль Зола, тогда еще только вступавшій на литературное поприще, выставилъ, какъ девизъ и какъ программу, во главѣ романа, скандализировавшаго многихъ. Дѣло въ томъ, что молодые люди поколѣнія, готовившагося выступить на жизненномъ поприщѣ, питали къ этому смѣлому сокрушителю идоловъ оффиціальной метафизики восторженное благоговѣніе. Я помню, какъ на другой день послѣ войны мы, свѣжеиспеченные студенты, тѣснились въ обширной аудиторіи школы изящныхъ искусствъ, въ которой Тэнъ читалъ свои лекціи въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ зимняго семестра. Онъ читалъ эти лекціи своимъ нѣсколько однообразнымъ голосомъ, придававшимъ какой-то иностранный акцентъ словамъ коротенькихъ фразъ. И самое это однообразіе, эта скупая жестикуляція, это стараніе не громоздить поверхъ дѣйствительнаго краснорѣчія фактовъ искусственное краснорѣчіе, выѣзжающее на сценическихъ эффектахъ,—все это довершало наше очарованіе. Этотъ человѣкъ, до того скромный, что, казалось, даже и не подозрѣвалъ своей европейской славы, и до того простой, что, повидимому, заботился лишь о достойномъ служеніи истинѣ, становился для насъ апостоломъ новой вѣры. Ужь этотъ-то, по крайней мѣрѣ, говорили мы себѣ, никогда не приносилъ жертвъ на алтарѣ оффиціальныхъ доктринъ. Ужь этотъ-то никогда не лукавилъ. То, что онъ преподносилъ намъ въ своихъ отрывочныхъ фразахъ, столь содержательныхъ, при всей изъ краткости, было, дѣйствительно, его мыслью, глубоко и неподкупно искреннею.

Годы прошли съ тѣхъ поръ. Не то, чтобъ очень многіе годы,—о, нѣтъ! И вотъ мы видимъ, что Тэнъ насчитываетъ между своими поклонниками тѣхъ, которые шли по стопамъ монсиньора Дюпанлу, а былые его почти фанатичные приверженцы обвиняютъ его въ отреченіи отъ тѣхъ убѣжденій, на почвѣ которыхъ они сходились съ нимъ для борьбы

за общее имъ дѣло. Три тома его *Histoire des origines de la France contemporaine* появились и для однихъ онъ превратился въ Жозефа Леметра документальной исторіи, другіе же приписываютъ мелкимъ, недостойнымъ побужденіямъ пессимизмъ, который со стороны автора есть лишь логическій выводъ, но въ которомъ они хотятъ непремѣнно видѣть противорѣчіе. Оставаясь вѣренъ первоначальному плану, избранному мною для этого рода очерковъ, я постараюсь показать, какимъ образомъ одинъ и тотъ же строй чувствъ, одна и та же доктрина и одинъ и тотъ же методъ привели Тэна къ враждебному столкновенію съ извѣстными стремленіями современной французской души, между тѣмъ какъ до этого они ставили его въ положеніе человѣка, безсознательно льстившаго другимъ стремленіямъ той же коллективной души.

I.

Философская впечатлительность.

Предположимъ, что добросовѣстный читатель, внимательно прочитавъ всѣ двадцать съ чѣмъ-то томовъ, заключающіе въ себѣ всѣ донынѣ изданные труды Тэна, захочетъ выразить свое впечатлѣніе въ сжатой формѣ одного изъ тѣхъ общихъ терминовъ, которые служатъ для классификаціи даннаго ума, отмѣчая преобладающее въ немъ свойство и излюбленное его направленіе. Такое сжатое опредѣленіе будетъ, прежде всего, затруднено разнообразіемъ тѣхъ родовъ литературной дѣятельности, которымъ посвящалъ себя авторъ съ одинаковымъ успѣхомъ и которымъ онъ, силою своего таланта, придавалъ своеобразный отпечатокъ. Тэна, собственно говоря, нельзя назвать критикомъ, хотя онъ далъ намъ по этой части нѣсколько превосходныхъ очерковъ, какъ, напримѣръ, его статья о Бальзакѣ и статья о Сенъ-Симонѣ, которыя, по тонкости анализа и по ясности изложенія, могутъ считаться по-истинѣ образцовыми произведеніями. Но сравните эти страницы съ тѣми, которыя были написаны о тѣхъ же предметахъ Сентъ-Бёвомъ, и вы тотчасъ же поймете различіе, существующее между пріемами психологической анатоміи, свойственными изслѣдователю, для котораго литература есть лишь признакъ, и между критическимъ методомъ въ строгомъ значеніи этого слова,—методомъ, въ которомъ литературное произведеніе представляетъ для критика фактъ въ высшей степени интересный самъ по себѣ. Сентъ-Бёвъ больше всего обращаетъ вниманіе на индивидуальное и частное и поверхъ всѣхъ мелочныхъ подробностей, въ изслѣдованіе которыхъ онъ вдается, передъ нимъ носится идеалъ извѣстныхъ эстетическихъ правилъ, сообразно съ которымъ онъ и выводитъ свое заключеніе, заставляя насъ соглашаться съ нимъ.

Тэну же, напротивъ, разсматриваемый имъ авторъ служитъ лишь предлогомъ для развитія извѣстнаго положенія: всего болѣе онъ озабо-

ченъ тѣмъ, чтобы доказать по этому поводу какую-нибудь общую истину, значеніе которой представляется ему дѣломъ первенствующей важности. Нельзя также назвать Тэна и историкомъ, хотя изъ-подъ его пера вышло нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ отрывковъ. Въ то время, когда онъ писалъ ихъ, онъ не уступалъ той неодолимой потребности воскрешать прошлое, которая овладѣваетъ такимъ историкомъ, какъ, напримѣръ, Мишле, при одномъ прикосновеніи къ пожелтѣлымъ, стариннымъ документамъ. Для Тэна та или другая глава исторіи является какъ бы матеріаломъ для знанія, на вершинѣ котораго онъ водрузитъ опять-таки какую-нибудь общую истину такъ, чтобъ она выступала въ полномъ свѣтѣ очевидности. Мишле показывалъ ради удовольствія *показывать*; Тэнъ тоже можетъ воспроизводить событія прошлаго съ неменьшею выпуклостью очертаній, но дѣлаетъ онъ это ради удовольствія *доказывать*. Столь же мало подходитъ къ нему и названіе художника, въ смыслѣ служенія чистому искусству, хотя онъ и написалъ цѣлыя книги, въ которыхъ яркими красками описываетъ свои путешествіи по Италіи, Англіи и въ Пиренеяхъ. Но предпринималъ онъ эти поѣздки не съ тѣмъ, чтобы тѣшить свое зрѣніе, подобно Теофилю Готье, новизною картинъ, быстро смѣняющихся среди разнообразія вселенной. Существуетъ гипотеза о соотношеніи между человѣкомъ и окружающею его средой; провѣрка этой-то гипотезы манила Тэна къ дальнимъ горизонтамъ и дневникъ путевыхъ впечатлѣній, который онъ намъ привезъ изъ чужихъ странъ, имѣетъ опять-таки цѣлью доказать общую истину. Что̀ бы онъ ни писалъ: критическіе очерки, историческія статьи, книги беллетристическаго характера,—все служило ему для удовлетворенія одной, преобладающей страсти—философіи. Тэнъ никогда не былъ и не будетъ чѣмъ-либо инымъ, какъ только философомъ. Рѣдко можно найти литературную дѣятельность, которая представляла бы болѣе полное внутреннее единство, и натуру, въ которой спеціальность была бы такъ рѣзко обозначена. Необходимо описать эту натуру, чтобы понять характеръ литературной ея дѣятельности; разъ передъ нами выяснится сущность и своеобразность воображенія нашего писателя, все остальное вытекаетъ изъ этихъ данныхъ само собою. Слово «философъ» можно переводить на различные лады—и въ хвалебномъ, и въ порицательномъ смыслѣ. Но, въ сущности, всѣ эти опредѣленія сводятся къ нижеслѣдующему: философскій умъ есть такого рода умъ, который составляетъ себѣ о предметахъ общія понятія, т.-е. понятія, въ основѣ которыхъ лежитъ уже не тотъ или другой изолированный фактъ, не тотъ или другой отдѣльный предметъ, а цѣлые ряды фактовъ и цѣлыя группы предметовъ. Когда поэтъ, подобный Мольеру или Шекспиру, задается цѣлью изобразить страсть, напримѣръ, ревность, онъ видитъ даннаго ревнивца, будь то Арнольфъ или Отелло,—во всякомъ случаѣ, живое, конкретное лицо, которое движется среди извѣстныхъ, строго ограниченныхъ событій. Совершенно наоборотъ, когда философъ, какъ, напримѣръ, Спиноза,

задается цѣлью изучить эту же страсть, онъ видитъ уже не частный случай, а общій законъ, управляющій всею совокупностью однородныхъ случаевъ, и выражаетъ этотъ законъ въ такой формулѣ, которая равно примѣнима и къ мавру-авантюристу, Отелло, и къ парижскому буржуа, Арнольфу: «Представьте себѣ,—говоритъ онъ,—что другой привязываетъ къ себѣ существо, любимое вами, узами той же любви, которая васъ связывала съ этимъ существомъ. Вы возненавидите это любимое существо и, въ то же время, будете завидовать вашему счастливому сопернику...» Затѣмъ слѣдуетъ комментарій чисто-теоретическій, невозмутимо спокойный и всеобъемлющій, какъ развитіе геометрическаго положенія. Вамъ подобная формула кажется мертвою, такъ какъ вы не привыкли вращаться среди абстракцій, какъ среди живыхъ существъ. Но для философа эта формула живетъ. Въ ней, какъ въ ракурсѣ, онъ созерцаетъ безконечную нить частныхъ фактовъ, подчиненныхъ формулѣ, и удовольствіе этого созерцанія такъ сильно, что люди, вкусившіе отъ него, постоянно стремятся къ нему вернуться. Немного можно найти писателей, которые въ такой мѣрѣ, какъ Тэнъ, были бы подчинены тираннической власти такого своеобразнаго склада воображенія. Благодаря этому складу воображенія, онъ видитъ въ дивныхъ отрывкахъ великаго прозаика, римлянина Тита Ливія, лишь поводъ для обсужденія одной теоремы Спинозы; этотъ же складъ воображенія вынуждаетъ его истолковывать въ духѣ высшей доктрины и великія произведенія всевозможныхъ родовъ искусства, и особенности изящной парижской жизни, и исторію англійской литературы, и французскую революцію. Этотъ складъ воображенія такъ царитъ надъ нимъ, что, навязавъ ему свой методъ анализа, онъ навязываетъ ему и свою форму. Во всей современной литературѣ вы не найдете ни одного писателя, у котораго слогъ отличался бы бóльшею систематичностью и всѣми своими пріемами лучше передавалъ бы предвзятость мысли, увѣренной въ самой себѣ. Каждый періодъ у Тэна изображаетъ изъ себя аргументъ, каждый членъ этого періода есть доказательство, клонящееся къ подтвержденію тэзиса, защищаемаго всею совокупностью даннаго параграфа, а самый параграфъ такъ тѣсно связанъ съ главою, которая, въ свою очередь, такъ тѣсно связана съ цѣлымъ сочиненіемъ, что вы какъ будто видите передъ собою пирамиду, всѣ части которой, отъ ничтожнѣйшаго камня фундамента и до плиты, увѣнчивающей пирамиду, сходятся къ острой вершинѣ, господствующей надъ всѣмъ и какъ бы привлекающей къ себѣ всю массу.

Каждому складу воображенія соотвѣтствуетъ и особый родъ впечатлительности чувства. Зная, какимъ образомъ философъ понимаетъ жизнь, мы можемъ сказать, и какія представленія возникаютъ въ его душѣ въ часы раздумья, когда онъ остается наединѣ съ самимъ собою. Такъ какъ всякій жизненный опытъ разрѣшится для него извѣстнымъ количествомъ общихъ идей, то именно эти-то идеи и воскресаютъ передъ его умствен-

нымъ взоромъ. Поэтому впечатлительность его чувства по отношенію къ людямъ и предметамъ бываетъ обыкновенно довольно ограничена; эти люди и эти предметы для него почти не существуютъ. За то онъ съумѣетъ распознать безчисленные оттѣнки въ идеяхъ; онъ будетъ наслаждаться присущею имъ, такъ сказать, техническою красотой, подобно тому, какъ живописецъ наслаждается техническою красотой, получающеюся отъ сопоставленія двухъ красокъ, или музыкантъ тою, которая дается сочетаніемъ двухъ звуковъ. Возвышенность широкой гипотезы будетъ приводить философа въ восхищеніе и тонкости какой-нибудь теоріи будутъ его очаровывать. Открытіе остроумной формулы будетъ его радовать, какъ другихъ радуетъ удача въ любви, его оргіями будутъ тѣ минуты, когда онъ можетъ всецѣло отдаться опьяняющей игрѣ своей метафизической фантазіи. У геніальныхъ философовъ этотъ экстазъ мысли достигалъ такой силы, что онъ высасывалъ изъ нихъ всѣ жизненные соки и не давалъ разцвѣсть рядомъ съ собою никакой другой наклонности. Біографіи Канта и Спинозы даютъ намъ прекрасный примѣръ этого поглощенія всего темперамента и всей души однимъ, единственнымъ удовольствіемъ, которое обостряется до опьяненія и разростается до маніи. Изъ-за анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о странностяхъ характера, вы угадываете своеобразное величіе всесильной страсти, которая позволила человѣку создать себѣ среди вселенной свою собственную вселенную и двигаться среди этой области, ему одному подвластной, подобно Виргиліеву Энею, окруженному облакомъ. «И богиня распростерла вокругъ нихъ въ пространствѣ плащъ изъ тумана, дабы никто не могъ видѣть ихъ или прикоснуться къ нимъ».

Конечно, способности Тэна слишкомъ сложны и любознательность его слишкомъ отзывчива, чтобъ онъ когда-либо, даже въ минуты наибольшаго поглощенія умозрительными процессами, могъ дойти до такой полной изолированности ума и сердца. Тѣмъ не менѣе, однако, подобно тому, какъ философскій складъ воображенія составляетъ преобладающую особенность его ума, такъ философская эмоція представляетъ наиболѣе впечатлительную сторону его чувства. Въ его сочиненіяхъ мы находимъ множество мѣстъ, гдѣ онъ посвящаетъ насъ въ глубокія радости, доставленныя ему мыслью. Это даже единственныя личныя признанія, которымъ онъ дозволялъ срываться съ пера ученаго, отрѣшившагося отъ всякой субъективности. Такъ, о первыхъ своихъ научныхъ занятіяхъ онъ говоритъ съ тихою грустью влюбленнаго, вспоминающаго первое свое любовное свиданіе. «Я читалъ Гегеля,—говоритъ онъ,—ежедневно, въ теченіи цѣлаго года, въ провинціи; по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда болѣе не испытаю снова впечатлѣній, подобныхъ тѣмъ, которыя онъ мнѣ доставилъ...» Въ другомъ мѣстѣ Тэнъ проговаривается слѣдующимъ признаніемъ: «Для людей, одаренныхъ воображеніемъ, въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ философія является всевластною любовницей... Вы парите надъ

міромъ, вы восходите до происхожденія вещей, вы открываете механизмъ ума. Вамъ кажется, что у васъ вдругъ выросли крылья. На этихъ новыхъ крыльяхъ вы устремляетесь въ глубь исторіи и въ безпредѣльность природы». Это лирическое изліяніе дѣлаетъ намъ понятнымъ то сочувствіе и снисходительность, съ которыми онъ говоритъ о Пьерѣ и его пріятелѣ, этихъ двухъ метифизикахъ, которые живутъ близъ Jardin des Plantes и «которые не водятъ свѣтскихъ знакомствъ, не играютъ въ вистъ, не нюхаютъ табаку, не составляютъ коллекцій,—они любятъ разсуждать...» Отправляется ли онъ въ итальянскую оперу, видитъ ли онъ тамъ, облокотившеюся на бархатъ ложи, прелестную молоденькую дѣвушку, съ дѣвственномъ румянцемъ на щекахъ, въ платьѣ небесно-голубаго цвѣта,—тотчасъ же онъ принимается ее анализировать; онъ задумывается, она наводитъ его на нѣсколько мыслей изъ области соціальной психологіи и онъ говоритъ самому себѣ: «Я извлекъ изъ нея все то, что въ ней было стоющаго...» Тэнъ вывелъ самого себя подъ прозрачною маской туриста Поля въ *Путешествіи по Пиренеямъ*. Этотъ Поль, тоже философъ, утверждаетъ, что «вкусы, подобные его вкусу, усиливаются съ годами и что, въ общей сложности, органъ наиболѣе чувствительный и наиболѣе способный испытывать постоянно новыя и многообразныя удовольствія—это мозгъ». Въ тѣхъ совѣтахъ, которые онъ даетъ молодымъ людямъ подъ столь же прозрачною маской Томаса Грендоржа, какое высшее счастіе ракомендуетъ онъ имъ, какъ цѣль, наиболѣе достойную ихъ стремленій? Счастье «созерцанія». Богатое и изумительное разнообразіе явленій сводится для него къ нѣсколькимъ законамъ, и эти законы становятся какъ бы стклянками съ опіумомъ, порождающими величественную грёзу. Человѣкъ отдается въ ихъ власть и тотчасъ же «перестаетъ видѣть и слышать все происходящее въ окружающемъ его кусочкѣ жизни; его слухъ внимаетъ ликованіямъ и стенаніямъ великаго хора существъ, онъ чувствуетъ ту великую всеобъемлющую душу, помыслы которой мы олицетворяемъ...»

Для души, обладающей этого рода философскою впечатлительностью и соотвѣтствующимъ ей складомъ воображенія, совершенно невозможно соображать то впечатлѣніе, которое произведутъ высказываемыя ею идеи. Она такъ поглощена этими идеями, что ей не до того. Стендаль говоритъ: «Человѣку, задавшемуся цѣлью нажить четыреста тысячъ франковъ такимъ, въ сущности, скучнымъ дѣломъ, какъ сочиненіе книгъ, въ которыхъ нѣтъ души, едва хватаетъ восемнадцати часовъ въ сутки, чтобы изыскать всѣ способы втереться во вліятельные кружки...» Тэну же едва хватаетъ восемнадцати часовъ въ сутки, чтобъ обработать свои теоріи; поэтому-то онъ никогда не находилъ досуга, чтобы разсчитать непосредственныя послѣдствія этихъ теорій съ точки зрѣнія современности. Такъ, въ первой своей молодости онъ рѣзко задѣлъ религіозныя чувства многихъ изъ своихъ современниковъ; такъ, въ настоящее время, онъ столь

же рѣзко задѣваетъ политическія чувства многихъ другихъ своихъ современниковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ почти и не догадывается о томъ, чтò дѣлаетъ, и нисколько не заботится о результатѣ этого столкновенія мнѣній. «Во мнѣ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій,—существуетъ два человѣка: одинъ—обыкновенный человѣкъ, который ѣстъ и пьетъ, заботится о своихъ дѣлахъ, избѣгаетъ причинять вредъ и старается быть полезнымъ. Этого человѣка я оставляю за порогомъ. Пускай онъ имѣетъ свои опредѣленныя мнѣнія, ведетъ себя въ практической жизни сообразно съ извѣстными правилами; пускай онъ носитъ перчатки и шляпы точь-въ-точь какъ и остальная публика,—все это дѣло публики. Но другой человѣкъ, тотъ, которому я дозволяю доступъ въ святилище философіи, не знаетъ о существованіи этой публики. Онъ никогда и не подозрѣвалъ, чтобы изъ истины можно было извлечь полезные результаты.—Но, вѣдь, вы женаты,—говоритъ ему Рэхъ.—Я?—ничуть не бывало; это пригодно для того животнаго, которое я оставилъ за дверью.—Но,—говоритъ ему Ройэ Колларъ,—вы сдѣлаете французовъ революціонерами.—Объ этомъ я ровно ничего не знаю. Да развѣ существуютъ французы?...» За такое исключительное настроеніе ума всегда приходится дорого расплачиваться, и мы видѣли ту цѣну, которою за него пришлось поплатиться нашему автору; но оно, въ то же время, имѣетъ и свои выгоды. Одна изъ самыхъ несомнѣнныхъ его выгодъ, это—авторитетность. Человѣкъ, обладающій даромъ этой авторитетности, можетъ сдѣлаться непопуляренъ, его могутъ возненавидѣть, тѣмъ не менѣе, онъ сохраняетъ за собой это странное обаяніе, которое придаетъ особенный вѣсъ каждому слову, сорвавшемуся съ его устъ, каждому произведенію, вышедшему изъ-подъ его пера. Эта своеобразная власть философа, изолированнаго въ своей системѣ, обезпечивается ему именно его изолированностью, предполагающею въ немъ положительную увѣренность въ томъ, чтò онъ утверждаетъ. Мы живемъ въ эпоху метафизическихъ и религіозныхъ крушеній, когда почва вокругъ насъ усѣяна обломками всевозможныхъ доктринъ. У насъ не только нѣтъ, какъ у людей XѴII столѣтія, всеобщаго сѵмвола вѣры, съ которымъ сообразовалась бы совѣсть всѣхъ и каждаго и изъ котораго вытекали бы для всѣхъ одинаковыя правила поведенія,—мы утратили также и ту силу отрицанія, которая была своего рода сѵмволомъ вѣры на изнанку для XѴIII столѣтія. Всѣ тѣ личности, которыя прямо или косвенно примыкали въ боевому движенію, заправляемому Вольтеромъ, имѣли, по крайней мѣрѣ, увѣренность, что онѣ борятся съ заблужденіемъ. Но этой-то увѣрености и не достаетъ нашему критическому вѣку. Мы столько имѣли дѣла съ различными точками зрѣнія, съ такимъ искусствомъ упражнялись въ утонченныхъ толкованіяхъ, такъ терпѣливо доискивались до генезиса, а, слѣдовательно, и до оправданія всевозможныхъ ученій, что пришли, наконецъ, къ мысли, что извѣстное начало истины скрывается подъ самыми противорѣчи-

выми гипотезами. А такъ какъ, съ другой стороны, не существуетъ никакой высшей гипотезы, которая примиряла бы всѣ остальныя и властно предъявляла бы свои права уму во всей своей цѣлостности, то изо всего этого произошла совершенно особаго рода анархія въ умахъ. Отсюда своеобразный скептицизмъ, подобнаго которому мы не встрѣчаемъ въ исторіи,—скептицизмъ, наиболѣе поразительнымъ представителемъ котораго является у насъ Ренанъ. Эта болѣзнь, состоящая въ томъ, что человѣкъ сомнѣвается въ самомъ сомнѣніи своемъ, влечетъ за собою цѣлую вереницу немощей, которыя всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстны: колебанія воли, софистическіе компромиссы совѣсти, диллетантизмъ, который всегда сопровождается половинчатостью, отрѣшенностью и равнодушіемъ; всѣ эти немощи заставляютъ насъ завидовать тѣмъ людямъ, которые, на свой пай, тоже разсмотрѣли со всѣхъ сторонъ не мало идей, а, между тѣмъ, не утратили великихъ добродѣтелей прежняго времени: кряжистой силы характера, непоколебимой строгости внутренней дисциплины и крѣпкой связи съ дѣйствительностью. Если бы кто-нибудь задался цѣлью написать исторію вліяній, игравшихъ роль во Франціи XIX вѣка, то онъ, къ удивленію своему, нашелъ бы, что всѣ систематическіе умы пользовались въ нашу эпоху дактатурой, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они этого не заслуживали, и тѣмъ понятнѣе это по отношенію къ систематику, въ которомъ рѣдкая сила ума сочетается съ первоклассною ученостью.

Итакъ, вліяніе Тэна на общественное мнѣніе и его столкновенія съ различными оттѣнками послѣдняго равно объясняются противорѣчивыми результатами, къ которымъ его привелъ особый складъ ума, присущій ему съ самаго начала. Намъ остается показать, какъ развивался этотъ складъ ума подъ вліяніемъ среды, обставленной совершенно особенными условіями, и въ чемъ выразилась литературная его производительность.

II.

Среда.

Изъ того, что философъ не разсчитываетъ на непосредственное впечатлѣніе, которое могутъ произвести высказываемые имъ взгляды, еще не слѣдуетъ, чтобъ эти послѣдніе были совершенно независимы отъ той среды, въ которой они вырабатывались. Всякая система тѣснѣйшимъ образомъ связана съ другими продуктами той же эпохи, въ которую она появилась. Да и какъ могла бы она быть иначе? Что значитъ создать систему? Не значитъ ли это завершить объяснительною гипотезой ту сумму точныхъ знаній, которую доставилъ намъ опытъ? Мы имѣемъ о человѣкѣ и о вселенной извѣстное количество положительныхъ свѣдѣній; мы ихъ приводимъ въ порядокъ и дополняемъ общею теоріей, подобно

тому, какъ геометръ описываетъ цѣлую окружность на основаніи одной дуги, которая ему дана. Позднѣе, когда количество положительнымъ знаній увеличится, наша теорія о природѣ и объ умѣ окажется несоотвѣтствующею этимъ новымъ даннымъ. Дуга, которую намъ придется замкнуть, будетъ болѣе раскрытою, а потому и периметръ круга будетъ больше. Но, спрашивается, какимъ образомъ опытъ сообщаетъ намъ эти положительныя свѣдѣнія, которыя являются необходимымъ матеріаломъ для нашихъ гипотезъ? Мнѣ кажется, что это дѣлается двумя весьма различными способами. Съ одной стороны, философъ ознакомляется съ общими результатами, которые достигнуты экспериментальными науками въ его эпоху, и сообразуетъ съ этими результатами свое воображеніе изобрѣтателя идей. Съ другой стороны, этотъ философъ долженъ былъ испытать, по крайней мѣрѣ, въ своемъ дѣтствѣ и въ своей юности, безконечно разнообразныя и сложныя вліянія своей семьи, своихъ друзей, своего города и своей страны. Жизнь чувства и нравственная жизнь предшествовали у него умственной жизни или же шли бокъ-о-бокъ съ послѣдней. Этотъ второй способъ посвященія переплетается съ первымъ, независимо отъ доброй воли философа, и, такимъ образомъ, открытіе доктрины оказывается одновременно и романомъ ума, и романомъ сердца.

Теперь представимъ себѣ тѣ обстоятельства, среди которыхъ выросъ Тэнъ, и какого рода матеріалъ окружающее общество доставило для обработки тому философскому воображенію, которымъ онъ былъ одаренъ. Подъ конецъ царствованія Людовика-Филиппа онъ былъ двадцатилѣтнимъ юношей, жившимъ въ водоворотѣ парижской жизни. Воспоминанія его пріятелей по Нормальной школѣ, какъ, напримѣръ, воспоминанія Сарсэ, напечатанныя въ *Revue Politique* и дышащія такою несомнѣнною искренностью, изображаютъ намъ его живо заинтересованнымъ во всѣхъ спорахъ тогдашнихъ его товарищей и перебирающимъ вмѣстѣ съ ними всѣ важнѣйшіе вопросы эпохи. Странная и скорбная пора были эти годы, примыкающіе къ 1850 г.,—они видѣли банкротства всѣхъ блестящихъ надеждъ первой половины вѣка. Въ литературѣ романтизмъ представляется побѣжденнымъ. Сдержалъ ли онъ свои грандіозныя обѣщанія эстетическаго обновленія? Какъ не усомниться въ этомъ, когда мы видимъ, что всѣ поэты, одинъ за другимъ, измѣняютъ искусству? Одинъ только Викторъ Гюго еще не выпустилъ перо изъ рукъ, а, между тѣмъ, его *Burgraves* потерпѣли пораженіе. Ламартинъ занимался исключительно политикой, Альфредъ де-Мюссэ окончательно топитъ свой геній въ винѣ, Теофиль Готье самъ себя называетъ «старымъ риѳмоплетомъ, огрубѣвшимъ отъ злоупотребленія прозой», и строчитъ свои фельетоны съ уныніемъ раба, надрывающагося надъ постылою работой. Альфредъ де-Виньи удалился въ свою «башню изъ слоновой кости»; Сентъ-Бёвъ похоронилъ подъ грудами критическихъ статей такъ рано умершаго поэта, который, по его увѣренію, таится въ большинствѣ людей; Огюстъ Барбье утра-

тилъ то могучее лирическое одушевленіе, которымъ дышали его ямбы. Одновременно съ этимъ падаетъ и та спиритуалистическая экзальтація, которая, въ разгаръ романтизма, шла рука объ руку съ поэтическими увлеченіями и поддерживала пылъ послѣднихъ. Несостоятельность эклектизма, восхваляемаго Викторомъ Кузеномъ и навязывавшагося умамъ, какъ оффиціальная доктрина, стала для всѣхъ очевидною; равнымъ образомъ революція 1848 г. выказала недостатки различныхъ соціологическихъ системъ, возникавшихъ въ такомъ обиліи въ царствованіе Людовика-Филиппа. Все это были лишь внѣшніе признаки, указывавшіе на существованіе болѣе глубоко таившагося разлада. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ грозныхъ битвъ революціи и затѣмъ подъ обаяніемъ эпопеи первой имперіи выросло поколѣніе, до мозга костей проникнутое героическимъ представленіемъ о жизни; молодые люди этого поколѣнія были вскормлены грандіозными мечтами. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, было имъ не вѣрить во всемогущество, въ чародѣйскую силу выше человѣческой, когда на ихъ глазахъ изъ гроба отжившихъ вѣковъ вышелъ цѣлый новый міръ, юный, лучезарный и величественный,—когда они видѣли, какъ одна Европа рухнула, а другая возникла, и простой артиллерійскій поручикъ осуществилъ самые химерическіе замыслы необузданнаго честолюбія единственно силою своего генія и энергіею своихъ закаленныхъ бойцовъ? Но затѣмъ этотъ новый міръ оказался такимъ же старымъ, какъ и его предшественникъ. Новая Европа была не лучше прежней; какая-то проказа посредственности стала распространяться и на политику, и на нравы; и реставрація, и революція 1830 г. дали въ результатѣ лишь приниженіе характеровъ и жажду грубо-чувственныхъ наслажденій. Очевидно, этотъ вѣкъ не съумѣлъ справиться съ своею задачей.

А, впрочемъ, нѣтъ, не во всемъ онъ потерпѣлъ пораженіе. Среди всеобщихъ развалинъ одно дерево ростетъ, разростаясь все пышнѣе среди окружающей его мерзости запустѣнія. Это вѣтвистое дерево, то и дѣло пускающее новые отпрыски, зовется наукой. Она одна не обманула вѣрныхъ своихъ приверженцевъ. Мало того, что не обманула,—она превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Изслѣдованія Френеля о свѣтѣ, Ампера и Араго объ электричествѣ и магнитизмѣ, Мажанди и Флурана о нервной системѣ,—я беру на удачу первые попавшіеся примѣры,—обновили какъ теоретическія наши воззрѣнія на вселенную, такъ и самые способы воздѣйствовать на силы природы. Различныя практическія примѣненія, чреватыя неисчислимыми послѣдствіями, свидѣтельствуютъ о томъ, что работа, совершающаяся въ лабораторіяхъ, есть реальное дѣло. Впервые Изида приподнимаетъ свое покрывало. Человѣкъ одновременно и познаетъ космосъ, и вступаетъ во владѣніе этимъ космосомъ, великолѣпіе котораго пугало его, а загадочность придавливала къ землѣ. И что же было орудіемъ этого почти баснословнаго прогресса? Одного примѣненія метода оказалось для этого достаточно. Какого метода? Да того самаго, пра-

вила котораго были сформулированы еще Бэкономъ и котораго исключительно придерживаются изслѣдователи,—опытнаго метода. Отъ перваго констатированія факта до восторженнаго преклоненія передъ методомъ, не имѣющимъ себѣ равнаго, одинъ только шагъ и юноши, которыхъ эта изумительная плодовитость науки опьяняетъ всевозможными надеждами, за одно съ людьми зрѣлаго возраста, которыхъ она утѣшаетъ въ стольких пережитыхъ ими жестокихъ разочарованіяхъ, спѣшатъ сдѣлать этотъ шагъ. Въ насъ живетъ какая-то непобѣдимая и безсознательная логика, которая побуждаетъ даже наиболѣе непокорныхъ ей доводить свои идеи до конечнаго вывода. Если за наукой стоитъ методъ, то за методомъ стоитъ еще нѣчто другое. Это нѣчто, составляющее самую сущность экспериментальнаго изслѣдованія, есть фактъ. Произвести опытъ значитъ просто-на-просто обусловить одинъ или нѣсколько фактовъ. Наука вступила на свой путь съ того дня, когда ученые возымѣли культъ, исключительную страсть факта, одного только факта. А потому люди того времени, о которомъ я говорю, считаютъ своимъ долгомъ тоже проникнуться религіей факта, такъ какъ религію метода они уже имѣютъ. Помните ли вы тотъ романъ Диккенса, въ которомъ англійская положительность воплощается въ господинѣ средняго состоянія и средней умственной культуры? Господинъ этотъ, быть можетъ, никогда и не слыхалъ объ индукціи, но онъ всѣми порами своего тѣла впиталъ въ себя страсть къ точнымъ и сухимъ опредѣленіямъ. А теперь,—восклицаетъ онъ,—все, что мнѣ нужно, это факты. Не учите ничему этихъ дѣвочекъ и этихъ мальчиковъ, кромѣ фактовъ. Въ жизни нужны одни только факты. Не насаждайте въ ихъ головы ничего другаго; вырвете изъ нихъ съ корнемъ все постороннее. Вы сможете образовать умъ разсудительнаго животнаго, но только посредствомъ фактовъ... Въ этой тирадѣ передана та внутренняя рѣчь, которую изъ десяти англичанъ девять произносятъ про себя и которую около 1850 г. произносили не мало и французовъ.

И точно, мы видимъ, что въ эту эпоху изъ романа и драмы исчезаетъ меланхоличный, чахоточный или протестующій противъ существующаго строя герой, который вѣчно оказывался въ разладѣ съ обстоятельствами окружающей среды; его мѣсто занимаетъ тотъ грубый герой, который умѣетъ ворочать обстоятельствами дѣйствительный жизни и котораго Александръ Дюма-сынъ такъ смѣло вывелъ на сцену. Выраженіе «homme fort» входитъ въ моду. Подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвается способность умно и безъ излишней нравственной щекотливости эксплуатировать хорошо понятый фактъ. И такая эксплуатація начинаетъ практиковаться въ обществѣ сверху до низу. На самой вершинѣ общественной лѣстницы во имя совершившагося факта основывается и процвѣтаетъ режимъ второй имперіи; на низшихъ ступеняхъ цѣлью всѣхъ усилій и стремленій становится успѣхъ, непосредственное наслажденіе, бо-

гатство и роскошь. О политическомъ идеалѣ нѣтъ болѣе и рѣчи. Банкротство соціалистическихъ или либеральныхъ мечтаній считается окончательнымъ. Идеализмъ равнымъ образомъ побѣжденъ и въ литературѣ. На смѣну бурному лиризму является неутолимое наблюденіе; проза Вольтера, съ ея точностью выраженій, снова входитъ въ моду. Преподаваніе въ общественныхъ школахъ преобразуется съ цѣлью обезпечить точнымъ наукамъ перевѣсъ надъ литературными знаніями. Изъ программъ прежняго философскаго класса, который былъ школою умозрительнаго мышленія, удержали одинъ только предметъ, логику, т.-е. какъ разъ наиболѣе сухую часть программы, но за то представляющую преимущество строгой точности и положительности. Всѣ эти попытки сливаются въ какой-то смѣшанный потокъ, русло котораго не имѣетъ явственно обозначенной береговой линіи, но на разстояніи тридцати лѣтъ, отдѣляющемъ насъ отъ этого потока, мы легко можемъ распознать его направленіе. Общій характеръ эпохи, придающій ей единство, обыкновенно обрисовывается заднимъ числомъ. Единство это оказывается въ мелкихъ чертахъ нравовъ и, еще болѣе, въ именахъ тѣхъ своеобразныхъ людей, которые были коноводами во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ дѣятельности. Послѣ того, какъ вторая имперія выступила на историческую сцену, великимъ государственнымъ человѣкомъ оказывается герцогъ де-Морни, великимъ драматическимъ писателемъ—Александръ Дюма-сынъ, великими романистами—Флоберъ и братья Гонкуры; Тэнъ былъ великимъ философомъ этой эпохи. Я не хочу этимъ сказать, что въ ту пору не было другихъ государственныхъ людей, другихъ представителей изящной словесности, другихъ мыслителей, и что они были ниже только что перечисленныхъ мною,—между этими другими найдутся и такіе, которые, быть можетъ, стояли выше. Но, какъ бы то ни было, дѣятели, имена которыхъ я назвалъ, отмѣчены особымъ отпечаткомъ: всѣ они были, каждый въ своей спеціальности, представителями одного и того же порядка идей, выросшихъ на почвѣ того времени. Тэнъ, какъ мнѣ кажется, далъ наиболѣе отвлеченную, а потому и наиболѣе глубокую формулу этихъ идей.

Вся философская система Тэна въ первыхъ же его книгахъ является вполнѣ сложившеюся въ умѣ автора. Сжатое и необыкновенно ясное изложеніе ея можно найти въ двухъ главахъ, которыми заканчивается его книга: *Классическіе философы XIX вѣка*; главы же эти, какъ мы узнаемъ изъ предисловія, были написаны, вмѣстѣ съ остальнымъ сочиненіемъ, какъ разъ въ 1852 г. подъ вліяніемъ бесѣдъ автора съ нѣкоторыми весьма даровитыми молодыми людьми той эпохи. Читая введеніе къ книгѣ *Объ умѣ*,—введеніе, въ которомъ авторъ собралъ въ одно цѣлое всѣ свои положительныя убѣжденія и всѣ свои гипотезы о мысли и о природѣ,—не трудно придти къ заключенію, что эта система, подобно зданію, прочно построенному по строго разсчитаннымъ правиламъ архитектуры, не пошатнулось ни на волосъ съ теченіемъ времени. Взятая въ

наиболѣе существенныхъ своихъ чертахъ, она сводится къ тому, что наше *я* понимается ею какъ состоящее изъ ряда мелкихъ фактовъ, которые суть явленія сознанія, а природа — какъ нѣчто тоже состоящее изъ ряда мелкихъ фактовъ, которые суть явленія движенія. Относительно этихъ двухъ пунктовъ философъ высказывается самымъ формальнымъ образомъ: «Въ нашемъ *я*,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ нити событій». Другими словами, міръ представляется Тэну въ видѣ преходящихъ явленій, вспыхивающихъ, какъ факты, возносящихся въ высь, гдѣ они свѣтятся нѣсколько минутъ или нѣсколько часовъ, и затѣмъ погружающихся въ пространство, гдѣ они исчезаютъ безвозвратно. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія этой системы, чтобы составить себѣ надлежащее представленіе объ этомъ *я*, и объ этой природѣ, необходимо ознакомиться съ мелкими фактами и классифицировать ихъ. Методъ оказывается тождественнымъ и для естественныхъ наукъ, и для такъ называемыхъ нравственныхъ наукъ. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ надо начинать съ анализа. Предположимъ, что мнѣ предстоитъ изучить личность писателя или великаго полководца; пріемы, которые я употреблю при этомъ, не будутъ разниться отъ тѣхъ, которые употребляетъ химикъ, изучающій газъ, или физіологъ, изучающій организмъ. Путемъ наблюденія я составлю перечень мелкихъ фактовъ, составляющихъ личность этого писателя или полководца; затѣмъ я, путемъ индукціи, опредѣлю тѣ первенствующіе факты, которые господствуютъ надъ остальными. Существуютъ первичныя явленія, которыя порождаютъ другія. Видоизмѣните эти первичныя явленія—и тотчасъ же измѣнится и цѣлое, создаваемое ими; поймите ихъ—и для васъ тотчасъ же сдѣлаются понятны и всѣ производныя явленія. Такъ, напримѣръ, въ животномъ питаніе составляетъ одно изъ такихъ первичныхъ явленій; въ писателѣ и въ полководцѣ ту же роль играютъ особенности его воображенія. Геній Мишле цѣликомъ вытекаетъ изъ его способности представлять себѣ различныя состоянія чувства, геній Наполеона—изъ его способности охватывать умственнымъ взоромъ топографическія особенности мѣстности. Предположимъ, что первый былъ бы не способенъ воспроизводить въ своемъ вообраЖеніи процессы, совершающіеся въ глубинѣ душъ, а второй—выступы и неровности почвы; исторія Франціи, въ такомъ случаѣ, осталась бы не написанной и аустерлицкое сраженіе не было бы выиграно. Разъ эти немногіе первичные факты, порождающіе второстепенныя явленія, найдены, остается привести ихъ въ связь съ другими фактами, стоящими еще выше въ іерархіи причинъ. Такъ, воображеніе, свойственное человѣку, есть результатъ наслѣдственности. Слѣдовательно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о личности, необходимо опредѣлить расу, къ которой она принадлежитъ. Развитіе самой расы зависитъ отъ особыхъ условій окружающей среды. Дойдя до этой ступени, можно подняться еще выше и связать съ какимъ-нибудь фактомъ наивысшаго порядка, съ какимъ-ни-

будь общимъ закономъ ума всѣ эти мелкіе или крупные факты, сцѣпленіе которыхъ мы прослѣдили. Наконецъ, и эти общіе законы, которые, замѣтьте, суть ничто иное, какъ очень общіе факты, можно сжать въ одну формулу, пока, наконецъ, выражаясь словами Тэна, «природа, разсматриваемая въ томъ, что въ ней есть неизмѣняющагося, предстанетъ передъ нами въ низшихъ гипотезахъ, какъ чистый обстрактный законъ, который, развѣтвляясь на множество подчиненныхъ законовъ, на всѣхъ точкахъ времени и пространства порождаетъ непрерывное появленіе личностей и неизсякающее теченіе событій».

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ разсмотрѣніе выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы изъ этого ученія; оно интересуетъ насъ въ эту минуту исключительно съ точки зрѣнія соціальной психологіи. Не трудно замѣтить, что два вліянія способствовали выработкѣ такого представленія о вселенной. Первое изъ этихъ вліяній—гегеліанство. Въ очень основательномъ трудѣ о Карлейлѣ Тэнъ говоритъ, что главная наша задача состоитъ въ томъ, чтобы передумать съизнова идеи великой германской метафизики, и затѣмъ продолжаетъ: «Идеи эти сводятся, въ сущности, къ одной, а именно къ идеѣ о развитіи; а эта послѣдняя состоитъ въ томъ, чтобы представлять себѣ всѣ части данной группы взаимно солидарными между собою и дополняющими другъ друга, такъ что каждая изъ нихъ необходимо обусловливаетъ остальное и всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, проявляютъ, какъ въ своей преемственности, такъ и въ своихъ контрастахъ, то внутреннее свойство, которое порождаетъ ихъ и собираетъ во-едино». Это внутреннее свойство Гегель называетъ *идеею* группы. Тэнъ же называетъ его господствующимъ фактомъ. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ вводитъ въ гегеліанство принципъ, чуждый послѣднему, заимствуя этотъ принципъ у науки и у духа времени, проникнутаго позитивизмомъ. Туманныя и смутныя формулы Гегеля отвердѣваютъ подъ рукою проницательнаго француза, который не дается въ обманъ словъ. Тамъ, гдѣ Гегель пустился бы въ разсужденія, Тэнъ даетъ намъ описанія. На страницахъ его сочиненія анекдотъ, выборъ котораго дѣлается съ большою осмотрительностью, замѣняетъ отвлеченную фразу, лишенную всякихъ уловимыхъ очертаній. Вездѣ и всюду онъ старается водворить мотивъ науки. И съ какою восторженностью, доходящею почти до опьяненія, говоритъ онъ объ этой наукѣ и о будущемъ, которое она намъ готовитъ: «Она приближается, наконецъ, и подступаетъ къ человѣку. Она перешагнула за предѣлы видимаго и осязаемаго міра небесныхъ тѣлъ, камней и растеній, въ которомъ ее пренебрежительно замыкали. Она теперь берется за изслѣдованіе души, вооруженная точными и могущественными орудіями наблюденія, вѣрность которыхъ была испытана и сила измѣрена трехсотлѣтнимъ опытомъ. Она приноситъ съ собою новое искусство, новую нравственность, новую политику, и наше дѣло теперь доискиваться до нихъ...» Съ какою увѣренностью ставитъ онъ иде-

альною цѣлью всякаго изслѣдованія «открытіе мелкихъ, но знаменательныхъ фактовъ, выбранныхъ съ толкомъ, основательно обусловленныхъ и разсмотрѣнныхъ съ самымъ кропотливымъ вниманіемъ!» Можемъ ли мы послѣ этого удивляться, что поколѣніе, которое въ ту пору еще только вступало въ жизнь и самыя глубокія убѣжденія котораго онъ выражалъ въ своихъ формулахъ, точныхъ, какъ математическая аксіома, и потрясающихъ, какъ слова торжественнаго гимна,—что это поколѣніе, говорю я, признало въ немъ иниціатора, человѣка, видѣвшаго обѣтованную землю и повѣствовавшаго людямъ заранѣе о томъ обновленіи и о тѣхъ радостяхъ, которыя ихъ тамъ ожидаютъ?

III.

Человѣческая душа и наука.

Въ обширной области науки о душѣ,—области, охватывающей всѣ факты человѣческой природы и общества, Тэнъ избралъ спеціальнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій литературную и художественную производительность. Эта производительность тоже—фактъ, и фактъ, имѣющій капитальную важность, а потому философъ долженъ изучить его въ возможно-бо́льшемъ количествѣ случаевъ, представляющихъ возможно-бо́льшее разнообразіе. Греція и Римъ, Италія и эпоха возрожденія, Франція послѣднихъ трехъ столѣтій и Англія всѣхъ вѣковъ,—таковы были разнообразныя условія времени и мѣста, среди которыхъ авторъ книги *Объ умѣ* изучалъ процессъ возникновенія художественныхъ произведеній. Исторія казалась ему экспериментомъ въ большихъ размѣрахъ, который случайность произвела спеціально въ интересахъ психолога; благодаря этому эксперименту, онъ обновилъ, или, если хотите, сдвинулъ съ мѣста всѣ ученія старой критики, а затѣмъ и самыя воззрѣнія художниковъ, воспитанныхъ на теоріяхъ этой критики. Наиболѣе отличительною чертой этого переворота въ воззрѣніяхъ было полное упраздненіе идеи нравственнаго вывода въ примѣненіи къ художественнымъ произведеніямъ. И точно, для того, чтобы задаваться вопросомъ о томъ, вытекаетъ ли изъ данной книги или картины какой-нибудь нравственный выводъ, заслуживающій похвалы или порицанія, необходимо допустить, что писатель или живописецъ создали свое произведеніе актомъ отвѣтственной воли, а такое предположеніе, очевидно, идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ детерминизма, который всюду примѣняется Тэномъ. Для такого аналитика, какъ Тэнъ, книга или картина есть лишь слѣдствіе, въ которомъ онъ, какъ и во всякомъ другомъ слѣдствіи, видитъ результатъ цѣлаго ряда частныхъ причинъ, которыя, въ свою очередь, представляются результатомъ по отношенію къ другимъ причинамъ высшаго порядка, и такъ далѣе до безконечности. Изъ этой области, въ которой царитъ абсолютная необходимость, изгнана всякая оцѣнка явле-

ній съ точки зрѣнія добра или зла, а также, необходимо добавить, всякая оцѣнка съ точки зрѣнія красоты или безобразія; по крайней мѣрѣ, и красота, и безобразіе разсматриваются подъ крайне своеобразнымъ угломъ зрѣнія. Группа фактовъ, производящихъ на мой умъ то впечатлѣніе, которое я называю красотою, не стоитъ изолированною отъ той группы фактовъ, которые производятъ на мой умъ впечатлѣніе безобразія; въ безконечномъ ряду событій, составляющемъ міръ, все связано наитѣснѣйшимъ образомъ одно съ другимъ; различіе обусловливается лишь моимъ впечатлѣніемъ. Но если я хочу отрѣшиться отъ этого впечатлѣнія и начинаю разсуждать, я долженъ сознаться, что стою лицомъ къ лицу съ однѣми и тѣми же силами, которыя однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ естественной необходимости произвели въ одномъ случаѣ удачу, а въ другомъ—неудачу. Дойдя до этой точки въ своемъ анализѣ, я уже близокъ къ тому, чтобы заинтересоваться неудачею наравнѣ съ удачею, въ особенности если я имѣю передъ собою автора, у котораго недоразвитіе извѣстныхъ сторонъ таланта обусловило болѣе пышное развитіе другихъ сторонъ. Художественное произведеніе уже не интересуетъ меня болѣе само по себѣ, оно для меня лишь знаменіе тѣхъ глубоко-лежащихъ причинъ, которыя его произвели. Эти-то причины я и изучаю въ немъ; энергія, съ которою онѣ проявляютъ свое дѣйствіе, становится для меня источникомъ волненія, удивленія, восторга. При этихъ условіяхъ такія качества таланта, какъ гармоничность, правильность, тонкое изящество, чувство мѣры, имѣютъ для меня меньшую привлекательность, чѣмъ качества, доведенныя до крайнихъ своихъ предѣловъ и оказывающія потрясающее дѣйствіе. Строго уравновѣшенныя произведенія — тоже знаменія, но менѣе явственныя, и въ нихъ дѣйствіе силъ, породившихъ ихъ, не проявляется съ такою необузданностью.

Посмотримъ, какихъ авторовъ Тэнъ наиболѣе живо понимаетъ и къ какого рода слогу онъ питаетъ наиболѣе явное сочувствіе. Между новѣйшими писателями его предпочтеніемъ пользуются Мишле и Бальзакъ, между писателями XVIII вѣка — Сенъ-Симонъ. У англичанъ онъ всего болѣе восхищается Шекспиромъ, Свифтомъ и Карлейлемъ. Все это писатели, у которыхъ преобладающая особенность таланта состоитъ въ томъ, что они въ высшей степени *знаменательны*. У нихъ связь, соединяющая художника съ его произведеніемъ, явственно выступаетъ и книги ихъ дѣйствительно могутъ быть названы *живою психологіей*. Есть, безспорно, своего рода наслажденіе въ томъ, чтобы видѣть, какъ извѣстная способность разростается въ данномъ мозгу, бьетъ черезъ край, разрушаетъ всѣ правила эстетики, сама себѣ изобрѣтаетъ новые пріемы и пересоздаетъ заново языкъ. Тщедушная личность самого писателя стушевывается и на ея мѣсто выступаетъ какой-нибудь грандіозный законъ человѣческаго ума, лучезарное величіе котораго приводитъ насъ въ восхищеніе. Этого рода чувства вполнѣ законны, но столь же законно

придерживаться и противуположнаго взгляда, который разсматриваетъ произведенія искусства не съ точки зрѣнія ихъ *знаменательности*, а съ точки зрѣнія тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя они *вызываютъ*. Представимъ себѣ нѣжную и тонко-чувствующую женщину, которая, очутившись пасмурнымъ зимнимъ днемъ одна въ своей гостиной, взяла съ книжной полки сочиненія любимаго своего поэта. Она пробѣгаетъ страницы на-удачу, и книга говоритъ ея сознанію такъ же, какъ и сознанію философа, но говоритъ иное, вызывая извѣстныя чувства. Вмѣсто того, чтобы за фразами книги видѣть руку, ихъ написавшую, тѣло, которому принадлежала эта рука, кровь, обращавшуюся въ этомъ тѣлѣ, и ростъ образовъ, возникавшихъ изъ этого темнаго и глубокаго животнаго генезиса таланта, она видитъ только мечту поэта, облекающую его стихи сіяніемъ какого-то невыразимаго и загадочнаго ореола. Изъ-за страницъ любимой книги можетъ ли она, какъ Тэнъ, угадывать «человѣка, который прошелъ въ учебныхъ заведеніяхъ положенный курсъ ученія, носитъ черную пару платья и перчатки, знавалъ очень многихъ дамъ, каждый вечеръ отвѣшиваетъ въ салонахъ по полсотнѣ поклоновъ и откалываетъ по двадцати остротъ, обыкновенно нанимаетъ квартиру въ третьемъ этажѣ, пробѣгаетъ утреннія газеты и не отличается особенно веселымъ нравомъ, такъ какъ нервы у него разстроены?» Очень можетъ быть, что именно этотъ господинъ представляетъ ту навозную, но плодородную почву, на которой выростаетъ чудный цвѣтокъ, и что эта поэзія, утонченная до того, что рѣжетъ по сердцу ножомъ, есть лишь видимый результатъ сокровенныхъ причинъ. Но именно для этой женщины, опьяняющей себѣ сердце этими восхитительными строфами, онѣ— не результатъ, а причина. Какое ей дѣло до реторты, въ которой приготовлялся волшебный напитокъ, лишь бы самое волшебство оказывало свое дѣйствіе и доставляло ей трепетъ и наслажденіе восторга! Для нея интересъ книги не въ дѣйствіи непреложныхъ законовъ психологіи, онъ весь — въ прелести тѣхъ отрадныхъ или печальныхъ видѣній, которыя вызываетъ въ ней эта книга. Ясно, что изъ двухъ строевъ чувствъ, до такой степени противорѣчивыхъ, вытекаютъ и двѣ теоріи искусства, весьма различныя.

Теорія Тэна залегла въ основаніи многихъ произведеній современныхъ художниковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній она возводится въ кодексъ искусства и утверждается самымъ недвусмысленнымъ образомъ; въ другихъ она замаскирована и какъ бы расплывается въ самомъ произведеніи. Эстетика писателей такъ называемой натуралистической школы есть ничто иное, какъ практическое примѣненіе правила, высказаннаго Тэномъ, а именно того правила, что достоинство литературнаго произведенія измѣряется количествомъ заключающихся въ немъ знаменательныхъ документовъ, — человѣческихъ документовъ, какъ выражаются коноводы натуралистической школы. Для приверженцевъ этой школы

искусство писать сводится къ тому, чтобы давать возможно бо́льшее количество точныхъ фактическихъ замѣтокъ о человѣкѣ и объ обществѣ. Если будущій историкъ нравовъ XIX столѣтія захочетъ узнать, какъ люди изъ народа и изъ буржуазіи ѣли и одѣвались въ наши дни, какъ были устроены ихъ жилища, какъ они женились, въ чемъ заключались ихъ удовольствія и какъ они переносили огорченія, то такой историкъ найдетъ весь нужный ему матеріалъ уже заготовленнымъ въ натуралистическомъ романѣ. Никогда не составлялось болѣе полнаго каталога общественныхъ розновидностей и привычекъ, — по крайней мѣрѣ, внѣшнихъ. Это стараніе подбить блестящій шелкъ вымысла прочною подкладкой науки все болѣе и болѣе распространяется. Критика почти совсѣмъ оставила привычку обсуждать произведенія, взятыя сами по себѣ, и сосредоточивается исключительно на условіяхъ, при которыхъ возникаютъ эти произведенія; критическіе и біографическіе очерки переполнены анекдотическими подробностями, каждый литераторъ болѣе или менѣе пишетъ свои мемуары,—словомъ, репортерство пріобрѣло права гражданства въ литературѣ. Самая поэзія принимаетъ психологическій характеръ. Если вы зайдете на выставку, гдѣ собраны произведенія живописцевъ, ставшихъ въ независимое положеніе относительно традиціонныхъ школъ, то вы увидите, что движеніе это выступило уже изъ береговъ литературной дѣятельности и что новаторы кисти стараются, съ своей стороны, при помощи своихъ красокъ и холстовъ, дать самыя точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о современномъ имъ поколѣніи. Такой-то живописецъ изучаетъ съ кропотливостью анатома небольшое видоизмѣненіе мышцъ, которое привычныя, профессіональныя движенія вызвали въ щиколодкѣ танцовщицы или въ плечѣ гладильщицы. Другой изыскиваетъ совершенно новые техническіе пріемы, съ цѣлью показать намъ слѣды той *стертости*, которую парижскій кутежъ налагаетъ на своихъ каторжниковъ. Словомъ, всюду производится въ самомъ обширномъ масштабѣ изслѣдованіе надъ человѣческою душой,—изслѣдованіе, главная забота котораго— выполнить программу, сформулированную Тэномъ, и собрать съ возможно бо́льшею полнотой и обстоятельностью тѣ мелкіе факты, изъ которыхъ составляется человѣческое *я*.

Самый безнадежный пессимизмъ является послѣднимъ словомъ этой литературы изслѣдованія. Все болѣе и болѣе въ романахъ, въ основѣ которыхъ лежитъ это ученіе, человѣческая природа выставляется жалкою, подавленною бременемъ обстоятельствъ и безсильною бороться противъ силъ, которыя ее давятъ. И развѣ тотъ же пессимизмъ не является и послѣднимъ словомъ трудовъ самого Тэна, взятыхъ во всей ихъ совокупности? Нужно ли напоминать читателю безчисленныя страницы его сочиненій, въ которыхъ прорывается безъисходное уныніе психолога, сдѣлавшагося жертвою собственнаго метода? Достаточно сослаться на то общеизвѣстное мѣсто, гдѣ онъ утверждаетъ, что «разумъ и здоровье суть

лишь счастливая случайность», и на другое мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что «лучшій плодъ науки—это холодная покорность, которая, умиротворяя и подготовляя душу, сводитъ страданіе на одну физическую боль». Зародышъ этого пессимизма содержится въ самомъ ученіи. Если наша личность есть ничто иное, какъ результатъ, если отрада или горечь, съ которыми мы воспринимаемъ жизненныя впечатлѣнія, представляютъ лишь продуктъ безконечно-длиннаго ряда причинъ, то какъ же не сознавать наше ничтожество передъ тѣми гигантскими, безмѣрными силами, которыя насъ поддерживаютъ или давятъ съ тѣмъ же грознымъ, нѣмымъ равнодушіемъ? Гдѣ найти для сопротивленія этимъ грознымъ силамъ другое оружіе, кромѣ полнаго самоотреченія, нирваны индійскихъ мудрецовъ? Гдѣ найти тотъ строй чувствъ и тотъ строй мыслей, который мы могли бы противупоставить слѣпой и невозмутимой вселенной, если самыя чувства и мысли наши являются продуктами этой вселенной, если наше *я* почти ускользаетъ отъ насъ, то и дѣло затопляемое мракомъ безсознательности и съ минуты на минуту готовое погрузиться и исчезнуть на вѣки среди прилива и отлива явленій, одну изъ волнъ котораго оно представляетъ? Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Тэнъ, показавъ, что людское несовершенство въ порядкѣ вещей, также какъ и неправильности въ граняхъ кристала, восклицаетъ: «Кто же можетъ возмущаться противъ этой геометріи?» Кто? Да первый же самъ Тэнъ! Изъ гордости онъ сдерживаетъ свое негодованіе, но все же въ этомъ полузаглушенномъ воплѣ сказывается человѣкъ нашего времени, у котораго унаслѣдованный строй чувствъ требуетъ человѣческаго рѣшенія человѣческихъ вопросовъ.

IV.

Политическія теоріи Тэна.

Если Тэнъ и впадалъ порою въ пессимистическое настроеніе, прорывавшееся у него тамъ и сямъ скорбно-краснорѣчивыми признаніями, то дѣлалось это противъ его воли и отнюдь не колебало его вѣры въ науку. Съ полною искренностью признавался онъ въ томъ мрачномъ личномъ впечатлѣніи, которое онъ испытывалъ при созерцаніи геометрической, угрюмой природы. Равнымъ образомъ онъ не пытался отрицать ту заразу безнадежности, которая распространяется на многіе умы нашего вѣка. Но онъ старался доказать, что эта безнадежность есть не болѣе, какъ личное предрасположеніе нашего ума и отнюдь не вытекаетъ по необходимости изъ выводовъ науки. По его мнѣнію, пессимизмъ и оптимизмъ суть два способа смотрѣть на вещи, ибо они равно законны и равно не точны; они свидѣтельствуютъ лишь объ особенномъ складѣ души, предающейся имъ. Тэнъ идетъ даже далѣе. Онъ не только оправдываетъ науку отъ обвиненія въ томъ, что она породила болѣзнь вѣка, но и

ждетъ отъ нея лѣкарства отъ этой болѣзни. Онъ старается найти разрѣшеніе антиноміи, существующей между наукой и нравственною жизнью. У него нѣтъ спеціальнаго трактата по этому предмету, но изъ сопоставленія множества страницъ, разбросанныхъ въ его сочиненіяхъ, мы можемъ вывести тѣ нравственныя воззрѣнія, которыхъ придерживается авторъ. Мѣстами эти воззрѣнія изложены совершенно категорически, какъ, напримѣръ, въ заключительныхъ страницахъ очерка, посвященнаго лорду Байрону, мѣстами же они обозначаются въ томъ страстномъ влеченіи, которое Тэнъ испытываетъ ко всему, свидѣтельствующему о равновѣсіи полнаго здоровья; именно это влеченіе сказывается въ его лекціяхъ о греческой скульптурѣ, въ его замѣткахъ объ Англіи, въ предпослѣдней главѣ его *Философіи искусства*,—главѣ, посвященной разсмотрѣнію вопроса о степени благотворности того или другаго идеала. Въ общемъ нравственныя воззрѣнія Тэна могли бы быть выражены словами Марка Аврелія: «Будь въ гармоніи съ космосомъ», или слѣдующими словами изъ *Этики* Спинозы: «Истинный мудрецъ тотъ, который пріобщается мыслью къ вѣчнымъ законамъ необходимости, дѣйствующимъ въ природѣ. Только такой человѣкъ и обладаетъ истиннымъ спокойствіемъ сердца». Наконецъ, и побѣдоносный глава этой школы, Гёте, говоритъ: «Старайся понять самого себя и понять окружающее». Для примѣненія этого воззрѣнія достаточно слѣдовать правилу, давно уже рекомендуемому обиходнымъ здравымъ смысломъ, и сообразовать наши желанія съ существующимъ порядкомъ вещей, вмѣсто того, чтобы бороться противъ этого неизбѣжнаго порядка съ цѣлью подчинить его нашимъ желаніямъ. Правда, правило это, со всѣми вытекающими изъ него выводами, не вкладывается въ рамки индивидуальной жизни, но пригодность его, представляющаяся весьма условною, въ виду случайностей, которымъ подвержена судьба единичной личности, становится почти абсолютною тамъ, гдѣ оно примѣняется къ обществу. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ Тэнъ и, исходя изъ этого правила, онъ выработалъ себѣ теорію политической нравственности, основанную на его научномъ представленіи о человѣкѣ и о вселенной.

Теорія эта, взятая въ наиболѣе общихъ своихъ чертахъ, сводится, какъ мнѣ кажется, къ тому, что государство разсматривается какъ организмъ. Подобно тому, какъ сила и здоровье личностей достигаются сознательнымъ или безсознательнымъ повиновеніемъ законамъ физіологическаго организма, такъ и сила и здоровье обществъ достигаются сознательнымъ или безсознательнымъ повиновеніемъ законамъ того, что̀ можно бы было назвать общественнымъ организмомъ. Всевозможнаго рода условія, неизбѣжныя и непоправимыя, произвели этотъ организмъ; въ образованіи его участвовали и расы, и среда, и рядъ историческихъ условій. Хорошъ или дуренъ этотъ организмъ, онъ дѣйствуетъ и существуетъ въ силу непреодолимой необходимости; слѣдовательно, мудрость, съ точки

зрѣнія той философіи, которая исходитъ изъ вышеуказаннаго начала, состоитъ въ томъ, чтобы принимать эту необходимость. И такъ, уважать не только принципы, но и предразсудки своей расы, «такъ какъ наслѣдственный предразсудокъ есть разумъ, не сознающій самого себя»; сохранять не только полезныя учрежденія, но и такія, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, сопряжены съ злоупотребленіями, такъ какъ онѣ, все-таки, живыя части живаго организма; не принимать за мѣрку интересовъ государственнаго организма ни логическія требованія нашего разума, ни благородныя потребности нашего сердца, такъ какъ дѣйствительность покорствуетъ своимъ правиламъ, не справляясь ни съ нашимъ разумомъ, ни съ нашимъ сердцемъ,—придерживаться, словомъ, относительно общества той медленной и робкой осмотрительности, которой медикъ придерживается относительно больнаго и которая вытекаетъ изъ сознанія крайней сложности отправленій,—таковъ, взятый независимо отъ практическихъ своихъ примѣненій, духъ политики, предписываемой Тэномъ въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ онъ изъ простаго разскащика становится судьею. По его мнѣнію, нѣтъ дѣла болѣе труднаго, какъ замѣнить отжившія учрежденія новыми, и наилучшее, что можно сдѣлать, это—вовсе отказаться отъ такого предпріятія, полагаясь на дѣйствіе двухъ великихъ началъ, заправляющихъ всякаго рода видоизмѣненіями: во-первыхъ, на дѣйствіе времени, т.-е. наслѣдственности, и затѣмъ на искусства, т.-е. спеціализацію.

Если мы припомнимъ теперь тѣ принципы, изъ которыхъ исходили дѣятели 1789 г., то намъ тотчасъ же бросится въ глаза, что ихъ идеалъ былъ прямо противуположенъ тѣмъ началамъ, на которыхъ Тэнъ основываетъ свою теорію. Тэнъ считаетъ неравенство существеннымъ закономъ общества; для нихъ же первою аксіомой было, что всѣ, съ извѣстной точки зрѣнія, равны. Для Тэна учрежденія страны представляются дѣломъ, которое должно являться *a posteriori*, какъ результатъ опыта, и лишь констатировать существующіе обычаи, а не создавать ихъ. Они же провозглашали творческую власть разума. Они допускали, что каждый гражданинъ можетъ быть пригоденъ для всякаго дѣла. Вспомните краснорѣчивыя страницы, въ которыхъ и Мишле развиваетъ эту мысль, нашедшую себѣ, по крайней мѣрѣ, временно, фактическое подтвержденіе въ подборѣ людей во время великихъ войнъ, и сопоставьте съ этимъ взглядомъ мнѣніе Тэна о спеціалистахъ. Наконецъ, люди того времени, вмѣстѣ съ авторомъ *Эмиля*, признавали, что человѣкъ по природѣ своей разуменъ и добръ и что портитъ его общество. Тэнъ же убѣжденъ, что плохо усыпленный дикій звѣрь можетъ проснуться въ каждомъ изъ насъ. Понятно, что при такомъ различіи въ самыхъ основныхъ воззрѣніяхъ ничто въ движеніи 1789 г. не нашло себѣ пощады передъ судомъ его ѣдкой критики, за исключеніемъ войны противъ иноземца; но и тутъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, которыми онъ мотивируетъ свое восторженное

удивленіе передъ воинами этой великой эпохи, онъ остается послѣдователенъ самому себѣ: «Присутствіе опасности,—говоритъ онъ,—заставило ихъ вернуться къ здравому смыслу,—они поняли неравенство талантовъ и необходимость повиновенія...»

Но если онъ питаетъ неодолимую антипатію къ людямъ и дѣламъ 1789 г., то съ неменьшею антипатіей относится онъ и къ людямъ и дѣламъ стараго режима, — и въ этомъ онъ опять-таки вполнѣ логиченъ. Въ одной изъ главъ своихъ *Origines de la France contemporaine* онъ показываетъ, какъ старый режимъ нарушалъ одно за другимъ всѣ основныя правила политическаго здоровья. Для Тэна государство есть организмъ, т.-е. собраніе мѣстныхъ центровъ, которые всѣ должны быть дѣятельны и прогрессирующи; поэтому онъ не можетъ относиться иначе, какъ отрицательно, къ строго-централизованной правительственной системѣ Людовика XIV, которая, стянувъ всю власть и всѣ живыя силы націи ко двору, вызвала изсякновеніе провинціальной жизни. Будучи приверженцемъ спеціализаціи, онъ можетъ лишь оплакивать поведеніе французской аристократіи и духовенства, которыя не успѣли понять обязательства, вытекавшія для нихъ изъ ихъ привилегій и не сохранившія за собою первенство таланта на ряду съ первенствомъ общественнаго положенія. Старый режимъ, благодаря развитію придворной жизни, придалъ преувеличенное значеніе такимъ качествамъ, какъ тонкость и внѣшнее изящество, и вслѣдствіе этого мало-по-малу довелъ до наивысшей степени развитія того, что Тэнъ называетъ классическимъ духомъ, т.-е. замѣну непосредственнаго изученія дѣйствительности—идеологіей и экспериментальнаго метода — отвлеченною разсудочностью и математическими пріемами. Наконецъ, Тэнъ принадлежитъ къ школѣ, слишкомъ недвусмысленно исповѣдующей культъ совершившихся фактовъ, чтобы не считать безполезными всѣ усилія, которыя могли бы быть сдѣланы реакціонерами съ цѣлью вернуться къ прошлому. Благотворна или вредна была та перемѣна, которая создала новую Францію, мудрость, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы считаться съ нею, какъ съ однимъ изъ такихъ совершившихся фактовъ. А теперь, если вы перечтете предисловіе, которое авторъ предпослалъ своему большому труду *Origines de la France contemporaine* въ изданіи 1875 г., то для васъ станутъ ясны причины той изолированности мнѣній, въ которой очутился Тэнъ,—изолированности, которая въ наши дни навлекаетъ ему упреки республиканцевъ, подобно тому, какъ она когда-то навлекала на него анаѳемы монсиньора Дюпанлу. «Въ 1849 г.,—говоритъ Тэнъ,—мнѣ исполнился 21 годъ; я сдѣлался избирателемъ и находился въ большомъ затрудненіи. Мнѣ предстояло избрать пятнадцать или двадцать депутатовъ и при этомъ, по французскому обычаю, я не только долженъ былъ сдѣлать выборъ между людьми, но и долженъ былъ высказаться за ту или другую теорію. Мнѣ предлагали быть роялистомъ или республиканцемъ, демократомъ или консерва-

торомъ, соціалистомъ или бонапартистомъ. Я не былъ ничѣмъ изъ всего этого, да и вообще ровно ничѣмъ не былъ». Тэнъ и донынѣ своего выбора между политическими партіями не сдѣлалъ. Онъ былъ тогда и остался и до сихъ поръ философомъ, глубоко-равнодушнымъ къ дѣятельной жизни и озабоченнымъ только логичностью и искренностью своей мысли.

Три вопроса могутъ быть поставлены по поводу *Histoire des origines de la France contemporaine*: велико или мало достоинство метода, велико или мало достоинство текстовъ, велико или мало достоинство критики автора,—этотъ вопросъ касается историковъ. Затѣмъ, какіе выводы и приложенія вытекаютъ изъ этихъ теорій, насколько состоятельны или не состоятельны эти выводы и приложенія,—вопросъ этотъ касается политическихъ дѣятелей. Самое заглавіе настоящихъ очерковъ позволяетъ мнѣ отвѣтить лишь на третій вопросъ, касающійся психолога: какимъ образомъ Тэнъ дошелъ до того, что совершилъ своего рода крутой поворотъ, какъ думаютъ многіе изъ его бывшихъ поклонниковъ? Я пытался показать то полное единство, которое существуетъ въ развитіи этого мрачнаго, но могучаго ума. Въ немъ съ крайнею типичностью олицетворяется религія чистой науки въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ у французовъ второй половины XIX вѣка. Этой религіи онъ все принесъ въ жертву, начиная съ самыхъ возвышенныхъ стремленій сердца и кончая самыми законными желаніями популярности.

Е. К.

Экономическій кризисъ и отношеніе къ нему земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ.

Объ экономическомъ кризисѣ такъ много писалось и говорилось, что вновь поднимать вопросъ о немъ можно только въ виду какихъ-либо особыхъ мотивовъ, какъ, напримѣръ, совершенно новыхъ и оригинальныхъ по пріемамъ изслѣдованій его, новыхъ выводовъ и новыхъ мѣръ, предлагаемыхъ для борьбы съ нимъ. Ничего подобнаго не имѣемъ мы предложить читателю, и если рѣшаемся затронуть этотъ вопросъ современной русской жизни, то лишь для того, чтобы прослѣдить и выяснить, по мѣрѣ возможности, отношеніе къ нему различныхъ группъ нашего болѣе или менѣе культурнаго общества. У насъ такъ распространены упреки всѣмъ интеллигентнымъ и неинтеллигентнымъ слоямъ населенія въ ихъ якобы безжизненности, недостаткѣ самодѣятельности, въ отсутствіи собственной иниціативы даже въ дѣлахъ первѣйшей важности, что дѣлается рѣшительно необходимымъ провѣрить эти ходячія мнѣнія. На этихъ послѣднихъ строютъ скороспѣлыя заключенія о незрѣлости нашего самоуправленія и надѣются поднять его расширеніемъ дворянскаго представительства. Однако, эти упреки не соотвѣтствуютъ фактамъ, и мы попытаемся разобрать ихъ въ приложеніи къ отзывчивости общества на такія явленія, какъ экономическій кризисъ. Вопросъ о немъ наиболѣе удобенъ для нашей цѣли, потому что онъ коснулся, разумѣется, громаднѣйшей части населенія, задѣлъ самыя важныя стороны жизни его, пошатнулъ и измѣнилъ вѣковые устои экономическаго быта, а потому, естественно, долженъ былъ заинтересовать общество и вызвать его на выраженіе взглядовъ если не на весь экономическій строй современнаго государства, то, по крайней мѣрѣ, на многія стороны и частности его. И дѣйствительно, о кризисѣ заговорили въ печати, въ нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ и въ земскихъ собраніяхъ. Но заговорили не совсѣмъ одинаково, а потому интересно прослѣдить ту тенденцію, которая проявлялась въ различныхъ группахъ общественныхъ представителей. Прежде разбора ряда сужденій, проектовъ и мнѣній, вызванныхъ

экономическимъ кризисомъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что эти различія обусловливаются самымъ составомъ тѣхъ учрежденій, которыя высказывались по этому вопросу. Такъ, сельско - хозяйственныя общества, составляясь почти исключительно изъ представителей крупнаго землевладѣнія, естественно, должны были имѣть въ виду интересы этой группы собственниковъ, если только они не имѣли достаточно мужества, чтобы стать на обще-государственную точку зрѣнія. На этой послѣдней должны были стоять всесословныя земства, если они тоже съумѣли отказаться отъ узкихъ партійныхъ цѣлей. Таковы à priori'ныя предположенія о характерѣ сужденій представителей общественной самодѣятельности. Но обратимся къ фактамъ.

I.

Раньше всего намъ нужно выяснить самое явленіе, сужденіями о которомъ мы займемся ниже, т.-е. выяснить экономическій кризисъ въ его важнѣйшихъ проявленіяхъ. Благодаря относительному богатству литературы по этому вопросу, задача наша значительно упрощается и намъ предстоитъ лишь набросать общую, сооотвѣтствующую дѣйствительности картину развитія экономическаго кризиса, придерживаясь печатныхъ источниковъ, и затѣмъ прослѣдить, насколько взгляды земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ соотвѣтствуютъ истинному положенію дѣлъ. Такимъ образомъ обнаружится способность названныхъ учрежденій къ пониманію сложныхъ явленій внутренней жизни страны.

Вслѣдъ за окончаніемъ послѣдней восточной войны, наша хлѣбная торговля такъ расширилась, цѣны на сельско - хозяйственные продукты такъ возросли, что, казалось, не могло оставаться никакихъ сомнѣній въ быстромъ и благотворномъ развитіи экономической жизни государства. Однако, ближайшее изслѣдованіе уже и тогда обнаруживало призрачность этого кажущагося процвѣтанія торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Сравнивая цѣны на хлѣбъ по металлической валютѣ, легко было придти къ заключенію, что за предшествовавшія войнѣ 10—15 лѣтъ онѣ колебались на 1—2 руб. за четверть, и если внезапно возвысились послѣ войны, то не въ металлической валютѣ, а въ кредитныхъ билетахъ. Такое явленіе станетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что экстраординарные расходы военнаго времени вызвали усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ, а вслѣдствіе того значительно понизили металлическую стоимость ихъ. Слѣдовательно, быстрый ростъ цѣнъ на хлѣбъ, продающійся внутри страны, былъ только кажущимся. Но наши крупные хозяева-землевладѣльцы, увлекаемые имъ, поспѣшили возможно скорѣе расширить свои запашки, увеличить живой и мертвый инвентарь, а также рабочую силу имѣній. Фабричная и заводская промышленность тоже расширили свои обороты и, имѣя болѣе или менѣе обезпеченный сбытъ

на внутреннихъ рынкахъ, не заботились объ усовершенствованіи производства и удешевленіи его для покупателей. Дѣятельность быстро кипѣла и никто не предвидѣлъ наступленія грозы. Но она надвигалась и стала очевидною въ 1884 г., когда цѣны на пшеницу съ 9 металл. рублей съ копѣйками за четверть упали до 6 руб. съ копѣйками, а въ слѣдующемъ 1885 г. понизились и еще. Пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, прежде всего, тяжело отразилось на тѣхъ хозяйствахъ, которыя производили его, главнымъ образомъ, для продажи въ необработанномъ видѣ (т.-е. зерномъ), а затѣмъ распространилось и на другія отрасли производства. Торговля значительно упала: въ 1885 году сравнительно съ 84-мъ было уже констатировано пониженіе нашего вывоза за границу полуобработанныхъ матеріаловъ на 40 слишкомъ милл. руб., а жизненныхъ припасовъ на 20 милл. Прошлый 1886 годъ представляетъ дальнѣйшія пониженія: первыхъ продуктовъ почти на 5 милл., а вторыхъ—на цѣлыхъ 57 милл. рублей. Но болѣе всего упалъ вывозъ пшеницы: въ 1885 г. было отпущено изъ Россіи до 135 милл. пуд., на сумму 125½ м. руб., а въ истекшемъ году вывезено лишь 73 м. п., на 76 м. р. Вліяніе экономическаго кризиса распространилось дальше и захватываетъ почти всю нашу обрабатывающую промышленность. Такъ, за послѣднія пять лѣтъ закрылось свыше 40% суконныхъ фабрикъ, а изъ остальныхъ громадное большинство значительно сократили производство. Уральскіе заводы едва влачатъ свое существованіе, и если не бросаютъ дѣла, то исключительно благодаря широкому кредиту изъ государственнаго банка подъ залогъ желѣза, котораго имѣются значительные нераспроданные склады. Сахарное производство, несмотря на широкую поддержку правительства, вынуждено значительно сокращать свои обороты. Хлопчато-бумажная промышленность тоже уменьшается въ размѣрахъ, а плата рабочимъ, занятымъ ею, понижается на 15—60%. Въ общемъ во всѣхъ заводскихъ и фабричныхъ производствахъ замѣтенъ упадокъ дѣлъ, заставляющій сокращать размѣры ихъ и оставлять массу рабочихъ безъ занятій и средствъ къ жизни. Наконецъ, на ряду съ вышеприведенными явленіями новое значеніе получаютъ такіе факты, какъ упадокъ урожайности полей и сокращеніе скотоводства. На югѣ Россіи средній урожай понизился до 3—4 четвертей съ десятины, а въ черноземныхъ—до 6—7; слѣдовательно, въ лучшихъ по почвѣ и климату мѣстностяхъ, недавно слывшихъ житницей Россіи, средній урожай не превышаетъ самъ 7. Размѣры крестьянскаго скотоводства такъ быстро уменьшаются, а породы лошадей и скота такъ вырождаются, что въ недалекомъ будущемъ, при наличности всѣхъ существующихъ условій, населенію нечѣмъ будетъ обрабатывать полей. Такимъ образомъ, обзоръ современнаго состоянія народнаго хозяйства приводитъ къ выясненію главнѣйшихъ проявленій экономическаго кризиса, которыми приходится считать: упадокъ торговли и цѣнъ на хлѣбъ, упадокъ добывающей и обрабатывающей промышленности и спроса на

произведенія ихъ, упадокъ урожайности земли и такой же упадокъ скотоводства.

Теперь попытаемся опредѣлить тѣ группы населенія, которыя наиболѣе страдаютъ отъ такого печальнаго состоянія экономической жизни страны. Проявившееся въ началѣ 80-хъ годовъ стремленіе крупныхъ землевладѣльцевъ къ расширенію площади своей запашки невыгодно отозвалось на арендѣ крестьянами владѣльческихъ земель. Дѣло въ томъ, что въ черноземныхъ губерніяхъ, по вычисленіямъ проф. Янсона, г. Никольскаго и др., для обезпеченія насущнѣйшихъ потребностей крестьянскаго населенія требуется на каждую душу мужскаго пола доходъ не менѣе какъ отъ 5-ти дес. земли, между тѣмъ какъ помѣщичьи крестьяне имѣютъ на наличную душу въ общемъ не болѣе 2-хъ, а государственные—не болѣе 4-хъ дес. Въ нечерноземныхъ губ. отношеніе между требуемымъ количествомъ земли и дѣйствительно находящимся въ пользованіи крестьянъ еще менѣе благопріятно для послѣднихъ. Пока крупные землевладѣльцы не расширяли своихъ запашекъ, эта нужда удовлетворялась арендой ихъ земли, но съ увеличеніемъ площади помѣщичьихъ посѣвовъ предложеніе уменьшилось, а спросъ остался тотъ же самый. Вслѣдствіе этого арендныя цѣны на землю такъ возвысились, что сдѣлались почти недоступными для крестьянъ. Во многихъ уѣздахъ черноземныхъ губерній крестьяне арендуютъ землю въ очевидный убытокъ себѣ. Но съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ должны сократиться и помѣщичьи запашки, что нѣсколько увеличитъ предложеніе земель для сдачи въ аренду и понизитъ ренту, но едва ли значительно улучшитъ положеніе крестьянъ, такъ какъ, все-таки, на производство хлѣба, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ, необходимо будетъ нести и ренту; землевладѣльцы же, имѣя большія площади своей земли, никакой ренты не несутъ и въ этомъ отношеніи положеніе ихъ много лучше, чѣмъ крестьянъ. Отъ дальнѣйшаго же пониженія цѣнъ на хлѣбъ землевладѣльцы несомнѣнно много проиграютъ, такъ какъ скоро издержки по производству не будутъ окупаться. Изъ крестьянъ отъ той же причины проиграютъ лишь болѣе зажиточные, которые продаютъ свой хлѣбъ отъ избытковъ его. Бѣдняки же, вынужденные покупать его по дешевымъ цѣнамъ, окажутся въ нѣкоторомъ выигрышѣ. Но такъ какъ, по приблизительнымъ вычисленіямъ, у насъ столько же крестьянъ, покупающихъ хлѣбъ, сколько и продающихъ, то въ общемъ для массы земледѣльческаго населенія Россіи паденіе хлѣбныхъ цѣнъ довольно безразлично. За то упадокъ урожайности полей отзывается на крестьянахъ гораздо сильнѣй, чѣмъ на помѣщикахъ, во-первыхъ, потому, что первые на доброй половинѣ земли, которою пользуются, несутъ, какъ мы уже видѣли, усиленную ренту, а, во-вторыхъ, потому, что они не располагаютъ ни капиталами, ни кредитомъ, ни улучшенными сѣменами и орудіями, ни спеціальными знаніями и услугами агрономовъ и техниковъ. Упадокъ урожайности полей, расширеніе пло-

щади посѣвовъ хлѣбныхъ растеній и, слѣдовательно, уменьшеніе луговъ, выгоновъ и степей сильно вліяютъ на уменьшеніе кормовыхъ средствъ для скота. Крестьяне, не имѣя своихъ пастбищъ, вынуждены за значительныя цѣны нанимать выпасы у землевладѣльцевъ. Дурное качество этихъ выпасовъ и въ высшей степени плохой стойловый кормъ, ограничивающійся въ черноземной полосѣ почти одною озимою соломой, привели нашъ скотъ почти къ окончательному вырожденію: такъ, отъ славной когда-то породы донскихъ лошадей, отъ рослаго украинскаго скота остались теперь одни воспоминанія. Вмѣстѣ съ вырожденіемъ количество крестьянскаго скота уменьшается годъ отъ году. У землевладѣльцевъ же скотоводство не падаетъ такъ, какъ у крестьянъ, а скорѣе развивается, потому что у нихъ на каждую голову скота приходятся десятки десятинъ относительно хорошихъ выпасовъ.

Что касается кризиса въ промышленности, то онъ тоже больше всего отозвался на рабочихъ классахъ. Мы уже видѣли, что многіе фабрики и заводы понизили рабочую плату до *minimum'a*. Другіе же или совсѣмъ прекратили производство, или значительно сократили его, такъ что большое число рабочихъ осталось безъ занятій. И дѣйствительно, въ губерніяхъ Московской, Владимірской, Ярославской, Тверской, Костромской, Смоленской и нѣкоторыхъ другихъ замѣчается наплывъ рабочихъ, возвращающихся съ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ они прежде находили работу. Положеніе же тѣхъ, которые остались на заводахъ, достаточно извѣстно. Читатели *Русской Мысли* знакомы уже съ порядками, практикуемыми на сахарныхъ заводахъ. Отчеты фабричной инспекціи и процессы по поводу фабричныхъ безпорядковъ обнаружили уже положеніе рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ. И нужно быть слѣпымъ или преднамѣренно закрывать глаза, чтобы не видѣть, какъ оно тяжело и какъ необходимы энергическія мѣры борьбы съ такимъ отношеніемъ къ рабочимъ людямъ, какое мы встрѣчаемъ со стороны нашихъ крупныхъ промышленниковъ. Оно тѣмъ болѣе непозволительно, что положеніе послѣднихъ отъ кризиса совсѣмъ уже не такъ печально, какъ говорятъ они сами. Высокія пошлины на ввозимые изъ-за границы продукты обрабатывающей промышленности съ цѣлью поощренія отечественной торговли почти совсѣмъ устранили всякую конкурренцію, а потому русское производство могло развиваться почти безпрепятственно. И на самомъ дѣлѣ русскій фабрикантъ привыкъ получать по 50—100% на своихъ произведеніяхъ, надѣляя при этомъ покупщиковъ товаромъ очень плохаго качества. Когда же, вслѣдствіе обѣднѣнія населенія, составляющаго главную покупательную силу государства, спросъ на товары понизился и фабриканты должны были довольствоваться меньшими процентами, они завопили объ опасности, якобы грозящей всему нашему экономическому строю. Изслѣдованія, однако, показываютъ, что значительные убытки несутъ тѣ фабрики и заводы, которые не слѣ-

дятъ за успѣхами техники производства, изготовляютъ произведенія низкаго качества и не стремятся къ возможно-быстрому обращенію капиталовъ. Отсюда очевидно, что причиной упадка такихъ фабрикъ и заводовъ необходимо считать недостатокъ энергіи и косность владѣльцевъ ихъ. Общею причиной пониженія спроса на фабричныя и заводскія произведенія служитъ, какъ мы уже видѣли, упадокъ покупательной силы населенія, которая понижается, между прочимъ, тѣми же фабрикантами, стремящимися удешевить производство пониженіемъ рабочей платы, штрафами и т. п. пріемами. Эта же основная причина послужила накопленію продуктовъ обрабатывающей промышленности, т.-е, перепроизводству, которое и считается главнымъ проявленіемъ экономическаго кризиса въ ней.

Такимъ образомъ, различныя стороны кризиса различно вліяютъ на отдѣльныя группы населенія. Однако, крупная промышленность, какъ обрабатывающая, такъ и земледѣльческая, гораздо меньше страдаетъ отъ застоя въ дѣлахъ, чѣмъ мелкая крестьянская промышленность и мелкое же земледѣліе. Отсюда логически вытекаетъ, что главная забота правительства и общественныхъ учрежденій должна быть направлена на борьбу съ тѣми проявленіями кризиса, которыя обусловливаютъ обѣднѣніе крестьянскаго населенія, наиболѣе страдающаго отъ нихъ, но составляющаго главную основу экономическаго благосостоянія страны.

Важнѣйшею изъ такихъ мѣръ борьбы необходимо считать расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, такъ какъ только при этомъ условіи крестьяне перестанутъ нести ренту за землю, необходимую для удовлетворенія ихъ насущнѣйшихъ потребностей, и будутъ тогда получать чистый доходъ въ такихъ же условіяхъ, какими пользуются теперь землевладѣльцы, т.-е. отъ своей собственной земли. Расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія можетъ совершиться, во-первыхъ, на счетъ купленной земельной собственности, при содѣйствіи крестьянскаго банка и помощи земства, а, во-вторыхъ, на счетъ казенныхъ земель, при помощи переселенія изъ малоземельныхъ губерній въ многоземельныя. Обѣ эти мѣры развиты у насъ въ слабой мѣрѣ: операціи крестьянскаго банка незначительны сравнительно съ дѣйствительною нуждой крестьянскаго населенія въ землѣ, а переселенія или просто тормазятся, или предоставлены собственнымъ силамъ крестьянъ, что, разумѣется, не лучше полнаго запрещенія. Крестьянскій банкъ въ своей организаціи имѣетъ нѣкоторые такіе недостатки, какъ, напримѣръ, ограниченность ссудъ, не вполнѣ соотвѣтствующихъ продажной цѣнности земли, или невозможность покупать имѣнія, продающіяся съ публичныхъ торговъ, что до устраненія этихъ недостатковъ земствамъ чрезвычайно необходимо оказывать содѣйствіе переходу земель отъ крупныхъ собственниковъ къ мелкимъ. Точно также и переселеніе требуетъ не только устраненія препятствій, но и поддержки государства и общественныхъ учрежденій, такъ какъ нужда въ немъ такъ значительна, что крестьяне, несмотря ни на какія неблагопрі-

ятныя условія, десятками тысячъ ежегодно направляются на малозаселенныя окраины государства, находя тамъ часто, вмѣсто избытковъ благъ земныхъ, разореніе и потерю послѣдняго имущества. При правильной организаціи дѣла такія явленія, разумѣется, стали бы невозможны.

Какъ только крестьяне перестанутъ платить ренту за землю, которая необходима имъ, и сдѣлаются собственниками ея, благосостояніе ихъ необходимо должно подняться, хотя бы отъ сбереженія этой самой ренты. Оно, въ свою очередь, должно повліять на увеличеніе и улучшеніе живаго и мертваго инвентаря, а, слѣдовательно, и на лучшую культуру земли. Въ виду этого, облегченіе въ пріобрѣтеніи крестьянами земледѣльческихъ орудій, улучшенныхъ сѣмянъ и распространеніе производительнѣйшихъ пріемовъ сельско-хозяйственной техники, на ряду съ спеціальными знаніями, а также мѣры къ улучшенію породы рогатаго скота и рабочей лошади должны составлять вторую по важности заботу общества и правительства. Для этой цѣли могли бы служить склады орудій и сѣмянъ въ провинціи, небольшіе выставки съ демонстративными опытами, случные пункты для скота и лошадей. Но главнѣйшею мѣрой въ этомъ направленіи должно считать распространеніе низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ для народа. Вновь установленный нормальнымъ положеніемъ типъ школъ этого рода едва ли можно считать удовлетворительнымъ: во-первыхъ, потому, что такія школы обходятся слишкомъ дорого (отъ 7-ми до 16-ти тыс. руб.) и, слѣдовательно, не могутъ получить широкаго распространенія, а потому не могутъ стать достояніемъ массы населенія; во-вторыхъ, новыя сельско-хозяйственныя школы, по своимъ программамъ, поставлены на такихъ широкихъ началахъ (уже отъ поступающихъ въ школы 1-го разряда требуется знаніе курса двухклассныхъ училищъ, а для 2-го разряда свидѣтельство объ окончаніи одноклассннаго начальнаго народнаго училища), что привышаютъ скромныя требованія крестьянскихъ хозяйствъ. Дѣти, окончившія ихъ, въ силу своихъ спеціальныхъ знаній, будутъ стремиться найти болѣе широкое поприще для своей дѣятельности, чѣмъ то, которое можетъ дать небольшое и небогатое крестьянское хозяйство. Выдѣляясь при этомъ изъ массы населенія своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, они естественно будутъ искать болѣе привилегированнаго положенія и, вѣроятно, найдутъ его въ должностяхъ конторщиковъ, садовниковъ и мелкихъ управляющихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ виду такихъ соображеній, отчасти уже оправдывающихся на дѣлѣ, нельзя не придти къ тому заключенію, что сельско-хозяйственное (а также и ремесленное) образованіе можетъ быть доступно для массы земледѣльческаго населенія лишь въ томъ случаѣ, когда оно будетъ проводиться нашими начальными народными училищами. Для этого при послѣднихъ желательно было бы имѣть дополнительные курсы, на которыхъ преподавалась бы одна какая-нибудь отрасль

сельскаго хозяйства, имѣющая, по мѣстнымъ условіямъ, наибольше шансовъ на развитіе въ данномъ краѣ.

Затѣмъ не маловажное значеніе для крестьянскаго населенія должно имѣть обезпеченіе за нимъ извѣстнаго рода имущества, необходимаго для самостоятельнаго веденія своего хозяйства. Такимъ именно имуществомъ нужно считать, прежде всего, скотъ, обрабатывающій землю и производящій навозное удобреніе, а потому страхованіе его отъ различнаго рода эпизоотій и особенно отъ опустошительной чумы должно составить почтенную задачу и правительства, и общественныхъ учрежденій. Надо надѣяться, что, съ развитіемъ нашей экономической жизни, страхованіе расширитъ свою область и обезпечитъ за трудящимися классами общества извѣстнаго рода достатокъ, необходимый для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ. Такъ можетъ развиться страхованіе отъ различныхъ несчастныхъ случаевъ, не исключая въ томъ числѣ и неурожаевъ.

Что касается крупнаго землевладѣнія, то помочь въ своей бѣдѣ оно можетъ только само себѣ. Возможно бо́льшее сокращеніе собственныхъ запашекъ и сдача остальной земли въ аренду крестьянамъ за невысокую плату обезпечитъ за нимъ постоянный, вѣрный, хотя и небольшой доходъ. Тѣмъ же землевладѣльцамъ, которые не могутъ или не желаютъ помириться съ значительно-пониженнымъ доходомъ, ничего болѣе не остается, какъ позаботиться о возможно скорѣйшей продажѣ своихъ земель крестьянамъ на условіяхъ, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ. Въ такого рода мѣрахъ не властно ни правительство, ни земство; они только могутъ облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе владѣльческихъ земель.

Точно также самимъ себѣ должны быть предоставлены крупные заводчики и фабриканты. Перепроизводство продуктовъ, явившееся у нихъ, есть простое слѣдствіе усиленной погони ихъ за легкою наживой. Улучшивъ производство примѣненіемъ къ нему современныхъ техническихъ усовершенствованій, понизивъ цѣны на продукты производства и тѣмъ обезпечивъ болѣе вѣрный сбытъ, крупные промышленики создадутъ быстрое обращеніе капиталовъ, и, довольствуясь меньшею прибылью на каждомъ отдѣльномъ предметѣ, получатъ въ общемъ хорошіе проценты на свой капиталъ. Примѣненіе же вышеупомянутыхъ мѣръ къ поднятію благосостоянія массы населенія разовьетъ въ ней бо́льшую покупательную силу и вызоветъ усиленный спросъ на продукты обрабатывающей промышленности.

Мелкая промышленность и особенно кустарная, подавляемая теперь крупною, требуетъ нѣкоторыхъ заботъ. Улучшеніе качества труда въ этой области, обезпеченіе сбыта непосредственно производителямъ, при помощи выставокъ и музеевъ кустарнаго производства, удешевленіе кредита и нѣкоторыя другія мѣры должны въ общемъ благопріятно повліять на поднятіе крестьянскихъ промысловъ. Само собою разумѣется, что ремесленныя школы въ этомъ дѣлѣ могутъ оказать существенную пользу.

Положеніе заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ требуетъ вмѣшательства государственной власти. Въ принципѣ этотъ вопросъ рѣшенъ уже въ утвердительномъ смыслѣ, и государство приступило уже къ установленію болѣе нормальныхъ отношеній между нанимателями и нанимаемыми. Нужно надѣяться, что законодательная дѣятельность въ этомъ направленіи будетъ развиваться съ достаточною энергіей и положитъ предѣлъ тѣмъ злоупотребленіямъ фабричной и заводской администраціи, которыя разоряютъ рабочихъ, продающихъ имъ свой трудъ.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ экономическаго кризиса мы пытались намѣтить въ общихъ чертахъ развитіе и теченіе его, главнѣйшія проявленія, вліяніе на различныя группы населенія и важнѣйшія мѣры борьбы съ нимъ. Теперь обратимся къ тому, какъ понимаютъ кризисъ наши земства и сельско-хозяйственныя общества.

II.

Земства, въ силу прямой своей обязанности, какъ органа хозяйственнаго самоуправленія, чутко прислушивались къ явленіямъ экономическаго кризиса и немедленно отзывались на нихъ. Чуть ли не во всѣхъ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, вопросъ о кризисѣ обсуждался болѣе или менѣе обстоятельно и приводилъ къ какимъ-либо практическимъ мѣрамъ. Мы собрали свѣдѣнія о 16-ти губерніяхъ, составляющихъ почти половину всѣхъ пользующихся земскимъ самоуправленіемъ, и во всѣхъ ихъ находимъ разработку вопросовъ, касающихся того тяжелаго экономическаго положенія, въ которомъ находится страна. Читатель убѣдится въ этомъ изъ слѣдующихъ фактовъ.

Бессарабское губернское собраніе 1885 г., разсматривая причины упадка сельскаго хозяйства губерніи, рѣшаетъ для болѣе точнаго изслѣдованія дѣла обратиться къ уѣзднымъ земствамъ. Не предрѣшая постановленія послѣднихъ, оно проситъ ихъ обратить вниманіе на отсутствіе мѣстной обрабатывающей промышленности и изслѣдовать тѣ данныя, которыя могутъ гарантировать правильное развитіе различныхъ отраслей сельско-хозяйственнаго производства. Аккерманское уѣздное земство, слѣдуя приглашенію губернскаго собранія, собрало довольно богатый статистическій матеріалъ, и, пользуясь имъ, пришло къ заключенію о необходимости имѣть мастеровъ, изготовляющихъ недорогія сельско-хозяйственныя орудія и машины. Затѣмъ оно находитъ полезнымъ устройство сыроварень, которыя поддержали бы падающее скотоводство, развитіе виноградарства и винодѣлія, скотоводства и садоводства. Вопросъ о послѣднемъ разрабатывается управой полнѣе. Хотинское земство издало *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній*, который и намѣрено положить въ основу своей сельско-хозяйственной дѣятельности. Вообще большинство уѣздныхъ земствъ высказывается за статистическое описаніе губерніи, которое толь-

ко и можетъ правильно опредѣлить земскія заботы по устраненію экономическаго кризиса.

Воронежское губернское земство, руководствуясь тѣми же причинами, т.-е. необходимостью изучить хозяйство губерніи для того, чтобы предпринять рядъ мѣръ къ поднятію его, содержитъ съ 1884 г. статистическое бюро. Работами его уже воспользовались нѣкоторыя уѣздныя собранія, напримѣръ, воронежское, для переоцѣнки земель, а острогожское—для разверстки выкупныхъ платежей. Собираніе текущихъ свѣдѣній даетъ возможность своевременно приходить на помощь крестьянскому населенію въ несчастныхъ случаяхъ: такъ, пострадавшимъ отъ градобитія озимаго хлѣба выдано за послѣдній годъ до 43 тыс. руб. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, обязательное убиваніе зачумленнаго скота принято на счетъ земства, для чего ассигновано 150 т. руб. и рѣшено ходатайствовать передъ правительствомъ о выдачѣ земству 20 т. на тотъ же предметъ. На службу земства для борьбы съ чумой приглашено 15 ветеринарныхъ врачей *).

Вятское земство, одно изъ наиболѣе чуткихъ къ нуждамъ населенія, давно принимаетъ мѣры борьбы съ экономическимъ кризисомъ, угнетающимъ внутреннюю жизнь края. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи обширна. Но мы ограничимся лишь указаніемъ на работы прошлаго 1886 г., изъ которыхъ наиболѣе интересны слѣдующія рѣшенія: 1) ходатайствовать объ открытіи крестьянскаго банка въ Вятской губерніи, 2) поручить особой коммиссіи выработать проектъ организаціи выставки кустарныхъ издѣлій, 3) подготовить открытіе при вятскомъ реальномъ училищѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія, подготовляющаго агрономическихъ смотрителей, которые могли бы служить земству, 4) ассигновать 1,500 р. на распространеніе несгараемыхъ крышъ, по образцу изготовляемыхъ въ Красноуфимскомъ реальномъ училищѣ, и 5) ассигновать 1,800 р. на содержаніе трехъ агрономическихъ смотрителей. Изъ уѣздныхъ земствъ Вятской губерніи елабужское рѣшило открыть сельскохозяйственную ферму, учредить должность земскаго агронома и произвести закупку небольшихъ молотилокъ для продажи ихъ въ разсрочку крестьянамъ уѣзда.

Екатеринославское губернское собраніе, въ числѣ другихъ мѣръ борьбы съ обѣднѣніемъ крестьянскаго населенія, обращаетъ большое вниманіе на профессіональное образованіе. На этотъ предметъ оно расходуетъ до 30 тыс. руб. Въ настоящее время во всѣхъ уѣздахъ губерніи есть ремесленные классы и школы по деревнямъ и селеніямъ и ремесленныя отдѣленія при городскихъ училищахъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ремесленныхъ школъ открыто по двѣ и даже по три. Въ нихъ крестьянскія дѣти обуча-

*) *Еженедѣльное Обозрѣніе*, № 165.

ются одному изъ слѣдующихъ ремеслъ: столярно-токарному, кузнечно-слесарному, шорно-обойному, сапожно-башмачному и рѣзьбѣ по дереву.

Казанское губернское земское собраніе 1885 г., по примѣру большинства уѣздныхъ, пришло къ заключенію, что раздача ссудъ на продовольствіе не обезпечиваетъ крестьянъ отъ періодическихъ голодовокъ и сопряженныхъ съ ними бѣдствій, а потому рѣшило перейти къ коренному улучшенію быта крестьянскаго населенія. Собраніе поручило особой коммиссіи разработать вопросъ о ремесленномъ образованіи, но коммиссія остановилась на низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Затѣмъ состоялись постановленія объ учрежденіи по губерніи складовъ для продажи полезныхъ для народа книгъ, объ утвержденіи правилъ страхованія скота отъ чумы, о необходимости съѣзда земскихъ представителей отъ Пермской, Уфимской, Вятской, Казанской, Самарской, Симбирской и Нижегородской губерній, для совмѣстнаго обсужденія мѣръ борьбы съ чумой скота, и, наконецъ, принято измѣненіе оцѣнокъ земель и имуществъ, облагаемыхъ земскими сборами, и признана необходимость общественныхъ запашекъ. Въ 1886 г. казанское земство, въ виду важнаго значенія разверстки вновь вводимыхъ съ 1887 г. выкупныхъ платежей съ земли государственныхъ крестьянъ, ходатайствовало передъ министромъ финансовъ, чтобы разверстка ихъ, прежде окончательнаго утвержденія, представлялась на разсмотрѣніе уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній. На это ходатайство послѣдовало согласіе бывшаго министра финансовъ. Два уѣздныя земства вносятъ ежегодно изъ земскаго сбора по 5 тыс. руб. на образованіе продовольственнаго капитала. Царевококшайское земство даетъ ссуды для поддержанія мелкой артельной лѣсопромышленности и улучшаетъ породу крестьянскихъ лошадей, яранское поддерживаетъ разработку крестьянами торфа, а губернское занято развитіемъ кустарныхъ промысловъ.

Курское губернское земство, въ виду упадка крестьянскаго хозяйства, все болѣе и болѣе развиваетъ свою дѣятельность. За послѣднее трехлѣтіе (1884—1886 гг.) въ немъ поставлены были на очередь слѣдующія мѣропріятія по улучшенію крестьянскаго благосостоянія: «1) прекращеніе чумныхъ эпизоотій на рогатомъ скотѣ, въ связи съ страхованіемъ скота отъ другихъ повальныхъ болѣзней, а также отъ всякой смертности; 2) улучшеніе породы рабочихъ лошадей; 3) уясненіе экономическаго и сельско-хозяйственнаго быта крестьянскаго населенія путемъ подворно-статистическаго описанія; 4) ознакомленіе съ сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью и кустарными промыслами въ губерніи путемъ періодическихъ выставокъ произведеній всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства и производствъ; 5) споспѣшествованіе къ открытію въ губерніи крестьянскаго банка для покупки крестьянами земель и стремленіе къ открытію сельско-хозяйственнаго кредита для землевладѣльцевъ и крестьянъ, и 6) уясненіе причинъ тяжелаго экономическаго кризиса, пе-

реживаемаго сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью» *). На нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ остановимся подробнѣе. Статистико-экономическое описаніе губерніи уже закончено; хотя способы переоцѣнки имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію, еще не установлены, но они уже стоятъ на очереди и въ одну изъ предстоящихъ сессій губернскаго собранія будутъ, вѣроятно, рѣшены окончательно. На послѣдней сельско-хозяйственной выставкѣ было обращено особое вниманіе на организацію отдѣла кустарной промышленности. Статистическія изслѣдованія ея, а также и успѣхъ выставки побудили губернское собраніе обратить особенное вниманіе на нѣкоторыя выдающіяся производства, а именно на кожевенное и сапожное въ Новооскольскомъ уѣздѣ, на иконописное въ слободѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда, и на культуру лука въ томъ же уѣздѣ. Собраніе постановило: «1) ходатайствовать черезъ особаго уполномоченнаго отъ имени губернскаго земства передъ г. военнымъ министромъ о предоставленіи интендантствамъ заказа сапогъ новооскольскимъ кустарямъ, на первый разъ въ размѣрѣ 10 тыс. паръ сапогъ; 2) по заключеніи новооскольскою уѣздною управой условія съ интендантствомъ на заказъ сапогъ, разрѣшить губернской управѣ, подъ гарантіей новооскольскаго земства, выдать въ кредитъ кустарямъ сумму до 20 тыс. руб. безъ процентовъ изъ запаснаго земскаго капитала; 3) просить главнаго интенданта установить не одинъ, а нѣсколько сроковъ для пріема и сдачи заказа; 4) ходатайствовать о выдачѣ интендантствомъ за заказъ сапогъ впередъ авансомъ половины слѣдуемой суммы подъ гарантію новооскольскаго земства; 5) просить, если возможно, чтобы пріемщикъ отъ интендантства принималъ сапоги на мѣстѣ въ г. Новомъ-Осколѣ; 6) ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ объ учрежденіи на казенный счетъ въ слободѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда, школы живописи съ цѣлью усовершенствованія искусства иконописанія между кустарями; 7) просить академію художествъ командировать ея учениковъ въ Грайворонскій уѣздъ, на лѣтнее вакаціонное время, для обученія живописи мѣстныхъ кустарей; 8) просить академію художествъ и Строгановское училище рисованія выслать въ Грайворонскій уѣздъ лучшіе образцы для иконописанія; 9) ходатайствовать передъ министерствомъ государственныхъ имуществъ о высылкѣ грайворонскимъ кустарямъ лучшихъ сортовъ сѣмянъ лука и 10) ходатайствовать о пониженіи желѣзнодорожнаго тарифа на лукъ, отправляемый изъ Курской губерніи» **). Большинство этихъ земскихъ ходатайствъ не осталось безъ результатовъ. Хлопоты по заказу сапогъ почти уже закончены и сбытъ ихъ въ военное вѣдомство почти обезпеченъ. Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ было благосклонно принято земское ходатайство о поддержа-

---

*) *Обзоръ дѣятел. курскаго губ. земства за послѣднее трехлѣтіе* (1884, 1885 и 1886 гг.). *Докладъ XXII очер. губ. зем. собр.,* стр. 45 и 46.

**) *Ibid.*, стр. 58 и 59.

нiи культуры лука, и департаментъ земледѣлiя и сельской промышленности обѣщалъ выслать лучшихъ сѣмянъ его на 600 р. Заботы земства объ улучшенiи иконописи, вѣроятно, временно потерпѣли неудачу, такъ какъ борисовское сельское общество отказалось отъ учрежденiя въ слоб. Борисовкѣ школы живописи.

Находя всѣ эти мѣры недостаточными, курское губернское земство въ 1885 году избрало особую коммиссiю для изслѣдованiя главнѣйшихъ причинъ упадка сельскаго хозяйства и промышленности и обсужденiя мѣръ борьбы съ переживаемымъ экономическимъ кризисомъ. Коммиссiя эта въ теченiе 2 лѣтъ обнаружила замѣчательную энергiю и выработала рядъ вполнѣ основательныхъ положенiй. Мы уже говорили *), что, къ величайшему сожалѣнiю, протоколы коммиссiи, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, не попали въ печать. Но изъ извѣстныхъ и опубликованныхъ ея работъ нельзя пройти молчанiемъ проектъ долгосрочнаго кредита. Главныя задачи послѣдняго состоятъ, по мнѣнiю коммиссiи, въ слѣдующемъ: а) «постепенное разселенiе крестьянъ изъ большихъ скученныхъ центровъ по всему пространству полевой дачи небольшими хуторами и поселками»; б) «содѣйствiе правильному росту крестьянскаго капитала, понимаемаго въ смыслѣ орудiй производства»; в) «содѣйствiе улучшенiю мѣстнаго скотоводства посредствомъ распространенiя племенныхъ производителей, введенiе культурныхъ кормовыхъ растенiй для скота и снабженiе земледѣльцевъ орудiями для глубокой обработки почвы»; г) «помощь сельскимъ обществамъ въ производствѣ разныхъ сооруженiй, требующихъ расходовъ, превышающихъ наличныя средства. Сюда относятся: 1) постройки школьныхъ зданiй, устройство запрудъ, осушенiе болотъ и удовлетворенiе другихъ потребностей обществъ, и 2) содѣйствiе развитiю кустарныхъ промысловъ, производительныхъ товариществъ и артелей»; д) «помощь всему земству, какъ коллективной единицѣ, въ производствѣ затратъ, превышающихъ силы годичныхъ земскихъ бюджетовъ» **).

Изъ уѣздныхъ земствъ Курской губернiи наибольшее вниманiе экономическимъ нуждамъ удѣляло суджанское. Оно, въ числѣ прочихъ, практикуетъ слѣдующiя мѣры: оказываетъ пособiе частной низшей сельско-хозяйственной школѣ, кредитуетъ кустарей, изготовляющихъ дешевыя земледѣльческiя орудiя, стараясь распространять послѣднiя между крестьянами и мелкими землевладѣльцами, содержитъ племенныхъ производителей для улучшенiя породы крестьянскихъ лошадей, практикуетъ продажу хорошихъ сѣмянъ, издаетъ земскую газету *Еженедѣльникъ Суджанскаго Уѣзднаго Земства*, которая, между прочимъ, имѣетъ цѣлью и распространенiе сельско-хозяйственныхъ знанiй, и, наконецъ, поощряетъ и помогаетъ

---

*) *Русская Мысль* 1886 г., кн. II.

**) *Еженед. Судж. Земства* 1885 г. №№ 46 и 47.

крестьянамъ, желающимъ имѣть строенія изъ огнестойкаго матеріала *). Бѣлгородское, грайворонское и нѣкоторыя другія уѣздныя собранія заботятся объ улучшеніи породъ скота, ремесленномъ образованіи и т. п.

Въ *московскомъ* губернскомъ земствѣ, какъ извѣстно, крестьянамъ выдавались ссуды на пріобрѣтеніе земли, такъ какъ малоземелье было признано главною причиной упадка крестьянскаго хозяйства. Съ открытіемъ же въ 1886 г. отдѣленія крестьянскаго банка, земскія ссуды прекращаются. Въ прошлую очередную сессію собраніе возбудило вопросъ объ установленіи соотвѣтствія между обложеніемъ и представительствомъ. Изъ уѣздныхъ земствъ четыре устроили склады земледѣльческихъ орудій, причемъ способствуютъ улучшенію коневодства, облегчаютъ крестьянамъ пріобрѣтеніе фосфоритовъ, костяной муки, хорошихъ сѣмянъ и т. п. Московская уѣздная управа ходатайствовала о безплатной раздачѣ крестьянамъ дешевыхъ плуговъ и сѣмянъ. Собраніе поручило управѣ разработать вопросъ о центральномъ складѣ сѣмянъ.

Новгородское губернское собраніе занято статистико-экономическимъ описаніемъ губерніи. Въ послѣднюю сессію оно рѣшило учредить низшую сельско-хозяйственную школу, съ приготовительнымъ классомъ по типу начальныхъ народныхъ училищъ, съ цѣлью распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ крестьянскомъ населеніи.

Пермскія земства, подъ тяжелымъ вліяніемъ того же экономическаго кризиса, повысили въ 1885 году расходы на улучшеніе благосостоянія крестьянъ до 105 тыс. руб.: красноуфимское земство, извѣстное своимъ реальнымъ училищемъ съ сельско-хозяйственнымъ отдѣленіемъ и своими агрономическими смотрителями, ассигнуетъ до 19 тыс. руб. на сельско-хозяйственныя фермы; шадринское назначило 1,200 р. на мастерскія при фермахъ, осинское—5 тыс. р. на низшую сельско-хозяйственную школу. Затѣмъ три уѣздныхъ земства ассигновали 6,500 руб. на содержаніе агрономическихъ смотрителей; другія три—23,300 руб. на сѣмена и земледѣльческія орудія; пять земствъ даютъ до $5^1/_2$ тыс. р. на удобреніе и вообще на улучшеніе земледѣлія; многія заботятся объ истребленіи дикихъ звѣрей, объ улучшеніи породъ скота и лошадей. Въ прошломъ году закончился четвертый съѣздъ земскихъ агрономовъ, занятыхъ вопросами сельскаго хозяйства въ губерніи. Вопросъ объ оханской сельско-хозяйственной школѣ и опытной станціи близокъ въ этомъ году къ разрѣшенію, такъ какъ земство ассигновало еще 20 тыс. руб. и пожертвовало 27 дес. земли **).

Полтавское губернское собраніе, для поднятія экономическаго положенія массы населенія, заботится о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Вслѣдствіе сообщенія управляющаго отдѣленіемъ мѣстнаго крестьян-

---

*) *Журн. постан. XXI судж. очеред. земск. собранія.*

**) *Экономическій Журналъ* 1887 г., № 1.

скаго банка о томъ, что крестьяне Константиноградскаго уѣзда, въ числѣ 103 домохозяевъ, не могутъ купить при посредствѣ крестьянскаго банка сосѣдняго имѣнія, въ которомъ они нуждаются, потому что имѣніе это назначено въ продажу съ публичныхъ торговъ, губернская управа рѣшила оказать содѣйствіе крестьянамъ. Для этого она употребила часть имѣвшагося въ земствѣ капитала, предназначеннаго для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, на покупку этого имѣнія, а затѣмъ перепродала его вышеупомянутымъ домохозяевамъ при посредствѣ крестьянскаго банка. Губернское собраніе вполнѣ одобрило дѣйствія управы и постановило оказывать подобное же содѣйствіе крестьянскимъ обществамъ и впредь. Государю Императору, вслѣдствіе представленія управляющаго крестьянскимъ банкомъ, благоугодно было повелѣть о возвратѣ взысканныхъ при покупкѣ имѣнія земствомъ крѣпостныхъ пошлинъ. Между тѣмъ, въ управу поступили новыя ходатайства крестьянскихъ обществъ о подобномъ же посредничествѣ земства въ пріобрѣтеніи земли. Всѣ надѣялись, что такимъ образомъ дѣятельность земства получитъ въ высшей степени плодотворное направленіе, но тутъ, совершенно неожиданно, былъ полученъ протестъ г. начальника губерніи, не согласившагося съ постановленіемъ собранія. Пока этотъ протестъ будетъ разбираться въ собраніи и, въ случаѣ несогласія послѣдняго съ г. начальникомъ губерніи, перейдетъ въ сенатъ,—дѣло остановится и крестьяне, ходатайствовавшіе о посредничествѣ земства, судя по газетнымъ извѣстіямъ, будутъ введены въ громадные убытки *).

Въ *Псковской* губерніи къ особенно энергичной дѣятельности вызвано экономическимъ кризисомъ псковское уѣздное земство. Съ цѣлью расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія, оно уже нѣсколько лѣтъ заботится объ осушеніи болотъ. Въ 1885 г. было изслѣдовано и нивеллировано 21,4 тыс. дес. болотныхъ пространствъ. Въ сессію 1886 года состоялись, между прочимъ, слѣдующія постановленія: «1) Просить губернское собраніе о томъ, чтобы воспитанники учительской семинаріи были ознакомляемы практически хотя съ элементарными предметами сельскаго хозяйства и ремеслами, наиболѣе необходимыми въ сельской жизни, и выразить ему свое желаніе имѣть народными учителями не людей, не имѣющихъ ничего общаго съ сельскою жизнью, а лицъ, могущихъ внести въ деревню полезныя знанія для хозяйства и промышленности». 2) Поручить управѣ «продолжать испытаніе плуговъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе еще незнакомо съ ними». 3) Наблюдать за уничтоженіемъ «травянистыхъ межъ, служащихъ гнѣздами для вывода озимыхъ червей и разсадникомъ сорныхъ травъ». 4) Обучать 8 крестьянскихъ подростковъ производству плуговъ и кузнечно-слесарному дѣлу. 5) Помѣстить двухъ мальчиковъ изъ крестьянъ въ сельско-хозяйственную школу 2-го разряда.

---

*) *Юридическій Вѣстникъ* 1887 г., № 3.

6) Ввести въ одномъ изъ селъ обученіе вязанію рыболовныхъ сѣтей съ цѣлью вытѣсненія привозимыхъ перекупщиками. 7) Дать пособіе случному пункту въ г. Псковѣ для найма помѣщеній жеребцамъ; поручить управѣ разработать вопросы о конскихъ выставкахъ, о помѣщеніи въ селеніяхъ жеребцовъ рабочей породы и о мѣрахъ противъ конокрадства. 8) Поручить управѣ принять мѣры къ усиленію сбыта кустарныхъ издѣлій путемъ коммиссіонерства и къ ознакомленію промышленниковъ съ образцами орудій и кустарныхъ издѣлій, для чего составить коллекціи. 9) Поручить управѣ войти въ соглашеніе съ обществомъ сельскаго хозяйства объ устройствѣ бесѣдъ по сельскому хозяйству въ селеніяхъ. 11) Передать нѣсколько вопросовъ на обсужденіе существующей уже нѣсколько лѣтъ спеціальной коммиссіи по льневодству. 12) Усматривая благопріятные результаты отъ искусственнаго рыборазведенія въ Псковскомъ озерѣ, въ которое въ теченіе 12-ти лѣтъ выпущено 143 тыс. молодыхъ лососковъ, внести на этотъ предметъ въ смѣту расходовъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, 50 руб.» *).

С.-петербургское губернское земское собраніе, со времени проявленія экономическаго кризиса, особенно интересуется разверсткой губернскаго земскаго сбора на болѣе правильныхъ и справедливыхъ началахъ. Но такъ какъ разработка данныхъ, добытыхъ подворно-статистическимъ описаніемъ губерніи, производится медленно, то собраніе ассигновало суммы на усиленіе средствъ постояннаго статистическаго бюро. Изъ уѣздныхъ земствъ Петербургской губерніи ямбургское ходатайствовало передъ правительствомъ о дарованіи государственнымъ крестьянамъ льготъ по выкупу ихъ земельныхъ надѣловъ. Петербургское уѣздное собраніе въ 1885 г., вслѣдствіе выяснившагося упадка крестьянскаго хозяйства, избрало коммиссію, которой поручило изыскать мѣры къ поднятію сельскаго хозяйства крестьянъ. Коммиссія эта въ теченіе 1886 г. собирала свѣдѣнія о состояніи крестьянскаго хозяйства, о платежахъ и нуждахъ населенія. Первый годъ достаточное количество матеріала было собрано по Парголовской волости, причемъ выяснилось, что крестьянское населеніе ея несетъ очень большія мірскія повинности и имѣетъ въ очень недостаточномъ количествѣ «удобной полевой, покосной и выгонной земли, что доказывается тѣмъ, что крестьяне ежегодно платятъ за нанимаемыя ими у помѣщика земельныя угодья по 6,071 руб. 75 коп. Крестьяне были спрошены на сельскихъ сходахъ о томъ, что, по ихъ мнѣнію, нужно сдѣлать для улучшенія ихъ сельскаго хозяйства. На всѣхъ сходахъ былъ полученъ одинъ отвѣтъ: увеличить количество удобной для пахоты и покосовъ земли посредствомъ осушенія болотистыхъ и торфяныхъ мѣстъ, вошедшихъ въ крестьянскій надѣлъ, въ число 2,391 дес., отведенныхъ крестьянамъ по уставной грамотѣ *). Коммиссія вполнѣ согласилась съ

*) *Ibid.*, № 2.

**) *Отчетъ земск. управы С.-Петерб. уѣзда за 1886 г.*, стр. 195.

такимъ желаніемъ крестьянъ и представила его на усмотрѣніе собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она просила разрѣшенія продолжить занятія коммиссіи, пополнивъ составъ ея новыми гласными. Затѣмъ, для той же цѣли—поднятія народнаго благосостоянія, петербургское земство въ широкихъ размѣрахъ практикуетъ обученіе въ школахъ дѣвочекъ рукодѣлію, а мальчиковъ—ремесламъ. Дѣло это еще расширяется въ текущемъ году. Здѣсь же въ послѣдніе годы поднятъ и проведенъ въ жизнь вопросъ о страхованіи скота отъ эпизоотій. Собраніе 1885 г. пришло къ заключенію, что обложеніе земскими сборами, лежа лишь на нѣкотораго рода имуществахъ, тяжело отзывается преимущественно на крестьянскомъ хозяйствѣ, а потому настала пора пріисканія новыхъ источниковъ обложенія, для изысканія которыхъ и была избрана особая коммиссія.

Въ *таврическомъ* губернскомъ земствѣ продолжаютъ статистико-экономическое изслѣдованіе губерніи, расширяя и организуя его съ достаточною энергіей. Въ послѣднюю сессію ассигновано 5 тыс. руб. на устройство въ г. Симферополѣ сельско-хозяйственной выставки, на которой особое вниманіе должно быть обращено на кустарный отдѣлъ. Затѣмъ собраніе отвергло убиваніе зачумленнаго скота, основательно выяснивши предварительно, что лучшіе результаты достигаются при борьбѣ съ чумою карантинными мѣрами. Въ прежніе годы отъ эпизоотій падало въ Таврической губерніи до 20 тыс. головъ скота, съ введеніемъ же карантинныхъ мѣръ это число понизилось до 2 тыс., причемъ обнаружилось, что отъ чумы, при изолированіи больнаго скота, падаетъ лишь 50—60%, а остальные выздоравливаютъ. Въ виду такихъ вѣскихъ фактовъ, земство остановилось на устройствѣ карантиновъ *). Перейдя затѣмъ къ вопросу о лѣсоразведеніи, таврическое земство рѣшило: выдавать денежныя преміи, изъ средствъ уѣздныхъ земствъ, за разведеніе лѣса не менѣе 5 дес. и ходатайствовать передъ правительствомъ объ освобожденіи отъ государственныхъ налоговъ на 50 лѣтъ тѣхъ земель, которыя будутъ заняты вновь разведеннымъ лѣсомъ. На развитіе шелководства, процвѣтавшаго здѣсь въ 50-хъ годахъ, тоже рѣшено обратить вниманіе, снесшись предварительно съ комитетомъ шелководства о лучшихъ способахъ дѣятельности по этой отрасли народнаго хозяйства **).

Тамбовское губернское земство занято борьбой съ чумою рогатаго скота. Оно остановилось на убиваніи зачумленныхъ животныхъ и, по послѣднимъ извѣстіямъ, ассигновало на этотъ предметъ 50 т. р. Кромѣ того, озабочиваясь, съ одной стороны, развитіемъ земледѣлія, а съ другой—необходимостью возвращать порочныхъ членовъ общества къ трудовой, производительной жизни, собраніе рѣшило устроить земледѣльческій исправительный пріютъ для молодыхъ преступниковъ ***) Статистико-эко-

*) *Русскія Вѣдомости* 1887 г., № 27.
**) *Русскія Вѣдомости,* № 39.
***) *Русскія Вѣдомости,* № 65.

номическія изслѣдованія продолжаются, причемъ, по желанію собранія, обращено особенное вниманіе на разработку данныхъ по земскому страхованію.

Харьковское губернское земство озабочено мѣрами борьбы съ чумой рогатаго скота и другими эпизоотіями, а также борьбой съ вредными насѣкомыми. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ начаты, или уже заканчиваются, статистико-экономическія изслѣдованія. Сумское земство еще въ 1884 г. рѣшило заняться ремесленнымъ образованіемъ и на первое время открыть такую школу въ г. Сумахъ. Въ 1885 г. въ немъ разсматривался вопросъ о сельско-хозяйственномъ банкѣ, основаніемъ для котораго послужило 50 тыс. руб., пожертвованныхъ г. Харитоненко съ тѣмъ, чтобъ этотъ капиталъ послужилъ для открытія банка: «1) съ цѣлью поднятія уровня сельскаго хозяйства и пріобрѣтенія земли крестьянами, 2) съ развитіемъ операціи и средствъ банка, кредитомъ могутъ пользоваться не только крестьяне, но и лица другихъ сословій, лично ведущія свое хозяйство, и 3) чтобы учетный процентъ по операціямъ ссудъ не превышалъ 6% въ годъ». Такъ какъ первоначальный уставъ банка не былъ утвержденъ, то возникъ вопросъ—не устроить ли, вмѣсто одного банка, нѣсколько ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Но такъ какъ при послѣднихъ будетъ затруднителенъ кредитъ на пріобрѣтеніе крестьянами земли (главная цѣль банка), то собранію ничего не оставалось, какъ принять проектъ устава, выработанный особою канцеляріей по кредитной части *).

Херсонское губернское земство, за все время существованія экономическаго кризиса, принимаетъ близко къ сердцу вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землею. Майское собраніе 1885 г. постановило ходатайствовать: «1) чтобы казенныя земли Херсонской губ. были оставлены для нуждъ мѣстныхъ крестьянъ и чтобы на нихъ не поселяли переселенцевъ изъ другихъ губерній; 2) чтобы при покупкѣ крестьянами, получившими четвертной (даровой) надѣлъ, при посредствѣ крестьянскаго поземельнаго банка,—послѣдній не былъ стѣсняемъ указанными размѣрами его операцій и чтобы въ такихъ случаяхъ, при условленной цѣнѣ, требующей спеціальной оцѣнки, крестьянамъ выдавалось въ ссуду не 75%, а полная условленная сумма, если они не въ состояніи будутъ уплатить доплаты; 3) при невозможности купить землю указаннымъ выше способомъ по добровольному соглашенію, такіе крестьяне должны быть переселяемы на казенныя земли, причемъ расходы по переселенію и устройству усадьбъ должны быть приняты правительствомъ на счетъ казны» **). Въ прошломъ 1886 г. горячо дебатированъ вопросъ объ общественныхъ запашкахъ, который рѣшено передать въ уѣздныя земскія собранія. Признано

*) *Журналъ чрезвычайнаго сумскаго уѣздн. земск. собр.*, стр. 2—5.
**) *Экономическій Журналъ* 1885 г., № 8, стр. 37.

необходимымъ организовать статистико-экономическія изслѣдованія губерніи, для какой цѣли ассигновано на текущій годъ 10 тыс. руб. Приступлено къ переоцѣнкѣ городскихъ имуществъ, такъ какъ теперь вся тяжесть земскихъ повинностей лежитъ почти исключительно на землѣ. По улучшенію сельскаго хозяйства управа представила докладъ, въ которомъ упоминается, что херсонское земство уже практиковало «описаніе губерніи, учреждало выставки, чтобы ознакомить населеніе съ лучшими орудіями, породами скота, хлѣбами и прибыльными мѣстными промыслами, выдавало ссуды на улучшеніе породы лошадей; предполагало распространеніе дешевыхъ и хорошихъ земледѣльческихъ орудій; назначало преміи за лѣсоразведеніе; занималось вопросомъ объ ирригаціи полей въ губерніи; учредило сельско-хозяйственное училище съ цѣлью распространенія въ народѣ раціональныхъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ; устраивало ссудо-сберегательныя товарищества; еще до открытія государственнаго крестьянскаго банка выдавало ссуды изъ земскихъ суммъ на покупку земледѣльцами нѣсколькихъ имѣній; наконецъ, земство тратило громадныя суммы на истребленіе вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ и на изученіе жизни ихъ съ цѣлью открыть способъ ихъ уничтоженія. Между тѣмъ, Херсонская губ. находится въ положеніи, при которомъ необходимо изученіе и тѣхъ ея естественныхъ богатствъ, которыя, сверхъ земледѣлія, могутъ доставить населенію средства къ существованію» *). Но такъ какъ кризисъ въ хозяйствѣ и промышленности, все-таки, продолжается, то земству, по мнѣнію херсонской губ. управы, нельзя останавливаться на половинѣ дороги, а необходимо продолжать начатое дѣло. Для этой цѣли, на первый разъ, принято: учредить должности агрономическихъ смотрителей, назначить 4 тыс. руб. на содержаніе бактеріологической станціи и 2 тыс. на опыты прививки сибирской язвы.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукой свѣдѣній о другой половинѣ губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Но нѣкоторыя мѣры, частью указанныя нами, а частью опущенныя, пріобрѣтаютъ почти всеобщее распространеніе. Такъ, статистико-экономическія изслѣдованія производятся теперь почти во всѣхъ земскихъ губерніяхъ (въ 29 изъ 34). Они вызваны тѣмъ же экономическимъ кризисомъ, который вообще заставилъ встрепенуться наше общество. Земство, прежде чѣмъ приступить къ борьбѣ съ общимъ обѣднѣніемъ населенія, совершенно резонно пожелало ознакомиться съ тѣми условіями жизни и быта крестьянъ и вообще страны, которыя порождаютъ это самое обѣднѣніе. Этимъ объясняется та поспѣшность, съ которою земства организуютъ за послѣдніе 3 — 4 года статистическія бюро и отдѣленія. Это дѣло громадной важности, какъ первый важнѣйшій шагъ въ правильной постановкѣ вопроса о борьбѣ съ широко развившимся экономическимъ кризи-

*) *Экономическій Журналъ* 1887 г., № 1.

сомъ. Не менѣе горячо начинаютъ относиться земства и къ страхованію скота. Правильная постановка этой мѣры такъ развивается, что, вѣроятно, въ очень близкомъ будущемъ захватитъ всю земскую Россію. О значеніи ея мы уже говорили выше и еще разъ высказываемъ надежду, что по примѣру теперь еще немногихъ земствъ остальныя тоже придутъ къ заключенію о необходимости распространить страхованіе на урожайность и другіе доходы и имущества крестьянскаго населенія и тѣмъ обезпечить за нимъ пропитаніе на случай голода и другихъ бѣдствій. Въ этомъ смыслѣ имѣютъ значеніе и общественныя запашки, къ которымъ большинство земствъ уже проявили горячій интересъ. Желательно, разумѣется, чтобы къ этому дѣлу были привлечены и землевладѣльцы, такъ какъ борьба съ такими бѣдствіями, какъ голодъ и т. п., должна привлечь всѣ силы страны. Но общественныя запашки могутъ имѣть и другое важное значеніе. Болѣе или менѣе правильная агрикультура почти невозможна на отдѣльныхъ крестьянскихъ надѣлахъ, тогда какъ на общественныхъ запашкахъ она въ значительной мѣрѣ должна будетъ привиться при нѣкоторой заботливости правительства и земства. Кромѣ того, она поддерживаетъ общественные инстинкты массы и противодѣйствуетъ индивидуалистическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ членовъ сельскихъ обществъ. Эти три мѣры земства—статистико-экономическія изслѣдованія, страхованіе и общественныя запашки—могутъ въ значительной мѣрѣ вліять на правильный исходъ экономическаго кризиса. Первая изъ нихъ уясняетъ и другія мѣры къ поднятію благосостоянія крестьянъ. Такъ, важнѣйшая изъ нихъ—расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—находитъ, какъ мы уже видѣли, въ той или другой формѣ защитниковъ въ 8 губ. изъ 16-ти, взятыхъ нами, а именно въ губ. Вятской, Курской, Московской, Полтавской, Псковской, С.-Петербургской, Харьковской и Херсонской. Мѣры къ поднятію сельско-хозяйственной производительности края, каковы: сельско-хозяйственныя школы, институтъ агрономическихъ смотрителей, распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ орудій, сѣмянъ и скота и т. п., находятъ защитниковъ въ 11-ти губ. изъ взятыхъ нами 16-ти. Мѣры къ поднятію кустарныхъ производствъ, ремеслъ и мелкой обрабатывающей промышленности практикуются въ 10-ти губ. изъ тѣхъ же 16. Наконецъ, страхованіе скота отмѣчено нами въ 9-ти губ.

Такимъ образомъ, всѣ мѣры борьбы земства съ экономическимъ кризисомъ, а также отзывчивость его на запросы жизни показываютъ, что правоспособность нашего самоуправленія проявилась въ столь значительной мѣрѣ, что вполнѣ можетъ опровергнуть ходячія мнѣнія о вялости и безжизненности земства. Напротивъ того, оно обнаружило столько вниманія и энергіи, сколько именно и заслуживали такіе важные вопросы, какъ обѣднѣніе массы населенія и экономическій кризисъ вообще. Очень важнымъ обстоятельствомъ въ его дѣятельности является почти исключительное вниманіе къ интересамъ массы населенія.

Этотъ отрадный фактъ ясно указываетъ на то, что передъ лицомъ всесословнаго собранія, даже несмотря на преобладаніе въ немъ одной какой-либо группы собственниковъ, не такъ-то легко выступить съ защитой сословныхъ интересовъ. Интересы земства являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и интересами обще-государственными, которые, очевидно, ставятся земскими собраніями выше интересовъ сословныхъ. Отказавшись отъ удовлетворенія сословныхъ вожделѣній и идя на помощь только массѣ населенія, земство вступило на совершенно вѣрный путь борьбы съ экономическимъ кризисомъ. Разумѣется, и въ немъ встрѣчаются болѣе или менѣе крупныя отклоненія отъ этого пути, но они сдѣлаются вполнѣ понятными, если мы вспомнимъ недостатки земской организаціи. Главнѣйшимъ изъ нихъ приходится признать неравномѣрность представительства, вслѣдствіе котораго крупное землевладѣніе, несмотря на то, что оно въ численномъ составѣ своемъ и въ участіи въ земскихъ платежахъ далеко отстаетъ отъ крестьянъ, пользуется сравнительно съ послѣдними, въ большинствѣ губерній, бо̀льшимъ числомъ голосовъ въ собраніяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, достаточно уже того, что представители крупнаго землевладѣнія попадаютъ во всесословное собраніе, чтобы, въ большинствѣ случаевъ, возвыситься надъ узкими интересами своей группы. Шансы на преобладаніе обще-государственныхъ интересовъ въ земствѣ, разумѣется, увеличились бы еще болѣе, если бы была соблюдена равномѣрность представительства. Общесословность земскихъ учрежденій служитъ лучшею гарантіей тому, что личныя и групповыя стремленія не будутъ преобладать въ немъ.

Но, кромѣ неравномѣрности представительства, читатель, вѣроятно, невольно замѣтилъ другой недостатокъ земской организаціи, прямо вытекающій изъ обзора совокупной дѣятельности его. Этотъ недостатокъ заключается въ разобщенности земскихъ силъ, а потому и въ отсутствіи единства во многихъ полезныхъ мѣрахъ и предпріятіяхъ. Легко замѣтить, что иногда двѣ рядомъ стоящія губерніи, находящіяся въ одинаковыхъ условіяхъ экономическаго быта, принимаютъ въ лицѣ своихъ земскихъ представителей различныя мѣры въ борьбѣ съ явленіями, подтачивающими благосостояніе народа. Курская губернія, напримѣръ, признала малоземелье крестьянъ, Воронежская еще не дошла до этого, хотя обѣ онѣ одинаково населенныя, одинаково малоземельныя; Таврическая губ. отвергаетъ убиваніе зачумленныхъ животныхъ и практикуетъ карантины, а Харько̀вская отвергаетъ послѣдніе и принимаетъ первую мѣру. Каждое отдѣльное земство менѣе всего повинно въ такихъ противорѣчіяхъ, потому что никакое собраніе не можетъ слѣдить за опытомъ и дѣятельностью другихъ, развивающихся въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ требуетъ сама жизнь. Для исправленія этого зла возможенъ лишь одинъ путь—обмѣнъ мнѣніями объ опытахъ и мѣрахъ между представителями отдѣльныхъ земствъ. Жизнь ясно указываетъ на него и земства постоянно прибѣгаютъ, съ разрѣшенія правительства, къ обмѣну мыслей

на съѣздахъ земскихъ представителей различныхъ губерній по вопросамъ то о борьбѣ съ чумой рогатаго скота, то о борьбѣ съ вредными насѣкомыми, то о другихъ мѣрахъ.

III.

Отъ учрежденія всесословнаго и его взглядовъ на основные и текущіе вопросы экономической жизни страны перейдемъ къ учрежденіямъ сословнымъ, почти исключительно крупновладѣльческимъ, — къ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, и посмотримъ, какъ относятся они къ тѣмъ же вопросамъ и явленіямъ. Параллель между дѣятельностью земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ совершенно возможна, потому что и тѣ, и другіе занимались одними и тѣми же вопросами и преслѣдовали,— по крайней мѣрѣ, по смыслу своихъ постановленій,—общіе интересы, а не сословные. Значитъ, разница во взглядахъ на предметъ сужденія будетъ зависѣть лишь отъ личнаго состава обоихъ учрежденій и ихъ матеріальныхъ средствъ.

До уничтоженія крѣпостнаго права у насъ существовало лишь 21 сельско - хозяйственное общество, но за послѣднія двадцать лѣтъ число ихъ возросло до 123. «Къ сожалѣнію, — говоритъ отчетъ департамента земледѣлія и сельской промышленности,—изъ этого числа лишь нѣкоторыя общества со времени своего учрежденія проявляли непрерывную дѣятельность, значительная же часть ихъ по временамъ совсѣмъ бездѣйствовала и, наконецъ, нѣкоторыя общества даже вовсе перестали собираться, существуя только номинально. Однимъ изъ главныхъ препятствій успѣшной дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ являлось малое сочувствіе къ нимъ большинства хозяевъ и недостатокъ подготовленныхъ лицъ, которыя могли бы вносить оживленіе въ ихъ собранія и занятія» *). О дѣятельности обществъ въ 1884 г. въ департаментъ было представлено 36 отчетовъ. Но если исключить отчетъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, какъ учрежденія преимущественно ученаго, то въ остальныхъ найдется очень немного заслуживающаго интереса. Почти всѣ силы обществъ были направлены на борьбу съ кризисомъ въ крупныхъ хозяйствахъ. Изъ постановленій общаго характера или касающихся исключительно крестьянскаго хозяйства мы едва выбрали слѣдующія: 1) постановленіе *руенскаго вспомогательнаго общества* о необходимости учрежденія сельско - хозяйственной школы (средней или низшей — неизвѣстно); 2) мѣры *Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства* къ распространенію грамотности въ народѣ и разсмотрѣніе доклада о состояніи народно-кредитныхъ учрежденій въ Тверской губ. и

---

*) *1884 г. въ сел.-хоз. отношеніи*, вып. III, ч. II.— *Дѣятел. правит. и общественныхъ учрежд. по сел.-хоз. части*, изд. деп. земл. и сел. пром., стр. 51.

Туркестанскомъ краѣ; комитетъ грамотности имѣлъ пять засѣданій, посвященныхъ вопросу объ устройствѣ народныхъ библіотекъ. Комитетъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ насчитывалъ къ началу 1884 г. 765 дѣйствующихъ товариществъ съ годовымъ оборотомъ на 72.087,267 рублей; 3) *россійское общество садоводства* содержитъ школу садоводства на 36 воспитанниковъ; 4) *кавказское общество сельскаго хозяйства* въ 1884 году, по предложенію правительства, было занято вопросомъ о преобразованіи садовыхъ учебныхъ заведеній и объ обезпеченіи народнаго продовольствія въ Закавказьи; 5) *общество витебскихъ сельскихъ хозяевъ* намѣтило, но еще до настоящаго времени не осуществило устройства при волостныхъ правленіяхъ складовъ земледѣльческихъ машинъ и орудій; 6) *зміевское общество сельскаго хозяйства* «занималось обсужденіемъ вопросовъ о введеніи общественныхъ запашекъ, объ изученіи кустарныхъ промысловъ уѣзда и разработало вопросъ объ учрежденіи низшей сельско-хозяйственной школы» *).

Вотъ и все, что можно было выбрать по части общихъ вопросовъ изъ отчетовъ 35 обществъ. Только шесть изъ нихъ занимались такими мѣрами борьбы съ кризисомъ, которыя могли хоть отчасти касаться крестьянскаго хозяйства. Но, все-таки, большинство и этихъ мѣръ имѣютъ одинаковый интересъ какъ для крупнаго землевладѣнія, такъ и для мелкаго крестьянскаго. Что же касается основныхъ вопросовъ, каковъ вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, то такіе совсѣмъ не поднимаются въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, какъ не поднимаются и вопросы болѣе второстепеннаго значенія, но касающіеся исключительно крестьянскаго хозяйства. Очевидно, что все вниманіе обществъ сосредоточено на интересахъ крупной земельной собственности. Въ доказательство этого предлагаемъ читателю прослѣдить за занятіями областнаго съѣзда сельскихъ хозяевъ южной Россіи, происходившаго въ прошломъ году въ г. Харьковѣ.

Въ этомъ съѣздѣ принимали участіе представители 8 сельско-хозяйственныхъ обществъ, и потому онъ можетъ считаться во многихъ отношеніяхъ довольно характернымъ, хотя нужно помнить, что на занятія его вліяли представители ученыхъ коллегій, какъ петровско-разумовской академіи, экономическаго общества, нѣкоторыхъ земледѣльческихъ училищъ и другихъ учрежденій, не заинтересованныхъ прямо въ крупномъ или мелкомъ землевладѣніи, а, напротивъ, имѣющихъ возможность безпристрастно отнестись къ явленіямъ нашей экономической жизни. Начался этотъ съѣздъ тѣмъ, что предсѣдатель харьковскаго общества сельскихъ хозяевъ поставилъ на видъ три причины угнетеннаго состоянія сельской промышленности. Вотъ онѣ: «1) частныя, зависящія отъ неудовлетворительнаго положенія нашего сельскаго состоянія вообще; 2) об-

*) Ibid., стр. 58—70.

щія, государственныя, проистекающія отъ экономическаго положенія нашего отечества и отъ устройства отраслей его государственнаго хозяйства; 3) міровыя, дѣйствующія на всѣ хлѣбопроизводящія страны, хотя и не съ одинаковою силой» *). Такимъ образомъ, съѣздъ долженъ былъ коснуться не только техническихъ улучшеній, возможныхъ въ нашихъ хозяйствахъ, но и вообще коренныхъ государственныхъ и даже міровыхъ причинъ, такъ или иначе вліяющихъ на земледѣліе. Такая задача не только заключаетъ въ себѣ все то, чѣмъ занималось земство въ этомъ вопросѣ, но идетъ дальше и захватываетъ міровые интересы. Задача широкая и съѣздъ не задумался приступить къ рѣшенію ея. Но предварительно онъ ознакомился со взглядами харьковскаго общества сельскихъ хозяевъ, по которымъ: «1) обстоятельное изученіе кризиса возможно только помощью и средствами правительства» (зачѣмъ тогда, спросимъ мы, нужно было и съѣздъ созывать?), 2) для Россіи крайне необходимо учрежденіе министерства земледѣлія и 3) для обезпеченія успѣха земледѣлія необходимо устройство опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій и полей». Затѣмъ съѣздъ приступилъ къ слушанію и обсужденію докладовъ, представленныхъ ему. Отмѣтимъ лишь одни постановленія съѣзда. Вотъ они:

1) «Причина, вызвавшая пониженіе цѣнъ на хлѣбъ на международномъ рынкѣ, не временнаго характера, а потому и настоящія низкія цѣны на хлѣбъ не представляютъ явленія скоропреходящаго. На прочное поднятіе ихъ въ будущемъ разсчитывать трудно; дальнѣйшее же ихъ пониженіе возможно».

2) «Принимая въ соображеніе громадное значеніе для Россіи внутренняго рынка, спросъ котораго опредѣляется, главнымъ образомъ, степенью благосостоянія крестьянскаго населенія, можно полагать, что при увеличеніи потребленія хлѣба внутри и, вслѣдствіе того, бо̀льшей независимости цѣнъ отъ международнаго рынка, цѣна на хлѣбъ на внутреннихъ рынкахъ нѣсколько возростетъ».

Послѣ такого разумнаго рѣшенія можно было ожидать, что всѣ силы съѣзда будутъ направлены къ обсужденію мѣръ поднятія покупательной силы массы населенія. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Очевидно, что такую формулировку причинъ паденія цѣнъ на хлѣбъ съѣзду подсказали его лучшіе члены, составлявшіе меньшинство. Съѣздъ занялся другими вопросами и формулировкой новыхъ постановленій:

3) «Съѣздъ съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся къ докладу объ учрежденіи министерства земледѣлія и рѣшилъ возбудить ходатайство» объ этомъ передъ правительствомъ.

4) Рѣшено «ходатайствовать передъ министерствомъ государственныхъ имуществъ объ ассигнованіи суммъ на учрежденіе сельско-хозяйственныхъ станцій въ четырехъ пунктахъ».

---

*) *Труды Импер. Вольн. Эконом. Общ.* 1886 г., № 2.

5) Рѣшено «ходатайствовать передъ правительствомъ о совершенной отмѣнѣ поштучнаго тарифа и о пониженіи тарифа для перевозки русскихъ земледѣльческихъ машинъ до $^1/_{10}$ коп. съ пудо-версты, подобно иностраннымъ».

6) Возбуждено «ходатайство объ улучшеніи нашихъ портовъ вообще, не высказываясь въ особенности ни за одинъ портъ».

7) Постановлено «ходатайствовать передъ правительствомъ объ устройствѣ элеваторовъ на средства полукопѣечнаго сбора портовыхъ городовъ».

8) «Съѣздъ постановилъ: 1) желательно возможно-бóльшее развитіе мукомольнаго дѣла въ главнѣйшихъ пунктахъ производства пшеницы; 2) необходимо сокращеніе расходовъ по перевозкѣ муки желѣзными дорогами и по ея упаковкѣ; 3) необходимо ознакомленіе русскихъ мукомоловъ съ требованіями заграничныхъ рынковъ и съ качествами мѣстнаго помола».

9) «Въ отношеніи развитія внутренняго рынка постановлено: 1) необходимо развитіе мукомольнаго дѣла внутри Россіи въ видахъ усиленія спроса и въ интересахъ оставленія отбросовъ, которые могутъ служить кормовымъ матеріаломъ для скота; 2) необходимо уменьшеніе и уравненіе внутреннихъ тарифовъ какъ на зерновой хлѣбъ, такъ и на муку».

10) «Съѣздъ постановилъ: ходатайствовать передъ правительствомъ объ изданіи надлежащимъ образомъ обработаннаго акцизнаго устава» и о нѣкоторыхъ льготахъ для сельско-хозяйственнаго винокуренія.

11) «Съѣздъ ходатайствовалъ о скорѣйшемъ введеніи ипотечной системы, а также: 1) о замѣнѣ операцій учета соло-векселей землевладѣльцевъ операціею спеціальныхъ текущихъ счетовъ, обезпеченныхъ такими же залогами; 2) о распространеніи такой операціи на всѣ конторы и отдѣленія государственнаго банка и объ открытіи ея въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ конторъ и отдѣленій государственнаго банка нѣтъ, при дворянскомъ земельномъ банкѣ; 3) о доставленіи краткосрочнаго кредита крестьянамъ при крестьянскомъ банкѣ. Такой кредитъ можетъ служить средствомъ для подъема крестьянскихъ хозяйствъ. Одно территоріальное расширеніе крестьянскаго земледѣлія еще мало обезпечиваетъ народное благосостояніе. Къ этому съѣздъ прибавилъ предложенную княземъ Мещерскимъ резолюцію: выразить пожеланіе, чтобы земства открыли мелкій краткосрочный кредитъ крестьянамъ».

Изъ этого постановленія видно, что землевладѣльцы знаютъ важнѣйшую нужду крестьянъ, нужду въ землѣ, но, все-таки, высказываются о ней лишь вскользь, мимоходомъ. Они заняты только своими дѣлами и не даютъ себѣ труда даже формулировать крестьянскія нужды. Что касается краткосрочнаго кредита при крестьянскомъ банкѣ, то мѣра эта не заслуживаетъ никакого вниманія, такъ какъ на спѣшныя надобности ни одинъ крестьянинъ не поѣдетъ за какими-нибудь 50-ю руб. въ гу-

бернскій городъ. Если кто и воспользовался бы такимъ кредитомъ, то только развѣ кулаки. Очевидно, и надъ этою мѣрой не задумывался съѣздъ, потому что она касалась не непосредственныхъ его интересовъ, и перешелъ къ слѣдующему и послѣднему постановленію, по которому

12) рѣшено «выразить проф. Л. С. Цѣнковскому благодарность за его работы по инфекціоннымъ болѣзнямъ и просить правительство объ устройствѣ спеціальной лабораторіи въ Харьковѣ и ассигнованіи необходимыхъ средствъ проф. Л. С. Цѣнковскому для изслѣдованія вопроса о предохранительномъ прививаніи чумы и друг. эпизоотическихъ болѣзней домашнихъ животныхъ» *).

Вотъ почти и всѣ заслуживающія вниманія постановленія харьковскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ. Дѣло окончилось гораздо скромнѣе, чѣмъ предполагалось вначалѣ, и, вмѣсто кореннаго рѣшенія вопросовъ, мы встрѣчаемъ лишь нѣсколько избитыхъ пожеланій, да ходатайствъ передъ правительствомъ. Обще-государственные вопросы фигурировали лишь въ видѣ дебатовъ по учрежденію министерства земледѣлія, регулированію тарифовъ, устройству портовъ, элеваторовъ, сельско-хозяйственныхъ станцій, организаціи кредита и т. п. Остальные, частные вопросы касались техническихъ и друг. улучшеній съ цѣлью поднятія доходности сельскаго хозяйства. Почти все то, что высказывало по тѣмъ же предметамъ земство, игнорировалось съѣздомъ. Правда, время отъ времени попадаются доклады или отдѣльныя мнѣнія, затрогивающія крестьянскія интересы, наприм. докладъ г. Бодянскаго о невозможности улучшеній при общинномъ пользованіи землею, о бѣдности крестьянъ, главной покупательной силы на внутреннихъ рынкахъ, или мнѣнія о крестьянскомъ кредитѣ и о малоземельи. Но мы уже видѣли, что съѣздъ или только выслушивалъ такіе доклады, не дѣлая постановленій, или формулировалъ ихъ впопыхахъ, относясь къ крестьянскимъ интересамъ невнимательно и небрежно. Въ иныхъ случаяхъ доклады и мнѣнія были прямо противъ интересовъ массы населенія. Такъ, г. Краинскій рѣшительно предсказывалъ гибель мелкому землевладѣнію, видя нашу будущность лишь въ крупныхъ хозяйствахъ. Словомъ, по всему было видно, что обще-государственные интересы были лишь маской для обсужденія интересовъ однихъ крупныхъ хозяйствъ, нужды которыхъ отождествлялись съ нуждами страны и государства. Какая неизмѣримая разница между этою подкладкой сужденій и мотивами земства въ его постановленіяхъ! Даже забота о сельско-хозяйственномъ образованіи не нашла достаточно энергичныхъ защитниковъ на съѣздѣ и не внесена въ число ходатайствъ его.

Что постановленія харьковскаго съѣзда вполнѣ характерны для подобнаго рода учрежденій, видно изъ свѣдѣній о дѣятельности нашихъ дру-

*) *Труды Импер. Вол. Экон. Общ.* 1886 г., № 2-й, стр. 180, 182 и 184; № 3-й, стр. 260, 265, 267, 268, 273, 276, 277 и 278, 281.

гихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Такъ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ ихъ 26—и всѣ они работаютъ въ одномъ и томъ же направленіи. По свѣдѣніямъ *Московскихъ Вѣдомостей*, они пришли въ послѣднее время «къ нѣкоторымъ заключеніямъ, имѣющимъ общій интересъ», а именно:

«Общества пришли къ соглашенію: озаботиться устраненіемъ овинныхъ топокъ; предложить сельскимъ обществамъ возводить изъ несгораемаго матеріала школьныя и общественныя зданія; просить правительство о болѣе строгомъ надзорѣ за соблюденіемъ правилъ существующаго строительнаго устава; въ видахъ поощренія необходимаго для сельскаго хозяйства внутренняго производства земледѣльческихъ орудій и машинъ, ходатайствовать предъ правительствомъ о назначеніи мѣстнымъ заводчикамъ за сельско-хозяйственныя орудія премій... Затѣмъ общества высказались за учрежденіе бо́льшаго числа контрольныхъ станцій для сельско-хозяйственныхъ сѣмянъ, въ особенности сѣмянъ кормовыхъ травъ... Относительно коневодства высказано, чтобы по возможности въ границахъ каждаго сельско-хозяйственнаго общества были изъ свѣдущихъ землевладѣльцевъ образованы коммиссіи для строгаго надзора за годностью производителей; вмѣстѣ съ тѣмъ, общества просятъ увеличить наказанія за конокрадство... Для легкаго сбыта сельскихъ продуктовъ, общества считаютъ нужнымъ провести въ Лифляндской губерніи желѣзныя дороги къ ея гаванямъ» *) и т. д. въ томъ же родѣ.

Очевидно, что и эти постановленія равнозначущи съ харьковскими. Главный интересъ обществъ направленъ къ поддержанію крупныхъ производствъ и выражается то въ просьбѣ премій, то въ ходатайствахъ о постройкѣ портовъ и желѣзныхъ дорогъ. Въ интересахъ мелкой собственности составляются лишь постановленія вродѣ воспрещенія овинныхъ топокъ, которыя не имѣютъ почти никакого значенія.

Но были случаи, когда члены сельско-хозяйственныхъ обществъ обращали свое благосклонное вниманіе на коренные вопросы народной жизни, какъ бы сознавая, что въ нихъ-то и заключается вся сила настоящаго положенія дѣлъ. Такъ, г. Шатиловъ въ московскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ предложилъ одну очень радикальную мѣру для выхода изъ экономическаго кризиса. Мѣра эта — ни больше, ни меньше, какъ уничтоженіе общиннаго землевладѣнія крестьянъ и замѣна его подворнымъ. При этомъ особенно интересными для насъ являются тѣ мотивы, которые предлагаетъ г. Шатиловъ въ пользу проектированной имъ мѣры. Характеризуя пользованіе землею крупныхъ землевладѣльцевъ, онъ отличаетъ два способа: 1) отработочный, при которомъ крестьяне, за пользованіе извѣстными угодьями землевладѣльцевъ, обрабатываютъ землю послѣднихъ своимъ инвентаремъ, и 2) батраческій, когда крупно-

*) *Труды Импер. Вол. Экон. Общ.* 1886 г., № 7, стр. 368 и 369.

владѣльческое хозяйство ведется наемнымъ батрацкимъ трудомъ. Кромѣ того, почти 50% всѣхъ землевладѣльцевъ, живя въ городахъ, отдаютъ свои земли въ аренду крестьянамъ за часть урожая или за деньги. Въ виду такихъ способовъ пользованія владѣльцами своею землей, для нихъ является чрезвычайно важнымъ вопросъ о качествѣ крестьянской обработки земли. Она, разумѣется, очень плоха. Такимъ образомъ, на благосостояніи землевладѣльцевъ отражается и убожество крестьянскихъ лошадей, и непригодность орудій, и малосиліе ребятъ, высылаемыхъ обыкновенно на обработку барскихъ полей, и другія условія, зависящія отъ хозяйственной силы крестьянина. Таково отрицательное вліяніе крестьянской бѣдности на выгоды помѣщиковъ. Такъ же отражаются на послѣднихъ и внутренніе порядки сельскихъ обществъ, при которыхъ лучшіе работники остаются дома, а худшіе уходятъ въ батраки, пріучая тамъ населеніе къ дурной обработкѣ владѣльческихъ полей. Такія обстоятельства приводятъ къ упадку помѣщичьихъ хозяйствъ, что̀, въ свою очередь, неблагопріятно вліяетъ на благосостояніе крестьянъ. Начальная же причина, т.-е. бѣдность крестьянъ, обусловливается существованіемъ у нихъ общиннаго землевладѣнія, которое, по мнѣнію докладчика, должно быть уничтожено *).

Эти измышленія г. Шатилова могутъ служить лучшимъ примѣромъ отношенія землевладѣльцевъ, когда они выступаютъ въ сословныхъ собраніяхъ, къ такимъ кореннымъ вопросамъ народнаго экономическаго быта, какъ общинное землевладѣніе. Не вдаваясь въ обсужденіе этого «доклада», отмѣтимъ лишь ту откровенность, съ которою въ немъ на первый планъ ставятся выгоды и интересы землевладѣльцевъ. Выходя изъ нихъ, авторъ требуетъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія и, такимъ образомъ, подчиняетъ соціальныя формы народной жизни выгодѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Правда, докладъ упоминаетъ объ обоюдной пользѣ, но почти не касается тѣхъ сторонъ вліянія общины, которыя не связаны съ землевладѣльческимъ хозяйствомъ, а касаются исключительно крестьянскихъ интересовъ. Въ результатѣ обнаруживаются однѣ сословныя вожделѣнія тамъ, гдѣ земство всегда стоитъ на почвѣ обще-государственныхъ нуждъ.

Игнорируя коренныя причины, порождающія кризисъ въ экономической жизни населенія, или рѣшая ихъ въ интересахъ крупныхъ хозяйствъ, сельско-хозяйственныя общества, все-таки, занимаются время отъ времени вопросами земледѣльческой культуры и техники. На этой почвѣ дѣятельность ихъ нѣсколько плодотворнѣе, хотя въ приложеніи къ крестьянскому хозяйству тоже имѣетъ микроскопическіе размѣры. Многія засѣданія обществъ были посвящены вопросамъ разведенія техническихъ растеній, обработки земли, конкурсу орудій и машинъ, многое выяснено относительно скотоводства, навознаго, зеленаго и минеральнаго удобренія

*) *Труды Импер. Вол. Экон. Общ.*, № 9.

полей. Говорилось и о «солнечной» системѣ полеводства, и о переработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и т. п. Но все это относилось больше къ помѣщичьимъ имѣніямъ. Вопросами же крестьянскаго хозяйства были заняты, между прочимъ, въ истекшій годъ два общества—минское и полтавское. Первое нашло, что главная (?) причина упадка крестьянскаго хозяйства заключается въ недостаткѣ кормовъ для скота, а потому необходимо стремиться къ развитію у крестьянъ травосѣянія. Докладъ г. Пилявскаго, касавшійся именно этого вопроса, указывалъ на невозможность какихъ бы то ни было улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, если только кормовыя средства скота будутъ прежнія. Единственный выходъ изъ этого положенія г. Пилявскій видитъ въ замѣнѣ существующей теперь трехпольной системы хозяйства шестипольною, при которой нѣтъ надобности прибѣгать къ новому размежеванію, но, все-таки, возможно ввести травосѣяніе *). Въ другомъ обществѣ—полтавскомъ—однимъ изъ членовъ-корреспондентовъ былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ при опытномъ полѣ фермы, которая подходила бы къ типу крестьянскихъ хозяйствъ. Докладчикъ предлагалъ отдѣлить 10 десят., изъ которыхъ 6 оставить подъ обыкновенную трехпольную систему, а остальныя подъ вольное хозяйство, огородъ и т. п., чтобы крестьянинъ-подсусидокъ завѣдывалъ этимъ хозяйствомъ подъ руководствомъ директора опытнаго поля. Нѣкоторые изъ членовъ полтавскаго общества очень интересовались опытомъ такой фермы, во-первыхъ, потому, что она могла бы «ясно рѣшить вопросъ, будетъ ли поглощенъ весь трудъ 5-ти членной крестьянской семьи при обработкѣ 6 десятинъ фермеровскаго трехполья и останется ли у нея достаточно времени на веденіе болѣе интензивной культуры на остальныхъ 4 дес.»; во-вторыхъ, потому, что этотъ опытъ рѣшилъ бы, «со сколькихъ десятинъ земли можно снять 124 пуда ржи, стоющей 70 руб., которые, по разсчету, нужны для годичнаго прокормленія семьи»; и, наконецъ, въ-третьихъ, «не будетъ ли земледѣльческою анамаліей надѣлъ въ 3 дес., если предположенная опытная ферма выяснитъ невозможность получить достаточное обезпеченіе для годоваго продовольствія и содержанія 5-ти членной крестьянской семьи?» Вопросы дѣйствительно интересные, но, тѣмъ не менѣе, предложеніе устроить ферму было отвергнуто полтавскимъ обществомъ, причемъ посыпались изъ краснорѣчивыхъ устъ гг. членовъ обвиненія крестьянамъ въ косности, невѣжествѣ и т. п. **).

Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе о характерѣ дѣятельности нашихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и отношеніи ихъ къ сословнымъ и общесословнымъ интересамъ. Главныя силы ихъ направлены къ достиженію различнаго рода покровительствъ, имѣющихъ значеніе почти исключительно для крупнаго

---

*) *Труды* и т. д., № 8.

**) *Ibid.*, № 2.

землевладѣнія и для такой же промышленности. Къ этой части стремленій ихъ слѣдуетъ отнести всѣ заботы по улучшенію транспорта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, заботы о поощреніи винокуренія, заводовъ земледѣльческихъ машинъ, мукомольнаго производства и т. п.; сюда же слѣдуетъ отнести ходатайства объ облегченіи кредита, ссудъ и друг. доступныхъ землевладѣльцамъ благъ. Крупное хозяйство почти исключительно производитъ на продажу, оно же наиболѣе нуждается въ машинахъ, а потому эти стороны дѣла затрогиваютъ только его интересы. Но сельско-хозяйственныя общества касаются иногда и такихъ мѣръ, которыя могли бы быть полезны какъ для крупнаго, такъ и для мелкаго хозяйства, таковы вопросы о сельско-хозяйственномъ образованіи, о складахъ, выставкахъ и т. п. Эта сторона дѣятельности ихъ очень бѣдна въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Что же касается дѣятельности обществъ собственно на почвѣ обще-государственныхъ интересовъ или, что одно и то же, интересовъ массы населенія, то ее приходится признать еще болѣе бѣдной. Существенный характеръ ея въ томъ, что всѣ коренные вопросы народной жизни или совсѣмъ обходятся сельско-хозяйственными обществами, или разрѣшаются въ отрицательномъ для народныхъ интересовъ смыслѣ. Здѣсь проявляется ясно и опредѣленно сословный антагонизмъ. Въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, когда принимаются рѣшенія благопріятныя для массы населенія по своему общему характеру, они или неудобоисполнимы, какъ кредитъ при крестьянскомъ банкѣ, или касаются самыхъ неважныхъ, самыхъ второстепенныхъ нуждъ, какъ въ вопросѣ объ овинныхъ топкахъ, или ограничиваются одними платоническими пожеланіями, какъ почти всѣ рѣшенія обществъ въ этой сферѣ. Разумѣется, противъ послѣдняго обстоятельства можно возразить, что общества не располагаютъ для этого достаточными матеріальными средствами. Но это будетъ не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ находятъ же общества средства на устройство сельско-хозяйственныхъ станцій, фермъ, выставокъ, на изданіе журналовъ и т. п. Отчего же не найти ихъ и на распространеніе, наприм., грамотности, какъ то дѣлаетъ чуть ли не единственное московское общество? Вообще же такого рода явленія могутъ быть названы не иначе, какъ исключительными.

Теперь въ короткихъ словахъ подведемъ итоги всему сказанному. Мы видѣли, что экономическій кризисъ дѣйствительно существуетъ, но что онъ гораздо тяжелѣе для массы населенія, чѣмъ для крупной добывающей и обрабатывающей промышленности; что первая, составляя главную основу экономическаго строя государства, какъ важнѣйшая производящая, покупательная и платежная сила, прежде всего, должна быть удовлетворена въ своихъ нуждахъ. Разсматривая относительное значеніе послѣднихъ, необходимо придти къ заключенію, что на первомъ мѣстѣ стоитъ

нужда крестьянъ въ землѣ, затѣмъ уже слѣдуютъ второстепенныя нужды, каковы нужда въ общемъ и спеціальномъ образованіи, въ доступности полезныхъ совѣтовъ, дешевыхъ орудій, сѣмянъ, хорошихъ производителей для скота, въ развитіи кустарныхъ промысловъ, въ обезпеченіи сбыта имъ и т. п. Что касается интересовъ крупнаго хозяйства, то, не имѣя большаго значенія для страны и обладая достаточными своими средствами, оно не можетъ разсчитывать на государственную и общественную помощь, прежде удовлетворенія болѣе нуждающихся, и должно быть предоставлено собственнымъ силамъ. Тяжелый гнетъ, оказанный кризисомъ на нашу производительность, вызвалъ рядъ сужденій и мѣръ, предпринятыхъ, между прочимъ, земствомъ и сельско-хозяйственными обществами. Первое, будучи учрежденіемъ всесословнымъ, отнеслось къ явленіямъ экономической жизни съ точки зрѣнія обще-государственной и поспѣшило на помощъ, въ большинствѣ случаевъ, массѣ земледѣльческаго населенія. Оно принялось за изученіе экономическихъ силъ страны, отозвалось на нужду крестьянъ въ землѣ, на потребность въ знаніяхъ, орудіяхъ, сѣменахъ, продовольствіи и т. п., на необходимость обезпечить за населеніемъ извѣстный достатокъ, заработокъ промыслами и другими источниками крестьянскаго благосостоянія. Словомъ, имѣя въ виду недостатки земской организаціи и необходимость удовлетворенія многихъ обязательныхъ и необязательныхъ для него требованій, земство сдѣлало въ борьбѣ съ экономическимъ кризисомъ не меньше того, сколько можно было ждать отъ него, какъ молодаго органа всесословнаго самоуправленія. Совсѣмъ на другой точкѣ зрѣнія стояли наши сельско-хозяйственныя общества, которыя по своему составу могутъ считаться выразителями интересовъ крупновладѣльческихъ вообще и дворянскихъ въ частности. Они почти исключительно останавливались на своихъ узко-эгоистическихъ сословныхъ нуждахъ, игнорируя, въ большинствѣ случаевъ, нужды того разряда собственниковъ, которые составляютъ основную экономическую силу страны. Это явленіе тѣмъ болѣе важно, что сельско-хозяйственныя общества не ставятъ своею цѣлью исключительно заботу о сословныхъ интересахъ, а стоятъ, въ области сельскаго хозяйства, на той же почвѣ, что и земство. Отсюда очевидно, что вся разница между отношеніями къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ почти всецѣло зависитъ отъ личнаго состава тѣхъ и другихъ, отъ воплощенія въ ихъ организаціи принциповъ всесословности и сословности. Отсюда и практическій выводъ, по которому сословная организація самоуправленія приведетъ его къ несомнѣнному вырожденію, или, другими словами, къ удовлетворенію интересовъ привилегированныхъ сословій на счетъ непривилегированныхъ, къ пониженію производительныхъ, покупательныхъ и платежныхъ силъ послѣднихъ, а, слѣдовательно, и къ новымъ экономическимъ затрудненіямъ.

Евгеній Максимовъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Политическая экономія.

Экономическая теорія политическихъ учрежденій Лоріа.—Историческій очеркъ Менгера о соціалистическихъ ученіяхъ.—Новое сочиненіе Джоржа.

Однимъ изъ выдающихся явленій въ новѣйшей экономической литературѣ служитъ книга талантливаго итальянскаго экономиста Ахилла Лоріа: *La teoria economica della costituzione politica* (Torino fratelli Bocca, 1886). Книга эта интересна не только потому, что въ ней высказался сильный протестъ противъ господствующаго въ Германіи взгляда на роль государства, исходящій отъ экономиста, далеко не принадлежащаго къ безусловнымъ защитникамъ существующаго строя, но и потому, что она представляетъ, въ то же время, попытку свести всѣ явленія политической жизни народовъ къ экономическимъ причинамъ. Мысль эта, какъ извѣстно, не нова, ее можно встрѣтить у писателей различныхъ эпохъ, а вскользь брошенныя замѣчанія о важной роли экономическихъ явленій попадаются у большинства историковъ и экономистовъ, къ какой бы школѣ они ни принадлежали. Что отличаетъ книгу Лоріа—это систематическое проведеніе знакомой уже мысли, дающее возможность признать въ ней цѣльное міросозерцаніе, особое пониманіе исторіи. Правда, въ предисловіи къ *Zur Kritik der politischen Oekonomie* Марксъ формулировалъ свои воззрѣнія на историческую жизнь народовъ, но это были короткія формулы безъ поясненія, безъ доказательствъ, что-то вродѣ аксіомъ, какъ будто не нуждающихся въ доказательствахъ. Въ другихъ сочиненіяхъ своихъ Марксъ нигдѣ не считалъ нужнымъ останавливаться на доказательствахъ правильности своего міросозерцанія; онъ принималъ его какъ нѣчто само собою понятное. На читателя такая манера производила сильное впечатлѣніе, онъ незамѣтно входилъ въ кругъ марксовскихъ идей и настолько освоивался съ этимъ своеобразнымъ пониманіемъ исторіи, что ни разу не задавался вопросомъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ доказаннымъ фактомъ, или же передъ нимъ только блестящая идея, которая имѣетъ равно такое же

право на существованіе, какъ и всякая другая недоказанная идея. Міросозерцаніе это обыкновенно называютъ *матеріалистическимъ*, но слово это понимаютъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его натуралистъ, когда противуставляетъ матерію духу, а въ томъ смыслѣ, что истинною причиной и настоящимъ двигателемъ всѣхъ политическихъ, религіозныхъ и вообще всякаго рода общественныхъ явленій и событій служатъ экономическія условія существованія общества, какъ-то: организація производства, состояніе техники, густота населенія и проч. Проведеніе этой мысли въ книгѣ итальянскаго профессора даетъ возможность лучше ознакомиться и легче замѣтить слабыя стороны матеріалистическаго міросозерцанія, чѣмъ афористическія замѣчанія Маркса.

Все общество,—говоритъ Лоріа,—дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна получаетъ плату за свой трудъ, другая доходъ отъ собственности. Какъ бы ни были разнообразны способы присвоенія дохода въ различныя эпохи, всегда можно наблюдать одинъ и тотъ же фактъ, а именно, что собственники монополизируютъ политическую власть въ своихъ рукахъ и исключаютъ всѣхъ тѣхъ, которые живутъ отъ своего труда. Монополизація власти является необходимымъ условіемъ существованія дохода того класса общества, который преобладаетъ въ экономическомъ отношеніи, будетъ ли то рабовладѣлецъ античнаго міра, средневѣковый феодальный властелинъ или современный капиталистъ. Повсюду рабочій исключенъ отъ власти, либо прямо исключенъ, какъ это было въ Греціи и Римѣ, либо пользуется чисто - номинальною властью, какъ, напримѣръ, третье сословіе во французскихъ генеральныхъ штатахъ или кандидаты отъ рабочихъ въ современныхъ парламентахъ. Различіе заключается только въ способѣ устраненія рабочихъ классовъ отъ власти. При господствѣ рабства или крѣпостничества прямое исключеніе представляется вполнѣ естественнымъ, но съ провозглашеніемъ свободы рабочаго и съ появленіемъ буржуазіи, окрѣпшей во имя свободы и равенства передъ закономъ, прямое устраненіе рабочихъ отъ власти дѣлается невозможнымъ, оно достигается косвеннымъ путемъ. Весьма существенное значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ состояніе рабочей платы. Если она высока, тогда экономическое преобладаніе капиталистовъ оказывается недостаточно сильнымъ, чтобы гарантировать исключительное преобладаніе этого класса въ парламентѣ, и на помощь являются различныя законодательныя ограниченія права голоса. Но разъ рабочая плата понизилась, рабочіе фактически теряютъ право голоса, такъ какъ, подъ угрозой лишенія заработка, они вотируютъ за тѣхъ кандидатовъ, которыхъ выдвигаютъ фабриканты или землевладѣльцы. «Во всѣхъ большихъ городахъ Сѣверной Америки,—восклицаетъ американскій публицистъ Генри Джоржъ,—существуетъ такой же могучій классъ, какой существуетъ въ самыхъ аристократическихъ странахъ Стараго Свѣта; члены его распредѣляютъ между собою должности, мѣняются ими и, ничего не дѣлая, владѣютъ своею добычей. Кто эти люди?

Умнѣйшіе это или наиболѣе почетные, ученые люди, пріобрѣвшіе уваженіе и довѣріе со стороны гражданъ честностью своею, добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ общественныхъ обязанностей, блескомъ своего ума или глубокимъ изученіемъ задачъ управленія? Нѣтъ, это игроки, это люди, обратившіе скупку голосовъ и перепродажу должностей въ свое ремесло. Они стоятъ во главѣ американскихъ городовъ, какъ преторіанцы стояли во главѣ Рима въ эпоху его упадка. Кто хочетъ облачиться въ пурпуръ, сидѣть на сенаторскомъ мѣстѣ, видѣть передъ собой знаки преторской власти, тому стоитъ только поручить своимъ креатурамъ раздавать подарки и расточать обѣщанія. Такимъ путемъ богатыя корпораціи и денежные тузы наполняютъ сенатъ и палату своими креатурами». Это не значитъ еще,—поясняетъ Лоріа,—что въ парламентѣ засѣдаютъ одни капиталисты и землевладѣльцы: часто у нихъ нѣтъ достаточно времени для участія въ управленіи и они достигаютъ той же цѣли, перенося власть на другихъ лицъ, защищающихъ ихъ интересы. Поэтому-то часто приходится видѣть, какъ профессора, адвокаты, врачи или журналисты защищаютъ въ парламентѣ интересы того класса, который ихъ выдвинулъ и отъ котораго они находятся въ зависимости; часто они защищаютъ интересы капитала лучше, чѣмъ это сдѣлали бы сами капиталисты.

Преобладаніе класса собственниковъ, въ управленіи проявляется, прежде всего, въ *общественной администраціи*. Отсюда освобожденіе собственниковъ отъ военной службы, болѣе строгое отношеніе суда къ преступленіямъ противъ собственности, чѣмъ къ преступленіямъ противъ личности; наконецъ, всѣ расходы по общественному управленію, какъ расходы на народное просвѣщеніе, на общественныя работы, на правосудіе и проч., поступаютъ преимущественно на пользу собственниковъ, а не всего общества. Но еще болѣе рельефно проявляется это въ *финансовомъ законодательствѣ*. Система налоговъ устанавливается, думаетъ Лоріа, съ единственною цѣлью переложенія тягости государственнаго бюджета на подчиненный въ экономическомъ отношеніи классъ несобственниковъ. Каковъ бы ни былъ преобладающій классъ, онъ всегда старается переложить налоги на чужія плечи. Переходъ отъ прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ, отъ пропорціональныхъ къ прогрессивнымъ, провозглашеніе принципа равенства передъ закономъ и обязанности для всѣхъ нести налоги,—все это въ глазахъ Лоріа ничто иное, какъ соотвѣтствующій различнымъ эпохамъ образъ дѣйствія со стороны преобладающаго класса, приводящій къ одной и той же цѣли. Чтобы подтвердить эту мысль, онъ приводитъ много характеристичныхъ фактовъ, относящихся до введенія новыхъ налоговъ, связи съ сословными отношеніями различныхъ эпохъ. Такъ, напримѣръ, исторія косвенныхъ налоговъ приведена въ связь съ экономическимъ господствомъ буржуазіи. Изъ Голландіи косвенные налоги въ серединѣ XVII вѣка перешли въ Англію, гдѣ преобладаніе буржуазіи

въ англійскомъ парламентѣ привело къ ихъ упроченію; вся исторія финансовой системы въ Англіи есть не больше, какъ выраженіе экономическаго преобладанія господствующаго класса. Напрасно Вильгельмъ III пытался ввести нѣкоторую пропорціональность въ налогахъ,—онъ встрѣтилъ живое сопротивленіе со стороны собственниковъ, для которыхъ было выгодно существованіе косвенныхъ налоговъ. Во Франціи косвенные налоги господствовали въ продолженіе всего XVIII вѣка и были уничтожены на время только революціей. Именно то обстоятельство, что финансовая система измѣнилась во Франціи только съ измѣненіемъ органическаго состава государства, что косвенные налоги были уничтожены одновременно съ захватомъ власти народомъ и были снова введены съ возстановленіемъ власти буржуазіи при директоріи и имперіи, показываетъ, какъ система обложенія приноравливается къ интересамъ преобладающаго класса.

На наше время указываютъ часто, какъ на эпоху обложенія капитала, но явленіе это не противорѣчитъ, думаетъ Лоріа, теоріи экономическаго базиса государства, такъ какъ налоги на капиталы и на доходы вызваны невозможностью обложить рабочіе классы вслѣдствіе незначительности ихъ заработка. Но, вѣдь, въ дѣйствительности нерѣдки случаи обложенія капитала при высокой рабочей платѣ,—какъ примирить подобный фактъ съ теоріей Лоріа? На это онъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: налогъ на капиталы, замедляя накопленіе капитала, оказывается благодѣтельнымъ для самого класса капиталистовъ, такъ какъ предупреждаетъ связанное съ быстрымъ ростомъ капитала возвышеніе платы и предотвращаетъ торговые кризисы,—отвѣтъ, по нашему мнѣнію, не только слишкомъ искусственный, но и прямо невѣрный. Такимъ же образомъ пытается Лоріа объяснить прогрессивный подоходный налогъ и налогъ на биржевыя сдѣлки. Если же финансы,—заканчиваетъ первую главу Лоріа,—имѣютъ своимъ основаніемъ экономическія отношенія, а переходъ отъ прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ, отъ пропорціональныхъ къ прогрессивнымъ обусловливается состояніемъ рабочей платы и прибыли, то невольно приходится придти къ заключенію, что вся финансовая наука находится на ложномъ пути. Меньше всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ она испытала на себѣ вліяніе историческихъ изысканій и позитивнаго метода; вмѣсто того, чтобы вникнуть въ экономическія условія жизни народа въ каждую эпоху, она старается построить свои ученія на старой философіи права и выводить систему налоговъ изъ нормъ высшей справедливости; этими нормами является для нея то налогоспособность, то равенство жертвъ, то другое какое-нибудь абстрактное начало. Такой абсолютной справедливости не существуетъ; современная наука показала, что справедливость, равно какъ и нравственность измѣняются въ различныя эпохи. Мало того: не существуетъ и исторической справедливости, продукта опредѣленной эпохи,—не существуетъ, думаетъ Лоріа, потому, что понятіе о справедливости въ налогахъ служитъ лишь выраженіемъ

интересовъ класса собственниковъ. Будучи весьма далека отъ идеала справедливости, система налоговъ примѣняется къ эгоистическому представленію о справедливости, соотвѣтствующему интересамъ преобладающаго класса, къ организму экономическихъ отношеній, служащихъ тому же классу. Когда вводятся косвенные налоги, то они вызываются вовсе не необходимостью обложить всѣхъ сообразно имущественному состоянію, какъ это утверждаютъ финансисты, а исключительно съ цѣлью обложенія бѣдныхъ, прекращеніе же косвенныхъ налоговъ отнюдь не результатъ торжества принципа справедливости, а обусловливается пониженіемъ платы и невозможностью обложить рабочіе классы. Равнымъ образомъ и прогрессивный налогъ, повторяетъ Лоріа, выгоденъ для того самаго класса, на который онъ падаетъ. Словомъ, причинъ перехода отъ одного налога къ другому надо искать не въ небесной туманной области высшей справедливости, какъ превозглашаетъ наука: причины эти—земнаго происхожденія, ихъ слѣдуетъ искать въ экономическихъ отношеніяхъ. Отсюда утопическій характеръ науки финансовъ: вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на состояніе рабочей платы и связать съ этимъ опредѣленный видъ налоговъ, финансовая наука говоритъ объ обстрактныхъ принципахъ.

Какимъ же образомъ можно объяснить существованіе законовъ, ограждающихъ интересы рабочихъ и уменьшающихъ прибыль, аграрныхъ законовъ, ограничивающихъ права и ренту собственника,—законовъ, очевидно, неблагопріятныхъ для того класса, въ рукахъ котораго сосредоточена государственная власть? На это Лоріа даетъ слѣдующій отвѣтъ.

Доходъ отъ собственности распадается на двѣ части: на доходъ отъ капитала и доходъ отъ земли; части эти противуположны одна другой и интересы капиталистовъ не только не совпадаютъ, но часто противуположны интересамъ землевладѣльцевъ. Этому дѣленію дохода между двумя классами соотвѣтствуетъ раздѣленіе собственниковъ на два лагеря, борьба между которыми служитъ источникомъ вѣчнаго движенія, постояннаго прогресса. Если на ранней ступени весь классъ собственниковъ одинаково заинтересованъ въ подчиненіи себѣ рабочаго класса, то скоро внутри этого класса зарождается противуположность интересовъ, благодаря которой политическая власть сосредоточивается въ рукахъ двухъ враждебныхъ другъ другу классовъ и теряетъ значительную часть своей силы. Кромѣ этого качественнаго дѣленія, можно отмѣтить еще количественное дѣленіе, противуположность между крупными и мелкими капиталистами, крупными и мелкими землевладѣльцами. Взаимное отношеніе между различными классами оказываетъ огромное вліяніе на форму правленія; она обусловливается тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находится классъ капиталистовъ по отношенію къ классу землевладѣльцевъ, достаточно ли онъ окрѣпъ для борьбы съ нимъ, или нѣтъ. При господствѣ одного вида дохода, дохода отъ земли, политическая власть сосредоточивается въ рукахъ

землевладѣльческаго класса; для него абсолютная монархія является наиболѣе удобною формой правленія. Совсѣмъ иной характеръ носитъ феодальная монархія, вызванная въ свѣтъ борьбой между городами и феодальными землевладѣльцами; она не носитъ такого абсолютнаго характера, какой носитъ восточная деспотія, потому что должна искать опоры феодаловъ для покоренія городовъ или опоры городовъ для ослабленія феодаловъ. Подтвержденіемъ тому можетъ служить примѣръ Шотландіи и Англіи: въ первой, чисто-земледѣльческой странѣ, до самаго ея сліянія съ Англіей, преобладалъ классъ землевладѣльцевъ и потому существовала одна палата, въ Англіи же, странѣ торговой и промышленной, въ то же самое время, классъ капиталистовъ добился уже политической власти и получилъ право засѣдать въ парламентѣ.

То же явленіе можно наблюдать въ Австріи и Германіи: въ этихъ странахъ на законодательство вліяетъ гораздо больше классъ землевладѣльцевъ, чѣмъ классъ капиталистовъ. Такого же источника,—продолжаетъ Лоріа,—борьба партій въ парламентахъ: экономически болѣе сильный классъ составляетъ правящій классъ, а меньшинство, слабѣйшій классъ, составляетъ оппозицію. Стоитъ только этимъ классамъ придти въ равновѣсіе, какъ борьба между ними теряетъ острый характеръ и, вмѣсто преобладанія одной партіи, является абсолютизмъ. Таково, между прочимъ, было царствованіе Генриха VIII въ Англіи; оно совпало съ моментомъ ослабленія землевладѣльческаго класса и укрѣпленіемъ капиталистовъ, не настолько, впрочемъ, еще прочнымъ, чтобы обезпечить за ними перевѣсъ. Разъ вступивъ въ борьбу съ землевладѣльческимъ классомъ, капиталисты легко получаютъ преобладаніе; но, достигнувъ экономическаго и политическаго преобладанія, этотъ классъ, въ свою очередь, разбивается на враждебныя партіи, на представителей биржи и денежнаго капитала и представителей промышленности. Борьбой этихъ классовъ и мелкою борьбой внутри каждаго класса объясняются разнообразные феномены изъ экономической и политической исторіи многихъ странъ. Вступая въ борьбу другъ съ другомъ, каждый классъ, занимая въ парламентѣ опредѣленное мѣсто, огранизуясь какъ политическая партія, прибѣгаетъ часто къ помощи народа, обѣщаетъ ему нѣкоторыя облегченія, чтобы добиться ослабленія враждебной партіи. Благодаря этому антагонизму, англійскіе рабочіе отъ времени до времени получаютъ довольно значительныя реформы: такъ, хлѣбные законы въ Англіи проведены капиталистами; опираясь на народъ, они такимъ путемъ нанесли ударъ землевладѣльцамъ. Тогда послѣдніе, чтобы защитить себя отъ всеобщихъ нападокъ и отомстить капиталистамъ, предприняли агитацію для сокращенія рабочаго времени и стали вотировать за введеніе фабричнаго законодательства. Если устами Брайта и Кобдена говорили капиталисты и фабриканты, то на лорда Ашли слѣдуетъ смотрѣть, какъ на представителя крупнаго землевладѣнія. Примѣры эти показываютъ, что борьба между

двумя классами собственниковъ можетъ оказаться благопріятною для народа, что каждый изъ этихъ классовъ, изъ желанія привлечь на свою сторону народъ и ослабить своихъ противниковъ, вводитъ законы, въ высшей степени благодѣтельные для низшихъ классовъ. Такого же происхожденія аграрные законы въ Англіи и Ирландіи, ограниченія дѣятельности банковъ и акціонерныхъ компаній и проч. Въ Англіи капиталисты—преобладающій классъ, отсюда самыя радикальныя реформы распространяются на область аграрныхъ отношеній, тогда какъ въ Германіи, гдѣ землевладѣльцы играютъ еще видную роль, вниманіе законодательства сосредоточено на ограниченіе силы капитала (налогъ на биржевыя сдѣлки, страхованіе рабочихъ и проч.).

Лоріа идетъ еще дальше: онъ приводитъ въ связь экономическія теоріи съ условіями, въ которыхъ находится въ различныя эпохи собственность. Средніе вѣка извѣстны законами противъ рабочихъ, законами, ограничивающими рабочую плату, и т. д.; за этимъ періодомъ наступаетъ эпоха невмѣшательства, laissez faire, какъ высшаго принципа экономической политики; наконецъ, наше время есть эпоха законодательства, ограничивающаго собственность и ограждающаго интересы рабочаго класса. Секретъ всѣхъ этихъ видоизмѣненій заключается, думаетъ Лоріа, въ слѣдующемъ: въ первомъ періодѣ собственность не можетъ существовать безъ искусственной поддержки государства; во второмъ періодѣ она въ поддержкѣ уже не нуждается, такъ какъ достаточно окрѣпла; въ третьемъ же періодѣ развитіе собственности привело къ раздѣленію ея на двѣ противуположныя части, борьба между которыми, ослабляя каждую изъ нихъ, даетъ возможность вводить благодѣтельныя для народа мѣропріятія.

Вся средневѣковая борьба между свѣтскою и духовною властью, между городами и феодалами, между феодалами и императорскою властью въ различныхъ странахъ имѣетъ совершенно иную подкладку, чѣмъ это можетъ показаться при поверхностномъ взглядѣ. Такъ, земледѣльческій народъ спартанцы въ борьбѣ съ торговыми и промышленными аѳинянами преслѣдовали исключительно экономическіе интересы; отсюда ихъ обѣщаніе даровать илотамъ свободу, если послѣдніе примутъ участіе въ борьбѣ. Въ Римѣ положеніе рабовъ улучшилось, когда обострилась борьба между патриціями и плебеями. Словомъ, раздвоеніе дохода ведетъ ко благу пролетаріевъ. Этимъ же развоеніемъ дохода и борьбой между различными видами собственности Лоріа объясняетъ возможность появленія всякаго рода реформаторовъ. Въ чемъ заключается мудрость Пиля или Бисмарка? Въ томъ, что Пиль то въ союзѣ съ капиталистами наносилъ удары землевладѣльцамъ, то въ союзѣ съ послѣдними наносилъ удары капиталистамъ; но въ томъ и другомъ случаѣ онъ проводилъ законы, благопріятные для народа. Этимъ же пріемомъ пользуется самый сильный и выдающійся реформаторъ, какого знаетъ новѣйшая исторія, Бисмаркъ: опираясь на

классъ землевладѣльцевъ, онъ вводитъ законы, ограничивающіе силу капитала и улучшающіе положеніе рабочихъ. Когда экономисты говорятъ о защитѣ собственности, какъ о первой обязанности государства, то они забываютъ, что защита собственности вообще не составляетъ функціи государственной власти,—государство защищаетъ не собственность вообще, а опредѣленную ея форму,—собственность не всѣхъ классовъ общества, а опредѣленнаго класса, опредѣленный видъ собственности, въ прямой зависимости отъ органическаго состава государства, въ зависимости отъ того, какой классъ составляетъ въ данную эпоху экономически-преобладающій классъ.

Чтобы еще больше укрѣпить мысль о зависимости политическихъ формъ отъ экономическихъ причинъ, Лоріа посвящаетъ цѣлую главу разсмотрѣнію *историческихъ формъ дохода и власти*. Лучшія страницы этой главы знакомятъ съ исторіей возникновенія третьяго сословія во Франціи, Англіи, Италіи и Германіи, съ отдѣльными моментами его борьбы съ аристократіей. При всемъ интересѣ, который могло бы представить изложеніе этой главы, приходится ограничиться краткимъ резюме. Въ Германіи, — говоритъ Лоріа, — буржуазія не могла одна своими силами побороть феодальныхъ сеньоровъ; ей слѣдовало бы привлечь на свою сторону народъ, но она этого не сдѣлала, и потому возстаніе третьяго сословія оказалось безуспѣшнымъ, политическое господство въ этой странѣ осталось за землевладѣльцами. Въ Англіи слабость аристократіи была причиной успѣха капиталистическаго переворота 1688 года, а во Франціи, гдѣ буржуазія соединилась съ народомъ, весь переворотъ принялъ народный характеръ. Въ результатѣ въ Германіи получилась полуфеодальная конституція, въ Англіи—чисто-капиталистическое государство, а во Франціи—государство съ народнымъ оттѣнкомъ. Впрочемъ, упроченіе капитализма и ослабленіе землевладѣнія въ Германіи и народнаго элемента во Франціи приближаютъ эти страны къ капиталистическому типу. Какъ всякій крупный соціальный переворотъ, достиженіе власти буржуазіей,—заканчиваетъ эту главу Лоріа,—нашло своихъ противниковъ и сторонниковъ. Знаменитый сатирикъ Свифтъ съ грустью говоритъ о политическомъ упадкѣ феодальныхъ сеньоровъ, которые доставляли для страны неподкупныхъ судей и непорочныхъ государственныхъ людей, о вытѣсненіи ихъ новыми людьми, космополитами, какъ и богатство, которое ихъ выдвинуло, людьми, преданными легкой наживѣ. Напротивъ, Сенъ-Симонъ, апостолъ буржуазнаго соціализма, смотрѣлъ на промышленный классъ какъ на единственный классъ, который долженъ управлять страной; это было теоретическое признаніе политическаго тріумфа буржуазіи.

Мы закончили изложеніе основныхъ положеній теоріи Лоріа; но, прежде чѣмъ перейти къ заключительнымъ замѣчаніямъ, приведемъ еще нѣкоторыя мѣста изъ его книги, касающіяся отдѣльныхъ историческихъ фактовъ. Съ измѣненіемъ состава дохода,—говоритъ онъ,—съ переходомъ

отъ рабства и крѣпостничества къ наемному труду, въ политическомъ управленіи общества совершается соотвѣтствующее измѣненіе отъ военнаго типа къ промышленному. Лоріа прекрасно характеризуетъ оба эти типа и выводитъ изъ самой организаціи общества, изъ необходимости расширенія его предѣловъ, такія явленія, какъ, напримѣръ, постоянныя междоусобныя войны, крестовые походы въ средніе вѣка и завоеваніе колоній въ наше время. Онъ показываетъ, какъ съ переходомъ къ промышленному типу войны уменьшаются, какъ капиталистическое общество, глухое къ такимъ предпріятіямъ, какъ защита Гроба Господня, прекрасно понимаетъ походъ для нейтрализаціи Суэцкаго канала, какъ съ развитіемъ торговли, вмѣсто безпрестанныхъ междоусобныхъ войнъ, взоры Европы начинаютъ обращаться на торговлю голландцевъ и англичанъ съ колоніями. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ онъ наблюдаетъ проявленіе одной и той же причины, именно необходимости расширенія предѣловъ, вслѣдствіе увеличенія населенія и невозможности найти существованіе въ предѣлахъ государства; но та же причина вызываетъ самыя разнообразныя явленія, въ прямой зависимости отъ преобладающаго вида дохода. Густотѣ населенія Лоріа вообще придаетъ огромное значеніе и этимъ факторомъ объясняетъ такія явленія, какъ, напримѣръ, покореніе одного народа другимъ. Этимъ же объясняетъ онъ характеръ экономическаго быта, который является послѣ завоеванія страны. Самымъ интереснымъ изъ приведенныхъ имъ примѣровъ является изгнаніе мавровъ изъ Испаніи. Въ сѣверныхъ безплодныхъ провинціяхъ Испаніи жили христіане, страдавшіе отъ нищеты и избытка населенія, на югѣ въ богатѣйшихъ провинціяхъ жили мавры, создавшіе себѣ прочное благосостояніе. Голодъ побудилъ христіанъ искать выхода и внушилъ имъ мысль изгнать невѣрныхъ изъ полуострова. Мавры были изгнаны и на ихъ мѣстѣ поселились христіане; но такъ какъ новое населеніе было рѣже стараго, то способы производства, введенные маврами, пришли въ забвеніе, были введены болѣе первобытные, и цвѣтущая страна стала обращаться въ пустыню, великія ирригаціонныя сооруженія мавровъ были заброшены, все производство упало. Отчего все это произошло? Вслѣдствіе уменьшенія населенія,—отвѣчаетъ Лоріа,—вслѣдствіе того, что болѣе рѣдкое населеніе ввело свои первобытные способы производства. Обстоятельство это, въ свою очередь, отразилось на всей экономической и политической организаціи новаго государства. Не только фактъ завоеванія есть результатъ экономическихъ причинъ, но и послѣдующіе феномены, главнымъ образомъ, политическая форма правленія завоеванной страны, находятся въ зависимости отъ экономическихъ условій, созданныхъ завоеваніемъ. Чѣмъ, спрашиваетъ Лоріа, вызвана борьба между церковью и государствомъ, какъ не экономическими причинами? Развѣ избраніе Карла V въ германскіе императоры не было дѣломъ германскихъ представителей денежнаго капитала? Развѣ войны Людовика XIV съ Гол-

ландіей или изгнаніе гугенотовъ не носятъ на себѣ слѣды чисто-экономическихъ воздѣйствій? Развѣ объединеніе Италіи или Германіи вызвано чѣмъ-либо инымъ, какъ не экономическими причинами, необходимостью снести всѣ преграды, стоявшія на пути къ развитію капитализма?

Правда, истинныя причины общественныхъ переворотовъ часто прикрываются иллюзіей; они совершаются подъ покровомъ какого нибудь благороднаго идеальнаго мотива,—по крайней мѣрѣ, дѣятели и проводники новыхъ учрежденій вполнѣ убѣждены въ томъ, что дѣйствуютъ изъ идеальныхъ стремленій, но идеализмъ этотъ, думаетъ Лоріа, является только внѣшнимъ покровомъ, подчасъ настолько необходимымъ, что безъ него, можетъ быть, не совершился бы переворотъ. Если явленія общественной жизни регулируются законами, дѣйствующими съ необходимою логическою силой, то законы эти, осуществляясь чрезъ посредство людей, теряютъ характеръ абстрактной логики, холодной идеи и согрѣваются горячимъ чувствомъ и страстью. Идея можетъ осуществиться только чрезъ посредство сильнаго чувства. Во время переворота идея, составляющая душу всего переворота, остается скрытою для участниковъ переворота; въ ихъ глазахъ переворотъ связывается съ высшими идеалами свободы и справедливости. Во имя этого идеала люди борются, побѣждаютъ и умираютъ. Вскорѣ послѣ борьбы иллюзія пропадаетъ, но это происходитъ тогда, когда переворотъ уже совершился,—только тогда выясняется его характеръ. Значеніе объединенія Италіи оставалось скрытымъ для тѣхъ героевъ, которые проливали кровь и жертвовали жизнью во имя свободы своего народа; но прошло нѣкоторое время, переворотъ совершился и всякій теперь можетъ легко распознать, что объединеніе Италіи носило характеръ чисто-буржуазнаго переворота, вызваннаго интересами класса капиталистовъ, можетъ быть, безсознательно не только для всего народа, но и для самого этого класса.

И такъ, заканчиваетъ свое изслѣдованіе Лоріа (въ послѣдней главѣ *Собственность и политическая организація*), поверхностный взглядъ на отношенія между законодательствомъ и соціальною экономіей долженъ уступить болѣе глубокому взгляду, при которомъ политическая организація является надстройкой и необходимымъ продуктомъ экономической организаціи. Процессъ, путемъ котораго это происходитъ, органическая связь, соединяющая политическую власть съ экономическою организаціей, есть политическая монополія собственности. Политика есть только средство сохраненія и расширенія собственности. Если писатели, по мнѣнію которыхъ право является регуляторомъ экономическихъ отношеній, отводили наукѣ права первое мѣсто среди общественныхъ наукъ, то новѣйшее воззрѣніе, по которому экономическія отношенія являются базисомъ политическихъ, должно поднять значеніе политической экономіи и сдѣлать ее матерью всѣхъ общественныхъ наукъ. Истина эта, забытая въ наше время, была весьма распространена среди старыхъ экономистовъ.

Большой интересъ представляютъ тѣ страницы послѣдней главы, въ которыхъ Лоріа намѣчаетъ существенныя черты германской марки и возникновенія частной собственности. Онъ показываетъ, какъ самоуправленіе на раннихъ ступеняхъ общественной организаціи прямо вытекаетъ изъ экономическихъ условій, не дающихъ возможности зародиться имущественному неравенству, составляющему отличительную черту частнохозяйственной организаціи общества. Онъ показываетъ далѣе, какъ власть и сила государства увеличиваются вмѣстѣ съ появленіемъ частной собственности, какъ патріархальное управленіе оказывается безсильнымъ для того, чтобъ охранять порядокъ въ странѣ, въ которой большинство лишено собственности, какъ вмѣсто него должна появиться болѣе автократическая форма управленія, какъ существованіе частной собственности, института, получившаго особенное развитіе въ новѣйшее время, приводитъ къ существованію представительной формы правленія, какъ непосредственное управленіе, существовавшее, напримѣръ, въ древнихъ государствахъ, должно съ появленіемъ свободнаго рабочаго класса исчезнуть и уступить мѣсто такой формѣ, при которой въ управленіи принимаютъ участіе не всѣ свободные граждане, а избранные, не принужденные принимать участіе въ производствѣ и веденіи хозяйства. Наконецъ, онъ выясняетъ, какъ развитіе дохода привело, прежде всего, къ раздѣленію парламента на двѣ палаты,—на верхнюю палату, въ которой засѣдаютъ представители поземельной ренты, и нижнюю палату, въ которой засѣдаютъ представители прибыли. Такимъ образомъ, вся внутренняя жизнь европейскихъ государствъ, съ борьбой партій, съ постоянными измѣненіями, происходящими въ составѣ управленія,—словомъ, вся богатая партійная борьба имѣетъ своимъ источникомъ преобладаніе какого-нибудь вида собственности, какого-нибудь вида дохода, а переходъ власти отъ одного класса къ другому, отъ одной партіи къ другой объясняется перевѣсомъ, который получилъ какой-нибудь видъ собственности. Сообразно съ вышеизложенными воззрѣніями, Лоріа не можетъ согласиться съ общепринятымъ дѣленіемъ государственныхъ формъ; онъ признаетъ только двѣ формы правленія—демократію и олигархію. Демократія, это—форма, существующая только въ странахъ, въ которыхъ всѣ собственники, гдѣ нѣтъ класса, исключеннаго отъ собственности, слѣдовательно, въ чистомъ видѣ существуетъ только въ первобытныхъ обществахъ. Разъ въ обществѣ имѣется классъ, не обладающій собственностью и потому не участвующій въ управленіи, форма правленія должна быть названа олигархическою. Таковы древнія государства, въ которыхъ только свободные участвовали въ управленіи, таковы абсолютныя монархіи, ограниченныя монархіи и современныя республики.

На этомъ мы можемъ остановиться, хотя далеко не исчерпали богатаго содержанія книги Лоріа. Въ сжатомъ изложеніи многія красоты, которыми блещетъ книга, должны были потеряться, но читатель, надѣемся,

даже по тѣмъ отрывкамъ, которые мы привели здѣсь, могъ убѣдиться, что въ Лоріа мы имѣемъ одного изъ немногихъ экономистовъ, которыхъ можно было бы назвать экономистами-философами. Если въ заключеніе свести къ немногимъ основнымъ пунктамъ теорію Лоріа, то мы должны указать на двѣ идеи, которыя проходятъ черезъ всю книгу. Первая идея заключается въ попыткѣ объяснить всѣ явленія политической и общественной жизни исключительно экономическими причинами, въ установленіи матеріалистическаго міросозерцанія. Вторая идея находится въ связи съ первою и заключается въ томъ, что экономическая жизнь подчиняется опредѣленнымъ законамъ, независимымъ отъ воли человѣка, что человѣкъ не въ силахъ нарушить порядка явленій, вытекающихъ изъ закоподчиненности, и что всякая попытка уклониться отъ порядка, указаннаго органическимъ составомъ государства, должна окончиться неудачей. Первая изъ этихъ идей носитъ на себѣ слѣды заимствованія у Маркса, но проведена болѣе полно и систематически; вторая является какъ бы протестомъ противъ германскаго государственнаго соціализма, задавшагося несбыточною, по мнѣнію Лоріа, цѣлью произвольно измѣнять экономическую жизнь согласно требованіямъ просвѣщеннаго правительства, въ интересахъ рабочихъ классовъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько Лоріа удалось провести матеріалистическое міросозерцаніе и показать, что общественныя явленія измѣняются исключительно подъ вліяніемъ однѣхъ экономическихъ причинъ, оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько такое міросозерцаніе можетъ удовлетворять требованіямъ философской системы, мы не можемъ не замѣтить, что у Лоріа на хватило мужества сдѣлать изъ своего міросозерцанія тѣ выводы, которые прямо изъ него вытекаютъ. Вопросъ о томъ, подчиняются ли общественныя явленія сознательной волѣ человѣка, существуютъ ли, кромѣ матеріальныхъ причинъ, причины другаго порядка, дѣйствительно ли всѣ благородныя попытки улучшить положеніе массъ суть не болѣе, какъ безсознательное проявленіе дѣйствія экономическихъ причинъ,—короче, дѣйствительно ли всѣ явленія духовной жизни, оставившія такіе глубокіе слѣды въ исторіи, суть не болѣе, какъ отпечатокъ явленій самаго грубаго «земнаго» происхожденія,—все это рядъ вопросовъ, которые, равно какъ и вопросы о происхожденіи и характерѣ нравственныхъ понятій, остаются доселѣ открытыми вопросами, далеко выходящими за узкіе предѣлы экономическаго изслѣдованія,—это вопросы человѣческаго духа и, какъ таковые, разрѣшенія могутъ искать въ другихъ наукахъ, а не въ политической экономіи. Экономистъ, которому предстоитъ сдѣлать оцѣнку матеріалистическаго міросозерцанія, можетъ только оцѣнить его съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, онъ можетъ разсмотрѣть, насколько извѣстныя экономическія явленія находятъ себѣ объясненіе въ матеріалистическомъ міросозерцаніи; во-вторыхъ, насколько послѣдовательно сдѣланы тѣ выводы, которые вы-

текаютъ изъ принятаго толкованія явленій общественной жизни. Разсматривая теорію Лоріа съ этихъ двухъ сторонъ, мы должны сказать, что Лоріа не вполнѣ удалось повсюду провести свою теорію и удачно объяснить при ея помощи всѣ тѣ явленія, которыя онъ хотѣлъ объяснить. Многія изъ его объясненій грѣшать искусственностью, нѣкоторыя прямо невѣрны, другія противорѣчивы и произвольны. Такъ, вся исторія обложенія, которая, по мнѣнію Лоріа, должна служить доказательствомъ исключительнаго господства эгоистическихъ стремленій преобладающаго класса, представлена неудачно: искусственность объясненія происхожденія налога на биржевыя сдѣлки или подоходнаго налога прямо бросается въ глаза. Вообще весь этотъ очеркъ лучше всего показываетъ, какъ трудно одною какою-либо идеей объяснить такой пестрый рядъ явленій, какими представляется исторія налоговъ. Когда Лоріа приступаетъ къ объясненію нѣкоторыхъ единичныхъ явленій, ему, безъ сомнѣнія, удается многое освѣтить, тѣмъ болѣе, что на экономическія причины историки обращали мало вниманія. Но отъ удачнаго объясненія отдѣльныхъ явленій до полнаго объясненія историческаго развитія еще очень далеко. Безусловно признавая важность экономическихъ факторовъ въ дѣлѣ объясненія явленій общественной жизни, мы не можемъ, все-таки, сказать, чтобъ одними этими факторами опредѣлялся ходъ исторіи; по крайней мѣрѣ, Лоріа не убѣдилъ насъ въ этомъ. Пока эта теорія является въ общей формѣ, она слишкомъ приковываетъ къ себѣ, слишкомъ поражаетъ цѣльностью, чтобы возбуждать недоумѣнія и сомнѣнія; но разъ дѣлается попытка приложить ее къ явленіямъ дѣйствительной жизни, недостаточность ея и слабыя ея стороны все больше и больше выясняются. Лоріа сдѣлалъ едва ли не первую попытку примѣненія матеріалистическаго міросозерцанія, и съ этой стороны книга его имѣетъ важное значеніе, такъ какъ даетъ возможность оцѣнить эту теорію во всей ея полнотѣ.

Обращаясь къ вопросу о томъ, насколько Лоріа послѣдовательно ее проводилъ, мы должны указать на огромное противорѣчіе, которое проходитъ черезъ всю книгу. Если оставаться вѣрнымъ ученію объ органическомъ составѣ государства, то остается придти къ заключенію, что ходъ событій строго опредѣленъ и что нарушеніе этого порядка невозможно; человѣку съ его сознательною волей не остается мѣста: событія, указанныя внѣшними причинами, выше и сильнѣе его воли; онъ долженъ склониться предъ исторіей и ждать того, чтó она принесетъ. Когда такое пассивное состояніе смѣняется какою-нибудь вспышкой, активнымъ проявленіемъ человѣческихъ желаній, какими-либо альтруистическими тенденціями, то вскорѣ наступаетъ разочарованіе, такъ какъ человѣкъ, вздумавшій не подчиняться обычному ходу событій, вздумавшій передѣлать общественную жизнь соотвѣтственно какому-нибудь высшему началу справедливости или гуманности, въ скоромъ времени замѣчаетъ, что онъ былъ лишь орудіемъ и всѣ его старанія и усилія пошли на пользу не того

класса, для котораго онъ вступалъ въ борьбу, а того, который выдвинутъ исторіей. Нѣкоторые изъ приведенныхъ Лоріа примѣровъ очень ярко освѣщаютъ эту мысль. Спрашивается теперь, что иное вытекаетъ изъ такого взгляда, какъ не полнѣйшій индифферентизмъ и квіетизмъ? Можно ли, исходя отъ такого роковаго взгляда на законоподчиненность, требовать чего-либо, кромѣ спокойнаго, безропотнаго подчиненія существующему порядку? Это единственно правильный выводъ, вытекающій изъ такого воззрѣнія. Нечего поэтому удивляться, что наиболѣе послѣдовательные писатели, стоящіе на такой точкѣ зрѣнія, впадаютъ въ полное противорѣчіе съ собственнымъ ученіемъ. Когда, напримѣръ, Энгельсъ, опредѣляя различіе между научнымъ соціализмомъ и утопическимъ, говоритъ, что научный соціализмъ отличается отъ утопическаго тѣмъ, что онъ выводитъ будущій строй, какъ естественное продолженіе современнаго, между тѣмъ какъ утопическій создаетъ его изъ головы, то онъ не замѣчаетъ, что на такой высотѣ не устоялъ и Марксъ, вся дѣятельность котораго показываетъ, что онъ не считалъ возможнымъ отдаваться роковому теченію событій, хотя и былъ увѣренъ, что они приведутъ къ намѣченной цѣли. Когда Лоріа съ меланхолическою грустью разсказываетъ о томъ, какъ люди, воодушевленные самыми высокими идеалами, часто отдавали жизнь свою за дѣло, которое шло прямо въ разрѣзъ съ ихъ идеалами, то развѣ не можемъ мы съ такимъ же правомъ примѣнить это ко всѣмъ современнымъ движеніямъ, воодушевленнымъ лучшими стремленіями? Между тѣмъ, Лоріа протестуетъ противъ такихъ выводовъ; предвидя, что изъ его теоріи будетъ сдѣлано заключеніе, что онъ проповѣдуетъ квіетизмъ, онъ употребляетъ большія усилія на то, чтобы доказать, что изъ его теоріи остается еще просторъ для общественной дѣятельности. Но это ему не удалось, и возраженіе, которое онъ предвидѣлъ, имъ не устранено,—напротивъ, его отвѣтъ, въ которомъ больше діалектики, чѣмъ убѣдительности, еще больше доказываетъ, что либо теорія его недостаточно обоснована, либо у него самого не хватаетъ мужества доводить ее до конца. Вся горячая натура Лоріа протестуетъ противъ квіетизма, котораго требуетъ его теорія. Протестъ Лоріа имѣетъ, можетъ быть, свои глубокія причины: это протестъ активной человѣческой природы противъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыя матеріалистическое ученіе хочетъ втиснуть общественную жизнь.

Въ связи съ этимъ находится возраженія его противъ господствующей въ Германіи этической школы экономистовъ. Обвиняя ихъ въ игнорированіи законовъ развитія и въ стремленіи произвольно измѣнять ходъ событій, Лоріа указываетъ, съ своей стороны, на предѣлы дѣйствія государственной власти и опредѣляетъ ту скромную роль, которую наука можетъ играть въ дѣлѣ общественныхъ реформъ. Однако, Лоріа не скрываетъ своего горячаго сочувствія рабочимъ классамъ; онъ питаетъ надежду на лучшее будущее. Несоотвѣтствіе между такими надеждами и фатализмомъ,

вытекающимъ изъ теоріи Лоріа, поразительно, но онъ пытается сгладить его; онъ вѣритъ въ то, что современный строй самъ собою измѣнится и что измѣненія будутъ направлены на дарованіе рабочимъ бо́льшихъ правъ, на признаніе за ними права на человѣчески-сносное существованіе и участіе въ благахъ культуры; что постоянная смѣна явленій въ результатѣ приведетъ къ торжеству рабочихъ классовъ, что къ этому приведетъ сама исторія, органическій составъ государства. Въ это Лоріа вѣритъ, и если вѣра въ неизбѣжность лучшаго строя жизни примиряетъ его съ его мертвою теоріей, то для всякаго, кому лучшее будущее не представляется выводомъ, естественно само собою вытекающимъ изъ настоящаго строя экономическихъ отношеній, успокоительная теорія Лоріа должна представляться однимъ изъ сильныхъ препятствій для проведенія общественныхъ реформъ. Роль науки при этомъ опредѣляется у Лоріа тѣмъ, что она, изучивъ экономическія отношенія, указываетъ на ту общественную форму, которая имѣетъ наступить. Разъ будетъ доказана необходимость перехода къ другой формѣ, въ интересахъ класса собственниковъ сдѣлать переходъ отъ существующихъ отношеній къ новымъ менѣе чувствительнымъ. Наука взываетъ, слѣдовательно, не къ филантропическому духу, а, доказывая неизбѣжность перемѣны, дѣйствуетъ на просвѣщенный эгоизмъ, побуждаетъ путемъ реформъ предупреждать насильственный переворотъ. Конечная форма развитія должна, думаетъ Лоріа, представлять аналогію первобытнымъ отношеніямъ, а заключительныя стадіи историческаго развитія должны быть воспроизведеніемъ самыхъ раннихъ, конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями. Такимъ образомъ, роль науки ограничивается очень скромными рамками; она должна убѣдить въ неизбѣжности перемѣнъ и указать на средства, которыми можетъ быть облегченъ переходъ къ новой лучшей жизни. Дѣйствія законодательства не могутъ, слѣдовательно, выходить за извѣстные предѣлы; они не должны нарушать основъ, на которыхъ построено общество, пока не наступила пора, иначе всѣ попытки окажутся безуспѣшными. Не такъ, по его мнѣнію, смотритъ господствующая въ Германіи школа; она преувеличиваетъ значеніе законодательства и правительственнаго вмѣшательства. На это мы можемъ замѣтить слѣдующее: пока Лоріа настаиваетъ на необходимости признанія органическаго состава государства и законоподчиненности, онъ имѣетъ право противупоставлять свою теорію нѣмецкимъ экономистамъ; но когда онъ приходитъ къ конкретнымъ вопросамъ, онъ значительно приближается къ нимъ. Отличаясь въ общемъ своемъ міросозерцаніи и въ конечныхъ выводахъ, въ вѣрѣ въ наступленіе новаго строя съ народнымъ элементомъ, онъ высказывается, однако, за многія изъ мѣропріятій, которыя выдвинуты современными нѣмецкими экономистами. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что господствующая въ Германіи школа экономистовъ никогда не выходила за предѣлы основныхъ чертъ современнаго строя. Такъ, требуя вмѣшательства государства въ отношенія между рабочими и капиталистами, она,

тѣмъ не менѣе, исходила отъ признанія частной собственности; требуя въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограниченія конкурренціи, она въ принципѣ все же стояла за свободу договора и т. д., т.-е. хотя она и отличала естественные законы отъ общественныхъ, но на практикѣ не выходила за предѣлы того, что указано органическимъ составомъ государства. Если бы Лоріа съумѣлъ устоять въ своей теоріи и не впадалъ бы въ противорѣчія съ самимъ собой, его упреки были бы болѣе основательны. Противорѣчія эти, выражающіяся, между прочимъ, въ томъ, что у него не хватаетъ мужества быть фритредеромъ, сближаютъ его съ тѣми самыми экономистами, противъ которыхъ направлена вся его книга, и, въ то же время, раскрываютъ слабыя стороны матеріалистическаго міросозерцанія.

Среди обильной литературы, посвященной соціалистическимъ ученіямъ, книжка вѣнскаго юриста Антона Менгера: *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung* (Stuttgart, 1886) представляетъ едва ли не лучшее, что до сихъ поръ было написано по этому вопросу. Обширная начитанность и знакомство автора съ старыми и новѣйшими соціалистическими писателями различныхъ школъ даютъ ему возможность находить у новѣйшихъ писателей многія позаимствованія изъ забытыхъ, теперь мало извѣстныхъ старыхъ соціалистовъ, и, въ то же время, точность юриста позволяетъ ему давать ясныя опредѣленія основныхъ идей каждаго писателя. Правда, съ первыхъ строкъ онъ объясняетъ, что «почти абсолютное незнакомство съ англійскимъ и французскимъ соціализмомъ не мало содѣйствовало чрезмѣрной популярности, которою въ настоящее время пользуются въ Германіи сочиненія Маркса и Ротбертуса», что «оба они, не указывая источниковъ, заимствовали важнѣйшія свои теоріи изъ старѣйшихъ англійскихъ и французскихъ теоретиковъ, что оба они значительно уступаютъ по глубинѣ и основательности своимъ предшественникамъ»; но эта предвзятая мысль, мало обѣщающая безпристрастія въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, не оказала вліянія на бо̀льшую часть книги, на разсужденія автора о цѣломъ рядѣ писателей; она сказалась, главнымъ образомъ, на главахъ о двухъ выдающихся представителяхъ нѣмецкаго научнаго соціализма. По отношенію къ нимъ авторъ не съумѣлъ сохранить того безпристрастія, которое такъ выгодно отличаетъ всю его книгу. Цѣль ея, поясняетъ онъ въ предисловіи, «представить основныя идеи соціализма съ юридической точки зрѣнія; это отрывокъ изъ большаго сочиненія, въ которомъ сдѣлана попытка представить его какъ правовую систему. Только тогда, когда соціалистическія идеи освободятся отъ безконечныхъ экономическихъ и филантропическихъ разсужденій и превратятся въ трезвыя правовыя понятія, только тогда государственные дѣятели увидятъ, насколько существующій правовой порядокъ долженъ подвергнуться измѣненію въ интересахъ народныхъ массъ. Въ этой юриди-

ческой постановкѣ вопроса слѣдуетъ видѣть важнѣйшую задачу современной философіи права; правильное разрѣшеніе его значительно можетъ содѣйствовать необходимымъ измѣненіямъ нашего правоваго порядка путемъ мирныхъ реформъ». Почти всѣ писатели соціалистическаго направленія, продолжаетъ Менгеръ, сходятся въ одномъ, именно въ требованіи полнаго преобразованія дѣйствующаго имущественнаго права и идеаломъ своимъ ставятъ достиженіе такого правоваго порядка, при которомъ каждый будетъ получать полный результатъ своего труда, каждая потребность будетъ удевлетворена, насколько это дозволяютъ наличныя средства. Въ противуположность этому современное имущественное право, признавая частную собственность на орудія производства, не признаетъ, во-первыхъ, за рабочимъ права на весь произведенный имъ продуктъ и допускаетъ существованіе дохода, не основаннаго на трудѣ; во-вторыхъ, не поставило себѣ цѣлью возможно полное удовлетвореніе потребностей отдѣльныхъ членовъ общества и не заботится о доставленіи необходимыхъ для существованія средствъ. Соціалистическое движеніе съ конца прошлаго столѣтія направлено на измѣненіе этихъ двухъ характерныхъ чертъ современнаго имущественнаго права, т.-е. оно стремится къ доставленію рабочему плодовъ его труда безъ вычетовъ и урѣзываній и къ обезпеченію всѣхъ членовъ общества необходимыми средствами существованія. Какъ великія политическія движенія XVII и XVIII вѣковъ выставляли опредѣленныя философско-правовыя требованія, которыя обыкновенно называютъ политическими основными правами, такъ требованія современныхъ соціалистовъ могутъ быть названы экономическими основными правами. Если значеніе основныхъ политическихъ правъ часто преувеличивали, если они въ дѣйствительности оказались далеко не столь важными, какъ это думали, то самое установленіе ихъ имѣетъ значеніе въ научномъ отношеніи, такъ какъ оно прямо въ краткой формулѣ опредѣляетъ важнѣйшія цѣли политическихъ и соціальныхъ движеній. Менгеръ различаетъ три такихъ экономическихъ основныхъ права. Если къ правовому порядку предъявляется требованіе, чтобы рабочій получалъ все, что имъ произведено, то получается *первое* основное право, *право на полный результатъ труда*. Если же требованіе направлено къ тому, чтобы члены общества имѣли возможность удовлетворять своимъ потребностямъ, то получается *второе* основное право—*право на существованіе*. Въ связи съ нимъ находится *третье* основное право—*право на трудъ*, имѣющее значеніе какъ переходная форма къ праву на существованіе. Послѣдовательное проведеніе перваго принципа приводитъ къ уничтоженію дохода, не основаннаго на трудѣ, и къ уничтоженію всего современнаго правоваго порядка, построеннаго на частной собственности. Далеко не такой радикальный характеръ носитъ право на существованіе; оно возможно при сохраненіи частно-правовой организаціи общества, хотя отъ признанія этого права частная собственность потерпѣла бы значи-

тельныя ограниченія и доходъ собственниковъ подвергся бы сильному сокращенію. Еще ближе къ современному порядку право на трудъ; оно служитъ посредствующимъ звеномъ между коллективною и частною собственностью.

Охарактеризовавши всѣ три основныхъ экономическихъ права и показавши, какъ право на трудъ открыто было признано нѣкоторыми законодательствами, а въ 1848 г. даже было во Франціи примѣнено на практикѣ, Менгеръ ограничиваетъ свое изслѣдованіе историческимъ развитіемъ права на полный результатъ труда въ соціалистическихъ системахъ со второй половины прошлаго вѣка. Хотя всѣ соціалистическія системы одинаково стремятся къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что для этого могутъ служить различные импульсы человѣческой природы. Та система, которая признаетъ право на полный продуктъ труда, основана на человѣческомъ эгоизмѣ еще въ бо́льшей степени, чѣмъ современный правовой порядокъ, такъ какъ тамъ каждый работаетъ только для себя, въ современномъ же обществѣ частью для себя, частью для другихъ. Напротивъ, система, цѣль которой заключается въ установленіи права на существованіе, построена на чувствѣ любви къ ближнему и братствѣ. Этимъ различіемъ объясняетъ Менгеръ свое дѣленіе; какъ уже было замѣчено, онъ ограничивается въ своей книгѣ тѣми системами, которыя построены на первомъ принципѣ.

Но, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію различныхъ системъ, онъ посвящаетъ маленькую главу нѣмецкой философіи права. Современная философія права,—говоритъ Менгеръ,—отличаетъ прирожденныя или естественныя права отъ пріобрѣтенныхъ; первыя присущи человѣку въ силу его существованія, послѣднія пріобрѣтаются договоромъ, наслѣдованіемъ или другими правовыми способами. Право на полный результатъ труда или право на существованіе могли бы найти себѣ мѣсто только между прирожденными правами. Но нѣмецкая философія права не признаетъ ни права на полный результатъ труда, ни права на существованіе; она признаетъ прирожденныя права безъ экономическаго содержанія. Выработанная преимущественно для имущихъ классовъ, она смотритъ на прирожденныя права съ точки зрѣнія этихъ классовъ, признаетъ право свободы, защищаетъ такіе искусственные интересы, какъ честь, но не признаетъ права на существованіе. Какъ ни апріорны положенія, на которыхъ построено естественное право, оно, въ сущности, предъявляетъ къ правовому порядку только тѣ требованія, которыя необходимы для зажиточнаго средняго сословія. Признавая за всѣми людьми *абстрактное право* владѣть собственностью, философія права не признаетъ *конкретнаго права* пользованія внѣшнею природой; между тѣмъ, за этою противуположностью между абстрактнымъ правомъ и конкретнымъ скрывается весь соціальный вопросъ. Не будучи стѣснена историческими традиціями въ такой сте-

пени, какъ положительное право, философія права могла бы легко выйти за предѣлы современныхъ порядковъ, но она этого не сдѣлала, а ограничилась простымъ признаніемъ дѣйствующаго правового строя. Никто изъ философовъ права не признавалъ ни права на весь продуктъ труда, ни права на существованіе, а тѣ немногіе писатели, которые были готовы признавать ихъ, ограничивались на практикѣ самыми неполными реформами и поправками существующаго права. Вслѣдствіе этого философія права носитъ, несмотря на апріорныя свои положенія, отпечатокъ исторически унаслѣдованнаго правоваго строя; ее съ такимъ же основаніемъ можно было бы назвать буржуазною философіей права, съ какимъ говорятъ о буржуазной политической экономіи. Съ этой точки зрѣнія, соціализмъ представляется философіей права неимущихъ классовъ, особенно съ середины XVIII вѣка до Рикардо. Послѣ Рикардо соціализмъ вступилъ въ новую фазу развитія, сдѣлался экономическою дисциплиной, особенно въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ писателей. Тѣмъ не менѣе, Менгеръ задался цѣлью представить не экономическую сторону ученія о правѣ на полный продуктъ труда, а юридическую, какъ она выразилась въ сочиненіяхъ различныхъ писателей.

Историческій очеркъ Менгера можно раздѣлить на три части, въ которыхъ послѣдовательно излагаются воззрѣнія англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ соціалистическихъ писателей. Къ этому очерку приложено нѣсколько главъ о консервативномъ соціализмѣ въ Германіи и о національзаціи земли въ Англіи. Изъ англичанъ наибольшій интересъ и наибольшее значеніе имѣетъ въ глазахъ Менгера Вильямъ Томсонъ; онъ считаетъ его предшественникомъ Маркса и разсматриваетъ его преимущественно съ этой стороны. Основныя положенія этого оригинальнаго писателя заключаются въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) *труду должна быть предоставлена полная свобода*, 2) *весь продуктъ труда долженъ быть гарантированъ производителю* и 3) *обмѣнъ продуктовъ долженъ быть свободенъ*. Повидимому, это тѣ же истины, отъ которыхъ исходитъ буржуазная экономія, но разница заключается въ томъ, что послѣдняя признаетъ возможнымъ ихъ осуществленіе на почвѣ существующаго гражданскаго права, на почвѣ частной собственности на землю и капиталъ, тогда какъ Томсонъ для осуществленія ихъ считаетъ необходимымъ измѣненіе всего нашего гражданскаго строя. Онъ исходитъ изъ того же положенія, которое со времени Рикардо считается основнымъ положеніемъ всей науки, изъ воззрѣнія, что трудъ—единственный источникъ мѣновой цѣнности, но отъ этого экономическаго факта онъ переходитъ къ его юридическому заключенію; изъ этого закона цѣнности онъ дѣлаетъ выводъ, что рабочему долженъ принадлежать весь произведенный имъ продуктъ. Въ настоящее время, при существованіи частной собственности, рабочіе получаютъ только часть своего продукта, лишь то, что необходимо для ихъ существованія,—остальное по-

лучаютъ собственники. Томсонъ называетъ ихъ доходъ surplus value, additional value и смотритъ на него, какъ на вычетъ изъ произведеннаго рабочими продукта, достающійся собственникамъ въ силу признаннаго закономъ права частной собственности на землю и капиталъ. Отличіе Томсона отъ классиковъ заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что, исходя отъ того же основнаго положенія, онъ дѣлаетъ изъ него другія заключенія. Благодаря этому, измѣняется вся юридико-философская сторона вопроса: вмѣсто оправданія частной собственности, онъ приходитъ къ отрицанію существующаго правоваго порядка, препятствующаго осуществленію права рабочихъ на весь продуктъ ихъ труда.

Изъ этой краткой передачи содержанія ученія Томсона видно, что ему не чужды многія положенія, которыя считаются достояніемъ нѣмецкой науки. Мы встрѣчаемъ, прежде всего, послѣдовательное проведеніе рикордовской теоріи цѣнности, такъ рѣдко встрѣчающееся у старыхъ соціалистическихъ писателей и впервые послѣдовательно проведенное у нѣмцевъ; находимъ желѣзный законъ рабочей платы, видимъ вѣрную оцѣнку значенія частной собственности на землю и капиталъ и ея вліяніе на распредѣленіе. Даже въ названіи дохода собственниковъ surplus value видимъ то же самое, что впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ подъ почти буквальнымъ нѣмецкимъ переводомъ *Mehrwerth* — прибавочная стоимость, а въ воззрѣніи на поземельную ренту и прибыль, какъ на вычеты изъ продукта, узнаемъ одну изъ самыхъ глубокихъ идей нѣмецкаго научнаго соціализма. Во всемъ этомъ читатель легко замѣтитъ что-то давно уже и хорошо всѣмъ знакомое; онъ увидитъ истины, которыя принято приписывать Марксу и Родбертусу. Нѣкоторыя выраженія Томсона такъ близко подходятъ къ терминологіи этѣхъ писателей, что немудрено, если зарождается мысль, что оба эти писателя обязаны нѣкоторыми своими ученіями старому англійскому соціалисту двадцатыхъ годовъ. Такъ и посмотрѣлъ на это Менгеръ. Тѣмъ не менѣе, съ такимъ взглядомъ трудно согласиться; его можно было бы принять только тогда, когда сочиненія Маркса и Родбертуса не представляли бы ничего, кромѣ изложенія нѣсколькихъ основныхъ положеній. Сила этихъ писателей заключается не въ немногихъ основныхъ истинахъ, которыя могутъ быть у нихъ общими съ нѣкоторыми другими писателями, а въ томъ, что оба они были прекрасными экономистами. Работы ихъ сохраняютъ поэтому значеніе для науки политической экономіи, независимо отъ спеціальнаго интереса, представляемаго ихъ соціалистическою окраской. Основательная критика современныхъ экономическихъ ученій, обширная эрудиція въ вопросахъ теоріи и нѣкоторыхъ вопросахъ экономическаго законодательства, тонкій анализъ самыхъ запутанныхъ теоретическихъ вопросовъ, напримѣръ, въ теоріи денегъ, умѣніе уловить противорѣчія у наиболѣе послѣдовательныхъ писателей, наконецъ, стройное міросозерцаніе выдвигаютъ Маркса какъ одного изъ самыхъ плодотворныхъ экономистовъ, оказавшаго на науку политической

экономіи огромное вліяніе. У Родбертуса не было, можетъ быть, столько послѣдовательности, сколько у Маркса, не было такого знанія старой и современной литературы, но у него за то много тѣхъ широкихъ оригинальныхъ идей, которыя такъ рѣдко попадаются у экономистовъ; въ его сочиненіяхъ, можетъ быть, и вообще больше оригинальности, чѣмъ у Маркса. Весьма вѣроятно, что сочиненія Томсона и оказали вліяніе на Маркса,— по крайней мѣрѣ, онъ самъ упоминаетъ о Томсонѣ,—но чтобы изъ немногихъ положеній Томсона создать *Капиталъ* или *Соціальныя письма*, для этого нужны были такіе умы, какъ Марксъ и Родбертусъ. Когда изучаешь этихъ писателей, невольно поражаешься богатствомъ мыслей, глубиной, свѣжестью и цѣльностью міросозерцанія; читая ихъ, имѣешь передъ собой богатый запасъ идей, цѣлый особенный міръ мыслей, слишкомъ хорошо связанныхъ въ одну систему, чтобы подымать вопросъ о позаимствованіи этими писателями у старыхъ экономистовъ. Если бы Менгеръ заранѣе не задался цѣлью доказать вліяніе Томсона на Маркса, онъ отнесся бы, можетъ быть, безпристрастнѣе и къ тому, и къ другому, не возвышалъ бы такъ перваго и не низводилъ бы такъ втораго. Вообще же весь этотъ споръ о томъ, оказалъ ли какой-нибудь старый писатель вліяніе на новѣйшихъ нѣмецкихъ представителей соціализма, также какъ и споръ о томъ, заимствовалъ ли Марксъ свое ученіе у Родбертуса, можно считать совершенно безплоднымъ; подобные споры вызываются не желаніемъ прослѣдить генеологію экономическихъ идей и собрать матеріалъ для исторіи политико-экономическихъ ученій, а желаніемъ унизить одного писатемя на счетъ другаго, у Менгера желаніемъ доказать неоригинальность Маркса, у многихъ нѣмецкихъ писателей желаніемъ противупоставить консервативнаго соціалиста Родбертуса Марксу. Если даже допустить вліянія Томсона на Маркса, то вліяніе это нисколько не ослабляетъ ни силы, ни значенія, ни даже оригинальности Маркса, какъ не ослабляетъ значенія Рикардо то обстоятельство, что трудовая теорія цѣнности встрѣчается у англійскихъ писателей начиная съ XVII вѣка.

Еще менѣе удалась Менгеру попытка доказать вліяніе Сенъ-Симона на Родбертуса. Когда Родбертусъ приступилъ къ политической экономіи, онъ, конечно, съ особеннымъ интересомъ долженъ былъ изучать старыхъ соціалистовъ, такъ какъ они всего больше должны были привлечь его вниманіе, какъ первые критики капиталистическаго строя. Но отъ этого еще очень далеко до заимствованія. Если въ отдѣльныхъ положеніяхъ Родбертуса можно узнать что-нибудь напоминающее его предшественниковъ, то ужь, навѣрное, этого нельзя сказать о всемъ ученіи этого оригинальнаго писателя. Возьмемъ, напримѣръ, положеніе, занимаемое имъ въ вопросѣ о поземельномъ кредитѣ. Какъ извѣстно, Родбертусъ предложилъ измѣнить форму задолженности, ввести рентовые долги, вмѣсто существующаго теперь обязательства выплачивать капиталъ. Рента—институтъ средневѣковаго происхожденія, особенная форма германскихъ средневѣ-

ковыхъ долговыхъ обязательствъ, существовавшая во многихъ мѣстахъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, но развѣ кому-либо придетъ въ голову упрекнуть Родбертуса въ заимствованіи? Какъ выше уже было замѣчено, книжка Менгера значительно выиграла бы, еслибъ онъ не задался цѣлью доказать неоригинальность современныхъ писателей. Изъ главъ, посвященныхъ французскимъ соціалистамъ, особенно выдается глава о Прудонѣ. Въ этой главѣ Менгеръ не ограничивается изложеніемъ основныхъ его положеній и указаніемъ на несоотвѣтствіе между его теоретическими воззрѣніями и практическими мѣрами, а подвергаетъ сильной критикѣ его народный банкъ. «Вмѣсто коммунистическихъ утопій,—заканчиваетъ эту главу Менгеръ,—противъ которыхъ Прудонъ высказывается весьма категорически, онъ предложилъ самъ частно-хозяйственную утопію, невыполнимость которой сразу бросается въ глаза. Никто лучше Прудона не доказалъ, что собственники получаютъ свой доходъ только вслѣдствіе особеннаго своего положенія, санкціонируемаго правовымъ строемъ, а, между тѣмъ, онъ не рѣшается поднять руку на этотъ правовой строй. Тотъ, кто такъ ясно представлялъ себѣ источникъ дохода собственниковъ, могъ бы, казалось, весьма легко убѣдиться, что никакая организація кредита, какъ бы она ни была хитро задумана, не уничтожитъ этого дохода». Хотя Менгеръ и считаетъ Прудона предшественникомъ Родбертуса, но въ изложеніи своемъ онъ не напираетъ на эту сторону. Можетъ быть, Прудонъ и былъ единственнымъ писателемъ, который оказалъ вліяніе на современныхъ соціалистическихъ писателей, такъ какъ въ сочиненіяхъ его разбросано не мало свѣтлыхъ мыслей, которымъ только не достаетъ цѣльности, послѣдовательности и единства. Мы не станемъ излагать главъ о Родбертусѣ и Марксѣ не только потому, что онѣ написаны въ пристрастномъ тонѣ, но и потому, что въ этихъ главахъ Менгеръ отступилъ отъ принятой въ другихъ главахъ манеры въ немногихъ словахъ передавать основныя идеи каждаго выдающагося писателя. Въ главѣ о Родбертусѣ отмѣтимъ только нелишенныя интереса данныя о неудачныхъ попыткахъ ввести таксы на предметы существованія при Діоклетіанѣ (Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium) въ 301 г. и въ эпоху французской революціи въ 1793 г., служащія иллюстраціей къ предложеннымъ Родбертусомъ средствамъ разрѣшить соціальный вопросъ. Указавши на рабочія деньги Овена, какъ на прототипъ родбертусовскихъ, Менгеръ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Если мы спросимъ себя, какое онѣ имѣютъ практическое значеніе, то придется отвѣтить, что мы имѣемъ дѣло съ очевидною утопіей. Если имѣть передъ собой современный экономическій строй, а на немъ думалъ Родбертусъ производить свои эксперименты, то опредѣленіе цѣнъ всѣхъ товаровъ и услугъ государственною властью пришло бы въ столкновеніе съ экономическими интересами всѣхъ крупныхъ и мелкихъ предпринимателей какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ обрабатывающей промышленности, въ торговлѣ. Именно эти

безчисленные самостоятельные предприниматели представляютъ при существованіи частной собственности на землю и капиталъ ту силу, которую крайній государственный терроризмъ можетъ на время согнуть, но никогда не можетъ сломать. Это выяснилось при проведеніи эдикта Діоклетіана и максимальныхъ цѣнъ во время французской революціи, несмотря на то, что установленіе цѣнъ въ металлическихъ деньгахъ гораздо легче можетъ быть проведено, чѣмъ болѣе или менѣе произвольное опредѣленіе цѣнъ рабочимъ временемъ. Проведеніе таксы на товары оказалось невозможнымъ, несмотря на то, что Діоклетіанъ и дѣятели французской революціи не останавливались передъ тюремнымъ заключеніемъ и даже смертною казнью нарушителей. Такого рода мѣропріятія, уничтожая свободу и самостоятельность индивидуальнаго хозяйства, совмѣщаютъ худшія стороны частной и коллективной собственности». Въ главѣ о Марксѣ поражаетъ смѣлое самостоятельное отношеніе къ этому писателю и еще болѣе къ Энгельсу, не носящее, впрочемъ, такого характера, которымъ отличалась прежняя критика. Мы должны, впрочемъ, оговориться, что въ главахъ этихъ мы имѣемъ дѣло не съ критическимъ разборомъ основныхъ положеній этихъ писателей, какъ, напримѣръ, съ критикой трудовой теоріи цѣнности, теоріи кризисовъ, теоріи населенія и проч.,—Менгеръ даетъ взглядъ съ извѣстной точки зрѣнія, положенной имъ въ основаніе всей его работы. Хорошенькою главкой о Луи Бланѣ и Лассалѣ заканчивается историческая часть книги. Послѣднія главы о современныхъ теченіяхъ интересны еще потому, что въ нихъ Менгеръ проводитъ воззрѣнія, близкія къ вышеизложеннымъ воззрѣніямъ Лоріа. «Я считаю невѣрнымъ, когда Марксъ и Энгельсъ смотрятъ на идеальныя проявленія человѣческой жизни, на государство, церковь, искусство и науку, какъ на послѣдствія экономическихъ условій (такъ называемый матеріалистическій взглядъ на исторію), но, съ другой стороны, мнѣ представляется безспорнымъ, что политическія и религіозныя партіи на ряду съ своими идеальными интересами преслѣдуютъ экономическія цѣли и что онѣ стремятся заполучить отъ своихъ противниковъ возможно большую часть дохода, не основаннаго на трудѣ. Отсюда на первый взглядъ странное явленіе, что многіе писатели ревностно защищаютъ тотъ видъ дохода, который получаетъ ихъ партія, и подвергаютъ жестокимъ нападкамъ прочіе виды дохода, считая ихъ несправедливыми поборами, тяжело отражающимися на рабочемъ людѣ». Къ этому,—продолжаетъ Менгеръ,—присоединяется еще одинъ моментъ, заключающійся въ томъ, что фактическое участіе въ управленіи все болѣе и болѣе отдѣляется отъ права на полученіе дохода. Въ этомъ отношеніи доходъ, получаемый отъ цѣнныхъ бумагъ, отъ денежныхъ обязательствъ, наиболѣе открытъ для всякаго рода нападокъ. Чѣмъ больше мелкая и средняя собственность превращается въ крупную, а крупная въ форму богатствъ, выражаемыхъ въ цѣнныхъ бумагахъ, тѣмъ труднѣе сохранить устойчивость правоваго порядка. Въ этой постоянно увеличивающейся

пропасти, отдѣляющей право отъ фактической власти, Менгеръ видитъ главнѣйшую причину, побуждающую многихъ склоняться къ соціализму; этому правовому фактору онъ приписываетъ бóльшее значеніе, чѣмъ концентраціи орудій производства, на которую Марксъ возлагаетъ такія большія надежды. Концентрація собственности,—думаетъ Менгеръ,—можетъ при нѣкоторыхъ условіяхъ, напримѣръ, когда производствомъ управляютъ рабы, какъ въ древнемъ мірѣ, служить, напротивъ, не къ разрушенію, а къ упроченію гражданскаго строя. Понятно поэтому, почему въ Германіи, въ странѣ, въ которой преобладаетъ мелкая и средняя собственность, нападки направляются на денежный капиталъ, а въ Англіи, странѣ латифундій, партійный соціализмъ направленъ противъ поземельной собственности. Какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи всѣ виды собственности приносятъ ренту, т.-е. доходъ, не основанный на трудѣ, но виды дохода, наиболѣе удаленные отъ фактическаго участія въ производствѣ и потому кажущіеся наиболѣе несправедливыми, въ Германіи одни, въ Англіи другіе. Въ Германіи партійные интересы совпадаютъ съ различіемъ, существующимъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ; проявляя столько радикализма по отношенію къ городскимъ своимъ кредиторамъ, представители поземельной собственности въ консерватизмѣ по отношенію къ своимъ собственнымъ интересамъ не знаютъ предѣловъ и не прочь эксплуатировать государственныя средства въ пользу своего класса къ прямому ущербу остальнаго сельскаго населенія. Едва ли поэтому, — думаетъ Менгеръ, — можно признать точку зрѣнія церковно-консервативныхъ писателей болѣе нравственною, чѣмъ точку зрѣнія буржуазной экономіи; здѣсь проявляется только старый контрастъ между landed interest и money interest, совпадающей въ Германіи и Австріи съ борьбой между либеральною партіей и консервативною. Разобравши нѣкоторые изъ проектовъ консервативныхъ соціалистовъ, Менгеръ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Въ прежнія времена, когда неимущіе рабочіе безмолвно переносили свою участь, можно было еще съ легкимъ сердцемъ создавать и поддерживать порядки, при которыхъ большая часть сельскаго населенія искусственно поддерживалась въ нуждѣ (чтобы доставлять контингентъ рабочихъ для крупныхъ помѣщиковъ), теперь же подобные проекты оказываются несообразными. Ибо не слѣдуетъ забывать, что не далеко то время, когда всякій пролетарій, имѣетъ ли онъ въ рукахъ плугъ или молотъ, сознательно будетъ относиться съ недовѣріемъ къ существующему правовому порядку». «Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ онъ,—именно эти нападки на одинъ изъ видовъ дохода какъ нельзя болѣе пригодны для политической агитаціи, преслѣдующей наиболѣе легко достижимыя задачи. Если же задаться вопросомъ, насколько такія партійныя стремленія могутъ найти внутреннее оправданіе, то приходится придти къ заключенію, что они менѣе послѣдовательны и справедливы, чѣмъ современный строй, призна-

ющій всѣ виды дохода, и чѣмъ соціализмъ, безусловно отрицающій всякій доходъ, не основанный на трудѣ. Какъ современный строй, такъ и соціализмъ основаны на цѣльномъ міросозерцаніи. Напротивъ, тѣ системы, которыя, не разрывая съ современнымъ строемъ, преслѣдуютъ интересы одного класса въ ущербъ другому, не могутъ быть признаны послѣдовательными; имъ неизбѣжно придти къ отрицанію частной собственности и всего современнаго строя».

Этимъ мы можемъ ограничиться; приведенныя выше мѣста даютъ достаточно ясное представленіе о работѣ Менгера. Остается сказать только нѣсколько словъ о заключеніяхъ, къ которымъ онъ приходитъ.

Разсмотрѣвши различные виды собственности, насколько каждая изъ нихъ допускаетъ осуществленіе права на полный продуктъ, Менгеръ приходитъ къ заключенію, что при существованіи частной собственности на землю и капиталъ осуществленіе этого права немыслимо, что единственно возможная форма собственности, при которой право это осуществляется, есть общая собственность съ частнымъ пользованіемъ, тогда какъ при общей собственности съ общимъ пользованіемъ принципомъ распредѣленія является уже не право на весь произведенный продуктъ, а право на существованіе. Обращаясь къ вопросу, насколько вообще возможно осуществленіе права на весь продуктъ при общей собственности, Менгеръ справедливо указываетъ на то, что между отдѣльными общинами-собственниками принципъ распредѣленія останется тотъ же, которымъ оно нормируется теперь, что только внутри отдѣльныхъ общинъ возможно признаніе права на весь продуктъ. Такимъ образомъ, несправедливость, на которую указываютъ, какъ на основной порокъ современнаго распредѣленія, будетъ уничтожена только въ предѣлахъ отдѣльныхъ общинъ, въ отношеніяхъ же между одною общиной и другою для однихъ общинъ явится возможность полученія ренты, т.-е. не основаннаго на трудѣ дохода, на счетъ другихъ общинъ. Если же распространить общую собственность на болѣе обширныя группы, на всю занимаемую государствомъ площадь, то является новая трудность, существующая, впрочемъ, и для отдѣльныхъ общинъ, именно: какъ опредѣлять стоимость продукта, служащую регуляторомъ распредѣленія? Если однимъ трудомъ, опредѣляемымъ временемъ, то, принимая во вниманіе различное качество и интензивность труда, результатъ той же единицы времени будетъ представляться въ различныхъ величинахъ; если же основаніемъ будетъ служить продуктъ труда, то, принимая во вниманіе различныя естественныя условія, одинаковый продуктъ будетъ результатомъ различныхъ количествъ труда. Для маленькихъ группъ трудность эта не такъ велика, но въ мѣновыхъ отношеніяхъ между отдѣльными группами право на весь продуктъ труда нарушается не меньше, чѣмъ нарушается при современной частной собственности. Разъ собственность на орудія производства будетъ распространена на такую обширную область, какъ государство, трудность уста-

новленія мѣрила стоимости сдѣлаетъ почти невозможнымъ полное проведеніе права на весь продуктъ труда. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ отношеніяхъ между отдѣльными государствами одни всегда могутъ получать ренту на счетъ другихъ. Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о проведеніи права на весь результатъ труда, мы видимъ, что возникаетъ совершенно другаго рода вопросъ, именно вопросъ о томъ, насколько вообще желательно осуществленіе такого индивидуалистическаго принципа, какъ полное проведеніе suum cuique, насколько такой принципъ мирится съ развитіемъ государственной и общественной жизни, съ культурными задачами будущаго. Если современному экономическому строю дѣлается упрекъ въ развитіи индивидуализма, то упрекъ этотъ въ гораздо бо̀льшей степени будетъ умѣстенъ по отношенію къ общественному порядку, въ которомъ принципомъ распредѣленія служитъ чисто-индивидуалистическое начало: каждый получаетъ то, что заработалъ, не больше, но и не меньше. Въ современномъ строѣ каждый работаетъ частью на себя, частью на другихъ, на общество; плохо только то, что для себя теперь многіе получаютъ слишкомъ мало и слишкомъ много принуждены отдавать другимъ, но не самый принципъ, заключающійся въ томъ, что человѣкъ работаетъ не только на себя. Вслѣдствіе этого Менгеръ считаетъ право на существованіе болѣе высокимъ принципомъ, а проведеніе его болѣе желательнымъ въ интересахъ лучшаго распредѣленія; оно осуществимо при общей собственности и общемъ пользованіи. Какое же значеніе, спрашиваетъ Менгеръ, имѣютъ эти новые правовые принципы, развивающіеся въ сознаніи рабочихъ классовъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что развитіе правовой системы, которая будетъ построена на этихъ принципахъ, принадлежитъ отдаленному будущему, такъ какъ рѣчь идетъ не о политическихъ переворотахъ, мало измѣняющихъ внутреннюю жизнь народовъ, а о соціальныхъ экспериментахъ, неудачное проведеніе которыхъ грозитъ самому существованію общества. Соціальный вопросъ не можетъ поэтому быть рѣшенъ въ одну ночь (съ 4 на 5 августа 1789 г.), какъ политическій. Но современный правовой порядокъ уже не соотвѣтствуетъ взаимному положенію собственниковъ и рабочихъ классовъ, силѣ первыхъ и вліянію вторыхъ на общество. Измѣненія должны будутъ наступить, но путемъ долгаго историческаго развитія, подобно тому, какъ современный общественный строй такъ долго подтачивалъ феодализмъ, что потребовался только толчокъ, чтобъ окончательно его уничтожить. Къ чему же стремится соціальное развитіе: къ осуществленію права на весь продуктъ труда или къ осуществленію права на существованіе? Менгеръ думаетъ, что изъ этихъ двухъ принциповъ право на существованіе начинаетъ пробивать себѣ дорогу; въ законодательствѣ о бѣдныхъ, въ фабричныхъ законахъ и проч. онъ видитъ первыя, пока еще слабыя попытки его осуществленія. Болѣе полное проведеніе его связано, думаетъ онъ, съ глубокими измѣненіями современной формы собственности. Каково бы, впрочемъ, ни было дальнѣйшее разви-

тіе, законодательство всего больше должно воздерживаться отъ искусственнаго усиленія недостатковъ современнаго строя, должно, во-первыхъ, избѣгать всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя создаютъ или увеличиваютъ доходъ, не основанный на трудѣ, не должно заключать непроизводительныхъ займовъ, вводить пошлинъ для пользы отдѣльныхъ разрядовъ собственниковъ и т. д.; во-вторыхъ, не должно употреблять своей власти на то, чтобы переносить поземельную ренту и прибыль отъ одного класса на другой. Ничто больше, чѣмъ увеличеніе дохода, не основаннаго на трудѣ, и произвольное перенесеніе ренты отъ одного класса собственниковъ на другой, въ угоду партіямъ, не подтачиваетъ современный экономическій строй и не толкаетъ массы къ насильственному перевороту, вмѣсто правильнаго медленнаго измѣненія правовыхъ основъ.

Таковы заключенія, къ которымъ приходитъ Менгеръ,— выводы нисколько не замѣчательные и, какъ намъ представляется, мало соотвѣтствующіе прекрасной критикѣ отдѣльныхъ ученій. Къ подобнаго рода выводамъ, можетъ быть, не такъ ясно выраженнымъ и не такъ хорошо формулированнымъ, нетрудно было придти и безъ такого глубокаго пониманія и обширнаго знакомства съ соціалистическими ученіями. Назвать книгу Менгера строго-теоретической, какъ мы уже замѣтили, невозможно. Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что выводы, къ которымъ приходитъ Менгеръ, гораздо слабѣе его критической оцѣнки различныхъ ученій, книга его должна быть признана одною изъ лучшихъ появившихся за послѣднее время по вопросу о соціализмѣ. Менгеръ ограничился одною стороной вопроса, которую онъ не совсѣмъ удачно назвалъ юридическою, но стороны этой не касался до него никто, ни одинъ историкъ не вникъ въ основные принципы соціалистическихъ ученій въ такой мѣрѣ, въ какой сдѣлалъ это Менгеръ, никому не удалось схватить въ самыхъ разнообразныхъ ученіяхъ одну и ту же черту,— именно, насколько они проводятъ то или другое экономическое основное право. Разсмотрѣвши соціалистическія ученія съ этой точки зрѣнія и показавши, что проведеніе права на весь продуктъ труда, къ которому стремятся самые выдающіеся изъ современныхъ представителей научнаго соціализма и которое пользуется до сихъ поръ наибольшею симпатіей, въ сущности, построено на строго-индивидуалистическомъ принципѣ и съ точки зрѣнія справедливости въ распредѣленіи оставляетъ желать многаго,— Менгеръ принесъ огромную пользу, такъ какъ заставилъ задуматься надъ тѣмъ, что представлялось будто бы само собою понятнымъ и излагалось въ видѣ догмы. Съ этой именно точки зрѣнія книжка Менгера достойна полнаго вниманія со стороны всѣхъ интересующихся соціалистическими ученіями.

Новое произведеніе американскаго публициста Генри Джоржа (*Protection or free trade. An examination of the tariff question with especial regart to the interest of labour*) въ основныхъ чертахъ является продол-

женіемъ *Прогресса и нищеты.* Не внося ни одной новой идеи, которая не была бы уже раньше высказана Джоржемъ, оно, тѣмъ не менѣе, представляетъ значительный интересъ, такъ какъ служитъ отвѣтомъ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ затронутыхъ раньше вопросовъ. Книгу свою Джоржъ посвятилъ «памяти тѣхъ знаменитыхъ французскихъ писателей прошлаго вѣка, Кене, Тюрго, Мирабо, Кондорсе, Дюпона и ихъ послѣдователей, которые въ дни деспотизма предвидѣли славу грядущаго времени», т.-е. физіократамъ. Что же сближаетъ Джоржа съ физіократами, почему Джоржъ, защитникъ націонализаціи земли, демагогъ, радикальный политическій дѣятель, посвящаетъ свою книгу первымъ систематическимъ проводникамъ капиталистическаго строя? Отвѣтъ на это будетъ ясенъ, когда ознакомимся съ содержаніемъ книги.

Съ свойственною публицисту легкостью Джоржъ заявляетъ, что вся политическая экономія, начиная отъ Смита, находится на ложномъ пути. Смитъ достаточно ясно показалъ, «что покровительственныя пошлины препятствуютъ накопленію богатства, но, какъ профессоръ университета, воспитатель герцога Беклея и кандидатъ на правительственное мѣсто, онъ либо былъ слишкомъ остороженъ, чтобы пойти дальше, либо по условіямъ своего времени не видѣлъ необходимости идти дальше». Послѣдователи Смита до самаго послѣдняго времени ограничиваются защитой свободной торговли противъ протекціонистовъ, но ни тѣ, ни другіе не имѣли, думаетъ Джоржъ, мужества быть послѣдовательными и признать истину, идущую въ разрѣзъ съ интересами господствующихъ классовъ. Такое неудовлетворительное состояніе науки заставляетъ его, прежде всего, остановиться на объясненіи смысла протекціонной политики и причинъ ея господства и указать на тотъ рядъ неблагопріятныхъ для низшихъ классовъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ протекціонизма. Разобравши въ первой половинѣ своей книги протекціонную политику и указавши на вредныя ея стороны, онъ во второй половинѣ подвергаетъ критикѣ господствующую теорію свободной торговли, какъ ее обыкновенно понимаютъ, чтобы въ заключительныхъ главахъ показать, что̀ такое истинная свободная торговля, къ какимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ приведетъ ея установленіе. Въ такомъ же порядкѣ мы постараемся изложить ходъ мыслей автора.

Исторія человѣчества показываетъ, какою силой обладаютъ спеціальные интересы какой-нибудь группы, какое огромное вліяніе они оказываютъ на общественное мнѣніе и на законодательство, какъ легко имъ удается побѣждать общее дѣло, общіе интересы страны. Вотъ именно такою силой обладаетъ протекціонизмъ; въ этомъ, думаетъ Джоржъ, главная причина его распространенія. Тѣ, которые заинтересованы въ установленіи покровительственныхъ пошлинъ, весьма легко убѣждаютъ другихъ, что протекціонизмъ ведетъ къ общему благу; они распространяютъ свой взглядъ среди массъ и не жалѣютъ денегъ на подкупъ орга-

новъ общественнаго мнѣнія. Напротивъ, свободная торговля не связана ни съ чьими интересами,—это общее дѣло; а такъ какъ общее дѣло есть, въ то же время, ничье дѣло, то теорія эта не можетъ имѣть такихъ защитниковъ, какихъ имѣетъ протекціонизмъ. Свободная торговля, если понимать это слово въ его истинномъ смыслѣ, есть «естественная торговля,—торговля, которая ведется безъ всякихъ искусственныхъ ограниченій», а не принадлежитъ какой-нибудь странѣ, какой-нибудь эпохѣ; это такое состояніе, при которомъ не существуетъ никакихъ налоговъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ, никакихъ сборовъ, никакихъ ограниченій,—словомъ, «истинная» свободная торговля ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что защищалъ Смитъ и его послѣдователи, и настолько же далека отъ программы Кобденскаго клуба, какъ и отъ протекціонизма. Одни физіократы понимали, чтò такое истинная свободная торговля; они одни предлагали замѣну всѣхъ налоговъ единственнымъ налогомъ на землю. Фритредеры «не только не заботились объ улучшеніи благосостоянія рабочихъ классовъ и не стремились къ возвышенію ихъ платы, но не признавали даже необходимости прибѣгать съ этою цѣлью къ государственной власти. Объясняя нужду рабочихъ законами природы, они относились безразлично къ ихъ участи, осуждали вмѣшательство государства въ вопросы объ опредѣленіи рабочаго времени, рабочей платы, женскаго и дѣтскаго труда, осуждали рабочіе союзы наравнѣ съ протекціонизмомъ и считали спросъ и предложеніе единственнымъ истиннымъ регуляторомъ цѣнъ на трудъ, какъ и цѣнъ на товары». Иначе поступаютъ протекціонисты; они утверждаютъ, что протекціонизмъ имѣетъ въ виду покровительство труду. Но признать, что трудъ нуждается въ покровительствѣ,—восклицаетъ Джоржъ, — значитъ унижать его, значитъ поставить рабочаго въ положеніе зависимаго человѣка, принужденнаго подавать голосъ за своего хозяина. Въ самомъ словѣ «покровительство» есть что-то такое, чего рабочій долженъ опасаться, такъ какъ покровительство массамъ было во всѣ времена предлогомъ для всякаго рода спеціальныхъ привилегій; даже рабовладѣльцы оправдывали рабство необходимостью покровительствовать рабамъ. Чтò такое трудъ и почему онъ нуждается въ покровительствѣ? Развѣ онъ не творецъ капитала, производитель всякаго богатства? Развѣ не тѣ, которые трудятся, кормятъ и одѣваютъ всѣхъ? Почему же одни рабочіе нуждаются въ покровительствѣ? Кто покровительствовалъ и отыскивалъ занятія первому человѣку, явившемуся въ свѣтъ? Когда мы видимъ, что трудъ есть производитель всякаго богатства, развѣ намъ не становится ясно, что бѣдность и зависимое положеніе рабочаго суть ненормальныя условія, вытекающія изъ ограниченій и захватовъ, и что, вмѣсто покровительства труду, мы должны стремиться къ его освобожденію? То обстоятельство, что защитники свободы не идутъ дальше своихъ собственныхъ интересовъ, не должно мѣшать намъ добиваться свободы труда. Могутъ ли рабочіе ожидать улучшенія

своего положенія отъ чего-либо, кромѣ свободы? Къ статистикѣ Джоржъ не находитъ нужнымъ прибѣгать; онъ думаетъ, что «аргументы, основанные на статистическихъ данныхъ, подъ видомъ точности скрываютъ грубѣйшія ошибки и произвольныя утвержденія». Значеніе статистики онъ иллюстрируетъ разсказомъ о чиновникѣ, который, прежде чѣмъ приступить къ вопросу, хотѣлъ знать, что желательно доказать цифрами. Вмѣсто статистики, онъ пользуется естественнымъ правомъ и выводитъ необходимость свободы торговли изъ требованій религіи и нравственности. Исходя отъ воззрѣнія, что «большіе союзы лишь распространеніе самыхъ маленькихъ и что правила ариѳметики, пригодныя для счета долларовъ, могутъ быть примѣняемы къ сотнямъ долларовъ», что важное для одного народа должно быть важно для всѣхъ народовъ и пригодное для обширной группы или государства должно быть пригодно для семьи, и что «общественные законы такъ же неизмѣнны, какъ и законы природы», что средства, признаваемыя полезными для развитія національнаго богатства въ одной странѣ должны вести къ тѣмъ же послѣдствіямъ въ другихъ странахъ, что то, что вѣрно для индивида, не перестаетъ быть вѣрнымъ для народа, Джоржъ, путемъ довольно грубыхъ діалектическихъ пріемовъ и нѣкоторыхъ совершенно произвольныхъ посылокъ, приходитъ къ заключенію, что протекціонизмъ «мирится только съ тою формой политеизма, при которой каждая нація имѣетъ своего отдѣльнаго, враждебнаго бога». «Представьте себѣ,—восклицаетъ онъ,—христіанскаго миссіонера, проповѣдующаго новому народу высокія истины Евангелія мира и любви, братства, обязанность щадить интересы ближнихъ, какъ свои собственные. Можетъ ли онъ, въ то же время, въ силу законовъ той же религіи, объявить, что каждый народъ долженъ оградить себя отъ другихъ народовъ покровительственнымъ тарифомъ? Религія и опытъ учатъ насъ, что высшее благо каждаго связано съ благомъ другихъ, что истинные интересы людей находятся въ гармоніи, а не въ антагонизмѣ, что процвѣтаніе есть дочь мира и согласія. Всеобщая исторія свидѣтельствуетъ, что нищета, упадокъ и рабство неизбѣжныя послѣдствія того взгляда, при которомъ народы смотрятъ другъ на друга какъ на соперниковъ и противниковъ. Каждая политическая истина должна быть нравственною истиной. Можетъ ли кто-нибудь считать протекціонную теорію нравственною истиной? Считать преступнымъ то дѣяніе, которое не можетъ считаться преступнымъ съ точки зрѣнія нравственности, значитъ разрушать уваженіе къ закону. Подкупъ, ложныя присяги неразрывно связаны съ тарифами. Можно ли считать хорошею систему, приносящую такіе плоды? Можно ли считать подкупъ и обманъ средствами, ведущими къ процвѣтанію человѣческаго рода?» Нетрудно было бы привести другія, не менѣе характерныя мѣста, вполнѣ обрисовывающія способъ доказательствъ, которымъ пользуется Джоржъ. Ограничимся еще одною выпиской. «Ясно,—говоритъ Джоржъ,—что если въ протекціониз-

мѣ есть доля истины, то она должна примѣняться не только къ большимъ политическимъ группамъ, но ко всѣмъ ихъ частямъ. Если страна не должна ввозить извнѣ товаровъ, которые могутъ быть произведены внутри страны, тотъ же принципъ долженъ быть примѣненъ къ частямъ страны: каждый округъ, каждый городъ, провинція должны тогда установить свои собственныя покровительственныя пошлины. Полное проведеніе этой теоріи приведетъ къ подраздѣленію человѣческаго рода на мельчайшія группы, каждая съ своимъ тарифомъ. Если народъ не долженъ покупать того, что можетъ самъ производить, то и семья не должна покупать того, что можетъ производить своими силами. Соціальные законы, подобно физическимъ, должны быть вѣрны по отношенію къ молекуламъ, какъ и по отношенію къ цѣлому. Между тѣмъ, ясно, что общество, въ которомъ протекціонизмъ былъ бы доведенъ до своихъ крайнихъ послѣдствій, впало бы въ состояніе полнѣйшаго варварства».

Путемъ такихъ логическихъ скачковъ Джоржъ приписываетъ протекціонизму такія явленія, которыя рѣшительно не связаны съ нимъ. Такъ, протекціонизмъ, по его мнѣнію, приводитъ къ отрицанію раздѣленія труда, къ отрицанію торговыхъ сношеній, къ отрицанію прогрессивнаго матеріальнаго и духовно-нравственнаго развитія человѣческаго общества и т. д. Какимъ образомъ можно придти къ выводамъ, прямо противорѣчащимъ дѣйствительности, понять не трудно, если обратить вниманіе на одну изъ основныхъ ошибокъ Джоржа—на отождествленіе семьи съ народомъ. Нельзя не признать, что протекціонная теорія дѣйствительно ведетъ къ нѣкоторому уменьшенію международнаго раздѣленія труда, но отъ этого еще далеко до уничтоженія раздѣленія труда внутри каждаго народнаго хозяйства; напротивъ, внутри каждаго народнаго хозяйства раздѣленіе труда увеличивается именно благодаря ослабленію международнаго раздѣленія труда. Не менѣе удивительно утвержденіе, что при протекціонизмѣ немыслима торговля, когда изъ исторіи торговли можно указать немало примѣровъ, когда торговля начинала процвѣтать одновременно съ введеніемъ протекціонизма. Протекціонизмъ далеко не отрицаетъ пользы торговли; напротивъ, именно потому, что признаетъ огромное ея значеніе, онъ монополизируетъ ее.

«Если цѣль труда, — разсуждаетъ Джоржъ, — заключается не въ затратѣ усилій, а въ результатѣ, тогда производство какого-нибудь предмета внутри страны или ввозъ его извнѣ долженъ опредѣляться однимъ обстоятельствомъ—сравнительною выгодностью. Это слишкомъ сложный вопросъ, чтобъ его могъ рѣшить конгрессъ или парламентъ. Рѣшеніе его безопасно можетъ быть предоставлено тѣмъ надежнымъ инстинктамъ, которые для общества имѣютъ такое же значеніе, какое жизненные инстинкты для тѣла, и которые побуждаютъ человѣка избирать наиболѣе легкій путь для достиженія цѣли. Путь, который избираетъ торговля, когда она не подвергается никакимъ искусственнымъ ограниченіямъ, есть

именно тотъ путь, который она должна была избрать, и ограниченія вредны именно потому, что они ограничиваютъ направленіе торговли,— вредны настолько, насколько препятствуютъ первоначальному направленію. Утверждать, что для того, чтобъ люди были здоровы и сильны, надо вводить въ ихъ желудокъ то, что природа выбрасываетъ, или контролировать кровообращеніе, не менѣе безразсудно, чѣмъ утверждать, что для обогащенія народа надо препятствовать естественному ходу торговли».

Въ вышеприведенныхъ цитатахъ выражены основныя экономическія, а отчасти философскія воззрѣнія Джоржа, на которыхъ построено все его ученіе. Читателю, нѣсколько знакомому съ экономическими ученіями, не трудно будетъ видѣть, что посылки, изъ которыхъ исходитъ Джоржъ, тождественны съ тѣми, отъ которыхъ исходили осмѣянные имъ писатели, отъ которыхъ исходила вся такъ называемая старая смитовская школа. Она исходила изъ предположенія, что каждый человѣкъ лучшій судья въ своихъ дѣйствіяхъ, въ опредѣленіи того, что выгодно и что невыгодно, что онъ лучше другихъ понимаетъ свои интересы; далѣе, что интересы индивида солидарны съ интересами общества и что народное хозяйство есть аггрегатъ единичнаго хозяйства. Все это старыя, почти избитыя, давно и не разъ блистательно опровергнутыя посылки, на которыхъ было построено требованіе свободы въ экономической жизни. Въ основныхъ посылкахъ Джоржъ остается, такимъ образомъ, вѣренъ Смиту и тѣмъ самымъ его послѣдователямъ, которыхъ онъ выставляетъ служителями интересовъ господствующихъ классовъ. Другой рядъ аргументовъ почерпнутъ изъ туманной, но вѣчно возрождающейся области естественнаго права и естественной справедливости, нравственности и религіи. Что такое естественное право и каковы его требованія? Съ такою же легкостью, съ какою пользовались естественнымъ правомъ физіократы и Смитъ въ защиту нарождавшагося тогда капитализма, Джоржъ выдвигаетъ его въ защиту рабочихъ классовъ. Уже одно то обстоятельство, что естественное право съ одинаковою легкостью и удобствомъ можетъ быть примѣнено на защиту противуположныхъ интересовъ, должно было бы, кажется, возбудить сомнѣніе въ его удобопримѣнимости. Джоржъ, однако, не замѣчаетъ шаткости подобныхъ аргументовъ и часто прибѣгаетъ къ «естественному» порядку, къ «естественному» ходу торговли, къ «естественному» требованію справедливости и т. д., какъ будто бы требованія естественнаго права носятъ въ себѣ характеръ чего-то безспорнаго, всѣми признаннаго, не терпящаго возраженія права. То же можно сказать о требованіяхъ справедливости и нравственности. Во всѣхъ такого рода требованіяхъ отражаются взгляды, господствующіе въ опредѣленную эпоху, и при нѣкоторомъ умѣньи и ловкости можно всю такую аргументацію обратить въ противуположную сторону, воспользоваться ею для защиты того, что прежде ею опровергалось. Наконецъ, послѣдній рядъ до-

казательствъ вытекаетъ у Джоржа изъ кореннаго смѣшенія естественныхъ законовъ съ общественными, въ которомъ нельзя опять-таки не видѣть наслѣдія старой политической экономіи. Если къ этому прибавить, что Джоржъ пользуется діалектическими пріемами, прибѣгаетъ къ сравненіямъ, старается всегда доводить опровергаемое имъ ученіе до крайнихъ послѣдствій даже тогда, когда рѣчь идетъ о практической задачѣ и когда поэтому весь смыслъ заключаетя не въ крайнихъ логическихъ послѣдствіяхъ, а въ степени и въ мѣрѣ примѣненія,—тогда читатель согласится съ нами, что въ Джоржѣ только чрезмѣрные поклонники могутъ видѣть ученаго экономиста. Когда читаешь, главу за главой, книгу Джоржа, съ трудомъ свыкаешься съ мыслью, что рѣчь идетъ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ,—въ книгѣ имѣешь дѣло не съ протекціонизмомъ, какимъ знаешь его по другимъ сочиненіямъ и какимъ онъ является въ дѣйствительной жизни, не съ дѣйствительнымъ вліяніемъ протекціонизма, доказаннымъ исторіей и статистикой, а съ какимъ то логическимъ протекціонизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ могучихъ средствъ для развитія торговли въ нѣкоторыхъ странахъ была протекціонная политика, а у Джоржа читаешь, что протекціонизмъ ведетъ къ отрицанію торговли. Протекціонизмъ ставитъ себѣ, какъ извѣстно, узконаціональныя задачи, поднятіе торговли и промышленности страны, хотя бы часто прямо въ ущербъ другимъ народамъ; а Джоржъ, разсматривая протекціонизмъ, становится на прямо противуположную точку зрѣнія и приходитъ къ отрицанію протекціонной политики за то, что она не приводитъ къ цѣлямъ, которыхъ никогда сама себѣ не намѣчала. Въ результатѣ получается такое смѣшеніе понятій, что послѣ тщетныхъ усилій привести къ какому-нибудь соглашенію дѣйствительный протекціонизмъ съ протекціонизмомъ, какъ его понимаетъ Джоржъ, теряешь всякую надежду признать за теоретическою частью сочиненія Джоржа сколько-нибудь научное значеніе.

Прежде чѣмъ обратиться къ той части книги, въ которой приведены соображенія о значеніи протекціонизма для рабочихъ и которая представляетъ лучшую часть книги и заслуживаетъ полнаго вниманія, нельзя не указать на одну изъ ошибокъ, которую слѣдуетъ считать роковою для всего зданія, воздвигнутаго Джоржемъ. Это его ученіе о прибыли, изложенное въ *Прогрессѣ и нищетѣ*, — ученіе, рѣшительно не мирящееся съ трудовою теоріей цѣнности, приверженцемъ которой объявляетъ себя Джоржъ. Не безъ нѣкоторой связи съ этимъ ученіемъ находится и взглядъ Джоржа, что торговля есть лишь одинъ изъ видовъ производства, что между производителемъ и торговцемъ нѣтъ разницы съ экономической точки зрѣнія. Джоржъ взялъ на себя трудную задачу—примирить трудовую теорію цѣнности съ ученіемъ, признающимъ источникомъ прибыли не неоплаченный трудъ, и согласовать радикальныя требованія реорганизаціи современной системы распредѣленія и вообще

критику всей народохозяйственной организаціи съ защитой торговли, какъ самостоятельнаго вида производства, но задача эта за то и дурно выполнена; единственнымъ соединительнымъ звеномъ являются тирады о бѣдственномъ положеніи рабочихъ классовъ и воззванія къ обществу именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ ожидать упрека въ пристрастномъ отношеніи къ классу капиталистовъ. Если мы отъ теоретическихъ воззрѣній Джоржа перейдемъ къ его критикѣ дѣйствующихъ порядковъ, насъ невольно подкупаетъ несомнѣнно крупный публицистическій талантъ, мы почти забываемъ слабыя его стороны, для насъ становится понятнымъ, почему онъ увлекаетъ за собой массы. Достоинства его—достоинства агитатора, вербующаго себѣ единомышленниковъ. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ критика протекціонныхъ пошлинъ, какъ одного изъ видовъ косвенныхъ налоговъ. Показавши, что косвенные налоги неразрывно связаны съ обширною системой надзора и всякаго рода ограниченій, съ огромными затратами на чиновничество, съ подкупомъ, что они бо̀льшею тяжестью ложатся на бѣдныхъ, чѣмъ на богатыхъ; что, наконецъ, ограниченія и надзоръ, связанный съ существованіемъ косвенныхъ налоговъ, приводятъ къ концентраціи производства въ немногихъ рукахъ и даютъ огромныя преимущества крупнымъ капиталистамъ, Джоржъ на примѣрѣ Америки блистательно доказалъ, что косвенное обложеніе въ значительной мѣрѣ способствуетъ созданію монопольныхъ доходовъ и появленію класса, интересъ котораго заключается въ высокомъ обложеніи,—класса, всѣми силами препятствующаго пониженію или отмѣнѣ косвенныхъ налоговъ, класса, вносящаго въ общественныя дѣла духъ разлада, подкупы, готоваго употребить всѣ средства, чтобы сохранить дѣйствующую систему налоговъ. Удачно подобранные примѣры изъ исторіи американскаго протекціонизма и поразительно вѣрная оцѣнка нѣкоторыхъ мѣропріятій напоминаютъ лучшія страницы *Прогресса и нищеты*. Съ такимъ же удовольствіемъ останавливаешься на главахъ, трактующихъ о значеніи протекціонизма для рабочихъ. Отмѣтивъ, что плата тѣмъ выше, чѣмъ страна болѣе развита въ промышленномъ отношеніи, и что конкурренція тѣхъ странъ опасна, въ которыхъ плата стоитъ на высокомъ, а не на низкомъ уровнѣ, Джоржъ доказываетъ, что высокая плата не ведетъ къ вздорожанію продуктовъ, а является, напротивъ, лучшимъ условіемъ для введенія болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ, понижающихъ издержки производства. Онъ поэтому не можетъ согласиться съ тѣми, которые отстаиваютъ протекціонизмъ, какъ средство для поддержанія рабочей платы на высокомъ уровнѣ. Если,—говоритъ онъ,—мы требуемъ покровительственнаго тарифа потому, что у насъ плата высока, тогда странамъ съ низкою платой нечего бояться свободной торговли. Какимъ же образомъ можно объяснить себѣ, что мы находимъ во Франціи, Германіи и другихъ странахъ съ низкою рабочею платой протекціонистовъ, взывающихъ къ защитѣ отъ соперничества Англіи и Америки, т.-е. странъ, въ кото-

рыхъ плата гораздо выше, съ такою же настойчивостью, съ какою и наши протекціонисты требуютъ защиты отъ странъ съ низкою рабочею платой? Что это за покровительство американскимъ рабочимъ,—продолжаетъ Джоржъ,—при которомъ товары обременяются пошлинами подъ тѣмъ предлогомъ, что они произведены дешевымъ трудомъ, сами же дешевые рабочіе имѣютъ свободный доступъ въ страну? Между ввозомъ дешевыхъ товаровъ и приливомъ дешеваго труда огромная разница: первый оказываетъ вліяніе на сумму богатства страны, увеличиваетъ ее; второй оказываетъ вліяніе на распредѣленіе, уменьшая долю рабочихъ классовъ. Поэтому мы можемъ допустить свободный ввозъ китайскихъ товаровъ безъ всякаго ущерба для рабочихъ,—напротивъ, приливъ китайскихъ рабочихъ при современныхъ условіяхъ влечетъ за собой пониженіе платы американскихъ рабочихъ. Понятно поэтому, что протекціонисты заботятся о воспрещеніи ввоза дешевыхъ товаровъ и поощряютъ иммиграцію дешеваго труда; цѣль ихъ ослабить соперничество въ продажѣ товаровъ, но не труда. Уменьшая искусственно предложеніе товаровъ, протекціонисты воздерживаются отъ какихъ-либо стѣсненій рабочаго рынка, такъ что единственнымъ средствомъ для противодѣйствія пониженію платы остается самостоятельная организація рабочихъ. Цѣль протекціонной политики—покровительство, но покровительство не продавцамъ рабочей силы, а ея покупателямъ, покровительство прибыли, а не рабочей платѣ. Тотъ же классъ, который громко взываетъ о защитѣ американскаго труда, покупаетъ его по наиболѣе возможно низкой цѣнѣ и противодѣйствуетъ попыткамъ рабочихъ поднять плату. Только въ Америкѣ, думаетъ Джоржъ, можно было выдвинуть такое неправдоподобное утвержденіе, что протекціонная политика ведетъ къ возвышенію платы. Въ этой странѣ рабочіе оказываютъ вліяніе на правительство, и успѣхъ мѣропріятія зависитъ отчасти отъ того, какъ отнесутся къ нему рабочіе. Въ другихъ странахъ, гдѣ рабочіе не настолько могущественны, протекціонистамъ нѣтъ нужды прибѣгать къ этой уловкѣ. Если бы протекціонисты были правы, то почему же рабочая плата въ Америкѣ за послѣднія десятилѣтія падаетъ, несмотря на строго-протекціонную политику, почему плата ниже въ производствахъ, пользующихся покровительствомъ, чѣмъ въ тѣхъ производствахъ, которыя не пользуются покровительствомъ, почему въ нихъ чаще встрѣчаются стачки, чаще дѣлаются попытки понижать плату, почему въ покровительствуемыхъ отрасляхъ производства замѣчается наибольшій приливъ чужеземнаго дешеваго труда?

Читатель не можетъ не замѣтить огромной разницы между этими возраженіями Джоржа и его туманными, подчасъ противорѣчивыми теоретическими разсужденіями. Не останавливаясь на тѣхъ главахъ, которыя посвящены критикѣ господствующей во многихъ странахъ свободной торговли и на которыхъ наиболѣе рельефно отразились ошибочныя воззрѣнія Джоржа на роль капитала, мы перейдемъ къ заключительнымъ гла-

вамъ, въ которыхъ выясняется, чтò надо разумѣть подъ истинною свободною торговлей. Когда протекціонизмъ въ Великобританіи былъ отмѣненъ и покровительственныя пошлины были замѣнены фискальными, свободная торговля,—говоритъ Джоржъ,—сдѣлала только первый шагъ. Что жены и дѣти рабочихъ и теперь умираютъ съ голоду, происходитъ вслѣдствіе того, что реформаторы остановились на половинѣ пути; свободная торговля еще не введена въ Англіи. Будь она введена въ полномъ своемъ объемѣ, она уничтожила бы нищету. Пока земля находится въ частныхъ рукахъ, всякое увеличеніе производительныхъ силъ ведетъ только къ увеличенію ренты. Чтобъ уничтоженіе протекціонизма или другая какая-либо реформа принесла пользу рабочимъ классамъ, необходимо, прежде всего, уничтожить существующее теперь неравенство въ правахъ на землю, нужно возстановить естественныя и равныя права человѣка на общее наслѣдіе. Какъ это сдѣлать? Для этого, думаетъ Джоржъ, не нужно прибѣгать къ раздѣленію земли на равные участки, ни къ укрѣпленію существующей теперь частной собственности на землю, такъ какъ равный раздѣлъ черезъ нѣкоторое время окажется непригоднымъ, а привязанность къ землѣ и побужденіе производить на ней улучшенія могутъ быть созданы и безъ частной собственности. Необходимо только установить два простыхъ начала: во-первыхъ, что всѣ люди имѣютъ одинаковыя права на пользованіе дарами природы; во-вторыхъ, что каждый имѣетъ исключительное право на пользованіе тѣмъ, чтò произведено его трудомъ. Какъ бы ни была сложна организація общества, проведеніе обоихъ этихъ началъ не представляетъ трудности; единственное, чтò мы должны сдѣлать, это смотрѣть на землю, какъ на общую собственность всего народа, точно такъ, какъ на желѣзную дорогу мы смотримъ, какъ на общую собственность нѣсколькихъ акціонеровъ, или на корабль смотримъ, какъ на общую собственность нѣсколькихъ владѣльцевъ. Для этого незачѣмъ лишать поземельныхъ собственниковъ ихъ собственности, можно оставить землю въ рукахъ тѣхъ, которые ее обрабатываютъ, а невоздѣланную землю раздавать желающимъ ее воздѣлывать, подъ условіемъ платежа справедливой ренты обществу,—ренты, въ которую не входитъ плата за улучшенія или прибыль за вложенный капиталъ. Такимъ путемъ всѣ получатъ доступъ къ землѣ, цѣнность же, которую земля получаетъ благодаря росту общества, а не труду индивидуальнаго собственника, будетъ въ видѣ ренты возвращаться обществу и будетъ предназначаться на общественныя нужды. Та часть налога на землю, которая падаетъ на цѣнность земли, независимо отъ улучшеній, по природѣ своей не налогъ, а рента: это часть дохода, принадлежащая, собственно говоря, обществу въ силу равнаго права всѣхъ на землю. Чтобы возвратить обществу весь земельный доходъ, необходимо отмѣнить одинъ за другимъ всѣ существующіе теперь налоги и довести налогъ на землю до такихъ размѣровъ, чтобъ онъ поглотилъ годовой чистый земельный до-

ходъ. Тогда исчезнетъ продажная цѣнность земли и плата отдѣльнаго человѣка обществу за пользованіе общимъ достояніемъ превратится въ то, чѣмъ ее надо признать по существу,—въ ренту. Разъ будетъ введенъ такой налогъ, всѣ налоги, падающіе теперь на трудъ и на капиталъ, исчезнутъ, всякій безпрепятственно будетъ накоплять и сберегать богатство, покупать, продавать, дарить или обмѣнивать продукты человѣческаго труда; тогда исчезнутъ всѣ налоги, которые увеличиваютъ цѣны при переходѣ товаровъ изъ рукъ въ руки и падаютъ въ конечномъ результатѣ на потребителя; постройки, дома, всякаго рода улучшенія могутъ, попрежнему, быть предметомъ купли-продажи, найма, но на нихъ будетъ лежать налогъ въ пользу общества за землю, на которой они построены. Благодаря введенію этого налога, въ распоряженіи общества будетъ находиться все болѣе и болѣе увеличивающійся фондъ, вполнѣ достаточный на покрытіе необходимыхъ расходовъ и на поддержаніе всякаго рода полезныхъ общественныхъ предпріятій. Наконецъ, что всего важнѣе, исчезнетъ монопольное обладаніе землею, доступъ къ землѣ будетъ открытъ для всѣхъ, такъ какъ владѣльцамъ невыгодно будетъ платить налогъ на землю, не находящуюся подъ обработкой. Спекулятивная цѣнность земли исчезнетъ, какъ только будетъ установлено, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣнности земли будетъ рости и налогъ. Такимъ образомъ исчезнетъ великая причина современнаго неравномѣрнаго распредѣленія богатства, исчезнетъ то одностороннее соперничество, благодаря которому люди, не обладающіе ничѣмъ, кромѣ рабочей силы, устранены отъ благъ цивилизаціи и принуждены довольствоваться самою ничтожною платой, какъ бы быстро ни увеличивалось богатство страны. Трудъ, получивъ доступъ къ естественнымъ условіямъ производства, самъ найдетъ для себя занятіе, и соперничество между предпринимателями доведетъ плату до ея естественной высоты—до полной цѣнности продукта труда. Замѣна покровительственныхъ пошлинъ фискальными представляетъ такое робкое примѣненіе принципа свободной торговли, что ее не слѣдовало бы называть этимъ именемъ. Въ истинномъ значеніи этого слова свободная торговля требуетъ отмѣны всякаго рода пошлинъ и ограниченій; она должна быть установлена не только въ международныхъ отношеніяхъ, но и внутри страны; она требуетъ отмѣны всѣхъ внутреннихъ налоговъ, взимаемыхъ при всякаго рода сдѣлкахъ, вообще освобожденія продуктовъ человѣческаго труда отъ всякаго обложенія. Словомъ, необходимо дать просторъ накопленію и пользованію продуктами труда, служащимъ естественнымъ побужденіемъ къ производству. Свободная торговля включаетъ въ себѣ свободное производство; она требуетъ, чтобы активный факторъ производства, трудъ, получилъ свободный доступъ къ пассивному фактору, къ землѣ. Къ этому стремились и физіократы; они мечтали о томъ, что единый налогъ не только освободитъ торговлю и промышленность отъ стѣсненій, но и возстановитъ естественныя равныя

права людей на пользованіе землей. Истинная свободная торговля,—заканчиваетъ Джоржъ,—поведетъ къ освобожденію труда.

Вотъ что понимаетъ Джоржъ подъ истинною свободой торговли, вотъ та положительная цѣль, которую, по его мнѣнію, долженъ имѣть въ виду политикъ. Если оставить въ сторонѣ въ высшей степени симпатичную идею—облегчить доступъ къ землѣ, съ которою, безъ сомнѣнія, связано улучшеніе въ положеніи рабочихъ, и посмотрѣть нѣсколько ближе, приведетъ ли джоржевское мѣропріятіе къ тѣмъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ, которыхъ онъ ожидаетъ, то намъ, къ сожалѣнію, придется придти къ другимъ заключеніямъ. Прежде всего, будутъ ли рабочіе получать то, что Джоржъ называетъ естественнымъ размѣромъ рабочей платы, полную цѣнность продукта труда, отъ одного того обстоятельства, что рабочіе получатъ доступъ къ землѣ? Такое ожиданіе ни на чемъ не основано. Въ Соединенныхъ Штатахъ недалеко еще то время, когда всякому былъ открытъ доступъ къ участку земли; то же имѣло мѣсто и въ новыхъ колоніяхъ, однако, такихъ результатовъ, какихъ ожидаетъ Джоржъ, нигдѣ не было. Правда, кромѣ доступа къ землѣ, рабочіе получатъ значительное облегченіе вслѣдствіе отмѣны налоговъ, но тутъ возникаетъ вопросъ: какой классъ всего больше выгадаетъ отъ устраненія всѣхъ существующихъ теперь препятствій и ограниченій въ производствѣ? Какъ отмѣна средневѣковыхъ налоговъ и путъ, сковывавшихъ промышленную жизнь, очистила путь нарождавшемуся капитализму, такъ и теперь всякое расширеніе принципа свободы въ области экономическихъ отношеній, всякое облегченіе въ платежахъ, прежде всего, если не исключительно, принесетъ пользу капиталу, но принесетъ ли пользу рабочимъ, это будетъ зависѣть отъ взаимныхъ отношеній между ними и капиталистами. Кромѣ того, въ чемъ гарантія, что всѣ, желающіе воздѣлывать землю, дѣйствительно получатъ къ ней доступъ? Пока поземельная собственность продолжаетъ существовать, а Джоржъ не имѣетъ въ виду экпропріировать собственниковъ, хотя и говоритъ о замѣнѣ частной собственности общею, за пользованіе землею придется платить больше, чѣмъ то, что будетъ въ видѣ налога поступать государству. Земля при извѣстныхъ условіяхъ даетъ поземельную ренту, но, кромѣ того элемента, который можетъ быть выдѣленъ какъ поземельная рента, въ платежъ землевладѣльцу входитъ плата за землю, какъ за поле для приложенія труда и капитала. Этотъ послѣдній элементъ останется и при реформахъ Джоржа, а вмѣстѣ съ нимъ не исчезнетъ капитализированная цѣнность земли, особенно городскихъ участковъ,—она только будетъ ниже теперешней. Самая безплодная земля, которая ниже по своему качеству участковъ, находящихся подъ культурой, все же при отдачѣ въ аренду даетъ доходъ, который никакъ нельзя считать поземельною рентой и который поэтому никакъ не можетъ быть отнятъ въ пользу государства, потому что поземельная собственность, по справедливому замѣчанію А. Смита, носитъ всегда монопольный

характеръ. Нѣтъ поэтому никакихъ причинъ думать, что теперешніе собственники потеряютъ всякій интересъ къ своей землѣ и будутъ предоставлять всѣмъ желающимъ воздѣлывать ее безплатно. Между тѣмъ, только на этомъ основаніи Джоржъ думаетъ, что частная монопольная собственность потеряетъ свое значеніе. Да и какимъ образомъ можно обрабатывать землю безъ орудій производства, безъ капитала? Голыми руками или первобытными орудіями дикаря едва ли теперь можно добыть больше самаго скуднаго существованія, на которое американскій рабочій не промѣняетъ своего заработка на фабрикѣ. Трудно себѣ представить, какъ это рабочій будетъ получать весь продуктъ своего труда, когда капиталисты будутъ, попрежнему, получать свою прибыль, когда и поземельная рента не пропадетъ, а только перейдетъ въ руки государства. Что же, въ такомъ случаѣ, значитъ естественный размѣръ рабочей платы? Очевидно, что Джоржъ понимаетъ подъ нимъ не то, что обыкновенно понимаютъ подъ этимъ словомъ. Если же подъ естественнымъ размѣромъ разумѣть просто высокую плату, то достигнуть ея можно другими путями, можетъ быть, болѣе легкими и болѣе дѣйствительными. Въ разсужденіяхъ о рабочей платѣ обнаруживается вся сбивчивость теоретической конструкціи джоржевскаго ученія. Джоржъ не дѣлаетъ даже приблизительныхъ попытокъ опредѣлить, хватитъ ли поземельной ренты на покрытіе всѣхъ государственныхъ нуждъ. Если для разсчетовъ брать то, что собственники получаютъ въ настоящее время въ видѣ ренты, то это будетъ явно ошибочный пріемъ, такъ какъ государство будетъ взимать гораздо меньше,—по̀ Джоржу, оно должно взимать только чистую поземельную ренту. Во всякомъ случаѣ, рабочій, который пожелаетъ взять участокъ земли, долженъ будетъ уплатить собственнику плату за пользованіе вложеннымъ въ землю капиталомъ (этого не отрицаетъ Джоржъ), поземельную ренту въ видѣ налога государству и, кромѣ того, плату за доступъ къ землѣ, которую частный поземельный собственникъ если не всегда, то во многихъ случаяхъ будетъ имѣть возможность получить, пока существуетъ частная поземельная собственность. Откуда же можетъ послѣдовать облегченіе для маленькаго люда? Откуда видно, что ему на самомъ дѣлѣ откроется доступъ къ землѣ? Единственное, что̀ онъ почувствуетъ, это облегченіе въ платежѣ налоговъ, но дѣйствительно ли онъ почувствуетъ его, или же облегченіе пойдетъ на пользу капиталистамъ, это еще вопросъ.

Нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующіе пункты джоржевскаго проекта. Во-первыхъ, чѣмъ будетъ опредѣляться размѣръ рабочей платы? Джоржъ думаетъ, что съ облегченіемъ доступа къ землѣ рабочій будетъ получать весь продуктъ своего труда. Игнорируя взаимныя отношенія между рабочими и капиталистами и приписывая существованію поземельной собственности всѣ бѣдствія современнаго строя, Джоржъ приходитъ къ заключенію, что плата значительно возвысится, если поземель-

ная собственность потеряетъ свой монопольный характеръ и соперничество приметъ другое направленіе. Получивъ доступъ къ землѣ, рабочій не согласится работать за низкую плату и доведетъ ее до «естественнаго» уровня. И такъ, все построено на предположеніи, что рабочему будетъ предоставленъ выборъ либо дѣлаться самостоятельнымъ землевладѣльцемъ, либо идти на фабрику. Предположеніе это, какъ мы видѣли, ни на чемъ не основано; можно только сказать, что, можетъ быть, и наступитъ нѣкоторое облегченіе въ пользованіи землею, т.-е. доступъ къ ней будетъ нѣсколько облегченъ. Если же такого выбора не будетъ существовать, то рабочему опять-таки придется принимать условія, которыя продиктуетъ ему капиталистъ. Словомъ, если въ отношеніяхъ между рабочими и капиталистами и произойдетъ какое-либо измѣненіе, то оно произойдетъ лишь настолько, насколько рабочему дѣйствительно будетъ представляться выборъ, самый же принципъ опредѣленія платы соперничествомъ сохранится; вмѣсто господствующаго теперь принципа, не будетъ установлено никакое новое начало. Разница только будетъ заключаться въ томъ, что борьба будетъ заканчиваться не всегда побѣдой капитала, что трудъ будетъ обладать силой сопротивленія, какъ это и теперь иногда имѣетъ мѣсто въ новыхъ колоніяхъ, гдѣ рабочій имѣетъ легкій доступъ къ землѣ. Но развѣ это значитъ рѣшить рабочій вопросъ? Развѣ это значитъ ввести, вмѣсто соперничества, какое-либо болѣе облагораживающее начало во взаимныя отношеніи между двумя классами общества? Читатель легко можетъ видѣть, насколько Джоржъ опутанъ всею современною экономическою организаціей и какъ мало его проектъ удовлетворяетъ намѣченной имъ цѣли. Односторонность Джоржа своимъ источникомъ имѣетъ, какъ уже выше было замѣчено, его ошибочныя воззрѣнія на роль капитала и источникъ прибыли. Первыми факторами производства, думаетъ онъ, слѣдуетъ считать землю и трудъ. Капиталъ не больше, какъ ихъ продуктъ, а капиталистъ лишь посредникъ между лэндлордомъ и рабочимъ. Поэтому рабочіе, думающіе, что капиталъ—притѣснитель труда, ошибаются: то, что кажется давленіемъ капитала, есть результатъ безпомощности, въ которой находится трудъ, не имѣющій доступа къ землѣ. Взглядъ этотъ послужилъ, вѣроятно, причиной тому, что Джоржъ приписываетъ физіократамъ, первымъ систематическимъ проводникамъ капитализма, цѣли и идеи, отъ которыхъ они были какъ нельзя болѣе далеки. Если посмотрѣть на джоржевскій проектъ съ точки зрѣнія вліянія, которое онъ оказалъ бы на различные классы общества, то можно съ увѣренностью сказать, что проведеніе его было бы, прежде всего, выгодно для класса капиталистовъ; на нихъ ослабленіе класса землевладѣльцевъ подѣйствовало бы самымъ благодѣтельнымъ образомъ. Въ то же время, въ экономическую жизнь не было бы внесено никакое новое начало, принципъ соперничества продолжалъ бы, попрежнему, быть регуляторомъ взаимныхъ отношеній между различными классами общества. Внезапное

лишеніе цѣлаго класса собственниковъ его дохода и значительной доли капитализированнаго дохода не нашло бы, думается намъ, оправданія въ результатахъ, которые послѣдовали бы отъ проведенія такого мѣропріятія. Поземельный собственникъ владѣетъ своею землей на такомъ же титулѣ и настолько же имѣетъ право на свой неоснованный на собственномъ трудѣ доходъ, насколько имѣетъ такое право капиталистъ, владѣющій какимъ-нибудь предпріятіемъ, денежнымъ капиталомъ, долговыми обязательствами и проч.; всѣ они владѣютъ на одинаковомъ правѣ. Почему же вдругъ одинъ изъ этихъ классовъ сразу будетъ лишенъ своихъ доходовъ, тогда какъ другой не только сохранитъ свои доходы, но еще получитъ значительныя выгоды? Какъ можно допустить такую неравномѣрность? Такого рода частичный соціализмъ настолько же грѣшитъ, насколько грѣшитъ консервативный нѣмецкій соціализмъ. Кромѣ того, никакъ нельзя усмотрѣть, почему налоги будутъ падать на плательщиковъ пропорціонально ихъ имущественному состоянію, если весь бюджетъ будетъ пополняться рентой. Рента, по ученію, которое раздѣляетъ Джоржъ, есть результатъ высокихъ цѣнъ на продукты почвы; если цѣны будутъ опредѣляться такимъ же путемъ, какимъ опредѣляются теперь, то высокая рента будетъ служить указаніемъ того, что цѣны необходимыхъ предметовъ существованія высоки; а такъ какъ бѣдные классы гораздо сильнѣе чувствуютъ вліяніе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, чѣмъ богатые, то рента будетъ тяжелѣе ложиться на нихъ, чѣмъ на богатыхъ. Словомъ, съ какой бы стороны мы ни подступили къ Джоржу, повсюду мы наталкиваемся на подтвержденіе высказанной нами мысли, что ни съ теоретической точки зрѣнія, ни съ практической проектъ Джоржа не представляется мѣрой, къ которой долженъ стремиться «мудрый» политикъ. Единственное, къ чему можно отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, это идея, что доступъ къ землѣ долженъ быть свободенъ для всѣхъ, желающихъ ее обрабатывать. Языкъ Джоржа способенъ ввести въ заблужденіе читателя; но если нѣсколько вчитаться въ его сочиненія, то станетъ ясно, что Джоржъ очень далекъ отъ замѣны частной собственности общею, а въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ стоитъ цѣликомъ на почвѣ существующихъ отношеній и унаслѣдовалъ всѣ слабыя стороны старой англійской школы.

М. Герценштейнъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Прибалтійскія дѣла.—Новый указъ сената.—Вопросъ церковный.—Поступленіе государственныхъ доходовъ.—Возвышеніе акциза и пошлины съ табаку.—Сборы желѣзныхъ дорогъ за 1886 г.—Законъ о подъѣздныхъ путяхъ.—Вопросъ о реальной школѣ въ госуд. совѣтѣ и въ московской думѣ.—Закрытіе приготовительныхъ классовъ въ гимназіяхъ.—Нѣчто о средней школѣ.—Смѣты и раскладки земскихъ повинностей на 1887—89 гг.— Бюджетъ земства и недоимки.—Акціонерное общество городскихъ рядовъ на Красной площади и право собственности на землю.

За послѣдніе мѣсяцы прибавилось нѣсколько новыхъ фактовъ, относящихся къ такъ называемому «прибалтійскому» вопросу. Таково было, во-первыхъ, отрѣшеніе сенатомъ отъ должностей членовъ митавскаго гауптмансгерихта. Гауптмансгерихтъ въ Курляндіи есть учрежденіе, соотвѣтствующее бывшимъ нашимъ уѣзднымъ судамъ, съ тою лишь разницей, что гауптманъ есть вмѣстѣ непосредственный представитель полицейской власти, какъ гакенрихтеръ въ Эстляндіи и орднунгсрихтеръ въ Лифляндіи. Должности эти выборныя и поручаются исключительно мѣстнымъ дворянамъ. Смѣна послѣдовала вслѣдствіе несоблюденія гауптмансгерихтомъ сенатскаго указа 14 сентября 1885 года объ употребленіи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ. Прибавимъ, что указъ этотъ недавно былъ вновь разъясненъ сенатомъ при разсмотрѣніи жалобы рижскаго магистрата на распоряженіе лифляндскаго губернатора объ употребленіи русскаго языка не только въ сношеніяхъ общественныхъ учрежденій съ коронными, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ сообщеніи постановленій и публикацій. Сенатъ точнѣе опредѣлилъ эти случаи, указавъ при этомъ, что значеніе государственнаго языка принадлежитъ и въ томъ краѣ только русскому языку, нѣмецкій же языкъ долженъ занимать мѣсто, равное другимъ мѣстнымъ языкамъ, т.-е. латышскому и эстонскому.

Затѣмъ стала выступать наружу, по крайней мѣрѣ, по толкованію нашихъ газетъ, нѣкоторая агитація лютеранскаго духовенства въ смыслѣ удержанія эстовъ въ протестантствѣ, то-есть противодѣйствія обращенію ихъ въ православіе. Правду сказать, подобная «агитація», если только она не выходитъ за предѣлы совѣщаній, какія происходили на недавно

бывшихъ съѣздахъ пасторовъ, и увѣщаній, обращаемыхъ лютеранскимъ духовенствомъ къ ихъ паствѣ, довольно естественна и на нее не слѣдовало бы претендовать. Иначе пришлось бы стѣснить для балтійскихъ пасторовъ самую церковную проповѣдь, какъ то и сдѣлано въ Западномъ краѣ, гдѣ ксендзы ограничиваются теперь чтеніемъ печатныхъ проповѣдей. Вообще напрасно вводить въ дѣло уравненія балтійскихъ губерній съ прочими элементъ церковный уже хотя бы потому, что на этомъ пути можно искусственно вызвать солидарность большинства эстонскаго и латышскаго населенія съ населеніемъ нѣмецкимъ. А, между тѣмъ, судя по нашимъ газетамъ, дѣло, повидимому, именно вступаетъ на этотъ путь.

Недавно былъ, напримѣръ, такой случай, что дума города Везенберга ассигновала 950 рублей на содержаніе пастора и кистера, а эстляндское губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе вычеркнуло этотъ расходъ изъ городской смѣты, найдя его незаконнымъ, такъ какъ содержаніе духовенства не есть дѣло городскихъ управленій. Тогда везенбергская дума назначила пастора вторымъ законоучителемъ въ городскихъ училищахъ съ платой 700 рублей, а кистеру назначила 100 рублей за преподаваніе лютеранскаго катехизиса дѣтямъ этого исповѣданія, посѣщающимъ православную приходскую школу. Такимъ образомъ, расходъ, вычеркнутый губернскимъ присутствіемъ по городскимъ дѣламъ, получилъ новую форму, хотя нѣсколько и сократился. Казалось бы излишнимъ оспаривать у города съ чисто-лютеранскимъ населеніемъ право дать пастору прибавку жалованья. Цѣли здѣсь достигнуть нельзя уже потому, что въ крайнемъ случаѣ такая прибавка можетъ производиться изъ частныхъ сборовъ. Да и какая же цѣль могла бы при этомъ имѣться въ виду? Развѣ именно та, чтобы лишить пасторовъ нѣкоторыхъ денежныхъ средствъ. Но это дѣлалось бы уже, значитъ, въ такомъ предположеніи, что лютеранское духовенство вообще дѣйствуетъ противъ правительственныхъ распоряженій, чего покамѣстъ нѣтъ или что̀, по крайней мѣрѣ, доселѣ, не подтверждено никакими фактами.

За тѣмъ движеніемъ въ пользу православія, которое обнаруживается среди эстовъ, слѣдовало бы оставить значеніе чисто-добровольнаго стремленія, допуская право пасторовъ увѣщевать своихъ прихожанъ къ пребыванію въ ихъ вѣрѣ. Если же въ подобныхъ увѣщаніяхъ видѣть со стороны пасторовъ дѣйствіе, враждебное къ административнымъ распоряженіямъ, то это означало бы неумѣстное смѣшеніе между религіознымъ движеніемъ и мѣрами администраціи. И безъ того уже разъясненія сената относительно необязательности для православныхъ, владѣющихъ землей, земельныхъ сборовъ въ пользу лютеранскаго духовенства толкуются нѣмцами какъ поощреніе крестьянъ къ переходу въ православіе. Въ дѣйствительности же эта мѣра явилась только правильнымъ послѣдствіемъ совершенно раціональнаго взгляда, что лютеранство не составляетъ и въ балтійскихъ губерніяхъ господствующей церкви.

Если же въ прежнее время вся земля платила въ пользу лютеранской церкви независимо отъ исповѣданія своихъ владѣльцевъ, то въ такомъ толкованіи заключалось именно неправильное представленіе, что въ Остзейскомъ краѣ лютеранская церковь есть церковь господствующая. Между тѣмъ, такъ могло быть въ Эстляндіи и Лифляндіи только во время шведскаго владѣнія, а въ Курляндіи — никогда. Въ самомъ дѣлѣ, при господствѣ ордена во всѣхъ трехъ провинціяхъ не было протестантства, а при отмѣнѣ ордена и до шведскаго владычества протестантство не могло стать государственною церковью въ Лифляндіи и Курляндіи потому, что онѣ принадлежали Польшѣ. Наконецъ, со времени присоединенія къ Россіи протестантство должно было потерять значеніе господствующаго исповѣданія и въ тѣхъ остзейскихъ провинціяхъ, которыя были пріобрѣтены отъ Швеціи.

И такъ, нѣмцы неосновательно указываютъ въ отмѣнѣ лютеранскаго сбора съ православныхъ землевладѣльцевъ мѣру поощренія къ переходу въ православіе, неосновательно и юридически, и даже матеріально, такъ какъ едва ли кто-либо перемѣнитъ вѣру для избавленія себя отъ небольшаго сбора, да и обращаются въ православіе вовсе не преимущественно крестьяне, владѣющіе землей, но и батраки. По отношенію къ этимъ послѣднимъ еще покойный Самаринъ въ извѣстной своей книгѣ опровергалъ обвиненія противъ православнаго духовенства, будто оно склоняетъ къ принятію православія посредствомъ обѣщаній земельнаго надѣла. Недавно явилось въ этомъ отношеніи свидѣтельство въ самой эстонской печати, а именно одна эстонская газета назвала эти обвиненія, пускаемыя противъ православнаго духовенства въ Остзейскомъ краѣ, чистою выдумкой.

Между тѣмъ, наши газеты сообщаютъ, что сами бароны начинаютъ сбавлять арендную плату въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сильнѣе проявилось движеніе къ православію, а, сверхъ того, уплачиваютъ за крестьянъ и церковный земельный сборъ, дѣлая эти облегченія, разумѣется, только лютеранамъ. Но хотя, такимъ образомъ, нѣмцы сами пускаютъ въ ходъ то средство, въ употребленіи котораго они несправедливо обвиняютъ администрацію, однако, мы не видимъ, какимъ образомъ можно воспрепятствовать кому-либо добровольно предоставлять денежныя выгоды на свой счетъ тому или другому изъ своихъ арендаторовъ.

Вообще чѣмъ меньше вопросъ будетъ переноситься на почву религіозную, тѣмъ будетъ лучше. Въ Балтійскомъ краѣ нужнѣе преобразованія болѣе глубокія, менѣе наружныя, чѣмъ ослабленіе вліянія пасторовъ или хотя бы даже ускоренная замѣна нѣмецкаго языка русскимъ въ присутственныхъ мѣстахъ всѣхъ наименованій и въ школѣ всѣхъ степеней.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы получили только въ очень недавнее время точное свѣдѣніе о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ среднихъ балтійскихъ школахъ. Такое свѣдѣніе представляется помѣ-

щеннымъ въ *Рижскомъ Вѣстникѣ* въ текстѣ распоряженія попечителя дерптскаго учебнаго округа. Изъ этого распоряженія мы узнаемъ о высочайше утвержденномъ 10 апрѣля нынѣшняго года положеніи комитета министровъ, относящемся къ данному вопросу. Во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, учащимся которыхъ предоставлены какія-либо права, повелѣно вводить преподаваніе на русскомъ языкѣ, начиная съ предстоящаго учебнаго года, причемъ порядокъ и срокъ приведенія этого въ исполненіе предоставлены усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія. Распоряженіемъ попечителя требуются отъ всѣхъ учебныхъ заведеній округа, подходящихъ подъ приведенное опредѣленіе, свѣдѣнія, кто изъ состоящихъ учителей способенъ преподавать по-русски или когда можетъ быть въ состояніи вести такое преподаваніе «въ близкомъ будущемъ». Но уже съ нынѣшней осени предписывается постепенно возвышать требованія по русскому языку при пріемѣ учениковъ въ гимназіи и реальныя училища. Отсюда видно, что вопросъ о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ училищахъ, дающихъ права, въ принципѣ рѣшенъ, и если рѣшеніе не примѣняется немедленно, то зависитъ это отъ недостатка учителей, достаточно владѣющихъ русскимъ языкомъ.

Весьма вѣроятно, что до полнаго приготовленія достаточнаго контингента учителей пройдетъ еще года два, а до тѣхъ поръ, пока преподаваніе на русскомъ языкѣ не будетъ введено въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Балтійскаго края, оно не будетъ введено и въ Дерптскомъ университетѣ. Относительно университета намъ неизвѣстно никакого распоряженія въ этомъ смыслѣ, но въ Дерптѣ всѣ убѣждены, что преобразованіе это совершится въ недалекомъ будущемъ. Отмѣтимъ еще одинъ не разъясненный пунктъ: примѣняется ли законъ 10 апрѣля къ гимназіямъ, состоящимъ при протестантскихъ церквахъ внѣ балтійскихъ губерній? Гимназіи эти пользуются всѣми правами правительственныхъ, а учителей для нихъ, могущихъ вести преподаваніе по-русски, было бы, конечно, легче найти, чѣмъ для гимназій остзейскихъ. Между тѣмъ, въ школахъ этихъ и доселѣ преподаются по-русски только русская исторія и географія Россіи, остальные же всѣ предметы по-нѣмецки, хотя около половины учениковъ этихъ церковныхъ гимназій—русскіе. А было время, лѣтъ 20 тому назадъ, когда и названные «русскіе предметы» излагались по-нѣмецки, такъ что о Псковѣ ученики узнавали подъ наименованіемъ «Плескау».

Это воспоминаніе изъ прошлаго приводитъ насъ къ однородному съ нимъ предположенію въ близкомъ будущемъ, а именно: говорятъ, что предположено переименовать балтійскіе города, возобновивъ употреблявшіяся въ древнихъ актахъ русскія ихъ названія. Нѣкоторыя изъ этихъ названій и доселѣ сохранились среди мѣстныхъ русскихъ людей. Такъ, Дерптъ у крестьянъ Ямбурскаго уѣзда, Петербургской губерніи, называется и теперь Юрьевымъ, а отъ нихъ названіе это извѣстно и эстамъ Везен-

бергскаго уѣзда. Дерптскій университетъ тогда сталъ бы называться юрьевскимъ и учебныя заведенія всего Остзейскаго края состояли бы въ юрьевскомъ учебномъ округѣ. Положимъ, возобновленіе нѣкоторыхъ русскихъ названій, такъ сказать, освящается сохраненіемъ ихъ въ народѣ. Но если переименуютъ Ригу, Митаву, Либаву и т. д., то это будетъ нѣсколько странно. Для чего нужно переименовывать Ригу, когда въ Петербургской губерніи города называются Шлиссельбургъ, Ямбургъ, когда на востокѣ Россіи существуютъ Оренбургъ и Екатеринбургъ?

Положимъ, нѣмцы не имѣли бы права жаловаться на подобное переименованіе, такъ какъ оно явилось бы только слабымъ подражаніемъ тому, что дѣлаютъ сами нѣмцы во всѣхъ занимаемыхъ ими инородныхъ мѣстностяхъ: нѣмцы немедленно переиначиваютъ на свой ладъ не нѣкоторыя, но безусловно всѣ мѣстныя названія; нѣтъ деревни, которая на оффиціальномъ языкѣ сохранила бы свое имя. Но вопросъ не въ правѣ, о которомъ не можетъ быть и сомнѣнія, вопросъ—въ пользѣ. Переименованіе есть одна изъ наиболѣе раздражающихъ и вмѣстѣ одна изъ наиболѣе поверхностныхъ мѣръ. Для сліянія балтійскихъ губерній съ прочими такое переименованіе тѣмъ менѣе необходимо, что нѣмецкихъ названій не мало и въ этихъ прочихъ губерніяхъ. Гораздо нужнѣе преобразованіе самыхъ учрежденій на общемъ всесословномъ началѣ. Изъ всѣхъ реформъ для Остзейскаго края наиболѣе необходима судебно-полицейская. Вся полиція остается въ рукахъ дворянства, всѣ общія учрежденія имѣютъ характеръ дворянскій. Вотъ въ чемъ наиболѣе настоятельно нужно преобразованіе, противъ котораго и въ самой Германіи ничего сказать не могутъ, такъ какъ и тамъ ничего подобнаго давно уже не существуетъ. Прибавимъ, что, вслѣдствіе ожиданія этой реформы, давно уже возвѣщаемой, но все еще отсрочивающейся, въ томъ краѣ замѣтна уже нѣкоторая остановка въ разборѣ крестьянскихъ судебныхъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, въ ближайшихъ къ русскимъ губерніямъ остзейскихъ уѣздахъ крестьяне положительно ждутъ волостныхъ судовъ.

Сверхъ того, говоря о балтійскихъ дѣлахъ, необходимо припомнить, что какъ въ центральныхъ, восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, такъ и въ западныхъ, и въ губерніяхъ Царства Польскаго, всѣ новѣйшія преобразованія начинались съ самого основнаго преобразованія—съ надѣла крестьянъ землею. Нельзя указать достаточной причины, почему бы и въ Остзейскомъ краѣ постепенность преобразованій должна бы быть иная. Земельный надѣлъ прямо положилъ бы основаніе крестьянскому самоуправленію и крестьянскому суду. Иначе, если къ операціи надѣла возвратиться послѣ предварительнаго преобразованія судебно-полицейской части и сословныхъ учрежденій, то все это преобразованіе будетъ имѣть только временное назначеніе, что̀ едва ли удобно, такъ какъ нельзя же часто мѣнять учрежденія, близко касающіяся народнаго быта. Намъ могутъ возразить, что земельный надѣлъ для остзейскихъ губерній вовсе и

не имѣется въ виду ни въ близкомъ, ни въ болѣе дальнемъ будущемъ. Возраженіе это возможно потому, что вообще всѣ остзейскія дѣла мало оглашаются, такъ что о ходѣ ихъ можно судить большею частью лишь по догадкамъ. Но на приведенное возраженіе самъ собою возникалъ бы вопросъ: почему же во всей Россіи только три губерніи должны составить исключеніе изъ самаго важнаго преобразованія? Почему одно балтійское крестьянство было бы лишено государственнаго посредничества для обезпеченія себя землею?

Нѣкоторое оживленіе дѣлъ, замѣчавшееся въ нынѣшнемъ году въ промышленности и торговлѣ, должно было отразиться и въ благопріятномъ поступленіи казенныхъ доходовъ. Вѣдомость о доходахъ за первые три мѣсяца года показываетъ превышеніе противъ равнаго періода въ прошломъ году на 21¼ милл. р. Правда, главная часть этого возростанія имѣетъ только счетное значеніе: цѣлыхъ 15 м. р. приходятся на «поступленія разнаго рода» и представляютъ, главнымъ образомъ, зачисленіе въ доходы казначейства коммерческихъ прибылей государственнаго банка, вслѣдствіе упраздненія особаго счета ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, которая возложена на банкъ. Тотъ же характеръ имѣетъ и поступленіе въ 1887 году 4¼ м. р. по сахарному доходу въ счетъ акциза за 1886 г., такъ какъ платежъ акциза былъ отсроченъ по 1 марта нынѣшняго года.

И такъ, собственно дѣйствительное возростаніе доходовъ противъ прошлаго года представляется всего цифрою 2 м. р. Но заслуживаетъ вниманія, что цифра эта представляется возвышеніемъ дохода питейнаго. Уменьшеніе въ нѣкоторыхъ доходахъ или зависитъ отъ мѣръ законодательныхъ, каковы отмѣна подушной подати и преобразованіе оброка государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи, или же представляетъ дальнѣйшее послѣдствіе главныхъ явленій внѣшней нашей торговли— упадка отпуска хлѣба и ввоза иностранныхъ товаровъ подъ вліяніемъ все усиливающагося обложенія. Такъ, таможенные сборы и за эти три мѣсяца упали еще на 644 т. р., а поступленія на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ упали почти на 3 милл. р., потому что дороги работали въ прошломъ году гораздо хуже, чѣмъ въ 1885 г. Но вычтя уменьшеніе по однимъ доходамъ изъ возростанія по другимъ, независимо отъ прибавокъ счетныхъ, показанныхъ выше, получимъ, все-таки, излишекъ доходовъ противъ прошлаго года на 2 м. р., который и можетъ быть отнесенъ къ усиленію на равную почти сумму дохода питейнаго.

Мы сказали, что желѣзныя дороги работали въ прошломъ году хуже, чѣмъ въ 1885 г. Напечатанная въ прошломъ мѣсяцѣ министерствомъ путей сообщенія вѣдомость объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ 1886 году показываетъ пониженіе валоваго дохода, въ совокупности всѣхъ линій, почти на 9 милл. рублей, а именно: общій доходъ составлялъ въ

1885 г. нѣсколько менѣе 230¼ милл. рублей, а въ 1886 году только 221¼ милл. руб. Уменьшеніе это столь значительно, что оно, такъ сказать, возвращаетъ итогъ валоваго дохода желѣзныхъ дорогъ къ тѣмъ цифрамъ, какія были лѣтъ пять тому назадъ. Считая на версту, валовой доходъ 1886 г. составляетъ 9,113 руб., т.-е. пониженіе почти на 7% противъ предшествующаго года. Дѣйствительно, общій итогъ упалъ, несмотря на то, что сѣть увеличилась почти на 788 верстъ. Длина нашей сѣти составляла къ новому году 26,642 версты.

Этотъ относительный упадокъ валоваго дохода произошелъ прямо отъ промышленнаго и торговаго кризиса. Въ самомъ дѣлѣ, пассажирское движеніе усилилось, но упало движеніе товарное. Дороги, которыхъ доходъ наиболѣе уменьшился, слѣдующія: фастовская, владикавказская, оренбургская и моршанско-сызранская; на каждой изъ нихъ поверстный доходъ упалъ болѣе чѣмъ на 20 процентовъ сравнительно съ прошлогоднимъ.

Коснувшись желѣзныхъ дорогъ, мы должны кстати упомянуть и о судьбѣ проекта соглашенія съ главнымъ обществомъ, подавшаго поводъ къ замѣткѣ въ предшествующемъ нашемъ обзорѣ. Министерство финансовъ предполагало предложить обществу окончить разсчеты на суммѣ 13 милл. руб., подлежащихъ къ полученію съ него въ казну, съ тѣмъ, что если общество не приметъ этого компромисса, то, въ такомъ случаѣ, предъявитъ къ нему искъ судебнымъ порядкомъ въ 30 милл. руб. При разсмотрѣніи дѣла въ государственномъ совѣтѣ такая альтернатива признана была неудобною и положено взыскать съ общества ту сумму, какую администрація считаетъ дѣйствительно съ него причитающеюся, за устраненіемъ начетовъ, покрываемыхъ давностью, и затѣмъ предоставить самому обществу жаловаться суду на наложеніе этого взысканія, съ точнѣйшимъ, притомъ, выраженіемъ такого, остающагося за обществомъ, права судебнаго иска противъ административнаго начета.

Доходъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ не былъ бы въ такой исключительной зависимости отъ хода отпускной хлѣбной торговли, если бы всѣ остальные грузы притекали къ желѣзнымъ дорогамъ въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ теперь. Частыя жалобы на отсутствіе средствъ для разработки природныхъ богатствъ какой-либо мѣстности, на отсутствіе такого или иного производства въ извѣстной мѣстности, гдѣ всѣ условія были бы благопріятны, но не предвидится сбыта, наконецъ, неравность цѣнъ на одинъ и тотъ же продуктъ, которая продолжаетъ замѣчаться въ мѣстностяхъ иногда довольно близкихъ,—все это свидѣтельствуетъ, что желѣзныя дороги далеко еще не исполнили у насъ своего назначенія. Дѣло въ томъ, что Россія дѣлится большими желѣзными линіями на крупные четыре-и трехугольники, которые внутри, такъ сказать, наполнены бездорожьемъ.

Какъ большія кровеносныя артеріи не могли бы питать организмъ и поддерживать правильный обмѣнъ веществъ безъ вспомогательной сѣти безчисленныхъ малыхъ развѣтвленій, такъ точно и большія, прямыя же-

лѣзно-дорожныя линіи только соединяютъ торговые центры съ портами, но не могутъ захватывать всю производительность страны на самыхъ мѣстахъ каждой разработки или каждаго производства. Каждая большая рѣка у насъ имѣетъ бо́льшее число судоходныхъ и сплавныхъ притоковъ, чѣмъ желѣзная дорога вѣтвей или пунктовъ соединенія съ другими желѣзными дорогами.

При отсутствіи такъ называемыхъ «подвозныхъ» путей наши желѣзныя дороги, во-первыхъ, упускаютъ большое число грузовъ, идущихъ, попрежнему, гужевымъ способомъ, во-вторыхъ, слишкомъ благопріятствуютъ торговлѣ на счетъ самой производительности. Когда дорога далеко отъ мѣста производства, то это естественно вызываетъ посредничество въ нѣсколькихъ степеняхъ. Для самыхъ желѣзныхъ дорогъ зависимость дохода главнымъ образомъ отъ движенія хлѣбныхъ грузовъ создаетъ самое анти-экономическое положеніе. Движеніе хлѣбныхъ грузовъ преимущественно сосредоточивается на четыре мѣсяца въ году. Въ этомъ періодѣ станціи завалены хлѣбными грузами, которыхъ отправка производится слишкомъ медленно по недостатку подвижнаго состава. А держать большой подвижной составъ для четырехъ мѣсяцевъ въ году, съ тѣмъ, чтобы въ остальные восемь мѣсяцевъ движеніе не оплачивало процентовъ съ капитала, нѣтъ возможности. Затѣмъ, для отпуска хлѣба отсутствіе или недостатотъ подъѣздныхъ путей обусловливаетъ лишніе накладные расходы, которые уменьшаютъ шансы соперничества нашего хлѣба съ заокеанскимъ на европейскихъ рынкахъ. Наконецъ, для сельскаго хозяина, даже и предоставленіе ему ссудъ за хлѣбъ, доставленный на станцію желѣзной дороги, какъ то дѣлаютъ дороги юго-западныя и либаво-роменская, не помогаетъ въ томъ случаѣ, если, при отсутствіи не только подъѣздной желѣзной же узко-колейной вѣтви, но даже и шоссейной дороги къ станціи, онъ лишенъ возможности доставлять своими средствами хлѣбъ на станцію, а принужденъ продавать его на мѣстѣ скупщикамъ.

Короче, несомнѣнно, что въ настоящее время, при существованіи уже въ Россіи сѣти большихъ дорогъ въ 26 тысячъ верстъ, намъ гораздо нужнѣе устройство подъѣздныхъ путей къ желѣзнымъ дорогамъ уже имѣющимся, чѣмъ дальнѣйшее распространеніе сѣти большихъ линій. Но понятно, что устройство подъѣздныхъ рельсовъ узко-колейныхъ или переносныхъ путей, а также шоссейныхъ мелкихъ трактовъ есть такое дѣло, котораго правительство само исполнить не можетъ и которое оно призвано только регулировать, установляя нормы для обезпеченія временно-противуположныхъ интересовъ, охраняя начатыя предпріятія, на которыя произведены затраты, наконецъ, установляя условія для охраненія безопасности самаго движенія. Затѣмъ, при соблюденіи этихъ основныхъ условій, чѣмъ шире будетъ частная и общественная инициатива въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ проще формальности, чѣмъ меньше медлительность въ разрѣшеніяхъ, тѣмъ будетъ лучше.

Вотъ этимъ требованіямъ и соотвѣтствуетъ весьма старательно выработанный законъ о подъѣздныхъ путяхъ, утвержденный 14 апрѣля и опубликованный въ прошломъ мѣсяцѣ.

Дѣйствію этого закона подлежитъ постройка всякихъ подъѣздныхъ дорогъ, какъ рельсовыхъ, такъ и шоссированныхъ, предпринимаемая отдѣльными лицами, компаніями, сословными и иными обществами, но не подлежитъ постройка дорогъ средствами земствъ или въ губерніяхъ, не имѣющихъ земства, постройка, производимая на счетъ земскихъ сборовъ; сверхъ того, дѣйствіе закона не распространяется и на дороги конно-желѣзныя. Подъѣздныя дороги, по назначенію своему, дѣлятся на два рода: дороги предназначаемыя для общаго пользованія и предназначаемыя для личнаго пользованія своихъ владѣльцевъ. На первыхъ провозная плата должна взиматься согласно тарифу, утвержденному министерствомъ путей сообщенія, на вторыхъ владѣльцы хотя и могутъ допускать провозъ чужихъ грузовъ, но не имѣютъ права взимать платы. Всѣ подъѣздные пути будутъ состоять подъ надзоромъ министерства путей сообщенія.

Дозволеніе постройки подъѣздныхъ путей всѣми желающими составляетъ главное достоинство новаго закона. Но понятно, что подобное предпріятіе, какъ требующее, съ одной стороны, уступки со стороны владѣльцевъ тѣхъ земель, чрезъ которыя пройдетъ дорога, а съ другой—затратъ на производство предварительныхъ изысканій, должно быть, во-первыхъ, удостовѣрено какъ дѣйствительно полезное, а, во-вторыхъ, ограждено отъ захвата другими предпринимателями или отъ конкурренціи другой, параллельной, пролегающей по той же мѣстности дороги. Такимъ образомъ, элементъ нѣкоторой привилегіи, по необходимости, является и при постройкѣ такихъ общественныхъ или частныхъ подъѣздныхъ путей. Они могутъ устраиваться или на собственной землѣ предпринимателя, или на землѣ, пріобрѣтаемой съ этою цѣлью посредствомъ добровольной сдѣлки, или, наконецъ, при помощи принудительнаго отчужденія земли другихъ владѣльцевъ, въ случаѣ, если дорога будетъ признана общеполезною въ особой установляемой въ этихъ видахъ административной инстанціи.

Ходатайства о разрѣшеніи предварительныхъ изысканій обращаются на имя губернатора, съ изъясненіемъ повода къ постройкѣ данной подъѣздной линіи. Губернаторъ извѣщаетъ объ этомъ предположеніи владѣльцевъ тѣхъ земель, чрезъ которыя проектируется дорога, и землевладѣльцы эти обязываются доставить отзывы свои по этому предмету въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Затѣмъ самые проекты разсматриваются учрежденнымъ въ этихъ видахъ особымъ губернскимъ комитетомъ, состоящимъ изъ предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы, чиновниковъ вѣдомствъ путей сообщенія, финансовъ, горнаго и лѣснаго, при участіи экспертовъ, если это будетъ признано нужнымъ. Очень важно

установленіе сроковъ какъ для отзывовъ владѣльцевъ отчужденныхъ земель, такъ и для резолюцій тѣхъ властей, отъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе постройки. Административный надзоръ вообще былъ бы гораздо менѣе стѣснителенъ, если бы для полученія разныхъ разрѣшеній установлены были обязательные сроки. Въ данномъ случаѣ губернскіе комитеты обязаны будутъ разсмотрѣть каждое дѣло о предполагаемой подъѣздной дорогѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня представленія; жалобы же на постановленія губернскаго комитета должны приноситься въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Производство изысканій разрѣшается только по внесеніи залога, которымъ землевладѣльцы обезпечиваются отъ убытковъ. Предположенія объ отчужденіи земель должны быть составляемы не въ видѣ общаго указанія на количество земли, подлежащей отчужденію, но съ точнымъ указаніемъ на планахъ тѣхъ участковъ, которые должны быть отчуждены. Самый же порядокъ отчужденія земель остается и въ данномъ случаѣ тотъ же, какой опредѣленъ общими указаніями, т.-е. отчужденіе совершается путемъ законодательнымъ. Наконецъ, устанавливается еще, въ видѣ особой предосторожности, что земли, на которыхъ будетъ строиться дорога, должны поступать въ распоряженіе предпринимателей не раньше, какъ по совершеніи купчихъ крѣпостей и уплатѣ денегъ. Укажемъ въ законѣ 14 апрѣля еще одну особенность: имъ допускается и постройка дорогъ на землѣ арендованной, съ тѣмъ, чтобы договоръ объ арендѣ былъ заключенъ на 60 лѣтъ, что̀ представитъ расширеніе арендного права, такъ какъ наше законодательство доселѣ не допускало столь долгосрочныхъ арендныхъ договоровъ.

Сдѣлаемъ одно замѣчаніе въ примѣненіи закона 14 апрѣля къ западной полосѣ имперіи. Въ законѣ не выражено ни запрещенія, ни дозволенія лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать или арендовать земли въ Западномъ краѣ, со спеціальною цѣлью постройки, на пріобрѣтаемыхъ или арендуемыхъ участкахъ, подъѣздныхъ путей. Если такое умолчаніе понимать въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе извѣстнаго закона 10 декабря и въ этомъ случаѣ не допускаетъ исключенія, то это было бы равносильно воспрещенію польскимъ помѣщикамъ въ западныхъ губерніяхъ строить подъѣздные пути иначе, какъ на участкахъ, находящихся въ ихъ владѣніи, а это ограниченіе значительно стѣснило бы развитіе подъѣздной сѣти на сѣверѣ и юго-западѣ Россіи.

Въ общемъ же законъ 14 апрѣля, какъ мы уже замѣтили, выработанъ весьма старательно и вполнѣ удачно соглашаетъ какъ интересы земельной собственности, такъ и просторъ, необходимый для частной дѣятельности въ такомъ дѣлѣ, котораго скорѣйшее осуществленіе безусловно необходимо, а, между тѣмъ, не можетъ быть исполнено непосредственно правительствомъ. Законъ 14 апрѣля упоминаетъ, однако, и о возможности пособій со стороны государства для постройки такихъ подъѣздныхъ путей, которые были бы признаны особенно полезными.

Предположеніе о введеніи табачной монополіи, повидимому, отложено на неопредѣленное время, если и не оставлено окончательно. Надо такъ думать потому, что въ прошломъ мѣсяцѣ опубликованъ утвержденный 25 мая законъ «о мѣрахъ къ увеличенію табачнаго сбора», т.-е. о возвышеніи цѣнъ бандеролей на табачныя издѣлія. Такое возвышеніе, какъ извѣстно, было предложено самими же фабрикантами, которые испугались слуховъ о монополіи. Фабриканты, впрочемъ, ничего при этомъ не потеряютъ, потому что возвышеніе падаетъ преимущественно на табакъ и табачныя издѣлія высшаго сорта, которыхъ цѣны въ продажѣ не ограничиваются максимумами, какъ низшихъ сортовъ, а, стало быть, вздорожаніе бандеролей упадетъ на потребителей. Между тѣмъ, фабриканты выигрываютъ одновременно возвышеніе пошлины на тертый табакъ и на сигары привозныя. Правда, возвышается пошлина и на привозный табакъ въ листахъ, который употребляется въ высшихъ сортахъ для внутренней фабрикаціи. Но привозный табакъ въ листахъ обложенъ 15 р. 40 коп. золотомъ — съ пуда, тертый табакъ 1 р. 30 к. золотомъ — съ фунта, сигары же привозныя — 3 р. 20 к. золотомъ—съ фунта. Такимъ образомъ, если предполагать, что высшіе сорта сигаръ внутренняго приготовленія дѣлаются исключительно изъ американскаго табаку (что̀ еще сомнительно), то, во всякомъ случаѣ, фабриканту приходится платить пошлины за табакъ для его сигаръ 82½ к. золотомъ съ фунта, между тѣмъ какъ эти издѣлія его защищены отъ конкурренціи заграничныхъ пошлиною въ 3 р. 20 к. золотомъ, то-есть слишкомъ въ 9 разъ выше.

Пошлина въ 3 р. 20 к. зол., т.-е. въ 5 р. кред. на фунтъ табаку въ сигарахъ, то-есть, примѣрно, на 100 штукъ средней величины сигаръ, казалось бы, должна сдѣлать невозможнымъ привозъ иностранныхъ сигаръ цѣною ниже 15 рублей за сто, такъ какъ это уже составляетъ обложеніе въ 33% цѣны товара. Сверхъ того, надо бы полагать, что такая пошлина, поднятая на товаръ сверхъ расходовъ пересылки и коммиссіонныхъ, чрезъ нѣсколько рукъ, должна бы обусловливать гораздо худшее качество сигаръ привозныхъ 15-ти рублевыхъ сравнительно съ русскими той же цѣны. Между тѣмъ, доселѣ все это не оправдывалось: въ продажѣ были, все-таки, привозныя сигары 10, 11, 12-ти рублевой цѣны и были лучше равноцѣнныхъ русскихъ. Какимъ образомъ товаръ, продаваемый собственно за 5 рублей (за вычетомъ пошлины) можетъ быть лучше 10-ти рублеваго, приготовляемаго на мѣстѣ, это свидѣтельствуетъ только о безпечности нашихъ фабрикантовъ, которые спокойно спятъ за стѣною покровительства и никакъ не могутъ перенять пріемовъ хотя бы у бременскихъ и гамбургскихъ фабрикантовъ.

Что касается акциза на внутреннія издѣлія, то онъ возвышенъ закономъ 25 мая довольно умѣренно. Такъ, цѣна бандероли на 100 штукъ сигаръ 1-го сорта была доселѣ 80 коп., а теперь назначена 1 р. кред.;

для папиросъ 1-го сорта бандероль на 100 штукъ была 15 коп., теперь назначена 20 коп. За то же, какъ водится, фабриканты уже и подняли цѣны на сотнѣ сигаръ, вмѣсто 20 коп., на 50 коп. Въ результатѣ выходитъ, что, принимая среднюю цѣну первосортныхъ сигаръ внутренняго приготовленія въ 8 рублей и предполагая даже, что онѣ выдѣлываются исключительно изъ американскаго табаку, получаемъ слѣдующій сравнительный выводъ обложенія и продажной цѣны: на 100 штукъ сигаръ фабрикантъ уплачиваетъ 52 коп. ($38^1/_2$ зол.) за фунтъ привознаго листоваго табаку и 1 р. за бандероль, т.-е. что казна получаетъ менѣе $^1/_5$ съ продажной цѣны издѣлія. Между тѣмъ, при такъ называемой «пониженной» бандероли съ махорки, установленной въ 2 коп. съ четверти фунта, которой цѣна въ губерніяхъ Европейской Россіи не можетъ превышать въ продажѣ 7 коп., казна получаетъ 8 коп. съ фунта махорки цѣною въ 28 коп., т.-е. болѣе $^1/_4$ съ продажной цѣны.

Болѣе равномѣрно обложеніе папиросъ перваго и втораго сорта, а именно: на 100 штукъ 1-го сорта оно составляется изъ 10 коп. кред. пошлины (предполагая выдѣлку 500 шт. изъ 1 фунта привознаго табаку) и изъ 20 коп. акциза, т.-е. 30 коп. изъ средней цѣны 1 р. (такъ какъ продажная цѣна перваго сорта, будучи произвольною, не бываетъ ниже 60 коп., а доходитъ и до 4 р. за сотню), что составляетъ нѣсколько менѣе $^1/_3$ части. Между тѣмъ, со 100 шт. папиросъ втораго сорта взимается 9 коп., при таксѣ на продажную цѣну сотни не свыше 30 коп., что составляетъ также немногимъ менѣе $^1/_3$ цѣны.

Конечно, можно было бы достигнуть болѣе значительнаго обложенія высшихъ сортовъ табачныхъ издѣлій, если бы установить классификацію перваго сорта на нѣсколько категорій по цѣнамъ, но это, во-первыхъ, повело бы къ пониженію качествъ самой фабрикаціи, а, во-вторыхъ, должно бы было сопровождаться полнымъ запрещеніемъ ввоза табачныхъ издѣлій. Сверхъ того, и возвышеніе общаго дохода съ табаку оказалось бы при этомъ незначительное, такъ какъ потребленіе издѣлій высшаго достоинства крайне ограниченно. Во всякомъ случаѣ, министерство финансовъ избрало благую часть, если удовольствовалось поднятіемъ акциза, оставивъ мысль о монополіи, которая не только несомнѣнно понизила бы въ общемъ качество табачныхъ издѣлій, но и наложила бы тяжкое бремя регламентаціи на табаководство, составляющее важный сельско-хозяйственный промыселъ.

Правда, неудобство акцизныхъ сборовъ вообще представляется дороговизной ихъ взиманія, такъ что за каждымъ возвышеніемъ акциза непремѣнно идетъ и увеличеніе расхода на акцизное управленіе. И въ самомъ законѣ 25 мая опредѣляется уже внесеніе въ бюджетъ новаго расхода 100 тысячъ р., но издержка эта незначительна въ сравненіи съ тѣми затратами, какія пришлось бы сдѣлать на отчужденіе частныхъ и устройство казенныхъ фабрикъ въ случаѣ введенія монополіи. А, впрочемъ,

въ самомъ наименованіи вновь ассигнуемаго кредита заключается оговорка, изъ-за которой какъ бы еще выглядываетъ мысль о монополіи. А именно: упомянутые 100 т. р. ассигнуются въ распоряженіе министра финансовъ не только «для усиленія надзора за табачными плантаціями и за табачною промышленностью», но и «на расходы по разработкѣ предположеній о мѣрахъ къ увеличенію табачнаго дохода». Значитъ, законъ 25 мая не представляетъ *novissima verba* въ этомъ дѣлѣ.

Возбужденный въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о новой постановкѣ реальнаго образованія остался пока нерѣшеннымъ. Въ предшествующей бесѣдѣ мы говорили, въ общихъ чертахъ, о предположеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Предположенія эти разсматривались въ государственномъ совѣтѣ и не получили утвержденія. Сколько намъ извѣстно, большинство въ государственномъ совѣтѣ высказалось противъ основнаго принципа представленнаго проекта, въ отношеніи собственно реальныхъ училищъ, въ пользу предположеній министерства относительно профессіональнаго образованія. Проектъ предполагалъ отмѣну въ реальныхъ училищахъ высшихъ классовъ, т.-е. шестаго и дополнительнаго седьмаго, гдѣ онъ существуетъ,—словомъ, имѣлъ цѣлью превращеніе реальныхъ училищъ въ школы подготовительныя для среднихъ профессіональныхъ курсовъ, въ томъ же смыслѣ, какъ начальныя училища, съ добавленіями первоначальнаго же ремесленнаго обученія, служили бы подготовленіемъ для низшихъ профессіональныхъ училищъ, т.-е. для ремесленныхъ школъ. Мы уже обсуждали смыслъ этихъ предположеній и не будемъ къ нимъ теперь возвращаться. Скажемъ только, что не мы одни поняли смыслъ проекта такъ, что въ немъ предполагалось отмѣнить общеобразовательное значеніе реальныхъ училищъ.

Дѣйствительно, въ государственномъ совѣтѣ, при обсужденіи проекта, какъ мы слышали, прежде всего, поставленъ былъ основной вопросъ слѣдующимъ образомъ: должны ли существующія реальныя училища и впредь оставаться среднеобразовательными училищами, параллельно съ гимназіями, или же они должны быть превращены въ спеціальныя, подготовительныя школы? Этотъ вопросъ большинство рѣшило въ смыслѣ оставленія за реальными училищами значенія общеобразовательныхъ и сохраненія въ нихъ существующихъ высшихъ классовъ, причемъ согласилось, что нѣкоторое число, примѣрно четверть общаго числа, реальныхъ училищъ могутъ быть преобразованы въ пятиклассныя, по мысли проекта, т.-е. превращены въ школы приготовительныя къ профессіональнымъ курсамъ. Важно то, что, въ общемъ принципѣ, большинство высказалось въ пользу сохраненія за реальными училищами значенія среднеобразовательныхъ, поставленныхъ на ряду съ гимназіями, хотя и на иномъ учебномъ планѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, было признано, что сохраненіе и возможное улуч-

шеніе нынѣшнихъ реальныхъ училищъ не устраняетъ настоятельной потребности въ учрежденіи возможно бо́льшаго числа школъ промышленныхъ (профессіональныхъ) и правильной ихъ постановкѣ въ учебной системѣ, такъ какъ школы эти необходимы и для успѣховъ промышленности, и для отвлеченія отъ училищъ общеобразовательныхъ учениковъ изъ низшихъ классовъ городскаго населенія, которые поступаютъ туда безъ намѣренія кончить полный курсъ. А это обстоятельство объясняется именно отсутствіемъ иныхъ среднихъ школъ, которыя бы давали образованіе законченное и практически-приспособленное при меньшемъ числѣ лѣтъ ученья. Вслѣдствіе того, предположено было утвердить проектъ относительно промышленныхъ школъ, и вся система реальнаго и техническаго образованія представлялась бы затѣмъ въ слѣдующемъ видѣ: большинство существующихъ реальныхъ училищъ осталось бы при семи классахъ и въ качествѣ общеобразовательныхъ, 21 изъ числа реальныхъ училищъ были бы превращены въ «прореальныя» съ 5-ю классами, а среднія техническія (промышленныя училища) пополнялись бы учениками, окончившими курсъ прореальныхъ училищъ и прогимназій. Такова была, по слухамъ, сущность состоящаго въ государственномъ совѣтѣ рѣшенія.

И такъ, гласный П. Н. Епанешниковъ слишкомъ поторопился, предложивъ московской городской думѣ теперь же распорядиться капиталомъ болѣе 400 тысячъ рублей, ассигнованныхъ ею еще въ 1880 году на учрежденіе реальнаго училища. По отзыву г. Епанешникова, реальныя училища у насъ уже оканчиваютъ свое существованіе, измѣняясь въ училища иного рода, и потому капиталъ тотъ слѣдуетъ обратить на умноженіе городскихъ начальныхъ школъ. Цѣль эта прекрасная, но Москва можетъ найти и другіе источники для скорѣйшаго увеличенія числа городскихъ училищъ, которое несомнѣнно нужно, если двумъ тысячамъ дѣтей ежегодно приходится отказывать въ пріемѣ въ тѣ школы. Городской голова вполнѣ убѣдился соображеніемъ, которое, однако, исходило только изъ слуха, и предлагалъ обсудить предложеніе г. Епанешникова до лѣтней отсрочки думскихъ засѣданій. Хорошо было, что самъ авторъ предложенія взялъ его назадъ, для внесенія осенью, а то, при извѣстной наклонности головы къ диктаторству, мы имѣли бы теперь думское рѣшеніе вопроса о судьбѣ реальныхъ училищъ, когда не готово еще законодательное его рѣшеніе.

Того рѣшенія, какое пока состоялось въ государственномъ совѣтѣ, мы не видимъ нужды обсуждать, такъ какъ оно утверждено не было. Дѣло въ настоящее время остановилось на томъ, что проектъ будетъ составленъ заново, по указаніямъ, которыя имѣютъ быть особо испрошены министромъ народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, хотя дальнѣйшее направленіе дѣла доселѣ и не опредѣлилось, и хотя высказанное большинствомъ въ совѣтѣ мнѣніе останется пока безъ практическаго при-

мѣненія, но надо замѣтить, что не было утверждено и предположеніе объ общемъ сокращеніи числа классовъ въ реальныхъ училищахъ или, иными словами, о низведеніи ихъ съ уровня общеобразовательныхъ.

И вотъ, въ виду несостоявшагося нынѣ предрѣшенія вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, вполнѣ возможно еще надѣяться, что рѣшеніе окончательное сохранитъ оба типа среднеобразовательной школы— классическую и реальную, хотя бы въ томъ видѣ, какъ онѣ обѣ существуютъ въ Германіи, гдѣ рядомъ съ гимназіями имѣются перворазрядныя реальныя школы, открывающія доступъ не только въ политехникумы, но и на два факультета въ университетахъ. Если бы весь нынѣшній вопросъ о преобразованіи реальныхъ училищъ былъ возбужденъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тогда, по всей вѣроятности, новое рѣшеніе его выпало бы именно въ пользу оставленія общеобразовательнаго значенія только за однѣми классическими гимназіями. Но нынѣ окончательное упроченіе слишкомъ односторонняго взгляда о пользѣ одного только классическаго образованія представляется менѣе вѣроятнымъ.

Скорѣе наоборотъ. Такъ, объявленное въ прошломъ мѣсяцѣ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о прекращеніи съ начала предстоящаго учебнаго года пріема въ приготовительные классы мужскихъ гимназій и прогимназій подало нѣкоторымъ газетамъ поводъ заговорить о вредѣ самаго классическаго обученія. Понятно, что названное распоряженіе послужило при этомъ не болѣе, какъ предлогомъ, такъ какъ изъ закрытія приготовительнаго класса классическихъ училищъ еще никакъ не слѣдуетъ дѣлать вывода объ отношеніи къ самой системѣ обученія въ этихъ училищахъ. Ближайшія причины распоряженія указаны въ самой мотивировкѣ его, а именно, что нерѣдко дѣти, лучше подготовленныя къ слушанію гимназическаго курса, были лишены возможности поступать въ гимназіи и прогимназіи, такъ какъ ученики приготовительныхъ классовъ, въ числѣ которыхъ были и слабые, занимали всѣ вакансіи. «Это, какъ сказано въ мотивировкѣ мѣры, не могло не отражаться неблагопріятнымъ образомъ на общемъ уровнѣ успѣшности занятій въ слѣдующихъ классахъ». Затѣмъ самое упраздненіе приготовительныхъ классовъ въ названныхъ училищахъ имѣетъ осуществиться въ порядкѣ законодательномъ.

Но характеренъ самъ по себѣ фактъ, что въ печати уже появились отзывы, осуждающіе классическую школу вообще, въ силу тѣхъ самыхъ постороннихъ соображеній, которыя нѣкогда приводились въ доказательство, что она только одна и можетъ давать трезвое, надежное во всѣхъ отношеніяхъ развитіе. Если бы принять къ свѣдѣнію, напримѣръ, хотя бы походъ, предпринятый противъ классической школы *Гражданиномъ*, который смотритъ на училищное дѣло съ точки зрѣнія особой, узкой политической преаккупаціи, то можно бы, пожалуй, придти къ мысли, что

не далеко то время, когда роли перемѣнятся и когда тѣмъ, кто прежде возражалъ противъ политической всеспасаемости классицизма, придется еще защищать классицизмъ отъ обвиненій въ политической неблагонадежности. Ревнители, подобные *Гражданину*, впадая изъ одного преувеличенія въ другое, въ сущности, только повторяютъ прежнюю ошибку, внося въ дѣло школы, въ дѣло умственнаго развитія юношества — соображенія, во-первыхъ, совершенно чуждыя педагогикѣ, а, во-вторыхъ, произвольныя сами по себѣ. Нѣтъ такого типа школы, какъ нѣтъ такой сферы знанія, которыхъ нельзя было бы, при особаго рода усердіи, заподозрить или въ прививкѣ «вредныхъ мечтаній», или въ распространеніи «грубаго матеріализма». Если на дѣло ученія вообще смотрѣть исключительно съ точки «пресѣченія», то единственный логическій выводъ оказался бы враждебнымъ всякому ученію, по какой бы то ни было системѣ и на чемъ бы оно ни было «сосредоточено». Если классическую школу можно обвинять въ возбужденіи праздныхъ мечтаній, то не поучительна ли сама по себѣ возможность подобныхъ обвиненій послѣ всего того, что не далѣе 10 — 15 лѣтъ тому назадъ приводилось въ пользу безусловной ея, и одной только ея, благонадежности, все съ той же, чуждой учебному дѣлу, политической точки зрѣнія?

Споръ объ учебныхъ системахъ у насъ былъ поставленъ такимъ образомъ, что тотъ, кто говорилъ въ пользу классицизма, тѣмъ самымъ говорилъ противъ реализма, и наоборотъ. И вотъ нынѣшнимъ противникамъ классицизма, исходящимъ изъ постороннихъ преаккупацій, пришлось бы отвергнуть все то, что писалось, наприм., въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ теченіе десяти лѣтъ, съ политической же точки зрѣнія, какъ въ пользу классицизма непосредственно, такъ и противъ утвержденія системы общаго образованія на началахъ знанія точнаго, естественно-научнаго. Вносимыя въ дѣло школы постороннія соображенія столь произвольны, что выборъ между ними есть просто дѣло моды.

И опытъ показываетъ, что одна мода въ этомъ отношеніи періодически смѣняетъ другую. Такъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича при министерствѣ Уварова, который первый у насъ внесъ соображенія свойства политическаго въ составленіе учебныхъ плановъ и руководствъ для средняго обученія, было усилено преподаваніе древнихъ языковъ. Вѣдь, еще іезуиты находили въ этомъ преподаваніи то преимущество, что усвоеніе твердыхъ, не подлежащихъ спору грамматическихъ формъ, развитіе способностей посрѣдствомъ такихъ только пріемовъ, какъ переводъ и подражаніе, полезные, какъ пассивная гимнастика ума, пріучаютъ умъ къ дисциплинѣ, устраняютъ наклонность къ скороспѣлымъ выводамъ и т. д. Но затѣмъ въ то же царствованіе модная педагогика, пойдя дальше, въ политическихъ же видахъ, повернула въ сторону. Такъ, при утвержденіи программъ для преобразовывавшихся военно-учебныхъ заведеній, подъ руководствомъ Ростовцева, были высказаны въ мотивахъ

мысли, неблагопріятныя сосредоточенію умственнаго развитія на изученіи исторіи и литературы древнихъ народовъ. Ростовцевъ не имѣлъ, положимъ, повода говорить о самыхъ языкахъ классическихъ, такъ какъ программы онъ составлялъ для кадетъ. Но за то онъ положительно высказывался противъ непомѣрнаго, на его взглядъ, мѣста, какое въ среднемъ образованіи вообще отводилось исторіи древнихъ народовъ, изложенію ихъ законовъ и ихъ учрежденій вообще.

Онъ находилъ, что это преувеличенное изученіе формъ намъ чуждыхъ и поклоненіе классическимъ преданіямъ, учившимъ видѣть героевъ въ представителяхъ идей, совершенно несогласныхъ съ тѣми условіями, среди которыхъ учащимся придется жить и служить, способно вызывать скорѣе вредное направленіе, чѣмъ дисциплину мысли. Что же касается самой подробности, съ какою излагались событія изъ исторіи грековъ и римлянъ, то они представлялись составителю программъ для военно-учебныхъ заведеній только послѣдствіемъ рутины и предразсудка, а не требованіемъ разумности. Ему казалось страннымъ, что мелкія по размѣрамъ стычки между нѣсколькими батальонами аѳинянъ и македонянъ или ѳиванцевъ, похожія скорѣе на кулачные бои, чѣмъ на дѣйствительныя военныя кампаніи, и нисколько не поучительныя въ военномъ отношеніи, излагаются со всевозможною подробностью, когда исторія громадныхъ походовъ Аттилы и Тамерлана, изумительнаго образованія и паденія ихъ царствъ сообщается всего въ нѣсколькихъ отрывочныхъ строкахъ.

И такъ, мы видимъ, что новѣйшія, нынѣ придумываемыя, наприм., *Гражданиномъ* постороннія возраженія противъ классическаго обученія у насъ, по сущности своей и общему смыслу, вовсе не новы. Нѣчто весьма на нихъ похожее заявлялось и даже оффиціально признавалось уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ и вело къ ломкѣ учебнаго дѣла, впослѣдствіи оказывалось неубѣдительнымъ, опять-таки съ политической точки зрѣнія, и уступало мѣсто новому, сугубому возвращенію къ классицизму для утвержденія умственной дисциплины. Кто былъ правѣе въ своихъ воззрѣніяхъ на лучшіе педагогическіе пріемы въ смыслѣ умственной дисциплины—Ростовцевъ ли, который смотрѣлъ на науку отчасти съ точки такъ называемой выправки и шагистики, или отцы іезуиты, которые также науку подгоняли къ потребностямъ дрессировки умовъ,—это рѣшить трудно. Мы только видимъ, что въ разныхъ рукахъ употреблялись для достиженія той же, въ сущности, цѣли пріемы прямо противуположные. Ростовцевъ предпочиталъ «правильно излагаемую народную исторію», новые языки, математику, физику; монахи Іисусова ордена предпочитали древніе языки, исторію Греціи и Рима, риторику, піитику и даже «правильно» излагаемую философію.

Программы Ростовцева, правда, относились только къ преподаванію въ заведеніяхъ военно-учебныхъ. Но нельзя думать, чтобы фактъ утверж-

денія выраженныхъ въ нихъ взглядовъ остался въ свое время безъ вліянія и на преподаваніе гражданское. Тѣмъ болѣе, что вскорѣ событія въ Западной Европѣ вызвали у насъ усиленныя заботы объ устраненіи даже изъ университетскихъ программъ нѣкоторыхъ предметовъ, казавшихся почему-либо неудобными, какъ, наприм., изложенія философскихъ ученій, государственнаго права иностранныхъ народовъ, даже такъ называвшейся въ то время «философіи права» (энциклопедія законовѣдѣнія), а изъ политической экономіи—всякаго изложенія ученій Оуэна, сенъ-симонистовъ и проч. и даже освобожденія негровъ въ англійскихъ колоніяхъ. Этотъ послѣдній фактъ, имѣвшій огромное экономическое значеніе и вызвавшій въ то время цѣлую литературу, считалось также неудобнымъ излагать, какъ нѣчто несогласное съ тѣми условіями, среди которыхъ учащимся приходилось жить и служить.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, именно подъ вліяніемъ измѣнившихся взглядовъ, и преподаваніе древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ ослабѣло. Затѣмъ оживленное умственное движеніе при началѣ новаго царствованія, съ конца пятидесятыхъ до половины шестидесятыхъ годовъ, повело ко внесенію въ гимназіи преподаванія естественно-научнаго, причемъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ изъ древнихъ языковъ остался только одинъ латинскій. Не будемъ говорить о томъ, какъ новый поворотъ взглядовъ, вспомоществуемый въ этомъ отношеніи и нѣкоторыми случайными причинами вывелъ опять въ моду классицизмъ и побудилъ видѣть въ немъ одномъ, въ немъ исключительно, упроченіе умственной дисциплины, устраненіе произвольныхъ выводовъ и скачковъ мысли и т. д.

Что же новаго могутъ намъ повѣдать нынѣ современные противники классицизма—въ «постороннихъ» видахъ? Не ясно ли, что они предлагаютъ лишь возобновленіе старой моды, по минованіи которой современемъ можетъ явиться паки и паки—вѣра въ единоспасаемость классицизма для утвержденія умственной дисциплины.

Мы могли бы, конечно, обойтись безъ этого взгляда, брошеннаго на прошедшее нашей средней школы, могли просто высказать положеніе вѣрное уже *a-priori*, само въ себѣ, что въ школу не слѣдуетъ вносить цѣлей ей чуждыхъ, способныхъ только исказить ее, посредствомъ ея недостижимыхъ, потому что никакое знаніе не можетъ предрѣшать самое употребленіе этого знанія, точно такъ, какъ невозможно сдѣлать какое-либо орудіе такимъ образомъ, чтобы обезпечить возможность одного лишь общеполезнаго его употребленія. Несмотря на всевозможныя и систематическія старанія, прилагавшіяся къ школѣ въ разныя времена и въ разныхъ государствахъ съ цѣлью обезпечить посредствомъ ея такое-то, а не иное направленіе умовъ, легко было бы насчитать въ исторіи политической борьбы на Западѣ, въ лагеряхъ взаимно-противуположныхъ, равное

число выдавшихся людей изъ адептовъ литературно-исторической или научно-философской школы. Но мы предпочли указать на прошедшее русской же средней школы, полагая, что самая смѣняемость взглядовъ на преимущества той или другой учебной системы съ политической точки зрѣнія наиболѣе убѣдительно свидѣтельствуетъ о несостоятельности взглядовъ этого рода и лежащаго въ основѣ ихъ софизма о возможности упрочивать въ обществѣ посредствомъ учебныхъ программъ такое или иное политическое направленіе.

Напомнивъ о перемѣнчивости взглядовъ по отношенію къ сравнительной благонадежности классицизма или реализма, мы должны оговориться, что чрезмѣрное преобладаніе древнихъ языковъ надъ всѣми другими учебными предметами въ нынѣшнихъ гимназіяхъ представляетъ само по себѣ важныя невыгоды въ смыслѣ вовсе не политическомъ, но педагогическомъ, въ смыслѣ достиженія общеобразовательною школой ея прямаго назначенія. Это необходимо уяснять съ тою цѣлью, чтобы при предстоящемъ рѣшеніи вопроса о реальныхъ училищахъ оставалась въ виду необходимость сохранить среднеобразовательную школу, основанную на точныхъ наукахъ, въ дополненіе къ школѣ классической. Въ основаніи классической системы лежатъ, конечно, еще и иныя соображенія, кромѣ заботы объ умственной дисциплинѣ. Въ смыслѣ педагогическомъ, самое слово *disciplina* вовсе не означаетъ какое-либо нравственное свойство, какъ послушаніе и привычка къ порядку,—оно означаетъ просто учебный предметъ. И вотъ, изъ числа этихъ внутреннихъ, историческихъ и педагогическихъ мотивовъ, которые съ начала среднихъ вѣковъ основали школу на изученіи древнихъ языковъ, а затѣмъ при началѣ новой исторіи укрѣпили и расширили въ ней именно это классическое основаніе всего общаго образованія, многіе, и самые важные, вовсе не примѣнимы къ Россіи. Народы романскіе и германскіе заимствовали образованность непосредственно отъ древняго Рима, школа основалась и велась латинскимъ духовенствомъ, даже и арабскіе ученые, внося свой вкладъ въ сокровищницу западно-европейской культуры, первоначально черпали его у древнихъ грековъ черезъ Александрію. Возрожденіе сблизило Западъ съ тѣмъ же древне-греческимъ міромъ, а реформація поддержала это стремленіе—черпать древнее знаніе непосредственно изъ перваго источника. Такимъ образомъ, школа на Западѣ исторически создалась на основаніи классическомъ, да и не могла имѣть иного основанія.

Такъ какъ зачатки знанія, образцы литературы и самаго законодательства заимствовались на Западѣ у грековъ и римлянъ, а латинскій языкъ былъ языкомъ церкви, языкомъ политической лѣтописи, а въ значительной степени и языкомъ законодательства, то изученіе древнихъ языковъ въ западной школѣ было и дѣйствительною потребностью, и укоренилось такъ, что преобладаніе ихъ продолжалось даже гораздо долѣе,

чѣмъ эта дѣйствительная потребность существовала. Во всякомъ случаѣ, даже и теперь для образованнаго итальянца, француза, испанца, англичанина и нѣмца знаніе хотя бы одного латинскаго языка отчасти служитъ ключомъ къ правильному употребленію словъ языка новѣйшаго, роднаго, отчасти открываетъ передъ нимъ родное же прошлое.

Всѣ эти мотивы историческіе, сдѣлавшіе установленіе школы на классическомъ основаніи неизбѣжнымъ на Западѣ, являются совершенно чуждыми для русской жизни и только въ слабой степени примѣнимы къ потребностямъ русской школы. Образованность мы заимствовали не непосредственно у тѣхъ народовъ, чьи омертвѣвшіе языки дѣти наши долбятъ для экзаменовъ, и чисто только для экзаменовъ, не чувствуя никакого внутренняго съ ними сродства, безъ всякаго убѣжденія въ какомъ-либо дѣйствительномъ ихъ соотношеніи къ своей національной, хотя бы даже прошлой только жизни.

Такимъ образомъ, главное основаніе къ введенію въ нашей учебной системѣ положительнаго преобладанія древнихъ языковъ, а именно—примѣръ Запада, въ данномъ случаѣ и самъ по себѣ, нисколько не убѣдителенъ и не обязателенъ. Къ нашей школѣ могли бы быть примѣняемы только чисто-педагогическія соображенія о преимуществахъ сосредоточенія школы на изученіи древнихъ языковъ для сообщенія учащимся правильнаго развитія. Не можетъ, однако, быть спора, что самый матеріалъ этого изученія безъ всякаго сравненія бѣднѣе, чѣмъ тотъ, какой даютъ науки точныя. Стало быть, преимущество, если оно есть, можетъ заключаться не въ матеріалѣ, подлежащемъ изученію, а развѣ въ самыхъ пріемахъ, ему свойственныхъ. И дѣйствительно, все, что говорится объ усвоеніи умственной дисциплины, устраненіи скороспѣлыхъ выводовъ, скачковъ мысли,—все это относится собственно къ пріемамъ классическаго ученія, а не къ выносимому изъ него знанію. Надо, однако, имѣть въ виду, что математика въ еще бо̀льшей степени, чѣмъ грамматика древнихъ языковъ, представляетъ тѣ же достоинства собственно въ смыслѣ пріема для выработки правильнаго, строго-научнаго мышленія. И вотъ почему классическая школа озаботилась, такъ сказать, исхитить математику изъ противнаго лагеря и усвоить ее себѣ. Такъ и въ нашихъ гимназіяхъ учебные планы задаются «сосредоточеніемъ» ученія не только на древнихъ языкахъ, но и на математикѣ. Но такъ какъ математика ничего общаго съ древними языками не имѣетъ, то «сосредоточеніе» преподаванія на двухъ взаимно чуждыхъ учебныхъ матеріалахъ представляетъ уже нѣчто довольно произвольное. Сосредоточеніе при этомъ производятъ уже не вокругъ одного центра, а вокругъ двухъ, такъ что если выражаться съ точностью, то нельзя и говорить о «кругѣ» преподаванія классическо-математической школы, а развѣ только объ «эллипсисѣ» этого преподаванія.

Но, затѣмъ, нельзя же, все-таки, признавать исключительнымъ на-

значеніемъ общеобразовательной школы одну только выработку гибкости и податливости ума учениковъ. Задачей школы не можетъ быть одна умственная гимнастика. Иначе пришлось бы, пожалуй, рекомендовать включеніе въ учебный планъ ребусовъ и загадокъ. Школа должна еще сообщить знаніе; притомъ, именно школа общеобразовательная, по нѣмецкому выраженію — «ученая», должна сообщать возможно-широкое основаніе знанія, или, иначе, элементы всѣхъ отраслей знанія научнаго. «Сосредоточеніе», въ смыслѣ идеала, фикція; осуществляется оно въ значительной мѣрѣ произвольно и всегда допускаетъ многочисленныя изъятія; иначе оно было бы уже не «сосредоточеніемъ», а простою спеціализаціей. Но общеобразовательная школа должна имѣть идеаломъ — полноту, всесторонность, равномѣрность, а никакъ не спеціализацію, которая годится только для школъ профессіональныхъ (Fachschulen). Логическое, истекающее изъ самаго ея назначенія и изъ самаго названія школы «общеобразовательной» опредѣленіе ея можно сдѣлать только слѣдующее: это — школа, которая призвана давать элементарныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ научнаго знанія, насколько это возможно, безъ поверхности, причемъ должна быть соблюдаема равномѣрность между образованіемъ историко-филологическимъ и образованіемъ естественнонаучнымъ. Повторяемъ, что иного—логическаго—опредѣленія школы общеобразовательной дать невозможно. Всякая спеціализація или сосредоточеніе должны бы быть изъ нея изгнаны, такъ какъ истинная ея задача не въ томъ, чтобы дать подготовку будущему практику — юристу, врачу, педагогу, технику и ученому всякой спеціальности, но воспитать образованнаго человѣка, который затѣмъ изберетъ себѣ изученіе спеціальности.

Однако, подобная идеальная равномѣрность обученія въ средней школѣ не мыслима въ наше время именно потому, что кругъ спеціальныхъ знаній, необходимыхъ для ученаго практика, слишкомъ расширился и не можетъ помѣститься, замкнуться въ университетскихъ факультетахъ и высшихъ техническихъ училищахъ. При соблюденіи полной равномѣрности, полной гармоніи въ учебныхъ планахъ средней школы, она давала бы факультетамъ и техническимъ училищамъ абитуріентовъ, недостаточно подготовленныхъ къ слушанію спеціальныхъ курсовъ. Или пришлось бы загромоздить высшія школы подготовительно-спеціальными курсами, или необходимо допустить нѣкоторую спеціализацію въ высшихъ классахъ школы средней. Отсюда являются: или спеціальныя отдѣленія въ общей школѣ (такъ называемая «биффуркація»), или раздѣленіе средней школы на два типа, сообразно избираемымъ спеціальностямъ. Но школы каждаго изъ этихъ типовъ должны помнить, что, прежде всего, обѣ онѣ— общеобразовательныя, а не превращаться въ нѣчто вродѣ питомниковъ для двухъ разныхъ породъ людей. Спеціализацію въ однѣхъ можно допускать единственно насколько того требуетъ необходимость, указываемая

высшими училищами; но истинною задачей средней школы каждаго типа, если она имѣетъ быть дѣйствительно общеобразовательною, должны, все-таки, служить возможная гармонія, возможная полнота научнаго знанія.

Удовлетворяютъ ли сдѣланному нами опредѣленію нынѣшнія наши классическія гимназіи и реальныя училища? Конечно, нѣтъ; прибавимъ, что реальныя училища, все-таки, ближе подходитъ къ нему, чѣмъ гимназіи. Мы уже имѣли случай, при обзорѣ учебныхъ программъ реальныхъ училищъ, указывать на нѣсколько излишнее загроможденіе въ нихъ курсовъ предметами слишкомъ спеціальными, и, притомъ, нагроможденіемъ предметовъ слишкомъ многосложныхъ—въ одномъ классѣ. Въ программы реальныхъ училищъ напрасно включены нѣкоторые предметы, входящіе прямо въ курсы высшихъ техническихъ училищъ. Слѣдовало бы исключить эти предметы, которые и теперь проходятся только поверхностно, усиливъ, вмѣсто того, преподаваніе новѣйшихъ языковъ и вообще поднявъ нѣсколько «словесную» часть курса, съ присоединеніемъ, пожалуй, даже и латинской грамматики съ переводомъ двухъ-трехъ легчайшихъ прозаиковъ. Это округлило бы общеобразовательный курсъ реальныхъ училищъ и подняло бы ихъ значеніе именно въ смыслѣ общеобразовательномъ, безъ всякаго ущерба изученію точныхъ наукъ.

Но если въ семиклассныхъ реальныхъ училищахъ, какъ они устроены нынѣ, и замѣчается нѣсколько преувеличенная спеціализація, то надо признать, что спеціализація эта приводитъ, по крайней мѣрѣ, къ прямой своей цѣли, то-есть что ученики, выпускаемые реальными училищами, вполнѣ подготовлены къ слушанію курса въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о гимназіяхъ. Въ нихъ специализація проведена также слишкомъ далеко, и, притомъ, спеціализація, имѣющая главною цѣлью приготовленіе къ филологическому факультету. Между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что именно эта главная цѣль не достигается вполнѣ и что университетскому преподаванію на первомъ курсѣ приходится считаться и нынѣ съ недостаточною подготовкой.

Вообще же въ обоихъ типахъ общеобразовательной школы, то-есть какъ въ гимназіи, такъ и въ реальномъ училищѣ, слѣдовало бы, по возможности, устранить замѣчающееся разстояніе между тѣмъ, что требуется программами, и тѣмъ, что достигается на дѣлѣ. Программы можно бы нѣсколько сократить, а дѣло доводить до вполнѣ дѣйствительнаго ихъ выполненія, и, притомъ, не двумя-тремя медалистами изъ цѣлаго курса, но всѣми абитуріентами.

Нѣмецкая поговорка гласитъ, что «цифры управляютъ міромъ». Поговорку эту мы приводимъ въ нѣкоторое оправданіе себя, такъ какъ мы должны теперь перейти къ утвержденнымъ въ окончившейся законода-

тельной сессіи, на трехлѣтіе 1887—1889 гг., новымъ смѣтамъ земскихъ повинностей въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія. Что касается земства, то къ его хозяйству мы не могли бы и примѣнить приведенной поговорки, такъ какъ въ сложности исполненія земскихъ бюджетовъ оказывается замѣчательный фактъ: цифры отказываются управлять земскими дѣлами; недоборы по смѣтнымъ цифрамъ такъ велики, что земство принуждено не исполнять многихъ расходовъ, также изображенныхъ въ смѣтахъ цифрами. Общій результатъ таковъ, что, вмѣсто предвидѣннаго дефицита, получается еще «сбереженіе». Но понятно, что если бы ничего не расходовать, то сбереженіе было бы еще больше.

Итакъ, обратимся къ земскому хозяйству въ губерніяхъ, земства неимущихъ. Такихъ губерній у насъ — 19, и общій итогъ расходовъ по земскимъ повинностямъ, то-есть расходовъ, покрываемыхъ изъ мѣстныхъ (земскихъ) сборовъ, въ этихъ губерніяхъ составляетъ 8 мил. 630 тысячъ рублей. Нынѣшній итогъ превышаетъ итогъ предшествующаго трехлѣтія на нѣсколько менѣе 1½ мил. р. Вь противуположность земству, въ губерніяхъ «неземскихъ» расходы вполнѣ покрываются сборами. Вслѣдствіе такого, на первый взглядъ вполнѣ удовлетворительнаго положенія, признано возможнымъ освободить казну отъ нѣкоторыхъ расходовъ, имѣющихъ впредь удовлетворяться изъ земскихъ сборовъ. Такъ, въ самыхъ же смѣтахъ на предстоящее трехлѣтіе отмѣненъ отпускъ изъ казны пособія въ 65 тыс. р., производившагося по Архангельской губерніи и двумъ сибирскимъ.

Затѣмъ, опубликованнымъ въ минувшемъ мѣсяцѣ и утвержденнымъ 18 апрѣля закономъ обращены на счетъ суммъ земскихъ сборовъ тѣхъ же губерній падавшіе доселѣ на казну такіе расходы по содержанію губернскихъ благотворительныхъ заведеній и уѣздныхъ больницъ, которые не покрывались средствами приказовъ общественнаго призрѣнія, т.-е. которые требовали приплаты къ средствамъ приказовъ. Этимъ же закономъ опредѣляется, что такіе расходы впредь имѣютъ уже быть вносимы въ смѣты земскихъ повинностей, составляемыя на трехлѣтія, что въ нынѣшнихъ смѣтахъ уже и исполнено; расходы эти составляютъ въ совокупности на 484 тыс. р.

Возвратимся къ цифрамъ и приглядимся къ ихъ относительному значенію. Въ приведенномъ выше общемъ итогѣ 8 мил. 630 тыс. р. заключаются не только губернскія, но и частныя земскія повинности, и, сверхъ того, дополнительный расходъ на содержаніе православнаго духовенства, составляющій 729 тыс. р. и удовлетворяемый особымъ сборомъ, взимаемымъ съ помѣщиковъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ. Для сведенія же баланса расходовъ и доходовъ надо взять собственно сумму губернскихъ повинностей на счетъ земскихъ сборовъ и сумму денежныхъ губернскихъ сборовъ. Такимъ образомъ, расходы представятся цыфрою 7 мил. 333 тыс.

р., которая и покрывается совершенно равною цифрой сборовъ. Но при этомъ надо замѣтить, что 839 тыс. въ счетъ сборовъ покрываются остатками отъ прежнихъ смѣтъ, такъ что собственно сборовъ въ будущемъ ожидается на такую же сумму меньше противъ опредѣленныхъ расходовъ.

И такъ, въ то время, когда общій бюджетъ земствъ 34-хъ губерній составляетъ 37 милл. руб., земскій бюджетъ 19-ти губерній, не имѣющихъ земства, не доходитъ и до $7^1/_2$ милл. руб. Чтобы не приводить излишнихъ цифровыхъ отношеній, замѣтимъ только, что если изъ бюджетовъ земствъ взять только обязательные расходы, то они составятъ, въ среднемъ, около $^1/_2$ милл. рублей на губернію, а изъ общей суммы земскихъ расходовъ въ губерніяхъ, земства не имѣющихъ, приходится среднею цифрой $^2/_5$ милл. рублей на губернію. Если же выводить отдѣльно среднюю для каждой изъ 14-ти не-земскихъ губерній Европейской Россіи, то эта средняя будетъ ближе къ той, какая оказывается по обязательнымъ расходамъ въ губерніяхъ земскихъ. Вообще смѣты земскихъ повинностей, утверждаемыя на трехлѣтія для губерній дореформенныхъ, представляютъ собой мѣстное хозяйство въ томъ видѣ, въ какомъ оно было повсемѣстно до введенія земскихъ учрежденій. Расходы идутъ на тѣ же потребности: на дорожную повинность, содержаніе гражданскаго управленія, мировыхъ, судебныхъ и по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, воинскую и этапную повинности. Сборы же взимаются съ земель и лѣсовъ, городскихъ недвижимостей и съ торговыхъ документовъ (съ тѣмъ же ограниченіемъ), причемъ еще въ западныхъ губерніяхъ, а также въ Оренбургской и Астраханской имѣются еще судебные сборы и пошлины. Но когда мы говорили, что мѣстное хозяйство дореформенныхъ губерній представляется въ томъ видѣ, какъ оно было вездѣ въ дореформенное время, то разумѣемъ только самый порядокъ, а никакъ не цифру. Въ самомъ дѣлѣ, итогъ земскихъ повинностей въ губерніяхъ, лишенныхъ земства, возростаетъ почти столь же быстро, какъ и итогъ расходовъ въ губерніяхъ земскихъ, а именно за періодъ времени существованія земства расходы болѣе чѣмъ утроились какъ тамъ, гдѣ есть земскія учрежденія (считая первоначальныя 32 губерніи), такъ и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что возростаніе расходовъ и въ земствѣ не зависитъ отъ какихъ-либо прихотей.

Съ приведенными цифрами не лишне сопоставить нѣсколько цифръ, представляющихъ итоги земскаго хозяйства въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія. Цифры эти относятся къ 1883 году. Общій расходъ составлялъ $37^1/_4$ милл. руб., а доходъ—$38^2/_3$ милл. р.,—повидимому, результатъ блестящій. Но достигнутъ онъ былъ такимъ образомъ, что, вслѣдствіе тугости поступленія доходовъ, земство оставило не исполненными

назначенныхъ по смѣтамъ расходовъ на 2 милл. р. Само собою разумѣется, что это принужденное сокращеніе пало почти исключительно на расходы не обязательные, т.-е. по народному образованію, здоровью и т. д.; обязательные расходы добровольному сокращенію не подлежатъ, а составляютъ они, какъ извѣстно, около 40% земскаго бюджета.

Почти четверть всего расхода земства представляется издержками на медицинскую часть, а именно болѣе $22\frac{1}{2}$ процентовъ, вторыя по цифрѣ издержки—$16\frac{1}{3}$ процента—обращаются на народное образованіе. Возростая довольно быстро, цифры земскихъ расходовъ, однако, какъ бы кристаллизовались въ своемъ распредѣленіи на разныя потребности. Но распредѣленіе это, да и самые размѣры земскаго бюджета могли бы быстро измѣниться при благопріятныхъ обстоятельствахъ. О смѣтахъ отдѣльной губерніи, а тѣмъ болѣе уѣзда, нельзя сказать, что онѣ эластичны, такъ какъ самое накопленіе недоимокъ показываетъ, что нельзя ожидать пользы отъ усиленнаго обложенія земли, обложеніе же торговыхъ заведеній ограничено. Да, впрочемъ, и при такомъ ограниченіи торговыя заведенія стоятъ на первомъ мѣстѣ по общей суммѣ недоимки, между тѣмъ какъ крестьяне, несмотря на высокое обложеніе земли и несмотря, что на ихъ долю приходится главное бремя этого обложенія, по высокой оцѣнкѣ земли усадебной, оказываются наиболѣе исправными плательщиками. Какъ бы то ни было, однако, когда въ недоимкѣ состоитъ болѣе половины оклада, то нельзя разсчитывать на увеличеніе дохода безъ измѣненія общихъ условій хозяйства. Расходы же могутъ быть до извѣстной степени пріостанавливаемы, какъ это дѣлается нынѣ, причемъ, разумѣется, многіе интересы страдаютъ, а служащіе иногда подолгу не получаютъ жалованья. Но сокращенія расходовъ въ общемъ быть не можетъ; мы видимъ, что и въ не-земскихъ губеніяхъ они постоянно возростаютъ.

Такія сокращенія, какъ закрытіе школъ и больницъ, были бы равнозначущи съ отказомъ земства отъ его назначенія. Вообще, если бы, въ виду возростанія недоимокъ, земство стало дѣлать въ своихъ смѣтахъ сокращенія органическія, то это было бы равносильно постепенному самоотреченію земства. Фактически возможно, разумѣется, отказаться отъ заботъ какъ о народномъ образованіи, такъ и о народномъ здоровьѣ; вѣдь, остаются же 19 губерній при однихъ только обязательныхъ расходахъ; изъ милліона слишкомъ рублей, представляющихъ средній земскій бюджетъ губерніи, можно, пожалуй, сократить $^3/_5$ и сойти на тѣ $^2/_5$ милліона руб., которыми ограничиваются средніе земскіе расходы въ губерніяхъ дореформенныхъ. Но надо помнить, что при этомъ пришлось бы отказаться отъ наиболѣе существенныхъ улучшеній въ условіяхъ мѣстнаго быта въ Россіи, какія только были сдѣланы со времени освобожденія крестьянъ и были осуществлены именно земствомъ.

Наоборотъ, не уменьшаться, а еще быстрѣе долженъ бы возростать итогъ расходовъ на дѣйствительное дѣло, какимъ представляется именно все то, чтò лежитъ на попеченіи земства. И средства для того нашлись бы, какъ всегда находятся средства для затратъ производительныхъ, лишь бы условія были благопріятны. Возростаніе недоимокъ до половины оклада,—это такое обстоятельство, которое должно бы уже свести вопросъ о земствѣ съ почвы пустыхъ нареканій и рутинной зависти мѣстныхъ администраторовъ къ общественной работѣ на почву истиннаго государственнаго интереса. Земство есть, по закону, учрежденіе государственное, и государство должно позаботиться объ охраненіи его и поддержкѣ, отложивъ всякое ревнивое отношеніе къ общественному почину въ мѣстныхъ, хозяйственныхъ дѣлахъ. Слѣдуетъ, наконецъ, поставить выше всякихъ сомнѣній сознаніе той истины, что государство не можетъ непосредственно дѣлать все. Сознаніе это есть, но оно все еще у насъ какъ-то точно не окончательно установилось. Что оно есть, на то имѣются свидѣтельства не изъ давняго, а и изъ настоящаго времени. Да вотъ хотя бы новый законъ о порядкѣ и условіяхъ строительства подъѣздныхъ дорогъ прямо выражаетъ убѣжденіе, что въ мѣстныхъ общеполезныхъ предпріятіяхъ долженъ быть предоставляемъ возможно болѣе широкій просторъ дѣятельности общественной и даже частной, что исполненіе мѣстныхъ экономическихъ задачъ совершенно непосильно государству, которому въ этомъ дѣлѣ можетъ принадлежать только общій надзоръ.

Окончательное упроченіе такого сознанія неминуемо вызвало бы и для земской дѣятельности условія болѣе благопріятныя. Здѣсь играетъ весьма значительную роль одинъ, такъ сказать, психологическій элементъ. Такъ, легко догадаться, что не многаго нужно, чтобы земство вновь съ прежнимъ рвеніемъ взялось за умноженіе числа народныхъ школъ и чтобы вообще дѣятельность его внезапно оживилась. Скажутъ: какъ же она оживится, когда на это нужны новыя затраты, а уже и теперь, при 37-ми милліонномъ бюджетѣ, такъ велики недоимки? Но въ томъ-то и суть, чтò самое накопленіе недоимокъ есть въ значительной степени результатъ тѣхъ колебаній, того сравнительнаго застоя, какіе обнаружились въ земскомъ дѣлѣ за послѣдніе годы. При вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ не трудно было бы расширить и матеріальныя средства и одновременно устранить нѣкоторые существенные недостатки.

Законодательство могло бы оказать земству существенную поддержку одною отмѣной закона, ограничивающаго обложеніе торговыхъ заведеній,—закона, который, сказать правду, истекъ изъ чистаго недоразумѣнія. Онъ хотѣлъ охранить отъ чрезмѣрнаго обложенія земства въ пользу казны торговлю и промышленность. Но почему же, въ такомъ случаѣ, нѣтъ закона, который, также въ интересахъ казны, охранилъ бы отъ

земскаго обложенія землю? При отсутствіи у земства собственныхъ сборщиковъ, при отсутствіи же у него органовъ для принудительнаго исполненія его постановленій, естественно, что земскіе налоги никогда не могутъ препятствовать успѣшному поступленію налоговъ государственныхъ, какъ бы эти послѣдніе ни были высоки. Казенные налоги всегда взыщутся прежде земскихъ, совершенно все равно, на какія статьи тѣ и другіе налоги падаютъ—на землю или на торговыя заведенія и свидѣтельства. Стало быть, нѣтъ и причины дѣлать различіе между разными статьями, подлежащими сборамъ, ограничивать земское обложеніе однихъ, оставляя безъ ограниченія обложеніе другихъ. Посредствомъ введеннаго въ законы ограниченія достигнутъ былъ одинъ только результатъ, тотъ, что вся тягость земскихъ сборовъ, а именно $^4/_5$ всей ихъ суммы, лежитъ на недвижимыхъ имуществахъ. Дѣйствительно, сборы съ недвижимыхъ имуществъ составляютъ болѣе 79 процентовъ всего земскаго поступленія, а сборы съ торговыхъ документовъ даютъ менѣе 11 проц.

Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, при новомъ оживленіи земской работы, при приливѣ къ ней многихъ личныхъ силъ, которыя въ настоящее время держатся отъ нея въ сторонѣ, считая свое время еще не приспѣвшимъ или уже минувшимъ, земство взялось бы и за болѣе уравнительную оцѣнку земель, подлежащихъ его налогамъ, изгладило бы то сравнительное отягощеніе, какое падаетъ на крестьянъ вслѣдствіе гораздо болѣе значительнаго отношенія въ ихъ хозяйствахъ земли застроенной къ землѣ полевой. Повторяемъ, что элементъ нравственный, настроеніе играетъ важную, даже преобладающую роль во всякой общественной работѣ. Тотъ только можетъ не знать этого, кто не помнитъ того рвенія, того увлеченія, съ какими велась земская дѣятельность при самомъ ея началѣ. И вотъ, съ наступленіемъ вновь такихъ условій, нельзя сомнѣваться, что и недоимки уменьшились бы, и самые оклады бы возвысились, безъ неравномѣрности и безъ какихъ-либо нареканій, а земскій нашъ бюджетъ съ 37-ми милл. быстро поднялся бы настолько, насколько это нужно для удовлетворенія хотя бы самыхъ настоятельныхъ потребностей мѣстнаго быта, нуждъ въ школахъ, больницахъ и въ дорогахъ.

То, что выше пришлось говорить о разграниченіи въ экономической области между дѣятельностью государственною и дѣятельностью общественною, примѣнимо и къ отношенію между дѣятельностью общественною, съ одной стороны, и частною—съ другой. Есть случаи, какъ, наприм., производство большихъ строительныхъ работъ, гдѣ и земское или городское непосредственное распоряженіе удобнѣе замѣняется частнымъ предпринимательствомъ, но съ тѣмъ, конечно, чтобы муниципальныя права, по владѣнію или надзору, не были приносимы въ жертву какимъ бы то ни было концессіонерамъ.

Съ такой точки зрѣнія, нельзя не пожелать, чтобы московское городское управленіе съумѣло отстоять интересы города въ дѣлѣ постройки городскихъ рядовъ между Никольской и Ильинской улицами,—интересы, которые прямо устраняются въ переговорахъ, происходящихъ нынѣ между представителями лавковладѣльцевъ и министерствомъ финансовъ. Вопросъ этотъ выдвинулся вновь въ прошломъ мѣсяцѣ, причемъ обнаружилось, что комитету лавковладѣльцевъ уже удалось, по крайней мѣрѣ, временно, обойти городъ. Съ конца прошлаго года были налицо два ходатайства, обращенныя къ правительству. Съ одной стороны, комитетъ лавковладѣльцевъ ходатайствовалъ объ утвержденіи устава акціонернаго общества торговыхъ рядовъ между Никольской и Ильинской, съ полнымъ устраненіемъ города отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Считая доказаннымъ, что земля подъ лавками составляетъ собственность ихъ владѣльцевъ, а городу принадлежатъ только проходы, комитетъ предполагаетъ оставить незастроенною такую поверхность, какая равняется количеству земли, исчисляемой въ проходахъ, и на этомъ основаніи и домогается полнаго устраненія участія города, съ предоставленіемъ постройки и полнаго владѣнія акціонерному обществу. Съ другой стороны, имѣлось въ виду ходатайство думы объ отчужденіи въ пользу города всего права владѣнія въ рядахъ. Мы сейчасъ должны будемъ вновь коснуться юридической стороны всего вопроса о правѣ владѣнія въ городскихъ рядахъ. Но, прежде всего, замѣтимъ, что ходатайство объ утвержденіи устава акціонернаго общества направилось по одному вѣдомству, а ходатайство городскаго управленія объ охраненіи его правъ—по другому вѣдомству. Изъ этого произошло, что въ то время, какъ на ходатайство города еще не было получено отвѣта, министерство финансовъ уже вошло въ сношенія съ комитетомъ лавковладѣльцевъ, заявляя отчасти готовность согласиться на утвержденіе акціонернаго общества, а отчасти указывая на нѣкоторыя измѣненія, какими министерство обусловливаетъ такое согласіе. Измѣненія эти сами по себѣ вполнѣ раціональны, но дѣло въ томъ, что при этихъ переговорахъ права города такъ и остаются пока въ сторонѣ. Вопросъ какъ будто бы уже сталъ на такую почву, что всѣми дѣлами должно вѣдать и распоряжаться общество лавковладѣльцевъ, и рѣчь идетъ лишь о томъ, какъ лучше организовать финансовую постановку ихъ общества. Вотъ почему ко времени представляется пожелать городу скорѣйшаго успѣха въ отстаиваніи его правъ.

Обратимся теперь къ измѣненіямъ, какія предложило финансовое вѣдомство въ уставѣ акціонернаго общества, а затѣмъ перейдемъ къ юридической сторонѣ вопроса. Министерство финансовъ признало полезнымъ не привлекать въ общество лицъ постороннихъ, ограничивая пріобрѣтеніе акцій общества одними только владѣльцами лавокъ. Поэтому министер-

ство предлагаетъ капиталъ акцій размѣрить только по суммѣ, исчисленной для выкупа лавокъ у настоящихъ ихъ владѣльцевъ, и установить, что и впредь акціями могутъ владѣть только нынѣшніе лавковладѣльцы, ихъ наслѣдники и наниматели тѣхъ лавокъ, которыя будутъ выстроены, такъ, чтобы акціонерами являлись только лица, непосредственно заинтересованныя въ имуществѣ, и чтобы акція представляла собою какъ бы неотдѣлимую часть самой лавки. При такомъ ограниченіи размѣровъ акціонернаго капитала, министерство финансовъ предлагаетъ, чтобы самая постройка производилась не на акціонерный капиталъ, какъ предполагалось въ представленномъ комитетомъ проектѣ, но на выпускъ облигацій. При описанной постановкѣ дѣла, министерство финансовъ имѣетъ въ виду ту цѣль, чтобы устранилась спекуляція съ акціями общества и чтобы вся выгода отъ эксплуатаціи имущества нынѣшнихъ лавковладѣльцевъ оставалась въ ихъ рукахъ.

Мы уже потому не можемъ не признать раціональными этихъ собственно финансовыхъ условій, что съ самаго начала нами высказывался взглядъ, вполнѣ съ ними согласный, хотя и исходившій изъ другой точки. Мы говорили, что какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ юридическій, основной, о сущности права лавковладѣльцевъ на землю въ рядахъ, но несомнѣнно, что они дожны получить вознагражденіе. А такъ какъ вознагражденіе невозможно дать въ натурѣ, потому что лавки будутъ иначе устроены и распредѣлены, то основной капиталъ предпріятія, все равно, кто бы его ни велъ: городъ или сами лавковладѣльцы,—долженъ быть опредѣленъ по суммѣ, въ какую исчислится стоимость каждой прежней лавки, и общая ихъ цѣна. Наконецъ, что вопросъ о капиталѣ, нужномъ для самой постройки, есть только вопросъ объ оборотныхъ средствахъ, которыя могутъ быть получены путемъ займа, реализованнаго городомъ ли, или лавковладѣльцемъ, все равно. Условія, указываемыя министерствомъ финансовъ, ограничивая размѣры акціонернаго капитала дѣйствительною стоимостью сборнаго имущества и устраняя наплывъ элемента посторонняго, по сущности своей, однородны съ нашими предположеніями.

Но это еще только одна сторона дѣла; это есть только вопросъ о постановкѣ самаго дѣла вознагражденія. Совершенно та же цѣль была бы достигнута и путемъ городскаго выкупа всѣхъ лавокъ, съ предоставленіемъ лавковладѣльцамъ вознагражденія въ бумагахъ городскаго займа, соотвѣтственно оцѣнкѣ. Другая сторона представляется именно интересами самого города во всемъ дѣлѣ постройки и собственности городскихъ рядовъ. Для производства постройки, конечно, лучше частные предприниматели, чѣмъ непосредственное городское распоряженіе. Но и эта цѣль могла бы достигнуться безъ учрежденія акціонернаго общества—путемъ контракта со строительною компаніей.

И вотъ, при выборѣ между всѣми этими различными средствами, выступаетъ на первый планъ и получаетъ не только теоретическое, но первостепенное практическое значеніе вопросъ юридическій, основной, вопросъ о правахъ на землю. Этотъ вопросъ сдѣлалъ значительный шагъ къ разъясненію именно въ прошломъ мѣсяцѣ съ напечатаніемъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* замѣчательнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго—*Чья земля подъ городскими рядами на Красной площади.* Цѣлыми рядами не бывшихъ доселѣ въ виду историческихъ справокъ и критическимъ ихъ сопоставленіемъ г. Ключевскому удалось доказать съ достовѣрностью *болѣе чѣмъ юридическою*, что старое право, подъ которымъ строились городскіе ряды, было право казенной *дачи*, на условіяхъ аренды, то-есть что земля подъ лавками оставалась казенною собственностью, а сдѣлки между лавковладѣльцами по продажѣ и закладу ихъ лавокъ были сдѣлками по отчужденію лишь принадлежавшаго имъ наслѣдственнаго права арендиаго владѣнія, но не права собственности. Самая отмѣна казеннаго лавочнаго сбора, замѣнившагося новыми сборами, при общихъ перемѣнахъ въ системѣ налоговъ, самое «обѣленіе» этихъ казенныхъ оброчныхъ статей не измѣнило ихъ характера, ихъ принадлежности казнѣ. Таково было старое право лавочнаго рядскаго землевладѣнія и право это не подверглось никакому измѣненію въ законодательствѣ новѣйшемъ, т.-е. ни въ «грамотѣ на права и выгоды городамъ» 1785 г., ни въ указѣ 1800 г. объ имуществахъ, переданныхъ въ вѣдѣніе московской думы, ни въ городовомъ положеніи 1870 года, такъ какъ нигдѣ въ этихъ актахъ не упоминается о торговыхъ рядахъ и гостиныхъ дворахъ.

Правда, что изслѣдованіемъ этимъ доказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, что земля подъ рядами не принадлежитъ и городу, а принадлежитъ казнѣ. Но вотъ почему и переговоры между администраціею и лавковладѣльцами должны вестись вполнѣ правильно на томъ основномъ принципѣ, что вся земля подъ городским рядами продолжаетъ быть собственностью казенною. Разъ будетъ окончательно выяснено, что земля эта—казенная, то практически вопросъ поставится такимъ образомъ: съ какой же стати казна будетъ дарить свое право обществу нынѣшнихъ лавковладѣльцевъ, которые, по постройкѣ новыхъ рядовъ, въ значительной части смѣнятся новыми нанимателями лавокъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, городскіе ряды могутъ обратиться въ собственность акціонернаго общества владѣльцевъ номинальныхъ, но играющихъ роль вѣчнаго лэндлорда по отношенію къ торговцамъ дѣйствительнымъ—нанимателямъ лавокъ? И такъ, напрасно г. Ключевскій, побуждаемый скромностью ученаго, говоритъ, что изслѣдовалъ этотъ вопросъ только изъ любопытства, но не понимаетъ, какое практическое дѣйствіе можетъ имѣть разрѣшеніе городскаго вопроса — въ томъ или другомъ смыслѣ.

Дѣло въ томъ, что если земля въ рядахъ принадлежитъ казнѣ, то

правительство можетъ воспользоваться своимъ правомъ такъ, какъ лучше въ общемъ интересѣ городскаго населенія. А въ интересѣ населенія несомнѣнно предпочтительнѣе, чтобы городское управленіе имѣло участіе въ самомъ обществѣ лавковладѣльцевъ, въ надзорѣ за постройкой и за веденіемъ дѣла въ будущемъ, да, наконецъ, и въ барышахъ операціи. Городъ ходатайствовалъ также, чтобы право отчуждать владѣніе тѣхъ лавковладѣльцевъ, которые не войдутъ въ акціонерное общество, было предоставлено ему съ тою цѣлью, чтобы и городъ явился участникомъ дѣла, если будетъ утверждено акціонерное общество. Но та же цѣль была бы достигнута инымъ путемъ, еслибъ правительство, въ вознагражденіе за свое право собственности на землю, рѣшило вопросъ въ пользу города, то-есть въ смыслѣ или отчужденія правъ всѣхъ лавковладѣльцевъ въ пользу города, или, по меньшей мѣрѣ, предоставленія городу извѣстной части основнаго капитала предполагаемаго акціонернаго общества.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пятидесятилѣтній юбилей царствованія королевы Викторіи, о праздновaніи котораго подробно сообщали газеты, вызвалъ въ англійской и континентальной печати многочисленныя и разнообразныя сужденія объ англійской политикѣ въ теченіе этого полувѣка. Наиболѣе благопріятными являются, конечно, отзывы нѣмецкихъ газетъ. Королева Викторія всегда благоволила къ Германіи. Извѣстны ея дружескія отношенія къ принцу Александру Баттенбергу, братъ котораго вступилъ въ близкую родственную связь съ британскимъ царствующимъ домомъ. Къ нашему отечеству королева Викторія, произведенная покойнымъ лордомъ Биконсфильдомъ въ индійскую императрицу, никогда не чувствовала симпатіи и нерѣдко обнаруживала явно-враждебное отношеніе. Къ счастію, несмотря на личныя усилія королевы, власть въ Англіи часто ускользала изъ рукъ консерваторовъ и переходила къ либераламъ. Когда во главѣ министерства становился нелюбимый индійскою императрицей Гладстонъ, отношенія между Россіей и Великобританіей немедленно улучшались, а въ самой Англіи начинались глубокія и плодотворныя преобразованія. Теперь же, къ торжественному празднованію юбилея, какъ разъ подоспѣлъ изготовленный лордомъ Солисбюри принудительный ирландскій билль. Этотъ законодательный актъ рѣдкаго эгоизма и рѣдкой для англійскихъ государственныхъ людей близорукости вызываетъ негодованіе не только среди ирландскаго народа, но и въ рядахъ англійскихъ либераловъ, за исключеніемъ сторонниковъ Чемберлена и Гартингтона, изъ которыхъ одни увлечены честолюбіемъ, другіе находятся подъ вліяніемъ аристократическихъ опасеній и чрезмѣрной національной гордости. Естественно, что ирландцы въ юбилейномъ торжествѣ участія не принимали, кромѣ оффиціально-вынужденнаго. Ирландскіе депутаты британскаго парламента совершенно отказались парадировать на праздникѣ, совпадающемъ со днями новыхъ тревогъ для ирландскаго народа, новыхъ насилій надъ нимъ. Ирландскія газеты откровенно говорили, что пятидесятилѣтнее царствованіе королевы Викторіи доказало, что англичане неспо-

собны управлять Ирландіей, потому что пріостанавливать дѣйствіе суда присяжныхъ, стѣснять свободу печати и прибѣгать къ другимъ стѣснительнымъ мѣрамъ значитъ не управлять страною, а подавлять ее. «Мы не хотимъ,—писала одна изъ ирландскихъ газетъ,—раздѣлять вашей радости въ то время, когда свобода ирландцевъ попирается ногами; мы не хотимъ скрѣплять тѣхъ позорныхъ узъ, которыя превратили милліоны нашихъ соотечественниковъ въ нищихъ и привели къ отчаянію всѣхъ насъ. Какъ могъ ирландскій народъ праздновать юбилей того царствованія, которое связано съ уничтоженіемъ всего, что могло содѣйствовать преуспѣянію и благоденствію ирландцевъ? Единственный лучъ надежды, озарившій Ирландію въ царствованіе королевы Викторіи, это—благородный билль, предложенный въ прошломъ году Гладстономъ. Въ настоящее время мы переживаемъ кризисъ, который грозитъ сокрушить свободу ирландцевъ, заклеймить будущія поколѣнія позоромъ рабства, похитить у нихъ всѣ признаки индивидуальной свободы, которую англичане берегутъ какъ ковчегъ ихъ безопасности,—словомъ, отмѣнить конституцію при помощи закона самаго противуконституціоннаго въ лѣтописяхъ англійской тираніи. Было бы странно, если бы ирландцы торжествовали въ такое время» (*Русскія Вѣдомости*, № 165).

Въ виду возростающаго раздраженія въ Ирландіи и сильнаго неудовольствія въ самой Англіи, консервативный кабинетъ спѣшитъ провести направленный противъ ирландской свободы билль, отказываясь опредѣлить даже срокъ дѣйствія этого несправедливаго и жестокаго закона. Можно надѣяться, что срокъ этотъ окажется непродолжительнымъ. Какъ на одинъ изъ признаковъ того, что гладстоніанцы не только не теряютъ подъ собою почвы, а даже усиливаются, нельзя не указать на недавніе выборы въ Скальдингѣ (Линкольнширъ) и Ковентри. Консервативные депутаты этого округа возведены въ званіе пэра, а на ихъ мѣсто въ палату общинъ избиратели послали либераловъ Галлея-Стюарта и Баллантина. Лордъ Чорчилль предостерегаетъ поэтому консерваторовъ и отщепенцевъ, пошедшихъ за Чемберленомъ и Гартингтономъ, и требуетъ напряженной энергіи въ борьбѣ съ гладстоніанцами. Лордъ Солисбюри готовъ, повидимому, вступить въ соглашеніе и съ папскимъ престоломъ, чтобы вызвать его вмѣшательство въ ирландскія дѣла. Иностранныя газеты сообщаютъ, однако, что ирландское духовенство, съ кардиналомъ Маннингомъ во главѣ, убѣждено въ нецѣлесообразности обращенія Льва XIII съ какимъ-либо заявленіемъ въ пользу торійскаго кабинета. Несмотря на горячую преданность большинства ирландскаго народа римско-католической церкви, примирительнымъ словамъ папы не оказало бы повиновенія населеніе, раздраженное преслѣдованіями лэндлордовъ и англійской администраціи. Осторожный Левъ XIII едва ли рѣшится на рискованный шагъ. Онъ съумѣлъ выждать время и заставить князя Бисмарка пойти на очень важныя уступки, заставлять же ирландскій на-

родъ дѣлать уступки англійскому правительству вовсе не соотвѣтствуетъ интересамъ папскаго престола. Какой эквивалентъ могъ бы представить лордъ Солисбюри Льву XIII за утрату или, по крайней мѣрѣ, значительное ослабленіе симпатій къ нему ирландскаго народа? О возстановленіи своей свѣтской власти нынѣшній папа мало думаетъ, повидимому, да Англія и не могла бы помочь ему въ этомъ отношеніи. Послѣднія извѣстія, проникшія въ печать, говорили, наоборотъ, о стремленіяхъ примирить итальянское королевство съ папскимъ престоломъ. Папская аллокуція 23 мая н. с. возбудила много толковъ, надеждъ и опасеній относительно этого примиренія. «Да послужитъ,—говорилъ папа,—наша забота объ общемъ мирѣ всѣхъ народовъ и на пользу столь тѣсными узами связанной съ папствомъ и столь дорогой намъ Италіи. Мы, съ своей стороны, давно и живѣйшимъ образомъ желаемъ, чтобы миръ и спокойствіе вошли въ души всѣхъ итальянцевъ, чтобы устранена была злосчастная распря съ римскимъ папствомъ, конечно, съ соблюденіемъ справедливости и достоинства апостолическаго престола, нарушенныхъ, впрочемъ, не по винѣ народа. Естественный путь къ такому замиренію—установленіе положенія дѣлъ, при которомъ римскій первосвященникъ не былъ бы подчиненъ ничьей власти и пользовался бы подобающею полною и истинною свободой. При вѣрномъ взглядѣ на дѣло очевидно, что итальянское государство отъ этого не только не потерпѣло бы никакого ущерба, но пріобрѣло бы этимъ значительное подспорье для своего блага и процвѣтанія».

Эти слова Льва XIII вызвали преувеличенныя надежды со стороны многочисленныхъ группъ и либеральнаго, и консервативнаго лагеря. Убѣжденные защитники итальянскаго единства, не порвавшіе своихъ религіозныхъ отношеній съ римско-католическою церковью, не могутъ не испытывать тягостнаго разлада вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній между Ватиканомъ и Квириналомъ. Примирительныя слова папской аллокуціи были истолкованы ими такимъ образомъ, что папскій престолъ вступаетъ на путь открытаго признанія совершившагося факта, то-есть утраты папою свѣтской власти и образованія единой Италіи. Оффиціозный органъ Ватикана, *Osservatore Romano*, поспѣшилъ, однако, разсѣять недоразумѣнія, объяснивши, что папа вовсе не думаетъ идти на какія бы то ни было уступки. *Temps* замѣчаетъ по этому поводу, что Левъ XIII, такъ ловко воспользовавшійся ошибками внутренней политики князя Бисмарка, чтобы властно вмѣшаться въ германскія дѣла, разсчитываетъ, вѣроятно, оказать при помощи Германіи давленіе на Италію. Но этотъ разсчетъ неоснователенъ. Ватиканъ и Квириналъ служатъ представителями двухъ противуположныхъ началъ, примиреніе между которыми невозможно. Современное государство не можетъ отказаться отъ принципа отдѣленія церкви отъ государства, отъ религіозной свободы, а римско-католическая церковь не уменьшаетъ своихъ притязаній руководить и политическими судьбами народовъ. Превращеніе Рима въ столицу консти-

туціоннаго королества нанесло, конечно, сильный ударъ обаянію папской власти; но вѣками сложившееся въ искусную организацію католическое духовенство представляетъ еще грозную силу, съ которою приходится считаться почти всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Бонги, въ римской *Nuova Antologia*, пишетъ, что примиреніе папства съ Италіей было бы полезно для обоихъ, но онъ рѣшительно возстаетъ противъ пожертвованія апостолическому престолу какой-либо части итальянской государственной территоріи или какой-либо доли пріобрѣтенной итальянскимъ народомъ свободы. А при такихъ условіяхъ въ чемъ же будетъ состоять *примиреніе* съ непогрѣшимымъ главою римско-католической церкви? Церковь эта является носительницею средневѣковыхъ воззрѣній, она не терпитъ свободной мысли, она проклинаетъ научныя открытія и теоріи и стремится превратить государства въ послушное орудіе теократическихъ стремленій. Намъ приходилось уже приводить новые примѣры въ доказательство старой истины о томъ, съ какимъ искусствомъ и настойчивостью борется католическое духовенство въ разныхъ странахъ за вліяніе и на высшіе, правящіе классы, и на народныя массы. Въ одномъ случаѣ оно всѣми силами поощряетъ національныя стремленія, въ другомъ случаѣ горячо принимается за разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Приведемъ нѣсколько цифръ, которыя покажутъ, какіе значительные результаты при этомъ достигаются. На праздновaніи пятнадцатой годовщины основанія во Франціи католическихъ рабочихъ кружковъ (Les cercles catholiques d'ouvriers) графъ де-Мёнъ сообщилъ, что такихъ кружковъ образовано уже около 400, изъ нихъ десять въ Парижѣ съ 3,000 рабочихъ. Кромѣ того, этому католическому союзу удалось захватить въ свои руки до полутораста профессіональныхъ и земледѣльческихъ синдикатовъ. Ораторъ произнесъ затѣмъ на упомянутомъ собраніи длинную рѣчь, доказывая необходимость организовать къ столѣтію французской революціи большую римско-католическую манифестацію. Де-Мёнъ пытался убѣдить, что революція ничего не дала рабочему классу, кромѣ политической свободы, изъ которой рабочій извлекаетъ будто бы ничтожную пользу. Всякое государство, восклицалъ вождь французскихъ ультрамонтановъ, всякая форма правленія осуждена на гибель, если правительство не становится покорнымъ слугою римско-католической церкви.

Къ счастію, такихъ покорныхъ слугъ въ Европѣ не обрѣтается, хотя вліяніе папскаго престола все еще чрезмѣрно велико въ Австріи, напримѣръ, въ Испаніи, при нынѣшнемъ консервативномъ кабинетѣ въ Бельгіи, и чувствуется даже въ государствахъ, гдѣ преобладающее большинство населенія принадлежитъ не къ римско-католической церкви. Прусскій ландтагъ принялъ недавно правительственный законопроектъ, отмѣнившій всѣ главныя постановленія знаменитыхъ *майскихъ законовъ*, направленныхъ княземъ Бисмаркомъ противъ папскаго престола. Прусское государство снова отреклось отъ права контролировать назначеніе на ду-

ховныя должности; оно опять разрѣшило возвращеніе въ Пруссію монашескихъ орденовъ и т. п.; логика вещей привела въ Каноссу канцлера гогенцоллернской имперіи. Создавши въ центрѣ Европы грозную военную державу, приходится жертвовать ради ея сохраненія лучшими преданіями просвѣщенной Германіи и вступать въ союзъ съ такими силами, которыя, въ свою очередь, заинтересованы въ застоѣ свободнаго изслѣдованія и свободной общественной жизни. До чего господствующій въ Германіи милитаризмъ извращаетъ основныя требованія справедливости и здраваго смысла, показываетъ дѣло Гинце. Отставной майоръ Гинце давно уже принимаетъ участіе въ парламентской дѣятельности и принадлежитъ къ партіи свободномыслящихъ (прогрессистовъ). Въ новый рейхстагъ онъ не былъ избранъ. Военное министерство, воспользовавшись этою неудачей, привлекло Гинце къ военному *суду чести* на слѣдующемъ основаніи. Майоръ-прогрессистъ былъ въ 1884 году оскорбленъ какимъ-то господиномъ и не вызвалъ его на дуэль, а обратился въ общій для всѣхъ гражданъ судъ. Затѣмъ Гинце въ распущенномъ рейхстагѣ и на общественныхъ собраніяхъ нерѣдко говорилъ противъ политики князя Бисмарка вообще и противъ военнаго септенната въ частности. *Судъ чести* запретилъ отставному майору Гинце носить военную форму и исключилъ его изъ офицерскаго списка.

По сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ, очевидно, что въ лицѣ Гинце привлечена была къ отвѣтственности оппозиція новому усиленію милитаризма, что майоръ-прогрессистъ подвергнулся карѣ именно за свои политическія убѣжденія. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же предоставляются человѣку политическія права? Если солдатъ и офицеръ, не состоящіе на дѣйствительной службѣ, могутъ (и должны) быть избирателями и депутатами, то почему же они не могутъ принадлежать къ той или другой изъ многочисленныхъ партій германскаго рейхстага? При существованіи всеобщей подачи голосовъ и всеобщей воинской повинности ясно, что въ числѣ избирателей не можетъ не быть значительнаго и все болѣе и болѣе возростающаго числа бывшихъ военныхъ. Устранить ихъ, стало быть, отъ участія въ политической жизни своего отечества невозможно, навязать же имъ всѣмъ угодныя князю Бисмарку убѣжденія по меньшей мѣрѣ нелѣпо. Тѣмъ не менѣе, попытки въ этомъ направленіи дѣлаются. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что современные нѣмецкіе порядки не возбуждаютъ въ насъ никакого сочувствія, что старое и вполнѣ законное уваженіе къ германской научной мысли и къ германскому художественному творчеству не усиливается, а ослабѣваетъ въ русскомъ обществѣ. Мы не раздѣляемъ злорадства, съ которымъ иной разъ отмѣчаются темныя явленія нѣмецкой жизни. Простой разсчетъ говоритъ, что въ жизни европейскихъ народовъ невзгоды одного отражаются пагубнымъ образомъ на другихъ, что ростъ милитаризма въ Германіи обусловливаетъ его усиленіе и повсюду въ нашей части свѣта. Но злорадства, о кото-

ромъ мы упомянули, больше въ нѣмецкой, чѣмъ въ русской печати. Германскія газеты съ наслажденіемъ указываютъ на многіе недостатки нашего общественнаго строя; онѣ радостно подчеркиваютъ неудачи нашей дипломатіи и въ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ успѣхъ ни въ чемъ не задѣлъ бы германскихъ интересовъ. Вотъ если бы Россія двинулась на буксирѣ имперскаго канцлера, тогда бы мы услышали не мало похвалъ. Мысль о союзѣ Россіи съ Франціей раздражаетъ германское общественное мнѣніе, и даже такая газета, какъ *Frankfurter Zeitung*, видитъ въ каждомъ согласномъ дѣйствіи нашего правительства и правительства Французской республики *интригу* противъ Германіи. Много злобныхъ замѣчаній раздалось по нашему адресу и вслѣдствіе протеста русскаго и французскаго пословъ въ Константинополѣ противъ англо-турецкаго соглашенія относительно Египта. И Россія, и Франція высказались противъ сепаратной конвенціи въ вопросѣ общеевропейскаго значенія. Обѣ эти державы не желаютъ признать за Великобританіей господствующаго положенія въ Египтѣ. Противъ конвенціи въ самой Англіи рѣшительно высказываются либералы, отвергающіе политику захвата и насилія. Какъ извѣстно, благодаря настояніямъ Россіи и Франціи, султанъ до сихъ поръ не ратификовалъ сочиненную Друммондомъ Вольфомъ конвенцію.

На основаніи всѣхъ фактовъ текущей жизни русское общественное мнѣніе не можетъ не относиться съ недовѣріемъ и антипатіей къ политикѣ князя Бисмарка. Политическій процессъ, недавно окончившійся въ Лейпцигѣ, служитъ новымъ подтвержденіемъ безпощадной жестокости и крайне узкаго національнаго эгоизма, которые отличаютъ нынѣшнихъ правителей нѣмецкаго народа. По справедливому замѣчанію *Temps*, въ Европѣ и въ самой Германіи лейпцигскій процессъ не называется иначе, какъ тенденціознымъ. Нѣсколько эльзасцевъ приговорены къ тюремному заключенію за то, что принадлежали къ французской *Лигѣ патріотовъ*. Съ такимъ же основаніемъ,—говоритъ *Temps*,—французскіе суды могли бы подвергнуть наказанію всѣхъ нѣмцевъ, живущихъ во Франціи и принадлежащихъ къ нѣмецкимъ военнымъ кружкамъ. Хотѣли покарать не отдѣльныхъ лицъ, а весь Эльзасъ за выборы въ рейхстагъ, окончившіеся полнымъ пораженіемъ всѣхъ правительственныхъ кандидатовъ. Новый законъ, проведенный въ рейхстагѣ и отмѣнившій въ несчастной провинціи избранія мэровъ, не въ состояніи, конечно, увеличить въ жителяхъ Эльзаса любви и уваженія къ завоевателямъ. *Temps* прибавляетъ, что не только честь, но и прямой интересъ требовали отъ Германіи милосердія и великодушія *). Но этими свойствами современные нѣмцы отличаются въ весьма слабой степени. Долгое время въ Германіи цвѣла умственная жизнь, создавались великія произведенія науки и искусства. За то не

*) „Il ne serait pas seulement de son honneur, mais encore de son intérêt, de se montrer clemente et généreuse. Là où elle montre et dénonce des coupables, l'opinion de toute l'Europe ne verra que des victimes“.

было единой Германіи. Стремленіе къ созданію крѣпкой связи между отдѣльными частями отечества шло и съ юго-запада, и съ сѣверо-востока. Побѣдило послѣднее теченіе, и Пруссія поглощаетъ теперь Германію. Какъ мѣщанинъ во дворянствѣ, нѣмцы особенно кичатся неожиданно для нихъ самихъ пріобрѣтенною репутаціей перваго военнаго государства въ Европѣ, и много добрыхъ нѣмецкихъ свойствъ заглушено этимъ милитаризмомъ. Будемъ надѣяться, что благотворный поворотъ не за горами.

Отмѣтимъ нѣсколько важныхъ фактовъ изъ внутренней жизни славянскихъ племенъ. Какъ извѣстно изъ газетъ, чехи задумали было торжественно отпраздновать юбилей своихъ *Соколовъ*, полу-гимнастическихъ, полу-военныхъ обществъ. Правительство сильно стѣснило программу празднествъ, опасаясь, вѣроятно, серьезныхъ столкновеній чеховъ съ богемскими нѣмцами. Но представители чешскихъ *Соколовъ* въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ продолжали свое путешествіе и прибыли въ Прагу. Пріемъ имъ оказанъ самый торжественный и сердечный. Нельзя безъ волненія читать описаніе радостныхъ народныхъ демонстрацій въ честь американскихъ гостей, сохранившихъ живую и крѣпкую связь съ далекою родиной. Эти демонстраціи вышли особенно своевременными теперь, когда обострился расколъ между старо-чехами и младо-чехами. Намъ приходилось уже говорить о томъ, что нельзя признать нормальными нынѣшнія условія политической жизни чешскаго народа. Чтобъ отстоять и укрѣпить элементарныя національныя права, вожди чеховъ вступили въ союзъ съ чешскою аристократіей и духовенствомъ, съ одной стороны, съ австро-нѣмецкими клерикалами и консерваторами—со другой. Цѣною многихъ и тяжелыхъ уступокъ чешскому клубу австрійскаго парламента удалось добиться значительной доли національнаго самоуправленія. Союзъ, повторяемъ, былъ ненормаленъ, но едва ли Палацкій, Ригеръ и ихъ друзья совершили ошибку: по всей вѣроятности, безъ поддержки аристократовъ, съ графомъ Кламъ-Мартиницемъ во главѣ, и безъ содѣйствія клерикаловъ и консерваторовъ, чехи не получили бы ничего, такъ какъ австро-нѣмецкіе либералы и слышать не хотятъ о равноправности славянъ съ нѣмцами.

Младо-чехи, предводимые Грегромъ, отвергаютъ уступки и компромиссы. Справедливо указывая на опасности того пути, по которому идутъ старо-чехи,—этихъ опасностей не теряютъ изъ вида и вожди этой партіи,—младо-чехи не въ состояніи, однако, указать практическихъ средствъ и способовъ для достиженія національныхъ цѣлей инымъ путемъ. Личное честолюбіе и личные счеты играютъ, вѣроятно, нѣкоторую роль въ борьбѣ этихъ двухъ партій, раздѣлившихъ чешскій народъ,—далеко не поровну, надо замѣтить: на сторонѣ Ригера стоятъ шестьдесятъ депутатовъ рейхстага, на сторонѣ Грегра—только четыре. Тѣмъ не менѣе, ожесточенный раздоръ между старо-чехами и младо-чехами можетъ принести не мало вреда чешскому народу. Онъ ослабляетъ значеніе чеховъ, какъ

политическаго фактора въ общей жизни Австро-Венгріи. Въ интересахъ славянскаго міра въ высшей степени желательно если не сліяніе этихъ двухъ партій,—едва ли возможное,—то, по крайней мѣрѣ, не враждебное ихъ другъ къ другу отношеніе. Покуда не достигнута главная національная задача, покуда чешскій народъ не добился вполнѣ достаточной автономіи и не обезпечилъ себя отъ стѣсненій и ограниченій, до тѣхъ поръ борьба изъ-за другихъ интересовъ и принциповъ должна, такъ сказать, лишь намѣчаться. Иначе можетъ произойти безцѣльная и вредная растрата силъ за дѣлежъ того достоянія, которое у побѣдителя все равно будетъ отнято въ случаѣ торжества нѣмецко-централизаторскихъ стремленій.

Подобныя же желанія вызываютъ въ русскомъ наблюдателѣ и болгарскія дѣла. Мы всегда относились съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ болгарскаго народа. Мы понимаемъ чрезмѣрную щекотливость молодаго племени, только что призваннаго къ самостоятельной политической жизни и склоннаго поэтому иной разъ въ вопросахъ совсѣмъ неважныхъ терять самообладаніе и оказывать несправедливость другому народу. Такую несправедливость болгары оказываютъ русскому народу. Нисколько не поступаясь національною автономіей, строго держась въ предѣлахъ конституціи, болгарское правительство могло бы сдѣлать нѣсколько уступокъ требованіямъ нашей дипломатіи. На ошибки послѣдней, съ разныхъ точекъ зрѣнія, указывала вся наша печать; но эти ошибки не составляютъ основанія относиться съ неуваженіемъ къ русскому народу, который въ дипломатическихъ ошибкахъ неповиненъ, а Болгарію, все-таки, освободилъ своею кровью и достояніемъ. Мы не видимъ, какіе интересы болгарскаго народа могли бы пострадать отъ его добраго отношенія къ русскому народу. Несомнѣнно, что, по ясному опредѣленію конституціи, нынѣшніе болгарскіе регенты не имѣли права занимать этихъ мѣстъ, на которыя по закону должны назначаться только бывшіе министры или предсѣдатели высшаго судебнаго установленія. Зачѣмъ было имъ созывать опять великое собраніе и выбирать въ князья Фердинанда Кобургскаго? Этотъ нѣмецкій принцъ отвѣтилъ, правда, согласіемъ на избраніе, но съ слѣдующею оговоркой: онъ готовъ посвятить свою жизнь счастію и благоденствію болгарскаго народа, какъ только избраніе будетъ принято Портою и признано державами. Обезпечило ли регентство это признаніе? Если нѣтъ,—что почти несомнѣнно,—то князя у болгаръ опять не будетъ. Не лучше ли было бы регентамъ подать въ отставку, а новому регентству произвести и новые выборы въ великое собраніе? Это вполнѣ удовлетворило бы требованіямъ русской дипломатіи и не принесло бы никакого вреда политической самостоятельности болгарскаго народа. Конечно, избирательный періодъ вызвалъ бы агитацію, тревогу, быть можетъ, даже безпорядки; да развѣ теперешнее положеніе вещей не есть организованный безпорядокъ? Мы думаемъ, что извѣстія о томъ давленіи, ко-

торое производилось при выборахъ въ великое собраніе, о тѣхъ насильственныхъ средствахъ, которыя пускало въ ходъ нынѣшнее болгарское правительство, чтобы добиться выбора преданныхъ ему депутатовъ,— сильно преувеличены. Какая же была опасность дать народу возможность вновь подтвердить свою волю? Намъ кажется,—мы и прежде говорили объ этомъ,—что болгарскіе регенты слишкомъ далеко зашли въ своемъ сопротивленіи Россіи, слишкомъ надѣются на свои силы и на поддержку со стороны Великобританіи, Австро-Венгріи и Германіи. Во всякомъ случаѣ, русскому публицисту нельзя не пожалѣть о случившемся и нельзя не выразить искренняго желанія, чтобы добрыя отношенія между княжествомъ Болгарскимъ и нашимъ отечествомъ возстановились какъ можно скорѣе. Россія ничего не выиграетъ отъ ослабленія болгарскаго народа, въ свою очередь, и болгарскій народъ только расточаетъ свои силы во внутренней борьбѣ, опасной для его политическаго развитія, положительно вредной въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Само собою разумѣется, что такое печальное положеніе вещей создано не однѣми ошибками нашей дипломатіи, но и вліяніемъ консервативнаго англійскаго кабинета, а также дружескими услугами князя Бисмарка, для котораго невыгодны вполнѣ хорошія и прочныя отношенія Россіи къ славянамъ Балканскаго полуострова. Невыгодно для имперскаго канцлера и усиленіе русскаго вліянія въ Сербіи, ставшее возможнымъ благодаря тому, что во главѣ министерства опять появился Ристичъ. Конечно, всего болѣе задѣты этою перемѣной кабинета австро-венгерскіе интересы. Успокоительныхъ заявленій Ристича оказалось недостаточно, и король Миланъ самъ отправился въ Вѣну, чтобъ оправдать свой образъ дѣйствія въ глазахъ австро-венгерскихъ государственныхъ людей и завѣрить ихъ, что отставка Гарашанина, вызванная общественнымъ мнѣніемъ Сербіи, не вызоветъ неблагопріятнаго для Австро-Венгріи измѣненія въ сербской политикѣ. Въ Вѣнѣ обласкали встревоженнаго собственною смѣлостью короля и признали, что смѣлость эта была вынужденною. Тѣмъ не менѣе, австрійская печать относится къ торжественнымъ заявленіямъ Милана съ большою осторожностью и не можетъ не выражать сожалѣнія, что Сербія нѣсколько высвободилась отъ чрезмѣрной мадьяро-нѣмецкой опеки, тогда какъ съ русской точки зрѣнія можно только пожелать усиленія самостоятельности всѣхъ славянскихъ племенъ.

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Іюль **1887 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Бездольная“. *Глаголова.*—„Въ стольномъ городѣ Кіевѣ“. *Николая Нѣжаты.*—„Въ мастерской“. *А. Таранцова.*

Бездольная. Эскизы изъ „Хроники одного семейства“. Глаголова. Изданіе-собственность М. О. Кратчъ. Москва, 1887 г. Цѣна 1 руб. На 343 страницахъ авторъ тянетъ необыкновенно скучную канитель изъ „хроники“ не одного семейства, а двухъ семействъ; сначала онъ разсказываетъ про семью героини, имѣющей изобразить собою *бездольную*, потомъ семью героя, жизненная доля котораго ничуть не завиднѣе участи его *бездольной* жены. Все это расписано очень пространно, со множествомъ ненужныхъ подробностей, эпизодическихъ отступленій и лирическаго пустословія. Свою исторію онъ начинаетъ задолго „до француза“, какъ говорилось лѣтъ шестьдесятъ назадъ, т.-е. до нашествія Наполеона въ 1812 году, и кончаетъ нашимъ временемъ, семидесятыми годами. „Обездоленность“ героини Паши, или впослѣдствіи Прасковьи Петровны, происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что ея родители жили своимъ трудомъ и не оставили ей никакого состоянія въ наслѣдство, а она вышла замужъ за человѣка небогатаго, жившаго службой и не бравшаго взятокъ. Само собою разумѣется, жизненный путь Паши, довольно длинный, отъ „француза“ до нашихъ дней, не былъ усыпанъ розами и всякихъ терній было на немъ изрядное количество, приблизительно такое же, какое встрѣчается на пути всякой дочери „бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“, вышедшей замужъ за бѣднаго, но честнаго чиновника, и ставшей въ свое время матерью болѣе или менѣе многочисленнаго семейства, въ которомъ, какъ то гласитъ старая поговорка, „не безъ урода“. Только на жизненный пай *бездольной* Прасковьи Петровны судьба дала идеальныхъ родителей, потомъ послала прекраснѣйшаго мужа, нѣжно ее любящаго и ею любимаго, прекраснѣйшаго сына, который боготворитъ свою мать, добрыхъ, искренно преданныхъ ей друзей,—словомъ, все, что жизнь

краситъ и даетъ человѣку счастье. Терніи въ жизни героини состояли въ томъ, что ея свекровь была женщина своенравная и сварливая, что у Паши умеръ старшій сынъ двухъ лѣтъ, что жили они съ мужемъ не богато, что овдовѣла она лѣтъ подъ сорокъ и пришлось ей жить еще бѣднѣе, хотя и не въ нищетѣ, и, наконецъ, что одинъ изъ ея сыновей сдѣлался пьяницей и своими безобразіями причинялъ ей много горя. Конечно, жить съ сварливою свекровью тяжело, но Паша ушла отъ нея вмѣстѣ съ мужемъ на четвертый годъ своего замужества; она могла это сдѣлать много раньше: и на четвертый мѣсяцъ, и на четвертый день; ребенка и особливо первенца потерять горько, но Паша имѣла утѣшеніе въ томъ, что у нея родились вскорѣ другія дѣти и премилыя; видѣть на старости лѣтъ одного изъ сыновей спившимся и буйнымъ негодяемъ—большое несчастіе. Но, при всемъ этомъ, мы героиню г. Глаголова не можемъ считать *бездольною*, ибо видимъ на каждомъ шагу множество женщинъ не въ примѣръ болѣе ее обездоленныхъ судьбою, не знающихъ въ жизни ни свѣта, ни радости. Говорятъ: отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ; и этотъ шагъ особенно малъ тамъ, гдѣ приходится опредѣлить границу между великимъ горемъ, несчастіемъ дѣйствующаго лица и его комическимъ положеніемъ. Тутъ все дѣло—въ мѣрѣ и въ способѣ внѣшняго выраженія. Малѣйшее преувеличеніе вызываетъ уже не сочувствіе, а улыбку, переходящую въ смѣхъ и хохотъ, когда булавочные уколы принимаются дѣйствующимъ лицомъ за неизлечимыя раны. Смѣхъ надъ такимъ комическимъ героемъ превращается въ смѣхъ надъ авторомъ, когда этотъ послѣдній bona fide изображаетъ булавку смертоноснымъ орудіемъ и самъ впадаетъ и заставляетъ своихъ героевъ впадать въ трагическій тонъ тамъ, гдѣ нѣтъ къ этому достаточныхъ причинъ. Именно это-то и дѣлаетъ г. Глаголовъ на каждомъ шагу. А затѣмъ, когда наступаютъ дѣйствительныя страданія, тогда автору приходится или повторять то же, что уже происходило изъ-за пустаго дѣла, или натуживаться и пускаться въ дальнѣйшія преувеличенія. То и другое мы видимъ въ произведеніи г. Глаголова. Когда же, въ концѣ-концовъ, надо подводить итоги, завершить сумму всѣхъ страданій, всѣ краски оказываются израсходованными и для выраженія смертельнаго горя не остается ничего такого, чего бы авторъ не пускалъ уже въ ходъ по поводу болѣе или менѣе мелкихъ жизненныхъ случаевъ. Въ результатѣ получается множество повтореній, нагоняющихъ огромную скуку на читателя. Настоящимъ же комизмомъ г. Глаголовъ совсѣмъ не обладаетъ, и потому всѣ сцены и лица, которымъ авторъ желалъ придать забавный характеръ, вышли совсѣмъ неудачными и нисколько не смѣшными. Къ этому слѣдуетъ добавить: недостатокъ цѣльности и связности въ повѣствованіи, отсутствіе всякаго интереса въ фабулѣ, большую растянутость въ передачѣ ничтожнѣйшихъ событій, ничѣмъ не связанныхъ съ тѣмъ, что, иначе разсказанное, составило бы существо дѣла, и, наконецъ, такой языкъ, какимъ писали при Карамзинѣ. Нижеслѣдующій образчикъ дастъ читателю нѣкоторое понятіе обо всемъ сочиненіи г. Глаголова: „Стоны, плачъ и скрежетъ зубовный виситъ въ гниломъ, промозгломъ воздухѣ этого міра, который весь стоптъ на томъ, что прячется надземнаго свѣта. И только тамъ, въ самой сердцевинѣ земнаго шара, рокочетъ, полная мощи, огне-жидкая масса, точно негодуя, что и она, эта великая сила, не вѣдаетъ воли, лишена простора, несетъ неволю и до конца этого міра, огню

блюдомому, не будетъ знать выходу, заключенная въ такія омерзительныя наслоенія, что зовется корою земли... И что же манитъ, приковываетъ, заставляетъ любить эту страшную земную жизнь, когда всюду носится и на землѣ, и въ нѣдрахъ ея тотъ же всесокрушающій гигантскій кулакъ", и т. д. на цѣлыхъ и на многихъ страницахъ. И все это—„скрежетъ", „огне-жидкая масса", „міръ, огню блюдомый" и „омерзительныя наслоенія", и преогромный „кулакъ въ нѣдрахъ" земли, и многое множество иныхъ цвѣтовъ празднословія—нагорожено авторомъ по поводу переѣзда его *бездольной* героини изъ старой квартиры, къ которой она привыкла, въ новую, къ которой ей привыкать придется!... Или еще такое разглагольствованіе по случаю благополучнаго рожденія у Прасковьи Петровны втораго сына: „Хорошо цвѣтику на полѣ, любо пташечкѣ на небѣ, но лучше, *любѣе*, чѣмъ имъ, живется младенцу у родной матери, беззавѣтно отдавшей всю себя на великое дѣло его воспитанія. И только человѣку, при началѣ его жизни, вѣрнымъ хранителемъ и незамѣнимымъ другомъ поставилъ Господь безконечную силу—любовь, какая могла еще быть на землѣ, и эту силу любовь назвалъ Онъ мать. И горе тому, кто долженъ былъ рости безъ нея... горе тому! Но больше горя тому, кто ухитрился самъ бѣжать отъ нѣжныхъ взоровъ родителей, какъ звѣрь лѣсной, почуя въ себѣ свою дикую волю и силу". Слишкомъ страница въ такомъ же родѣ заканчивается слѣдующею тирадой: „Страшно! но такова, вѣдь, земля, не вразумленная всеобщимъ потопомъ, не устыдившаяся даже той крови, что обильно лилась, для ея же искупленія, съ креста неподражаемой Любви". Подобнымъ перламъ элоквенціи г. Глаголовъ отвелъ добрую половину своей книги. Нужно очень много терпѣнія на то, чтобы прочитать ее до конца, хотя бы даже съ большими пропусками.

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ. Сцены изъ жизни богатырей. Николая Нѣжаты. Спб., 1887 г. Цѣна 1 р. 50 к. Мы ничего не имѣемъ сказать противъ переложенія русскихъ былинъ въ форму драматическихъ произведеній, какъ то пытался сдѣлать г. Нѣжата; но самую попытку эту не можемъ признать вполнѣ удачною. Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Относительно исторической правды я считаю себя неповиннымъ потому, что руководствовался единою правдой, доступной при воспроизведеніи столь отдаленной эпохи,—правдой живой души, воспроизведеніе которой зависитъ отъ силы таланта пишущаго. Цѣль моя будетъ достигнута, если мнѣ удастся оживить въ памяти читателя представленіе объ этомъ интересномъ времени, которое въ жизни русскаго народа оставило неизгладимые слѣды, оживить народное творчество, что равно оживленію народнаго самосознанія". Въ первой изъ приведенныхъ нами фразъ авторъ самъ сознается въ томъ, что въ своихъ переложеніяхъ отступилъ отъ „исторической правды", т.-е. отъ подлиннаго содержанія самихъ былинъ, и приводитъ въ свое оправданіе соображеніе о „правдѣ живой души". Такое оправданіе, по нашему мнѣнію, недостаточно, такъ какъ и въ былинахъ есть та же „правда живой души"; но тамъ эта „правда" является такою, какою понималъ ее народъ, создавшій былины, въ переложеніи же г. Нѣжаты она является такою, какою понимаетъ ее г. Нѣжата. Какая „правда" лучше, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Писатель исторической драмы можетъ отступать отъ исторической, документальной правды ради правды художественной и даже ради достиженія чисто-практической цѣли, для того, чтобы изъ данной эпохи и

на основѣ извѣстнаго события создать драму, пригодную для сцены, и тѣмъ сдѣлать историческое событіе, лица, въ немъ участвовавшія, и характеръ отдаленной эпохи доступными и понятными для народной массы, которой настоящая исторія недоступна. Такъ поступали Шекспиръ, Шиллеръ, Викторъ Гюго, Пушкинъ, гр. А. Толстой, Хомяковъ, Островскій и всѣ писатели историческихъ драмъ и драматическихъ хроникъ; то же сдѣлалъ Глинка въ *Русланѣ* и *Жизни за царя*... И этого-то именно и не сдѣлалъ г. Нѣжата въ своихъ переложеніяхъ русскихъ былинъ. Его драматизированныя былины не „оживляютъ въ памяти читателя представленія объ интересномъ времени“ князя Владиміра-Красное солнышко, не переносятъ въ стольный городъ Кіевъ, въ эпоху богатырей и дѣвъ-поляницъ. Въ его очень гладкихъ и иногда звучныхъ бѣлыхъ стихахъ нѣтъ и тѣни чего-либо архаическаго, способнаго „оживить“ въ представленіи читателя стародавнія времена. Нѣтъ ничего архаически-былиннаго и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ переложеніяхъ г. Нѣжаты они вышли безцвѣтнѣе, много слабѣе, чѣмъ въ оригиналахъ. И все это нисколько не оправдывается и не выкупается драматизмомъ положеній, т.-е. тою именно стороной дѣла, ради которой допустимо отступленіе отъ такъ называемой исторической правды, тою стороной, въ которой художественная правда, становясь на мѣсто лѣтописной и былинной, „оживляетъ“ цѣлую эпоху со всѣми ея бытовыми и этическими особенностями.

Въ книгѣ г. Нѣжаты помѣщены четыре переложенія: 1) Алешинъ грѣхъ, 2) Владиміръ-князь тѣшится, 3) Запава Путятишна (племянница князя Владиміра), 4) Илья Богатырь. Указавши на слабыя стороны этихъ сценъ, мы считаемъ своею обязанностью отмѣтить и то, что̀ въ нихъ есть дѣйствительно прекраснаго и достойнаго всякой похвалы. Это—вѣрность идеѣ былинъ, что̀ съ особенною силой выразилось въ послѣдней сценѣ, озаглавленной именемъ *Ильи*, великаго бойца за Русскую землю, за правду по-божьи, какъ искони вѣковъ понимаетъ ее русскій народъ. Хитрые совѣтники-царедворцы, разбогатѣвшіе неправдами, искусившіеся во всякихъ греческихъ хитростяхъ, смущаютъ князя тѣмъ, что будто въ любви кіевлянъ къ старымъ обычаямъ таится ихъ приверженность къ язычеству, а въ тѣхъ порядкахъ, которыми управляется Кіевъ и Свято-Кіевская земля, кроется и ростетъ крамола противъ власти великаго князя. То лестью, то указаніями на византійскіе порядки, то клеветою на родную землю и народъ эти злые и своекорыстные люди успѣваютъ поселить раздоръ между княземъ, прозваннымъ Красное-солнышко, и преданнымъ ему народомъ. „Ласковый“ князь омрачается, дѣлается суровымъ, съ его пировъ исчезаетъ веселье, его дворъ пустѣетъ, славные богатыри отъѣзжаютъ въ дальніе города. Подъ предлогомъ истребленія крамолы, лукавый совѣтникъ князя, тайно отъ него, запираетъ „лучшихъ“ кіевскихъ людей въ подвалъ и туда же обманомъ заманиваетъ богатыря Илью, старавшагося возстановить правду, добрыя отношенія князя къ народу, убѣдить государя въ томъ, что его народъ преданъ ему, чуждъ всякой крамолы и готовъ всею силою своей охранять его власть и неразрывную связь своего князя съ землею. Въ отсутствіе богатырей и при недовѣріи къ народу, злые совѣтники увѣрили князя въ томъ, что для охраненія его власти и для подавленія народа, якобы замышляющаго мятежи, можетъ всего лучше служить наемная дружина иноземцевъ. Когда до свѣдѣнія князя Владиміра доходитъ, что любимый богатырь, предан-

нѣйшій другъ Илья, и „начальные“ люди кіевскіе заперты въ заключеніе, великій князь гнѣвается и приказываетъ ихъ тотчасъ же освободить. Но хитрые царедворцы противятся волѣ князя и представляютъ ему дѣло въ такомъ видѣ, что освобожденіе заключенныхъ будетъ принято кіевлянами за сознаніе княземъ своей вины передъ ними и даже за доказательсто трусости князя, отчего „крамола“ еще выше подниметъ голову и усилится. Князь вынужденъ уступить такимъ доводамъ, хотя душа его и скорбитъ о совершающейся неправдѣ. Дочь князя, Любуша, крестница Ильи, тайно освобождаетъ богатыря. Въ такомъ положеніи застаетъ Свято-Кіевскую землю нашествіе печенѣговъ. Наемная дружина, почуявши возможность грабежа, передалась врагамъ. За нею измѣнилъ и ушелъ къ печенѣгамъ и лукавый царедворецъ, Будиміръ, дававшій князю злые совѣты и теперь считающій неизбѣжною гибель своего государя и разгромъ родной земли. Все готово рухнуть подъ напоромъ торжествующей орды. Но вотъ является Илья, подъ видомъ калики-перехожаго зорко слѣдившій за событіями; онъ уже успѣлъ оповѣстить другихъ богатырей. Какъ орлы слетѣлись они на защиту Русской земли, подъ знамя своего „свѣтъ-князя“ Владиміра, подняли духъ народа и прогнали врага, забрали большой „полонъ“ и захватили измѣнника Будиміра. Великій князь отдаетъ его на судъ Ильи. Богатырь отпускаетъ злодѣя и говоритъ:

„...Уходи!
Безумныхъ князь не судитъ! Забери
Съ собой добро, нажитое обманомъ,
Наемниковъ и купленныхъ рабовъ,—
Плыви туда, къ далекой Византіи,
Гдѣ жизнь не та и правда у людей
Не въ сердцѣ, а въ написаномъ законѣ,—
Не въ жизни, а въ преданьи мудрецовъ.
Ступай!...“

Народъ ликуетъ, славитъ князя, княгиню, его супругу, княжну Любушу и всѣхъ богатырей. Между этимъ добрымъ народомъ и его „ласковымъ“ княземъ опять возстановленъ союзъ любви и свободное довѣріе, которымъ Русская земля сильна, славна и страшна врагамъ. Разсѣялись тучи навѣтовъ хитрыхъ царедворцевъ, пугавшихъ великаго князя измышленною ими крамолой, и опять засіяло Красное-солнышко русской земли. Таковъ смыслъ сценъ *Илья Богатырь*; но при всей своей вѣрности былинѣ, по идеѣ, эти сцены далеки отъ былинъ по духу и языку, въ чемъ и заключается главный недостатокъ переложеній г. Нѣжаты.

Въ мастерской. Изъ записокъ русскаго ремесленника. Очерки А. Таранцова. Изд. ред. „Ремесленней Газеты“. Москва, 1877 г. Цѣна 30 коп. Книжка эта написана въ живой и легкой беллетристической формѣ довольно хорошимъ литературнымъ языкомъ. Авторъ разсказываетъ всѣ мытарства и страданія, какія переживаетъ у насъ „мальчикъ“, отданный къ мастеру „въ ученье“ ремеслу. Самъ разскащикъ предназначался отцомъ, военнымъ писаремъ, въ ремесло фортепьянное, но не попалъ потому, что отецъ не сошелся съ хозяиномъ въ условіи относительно теплаго пальто на зиму, и одиннадцатилѣтній Саша, благодаря этому, повидимому, ничтожному, обстоятельству поступилъ въ башмачную мастерскую нѣкоего Авдѣева ученикомъ по контракту на пять лѣтъ. Тутъ Саша прошелъ всю безпощадную выучку ремеслъ и всю школу ремесленной нравственности, отъ разсказовъ

о которой у человѣка, съ нею незнакомаго, щемитъ сердце. „Здѣсь,— говоритъ авторъ,—передо мною стала постепенно приподниматься завѣса, за которой царитъ вѣчная темнота бытовой ремесленной жизни, съ ея мерзостью, нравственною грязью и удушливою атмосферой, которыя постороннему наблюденію не поддаются: чтобы узнать ея прелесть, нужно самому пожить этою жизнью. Ученикъ, окунувшійся въ такое болото, какіе бы нравственные задатки ни получилъ въ семьѣ, скоро лишается ихъ и совершенно стушевывается въ окружающей его средѣ“... Помѣщеніе—хуже, чѣмъ для скота у хорошаго хозяина, одежда—не лучше пищенской, кормъ—собачій, голодъ, холодъ и безпощадные побои отъ хозяина, хозяйки, подмастерьевъ и старшихъ учениковъ,—побои безъ конца, чѣмъ попало и по чемъ попало, за дѣло и безъ дѣла, съ пьяну, съ похмѣлья, съ досады и ради потѣхи. Двое подмастерьевъ придумываютъ, напримѣръ, отъ скуки такую игру: Иванъ беретъ ученика Петра, а Петръ—ученика Ивана; каждый вооружается ремнемъ и на пари бьетъ несчастнаго ребенка; чей „мальчикъ“ первый заплачетъ, тотъ подмастерье проигрываетъ. Игра эта называется игрою „въ спинку“. На жестокость, на отсутствіе одежды и обуви, на голодъ жаловаться некуда, такъ какъ ремесленная управа, вѣдающая эти дѣла, состоитъ изъ ремесленниковъ-хозяевъ; порядки у всѣхъ одинаковые и жалобщика ждетъ еще горшее истязаніе. Авторъ передаетъ такой случай: на раздирающіе душу крики ребенка сбѣжалась толпа къ двору башмачника Кацапова и вотъ что увидала: „въ глубинѣ двора стоялъ столбъ, и на этомъ столбѣ, привязанный къ нему веревками, висѣлъ ребенокъ лѣтъ одиннадцати. Голова его была склонена на правое плечо, ротъ полуоткрытъ; онъ уже не двигался, и только по глазамъ его, дико испуганнымъ и умоляющимъ, видно было, что онъ еще живъ. Остервенившійся хозяинъ колотилъ его сплеча, по чемъ попало, желѣзною цѣпью, болѣе аршина длиной“. Мальчика отняли и отправили въ больницу. „Мать несчастнаго ученика ходила куда-то жаловаться на Кацапова, куда-то его два раза вызывали; *но гласнаго суда тогда не было, и дѣло замяли*“... „Мальчикъ былъ вылеченъ, но остался хромымъ навѣки и, по выходѣ изъ больницы, *былъ отданъ въ мастерскую того же Кацапова*“. Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ авторъ, только и была одна гроза на хозяевъ: это—подмастерье портняжнаго цеха, по прозванью Калмыкъ, „защитникъ унижаемыхъ и оскорбляемыхъ“. Способъ же его защиты былъ такой: всѣ обиженные, подмастерья и ученики, шли съ жалобами къ Калмыку. Въ воскресенье онъ производилъ расправу съ обидчикомъ, становился противъ его квартиры или магазина посереди улицы и честилъ хозяина самою непечатною бранью. Кругомъ собиралась, конечно, толпа. Калмыкъ, продолжая ругательства, въ сопровожденіи публики, всходилъ на крыльцо и выкрикивалъ всю подноготную про караемаго имъ въ присутствіи его семьи и толпы. Калмыкъ былъ необыкновенно силенъ и прогнать его не было возможности. Являлась полиція и отправляла обличителя въ кутузку, куда онъ шелъ безпрекословно. Вернувшись изъ-подъ ареста на другой или на третій день, онъ повторялъ ту же исторію. Пробовали хозяева откупаться отъ него деньгами, но безъуспѣшно,—онъ былъ неподкупенъ. За неимѣніемъ другихъ средствъ обличенія и воздѣйствія на общественное мнѣніе, способъ Калмыка оказывался единственнымъ и дѣйствительнымъ для обузданія хозяевъ. Въ мастерскихъ, содержимыхъ евреями, по словамъ автора, было во

всѣхъ отношеніяхъ хуже, чѣмъ у русскихъ хозяевъ. Помимо всякихъ жестокостей, оскорбленій и всевозможныхъ пріемовъ эксплуатаціи рабочихъ, въ мастерскихъ евреевъ существовалъ такой порядокъ: на харчи подмастерьямъ полагалось 25 коп. въ сутки. Хозяинъ не показывается до 12 час. Голодные подмастерья занимаютъ у сыновей хозяина, до прихода „папеньки", по 20 коп., съ тѣмъ, чтобы по его приходѣ заплатить 25 коп., „а въ обезпеченіе долга заимодавецъ беретъ какую-нибудь вещь". Это дѣлается, разумѣется, съ одобренія „папеньки", который съ гордостью похваляется досужествомъ дѣтокъ. Въ концѣ книжки авторъ только вскользь говоритъ о женскихъ модныхъ мастерскихъ и совсѣмъ не касается женскихъ мастерскихъ другихъ цеховъ. Очень было бы желательно, чтобы кто-нибудь, такъ же хорошо знакомый съ своеобразными ужасами, приктикуемыми хозяйками и, особливо, хозяевами надъ безпомощными малолѣтними дѣвочками, приподнялъ бы для публики „завѣсу, за которой царитъ вѣчная темнота", скрывающая возмутительныя, ужасающія дѣла.

Въ заключеніе авторъ возлагаетъ большія надежды на распространеніе грамотности и, вообще, на образованіе. „Больше свѣта нужно,— говоритъ онъ,—для тѣхъ, кому суждено быть ремесленниками". Да, правда, „свѣта, больше свѣта нужно" для всѣхъ, а не для однихъ ремесленниковъ, но не одного свѣта грамотности и не одной книжной выучки. Нуженъ еще и другой „свѣтъ", отъ котораго бы разсѣялась „вѣчная темнота бытовой ремесленной жизни", нуженъ свѣтъ гласности, который бы сдѣлалъ излишними сквернословныя „обличенія" Калмыка,—нужна иная, серьезная защита унижаемыхъ и эксплуатируемыхъ, истязуемыхъ и развращаемыхъ несчастныхъ дѣтей. А это можетъ быть сдѣлано только дружными усиліями государства и общества. Книжка г. Таранцова читается съ большимъ интересомъ и, если на нее будетъ обращено вниманіе, какого она заслуживаетъ, можетъ сослужить добрую службу русскому народу.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ". *С. Венгерова.* — „Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина". *В. Зелинскаго.*— „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи". *Н. Ремезова.*

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. Венгерова. Выпуски 4—6. Спб., 1887 г. Эти три выпуска *Словаря*, составляемаго г. Венгеровымъ, посвящены Аксаковымъ. О первыхъ трехъ выпускахъ громаднаго труда, предпринятаго г. Венгеровымъ, мы дали въ свое время отзывъ. Наиболѣе мѣста составитель *Словаря* отводитъ Константину Сергѣевичу Аксакову, и эта статья полна интересными и цѣнными данными. Г. Венгеровъ отнесся къ знаменитому славянофилу съ большимъ безпристрастіемъ и тактомъ, съ привлекательнымъ уваженіемъ къ уму и нравственной чистотѣ дѣятеля чужаго для г. Венгерова лагеря. У насъ такое отношеніе, къ сожалѣнію, составляетъ рѣдкое явленіе, и мы сочли своимъ долгомъ его отмѣтить. Г. Венгеровъ указываетъ на то, что славянофилы и ихъ наиболѣе даровитые поэты въ частности (то-есть А. С. Хомяковъ и И. С. Аксаковъ) задолго до движенія шестидесятыхъ годовъ рѣшительно отвергали, что поэты должны существо-

вать для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Стихотворенія К. С. Аксакова также носятъ публицистическій характеръ, но поэтическаго мало даже въ лучшихъ изъ нихъ. Г. Венгеровъ приводитъ нѣсколько образцовъ и въ томъ числѣ восторженное стихотвореніе во славу свободной печати и слова, кончающееся такими строками:

О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной, —
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жь и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Въ критическихъ статьяхъ К. С. Аксакова, которыя появились въ концѣ пятидесятыхъ годахъ, звучатъ тѣ же публицистическія нотки, тѣ же утилитарныя требованія отъ литературы. Общественный элементъ, говоритъ, напримѣръ, Аксаковъ по поводу *Губернскихъ очерковъ* М. Е. Салтыкова, есть существенный элементъ литературы нашей. Замѣтимъ, однако, г. Венгерову, что К. С. Аксакову *Губернскіе очерки* казались „не“ произведеніемъ искусства, а ораторскою рѣчью, весьма важною, весьма полезною. Поэтому не совсѣмъ точно приписывать знаменитому публицисту утилитарный взглядъ на искусство.

Статья о К. С. Аксаковѣ еще не кончена въ шестомъ выпускѣ *Словаря* г. Венгерова, и мы, быть можетъ, еще возвратимся къ ней впослѣдствіи. Замѣтимъ теперь же, что критикъ называетъ историческіе взгляды Аксакова значительными, открывавшими новые и обширные горизонты. Формулируетъ ихъ г. Венгеровъ слѣдующимъ образомъ: 1) укладъ первоначальной русской жизни былъ не родовой, а общинно-вѣчевой; 2) русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятіе „земли“ отъ понятія о государствѣ; 3) древне-русская, до-петровская исторія представляетъ собою картину высокоидеальныхъ общественныхъ отношеній; 4) русскій народъ есть носитель спеціально ему присущихъ высокихъ доблестей, которыя отводятъ ему особенно важное и почетное мѣсто во всемірной исторіи.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Составилъ В. Зелинскій. Часть вторая. М., 1887 г. Неутомимый г. Зелинскій продолжаетъ печатать свои сборники критико-библіографическихъ статей о важнѣйшихъ нашихъ писателяхъ. Вторая часть сборника статей о Пушкинѣ заключаетъ въ себѣ „критику двадцатыхъ годовъ“. Многіе прочтутъ критическія замѣтки, написанныя болѣе полувѣка тому назадъ, съ большимъ интересомъ. По поводу произведеній Пушкина ставились тогда и обсуждались эстетическіе и общественные вопросы, сохранившіе свою важность и въ наше время. Многое, конечно, и устарѣло, какъ по содержанію, такъ и по формѣ; но интересно и это устарѣлое, характеризующее литературные нравы двадцатыхъ годовъ и степень достигнутаго въ то время русскимъ обществомъ (его передовою частью) умственнаго развитія.

Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Быль въ сказочной странѣ. Н. В. Ремезова. Москва., 1887 г. Цѣна 1 р. (Складъ изданія у автора въ Смоленскѣ). Книга эта въ высокой степени интересна и поучительна. Въ ней разсказываются такія невѣроятныя *были*, что повѣствованія автора можно было бы принять за вымыслы и сказки,

если бы Н. В. Ремезовъ не называлъ полными именами героевъ этихъ былей, если бы онъ не приводилъ оффицiальныхъ документовъ, подтверждающихъ его разсказы, съ указанiемъ года, мѣсяца, числа, номера и мѣста, гдѣ документъ совершенъ. Все это авторъ скрѣпляетъ подписомъ своего полнаго имени и фамилiи, съ указанiемъ своего теперешняго мѣста жительства—въ Смоленскѣ. Это весьма поучительно и достойно полнаго сочувствiя. У насъ нерѣдко появляются въ печати разныя обличенiя то „благотворительной" дѣятельности нѣкоторыхъ петербургскихъ обществъ, то дурныхъ порядковъ въ *какой-то* „консерваторiи", то, наконецъ, частныхъ лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и совершавшихъ предосудительные поступки. Но, въ большинствѣ случаевъ, такiя „обличенiя" настолько замаскированы вымышленными названiями мѣстъ, учрежденiй и дѣйствующихъ лицъ, что отнюдь не достигаютъ желательной цѣли—раскрытiя общественныхъ безобразiй и частныхъ „воровскихъ дѣлъ", выражаясь старо-московскимъ приказнымъ языкомъ. Въ такой формѣ обличенiя непонятны для массы читателей, производятъ извѣстное впечатлѣнiе въ небольшомъ кружкѣ посвященныхъ, имѣющихъ возможность подъ вымышленныя имена и иногда событiя подставлять настоящiя имена и истинныя происшествiя. Такiя обличенiя производятъ нѣкоторый переполохъ въ средѣ самихъ обличаемыхъ; но пользы приносятъ очень мало, почти никакой не приносятъ, такъ какъ, по своему общественному значенiю, они не отличаются отъ сплетни, а въ литературномъ приближаются къ пасквилю, часто же являются и настоящими пасквилями. Бывало, что сочинителей подобныхъ пасквильныхъ писанiй обиженные привлекали къ суду и обвиняли въ „диффамацiи". Только и это случалось рѣдко, потому что авторы подписывали свои произведенiя вымышленными именами, а съ другой стороны—и потому, что затронутыя лица не желали сами идти въ судъ и доказывать, что брошенная въ нихъ грязь именно для нихъ предназначалась: у нѣкоторыхъ и въ самомъ дѣлѣ совѣсть могла быть не совсѣмъ чиста, другiе просто не желали *срамиться*, такъ какъ, доказавши даже свою непричастность къ мерзостямъ, взведеннымъ на нихъ и на близкихъ, они тѣмъ самымъ помогли бы наибольшему оглашенiю о нихъ клеветы и сплетни; а извѣстно—отъ всякой сплетни и клеветы кое-что, все-таки, пристаетъ и къ неправильно-оклеветанному: „il en reste toujours quelque chose". Совсѣмъ иная статья обличенiя г. Ремезова. Въ предисловiи онъ пишетъ: „Выпуская настоящую книгу, я долженъ сказать, что въ ней нѣтъ ничего вымышленнаго, разсказаны все голые факты съ сохраненiемъ подлинныхъ именъ, мѣстъ и лицъ... Противъ моихъ очерковъ не было ни одного опроверженiя ни въ одной газетѣ, а тѣмъ паче какого-либо процесса"... И это,—заключаетъ авторъ,—доказываетъ, „насколько очерки истинны и факты несомнѣнны". Доказательство вполнѣ убѣдительно, ибо всякiй, названный по имени и печатно обвиненный въ „воровскомъ" дѣлѣ, если онъ сколько-нибудь дорожитъ своимъ именемъ, обязанъ доказать свою непричастность къ „воровскимъ" дѣламъ, или, по меньшей мѣрѣ, потребовать отъ обвинителя доказательствъ своей къ нимъ причастности. Въ этомъ разѣ молчанiе есть несомнѣнный знакъ согласiя, молчаливаго сознанiя въ справедливости обвиненiя, и обвиняемый долженъ быть признанъ „уличеннымъ". Въ такомъ именно положенiи находятся теперь всѣ герои разсказовъ г. Ремезова, каждый въ мѣру своего досужества пограбившiй „сказочную страну" „дикой Башкирiи", т.-е. Оренбургско-Уфим-

скій край. Молчитъ графиня Коссаковская и ея „дѣльный“ управляющій Зорковъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, молчатъ купцы Петровы въ Бирскомъ уѣздѣ, княгиня Вяземская и распорядители ея имѣніями въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, молчатъ: Александръ Григорьевичъ Бунаковъ, воротила Златоустовскаго уѣзда, изъ присутственныхъ мѣстъ котораго выкрадено цѣлое дѣло, для Бунакова неудобное, князь Александръ Іововичъ Кугушевъ, бывшій предводителемъ уфимскаго дворянства, и того же уѣзда мировой судья Гутонъ... и множество другихъ лицъ, обличаемыхъ авторомъ въ грабежахъ. А какъ они грабили, видно изъ того, напримѣръ, что купецъ Уткинъ пріобрѣлъ по купчей крѣпости въ 1874 г. 50,000 дес. земли за 8,000 руб., т.-е. по *16 коп.* за десятину; но и этого мало: въ границахъ, означенныхъ въ купчей, не 50, а 100 тысячъ дес., и земля, стало быть, обошлась по 8 коп. десятина! Нѣтъ, мало и этого: Уткинъ заложилъ эту самую дачу въ саратовско-симбирскій земельный банкъ за 100 тысячъ руб., т.-е. взялъ противъ покупной цѣны 92 тысячи барыша. Кончилась эта исторія, какъ и слѣдовало ожидать: Уткинъ выбралъ изъ имѣнія, сколько успѣлъ, и банку ничего не заплатилъ. Теперь неправильно купленная земля осталась на рукахъ банка. Башкиры ограблены и банкъ тоже. Еще возмутительнѣе покупка Уткинымъ другихъ 100 тысячъ дес., при дѣятельномъ пособничествѣ мироваго посредника Фока, уфимской палаты уголовнаго и гражданскаго суда и многихъ лицъ, участвовавшихъ въ подлогахъ и насиліяхъ надъ продавцами-башкирами, совсѣмъ не желавшими продавать землю. И, все-таки, купчая крѣпость совершена въ соединенной палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда вопреки рѣшеніямъ губ. присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и сената, земля введена Уткину во владѣніе, лѣсъ расхищенъ, дача заложена въ тотъ же банкъ... И Уткинъ отъ дачи отказался. Удивительны дѣянія адвоката Волкова и мироваго судьи Раля... Не тотъ ли это г. Раль, который женатъ на дочери вышеназваннаго кн. А. І. Кугушева? Этотъ мировой судья разобралъ на основаніи ст. 30 уст. гр. суд. дѣло и рѣшилъ его такъ, что за хлопоты Волкова по тяжбѣ башкиръ объ участкѣ земли въ 7 тыс. дес. Волкову досталось 10 тыс. дес... или что-то въ этомъ родѣ... и т. д., и т. д. Чуть не въ каждомъ очеркѣ мы видимъ одно и то же: башкиръ спаиваютъ, обманываютъ непонятными имъ бумагами разные проходимцы при помощи писарей, мировыхъ посредниковъ, адвокатовъ, мировыхъ судей; башкиры не понимаютъ смысла подписываемаго за нихъ, не думаютъ и не хотятъ продавать своихъ земель; чиновники составляютъ подложные приговоры, выдаютъ фальшивыя свидѣтельства; башкиры жалуются губернатору, заявляютъ палатѣ о нежеланіи продавать землю и о подлогѣ, и палата, все-таки, совершаетъ купчія крѣпости, приказываетъ вводы во владѣнія, отмежеванія... Башкиры „оказываютъ сопротивленія“; ихъ судитъ та же палата и приговариваетъ къ арестантскимъ ротамъ, къ острогу, къ лишенію правъ. Аренды „по контрактамъ“ превращаются въ право собственности „по давности владѣнія“, удостовѣренной дознаніемъ подкупленнаго становаго черезъ подкупленныхъ негодяевъ. Благопріобрѣтатели земель „воровскимъ обычаемъ“ владѣютъ землями пока можно, истребляютъ богатѣйшіе лѣса, закладываютъ сотни тысячъ десятинъ въ суммѣ, превышающей въ десять разъ стоимости дачи, потомъ бросаютъ ее и идутъ дальше въ томъ же направленіи.

Авторъ назвалъ свои *Очерки* — „Быль въ сказочной странѣ"; ихъ можно бы назвать „сказочными дѣяніями въ разграбляемомъ краю". Грабителей иногда отдаютъ подъ судъ, только это случается, во-первыхъ, иногда; во-вторыхъ, совершавшіе „воровскія дѣла" состоятъ благополучно подъ судомъ по 12 лѣтъ, какъ, наприм., мировой посредникъ Резановъ; въ-третьихъ, попадая въ острогъ *мужикомъ*, выходятъ изъ острога *почетными гражданами*, „по недоразумѣнію", какъ Ал. Гр. Бунаковъ; въ-четвертыхъ, отъ всего этого башкирамъ, бывшимъ заводскимъ крестьянамъ и русскимъ переселенцамъ не легче. Все это невѣроятно, но все это настоящая правда, удостовѣренная Николаемъ Ремезовымъ и никѣмъ не опровергнутая.

ИСТОРІЯ.

„Очерки изъ исторіи и быта степной окраины Московскаго государства". *Д. И. Багалѣя.*—„Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа".—„Историческій очеркъ города Воронежа 1586—1886 гг.". *Веселовскаго.*—„Изъ воронежской старины". *В. Веневитинова.*— „Историческій очеркъ Сибири". *В. Андріевича.*—„Всеобщая исторія". *Георга Вебера.*

Очерки изъ исторіи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе Д. И. Багалѣя. Г. Багалѣй поставилъ своею задачей изученіе великорусской и малорусской колонизаціи въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской, отчасти Курской и Воронежской губерній. Малорусская колонизація обработана имъ съ достаточною полнотой и въ относящейся сюда пятой (послѣдней), отчасти третьей главѣ читатель найдетъ не мало новаго и поучительнаго. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же объ изображеніи великорусской колонизаціи. Авторъ самъ хорошо знаетъ эту слабую сторону своей книги; на стр. 377 онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Заканчивая 4-ю главу своего изслѣдованія, мы сознаемъ, что обработана она не вездѣ съ одинаковою полнотой. Насколько подробно охарактеризована нами правительственная колонизація въ связи съ обороной края (выразившеюся въ постройкѣ Бѣлгородской черты и Украинской линіи), настолько неполны оказались наши свѣдѣнія о вольной—владѣльческой и народной—колонизаціи въ связи съ сельскохозяйственною и промысловою культурой; намъ удалось только собрать нѣсколько отрывочныхъ фактовъ о сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности монастырей и правительства". Передъ этимъ признаніемъ (ср. стр. 62), очень вѣрно отмѣчающимъ дѣйствительные пробѣлы сочиненія, рецензенту оставалось бы сложить оружіе, если бы только авторъ постоянно помнилъ, что пробѣлы въ матеріалѣ обязываютъ къ осторожности въ выводахъ; но авторъ рѣшилъ, на основаніи своего матеріала, что великорусская колонизація есть по преимуществу государственная: „вольная народная колонизація едва ли получила широкое развитіе"; напротивъ, малорусская колонизація есть вольная, народная, созданная „иниціативой и энергіей самого населенія" (стр. 475). Составивъ себѣ такое общее представленіе, авторъ на основаніи его нечувствительно измѣняетъ свое отношеніе къ одному и тому же факту, смотря по тому, является ли этотъ фактъ съ малорусской или съ великорусской стороны. Малоруссы, откуда бы они ни пришли, суть „вольные" колонисты; но среди великоруссовъ „вольные" для автора

есть пользующіеся правомъ вольнаго перехода; бѣглые, составлявшіе, конечно, главную массу, уже противуполагаются вольнымъ (стр. 377); хотя, разумѣется, авторъ не можетъ назвать ихъ и „государственными“ колонистами, по мнѣнія автора о незначительности вольной колонизаціи они нисколько не измѣняютъ. Показанія старожиловъ относительно вольной заимки въ малорусскихъ областяхъ въ существѣ „не возбуждаютъ сомнѣній“ (стр. 501), такъ какъ „такое бездокументальное владѣніе было обычнымъ въ то время“ (ibid.); а когда великорусскіе старожилы разсказываютъ о такой же заимкѣ, то „мы имѣемъ дѣло не съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ“ и только „кажется довольно правдоподобнымъ“, потому что „врядъ ли можно считать образованіе селеній путемъ самовольной заимки явленіемъ обычнымъ для великорусскихъ окраинъ; это болѣе, чѣмъ сомнительно, такъ какъ тамъ признавалось законнымъ только документальное владѣніе“ (стр. 371). Тотъ же приказъ и тотъ же воевода заботился о постройкѣ городовъ и снабженіи ихъ средствами обороны какъ въ великорусскихъ, такъ и въ малорусскихъ мѣстностяхъ, съ тою только разницей, что великорусскія заселились раньше, когда степь была опаснѣе и приливъ населенія былъ медленнѣе; для г. Багалѣя „первые были обязаны своимъ происхожденіемъ почти исключительно строительной дѣятельности правительства, а второе — иниціативѣ и энергіи самого населенія, при небольшой сравнительно субсидіи отъ казны“ (стр. 475). Нельзя, конечно, отрицать разницы въ положеніи великорусскаго и малорусскаго населенія. У втораго была своя организація, оно являлось массами съ своими установившимися связями, за нимъ московское правительство ухаживало, чтобъ оно опять не ушло за Днѣпръ; оно, наконецъ, селилось за чертой московскихъ сообщеній и уже поэтому должно было быть самостоятельнѣе; но все это еще не даетъ права находить существенное различіе въ процессѣ колонизаціи великорусской и малорусской. Намъ кажется, что такое противуположеніе двухъ колонизацій есть нѣкоторый оптическій обманъ, происходящій отъ особеннаго положенія автора относительно изслѣдуемаго предмета. Центръ тяжести его изслѣдованія лежитъ въ малорусскихъ областяхъ; онъ знаетъ здѣсь очень хорошо не только самый фактъ малороссійскаго движенія, но и его, такъ сказать, закулисную сторону; знаетъ что̀ и когда выгнало эти народныя массы изъ польскихъ владѣній; великорусскія области, напротивъ, являются постороннею прибавкой къ его изслѣдованію; и естественно, что онъ не видитъ народнаго движенія, скудно, но все же достаточно освѣщеннаго источниками здѣсь, въ избранной авторомъ мѣстности, потому что не знаетъ начала этого движенія, очень хорошо виднаго наблюдателю, начинающему слѣдить за нимъ изъ центра. Этимъ неравнымъ распредѣленіемъ интереса только и можно объяснить то непростительное игнорированіе разрядныхъ и писцовыхъ книгъ, на которое автору указано было на диспутѣ проф. В. О. Ключевскимъ. Оставивши въ сторонѣ эти источники и начавши изслѣдованіе съ слишкомъ поздняго момента, авторъ долженъ самъ на себя пенять, что „самый *процессъ* разселенія остается намъ неизвѣстнымъ“ (стр. 377). Вообще авторъ склоненъ считать неизвѣстнымъ то, что неизвѣстно ему лично. Напримѣръ, онъ говоритъ (стр. 352), что „неизвѣстно, каково было процентное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ удѣльнымъ и экономическимъ“ въ курскомъ намѣстничествѣ (по 4-й ревизіи). Отчего же неизвѣстно? По-

мѣщичьихъ крестьянъ было 196,702; государственныхъ, казенныхъ, экономическихъ и проч. 50,808 (*Геогр. Словарь* 1788 г., т. II, стр. 360). Такимъ образомъ, и въ пользованіи печатнымъ матеріаломъ относительно великорусскихъ мѣстностей у автора встрѣчаются пробѣлы; укажемъ еще на одинъ: авторъ очень обстоятельно описываетъ Бѣлгородскую черту, пользуясь для этого изданнымъ имъ описаніемъ 1668 года и *Доп. къ актамъ ист.*, т. IX, 1678 года, и упускаетъ изъ вида *статьи о раздачѣ земель въ заоцкихъ городахъ* (П. С. З., № 522), дающія статистику служилыхъ людей на Бѣлгородской чертѣ за 1672 г., любопытный перечень городовъ „безъ служилыхъ людей и земель“ и нѣкоторыя указанія относительно служилаго землевладѣнія на украйнахъ. Но главнымъ недостаткомъ остается тотъ, что авторъ великорусскую колонизацію не связалъ съ изученіемъ болѣе центральныхъ мѣстностей, подобно тому, какъ малорусскую онъ связалъ съ событіями въ польскихъ владѣніяхъ. Что это нужно было сдѣлать, г. Багалѣй, очевидно, хорошо сознавалъ, когда говорилъ въ предисловіи къ своимъ матеріаламъ: „я увидѣлъ, что исторія Курской и Воронежской губерній стоитъ въ самой тѣсной связи съ исторіей развитія русскаго государственнаго начала и русской гражданственности въ сосѣднихъ великорусскихъ губерніяхъ (Тамбовской, Орловской, Тульской и др.) и *вполнѣ заслуживаетъ самостоятельнаго изслѣдованія*“. При такомъ самостоятельномъ изслѣдованіи, можетъ быть, и оказалось бы, что нельзя противупоставлять великорусскую колонизацію малорусской, какъ по преимуществу государственную по преимуществу народной, что тамъ и здѣсь государство не можетъ, да и не хочетъ бороться противъ наплывающей вслѣдствіе разныхъ причинъ массы населенія, и тамъ, и здѣсь оно организуетъ это населеніе или пользуется уже свойственными ему элементами организаціи для устройства обороны, что, наконецъ, и тамъ, и здѣсь постепенная организація обороны есть, въ одно и то же время, и причина, и слѣдствіе постепеннаго увеличенія народонаселенія; мы говоримъ о постепенности потому, что, конечно, огромное разстояніе отъ случайныхъ или даже систематизированныхъ рекогносцировокъ до устройства прочной оборонительной линіи съ городами и земляными укрѣпленіями; съ другой стороны, столь же велико разстояніе отъ промышленной эксплуатаціи никому не принадлежащихъ угодій—юртовъ до прочнаго осѣдлаго населенія съ установившимися титулами владѣнія и собственности; и какъ первое — система обороны, такъ и второе — возростаніе населенія невозможно представить безъ постояннаго взаимодѣйствія. А если такъ, то самая постановка вопроса о государственной или народной колонизаціи черезъ-чуръ груба для изслѣдуемаго предмета.

Позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько заключеній и относительно изложенія г. Багалѣя. Можетъ быть, хорошій литературный языкъ, отдѣлка формы и т. п. должны считаться излишнею роскошью въ ученомъ сочиненіи; ко всему этому мы слишкомъ не привыкли. Но для ученаго сочиненія существуютъ свои требованія. Если книга написана для ученой публики и если эта книга называется „изслѣдованіемъ“, то нѣтъ надобности наполнять сотни страницъ изложеніемъ печатнаго матеріала или даже пересказомъ печатныхъ статей и изслѣдованій. Въ книгѣ г. Багалѣя 570 страницъ; если бы авторъ сократилъ ее на половину, выкинувъ все то, что и безъ его книги извѣстно и доступно

ученой публикѣ и что вовсе не относится къ его темѣ, и книга, и читатели очень много бы выиграли.

Въ заключеніе еще одна мелкая поправка: г. Багалѣй вслѣдъ за Спасскимъ, издателемъ *Большаго чертежа*, пишетъ: „Куколовъ" лѣсъ; Спасскій слилъ здѣсь предлогъ „къ" съ именемъ собственнымъ; *Новое и Старое Уколово* лежатъ на правыхъ притокахъ Потудана, въ Коротоякскомъ уѣздѣ, недалеко отъ границы Старо- и Новооскольскаго; есть и еще *Уколово Лѣсное* въ томъ же Коротоякскомъ уѣздѣ недалеко отъ границы съ Острогожскимъ; этими поселеніями, кажется, опредѣляется протяженіе Уколова лѣса.

Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія города Воронежа. Изд. воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Два тома. Въ этомъ интересномъ *Сборникѣ* помѣщено много свѣдѣній, историческихъ и статистическихъ, нѣсколько рисунковъ, картъ и портретовъ. Чтобы дать понятіе о содержаніи изданныхъ воронежскимъ статистическимъ комитетовъ томовъ, приведемъ заглавія важнѣйшихъ статей, въ нихъ напечатанныхъ: *Открытіе воронежской епархіи*; *Святитель Тихонъ* Б. Г. К.; *Городъ Воронежъ*, историческій очеркъ Л. Вейнберга; *Служебныя бумаги Антона Лаврентича Веневитинова*; статья М. А. Веневитинова; *О крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ Воронежской губерніи* N; *Четвертное землевладѣніе въ Воронежской губерніи* г. Щербины, и т. д. (томъ первый); *Этнографическіе очерки Воронежской губерніи А. Селиванова*, статья г. Воскресенскаго; *О „Воронежскихъ Губерскихъ Вѣдомостяхъ"*; біографіи митрополита Евгенія, графа Д. П. Бутурлина, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Н. И. Костомарова, Н. А. Сѣверцова — воронежскихъ уроженцевъ, и т. д. (томъ второй). Г. Воскресенскій напечаталъ въ началѣ втораго тома краткую лѣтопись важнѣйшихъ мѣстныхъ событій съ 1873 по 1883 годъ. Для историка, юриста и экономиста въ *Воронежскомъ юбилейномъ сборникѣ* находится немало любопытнаго матеріала.

Историческій очеркъ города Воронежа 1586—1886 гг. Составилъ г. Веселовскій. Изданіе воронежской городской думы. Трудъ г. Веселовскаго, изданный воронежскою думой къ трехсотлѣтнему юбилею города, является какъ бы дополненіемъ къ *Сборнику* воронежскаго статистическаго комитета. Въ концѣ XVIII вѣка (въ 1797 году) населеніе Воронежа равнялось 13,651 ч.; въ 1885 году оно достигло 56,179 ч. (мужчинъ 29,491, женщинъ — 26,688). „Смертность грудныхъ дѣтей, не доживпшхъ до 1 года, въ Воронежѣ весьма велика. Она превышаетъ среднюю смертность дѣтскаго населенія всей Европейской Россіи и 78 главныхъ городовъ, вмѣстѣ взятыхъ" (?). У незначительнаго по числу еврейскаго населенія города смертность грудныхъ дѣтей очень невелика, что объясняется, говоритъ г. Веселовскій, благопріятными бытовыми условіями. Мы привели эти свѣдѣнія для того, чтобы показать, что и въ изданной воронежскою думой книгѣ можно найти важныя историческія и статистическія данныя.

Изъ воронежской старины. М. Веневитинова. Москва, 1887 г. Г. Веневитиновъ соединилъ въ этой книгѣ свои статьи о воронежской старинѣ, напечатанныя въ другихъ изданіяхъ, и дополнилъ ихъ подробнымъ указателемъ собственныхъ именъ и предметовъ, въ книгѣ упоминаемыхъ, и картою теченія рѣки Воронежа. Трудъ г. Веневитинова является цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую лите-

ратуру, бѣдную матеріалами мѣстной исторіи. Очень любопытны свѣдѣнія объ умственномъ движеніи воронежскаго общества. Въ этомъ отношеніи Воронежъ составляетъ выдающееся исключеніе среди русскихъ губернскихъ городовъ. Въ немъ не только росли литературные интересы, но и образовались самостоятельные литературные центры, благотворно вліявшіе на мѣстную духовную жизнь.

Историческій очеркъ Сибири. Составилъ В. Андріевичъ. Иркутскъ, 1886 г. Во второмъ томѣ этого очерка находятся свѣдѣнія за періодъ времени отъ 1700 до конца 1741 года. Какъ и въ первомъ томѣ, г. Андріевичъ произвелъ изъ *Полнаго Собранія Законовъ* выборку указовъ и мѣропріятій, прямо или косвенно относившихся до Сибири. Книга представляетъ собою полусырье, т.-е. матеріалъ *Полнаго Собранія Законовъ* распредѣленъ въ ней по группамъ, а въ группахъ — въ хронологическомъ порядкѣ. Группы эти слѣдующія: 1) административное дѣленіе Сибири и установленіе мѣстной администраціи; 2) мѣры къ заселенію края, населенность, переписи 1710 и 1719 годовъ; 3) рекрутскіе наборы и участіе Сибири въ содержаніи войска и производствѣ государственныхъ работъ; 4) торговля съ Китаемъ и денежныя дѣла; 5) горное дѣло въ Сибири; 6) мѣры для уничтоженія лихоимства; 7) духовныя дѣла. Кромѣ *Полнаго Собранія Законовъ*, г. Андріевичъ ссылается на Щеглова (*Хронологическія данныя изъ Исторіи Сибири*), Ядринцева (*Сибирь, какъ колонія*), Максимова (*Сибирь и каторга*), Словцова (*Историческое обозрѣніе Сибири*), на *Исторію Россіи* Соловьева, *Военно-статистическій сборникъ*, *Горный Журналъ* и на *Обзоръ событій въ иркутской епархіи* Громова.

Всеобщая исторія. Георга Вебера. Перев. со 2-го изд., просмотр. и перераб. при содѣйствіи спеціалистовъ. Т. VI. Перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Благодаря неутомимой энергіи переводчика, передача на русскій языкъ капитальнаго сочиненія Вебера быстро подвигается впередъ. Вышедшій вновь шестой томъ заключаетъ въ себѣ вторую часть исторіи среднихъ вѣковъ (вѣка X—XII) и дѣлится на два отдѣла: времена преобладанія нѣмецкаго государства (Саксонская и Франконская династія) и времена крестовыхъ походовъ и Гогенштауфеновъ. Первый отдѣлъ посвященъ исключительно Германіи и занимаетъ болѣе половины книги (409 стр.); во второмъ отдѣлѣ кратко излагается исторія Византійской имперіи при Македонской династіи и Комненахъ (стр. 411—436), подробнѣе исторія калифатовъ (стр. 436—503) и первый крестовый походъ (стр. 504—546); исторія Франціи при первыхъ Капетингахъ изложена непропорціонально коротко (стр. 547—566) и затѣмъ вся остальная часть книги (стр. 567—744) занята исторіей Гогенштауфеновъ. Переводъ отличается уже указанными критикой достоинствами; можно только не согласиться съ переводчикомъ, когда онъ считаетъ нужнымъ въ русскомъ переводѣ очистить Вебера отъ его нѣмецко-патріотическихъ увлеченій и „мелочей, которыя не интересны для людей другихъ націй“. Пусть Веберъ остается Веберомъ со всѣми дурными и хорошими сторонами: „лирическія тирады“ можно выкинуть, но гдѣ кончается характеристика и начинается лирическая тирада? Точно такъ же трудно провести грань между мелочами „не интересными“ и „интересными для другихъ націй“; мелочи всѣ неинтересны и всѣ нужны въ книгѣ справочнаго характера, какою является книга Вебера.

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Современная Персія“. *Д-ра Уильса.*

Современная Персія. Картинки современной персидской жизни и характера. Доктора Ульиса. Перевелъ съ англійскаго И. Коростовцовъ. Спб., 1887 г. Цѣна 1 р. 25 к. Мы знаемъ о современной Персіи очень немногое, несмотря на близкое съ нею сосѣдство и на важное значеніе, которое она имѣетъ для нашей торговли и для русской политики на Востокѣ. Конечно, наше министерство иностранныхъ дѣлъ имѣетъ достаточныя свѣдѣнія и ведетъ наши дѣла въ Персіи такъ хоорошо, что возбуждаетъ зависть англичанъ, выраженную въ книгѣ д-ра Уильса. Это пріятно слышать, но, все-таки, непріятно пребывать въ полномъ невѣдѣніи такой страны, торговля съ которою могла бы поддержать нашу заводскую и мануфактурную промышленнность и которая при всякомъ столкновеніи нашемъ съ англіей должна играть очень важную роль. По части политики лежащая передъ нами книга даетъ кое-какія указанія въ характеристикахъ шаха и его приближенныхъ, стоящихъ во главѣ управленія. Эти характеристики, впрочемъ, не сложны и однообразны. По словамъ автора, въ Персіи все дѣается при посредствѣ подкупа и ничего нельзя сдѣлать безъ него. Начиная съ главы государства и кончая низшимъ чиномъ администраціи и суда, всѣ и все дѣлаютъ только за деньги и подарки; когда же таковыхъ не поступаетъ добровольно, тогда всѣ прибѣгаютъ къ вымогательству. Дѣлается это совершенно открыто, приблизительно такъ, какъ дѣлалось у насъ въ дореформенное и монопольно-откупное время, при старомъ судоустройствѣ. Ничтожное жалованье персидскихъ чиновъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ считается почти ни во что и часто не поступаетъ даже въ карманы тѣхъ, для кого оно назначено, а остается цѣликомъ у начальниковъ. На жалованье никто и не разсчитываетъ; всѣ живутъ *на доходы*, которые (точь-въ-точь какъ у насъ въ старые годы) дѣлятся на „безрѣшные“ и на грѣховные; но различіе между тѣми и другими настолько неопредѣленно, а взиманіе ихъ настолько обычно, что вопросъ о недозволительности какого-либо побора едва ли возможенъ въ принципѣ. На практикѣ всякій поборъ, взятка или вымогательство оказываются дозволительными или недозволительными, смотря по тому, какъ на дѣло взглянетъ лицо начальствующее. Взглядъ же начальствующаго лица зависитъ отъ того, ублаготворилъ или не ублаготворилъ это лицо подчиненный. Если не ублаготворилъ, или если взятый кушъ представляется соблазнительнымъ, тогда начальникъ просто отбираетъ взятку себѣ и приказываетъ подчиненнаго „вздуть“ палками по пяткамъ, что не составляетъ ни для кого безчестія и никому не мѣшаетъ продолжать службу и достигать „степеней извѣстныхъ“. „Степени“ и должности покупаются: высшія—у самого шаха, слѣдующія у его министровъ и т. д. до конца іерархической лѣстницы. Судъ въ Персіи скорый, рѣшенія кратки, исполненія — быстры. „Убрать!“ — провозглашаетъ губернаторъ и дѣлаетъ выразительный жестъ, и приговореннаго „убираютъ“, т.-е. убиваютъ.—„Вздуть!“—и дуютъ палками.—„Отпустить!“— и готово до слѣдующаго раза. По словамъ д-ра Уильса, въ дѣлахъ внѣшней политики, какъ и во внутреннемъ управленіи, все дѣлается деньгами, все зависитъ отъ куша, даннаго во-время и кому слѣдуетъ,

не исключая опять-таки главы государства. Подкупы, ложь, обманъ, плутовство всякаго рода составляютъ обычныя явленія повседневной жизни современныхъ персіянъ во всѣхъ слояхъ общества. Семейная жизнь ограждена стѣнами гарема и недоступна постороннему наблюденію, хотя входъ въ гаремы нельзя считать невозможнымъ, такъ какъ авторъ въ качествѣ врача бывалъ въ нихъ и бесѣдовалъ съ персидскими дамами, принимавшими его въ домашнихъ костюмахъ и съ открытыми лицами. О торговлѣ д-ръ Уильсъ почти ничего не говоритъ. Вообще его книга носитъ характеръ анекдотическій и представляетъ собою бѣглыя замѣтки туриста, довольно интересныя и пригодныя для „легкаго“ чтенія. Переводъ хорошъ, изданіе чисто.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И ФИНАНСЫ.

„Статистика государственныхъ финансовъ Россіи въъ 1862—1884 гг.“. *И. Кауфмана.*— **„Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности“.** *Родбертуса.*

Статистика государственныхъ финансовъ Россіи въ 1862—1884 годахъ, разработанная старшимъ редакторомъ центральнаго статистическаго комитета И. Кауфманомъ. Изданіе центральнаго статистическаго комитета. Спб., 1886 г. Интересъ, возбужденный состояніемъ нашихъ финансовъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, объясняется не только особенностями нашего хозяйства, въ частности нашего денежнаго обращенія, но и полнымъ отсутствіемъ систематически собранныхъ и пригодныхъ данныхъ, благодаря которому возникаютъ каждый разъ новые и новые проекты оздоровленія нашихъ финансовъ. Отсутствіе цифроваго матеріала, на которомъ можно было бы провѣрить то, что съ апломбомъ выставляется какъ результатъ изученія нашего хозяйства, дѣлало невозможнымъ сколько-нибудь серьезное изслѣдованіе нашихъ финансовъ; для произвольныхъ построеній оставалось обширное поле. Трудъ г. Кауфмана появился поэтому какъ нельзя болѣе кстати; онъ даетъ прекрасно разработанный цифровый матеріалъ, обнимающій періодъ послѣ освобожденія крестьянъ до 1884 года, а для нѣкоторыхъ вопросовъ приведены данныя за болѣе продолжительный періодъ. Вся книга дѣлится на четыре части, неодинаковыя какъ по значенію приведенныхъ въ нихъ таблицъ, такъ и по объему; таблицамъ предшествуетъ хорошо составленное, довольно пространное введеніе (стр. 1—37), а алфавитный указатель предметовъ, которыхъ касаются разработанныя въ таблицахъ суммы, значительно облегчаетъ пользованіе книгой.

Наибольшій интересъ и наибольшее значеніе представляетъ раздѣлъ первый—*общая статистика ресурсовъ государственнаго казначейства.* Сюда входитъ общій сводъ данныхъ о движеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ, обыкновенные доходы и расходы, чрезвычайные ресурсы, чрезвычайные расходы, спеціальные ресурсы желѣзно-дорожнаго фонда и его расходы. Въ этотъ же раздѣлъ входятъ, кромѣ того, государственные займы, состояніе государственнаго долга, обращеніе бумажныхъ денегъ и цѣнность бумажнаго рубля съ 1832 года до послѣдняго времени (до 1884 г. включительно). Задача этого раздѣла—„выяснить, за неимѣніемъ прямыхъ указаній, группировкою суммъ, какъ велика была вся совокупность обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ поступленій и платежей по оборотамъ государственнаго хо-

зяйства въ 1862—1884 годахъ, изъ года въ годъ, или свести какъ отдѣльные бюджеты, такъ и указанія по оборотамъ, стоявшимъ внѣ всякаго бюджета, въ одну общую роспись". Такъ какъ цѣнность кредитнаго рубля подверглась значительному пониженію, то увеличеніе бюджета за послѣдніе годы, выраженнаго въ кредитныхъ рубляхъ, оказывается не столь значительнымъ, если бюджетъ привести на металлическую валюту; наоборотъ, „тѣ же обыкновенные доходы, выраженные въ металлическихъ рубляхъ, съ 1876 г. были постоянно значительно ниже уровня 1885 г. и даже въ 1884 г. еще отъ него отставали на 50 милліоновъ метал. рублей. При нынѣшнемъ курсѣ (считая 160 руб. кред. за 100 мет.), доходы должны подняться до 800 мет. руб., чтобы сравняться съ 1875 г. по ихъ металлической покупной силѣ". Еще любопытнѣе сопоставленіе займовъ металлическихъ съ бумажными. Отъ 1862 г. до 1884 г. было заключено займовъ почти на 2½ милліарда, изъ нихъ металлическими займами реализовано 1,263 милліона, кредитными 1,299 милліоновъ. Годовой платежъ процентовъ и погашенія по металлическимъ займамъ составляетъ 60.885,888 мет. руб.; а такъ какъ реализовано было всего 1.000.650,171 метал. рубль, составлявшихъ по курсу тѣхъ лѣтъ, когда они были реализованы, 1.300.870,907 кредит. рублей, то годовой платежъ составляетъ 5,017% на нарицательную сумму и 6,084% на реализованную сумму. Принимая же во вниманіе, что, благодаря пониженію курса, годовой платежъ въ 60 милліоновъ металлическихъ составляетъ около 97 мил. кредитныхъ, проценты, платимые по металлическимъ займамъ, достигаютъ 7,412%. Для нѣкоторыхъ займовъ, заключенныхъ до 1876 г., когда курсъ былъ еще высокъ, годовой платежъ значительно выше; онъ составляетъ 8,28% на реализованный капиталъ, т.-е. отъ ухудшенія курса платежъ по этимъ займамъ сталъ дороже больше чѣмъ на 2% (8,28%, вмѣсто 6,190%). По кредитнымъ займамъ, заключеннымъ за тотъ же періодъ, годовой платежъ составляетъ 75.930,370 рублей, что даетъ 5,644% на нарицательный и 5,986% на реализованный капиталъ. Нетрудно представить себѣ, какое значеніе имѣетъ пониженіе курса нашего бумажнаго рубля для всего государственнаго бюджета; но для желѣзныхъ дорогъ, обязанныхъ выплачивать проценты почти исключительно по металлической валютѣ (консолидированныя облигаціи), это обстоятельство имѣетъ первостепенное значеніе, не мало способствующее убыточности нѣкоторыхъ дорогъ. За разсмотрѣнный періодъ доходы обыкновенные составили 12.184.999,905 р., чрезвычайные 3.367.361,819, всего 15.552.352,724; расходы обыкновенные 12.573.195,120, чрезвычайные 2.818.857,623, всего 15.392.052,743, т.-е. чрезвычайные ресурсы дали немного больше одной пятой (21⅔%), а около четырехъ пятыхъ всѣхъ средствъ получены отъ обыкновенныхъ доходовъ. Нельзя не указать на таблицы XI и XII: въ первой перечислены 36 займовъ, заключенныхъ съ 1862 по 1884 г., съ указаніемъ валюты, на которую они были заключены, курса, ежегоднаго платежа по каждому займу въ суммѣ и въ процентахъ. Изъ этой таблицы мы узнаемъ, что по нѣкоторымъ займамъ годовой платежъ превышаетъ 9% (для облигацій николаевской желѣзной дор. 1 выпуска 9,167%, для англо-голландскаго займа даже и того больше—9,31%). Вторая таблица даетъ свѣдѣнія о 70 слишкомъ займахъ нашихъ (консолидированные займы) начиная съ 1797 года и государственномъ бумажно-денежномъ долгѣ (неотвержденные долги). Не менѣе любопыт-

ны таблицы XIII и XIV о государственныхъ доходахъ и расходахъ въ 1831—61 годахъ, а по таблицамъ XVI и XVII можно познакомиться съ количествомъ бумажныхъ денегъ, съ размѣннымъ фондомъ и со стоимостью бумажнаго рубля въ металлическихъ копѣйкахъ и металлическаго рубля въ бумажныхъ копѣйкахъ за огромный періодъ отъ 1832 по 1884 годъ. Одной краткой передачи содержанія перваго раздѣла достаточно, чтобы показать, насколько интересны собранныя въ немъ данныя, какъ много онѣ даютъ матеріала для экономиста, желающаго прослѣдить ростъ нашего финансоваго хозяйства. Правда, однѣхъ таблицъ еще недостаточно для полнаго ознакомленія съ основными чертами нашихъ финансовъ, но на основаніи приведенныхъ данныхъ нетрудно уже получить о нихъ болѣе или менѣе вѣрное представленіе. Историкъ нашего государственнаго хозяйства, имѣя подъ руками собранный г. Кауфманомъ матеріалъ, въ состояніи будетъ представить, вмѣсто произвольныхъ догадокъ и измышленій, подтвержденную цифрами исторію самаго любопытнаго періода нашихъ финансовъ. Другіе раздѣлы книги имѣютъ болѣе спеціальный интересъ, особенно раздѣлъ второй—*статистика смѣтныхъ ассигнованій*, посвященная даннымъ о кредитахъ первоначальныхъ, дополнительныхъ и закрытыхъ по отдѣльнымъ годамъ и министерствамъ по обыкновеннымъ, чрезвычайнымъ и спеціальнымъ расходамъ.

Въ третьемъ раздѣлѣ—*частной статистикѣ обыкновенныхъ доходовъ*, прежде всего, сдѣлано обозрѣніе дѣйствительнаго поступленія отдѣльныхъ видовъ доходовъ, сравнительно съ смѣтными ожиданіями отъ 1867 по 1884 г., во-вторыхъ, подробная перегруппировка данныхъ за одинъ 1883 годъ, по главнымъ видамъ налоговъ, наконецъ, сравнительный обзоръ поступленій отъ отдѣльныхъ налоговъ, т.-е. измѣненія въ величинѣ отдѣльныхъ налоговъ въ теченіе 18-ти лѣтняго періода. Въ таблицахъ этого раздѣла имѣются богатыя данныя о каждомъ видѣ налоговъ, такъ что по нимъ можно прослѣдить не только измѣненія въ такихъ большихъ рубрикахъ, какъ прямые или косвенные налоги, но и въ отдѣльныхъ налогахъ изъ этихъ рубрикъ можно для каждаго даже незначительнаго налога найти свѣдѣнія за продолжительный періодъ. Значеніе такого детальнаго, систематически сгруппированнаго матеріала весьма важно для изслѣдованія нашей налоговой системы, а нѣкоторыя таблицы раскрываютъ нелишенную интереса картину сѣти дѣйствующихъ у насъ налоговъ. Достаточно упомянуть, что для 1883 года приведено свыше 500 различныхъ поступленій, чтобы представить себѣ, до чего подробно составлены нѣкоторыя таблицы. Наиболѣе интересную часть этого раздѣла составляютъ подробности о возростаніи обыкновенныхъ доходовъ съ 1867 г., съ указаніемъ процентнаго увеличенія главнѣйшихъ налоговъ, причемъ питейнымъ сборамъ и таможеннымъ пошлинамъ удѣлено наибольшее вниманіе. Въ посвященныхъ этимъ вопросамъ таблицахъ можно найти свѣдѣнія о количествѣ винокуренныхъ заводовъ, объ акцизѣ съ отдѣльныхъ видовъ напитковъ, о количествѣ произведеннаго спирта, о потребленіи вина, соотвѣтственно поступившему въ казну акцизу, съ причисленіемъ перекура, о числѣ питейныхъ домовъ, винныхъ погребовъ, трактировъ и пивныхъ и проч., но особенными подробностями отличаются многочисленныя таблицы о таможенныхъ пошлинахъ. Послѣдній раздѣлъ книги посвященъ *частной статистикѣ государственныхъ расходовъ*. Въ немъ имѣются данныя о расходахъ по отдѣльнымъ

министерствамъ. Такъ какъ „распредѣленіе по министерствамъ связано съ тѣмъ неудобствомъ, что оно даетъ понятіе лишь о суммахъ, состоящихъ въ распоряженіи различныхъ министерствъ, въ зависимости отъ подчиненныхъ имъ различныхъ правительственныхъ учрежденій, но совсѣмъ не даетъ понятія ни о стоимости этихъ учрежденій, ни о томъ, какъ вообще распредѣляются расходуемыя суммы между предметами, для которыхъ онѣ предназначаются", то, кромѣ этихъ таблицъ, приведены таблицы, въ которыхъ представлена группировка тѣхъ же суммъ по назначенію или употребленію, которое получаютъ суммы. Изъ общей суммы израсходованныхъ за періодъ 1867—84 гг. денегъ на содержаніе арміи и флота, на платежи по долгамъ и на пенсіи употреблено около $6^1/_2$ милліардовъ или 61,6% всѣхъ расходовъ, на управленіе финансами, государственнымъ имуществомъ, почтами, телеграфами, путями сообщенія, на эксплуатацію казенныхъ дорогъ и на поощренія и пособія всякаго рода 2,777 милліоновъ или 21,8%, на судъ и администрацію 803 милліона или 7,7%, на церковь и учебныя заведенія 619 милліоновъ или 5,8%. Изъ первой рубрики на армію пришлось $34^1/_2$%, на платежи по долгамъ $22^1/_2$% и на пенсіи съ арендами 4,6%. Въ третьей рубрикѣ, въ расходѣ по министерству финансовъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ данныя о поощреніяхъ, субсидіяхъ, пособіяхъ и расходахъ, производимыхъ въ счетъ возврата для частныхъ обществъ и для публичныхъ учрежденій; за этотъ періодъ израсходовано было на нихъ 757 милліоновъ. Гораздо меньше обошлось содержаніе учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ; на нихъ было израсходовано 421 милліонъ, среднимъ числомъ около 19 милліоновъ въ 1867—1875 гг. и около $27^1/_2$ милліоновъ въ 1876—1884 годахъ.

Въ приложеніяхъ приведены нѣкоторыя таблицы о состояніи государственныхъ займовъ, сгруппированныхъ по періодамъ, объ оборотахъ по выкупамъ и изъятіямъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ, о движеніи безпроцентнаго долга казначейства.

Самое изложеніе содержанія труда г. Кауфмана показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ выдающимся явленіемъ въ нашей финансовой статистикѣ, неполнота же и неясность нѣкоторыхъ отдѣловъ, на которую указано было въ майской книжкѣ *Юридическаго Вѣстника*, должна быть скорѣе приписана самому свойству матеріала, чѣмъ недосмотру составителя.

Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Родбертуса. Переводъ съ нѣмецкаго Боевскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора И. Тарасова. Выпускъ IV. Ярославль, 1887 г. Этимъ выпускомъ заканчивается изслѣдованіе Родбертуса о римской податной системѣ, свидѣтельствующее о многосторонности ума нѣмецкаго мыслителя. Какъ и первые выпуски этого труда, настоящая книжка поражаетъ читателя глубиною и оригинальностью мысли, основательнымъ знакомствомъ съ классическимъ міромъ, блестящими сравненіями старыхъ, давно погибшихъ, почти не оставившихъ слѣда институтовъ съ современными, широкимъ полетомъ мысли, охватывающимъ цѣлыя эпохи развитія хозяйства, удачною характеристикой всей рабской культуры. Что особенно достойно вниманія и изученія въ послѣднемъ выкускѣ, это—талантливая характеристика натуральнаго античнаго хозяйства. Нарисовавши картину древняго хозяйства, основаннаго на цѣльности и неразрывности домохозяйственной единицы — античнаго ойкоса, и объяснивши

налоговую систему въ связи съ дѣйствовавшимъ въ то время правомъ и основными экономическими учрежденіями, Родбертусъ доводитъ исторію налоговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исторію экономическаго быта древняго Рима до того момента, когда ойкосъ распадается и вся старая система приходитъ къ разложенію. Задавшись цѣлью изложить исторію трибута, онъ на самомъ дѣлѣ сдѣлалъ гораздо больше: вмѣсто исторіи системы налоговъ, мы имѣемъ въ высшей степени поучительную картину самыхъ интересныхъ сторонъ государственнаго и народнаго хозяйства, отчасти хорошо сгруппированныя данныя о государственномъ управленіи и организаціи экономическаго оборота. Обширныя примѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ своеобразнаго нѣмецкаго экономиста, восполняютъ текстъ, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что объясняютъ интересъ, какой изслѣдованіе античнаго хозяйства можетъ получить для экономиста, изучающаго современное хозяйство. Не говоря объ экскурсіяхъ изъ области современной экономической жизни и современныхъ экономическихъ ученій, Родбертусъ этими примѣчаніями доставляетъ читателю истинное наслажденіе; онъ уноситъ его далеко отъ непосредственнаго предмета изслѣдованія и въ немногихъ, но сильныхъ штрихахъ намѣчаетъ основныя черты какъ пережитой римлянами, такъ и переживаемой современными культурными народами эпохи развитія. Изъ мертвыхъ цитатъ выростаютъ живыя учрежденія, выясняется множество институтовъ, непонятныхъ историкамъ, — институтовъ, которые не въ силахъ объяснить ни юристъ-догматикъ, ни историкъ безъ экономическаго образованія. Заключенія, къ которымъ авторъ приходитъ въ изданномъ теперь послѣднемъ выпускѣ, сводятся къ слѣдующему: хотя податная система Римской имперіи въ эпоху упадка уже стала приближаться къ новѣйшей системѣ, введены денежные налоги съ нѣкоторыхъ отраслей производства, отдѣлившихся отъ ойкоса, обложенъ капиталъ, употребляемый въ фабричномъ производствѣ, провинціальный трибутъ уравненъ съ итальянскимъ и установлено равенство между первоначальными побѣдителями и побѣжденными,—тѣмъ не менѣе, преобладающій характеръ римскаго хозяйства оставался *античнымъ*, онъ оставался вѣренъ духу древности. Несмотря на распаденіе ойкоса и на все болѣе и болѣе усиливавшееся развѣтвленіе національнаго дохода, какъ финансовое, такъ и народное хозяйство продолжали все еще носить характеръ *натуральнаго* хозяйства, государство, попрежнему, сохранило абсолютную власть въ обложеніи, солидарная отвѣтственность плательщиковъ, попрежнему, служила основаніемъ налоговой системы. Доказательству этихъ трехъ положеній посвящена большая половина выпуска, и если съ воззрѣніями автора на натуральное, денежное и кредитное хозяйства, развитыми въ текстѣ, но еще больше въ примѣчаніи 51 (стр. 141—145), не всякій сразу согласится, если гильдебрандтовская характеристика различныхъ видовъ хозяйства, принятая авторомъ въ основаніе, представляется въ настоящее время неполною и невполнѣ правильною, то это не можетъ оказать никакого вліянія на оцѣнку какъ нарисованной въ настоящемъ выпускѣ картины натуральнаго хозяйства, такъ и освѣщенія тѣхъ свѣдѣній, которыя приведены относительно расходнаго римскаго бюджета, жалованья римскихъ чиновниковъ, финансоваго управленія, государственныхъ магазиновъ, служебнаго податнаго персонала и проч. Въ высшей степени любопытными представляются страницы о значеніи хлѣбныхъ государственныхъ

магазиновъ и о хлѣбной торговлѣ въ древнемъ Римѣ (примѣчаніе 60, стр. 148—151), о древнихъ корпораціяхъ торговцевъ и ремесленниковъ. Показавши, что римская податная система все еще сохраняла три характерныя черты античныхъ государствъ: *натуральное обложеніе въ поставкахъ и службахъ, произвольность и измѣнчивость въ высотѣ обложенія и солидарную отвѣтственность плательщиковъ*,—Родбертусъ останавливается на причинахъ упадка Рима, насколько онѣ обусловливались финансовою системой. Эта часть послѣдняго выпуска уступаетъ другимъ частямъ,—на ней лежитъ отпечатокъ нѣсколько туманныхъ, мѣстами граничащихъ съ метафизическими воззрѣніями, представленій о томъ, что̀ авторъ называетъ физіологическою природой государствъ. Обширное 72 примѣчаніе (стр. 160—169) о сферахъ общенія человѣческой жизни напоминаетъ больше туманный философскій трактатъ объ источникахъ права и нравственности, чѣмъ разсужденія экономиста объ исторической смѣнѣ государственныхъ формъ. Нельзя въ заключеніе не отмѣтить полныхъ глубокаго смысла комментарій на цитату изъ Vopiscus'а, проливающую свѣтъ на экономическія воззрѣнія разсматриваемой эпохи и представляющую полную аналогію проповѣдямъ манчестерцевъ. „Если бы,—заканчиваетъ Родбертусъ,—эта чрезмѣрность (т.-е. обиліе и тягость налоговъ) и прекратилась, не наступилъ бы золотой вѣкъ для римскаго общества, а только золотое время для римскихъ посессоровъ. Попрежнему, aeterni thesauri скоплялись бы только на вершинахъ общества, но, попрежнему, усиленная нужда проходила бы по его низамъ. Это осталось бы народно-хозяйственною сигнатурой, хотя бы исчезъ весь римскій военный бюджетъ, *какъ это же осталось бы также и теперь*, даже если бы мы были осчастливлены всесвѣтнымъ разоруженіемъ. Тогда, когда поземельное владѣніе и капиталовладѣніе совпадали еще въ одномъ посессорскомъ владѣніи, *меньшіе земельные участки поглощались бо̀льшими*; теперь, когда владѣніе землей и владѣніе капиталомъ распадаются между двумя различными общественными классами, *меньшіе капиталы поглощаются бо̀льшими*. Въ то время, когда *рабочіе классы* лично были еще подчинены произволу господъ, они *правовымъ путемъ были устранены отъ прироста національнаго благосостоянія*; въ настоящее время, когда они сами хотя лично и свободны, но *ихъ трудъ* подчиненъ законамъ свободнаго рыночнаго обмѣна, они *устранены отъ него хозяйственнымъ путемъ*. Слѣдовательно, и въ нашемъ общественномъ устройствѣ, въ свою очередь, находится та зловѣщая „прорѣха", для восполненія которой наука и государство должны были бы сначала изобрѣсти и ввести *какой-нибудь особый аппаратъ для регулированія національнаго дохода*". Этою выпиской, послѣднія слова которой напоминаютъ нормальный рабочій день, какъ его понимаетъ Родбертусъ, мы можемъ закончить замѣтку нашу о книгѣ.

Что касается перевода, то остается только пожалѣть, что такой капитальный трудъ попалъ въ такія неумѣлыя и небрежныя руки; онъ способенъ отбить въ русскомъ читателѣ всякую охоту познакомиться съ Родбертусомъ. Когда перелистываешь страницу за страницей русскій переводъ *Изслѣдованій въ области національной экономіи классической древности* и наталкиваешься ежеминутно на безграмотный переводъ цѣлыхъ періодовъ, на отвратительную передачу, очевидно, непонятыхъ нѣмецкихъ словъ и выраженій, обнаруживающую какъ поверхностное знакомство переводчика съ нѣмецкимъ языкомъ, такъ и

непростительную небрежность редактора, имя котораго заставляетъ воздержаться отъ упрека въ невѣжествѣ, то невольно приходишь къ заключенiю, что Родбертусъ только искаженъ, а не переведенъ. Единственное, чѣмъ будущiй переводчикъ можетъ воспользоваться, это переводъ латинскихъ цитатъ. Такiя слова, какъ „альтерировать", „етатизировать", „квалитативный", „фабрикацiонный рабъ" и „фабрикацiонное предпрiятiе", „продукцiонно-хозяйственное единство", „блестящiй пользовательный капиталъ", „податно-оплачиваемый", „деривировать", „свободо-торговцы", „нацiоналъ-экономе", „участокъ земной области" (въ смыслѣ поземельнаго участка), „адекватный", „репартировать", „превалировать", „ручающая природа права", „дезертныя земли", или такiе тяжелые обороты, какъ, наприм., на стр. 139, гдѣ прекрасное примѣчанiе объ Аристотелѣ переведено почти непонятнымъ языкомъ, или же, напримѣръ, на стр. 140: „мы могли бы произвести эту провѣрку на позади насъ лежащемъ положенiи съ собственностью на людей", все это говоритъ само за себя. И такой переводъ редакторъ скромно называетъ „сохраненiемъ своебразной формы изложенiя!"

СТАТИСТИКА.

„Сборникъ свѣдѣнiй по Кiевской губернiи". *В. Г. Моровало.*

Сборникъ свѣдѣнiй по Кiевской губернiи. Сост. В. Г. Моровой, секретарь кiевскаго губернскаго статистическаго комитета. Кiевъ, 1887 г. Сборникъ свѣдѣнiй по Кiевской губ. г. Моровало составленъ частью по печатнымъ источникамъ, частью по данныхъ, собранныхъ кiевскимъ губ. статистическимъ комитетомъ. Сборникъ г. Моровало составленъ просто, безъ не идущихъ къ дѣлу разсужденiй и даетъ весьма интересный статистическiй матерiалъ. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать книгѣ,—нѣкоторая ея неполнота, отсутствiе данныхъ по многимъ важнымъ вопросамъ; вѣроятно, составитель не имѣлъ подъ рукою необходимыхъ для этого свѣдѣнiй (такъ, въ книгѣ г. Моровало нѣтъ свѣдѣнiй о составѣ населенiя Кiев. губ., о распредѣленiи землевладѣнiя между разными национальностями, и т. д.).

Заимствуемъ у г. Моровало наиболѣе важныя свѣдѣнiя по статистикѣ Кiевской губернiи.

К. губ. занимаетъ площадь въ $926,_{18}$ кв. м. или $44,813,_{2}$ кв. в., что составляетъ вмѣстѣ съ внутренними водами (послѣднiя занимаютъ только $35,_{3}$ кв. в.) 4.665,054 десятины. На этомъ пространствѣ живетъ 2.492,112 д. об. п. Населенныхъ мѣстъ въ К. губ. 11,305, въ томъ числѣ 12 городовъ, 109 мѣст., 7,146 самостоят. поселковъ и 4,038 смежныхъ съ ними поселковъ. Одно населенное мѣсто приходится на $3,_{9}$ кв. в. Плотность населенiя—$55,_{6}$ на кв. в. Городское населенiе 370, 619, т.-е. $15,_{2}$%. На 100 мужч. приходится женщинъ $101,_{1}$ (въ городахъ $97,_{2}$, уѣздахъ—$101,_{8}$). Какъ мы уже выше сказали, составитель не даетъ свѣдѣнiй о составѣ населенiя по нацiональностямъ. Исключенiе дѣлается лишь для одного еврейскаго населенiя, которое насчитывается въ количествѣ 309,521, т.-е. $13,_{4}$% всего населенiя. Разумѣется, ихъ болѣе всего въ городахъ и мѣстечкахъ ($30,_{2}$% и $34,_{1}$%), въ селенiяхъ ихъ только $3,_{3}$%. По уѣздамъ болѣе всего въ Бердичевскомъ уѣздѣ ($^{1}/_{3}$ всего населенiя), что, разумѣется, объясняется сплошнымъ почти еврейскимъ населенiемъ въ г. Бердичевѣ (по оффиц.

свѣдѣніямъ въ Бердичевѣ 75 т. жителей, по неоффиц., гораздо больше). Наименѣе евреевъ въ нѣкоторыхъ южныхъ уѣздахъ — 8% всего населенія.

Поземельная собственность распредѣлена слѣдующимъ образомъ: земли частныхъ владѣльцевъ составляютъ $45,_6$%, крестьянъ—45%, казенныя—4%, удѣльныя $2,_9$%, остальныя $2,_5$%. Изъ частныхъ владѣльцевъ наибольшее количество земли приходится на долю дворянъ (40%), затѣмъ крестьянъ—35%; мѣщанамъ принадлежитъ лишь 15% изъ общаго числа владѣльческихъ земель и купечеству только $2,_9$%. Составитель замѣчаетъ, что изъ рукъ дворянъ перешло лишь 7% ихъ поземельной собственности, между тѣмъ какъ въ Россіи вообще дворяне утратили болѣе 20% земли. Этому, повидимому, способствовало то обстоятельство, что въ К. губ. преобладаетъ крупная земельная собственность въ рукахъ дворянъ, средній размѣръ которой 1,140 дес., но въ числѣ владѣльцевъ немало лицъ, считающихъ свои земли десятками тысячъ десятинъ (такъ, въ одномъ Васильковскомъ уѣздѣ двумъ владѣльцамъ, гр. Браницкимъ, принадлежитъ чуть не ⅓ всѣхъ земель уѣзда), въ Чигиринск. у. 25 владѣльцамъ принадлежитъ болѣе 500 т. дес.).

Крестьянъ всѣхъ наименованій въ К. губ. 681,629 рев. душъ; имъ принадлежитъ около 2 мил. дес. земли, что даетъ $2,_8$ дес. на душу. По категоріямъ, крестьяне бывш. владѣльческіе составляютъ 81%, бывш. государств. 18, бывш. удѣльн. около 1%. Средній размѣръ надѣла первыхъ $2,_6$ дес., вторыхъ—$3,_8$ д., третьихъ—$2,_9$.

Бывшіе владѣльческіе крестьяне составляютъ 1,699 общинъ, считающихъ 546,048 рев. душъ (наличныхъ—почти 700 т.). Средній размѣръ надѣла колеблется между $5,_2$ (въ Радомысльск. у., самомъ незавидномъ въ отношеніи качества земли), до $1,_9$ (въ Чигир. у.); въ 1,455 общинахъ владѣніе землею подворное и только въ 244 общинное.

Бывш. госуд. крестьяне составляютъ 390 общинъ, заключающихъ 131,463 рев. д. Средній размѣръ надѣла колеблется отъ $7,_8$ д. (въ Радом. у.) до $2,_4$ д. (въ Бердич.). Общинное владѣніе только въ 54 общинахъ.

Бывш. удѣльныхъ крестьянъ въ К. губ. только 1,068 рев. д., владѣющихъ 3,105 дес., т.-е. отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ д. на рев. д.

Есть, кромѣ того, въ Кіев. губ. 23 еврейскія земледѣльческія общины, въ которыхъ считается 3,050 рев. д.; средній ихъ надѣлъ крайне ничтоженъ—всего $0,_9$ дес. на душу. Какъ извѣстно, попытки правительства пріучить евреевъ къ земледѣлію путемъ надѣленія ихъ земельными участками, начавшіяся еще съ начала нынѣшняго вѣка, потерпѣли вездѣ неудачу; земледѣліе, очевидно, занятіе, не сродное еврейскому племени.

О другихъ колонистахъ въ К. губ. составитель не даетъ никакихъ свѣдѣній, хотя здѣсь есть и чехи, и нѣмцы, и старообрядцы.

Земельныя угодья распредѣлены въ К. губ. весьма благопріятно: неудобныхъ земель всего $^1/_{20}$, болѣе $^1/_2$ всего количества земли распахано ($57,_2$%), остальная земля находится подъ лѣсомъ ($20,_5$%) и выгонными и луговыми участками ($15,_7$%). Въ крестьянскомъ хозяйствѣ почти вся земля идетъ подъ запашку, почему вездѣ почти чувствуется недостатокъ въ выгонныхъ земляхъ. Преобладающая система полеваго хозяйства трехпольная, причемъ наиболѣе сѣются зерновые хлѣба. Болѣе всего сѣются рожь и озимая пшеница (почти поровну), затѣмъ овесъ; изъ корнеплодовъ значительно развиты посѣвы свекловицы

(почти исключительно у владѣльцевъ). Послѣдняя вообще играетъ весьма важную роль во владѣльческихъ хозяйствахъ въ виду значительнаго числа сахарныхъ заводовъ въ губ. (около 70). Подъ свекловицей во владѣльческихъ земляхъ находится болѣе 75 т. дес.

Подъ лѣсомъ въ К. губ. болѣе 900 т. дес., но распредѣленіе лѣсной площади крайне неравномѣрно: такъ, въ сѣв. уѣздахъ лѣсная площадь занимаетъ до 40°/о всей земли, въ южныхъ падаетъ до 7°/о. На сѣв. и вост. преимущественно краснолѣсье, въ остальной мѣстности чернолѣсье. Наибольшее количество лѣсовъ принадлежитъ владѣльцамъ и казнѣ, и лишь самое незначительное количество крестьянамъ (казнѣ 270 т. дес.; изъ остальныхъ 719 т. дес. только 5°/о крестьянскаго лѣса).

Главное занятіе населенія К. губ.—земледѣліе; изъ общаго числа населенія губ. только 22°/о занимаются иными профессіями.

Всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ К. губ., по даннымъ, собраннымъ кіевск. губ. статист. ком. за 1885 г., было 663; на нихъ работало 40 т. д. рабочихъ и выработано продуктовъ на 78 мил. руб. Наиболѣе важную отрасль фабричной дѣятельности представляетъ въ К. губ. свекло-сахарная промышленность. На 68 свеклосахарныхъ заводахъ въ 1885 г. выработано продуктовъ на $32^1/_2$ мил. р. Изъ приведенныхъ за 10 лѣтъ данныхъ видно, что хотя число заводовъ въ губ. и уменьшилось (съ 75 въ 1876 году на 68 въ 1885 г.), но производство ихъ увеличилось болѣе, нежели въ 2 раза. Рафинадныхъ заводовъ въ К. губ. 4 (въ 1885 г., въ 1876 ихъ было 6) съ производствомъ около 16 м. р. Винокуренныхъ заводовъ въ 1885 г. было 91 (число ихъ сравнительно съ прежними годами значительно уменьшилось: такъ, въ 1878 г. ихъ было 138) съ производствомъ на 15 м. р. Табачныхъ фабрикъ 29 (въ 1883 г. 34) съ произв. болѣе 3 м. р. Затѣмъ по количеству производства идутъ винокуренно-дрождевые заводы (5 съ произв. около 1 м. 400 т.), водочные (2—произв. 1 м. 420 т.), пиво и медоваренные заводы (42—произв. 680 т., но въ 1877 г. ихъ было 66 съ произв. на 935 т. р.). Производство остальныхъ заводовъ и фабрикъ незначительно.

Таковы наиболѣе важныя данныя, извлеченныя нами изъ книги г. Мороваго. Если составитель въ будущихъ изданіяхъ дополнитъ свою книгу опущенными въ нынѣшнемъ изданіи свѣдѣніями (о распредѣленіи замлевладѣнія между разными національностями, измѣненіи состава землевладѣльцевъ особенно за періодъ съ 1863 г., положеніи выкупной операціи и пр.), то книга его станетъ весьма полезнымъ пособіемъ не для однихъ только жителей Кіевской губ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Обзоръ исторіи русскаго права". *Проф. М. В. Владимірскаго-Буданова.*—„О гражданскомъ бракѣ". *Н. Суворова.*—„Юридическій лексиконъ". *Я. Гурлянда.*

Обзоръ исторіи русскаго права по лекціямъ проф. М. В. Владимірскаго-Буданова. Выпускъ II. Исторія русскаго уголовнаго права, гражданскаго права и процесса. Кіевъ, 1886 г. Изъ перечисленныхъ въ заглавіи трехъ отдѣловъ втораго выпуска *Обзора* наиболѣе интереса представляетъ, конечно, отдѣлъ исторіи гражданскаго права; ему посвящена наибольшая часть книги (190 страницъ изъ 282); на немъ мы и остановимся исключительно при разборѣ

второй половины книги г. Владимірскаго-Буданова (отчетъ о первомъ выпускѣ см. въ *Русской Мысли* 1887 г., кн. V). Какъ наименѣе разработанный, этотъ отдѣлъ исторіи русскаго права, естественно, возбуждаетъ наиболѣе ожиданія и даетъ наиболѣе поводовъ къ замѣчаніямъ. Въ основѣ изложенія проф. Владимірскаго-Буданова лежитъ, конечно, Неволинъ, исчерпавшій въ своей „исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ“ *законодательную* исторію институтовъ гражданскаго права до такой полноты, что послѣ него дальнѣйшіе шаги возможны только на почвѣ изученія живой практики права. Къ сожалѣнію, наши новѣйшіе историки права не идутъ этою благодарною, хотя и тяжелою дорогой казуальнаго изученія исторіи права; а безъ такого изученія новаго можно ждать только въ области общихъ точекъ зрѣнія. Общія точки зрѣнія и даются въ наше время школой такъ называемаго сравнительно-историческаго изученія исторіи права. Конечно, можно только порадоваться тому, что теперь отъ всякаго спеціалиста-изслѣдователя исторіи русскаго права требуется солидная сравнительно-историческая подготовка; но было бы напрасно скрывать отъ себя, что до сихъ поръ такая подготовка не соединялась съ обширнымъ документальнымъ знаніемъ, какимъ обладалъ покойный Неволинъ, и въ результатѣ мы мало видѣли пользы отъ освѣщенія стараго матеріала съ новой, сравнительно-исторической точки зрѣнія. Г. Владимірскій-Будановъ—одинъ изъ наименѣе увлеченныхъ новымъ направленіемъ; но именно поэтому, какъ намъ кажется, идеи сравнительно-историческаго направленія гораздо болѣе повредили ему въ разбираемой книгѣ, чѣмъ другимъ изслѣдователямъ, болѣе привыкшимъ къ ихъ употребленію. Мы остановимся только на двухъ отдѣлахъ гражданскаго права, наиболѣе важныхъ: семейственномъ и вещномъ, чтобы яснѣе показать, что́ намъ не нравится въ книгѣ г. Владимірскаго-Буданова.

Идея первоначальнаго коллективизма, замѣняющагося индивидуализмомъ къ концу правоваго развитія, есть, несомнѣнно, одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній сравнительно-исторической школы. Неволинъ, всегда ясный, всегда трезвый, не находя слѣдовъ коллективизма въ извѣстныхъ намъ источникахъ, отказался начинать исторію извѣстныхъ правовыхъ институтовъ съ эпохи коллективизма (родоваго быта, какъ она въ его время понималась); и его основанія были настолько серьезны, что одинъ изъ самыхъ солидныхъ представителей сравнительно-историческаго направленія, проф. Сергѣевичъ, во многихъ случаяхъ долженъ былъ просто съ нимъ согласиться. Г. Будановъ занялъ довольно странное положеніе: принявъ нѣкоторыя идеи сравнительно-исторической школы въ такомъ видѣ, что онѣ у него сильно отзываются реминисценціями *Лекцій и изслѣдованій* проф. Сергѣевича, онъ пытается, вопреки Неволину, вдвинуть гипотетическія явленія доисторическаго быта далеко въ глубь достовѣрной исторической эпохи вплоть до XVIII вѣка. Такъ, Неволинъ призналъ исконнымъ (насколько простираются наши источники) явленіемъ раздѣльность имущества супруговъ. Г. Сергѣевичъ оспариваетъ Неволина, имѣя въ виду свою точку зрѣнія, но съ большими оговорками (стр. 485—9, ср. 930). Г. Будановъ рѣшительно утверждаетъ, что „только въ XVIII в. устанавливается закономъ нынѣ дѣйствующее право полной раздѣльности имуществъ супруговъ“ (стр. 126), а ранѣе — съ XIV в. господствовала семейная общность имуществъ; до XIV же вѣка имущество жены подчинялось даже власти мужа. Правда, относительно послѣдняго онъ оговаривается,

что это только наиболѣе вѣроятное предположеніе въ виду отсутствія источниковъ. На общности же имуществъ съ XIV по XVIII в. онъ настаиваетъ. Чтобы провести такое, прямо противорѣчащее источникамъ положеніе, онъ допускаетъ слѣдующій пріемъ: вмѣсто того, чтобы говорить объ отдѣльномъ имуществѣ жены, онъ говоритъ о ея *приданомъ*, дѣйствительно предназначавшемся для нераздѣльнаго пользованія, пока существуетъ бракъ. Г. Будановъ не ограничивается принятіемъ первоначальнаго *семейнаго* коллективизма, но настаиваетъ и на *родовомъ*, реставрируя, такимъ образомъ, теорію родоваго быта; онъ не только знаетъ, что такой бытъ существовалъ, но знаетъ и то, что онъ перешелъ въ общинный, сохранившійся до послѣдняго времени, знаетъ даже, что „при образованіи частныхъ правъ на землю родовой характеръ получили только такія имущества, *которыя принадлежали болѣе знатнымъ родамъ*. Такіе роды, владѣя обыкновенно значительными участками, обрабатывали ихъ не собственными силами. Всѣ остальные роды, осѣвшись на мѣстѣ, обратились въ *общины*" (стр. 193). И такъ, нѣкоторые роды, именно знатные, сохранились изъ доисторической эпохи, и къ этимъ-то родамъ относится право *родоваго выкупа*, которое авторъ разсматриваетъ какъ смягченную форму родоваго совладѣнія (стр. 203). На такое объясненіе родоваго выкупа не рѣшились ни Неволинъ, ни г. Сергѣевичъ, согласившійся съ Неволинымъ (стр. 945).

Переходимъ къ вещному праву. Если сравнительно-историческая школа говоритъ, что вообще понятіе о собственности развивалось начиная съ движимыхъ вещей и переходя къ недвижимости (*Изслѣдованія* Сергѣевича, стр. 519), то г. Будановъ доказываетъ, что „именно все имущество нашихъ отдаленныхъ предковъ состояло изъ однѣхъ движимыхъ вещей" (стр. 179); что *Русская Правда* вовсе не упоминаетъ о владѣніи недвижимымъ имуществомъ (стр. 180). Если проф. Сергѣевичъ интересуется теоріями первоначальнаго коллективнаго землевладѣнія и обсуждаетъ теорію Маурера и другихъ западныхъ ученыхъ (*Изслѣд.*, стр. 521 и слѣд.), хотя и признаетъ послѣ этого обсужденія, что „возникновеніе нашей современной общины нельзя относить къ очень глубокой древности" (стр. 537), то проф. Будановъ рѣшительно признаетъ (стр. 187), что „право общиннаго владѣнія должно было возникнуть уже во времена первоначальныя. Сверхъ того, наши предки не могли составлять исключенія изъ *всѣхъ до нынѣ изслѣдованныхъ* первобытныхъ народовъ („выводы Маурера о древнихъ германцахъ изъ сказаній Тацита и Цезаря кажутся намъ вполнѣ правильными",—прибавляетъ онъ въ скобкахъ). Авторъ утверждаетъ даже, что лишь вслѣдствіе межевой инструкціи 1754 г. „общинное землевладѣніе, существовавшее въ особенности на сѣверѣ Россіи, вытѣснено и отсюда частью правами отдѣльныхъ лицъ, а, главнымъ образомъ, правами казны" (стр. 221). Непонятно, какъ проф. Будановъ можетъ писать такія вещи послѣ изслѣдованія г-жи Ефименко. Если бы онъ сказалъ какъ разъ обратное: „общинное землевладѣніе, *не* существовавшее въ особенности на сѣверѣ Россіи, введено было и сюда межевою инструкціей 1754 года", то это было бы гораздо вѣрнѣе.

Укажемъ еще нѣсколько странностей въ параграфѣ, самое заглавіе котораго указываетъ на смѣшеніе вещей совершенно различныхъ: „*дворцовыя вотчины (государственныя имущества)*". Проф. Будановъ, кромѣ черныхъ и дворцовыхъ земель, принимаетъ еще какой-то третій видъ, образовавшійся „изъ частныхъ имуществъ князей". Мы не знаемъ, чѣмъ этотъ разрядъ отличается отъ дворцовыхъ; и по автору „въ

московскомъ періодѣ онъ сливается съ нимъ (подклѣтными землями), ибо, вслѣдствіе развитія самодержавія, права государства слились съ личными правами государя. Продолженіе еще страннѣе. По автору, съ перемѣной династіи субъектомъ права на всѣ государственныя имущества является не лично князь, а учрежденіе—дворецъ, какъ „государство въ болѣе конкретномъ видѣ"; вмѣстѣ съ этимъ измѣняется положеніе дворцовыхъ крестьянъ. „Крестьяне дворцовыхъ вотчинъ составили общины, которыя пріобрѣтали все большія и большія права на землю, и, будучи въ XVIII в. причислены въ одну категорію съ черными землями, составили вмѣстѣ съ послѣдними сословіе государственныхъ крестьянъ" (стр. 190). Если авторъ слѣдуетъ здѣсь Чичерину (*Опыты*, стр. 40), то, вѣдь, тамъ говорится о случаяхъ сліянія нѣкоторыхъ черныхъ волостей съ дворцовыми къ концу XVII в., а не о причисленіи дворцовыхъ къ чернымъ; государственные крестьяне (какъ составившіеся изъ черносошныхъ, ясачныхъ и однодворцевъ) и у Чичерина противуполагаются дворцовымъ (стр. 43—4). Если же г. Будановъ разумѣетъ здѣсь соединеніе дворцовыхъ крестьянъ съ казенными при Екатеринѣ, то извѣстно, что это соединеніе было только перемѣной администраціи (они вѣдались казенными палатами), а не перемѣной ихъ назначенія: доходы отсылались въ придворную контору; а 22 года спустя послѣ этого соединенія ихъ, Павелъ учрежденіемъ объ императорской фамиліи снова отдѣлилъ старыхъ дворцовыхъ крестьянъ въ особое вѣдомство, переименовавъ ихъ удѣльными. Когда же происходило то, что описываетъ г. Владимірскій-Будановъ? Врядъ ли указанные факты ему неизвѣстны, но ему непремѣнно хочется вывести градацію: личная государева собственность, дворцовая собственность, государственная собственность,—точно такъ же, какъ выше онъ получилъ, наперекоръ фактамъ, другую градацію: имущество женъ подъ властью мужа, въ общемъ владѣніи съ мужемъ, въ отдѣльномъ владѣніи.

Если мы указываемъ преимущественно на недостатки книги проф. Владимірскаго-Буданова, за то другія рецензіи указывали преимущественно на ея достоинства; *Обзору исторіи русскаго права*, несомнѣнно, суждено занять важное мѣсто въ нашей учено-педагогической литературѣ и нѣсколько замѣчаній о слабыхъ сторонахъ его, можетъ быть, не будутъ лишними.

О гражданскомъ бракѣ. Н. Суворова. Ярославль, 1887 г. Цѣна 60 к. Профессоръ Суворовъ извѣстенъ нѣсколькими основательными работами въ области каноническаго права. Небольшая книга подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ посвящена очень важному вопросу, давно уже занимающему и нашихъ ученыхъ, и русское общественное мнѣніе. Въ концѣ своего историческаго обзора развитія института гражданскаго брака г. Суворовъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Гражданскій бракъ, въ границахъ государственной необходимости, не есть ни кощунственная пародія на бракъ, ни нападеніе на народную нравственность, ни покушеніе на индивидуальную человѣческую свободу, а означаетъ успѣхъ человѣческой культуры и завоеваніе человѣческаго ума, указываетъ на прогрессъ въ исторіи человѣчества, даже служитъ признакомъ христіанской цивилизаціи, которая, въ отличіе отъ античной цивилизаціи, совершенно смѣшивавшей и сливавшей религіозное съ государственнымъ и государственное съ религіознымъ, до насилія надъ совѣстью человѣческою, зиждется на различеніи Божьяго и кесарева". Къ сожалѣнію, къ этимъ словамъ

ярославскій профессоръ присоединяетъ оговорку, которая только вноситъ путаницу въ вопросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ: „Христіанскій кесарь въ христіанскомъ государствѣ можетъ и долженъ, гдѣ нужно (а гдѣ же именно нужно?), сглаживать тѣ рѣзкости и разности между церковнымъ и государственнымъ, которыя устанавливаются доктриной, при руководствѣ теоретическаго мышленія, т.-е. христіанскій монархъ можетъ (и долженъ?) возводить церковныя учрежденія на степень государственныхъ, какъ скоро это оказывается полезнымъ, цѣлесообразнымъ и необходимымъ для государства, и, слѣдовательно, въ такой мѣрѣ, въ какой это сліяніе церковнаго съ государственнымъ не содержитъ въ себѣ нарушенія общечеловѣческихъ и общегражданскихъ правъ“. Приведенное мѣсто заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, провозглашеніе практическаго правила: Божіе можетъ и должно подчиняться кесареву, въ противуположность *доктринѣ*, такое подчиненіе отвергающей; во-вторыхъ, ограниченіе этого правила, содержащееся въ послѣднихъ словахъ приведенной нами выдержки, не даетъ никакихъ точныхъ указаній, ибо предѣлъ общечеловѣческихъ и общегражданскихъ правъ измѣняется и подвигается впередъ по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Если г. Суворовъ признаетъ, что свобода религіозной совѣсти принадлежитъ именно къ такимъ правамъ, то какимъ образомъ онъ примиритъ возможность и *долгъ* возводить на степень государственныхъ учрежденія одной опредѣленной церкви? Самъ г. Суворовъ вполнѣ сочувственно цитируетъ слѣдующія слова Маассена: „Свобода не исповѣдывать никакой религіи вытекаетъ, какъ простой логическій выводъ, изъ отрицанія всякаго матеріальнаго принужденія въ дѣлахъ вѣры. Вторженіе въ свободу совѣсти, въ сущности, будетъ одинаково, принуждается ли кто исповѣдывать ту или эту опредѣленную религію“. Съ основною мыслью г. Суворова о необходимости у насъ гражданскаго брака нельзя не согласиться: съ церкви снято было бы,—говоритъ авторъ книги,—нареканіе, что она навязываетъ свои священнодѣйствія, преподаетъ ихъ насильственно людямъ, совершенно не раздѣляющимъ вѣроученія церкви. Г. Суворовъ отмѣмѣчаетъ необходимость гражданскаго брака и въ виду существованія у насъ нѣкоторыхъ сектъ, не признающихъ священства.

Юридическій лексиконъ, объясняющій термины и институты права, судопроизводства, судоустройства и нотаріата. Составилъ Яковъ Гурляндъ. Томъ II, выпускъ VI. Цѣна 1 р. 50 к. Одесса. Мы говорили своевременно о первыхъ выпускахъ *Юридическаго лексикона*, издаваемаго г. Гурляндомъ. Предпріятіе это еще далеко отъ окончанія: шестой выпускъ содержитъ въ себѣ букву Г, отъ *Габеасъ-корпусъ-актъ* до губныхъ цѣловальниковъ. Въ немъ находятся общеполезныя юридическія и историко-юридическія свѣдѣнія. Г. Гурляндъ пользовался хорошими пособіями (трудами, напримѣръ, профессоровъ Градовскаго, Муромцева, Загоскина и друг.), но иногда черпалъ свои свѣдѣнія изъ устарѣлыхъ и неудовлетворительныхъ сочиненій (изъ *Исторіи русскаго права* Михайлова, напримѣръ). Основныя юридическія воззрѣнія, которыя развиваются въ шестомъ выпускѣ *Лексикона*, заслуживаютъ полнаго сочувствія. Такъ, г. Гурляндъ основательно видитъ въ гласности одну изъ самыхъ лучшихъ гарантій правильности судебнаго производства. Нѣкоторыя статьи этого выпуска очень растянуты. Производить справки по отдѣльнымъ выпускамъ неудобно, такъ какъ при нихъ нѣтъ указателей.

МЕДИЦИНА.

„Курсъ военной гигіены". *Проф. А. Доброславина.*—„Проектъ преобразованія гражданскихъ врачебныхъ учрежденій". *Д-ра Ю. Укке.*

Курсъ военной гигіены. Проф. А. Доброславина. Томъ II. Спб., 1887 г. Цѣна 3 руб. Изданіе К. Риккера. Второй томъ *Военной гигіены* проф. Доброславина состоитъ изъ 17 главъ, имѣющихъ (какъ и въ курсѣ проф. Эрисмана) форму лекцій: три первыя главы посвящены основаніямъ медицинской статистики, послѣдующія восемь излагаютъ профилактику отдѣльныхъ эпидемическихъ болѣзней и шесть заключительныхъ главъ—спеціально-военнаго содержанія. Изъ заразныхъ болѣзней всего подробнѣе разбираются холера (3 главы) и оспа (2 главы). Въ вопросѣ о предохранительной прививкѣ г. Доброславинъ принадлежитъ къ умѣреннымъ сторонникамъ вакцинаціи, сознаетъ шаткость статистическихъ доводовъ въ пользу вакцинаціи (въ знаменитой шведской статистикѣ смертность отъ оспы смѣшивалась со смертностью отъ кори), соглашается съ тѣмъ, что противниковъ вакцинаціи часто замалчиваютъ, и обращаетъ вниманіе на отсутствіе систематическихъ работъ по изученію путей распространенія оспы. Глава о болотной лихорадкѣ (болѣзни столь важной для военной гигіены) написана очень блѣдно. Въ разныхъ мѣстахъ книги авторъ старается возстановить значеніе русскихъ изслѣдователей въ открытіи различныхъ болѣзнетворныхъ бактерій.

Опечатками книга положительно кишитъ; краткій списокъ погрѣшностей не обнимаетъ и десятой ихъ доли. Но помимо опечатокъ встрѣчается много недосмотровъ и неудачныхъ выраженій, которыми особенно изобилуетъ первая глава, составленная по сочиненію Кетле. Нѣкоторыя опечатки искажаютъ смыслъ („пражская" академія, вмѣсто парижская, и т. п.). Въ первой изъ главъ, трактующихъ объ оспѣ, вверху страницъ всюду напечатанъ заголовокъ „холера".

Распространеніе *Курса военной гигіены* проф. Доброславина встрѣтитъ себѣ опаснаго конкуррента въ только что изданномъ *Курсѣ гигіены* проф. Эрисмана.

Проектъ преобразованія гражданскихъ врачебныхъ учрежденій. Сочиненіе доктора медицины Юлія Укке. Спб., 1887 г. Брошюра д-ра Укке представляетъ смѣсь довольно устроумной критики существующихъ правительственныхъ медицинскихъ учрежденій и благихъ пожеланій по улучшенію врачебнаго дѣла со странными нападками на земскую медицину и не менѣе странными предложеніями объ учрежденіи бюрократическаго контроля надъ этою медициной.

Что авторъ придаетъ большое значеніе обстоятельной санитарной статистикѣ и практической гигіенѣ, это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ фразъ: „Изслѣдованіе, т.-е. хорошее знакомство со страною— первый элементъ въ дѣлѣ оздоровленія" (стр. 4); необходима „фактическая равноправность врачебной и санитарной медицины" (стр. 24). Критикуя нашъ медицинскій департаментъ, д-ръ Укке справедливо подчеркиваетъ тотъ фактъ, что у насъ административное мѣсто занимается научными и научно-техническими дѣлами, а медицинскій совѣтъ (составляющійся научными силами) играетъ совершенно пассивную роль (стр. 57).

Теперь укажемъ нѣкоторыя отрицательныя стороны новой брошюры.

Въ вину земской медицинѣ ставится то обстоятельство, что она нигдѣ не достигаетъ фактически недостижимой цѣли — подавать врачебную помощь всѣмъ жителямъ (стр. 21). „Исторія земскихъ медицинскихъ учрежденій, — говоритъ д-ръ Укке, — показываетъ, что они не могутъ правильно вести санитарныя дѣла, не могутъ уменьшить заболѣваемость и смертность, что имъ руководитель необходимъ“ (стр. 59). Такимъ руководителемъ должно явиться государство, а мѣстнымъ представителемъ государства долженъ быть, по мнѣнію автора, уѣздный врачебный инспекторъ (стр. 24). Въ самой брошюрѣ можно встрѣтить указаніе на то, что гигіеническое вліяніе нынѣ существующаго губернскаго врачебнаго инспектора ограничивается, главнымъ образомъ, аптеками: „на больницы и тюрьмы онъ имѣетъ малое вліяніе, а на населеніе никакого“ (стр. 41). Указаніе это идетъ изъ вполнѣ компетентнаго источника, да, если мы не ошибаемся, авторъ брошюры самъ былъ инспекторомъ одной изъ губернскихъ врачебныхъ управъ. Отчего же онъ полагаетъ, что дѣятельность уѣздныхъ инспекторовъ будетъ плодотворнѣе, чѣмъ теперешнихъ губернскихъ? Придавая большое значеніе статистикѣ, проектъ предлагаетъ налагать на земскихъ врачей штрафъ около 5 рублей за недоставленіе статистическихъ свѣдѣній (стр. 44); сомнѣваемся, чтобы назначеніе штрафа повліяло особенно благотворно на качество статистическихъ свѣдѣній. Проектъ реформы центральныхъ медицинскихъ учрежденій мы находимъ весьма основательнымъ; напрасно только и въ проектѣ оставлена теперешняя связь ветеринарнаго дѣла съ медициной: ветеринарная практика гораздо ближе стоитъ къ сельско-хозяйственнымъ интересамъ, чѣмъ къ медицинскимъ.

Брошюра издана довольно небрежно. Во-первыхъ, встрѣчается много опечатокъ и недосмотровъ, а, во-вторыхъ, сплошь и рядомъ употребляются совершенно нерусскія выраженія и согласованія, хотя авторъ, кажется, долго жилъ и служилъ въ чисто-русскомъ городѣ (Самарѣ). Приводимъ примѣры: „оспенныхъ вѣдомостей считаютъ невѣрными“ (стр. 12); „совѣтъ выбираетъ штатные члены“ (стр. 64); „цифра ведется изъ оффиціальныхъ данныхъ“ (стр. 76) и т. п. Цифра уѣздовъ земской Россіи неправильно показана 362, вмѣсто 360.

Брошюру д-ра Укке съ несомнѣннымъ интересомъ прочтутъ не одни врачи, но и всѣ лица, интересующіяся земскимъ и городскимъ хозяйствомъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сводъ опытовъ и наблюденій хозяевъ по разведенію кормовой кукурузы и силосованію зеленыхъ и другихъ кормовъ“. *И. Мещерскаго.* — „Огурцы, дыни, арбузы и тыквы“. *Л. А. Черноглазова и Н. И. Кичунова.* — „Хищническое скотоводство и способы его распространенія“. *С. О. Шилкина.* — „Годъ русскаго земледѣльца“. *В. В. Селиванова.* — „О воздѣлываніи широколиственныхъ мучнистыхъ растеній“. *В. Г. Котельникова.* — „Составъ чистокровнаго отдѣленія государств. Хрѣновскаго конскаго завода въ 1886 году“. — „Молочное хозяйство“. *Д-ра фонъ-Кленце.* — „Пчела, ея жизнь и главныя правила пчеловодства“. *А. Бутлерова.*

Сводъ опытовъ и наблюденій хозяевъ по разведенію кормовой кукурузы и силосованію зеленыхъ и другихъ кормовъ. И. Мещерскаго. Спб., 1887 г. Цѣна 1 р. 25 к. Въ нашихъ сельско-хозяйственныхъ періодическихъ изданіяхъ помѣщается масса от-

рывочныхъ опытовъ и наблюденій отдѣльныхъ лицъ по различнымъ отраслямъ хозяйства. Бо́льшая часть этихъ опытовъ, возбудивъ интересъ минуты, теряется затѣмъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы воспользоваться суммою опытныхъ знаній, накопившихся въ Россіи по тому или другому вопросу практическаго хозяйства. До послѣдняго времени (до указателей г. Замыцкаго, изданныхъ департаментомъ земледѣлія за 1884 и 1885 годы) у насъ не было библіографическихъ указателей для сельско-хозяйственныхъ статей, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ, такъ что старые опыты и наблюденія являлись какъ бы похороненными.

По иниціативѣ редактора *Земледѣльческой Газеты* (главнаго пропагандиста силосованія въ Россіи) г. Мещерскій составилъ въ 1885 году сводъ различныхъ русскихъ сообщеній о силосованіи за 10 лѣтъ (1875—85); теперь этотъ сводъ (помѣщенный прежде въ журналѣ г. Баталина) издается отдѣльною книгой съ дополненіемъ за слѣдующіе 2 года (1885—87) и съ приложеніемъ перевода статьи Фрея о сладкомъ силосованіи. Работа г. Мещерскаго несомнѣнно была кропотливая, и мы привѣтствуемъ ее, какъ новое въ своемъ родѣ полезное пріобрѣтеніе нашей сельско-хозяйственной литературы. Жаль, что мы не имѣемъ еще подобныхъ сводовъ по другимъ вопросамъ русскаго хозяйства, заслуживающимъ никакъ не меньшаго вниманія, чѣмъ силосованіе кормовъ.

Въ книгѣ г. Мещерскаго подробно описаны опыты разведенія кукурузы, пріемы силосованія ея и различныхъ другихъ растеній. Любопытно, что по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ культуры кормовой кукурузы двѣнадцалѣтняя русская практика не пришла еще къ опредѣленнымъ результатамъ: „опытъ еще не выработалъ прочныхъ правилъ относительно того, на какой землѣ и въ какихъ именно мѣстностяхъ выгодно разводить конскій зубъ“ (стр. 195). Зависитъ это, вѣроятно, отъ того, что мы еще очень бѣдны систематическими свѣдѣніями по сельско-хозяйственной географіи: мѣстное сельско-хозяйственное знаніе развито у насъ пока въ крайне слабой степени. Странно еще то, какъ мало производилось опытовъ относительно вліянія силосованной кукурузы на количество и качество молочныхъ продуктовъ.

Къ книгѣ приложены 2 алфавитные указателя: одинъ изъ нихъ расположенъ по авторамъ, другой по предметамъ; мы посовѣтовали бы прибавить еще третій—географическій (по мѣстностямъ).

Надѣемся, что примѣръ г. Мещерскаго вызоветъ подражанія въ видѣ такихъ же сводовъ по различнымъ сторонамъ нашей сельско-хозяйственной дѣйствительности, систематическое изученіе которой должно составлять важный отдѣлъ сельско - хозяйственнаго образованія.

Огурцы, дыни, арбузы и тыквы. Л. А. Черноглазова и Н. И. Кичунова. Спб., 1887 г. Цѣна 75 коп. Въ этой книжкѣ, снабженной 50 рисунками, сравнительно всего подробнѣе изложено воздѣлываніе огурцовъ, которые играютъ такую видную роль въ русскомъ народномъ продовольствіи и составляютъ одно изъ немногочисленныхъ вкусовыхъ веществъ, входящихъ въ меню нашего крестьянскаго стола. Конечно, для крестьянской культуры не имѣетъ значенія бо́льшая часть огуречныхъ сортовъ, выращенныхъ любителями-садоводами; но само по себѣ широкое распространеніе культуры огурцовъ весьма желательно и съ хозяйственной, и съ санитарной точки зрѣнія. Породы огурцовъ въ книжкѣ гг. Черноглазова и Кичунова охарактеризованы по методу

г. Ростова на основаніи особенностей завязи женскихъ цвѣтовъ; этотъ признакъ оказывается наиболѣе устойчивымъ для характеристики отдѣльныхъ сортовъ. Культура арбузовъ и дынь, въ силу географическихъ причинъ, не имѣетъ такого всероссійскаго значенія, какъ воздѣлываніе огурцовъ, но и она заслуживаетъ въ южной Россіи бóльшаго вниманія и тѣмъ болѣе нуждается въ руководствѣ, что арбузы въ Западной Европѣ почти неизвѣстны, и изъ иностранной литературы здѣсь поучиться нечему. Тыквѣ желательно было бы отвести мѣсто не только на нашихъ огородахъ, но и на поляхъ (какъ кормовому растенію). Особое приложеніе, не вяжущееся съ остальнымъ содержаніемъ книжки, составляетъ описаніе культуры шампиньоновъ; это уже всецѣло промышленная культура, разсчитываемая преимущественно на сбытъ въ гастрономическихъ сферахъ.

Вѣроятно, книжка гг. Черноглазова и Кичунова найдетъ себѣ спросъ въ средѣ лицъ, начинающихъ заниматься огородничествомъ.

Хищническое скотоводство и способы его распространенія. С. О. Шилкина. Спб., 1887 г. Цѣна 20 коп. Брошюра г. Шилкина носитъ исключительно полемическій характеръ: она направлена противъ публичныхъ чтеній Н. В. Верещагина о молочномъ хозяйствѣ и скотоводствѣ и противъ сообщенія, сдѣланнаго тѣмъ же Н. В. Верещагинымъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Уже въ предисловіи г. Шилкинъ предупреждаетъ, что ему „придется отнестись и къ чтеніямъ, и къ сообщенію нѣсколько сурово, т.-е. высказаться безъ обычныхъ прикрасъ". Дѣйствительно, въ самой брошюрѣ различныя выраженія г. Верещагина подвернуты строгой, мѣстами нѣсколько придирчивой критикѣ; многія совершенно справедливыя замѣчанія направлены исключительно противъ стилистическихъ неточностей г. Верещагина, который обвиняется и въ передержкѣ фактовъ, и въ невѣрныхъ цитатахъ, и въ противорѣчіяхъ самому себѣ. Впрочемъ, вопросъ о хищническомъ скотоводствѣ (такимъ именемъ авторъ обзываетъ частновладѣльческое содержаніе русскихъ крестьянскихъ коровъ) почти не затрогивается въ брошюрѣ по содержанію; брошюра придерживается только произведеній г. Верещагина и представляетъ собою какъ бы рецензію этихъ произведеній. Находя тонъ брошюры въ иныхъ мѣстахъ неприличнымъ, мы, тѣмъ не менѣе, рекомендуемъ ее вниманію нашихъ хозяевъ на ряду съ чтеніями Н. В. Верещагина: du choc des opinions jaillit la verité. Умѣренная цѣна брошюры показываетъ, что авторъ при изданіи ея не руководился никакими спекулятивными цѣлями.

Годъ русскаго земледѣльца. Зарайскій уѣздъ, Рязанской губерніи. В. В. Селиванова. Рязань, 1887 г. Цѣна 1 руб. Очеркъ покойнаго В. В. Селиванова былъ напечатанъ впервые въ журналѣ *Русская Бесѣда* за 1856 и 1857 годы; теперь, черезъ 30 лѣтъ, онъ выходитъ отдѣльнымъ изданіемъ. Содержаніе очерка на половину сельско-хозяйственное, на половину этнографическое. Онъ живо рисуетъ картину крестьянской сельско-хозяйственной техники и крестьянскаго быта въ небольшомъ уголкѣ центральной Россіи. На очеркъ ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть какъ на руководство особенно для сельскихъ жителей, хотя многіе городскіе жители, заинтересовавшіеся деревнею, прочтутъ его съ большимъ интересомъ и, навѣрное, не безъ пользы; жаль только, что издатель въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ не оговорилъ явныхъ ошибокъ и неточностей, встрѣча-

ющихся у покойнаго Селиванова. Напримѣръ, невозможно, чтобы въ Зарайскомъ уѣздѣ когда-нибудь высѣвали по 2 четверти пшеницы на тридцатную десятину (стр. 13); сомнительно, чтобы практическія наблюденія доказали вредъ осенней пахоты подъ овесъ на глинистыхъ почвахъ (стр. 18); едва ли удачно при заказываніи луговъ и при посѣвѣ растеній руководиться такими подвижными сроками, какъ Троицынъ день (стр. 20 и 22) и т. п. Изображая фактическіе пріемы крестьянскаго земледѣлія и скотоводства, хорошо извѣстные мѣстнымъ жителямъ, книжка не можетъ предназначаться для мѣстныхъ крестьянъ и по той причинѣ, что въ ней сообщается много суевѣрныхъ примѣтъ безъ всякой оговорки со стороны автора или издателя. Такова, напримѣръ, указываемая на стр. 45 связь между поведеніемъ мышей и хлѣбными цѣнами: „если хлѣбъ мыши ѣдятъ сверху, хлѣбъ будетъ дорогъ; снизу—цѣны на хлѣбъ будутъ низки; если же мышь въѣдается въ средину, то цѣны на хлѣбъ будутъ средніяˮ. Описаніе семейно-бытовой стороны жизни тѣсно переплетено съ описаніями хозяйственныхъ порядковъ: подробно разсказаны свадебные, крестильные обычаи, празднованіе Пасхи, Рождества, масляницы у зарайскихъ крестьянъ въ пятидесятыхъ годахъ. Не мало разсѣяно и любопытныхъ воспоминаній (со словъ стариковъ) о сравнительно давнемъ времени, когда въ зарайскомъ имѣніи еще хозяйничалъ прадѣдъ автора. У этого прадѣда было около 2 тысячъ душъ, а доходу онъ получалъ рублей 500 со всего имѣнія, и все мѣдными деньгами („какъ нужно брать было съ собою денегъ, такъ возили деньги въ особой фурѣˮ); при натуральномъ строѣ хозяйства деньги, въ сущности, были и не нужны; даже „на барышняхъ ничего покупнаго не былоˮ (стр. 47).

Позволимъ себѣ еще привести справедливыя слова автора, относящіяся къ истребленію лѣсовъ (стр. 96): „Эти лѣса, въ которыхъ вся Рязанская губернія имѣла свой единственный строевой матеріалъ и большая часть нашего уѣзда—топливо, исчезнутъ невозвратно, приводя въ движеніе колеса паровыхъ машинъ и паровозовъ, которые, быть можетъ, доставятъ намъ дешевѣйшія мануфактурныя издѣлія и дешевѣйшую перевозку товаровъ, но не построятъ земледѣльцу избы, не натопятъ печи, не сварятъ щей. Страшно и подумать, какія бѣдствія ожидаютъ наше отечество, если истребленіе и нерадѣніе къ возстановленію лѣсовъ еще продолжится. Замѣтно изсякаютъ родники и высыхаютъ ручьи, болота обращаются въ сухіе луга, и край нашъ, не знавшій прежде засухъ, сталъ нынѣ часто ими посѣщаемъˮ.

Къ достоинству изданія слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что на заголовкѣ книги точно указана мѣстность, къ которой относится описаніе.

О воздѣлываніи широколиственныхъ мучнистыхъ растеній. (Бесѣды по земледѣлію съ 30-й по 35-ю). В. Г. Котельникова. Спб., 1887 г. Изданіе Девріена. Цѣна 25 коп. Новый выпускъ *Бесѣдъ* г. Котельникова говоритъ по преимуществу о культурѣ бобовыхъ растеній, къ которымъ присоединена изъ другаго семейства одна гречиха. Изложеніе автора, на нашъ взглядъ, отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и въ предъидущихъ выпускахъ *Бесѣдъ*. Къ достоинствамъ мы причисляемъ сжатость и точность выраженій, къ недостаткамъ—сухость изложенія и книжность языка, препятствующую непосредственному обращенію брошюры въ средѣ грамотныхъ крестьянъ. Какъ пособіе для мелкихъ владѣльцевъ, начина-

ющихъ хозяйничать, и для бесѣдъ съ крестьянскими ребятами и взрослыми крестьянами, новая брошюра несомнѣнно заслуживаетъ вниманія.

Составъ чистокровнаго отдѣленія государственнаго Хрѣновскаго конскаго завода въ 1886 году. Спб., 1887 г. Изд. Девріена. Цѣна 1 р. 50 к. Ни въ одной европейской странѣ лошади не имѣютъ такого хозяйственнаго значенія, какъ въ Россіи (даже въ Даніи отношеніе лошадей къ населенію меньше, чѣмъ у насъ), и, однако, русская литература весьма бѣдна сочиненіями по хозяйственному коневодству. Вмѣсто того, чтобы восполнить этотъ недостатокъ привлеченіемъ спеціалистовъ и изданіемъ книгъ по столь важному вопросу, г. Девріенъ, единственный въ Россіи издатель сельско-хозяйственныхъ книгъ, предпочелъ напечатать дорогую брошюрку въ 100 страничекъ, понятную исключительно для немногочисленнаго круга спортсменовъ, посвященныхъ въ таинства генеалогіи англійской скаковой лошади. Полагаемъ, что лошадиный спортъ и безъ того уже пользуется у насъ достаточнымъ вниманіемъ со стороны главнаго управленія коннозаводства, которое и занимается изданіемъ книгъ и родословныхъ по этому предмету. Для обыкновенныхъ смертныхъ голый перечень Эльвиръ, Лоръ, Лукрецій, Китти I, Китти II, Сальваторовъ, Виконтовъ и иныхъ знатныхъ кобылъ и жеребцовъ съ восходящею родней до пятаго поколѣнія—все равно, что тарабарская грамота.

Молочное хозяйство. Практическое руководство къ уходу за молочнымъ скотомъ, къ обработкѣ молока и приготовленію масла и сыра. Д-ра фонъ-Кленце. Перев. подъ ред. П. Н. Кулешова. Спб., 1887 г. Изданіе. Девріена. Ц. 1 р. 25 k. Въ нашей переводной литературѣ имѣется уже давно классическое руководство Флейшмана (*Молоко и молочное дѣло*), подробно излагающее научныя основанія молочнаго хозяйства. Къ сожалѣнію, эта объемистая книга слишкомъ дорога (первый томъ стóитъ 5 р., второй—3 р.); за то она дѣйствительно научна по содержанію и въ этомъ отношеніи не можетъ быть сравниваема ни съ руководствомъ Петерсена, ни съ только что появившимся руководствомъ Кленце. Послѣднее въ предварительныхъ публикаціяхъ объ изданіи перевода именовалось другимъ названіемъ: *Практикъ маслодѣлъ и сыроваръ*, и, пожалуй, это заглавіе было бы удачнѣе и ближе подходило бы къ содержанію книжки.

Воспитанію, содержанію и кормленію молочнаго скота посвящены съ небольшимъ три странички, т.-е. объ этомъ все равно что ничего не сказано. Все изложеніе отличается большою краткостью, которая иногда переходитъ въ недосказанность. Приведемъ примѣръ. На стр. 14 жирнымъ шрифтомъ напечатано заглавіе „Ядовитое молоко". Что же сказано объ этомъ ядовитомъ молокѣ? „Ядовитость обнаруживается въ кисломъ молокѣ, если оно послѣ долгаго стоянія на солнцѣ скармливается свиньямъ". И только. Нѣкоторыя дополненія, сдѣланныя редакторомъ перевода, напримѣръ, интересное сообщеніе о недавно изобрѣтенномъ ручномъ сепараторѣ (для отдѣленія сливокъ отъ молока), написаны также слишкомъ сжато.

Книжка изобилуетъ рисунками (115 штукъ), которые изображаютъ всевозможную утварь, относящуюся къ обработкѣ молока, маслодѣлію и сыроваренію; при этомъ приведено (въ германскихъ маркахъ) множество цѣнъ для различныхъ размѣровъ посуды и машинъ, такъ что

по временамъ книжку можно принять за каталогъ какого-нибудь нѣмецкаго склада молочно-хозяйственныхъ принадлежностей.

Паровыя центробѣжныя машины (сливкоотдѣлители) описаны сравнительно подробно; даже приложены составленныя Флейшманомъ правила предосторожностей при употребленіи этихъ довольно опасныхъ машинъ. О главной формѣ сбыта русскихъ молочныхъ продуктовъ, о топленомъ маслѣ (которое вывозится отъ насъ въ значительныхъ количествахъ преимущественно въ Турцію *) сказано очень мало. О маслобойкахъ у Кленце говорится немного, но при этомъ сдѣлано дѣльное замѣчаніе, что 9/10 употребляющихся маслобоекъ не заслуживаютъ никакого вниманія. Вслѣдъ за изложеніемъ маслодѣлія и сыроваренія помѣщена еще небольшая глава о счетоводствѣ и объ арендованіи молока, съ приложеніемъ формъ отчетности по молочному дѣлу. Здѣсь мы замѣчаемъ нѣкоторое противорѣчіе съ текстомъ книги: на стр. 210 таблица для записыванія молока при самой дойкѣ приспособлена къ двукратному доенію, между тѣмъ какъ въ текстѣ (стр. 22) основательно рекомендуется вездѣ, гдѣ возможно, вводить троекратное доеніе.

Переводъ сдѣланъ вообще хорошо и не отзывается нѣмецкимъ синтаксисомъ. Тѣмъ не менѣе, встрѣчаются нѣкоторыя выраженія неудачныя или не имѣющія правъ гражданства въ русскомъ языкѣ, наприм., „телицы" (стр. 2) „млекопитающихся" (стр. 5), „молочня"—слово, почти систематически употребляющееся въ книжкѣ, хотя мѣстами встрѣчается (стр. 196 и 206) и правильное выраженіе „молочная".

Полагаемъ, что руководство Кленце, не замѣняя собою отсутствія общедоступнаго русскаго изложенія научныхъ основаній молочнаго дѣла, окажется полезною книгой, какъ краткій справочный указатель по молочно-хозяйственной техникѣ. Распространеніе книги было бы болѣе обезпечено, если бы цѣна перевода была нѣсколько понижена.

Пчела, ея жизнь и главныя правила пчеловодства. Краткое руководство для пчеляковъ. Составилъ А. Бутлеровъ. Съ рисунками въ текстѣ. Сочиненіе, удостоенное И. в. э. обществомъ почетной золотой медали, установленной Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Еленою Павловной. VI изданіе. Ц. 60 коп. Спб., 1887 г. Это посмертное изданіе *Пчелы* А. Бутлерова, напечатанное по распоряженію И. вольнаго экономическаго общества, ни чѣмъ не отличается отъ V-го изданія. Говорить о достоинствахъ этого руководства, справедливо считающагося лучшимъ изъ имѣющихся на русскомъ языкѣ, не приходится. Къ руководству приложенъ портретъ Бутлерова съ его факсимиле.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Пиво московскихъ заводовъ". *Н. Ѳ. Ярцева.* — „Атласъ исполнительныхъ чертежей машинъ, заводскихъ зданій и проч. техническихъ сооруженій".—„О положеніи каменно-угольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ". *В. А. Добролюбова.*

Пиво московскихъ заводовъ. Изслѣдованіе Н. Ѳ. Ярцева. Москва, 1887 г. Научное изслѣдованіе продуктовъ отечественной промышленности, а тѣмъ болѣе продуктовъ, служащихъ питательными веществами, составляетъ, безъ сомнѣнія, предметъ высокой обществен-

---

*) Въ Турцію же вывозится болѣе трети русскаго сыра.

ной важности. Въ этомъ отношеніи нѣмецкая, наприм., техническая литература представляетъ объемистые сборники какъ анализовъ всевозможныхъ питательныхъ веществъ, такъ и подробныя указанія относительно ихъ фальсификаціи. Такіе сборники несомнѣнно интересуютъ заграничную публику, такъ какъ они выдерживаютъ иногда по нѣскольку изданій. Таковъ, наприм., сборникъ, цитируемый въ работѣ г. Ярцева, изданный профессоромъ Кёнигомъ (вышедшій въ Берлинѣ въ 1882 г. вторымъ изданіемъ). Въ этомъ сборникѣ указанъ, между прочимъ, составъ свыше 600 сортовъ одного только пива, изслѣдованнаго въ разные годы и въ разныхъ странахъ. Что касается нашей технической литературы, то въ ней подобныя изслѣдованія—дѣло совершенно новое: не говоря уже о провинціи, даже и столичная наша публика, повидимому, мало интересуется этимъ дѣломъ и не имѣетъ научныхъ изслѣдованій даже о такихъ продуктахъ ежедневнаго мѣстнаго потребленія, какъ, наприм., хлѣбъ и молоко. Предметы сравнительной роскоши, какъ, наприм., вино (виноградное) и наливки мѣстныхъ фабрикацій, рыба, а также разныя мясныя закуски,—все это продается и покупается безъ всякой гарантіи относительно доброкачественности товара и подвергается контролю точнаго лабораторнаго изслѣдованія лишь въ криминальныхъ случаяхъ, по заявленію о томъ подлежащимъ властямъ.

Настоящее изслѣдованіе г. Ярцева представляетъ собою рѣдкую у насъ техническую работу, произведенную по частной иниціативѣ и опубликованную съ подробнымъ описаніемъ употребленныхъ аналитическихъ пріемовъ и всѣхъ полученныхъ результатовъ изслѣдованія, а потому оно, конечно, не можетъ не представлять интереса для спеціалистовъ и любителей (т.-е. любителей техническихъ изслѣдованій, а не любителей пива), которымъ мы и сообщаемъ о появленіи могущей интересовать ихъ книжки. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что въ работѣ г. Ярцева подвергнуто было изслѣдованію съ каждаго изъ шести московскихъ пивоваренныхъ заводовъ лишь по одному сорту пива и что количество взятаго продукта было не болѣе 20 бутылокъ пива съ каждаго завода.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ привести изъ книжки г. Ярцева два общихъ замѣчанія чисто-практическаго характера, а именно:

1) Что какъ по правильности варки (отношеніе количества экстракта и спирта въ пивѣ), такъ и по достаточной степени переброженія, г. Ярцевъ склоненъ признать наиболѣе удовлетворительнымъ продуктомъ пиво завода трехгорнаго товарищества и пиво завода Берникова.

2) Что при точномъ измѣреніи количества пива, произведенномъ въ лабораторіи, только на одномъ заводѣ количество отпускаемаго пива оказалось въ точности соотвѣтствующимъ размѣру нормальнаго ведра (даже съ небольшимъ излишкомъ), на остальныхъ же пяти заводахъ оказался нѣкоторый, правда небольшой, но, все-таки, недомѣръ жидкости.

Атласъ исполнительныхъ чертежей машинъ, заводскихъ зданій и прочихъ техническихъ сооруженій. Издаютъ и редактируютъ гг. Бѣлелюбскій, Залѣсскій, Зиминъ, Зотиковъ, Казначеевъ, Карельскихъ, Нетыкса, Никитинскій, Перепелкинъ, Пермяковъ, Осадчій, Степановъ, Тимоховичъ, Фоссъ, Худяковъ, Черепашинскій. Москва, 1886—7 г. Атласъ выходитъ отдѣльными выпусками (6—8 въ годъ), по 6 таблицъ въ каждомъ, съ

приложеніемъ пояснительнаго текста, заключающаго въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія относительно разсчета сооруженія, его устройства и практическихъ данныхъ. Въ изданныхъ уже 4-хъ выпускахъ помѣщены слѣдующіе исполнительные чертежи: паровая машина-компаундъ съ парораспредѣленіемъ по системѣ Кольмана и Мейера, питательный паровой насосъ для котловъ, тюрбина Жирара для листокатальнаго стана, паровой насосъ Вортинктона, паровые котлы системы де Nayer, расположеніе приводовъ бумаготкацкой фабрики Гарелина, паровая машина завода Union въ Эссекѣ, механизмъ для перевода желѣзно-дорожной стрѣлки, устройство отопленія и вентиляціи паровододуховой системы въ земской больницѣ умалишенныхъ въ с. Голенчинѣ близъ Рязани. Редакція атласа обѣщаетъ дѣлать самый строгій выборъ матеріала,—помѣщать только новѣйшія и чѣмъ-либо дѣйствительно замѣчательныя конструкціи, которыя были уже выполнены на практикѣ и относительно которыхъ имѣются, слѣдовательно, обстоятельныя практическія данныя.

Мы думаемъ, однако, что редакція задалась слишкомъ широкою программой: кромѣ разнаго рода двигателей и подъемныхъ машинъ, въ нее входятъ плотины и аккумуляторы, машины земледѣльческія и горнозаводскія, мосты и мельницы, желѣзныя дороги и водопроводы и многое, многое другое. Врядъ ли ограниченный кружокъ техниковъ, составляющихъ теперешнюю редакцію, будетъ въ состояніи выполнить такую грандіозную и сложную задачу. Ему, вѣроятно, понадобятся дѣльные сотрудники, спеціалисты по той или другой отрасли, а имъ, разумѣется, нужно платить, и платить дорого. Такое образцовое изданіе потребуетъ большихъ денежныхъ средствъ. Имѣются ли они у редакціи, мы не знаемъ, но думаемъ, что одною подпиской и продажей атласъ врядъ ли можетъ окупиться при томъ ограниченномъ спросѣ, какой существуетъ у насъ на подобныя изданія.

Во всякомъ случаѣ, нужно пожелать, чтобы это полезное предпріятіе не погибло подобно другимъ ему подобнымъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики.

Изданіе во всѣхъ отношеніяхъ превосходное: чертежи выполнены почти художественно, бумага прекрасная, печать четкая и красивая, текстъ составленъ сжато и толково. Цѣна каждаго выпуска 1 р. 50 коп.

О положеніи каменно-угольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ. В. А. Добролюбова. Спб., 1887 г. Наша промышленность постоянно жалуется на угнетенное состояніе, плохой сбытъ, низкія цѣны, и потому неустанно ходатайствуетъ передъ правительствомъ о разнаго рода льготахъ, о пониженіи тарифовъ, о возвышеніи пошлинъ и т. п. Эти ходатайства въ рѣдкихъ только случаяхъ имѣютъ въ виду общее благо; обыкновенно же, исходя изъ среды нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ и вліятельныхъ промышленниковъ, они преслѣдуютъ личные интересы. Г. Добролюбовъ это именно и доказываетъ въ своей книжкѣ о положеніи каменно-угольнаго дѣла въ Донецкомъ бассейнѣ. Собирающіеся время отъ времени въ разныхъ мѣстахъ съѣзды углепромышленниковъ всегда и единогласно рѣшали, что, прежде всего, необходимо „ходатайствовать“, ибо, какъ неотразимо свидѣтельствуютъ факты и цифры, безъ содѣйствія правительства каменно-угольная промышленность должна неизбѣжно погибнуть. Однако же, на самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Добролюбовъ, всѣ эти факты и цифры оказываются под-

тасованными и все ходатайство направлено къ тому, чтобы отвести глаза отъ настоящихъ причинъ критическаго положенія донецкой углепромышленности. По мнѣнію автора, главное зло заключается въ монополіи 6—7 копей, которыя, обладая подъѣздными путями, ставятъ остальные рудники, везущіе свой уголь гужомъ, на волахъ,—въ полную невозможность конкуррировать съ ними, такъ какъ гужевая перевозка обходится значительно дороже и можетъ производиться не во всякое время. Такимъ образомъ, 93% копей влачатъ самое жалкое существованіе, едва вырабатывая въ теченіе года столько угля, сколько доставляютъ остальныя привилегированныя копи. Вывозъ донецкаго угля увеличивается съ каждымъ годомъ, но только изъ тѣхъ же 6—7 рудниковъ. Г. Добролюбовъ горячо возстаетъ противъ этой монополіи, равно какъ и противъ гегемоніи иностранцевъ, захватившихъ въ свои руки многія промышленныя предпріятія. Устройство подъѣздныхъ путей къ рудникамъ, по его мнѣнію, единственное вѣрное средство спасти каменно-угольное дѣло въ Донецкомъ бассейнѣ отъ неминуемой гибели.

Повышеніе пошлины на иностранный уголь авторъ также считаетъ мѣрою весьма вредною, опять-таки выгодною только для монополистовъ.

Въ общемъ книжка г. Добролюбова, нося явно публицистическій характеръ, не имѣетъ, конечно, научнаго значенія. Тѣмъ не менѣе, для лицъ, вовсе незнакомыхъ съ донецкимъ угольнымъ дѣломъ, она можетъ представить нѣкоторый интересъ, хотя, излишняя страстность, съ которою авторъ силится доказать свои положенія, мѣшаетъ ему оставаться на почвѣ объективныхъ выводовъ.

УЧЕБНИКИ.

„Грамматика — какъ она есть и какъ должна бы быть“. *В. Сланскаго.* — „Русская грамматика“. *Н. Миронова.* —„Нѣмецкій синтаксисъ“. *А. Еше.*

Грамматика—какъ она есть и какъ должна бы быть. Пять научныхъ бесѣдъ, предложенныхъ при с.-петербургскомъ педагогическомъ музеѣ. В. Сланскаго. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. Эта въ высшей степени интересная книга посвящена вопросу объ отношеніи слова къ мышленію. Авторъ убѣдительно доказываетъ несостоятельность существующей грамматической теоріи, обнаруживая противорѣчія здравому смыслу и несообразности, которыя встрѣчаются въ ней на каждомъ шагу. За примѣрами не нужно далеко ходить. Грамматика учитъ, что подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи, а сказуемое-то, что̀ говорится о подлежащемъ; даны два предложенія: „*трудолюбивая жизнь приноситъ счастіе*“, „*праздная жизнь приноситъ бѣдствіе*“: Грамматика велитъ считать въ обоихъ предложеніяхъ за подлежащее—слово „*жизнь*“, а за сказуемое—слово „*приноситъ*“; выходитъ, что оба предложенія тождественны по смыслу, такъ какъ въ нихъ говорится одно и то же объ одномъ и томъ же предметѣ. Причину подобныхъ нелѣпостей авторъ справедливо усматриваетъ въ смѣшеніи логической и грамматической точекъ зрѣнія. Грамматика забываетъ, что иное дѣло—содержаніе мысли, выраженной словами, и иное дѣло—анализъ словъ, выражающихъ эту мысль. Съ первой точки зрѣнія въ данномъ выше примѣрѣ, положимъ, утверждается

существованіе причинной связи между понятіемъ *праздная жизнь* и понятіемъ *скука*; грамматикѣ нечего дѣлать съ такимъ анализомъ. Если же мы разберемъ, что̀ означаетъ, наприм., слово *праздная*, взятое само по себѣ, то увидимъ, что оно выражаетъ, во-первыхъ, извѣстное понятіе, которое даетъ этому слову его смыслъ,—это можно назвать матеріальнымъ значеніемъ слова. Но этого мало: то же понятіе выражается словами *праздность*, праздновать и т. п., а слово *праздная* выражаетъ еще, что данное понятіе берется какъ принадлежащее чему-то или кому-то, какъ чей-то признакъ,—это можно назвать формальнымъ элементомъ слова. Кромѣ того, форма слова *праздная* показываетъ, что то, чему праздность приписана какъ признакъ, играетъ роль предмета рѣчи,—этого значенія не будетъ при другой формѣ слова. Вся эта совокупность значеній составляетъ постоянный, неотъемлемый смыслъ слова *праздная*; она-то и составляетъ законную область грамматическаго анализа и должна быть разбираема независимо отъ мысли, выраженной въ данномъ предложеніи; всѣ указанныя значенія не входятъ въ логическое содержаніе мысли; даже наиболѣе близкое къ логической области матеріальное значеніе не составляетъ въ нашемъ примѣрѣ исключенія, такъ какъ въ понятіи *праздная жизнь* вовсе не мыслятся *праздность* и *жизнь* въ качествѣ отдѣльныхъ отвлеченныхъ понятій. Ясно, что значеніе каждаго слова не тождественно съ выражаемымъ имъ логическимъ понятіемъ: въ логическое понятіе праздности никоимъ образомъ не входитъ то, что это понятіе составляетъ чей-либо признакъ (что, какъ мы видѣли, заключено въ словѣ *праздная*). Игнорированіе этого приводитъ къ несообразностямъ въ опредѣленіяхъ частей рѣчи. Грамматика учитъ, что имя существительное—названіе предмета, а глаголъ—дѣйствія или состоянія, и вотъ мы должны считать слово *пляшетъ*—за глаголъ, а *пляска*—за существительное, хотя всякому ясно, что оба слова суть названіе одного и того же дѣйствія. Дѣло въ томъ, что категоріи словъ разнятся другъ отъ друга не со стороны понятій или реальныхъ вещей, а со стороны той роли, какую играетъ то или другое слово въ рѣчи, т.-е. разница въ формальномъ значеніи словъ.

Мы должны ограничиться этимъ сжатымъ указаніемъ на то, какіе вопросы поднимаются въ книжкѣ г. Сланскаго и какъ они ставятся. Интересующихся отсылаемъ къ самой книжкѣ. Она не реформируетъ грамматики; она есть только намекъ на то, въ какомъ направленіи должна идти эта реформа. Мы не сомнѣваемся, что она возбудитъ вниманіе; такія книжки появляются не каждый день. Нѣкоторая неуклюжесть языка не повредитъ, думаемъ мы, распространенію этого интереснаго труда.

Русская грамматика. Этимологія. Составилъ Н. Мироновъ. Москва, 1887 г. Цѣна 50 к. Грамматика эта принадлежитъ къ довольно уже многочисленной коллекціи „исчадій" брошюры г. Грота. Въ предисловіи авторъ, конечно, говоритъ, что „отсутствіе учебника грамматики, наиболѣе близкаго къ академическому руководству, составляло важный пробѣлъ въ нашей педагогической литературѣ", что „наиболѣе полная и ясная разработка отдѣловъ правописанія на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя представлены въ извѣстномъ руководствѣ академика Я. К. Грота", была главною задачей автора. Теперь много уже можно насчитать книжекъ, которыя всѣ говорятъ такъ въ предисловіяхъ, всѣ ютятся подъ сѣнь Гротовской брошюры и часто, какъ и

подобаетъ исчадіямъ, не знаютъ даже хорошо въ лицо своего покровителя. Данное исчадіе не составляетъ исключенія. Книжка г. Миронова учитъ тому, чему вовсе не учитъ и не можетъ учить г. Гротъ. Не говоря уже о неточностяхъ, неясностяхъ, непонятностяхъ, въ ней зачастую находится чистый вздоръ. Съ первыхъ же страницъ видимъ примѣры того и другаго. Стр. 1: „Въ составъ этимологіи входятъ: ученіе о звукахъ (фонетика) и правописаніе словъ (ороографія)“. А морфологія-то гдѣ же? Ibid.: „Изображеніе каждаго отдѣльнаго звука называется буквой. Число членораздѣльныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ не соотвѣтствуетъ числу буквъ“. Тутъ второе предложеніе уничтожаетъ смыслъ перваго, но что за дѣло до этого этимологіи г. Миронова? Она свободно повѣствуетъ дальше (стр. 5): „Буква *ъ*, находясь въ концѣ слова, дѣлаетъ послѣднюю согласную долгою, а буква *ь*—краткою“. Ни по здравому смыслу, ни по г. Гроту этого не выходитъ. Стр. 30: „Въ наставкахъ *ен*, *ец*, *тел* не пишется *ѣ*, несмотря на твердое произношеніе звука *е*.“ И такъ: 1) въ словахъ *учитель*, *ученикъ*, *ситецъ* (примѣры г. Миронова) звукъ *е* выговаривается твердо, 2) *ѣ* есть твердое *е*. И то, и другое—новость для насъ, какъ и для г. Грота, полагаемъ. Стр. 41: „Важнѣйшія наставки прилагательныхъ: *н*—равный, *ен*—равенъ“. Если видѣть двѣ разныхъ наставки въ словахъ *равный* и *равенъ*, то почему же не дѣлать этого и въ словахъ *легкій* и *легокъ*? Стр. 42: „Прилагательныя, которыя образуются отъ существительныхъ, имѣющихъ передъ окончаніемъ буквы *к* или *ч*, оканчиваются на *цкій*, напримѣръ, дуракъ—дурацкій, ткачъ—ткацкій“. Смѣлое правило; какъ же объяснить, что отъ *ученикъ* не будетъ *ученицкій*? И опять-таки г. Гротъ ничего подобнаго не предписываетъ. А вотъ, напримѣръ, г. Гротъ рекомендуетъ писать: *не что иное*, а не *ничто иное*; этого г. Мироновъ не помѣстилъ нигдѣ въ своей грамматикѣ. За то г. Мироновъ на стр. 6 утверждаетъ, что звукъ *е* въ словѣ *издѣвка* (насмѣшка) произносится такъ же, какъ въ словѣ *ёлка*, чего у г. Грота нѣтъ.

Полагаемъ, что выписанные примѣры даютъ намъ право считать грамматику г. Миронова вполнѣ негодною къ употребленію.

Нѣмецкій синтаксисъ Александра Еше. Москва, 1887 г. Цѣна 60 к. Эта книжка представляетъ изъ себя толково составленное руководство, просто и понятно изложенное, хотя по мѣстамъ не безъ излишнихъ тонкостей,—однимъ словомъ, пригодный вполнѣ школьный синтаксисъ. Очень часто подобныя руководства по новымъ языкамъ для русскихъ школъ пишутся учителями-иностранцами, плохо знакомыми съ русскимъ языкомъ, поэтому, кромѣ несообразностей, тамъ обыкновенно присутствуютъ совершенно лишнія вещи: „для систематичности“ нѣмецкая, положимъ, грамматика излагается независимо отъ русской. Намъ пріятно было поэтому встрѣтить въ книгѣ г. Еше близкое знакомство съ русскимъ языкомъ и выборъ матеріала, основанный на отличіяхъ русскаго языка отъ нѣмецкаго. Матеріалъ распредѣленъ здѣсь такимъ образомъ. Въ первой части разсматривается строй предложенія простаго и сложнаго, вопросительная и отрицательная форма и правила о порядкѣ словъ. Вторая часть посвящена особенностямъ употребленія каждой части рѣчи и ея формъ. Авторъ, естественно, доказываетъ преимущество своего порядка передъ всякимъ другимъ, но это не важно, и не данный порядокъ составляетъ положительную сторону синтаксиса г. Еше. Напримѣръ, отчетливое и

обстоятельное изложеніе значенія предлоговъ или управленія глаголовъ составляютъ достоинство книжки совершенно независимо отъ того, гдѣ это помѣщено, въ рубрикѣ падежей или въ пояснительныхъ словахъ предложенія. Издана книжка хорошо.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

„Затмѣніе солнца 7 августа 1887 г.". *І. А. Клейбера.* — „Наставленіе матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми". *Врача Н. Ф. Михайлова.* — „Дождались праздника рабочій людъ". *Изд. И. Д. Сытина и К⁰.* — „Другихъ не суди, на себя погляди". *Изд. той же фирмы.* — „О трехъ братьяхъ, Семенѣ, Пахомѣ да Иванѣ, и о томъ, какъ дѣдушка Наумъ уму-разуму училъ". *Кн. Львова.* — „Черные вороны". *П. В. Засодимскаго.* — „Весь вѣкъ для другихъ". *Его же.* — „О воеводѣ Вышатѣ". *В. Михнѣева.* — „Сказка о Царевнѣ-Лягушкѣ". *Л. П. Бѣльскаго.*

Затмѣніе солнца 7 августа 1887 г. І. А. Клейбера. Изд. «Посредника». Спб., 1887 г. Выпускъ въ свѣтъ книжки съ простымъ и общепонятнымъ объясненіемъ предстоящаго солнечнаго затмѣнія заслуживаетъ большаго одобренія. Затмѣнія, и особливо—полныя, случаются весьма рѣдко, а въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ одинъ разъ въ 200 лѣтъ, и представляютъ собою такія поразительныя явленія, которыя способны ошеломить не одинъ только простой деревенскій народъ, но и всякаго малообразованнаго человѣка. Предупредить въ народѣ невѣрные толки и суевѣрные страхи весьма полезно, и эта цѣль можетъ быть достигнута до нѣкоторой степени лежащею передъ нами книжкою. Что же касается объясненія самаго явленія, то оно изложено г. Клейберомъ недостаточно точно, не совсѣмъ ясно и можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Такъ, на стр. 10 авторъ говоритъ: „Мы увидимъ, если будемъ смотрѣть на солнце черезъ закопченное стеклышко, что на желтый кружокъ его справа надвигается черный кружокъ. Этотъ черный кружокъ и есть мѣсяцъ..." Кто будетъ искать „чернаго кружка" на небѣ, тотъ, конечно, ничего подобнаго не найдетъ; „черный кружокъ" обозначится лишь тогда, когда имъ будетъ закрыто все солнце и изъ-за него заблеститъ только его такъ называемая „корона". Болѣе существеннымъ недостаткомъ книжки мы считаемъ сообщаемыя въ ней фактически невѣрныя свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, указаніе на стр. 14, что *полное* затмѣніе видимо будетъ въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, тогда какъ въ дѣйствительности въ Москвѣ *полнаго* затмѣнія не будетъ видно, а будетъ частное. Похвалившись точными выводами науки, какъ это резонно сдѣлалъ авторъ, надо и доказать, что они дѣйствительно точны, и не сообщать извѣстій неправильныхъ, могущихъ подорвать довѣріе простаго читателя. Мы не разъ говорили о необходимости величайшей осмотрительности въ этомъ отношеніи при составленіи книгъ „для народа". А такою-то осмотрительностью и не могутъ похвалиться лица, завѣдующія изданіями книжнаго склада *Посредникъ.* Такъ, въ изданномъ имъ *Календарѣ съ пословицами* относительно солнечныхъ затмѣній на стр. 139 допущены двѣ крупныя ошибки: первая—будто „послѣднее солнечное затмѣніе въ Россіи было видно въ 1852 году", тогда какъ въ Россіи были видимы послѣ 52 года и другія затмѣнія, и второе — будто въ 1887 году полное затмѣніе „можно видѣть" 1 августа, тогда какъ въ этотъ день ничего нельзя видѣть, кромѣ самаго обыденнаго, и затмѣніе произойдетъ 7 августа.

Наставленія матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми, примѣненныя къ крестьянской обстановкѣ. Составилъ врачъ Н. Ф. Михайловъ. Изд. «Посредника». Москва, 1887 г. Объ этой книжкѣ мы уже разъ говорили съ годъ или болѣе назадъ. Но о хорошей вещи можно поговорить и во второй разъ, а о такой полезной, какъ *Наставленіе* врача Михайлова, даже обязательно должно. Въ совершенно простой формѣ, доступной пониманію самой малоразвитой женщины, въ этомъ *Наставленіи* собраны наиболѣе необходимые совѣты матерямъ и составлены они съ отличнымъ знаніемъ тѣхъ именно недостатковъ, которыми такъ обиленъ у насъ уходъ за малыми дѣтьми не въ одной только крестьянской средѣ, но и въ другихъ классахъ общества до роскошныхъ столичныхъ палатъ включительно. Эту книжку не мѣшаетъ прочесть всѣмъ матерямъ; ее необходимо распространять въ народѣ, и эта обязанность лежитъ на высшихъ по культурѣ классахъ, прежде же всего она лежитъ на тѣхъ, кому предоставлено вѣдать нужды народныя и заботиться объ ихъ удовлетвореніи, т.-е. на земствахъ. Безъ этого прекрасная книжка врача Михайлова можетъ никогда не дойти по своему назначенію до деревни и захолустнаго города. Самъ народъ, по собственному побужденію, едва ли станетъ раскупать ее въ той мѣрѣ, въ какой это желательно. Нашъ народъ, въ большинствѣ своемъ,—что малый ребенокъ пока,—тянется охотнѣе за сказкой, за занятною книжкой съ заманчивымъ заглавіемъ.

Дождались праздника рабочій людъ. Изд. И. Д. Сытина и К°. Москва, 1887 г. Цѣна 1 к.—Другихъ не суди, на себя погляди. Изд. И. Д. Сытина и К°. Москва, 1887 г. Цѣна 1 коп. Эти двѣ брошюрки и другія, которыхъ мы еще не имѣемъ въ рукахъ, изданы въ 64-ю долю листа, снабжены эпиграфомъ: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“ и имѣютъ, по содержанію и тону, большое сходство съ книжками для такъ называемаго „духовно - нравственнаго“ поученія, которыя составляются у насъ по двумъ шаблонамъ: по заграничному, на манеръ англійскихъ и нѣмецкихъ „благочестивыхъ“ брошюръ, или по собственному, на манеръ сухихъ проповѣдей, риторически-холодныхъ и формальныхъ, съ ссылками на священное писаніе и съ цитатами изъ него. Вышеназванныя двѣ книжки подходятъ къ этому второму типу. Первая начинается такъ: „*Дождались праздника рабочій людъ.* Такъ думаетъ и говоритъ православный христіанинъ при наступленіи великихъ праздниковъ“. Такъ говорятъ только грамотѣи съ Никольской, русскіе же люди, неиспорченные лавочною грамотой, говорятъ: „дождался праздника рабочій людъ“. Затѣмъ вся рѣчь идетъ на тему: „не упивайтесь виномъ“, подкрѣпляемую выдержками изъ поученій Василія Великаго, Іоанна Златоуста и изъ *Книги премудрости Іисуса сына Сирахова*. Цитаты изъ этой книги сдѣланы невѣрно, хотя и стоятъ въ ковычкахъ; очевидно, что онѣ взяты не прямо изъ *Библіи*, а изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, причемъ самый источникъ, откуда онѣ взяты, указанъ въ скобкахъ словомъ: *Сирх.*, почему приходится дагадываться, что этотъ *Сирх.* долженъ быть Іисусъ, сынъ Сираховъ. Невѣрна и цитата изъ *Книги Неемія*. Сытинскій писатель говоритъ: „Знай, что въ день праздничный дозволяется „*Ѣсть тучная и пить сладкая, но—въ знаменіе того, яко святъ есть день Господеви нашему*“ (*Неем.* VIII, 10); въ дѣйствительности же въ этой книгѣ написано: „И рѣче имъ: идите и ядите тучная, и пійте сладкая, и послите части неимущимъ, яко святъ есть день Господеви нашему“.

Выходитъ совсѣмъ не то, что въ сытинской книжкѣ: въ знаменіе святости дня Господня предписывается подѣлиться „тучнымъ и сладкимъ“ съ бѣднякомъ. Книжка предназначена для народа, а въ его средѣ есть не мало людей, знающихъ *писаніе* доподлинно—не такъ, какъ писаки съ Никольской. Въ такихъ вещахъ слѣдуетъ соблюдать большую точность и осторожность. Нельзя соваться поучать, когда самъ не знаешь основательно.

Нѣсколько лучше составлена вторая брошюрка: *Другихъ не суди*; но и эта оставляетъ желать много лучшаго: нѣтъ въ ней теплоты, сердечности, нѣтъ любви и искры Божіей, которая одна только и можетъ сдѣлать, что „во свѣтѣ Его узримъ свѣтъ“.

О трехъ братьяхъ, Семенѣ, Пахомѣ да Иванѣ, и о томъ, какъ дѣдушка Наумъ уму-разуму училъ. Кн. Львова. Москва, 1887 г. Цѣна 3 коп. Содержаніе книжки заключается въ томъ, что Наумъ разсказываетъ мужикамъ побасенку, какъ три брата ходили на заработки: Иванъ—плотничать, Пахомъ—коробочникомъ, мелочью торговать, Семенъ—портняжить. Иванъ былъ плохой плотникъ, но самонадѣянный; пошелъ онъ, ни у кого не спрашивая, гдѣ можно найти плотничную работу, а потому таковой не нашелъ, какія были деньги—проѣлъ дорогой, былъ обокраденъ, причемъ воръ унесъ и его паспортъ, и за безпаспортность попалъ въ острогъ и отосланъ этапомъ на родину. Пахомъ захотѣлъ скоро нажиться, купилъ краденое и тоже попалъ въ острогъ и былъ сосланъ. Семенъ, честный и богобоязливый, нашелъ хорошій заработокъ и пріобрѣлъ всеобщую любовь. Все сводится къ слѣдующему поученію: „Всякій человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ живетъ—какъ по пути идетъ. Кто живетъ зря и надѣется только на свой умъ-разумъ, а больше ни на что, тому горе, — горе, какъ пришлось Ивану-самодуру; а еще того хуже, какъ кто собьется съ пути съ толку и будетъ жить не по закону, а по совѣту вражьему, вотъ какъ Пахомъ-балагуръ. Живите, братцы, какъ Богъ повелѣлъ: слушайте совѣтовъ добрыхъ людей, какъ жилъ Семенъ-портной. Да вы, можетъ, спросите: а какъ, молъ, Богъ приказываетъ жить? Такъ я вамъ скажу“... и Наумъ, кн. Львовъ, приводитъ евангельское повѣствованіе евангелиста Матѳея о юношѣ, пришедшемъ къ Іисусу Христу и вопрошавшемъ благаго Учителя, что дѣлать, дабы „имѣть животъ вѣчный“? Князь Львовъ, устами своего Наума, не досказываетъ, однако, до конца этого божественнаго повѣствованія и обрываетъ его на словахъ Спасителя: „Если хочешь получить животъ вѣчный, сохрани заповѣди“. Князь Львовъ умолчалъ о томъ, какъ Божественный Учитель закончилъ свое наставленіе юношѣ словами: „Если хочешь быть совершеннымъ, то продай имѣніе твое и иди по слѣдамъ моимъ“. Наумамъ это не нравится, какъ не понравилось юношѣ, и Наумы отдаютъ предпочтеніе синайскимъ заповѣдямъ передъ евангельскими, что и явствуетъ изъ книжки кн. Львова, такъ какъ Наумъ въ концѣ книжки дословно передаетъ десять заповѣдей Моисеевыхъ и не обмолвился о томъ, что есть двѣ великихъ заповѣди Христа-Спасителя, что Христомъ преподано указаніе, какъ достигнуть совершенства, и что есть имъ же данныя намъ чудныя „заповѣди блаженства“. Приведенная кн. Львовомъ сцена евангельская заканчивается словами Христа: „Легче велбуду пройти сквозь игольныя уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе“. И мы думаемъ: кто самъ не можетъ войти въ царствіе Божіе, тотъ и намъ не укажетъ надлежащаго пути въ него, ибо сдѣлать это, по на-

шему мнѣнію, легче верблюду, чѣмъ князю или графу. Путь къ царствію Божію указываетъ намъ Церковь. Что же касается путей и средствъ къ устройству житейскихъ отношеній на благо отдѣльной личности и общества, то... рѣчь объ этомъ увлекла бы насъ далеко за предѣлы, поставленные библіографическому отчету.

Черные вороны. Весь вѣкъ для другихъ. Два разказа П. В. Засодимскаго. Изд. „Посредника". Москва. 1887 г. Въ первомъ изъ этихъ разсказовъ повѣствуется про то, какъ нѣкій Ермилъ Ивановичъ Большухинъ перекупилъ у барина землю, которую торговали мужики, и потомъ этихъ самыхъ мужиковъ всячески притѣснялъ и довелъ до разоренія. Но вздумалъ Большухинъ потягаться съ другимъ, такимъ же „хищникомъ", и самъ разорился. „Вотъ,—заключаетъ авторъ,—и невѣрна оказалась поговорка, что будто во̀ронъ во̀рону глазъ не выклюнетъ. Однако-жь, выклевалъ". Ну и на здоровье, намъ до этого нѣтъ дѣла, и разсказано это не занимательно, вяло. Второй разсказъ былъ бы недуренъ, если бы не оказывался несодѣянностью, несмотря на то, что авторъ называетъ его „былью". Дѣло въ томъ, что крестьянская дѣвушка, Настасья, рано осталась сиротой съ братьями и сестрами малолѣтками на рукахъ. Добрая дѣвушка замѣнила имъ мать и отца, удержала земельный надѣлъ, изъ экономіи и для удобства, стала носить мужское платье отцовское, остригла волосы, стала совсѣмъ мужикомъ. Мужикъ-дѣвица взростила сиротъ, поженила, замужъ поотдала, и всю жизнь, весь свой вѣкъ прожила для другихъ, равно помогая своимъ и чужимъ, и умерла, окруженная почетомъ и любовью всѣхъ знавшихъ ее. Святая, чистая была душа у Настасьи; но при чемъ же тутъ мужское платье? Можетъ быть, это и „быль", только по части одежды Настасья никому не укащикъ, и эта излишняя, нѣсколько вычурная частность можетъ сбивать съ толку тѣхъ читателей, для которыхъ предназначена книжка. Воспитать сиротъ, честно прожить жизнь, трудясь на пользу ближняго, заслужить любовь и уваженіе можно и въ женскомъ платьѣ, не прибѣгая къ эксцентричному подражанію знаменитой „кавалеристъ-дѣвицѣ".

О воеводѣ Вышатѣ, какъ онъ о войскѣ-дружинѣ сердцемъ болѣлъ и какъ за то въ Цареградѣ муки принялъ. Сказаніе для народа. Василія Михѣева. Изд. И. Д. Сытина и К°. Москва, 1887 г. Тутъ разсказывается о неудачномъ походѣ на Царьградъ Владиміра, сына Ярослава I, во время княженія этого послѣдняго. Буря разметала русскія суда, греки пожгли многія изъ нихъ „греческимъ огнемъ", такъ что княжичъ Владиміръ едва ушелъ съ дружиной. А „земская" рать, бывшая подъ начальствомъ воеводы Вышаты, уйти моремъ не могла и высадилась на берегъ. Воевода могъ бы уйти съ дружиной, но онъ не захотѣлъ покинуть довѣренной ему княземъ рати и остался съ нею. Голодныхъ и почти безоружныхъ ратниковъ настигли греки и окружили. Вышата не сталъ „напрасно" проливать кровь христіанскую и сдался въ плѣнъ (Святославъ въ подобныхъ случаяхъ поступалъ иначе, замѣтимъ мы къ слову). Плѣнныхъ отвели въ Византію и заключили въ темницы. Когда Ярославъ опять пошелъ войной на Византію, тогда греки ослѣпили многихъ плѣнниковъ. Примиреніе совершилось при заключеніи брачнаго союза между сыномъ Ярослава, Всеволодомъ, и греческою царевной. По этому случаю плѣнниковъ отпустили, и привелъ ихъ воевода Вышата, оставшійся зрячимъ, обратно въ Русскую землю. Стали слѣпцы по землѣ ходить „ка-

ликами-перехожими, о Вышатѣ да о мукахъ своихъ стихи-былины пѣть". „Самъ же Вышата ушелъ въ монастырь, да монаху отшельнику о всемъ, что съ нимъ случилось, сказывалъ. А монахъ все это записалъ. И дошло это до насъ"... Разсказъ прочтется въ деревняхъ не безъ интереса. Насколько мы знаемъ, нашимъ крестьянамъ нравятся такія сказанія-были.

Сказка о Царевнѣ-Лягушкѣ. Въ стихахъ. Л. П. Бѣльскаго. Изд. комитета грамотности Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства. Москва, 1887 г. Сказка написана такими же стихами, какъ извѣстная сказка *Конекъ-Горбунокъ* Ершова. По содержанію же сказка принадлежитъ къ очень старымъ, можно сказать, древнимъ произведеніямъ народной фантазіи. Но въ своей старо-давней редакціи она разсказывается совсѣмъ не такъ, какъ у г. Бѣльскаго. Въ этой старой редакціи ее можно найти въ *Хрестоматіи* А. Д. Галахова. Мы находимъ, что г. Бѣльскій совсѣмъ напрасно измѣнилъ первоначальный текстъ сказки,—отъ этого она много потеряла. У г. Бѣльскаго начинается сказка тѣмъ, что старый царь хочетъ жениться и пускаетъ стрѣлу, которая должна указать ему невѣсту, и стрѣла попадаетъ въ болото къ лягушкѣ. Въ старинной же сказкѣ сказывается, что царь хочетъ сыновей женить и имъ приказываетъ пустить каждому по стрѣлѣ изъ лука. Стрѣла старшаго брата попадаетъ на боярскій дворъ, средняго — на купеческій, а меньшаго, Ивана-царевича — въ болото, изъ котораго выскакиваетъ лягушка и подаетъ ее своему „суженому" — царевичу. Но это не настоящая лягушка, а царевна Василиса Премудрая, обращенная на три года въ лягушку. Г. Бѣльскимъ пропущена сцена на пиру, сцена очень живая своею наивностью. Затѣмъ совсѣмъ искаженъ конецъ, въ которомъ, по оригиналу, Иванъ-царевичъ идетъ отыскивать красавицу-царевну и выручать ее изъ неволи у Кащея Безсмертнаго. Тутъ являются дѣйствующими лицами медвѣдь, заяцъ, селезень, щука и баба-Яга. Всѣ они за доброту и милосердіе Ивана-царевича помогаютъ спасти Василису Премудрую и, въ концѣ-концовъ, при ихъ содѣйствіи, любящіе другъ друга супруги соединяются и живутъ счастливо. Ничего этого нѣтъ въ сказкѣ г. Бѣльскаго и кончается она такъ:

Во дворецъ влетѣлъ Кащей.
Онъ царевну молодую
Подхватилъ едва живую,
Самъ глазами засверкалъ,
На весь дворъ захохоталъ,
Выше облака поднялся
И съ царевною умчался.
Тутъ царевичъ зарыдалъ,
Царь безъ памяти упалъ;
Мѣсяцъ тучкою закрылся,
Черезъ тучку прослезился.

Въ первоначальномъ видѣ сказка имѣла свой смыслъ, до нѣкоторой степени приближающійся къ смыслу индійской *Рамайяны*, въ которой тоже воспѣвается союзъ человѣка съ животными, помогающими герою поэмы выручить любимую супругу изъ неволи у индійскаго Кащея, царя демоновъ, Раваны, живущаго на островѣ Цейлонѣ. Такими эпическими чертами должно весьма дорожить, такъ какъ въ нихъ заключается проповѣдь любви и милости къ животнымъ и осужденіе насилія надъ ними. Очень жаль, что г. Бѣльскій этого не понялъ и исказилъ прекрасный древній текстъ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *іюнь.*—„Сѣверный Вѣстникъ“, *май и іюнь.*—„Женское Образованіе“, *январь—май.*

Вѣстникъ Европы, *іюнь.* За послѣдніе годы нѣкоторые изъ нашихъ писателей, въ подражаніе теперешнимъ французскимъ романистамъ, взялись за такъ называемое „документальное“ писательство, и сдѣлали очень дурно, потому, главнымъ образомъ, что приняли слово за дѣло, названіе за сущность и „документальность“ въ беллетристикѣ за нѣчто новое, придуманное въ Парижѣ, а, слѣдовательно, „заграничное перваго сорта“. По нашему мнѣнію, эти господа впали въ цѣлый рядъ недоразумѣній и ошибокъ, изъ которыхъ самыя важныя и основныя заключаются въ томъ, что, во-первыхъ, намъ, русскимъ, не было и нѣтъ никакой надобности искать въ чужихъ краяхъ образцовъ „документальности“, такъ какъ въ этомъ отношеніи наши соотечественники „учителей научатъ“, и, во-вторыхъ, въ томъ, что „наши“ приняли фотографическіе снимки и стенографическія записи за „человѣческіе документы“, полную нестѣсняемость въ подборѣ сценъ и выраженій, фотографическую грубость въ изображеніи всякихъ отправленій животной жизни,— приняли за верхъ правдивости, совершенно упуская изъ вида, что сущность дѣла заключается отнюдь не въ „отправленіяхъ“, не въ томъ, какъ и съ какими подробностями они совершаются. Сущность дѣла въ томъ, чѣмъ дѣяніе обусловливалось, какой психическій процессъ привелъ къ его совершенію, а затѣмъ—много ли вытекло, напримѣръ, крови при убійствѣ, какъ она распредѣлилась по комнатѣ и т. д., и т. д.,—все это можетъ имѣть громадное значеніе въ „документахъ“ слѣдственнаго дѣла и ровно никакого въ „человѣческихъ документахъ“. Въ нашей литературѣ мы имѣемъ лучшіе образцы настоящей документальности, и, чтобы не ходить далеко, не перечислять всѣмъ извѣстныхъ именъ и произведеній, чтобы не отвлекаться, наконецъ, отъ предстоящаго намъ дѣла,—мы прямо укажемъ на произведенія Щедрина, въ которыхъ, рядомъ съ сатирой, находится множество превосходнѣйшихъ „человѣческихъ документовъ“, непререкаемой достовѣрности, неоспоримой подлинности и огромнаго значенія. Однимъ изъ таковыхъ мы считаемъ его „этюдъ“: *Счастливецъ*, напечатанный въ лежащей передъ нами книгѣ. „Счастливецъ“ этотъ—товарищъ автора по школѣ. Были они пріятелями, вмѣстѣ курсъ кончили и остались пріятелями, можно было бы сказать — друзьями, если бы нѣкоторою помѣхой настоящей дружбѣ не оказывалась разница въ ихъ положеніяхъ, имущественномъ и общественномъ. Крутицынъ былъ богатъ, имѣлъ важныхъ родственниковъ, связи и знакомство въ аристократическомъ кругу, въ которомъ Щедринъ былъ бы совершенно чужимъ. Еще въ школѣ и задолго до слуховъ объ эмансипаціи, Валерушка Крутицынъ излагалъ „принципы“, несвойственные казенному заведенію. Онъ уже тогда говорилъ, что уѣдетъ изъ Петербурга „въ свое мѣсто“ и будетъ служить по выборамъ. „Ибо только такимъ образомъ истинный джентльменъ можетъ оправдать свое призваніе; только тамъ, среди „своихъ“, онъ самымъ дѣломъ покажетъ, что значитъ высоко держать свое „знамя“. „У Крутицына,—продолжаетъ авторъ,— при самомъ выходѣ со школьной скамьи была уже задача, правда, отдаленная и смутная, но, все-таки, до извѣстной степени опредѣлявшая его внутренній міръ. Онъ не измѣнитъ данному слову, потому

что онъ—джентльменъ; онъ не позволитъ себѣ сомнительнаго поступка, потому что онъ — джентльменъ; онъ не ударитъ въ лицо своего слугу, не заставитъ повара съѣсть попавшаго въ супъ таракана, не возьметъ въ наложницы крѣпостную дѣвицу, потому что онъ—джентльменъ; онъ привѣтливо приметъ бѣднаго помѣщика - сосѣда, который явится съ просьбой по дѣлу, потому что онъ—джентльменъ. Вообще, онъ не „замараетъ" себя... нѣтъ, никогда! Даже наединѣ самъ съ собой онъ будетъ мыслить и чувствовать какъ джентльменъ. Шесть лѣтъ, до окончанія срока обязательной службы, Крутицынъ прожилъ въ Петербургѣ. Авторъ старался поддерживать съ нимъ дружескія отношенія, что удавалось ему не безъ труда; но не потому, чтобы Крутицынъ чѣмъ-либо выказалъ съ своей стороны нежеланіе продолжать школьную дружбу. Напротивъ, Крутицынъ былъ въ этомъ отношеніи безукоризненъ. Тѣмъ не менѣе, что-то не совсѣмъ ладное уже начинало чувствоваться. Разъ пріѣхала къ Крутицыну его сестра и, несмотря на предупрежденіе брата: „Je ne suis pas seul"... — вошла въ кабинетъ. „Надѣюсь, что вы позволите „вашему другу" уѣхать со мной?"— сказала она, обращаясь къ пріятелю брата. „Словъ было немного,— говоритъ Щедринъ,—но въ тонѣ, которымъ были произнесены слова: „вашъ другъ", заключалась цѣлая поэма. Во всякомъ случаѣ, въ эту минуту въ первый разъ, но все еще смутно, мелькнула мнѣ мысль, что въ „принципахъ" извѣстной окраски, если даже они залегли въ общее міросозерцаніе въ тѣхъ чуждыхъ надменности формахъ, въ какихъ ихъ воспринялъ Валерушка, можетъ существовать своего рода трещина, сквозь которую просачивается исключительность и относительно „своихъ", не менѣе фаворизованныхъ фортуною. Въ наличности этой трещины еще болѣе убѣдили меня дальнѣйшія сношенія съ Крутицынымъ. Съ теченіемъ времени, въ квартирѣ его начали появляться „постороннія" личности. И хотя онъ очень предупредительно представлялъ насъ другъ другу, но я всегда чувствовалъ при этомъ небольшую неловкость. И придешь такъ, что „посторонняя" личность уже тутъ, и тогда она немедленно снимается съ мѣста и— со словами: „И такъ, въ такомъ-то часу"... — удаляется во - свояси. Или же „посторонняя" личность появлялась, когда я сидѣлъ у Крутицына. Заглянувъ въ кабинетъ и увидавъ меня, она восклицала:

„— А! Ты занятъ дѣлами! Pardon! Я черезъ часъ зайду...

„И дѣлала движеніе, чтобъ удалиться.

„— О нѣтъ! о, нѣтъ!—удерживалъ пріятеля Валерушка,—останься, ты не помѣшаешь!

„Но, разумѣется, я, въ свою очередь, понималъ, что я лишній, и спѣшилъ удалиться".

Разскащикъ, тѣмъ не менѣе, упорствовалъ и поддерживалъ пріятельскія отношенія, хотя все болѣе и болѣе убѣждался въ существованіи „трещины". Что же касается Крутицына, то не было никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ оставался „безупречно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и „въ своемъ мѣстѣ" докажетъ на дѣлѣ, какое его знамя и какъ нужно держать его". Крутицынъ очень тяготился „отбываніемъ" своей обязательной службы, которая „до извѣстной степени выводила его изъ счастливаго безмятежія". Онъ говорилъ, что такою службой „онъ каждый день приноситъ свою долю вреда". „Фраза эта,—замѣчаетъ авторъ,—очевидно, была, такъ сказать, семейнымъ преданіемъ и запала въ его душу съ дѣтства въ родномъ домѣ, гдѣ всѣ, начиная

съ отца и кончая деревенскими кузенами, кичились какою-то воображаемою независимостью. Понять значеніе этой независимости было очень трудно, а доказать ее конкретнымъ дѣломъ еще труднѣе. Кажется, она въ томъ, по преимуществу, состояла, что „независимые“ удалялись изъ коронной службы (были цѣлыя губерніи, называвшіяся „корнетскими“). Отставные корнеты поселялись въ своихъ родовыхъ гнѣздахъ, служили по выборамъ и фрондировали, а по тогдашнему выраженію—„фыркали“. Въ суммѣ, вся независимость сводилась къ тому, что люди жили нелѣпою, чуть не юродивою жизнью, невѣдомо съ какого повода бравируя косые взгляды, которые метала на нихъ центральная власть, и называя это „держаніемъ знамени“.

Отбывши обязательный срокъ, Валерушка Крутицынъ уѣхалъ „въ свое мѣсто“ держать „знамя“. Разскащикъ тоже отбылъ изъ Петербурга. „О Крутицынѣ я не имѣлъ никакихъ слуховъ,—говоритъ Щедринъ.—Взялъ ли онъ въ руки „знамя“ и высоко ли его держалъ—никому до этого дѣла въ то время не было, и ни въ какихъ газетахъ о томъ не возвѣщалось. Тихо было тогда, безмолвно; человѣкъ могъ держать „знамя“ и даже въ одиночку обѣдать во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ—никто и не замѣтитъ. И во фракѣ обѣдай, и въ халатѣ—какъ хочешь, послѣдствія все одни и тѣ же. Даже умываться или не умываться предоставлялось личному произволенію“. Во всякомъ случаѣ, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Крутицынъ устроился, какъ хотѣлъ, и не утратилъ душевнаго равновѣсія; навѣрное, онъ предводительствовалъ. „А предводительство, по его мнѣнію, само по себѣ есть уже „дѣло“, которому стоитъ посвятить жизнь. Мало ли у предводителя обязанностей? И ходатайствовать, и настаивать, и отстаивать, и, наконецъ, „фыркать“. Съ утра до вечера—сущая толчея“. Но вотъ прошли года, цѣлыхъ восемь лѣтъ, и авторъ оставилъ провинцію, въ которой еще ничего не было слышно о новыхъ вѣяніяхъ, а тѣмъ болѣе о какихъ-то ломкахъ и реформахъ“. Въ Москвѣ на него сразу пахнуло „свѣжимъ воздухомъ“, Москва была уже не прежняя: „на Никольской появилось Чижовское подворье, на Софійкѣ—Ломакинскій домъ съ зеркальными окнами; на Ильинкѣ, Варваркѣ и вообще въ Китай-городѣ проѣзду отъ ломовыхъ извощиковъ не было—все благовонные товары везли: стало быть, потребность явилась“. А разговоры въ общихъ залахъ трактировъ... Щедринъ „ушамъ своимъ не вѣрилъ“: „Говорили, что вопросъ о разрѣшеніи курить на улицахъ уже „прошелъ“, и что затѣмъ на очереди поставленъ будетъ вопросъ о снятіи запрещенія носить бороду и усы. Говорили смѣло, рѣшительно, не опасаясь, что за такія рѣчи пригласятъ къ генералъ-губернатору“. Когда авторъ добрался до Петербурга, „то тамъ куренье на улицахъ было уже въ полномъ разгарѣ, а бороду и усы стали носить даже прежде нежели вопросъ объ этомъ „прошелъ“. „Петербургъ былъ переполненъ наѣзжими провинціалами,—говоритъ авторъ.—Всѣ устремлялись въ Петербургъ, къ источнику. Одни пріѣзжали изъ любопытства, другіе—потому, что ужь очень забавными казались „благія начинанія“, о которыхъ чуть не ежедневно возвѣщала печать; третьи, наконецъ, въ смутномъ предвидѣніи какой-то угрозы“. Крутицынъ былъ тоже въ Петербургѣ и встрѣтился со старымъ пріятелемъ въ театрѣ, радушно и просто, какъ будто они разстались только вчера. Все въ жизни шло гладко, безъ сучка, безъ задоринки; онъ счастливъ и сознаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ „своимъ дѣломъ“, держаніемъ

„знамени“. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, „наполненныхъ какою-то пестротой, въ которой трудно было отыскать руководящую мысль... наступило суровое, безпощадное отрезвленіе, умѣряемое случайными и не всегда мотивированными возвратами къ лучшимъ временамъ. Явленія, имѣвшія совершенно частный характеръ, обобщались и угнетающимъ образомъ отражались на цѣломъ жизненномъ строѣ. Жилось сомнительно, безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, безъ удовлетворенія днемъ настоящимъ. Знамена, которыя всякій спѣшилъ выкинуть въ дни „возрожденія“, вдругъ попрятались; самое представленіе о возрожденіи стушевалось и смѣнилось убѣжденіемъ, что ожиданіе дальнѣйшихъ развитій было бы ребячествомъ. Умы воротились къ старинной, излюбленной темѣ: какъ бы выйти неповрежденнымъ изъ сутолоки насущнаго дня. Въ прессѣ, рядомъ съ „рабьимъ языкомъ“, народился языкъ холопскій, претендовавшій на смѣлость, но, въ сущности, представлявшій смѣсь наглости, лести и лжи“. Авторъ былъ въ это время всецѣло поглощенъ литературною дѣятельностью и въ этомъ излюбленномъ трудѣ находилъ хотя нѣкоторое удовлетвореніе. „Настоящее слово выговаривалось съ трудомъ,—вспоминаетъ онъ прошлое,—но попытки сказать его уже существовали. Еще не утрачена была возможность полемизировать, и творцы холопскаго языка чувствовали хотя какую-нибудь узду. Съ теченіемъ времени и эта возможность исчезла, и холопскій языкъ получилъ возможность всесильно раздаваться изъ края въ край, заражая атмосферу тлѣніемъ и посрамляя человѣческіе мозги“. Крутицынъ держалъ свое знамя крѣпче, нежели когда-нибудь; онъ понималъ, что плошать не слѣдуетъ, и даже призналъ необходимость „борьбы“, хотя, по обычаю всѣхъ ищущихъ душевнаго мира людей“, придавалъ „борьбѣ“ другое наименованіе. „Онъ называлъ борьбу отстапваніемъ освященныхъ вѣками интересовъ“... Дѣйствовалъ же, по преимуществу, на мѣстныя правящія сферы: „убѣждалъ, приглашалъ оставить опасный путь и идти объ руку по стезѣ благонамѣренности. Но если же что не удавалось, то, выждавъ „минуту“, ѣхалъ въ Петербургъ и настаивалъ на своемъ. И такъ какъ выбранная минута была всегда такая, когда въ извѣстныхъ сферахъ было насчетъ благонамѣренности „твердо“, то жертвъ этой настойчивости оказывалось не мало. Крутицынъ былъ доволенъ; среди своихъ онъ пользовался популярностью и любовью, съ старымъ пріятелемъ уже не видался, такъ какъ Крутицыну не по нраву была его дѣятельность. Такъ прошло еще нѣсколько лѣтъ, и авторъ узналъ, что счастье Крутицына усугубилось: „онъ позналъ свѣтъ истины“. Свое знамя онъ изъ рукъ въ руки передалъ старшему сыну,—у него ихъ было двое, но младшій не особенно радовалъ,—а „самъ безповоротно заключился въ своемъ château и исключительно предался осѣнившему его душевному обновленію. Сначала онъ отдался спиритизму, потомъ сдѣлался ревностнымъ редстокистомъ, а, наконецъ, и самъ началъ коечто придумывать. Сложится у него въ головѣ какой-нибудь произвольный афоризмъ, онъ и исповѣдуетъ его, не останавливаясь передъ самыми крайними выводами. Разсказывали, что по вечерамъ въ обширномъ залѣ его château собирались домочадцы, начиная отъ жены, дѣтей, гувернантокъ и боннъ и кончая низшею прислугой. Ставился аналой; Крутицынъ надѣвалъ черную ряску, выбиралъ главу изъ Евангелія и толковалъ ее, разумѣется, въ смыслѣ излюбленнаго афоризма. Толкованія эти продолжались часъ и два; слушатели, конечно, не пре-

кословили, а только вздыхали. И онъ былъ счастливъ безмѣрно". Отмѣтивши это любопытное явленіе, приложивши, такъ сказать, къ дѣлу этотъ подлинный „документъ", Щедринъ даетъ факту объясненіе, которое мы считаемъ настолько важнымъ и вѣскимъ, что находимъ нужнымъ привести его цѣликомъ. Вотъ оно: „Въ эпохи нравственнаго и умственнаго умаленія, когда реальное дѣло выпадаетъ изъ рукъ, подобныя фантасмагоріи совершаются нерѣдко. Не находя удовлетвореній въ дѣйствительной жизни, общество мечется на удачу, и въ изобиліи выдѣляетъ изъ себя людей, которые съ жадностью бросаются на призрачныя выдумки и въ нихъ обрѣтаютъ душевный миръ. Ни споры, ни возраженія тутъ не помогаютъ, потому что, повторяю, въ самой основѣ новоявленныхъ вѣроученій лежитъ не сознаніе, а только призрачность. Нуженъ душевный миръ—и только. Нельзя даже съ увѣренностью сказать, какъ относятся сами выдумщики афоризмовъ къ своимъ выдумкамъ: сознаютъ ли они себя способными поддержать ихъ, или послѣднія приходятъ къ нимъ случайно и принимаются исключительно на вѣру. Скорѣе всего, въ этихъ случаяхъ наиболѣе рѣшительнымъ образомъ вліяетъ безпріютность жизни, умственная расшатанность и полное отсутствіе реальныхъ интересовъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безсрочно удовлетворяться культомъ какого-то „знамени", которое и само по себѣ есть ничто иное, какъ призракъ, и продолжительное обращеніе съ которымъ можетъ служить только въ смыслѣ подготовки къ другимъ призракамъ. Поэтому переходъ отъ „знамени" къ спиритизму, редстокизму и къ исповѣданію такихъ истинъ, какъ „уши выше лба не ростутъ" или „терпѣніе все преодолѣваетъ", вовсе не такъ неестественъ, какъ это кажется съ перваго взгляда". Однако же, душевный миръ *счастливца* не удержался до конца и былъ нарушенъ страшнымъ событіемъ: у Крутицына застрѣлился младшій сынъ, „прекрасный и многообѣщавшій юноша, которому едва минуло восемнадцать лѣтъ". Фактъ налицо, еще одинъ „документъ" приложенъ къ дѣлу. Но суть не въ томъ, какъ произошло самоубійство, при какой обстановкѣ найдено тѣло несчастнаго юноши. Намъ нѣтъ никакого дѣло до полицейскаго дознанія, насъ не интересуютъ и интересовать не могутъ „акты" осмотра и вскрытія, до которыхъ такъ охочи стали теперь романисты, обезьянящіе французовъ. Все это „документы" полицейскіе, а не „человѣческіе". „Человѣческій документъ" долженъ дать намъ объясненіе факта, а не фотографическое его изображеніе. И такое объясненіе, замѣчательно близкое къ истинѣ, даетъ Щедринъ въ нижеслѣдующихъ словахъ: „Молодой человѣкъ не успѣлъ еще сойти со школьной скамьи, а въ существованіе его уже закралась двойственность. Повидимому, онъ не такъ легко, какъ отецъ и старшій братъ, принималъ на вѣру росказни о свойствахъ „знамени", и та обязательность, съ которою послѣднія принимались въ родной семьѣ, сильно смущала его. Самъ ли онъ дошелъ до какихъ-то неясныхъ сомнѣній, или былъ наведенъ на нихъ постороннимъ вліяніемъ,—во всякомъ случаѣ, въ немъ совершился внезапный и рѣзкій переломъ. Онъ рано началъ анализировать свою жизнь, рано сталъ вглядываться въ ожидавшее его будущее, такъ что въ ту цвѣтущую пору, когда испытываются одни радованія жизни, онъ былъ уже угрюмъ и нелюдимъ". Страшно подумать, что въ восемнадцать лѣтъ жизнь можетъ опостылѣть и привести юношу исключительно къ тому, что онъ думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе покончить разсчеты съ нею. Но

въ наше время господства призраковъ и этотъ безпощадный призракъ перестаетъ казаться противуестественнымъ. Скука и душевное утомленіе такъ велики, что даже возможность иныхъ, болѣе радужныхъ перспективъ въ будущемъ искушаетъ очень слабо. Левушка Крутицынъ былъ мальчикъ нервный и впечатлительный; онъ не выдержалъ передъ мыслью о предстоящей семейной разноголосицѣ и поспѣшилъ произнести судъ надъ укоренившимися въ семьѣ преданіями, пославъ себѣ вольную смерть". Старикъ Крутицынъ неожиданно навѣстилъ своего школьнаго пріятеля, находившагося „уже во власти тяжкаго недуга". Онъ сильно измѣнился подъ гнетомъ постигшаго его горя. „Здоровья тебѣ принесъ!—сказалъ онъ, стараясь пріободриться,—еще не все для тебя кончено". „Онъ сѣлъ противъ меня,—говоритъ авторъ,—взялъ мои руки и, не выпуская ихъ, долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза. И я увѣренъ, что въ эти минуты прошлое всецѣло пронеслось передъ нимъ, и онъ любилъ меня искренно, горячо"... „Наконецъ, вдоволь насмотрѣвшись, онъ всталъ и произнесъ:—Ты, помнится, въ былое время спрашивалъ меня о результатахъ, какихъ я достигъ. Результаты—вотъ они! Дряхлая развалина и погибшій сынъ!—Съ этими словами, онъ безнадежно-тоскливо покачалъ головой и, пошатываясь, пошелъ изъ комнаты. Больше мы не видались". Ясно и вѣрно, правдиво и внушительно...

Въ той же книгѣ конченъ романъ П. Д. Боборыкина: *Изъ новыхъ*. Въ этомъ романѣ мы находимъ нѣкоторыя черты современной русской жизни, имѣющія кое-что общее съ изображенными такъ ярко Щедринымъ. Въ романѣ г. Боборыкина герой, полковникъ Рынинъ, тоже „счастливецъ", съ тою разницей, что у него нѣтъ наслѣдственнаго „знамени", которое онъ считалъ бы себя обязаннымъ держать высоко, за то есть наслѣдственные „призраки", отъ которыхъ онъ не можетъ отдѣлаться и не хочетъ, и хотѣть не въ состояніи. Крутицынъ, по семейнымъ и сословнымъ преданіямъ, принадлежалъ къ „фыркающимъ корнетамъ". Рынинъ дослужился до полковничьяго чина. А всѣмъ извѣстно, что „фыркаютъ" только корнеты и генералъ-майоры, отчисленные при производствѣ „въ запасъ"; полковники же, какъ барышни-невѣсты, никогда не „фыркаютъ", а съ кротостью уповаютъ и заискиваютъ: ихъ настоящая карьера впереди. Крутицынъ и Рынинъ—„одного поля ягоды", только различно культивированныя (мы не говоримъ здѣсь о томъ, что авторами они преподнесены публикѣ въ различныхъ изготовленіяхъ: первый выросъ и созрѣлъ въ помѣщичьей теплицѣ, второй—въ столичномъ парникѣ). Но это не мѣшаетъ имъ быть до того похожими другъ на друга, что они пробавляются въ жизни совсѣмъ тождественными „афоризмами", принимаемыми ими самыми и высшими „сферами" за нѣчто очень мудрое и рекомендующее выдумщиковъ афоризмовъ для занятія губернаторскихъ мѣстъ. Крутицынъ, высоко держа свое знамя, придумалъ такую фразу: „Сословная обезпеченность можетъ быть достигнута только при соотвѣтствующемъ устройствѣ государственнаго уклада", и слова его, „будучи, въ сущности, самымъ ординарнымъ общимъ мѣстомъ, считались мудрыми". За эту выдумку „ему неоднократно предлагали мѣсто губернатора и даже выше, но онъ отказывался". У него были свои наслѣдственные „принципы"; онъ находилъ, что „сословная честь требуетъ неизмѣнной преданности сословному знамени". Полковникъ Рынинъ высидѣлъ на досугѣ такой афоризмъ: „У насъ все держится вотчиннымъ чувствомъ", на этомъ

„вотчинномъ чувствѣ“ создалась и существуетъ „идея власти, отеческой и твердой“. Пущенное въ благопотребномъ мѣстѣ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и это сошло за „новое открытіе“, „un point de vue nouveau... et acceptable“, и Рынинъ за пустоплетныя слова получилъ губернаторство, конечно, при дѣятельной помощи вліятельныхъ старухъ. Рынинъ въ своей частной жизни такъ же безукоризненъ, какъ и Крутицынъ; онъ такъ же тщательно и крѣпко охраняетъ свой „миръ душевный“, обходя все то, что могло бы его нарушить. Какъ въ „этюдѣ“ Щедрина, такъ и въ романѣ г. Боборыкина отмѣчена и „фантазія“, получившая свое выраженіе въ „новоявленныхъ вѣроученіяхъ“, основывающихся на исповѣданіи такихъ истинъ, какъ „уши выше лба не ростутъ“ или „терпѣніе все преодолѣваетъ“. Но у г. Боборыкина исповѣдникомъ новаго вѣроученія является не дряхлѣющій держатель „знамени“, а молодой и полный силъ князь Ряжскій, который, „не находя удовлетворенія въ дѣйствительной жизни“, придавленной „нравственнымъ и умственнымъ умаленіемъ“, бросился на призрачныя выдумки въ надеждѣ въ нихъ обрѣсти душевный миръ. Князь вышелъ у г. Боборыкина немного шаржированнымъ и карикатурнымъ; получилось не воспроизведеніе характернаго лица, а осмѣяніе исповѣдниковъ „новоявленныхъ вѣроученій“. Самое же осмѣяніе нельзя назвать особенно удачнымъ. Затѣмъ у г. Боборыкина есть и самоубійство молодаго человѣка, правда, не школьника, а уже пожившаго, пытавшагося найти „удовлетвореніе“ въ широкомъ разгулѣ. Никакого удовлетворенія онъ не нашелъ и покончилъ съ собою, когда не стало больше денегъ на такую жизнь. Въ отдѣльности взятыя всѣ эти и другія лица романа изображены вѣрно въ смыслѣ портретнаго сходства. Мы этимъ не хотимъ сказать, что г. Боборыкинъ списалъ портреты съ извѣстныхъ ему живыхъ людей,—на это мы не имѣемъ никакихъ данныхъ,—мы говоримъ только, что дѣйствующія лица романа *Изъ новыхъ* не возвышаются надъ общимъ среднимъ уровнемъ, не доходятъ до типичности, не сосредоточиваютъ на себѣ вниманія читателя и не способны привести къ какимъ-либо обобщеніямъ. Въ дѣйствительности такія лица встрѣчаются—одни часто, другія—рѣже, но они не выражаютъ собою именно нынѣшней „дѣйствительности“, за исключеніемъ развѣ князя Ряжскаго. Всѣ же отальныя были бы точно такими же и точно такъ же дѣйствовали бы и десять, и двадцать, и сорокъ лѣтъ назадъ, и впредь будутъ жить и дѣйствовать въ томъ же направленіи... Мы не передали читателямъ фабулы этого романа и теперь, по окончаніи его, не беремся за такую передачу потому, что, собственно говоря, въ немъ нѣтъ настоящей фабулы. Это рядъ сценъ, болѣе или менѣе анекдотическаго характера, иногда очень удачныхъ и, какъ мы уже говорили, мастерски написанныхъ, иногда лишнихъ и не имѣющихъ необходимой связи съ основнымъ повѣствованіемъ. А это послѣднее, послѣ очень длиннаго описанія дѣвической жизни героини, Зинаиды Мартыновны, посвящено изображенію ея борьбы съ мужемъ, Рынинымъ. Борьба, а съ нею и романъ, оканчивается полною побѣдой мужа. Причины, вызвавшія эту борьбу, лежали въ личномъ характерѣ Зинаиды Мартыновны, или, вѣрнѣе, даже—въ ея темпераментѣ, довольно исключительномъ, почти не женскомъ. Она никогда не любила, и если увлеклась какъ-то разъ княземъ Ряжскимъ, то увлеченіе ея было чистоголовнымъ; обусловливалось оно отчасти ея эксцентричностью и въ значительной мѣрѣ ея презрѣніемъ къ мужчинамъ. Она чуть-чуть не

разыграла съ княземъ „адюльтернаго“ романа, только отнюдь не по склонности къ адюльтеру и не по страсти къ красавцу мужчинѣ. Все это произошло единственно потому, что (какъ говоритъ Щедринъ), когда нѣтъ „реальнаго дѣла“, когда люди „не находятъ удовлетворетвореній въ дѣйствительной жизни“, тогда они мечутся на удачу и хватаются за всякіе призраки. Такъ поступаетъ общество „въ эпохи нравственнаго и умственнаго умаленія“, такъ поступаютъ и отдѣльныя личности, живущія подъ гнетомъ такого „умаленія“. Совсѣмъ несклонная къ любви, по природѣ своей навсегда застрахованная отъ этого чувства, по темпераменту гадливо относящаяся къ мужчинамъ, жена Рынина ѣдетъ къ князю съ страстнымъ желаніемъ сдѣлаться его любовницей—такъ, безпричинно, подъ вліяніемъ какой-то „фантасмагоріи“, охватившей ея умъ и все ея существо. Позднѣе, въ концѣ романа, она опять употребляетъ всѣ свои силы на то, чтобы увлечь и влюбить въ себя исповѣдника новоявленнаго вѣроученія, и это ей удается. Но тутъ у Рыниной былъ уже другой умыселъ: дать послѣднее сраженіе въ борьбѣ съ мужемъ, вынудить его на разводъ и сдѣлаться женою князя Ряжскаго, съ которымъ ей легче будетъ управляться, чѣмъ съ Рынинымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, она думаетъ. Все устраивается по ея желанію и предначертаніямъ, за исключеніемъ финальнаго акта. Въ то время, когда она протягиваетъ уже руку, чтобы окончательно заполучить князя въ собственность, его „осѣняетъ“... Онъ вдругъ познаетъ весь „грѣховный смрадъ“ своей души и готовъ взревѣть слезами покаянія. На счастье въ эту минуту входитъ Рынинъ и князь удаляется въ смущеніи, только не надолго. Дома его угнетаетъ сознаніе собственной „гнусности“, допустившей его увлечь чужую жену,— онъ воображаетъ, что увлекъ Зину,—теперь онъ обязанъ „побороть свою плоть“ и т. д. Князь ѣдетъ къ Рынину и приноситъ передъ нимъ полное покаяніе. Сцена вышла у автора весьма забавною, князь оказался настоящимъ „юродивымъ“, какъ его про себя назвалъ Рынинъ. Но исповѣдникъ не унялся и отправился каяться передъ Зинаидой Мартыновной въ томъ, что „смутилъ ея душу“, и назвалъ себя разными „душеспасительными“, суровыми словами,— словомъ, начудилъ князь превыше всякой мѣры и отбылъ въ свою деревню искать мира душевнаго подъ охраной призраковъ фантастическаго вѣроученія. Послѣдній бой Зинаиды Мартыновны былъ проигранъ; къ довершенію ея пораженія, она начинала разнемогаться „подагрой“. Побѣдитель мужъ чрезвычайно великодушно и мягко воспользовался своею побѣдой и разными доводами убѣдилъ жену сдѣлаться благополучною губернаторшей. Такъ она и поступила. На этомъ кончается романъ, въ которомъ,—мы еще разъ повторяемъ,—„изъ новыхъ“ только и есть одинъ князь Ряжскій, занимающій очень второстепенное мѣсто, всѣ же остальныя лица ничуть не новы и, если иныя изъ нихъ представляются до извѣстной степени оригинальными, то—не столько по своимъ характерамъ, сколько по тѣмъ положеніямъ, въ которыя ихъ ставитъ авторъ.

Окончаніе статьи г. Ш.: *Дворянство въ Россіи* содержитъ въ себѣ историческій очеркъ служилаго сословія Московскаго государства въ концѣ XVII в. и краткую исторію дворянства, обособившагося въ сословіе, въ періодъ императорскій. Подъ вліяніемъ образцовъ западноевропейской жизни, принятыхъ въ основу реформаціонною дѣятельностію Петра I, служилое сословіе стало превращаться „въ сословіе бла-

городное и привилегированное, какимъ было съ самаго начала феодальное сословіе на Западѣ". Но наше служилое сословіе, по вѣрному замѣчанію автора, было совершенно своеобразно и нисколько не подходило къ такому идеалу. Ни въ прежнихъ установленіяхъ московскаго періода, ни въ нравахъ русской жизни конца XVII в. „не было почвы къ самостоятельному образованію сословной рыцарской чести въ нашемъ служиломъ сословіи. Отношеніе къ нему царей отличалось патріархальною первобытностью". Вотъ какъ резюмируетъ авторъ то, что получилось дворянствомъ отъ реформъ Петра Великаго: „Титулъ благородія—на ряду съ неизъятіемъ дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія, гербы—и пріобрѣтеніе дворянства чинами, обязательная ратная служба—и введеніе привилегированныхъ дворянскихъ властей въ мѣстномъ управленіи,—какое удивительное сочетаніе противорѣчій! Нашедши служилое сословіе уже въ видѣ многочисленнаго и развитаго, но чисто-тяглаго, служилаго класса, Петръ В. попытался вложить въ его организацію новыя мысли, но не видоизмѣнилъ существенно стараго. Получалась картина весьма своеобразная — единственная по своей оригинальности въ исторіи благородныхъ сословій". Сдѣлавши бѣглый очеркъ узаконеній, предоставлявшихъ дворянскому сословію почти всю судебную и административную власть въ губерніяхъ и уѣздахъ, авторъ говоритъ: „Право на замѣщеніе дворянствомъ полицейскихъ должностей въ уѣздѣ продолжалось до 1860 года; право на замѣщеніе дворянствомъ должностей по судебному управленію существовало до 1865 года. Остановимся на практическихъ результатахъ, данныхъ дворянскими учрежденіями. Дореформенное время уже такъ далеко, что многіе, склонные его идеализировать, забываютъ объ обратной сторонѣ медали. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ полицейскимъ и судебнымъ должностямъ дореформенной формаціи, сохранилась до настоящаго времени въ обществѣ память далеко для нихъ неблагопріятная". Въ доказательство того, что „неблагопріятная память заслужена этими учрежденіями, авторъ дѣлаетъ ссылки на оффиціальные документы, изъ которыхъ мы приведемъ лишь наиболѣе характерные. Изъ одного указа начала царствованія Александра I видно, что „лучшее дворянство, а также граждане—уклоняются отъ выборовъ", вслѣдствіе чего „земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя". Гр. Закревскій, бывшій въ 1831 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, писалъ въ донесеніи Государю Императору: „усердіе и честность членовъ земскихъ судовъ нерѣдко измѣняютъ видъ свой подъ бременемъ бѣдности..." Въ указѣ 1 янв. 1832 года Императоръ Николай указывалъ на недостатки дворянскихъ учрежденій такими чертами: „Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности". Въ 1842 году мин. внутр. дѣлъ, гр. Перовскій, писалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ: „Дворянскіе выборы не всегда отвѣчаютъ своей цѣли... На выборахъ не всегда обнаруживается чистое и безкорыстное стремленіе къ общественному благу. Званія земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижены въ общественномъ мнѣніи". Авторъ объясняетъ все это стремленіемъ дворянства къ службѣ „чиновной" и пренебреженіемъ „къ мѣстной службѣ, составлявшей тягло, отъ котораго пріятно было избавиться". „Дворянство,—говоритъ г. Ш.,—сдавало на административныя и судебныя должности мѣстной службы или

своихъ пролетаріевъ, или своихъ инвалидовъ", отчасти по примѣру самого правительства, замѣщавшаго должности городничихъ и др. ранеными офицерами. Такія объясненія мы считаемъ весьма недостаточными и неполными. Мы думаемъ, что авторъ пропустилъ нѣчто очень существенное, а именно то обстоятельство, что выбранные дворянствомъ чиновники мѣстнаго управленія и суда были поставлены въ такую зависимость отъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, губернскихъ правленій, ихъ канцелярій и чиновниковъ, что никого, сколько-нибудь дорожащаго своимъ личнымъ достоинствомъ, не могла манить такая служба, изъ которой, по произволу губернскаго начальства, можно быть выгнаннымъ cum infamia—на основаніи знаменитаго 3-го пункта, безъ слѣдствія и суда. Далѣе авторъ указываетъ „на отсутствіе корпоративности, сродства и единства между различными частями дворянскаго сословія". Впрочемъ, такое же отсутствіе связности и единства отмѣчено авторомъ и въ другихъ, „повидимому, твердо и непоколебимо стоящихъ общественныхъ группахъ". „Въ сознаніи каждаго,—говоритъ г. Ш.,—эти группы отпечатлѣваются въ ясныхъ, опредѣленныхъ образахъ. Крестьянинъ рисуется передъ нами въ зипунѣ и лаптяхъ... онъ занимается хлѣбопашествомъ и говоритъ грубыя мужицкія рѣчи. Купецъ облеченъ въ нанковый сюртукъ"... и т. д. „Духовенство носитъ рясы и круглыя шляпы"... и т. д. „Дворяне ходятъ въ суконномъ нѣмецкомъ платьѣ; они по бо̀льшей части занимаются службою или иными вольными профессіями; говорятъ они и даже часто мыслятъ по книжному. Такова картина. Чего же, спросятъ насъ, идти далѣе? У насъ несомнѣнно существуютъ сословія, отпечатлѣнныя болѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо. Всѣ упомянутыя группы существуютъ сами по себѣ. Одной нѣтъ дѣла до другой. Люди разныхъ слоевъ подчасъ даже съ трудомъ понимаютъ другъ друга. Но если всмотрѣться въ эту картину поглубже, то окажется, что у насъ дѣйствительно имѣются дворяне, купцы, крестьяне, но нѣтъ дворянства, купечества, крестьянства—въ смыслѣ сознательно и солидарно дѣйствующихъ общественныхъ силъ... У насъ имѣются сословныя рамки, но нѣтъ сословнаго духа". Но и сословныя рамки нисколько „не замкнуты, даже въ нѣкоторыхъ частяхъ совершенно неопредѣленны", какъ, наприм., въ купечествѣ. „Дворяне, купцы, крестьяне,—продолжаетъ авторъ,—отнюдь не враждебны другъ другу въ силу принадлежности къ разнымъ состояніямъ. Если интересы ихъ различны, то не потому, что одинъ—дворянинъ, другой—купецъ, а третій—мужикъ, а потому, что занятія и положенія различныя"... „Въ нашихъ сословіяхъ нѣтъ политическихъ стремленій"... „Какъ же думать,—заключаетъ авторъ,—о внѣдреніи сословнаго духа въ дворянство въ настоящее время, когда землевладѣльческая его основа слабѣетъ подъ ударами конкурренціи и когда уже нѣтъ прежнихъ благопріятныхъ условій исключительнаго господства? Намъ кажется,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Ш.,—что не только въ исторіи русскаго народа, но и въ самомъ его характерѣ, въ томъ своеобразномъ способѣ мыслить, чувствовать и дѣйствовать, который составляетъ его отличительную черту въ сравненіи съ другими національностями, нельзя указать почвы для развитія чувствъ сословной обособленности". Это мнѣніе авторъ подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ вѣскихъ доводовъ и историческихъ сопоставленій. Подводя итоги всему изложенному, г. Ш. переходитъ отъ теоретическихъ разсужденій къ чисто-практическому и весьма современно-

му вопросу: „Если дворянство въ настоящее время фактически несетъ на себѣ исполненіе бо̀льшей части должностей по мѣстному управленію, то какая бѣда можетъ произойти отъ обращенія этого факта въ общеобязательную норму? „Въ отвѣтѣ своемъ г. Ш. указываетъ на нѣсколько существенныхъ неудобствъ предоставленія привилегій, которое неминуемо сопровождалось бы упраздненіемъ правъ, принадлежащихъ другимъ сословіямъ. На приливъ новыхъ силъ авторъ не возлагаетъ никакой надежды: „Появилось бы, конечно, нѣсколько карьеристовъ для украшенія своихъ служебныхъ шансовъ рекламой мѣстной дѣятельности. Но это — перелетныя птицы, на которыхъ нельзя продолжительно разсчитывать“... И такимъ образомъ, по совершенно основательному мнѣнію г. Ш., „главную часть служебнаго контингента составили бы тѣ же люди, которые занимаютъ мѣстныя должности въ настоящее время“. „Но,— говоритъ онъ,— если дѣятельность послѣднихъ признается недостаточною, если возвращеніе къ сословности назначеній вызывается тѣмъ, что мировые судьи и предсѣдатели управъ плохи, то какимъ же образомъ случится, что, служа по выборамъ дворянства, они вдругъ сдѣлались бы лучше?...“ Авторъ такъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе: „Совокупность историческихъ, бытовыхъ, экономическихъ и соціальныхъ условій привела насъ къ выводу, что программа, основанная на сословныхъ привилегіяхъ, не можетъ быть признана лозунгомъ будущности Россіи“... „Прочное, въ житейскомъ смыслѣ, не можетъ быть создано на почвѣ однихъ идеаловъ, созданныхъ путемъ предположеній. Рѣшающее значеніе должны имѣть не заранѣе предвзятыя мысли, а правда жизни и исторіи“.

Сѣверный Вѣстникъ, *май и іюнь.* Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ жаловался на то, что у нашихъ писателей не достаетъ „выдумки“, и этому приписывалъ отсутствіе у насъ хорошихъ романовъ и повѣстей. Мы думаемъ, что это вѣрно лишь отчасти и что не отъ одного недостатка „выдумки“ страдаетъ наша беллетристика. Одной „выдумки“ мало, нужно и еще кое-что,—нужно, напримѣръ, умѣнье разсказать выдуманное. Одни люди одарены способностью самыя заурядныя вещи передавать живо, бойко и занимательно, — на это большіе мастера французы; въ разсказѣ другихъ самыя интересныя событія выходятъ точно будто обезцвѣченными, забавное перестаетъ быть смѣшнымъ и дѣлается скучнымъ, трогательное дѣлается тоже скучнымъ,—на это мастера нѣмцы, а за послѣднее время и мы можемъ въ этомъ потягаться съ нѣмцами. Очень яркимъ тому примѣромъ можетъ служить романъ г-жи А—вой: *Чья вина*, конченный въ іюньской книжкѣ *Сѣвернаго Вѣстника.* Въ майской—былъ пропускъ. Въ этомъ романѣ все есть: хорошая „выдумка“, и, что у насъ не часто бываетъ, умная выдумка, есть нѣсколько характеровъ, если не особенно оригинальныхъ и новыхъ, за то представленныхъ въ любопытныхъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ положеніяхъ не совсѣмъ заурядныхъ; въ романѣ видна наблюдательность автора, вѣрное пониманіе довольно сложныхъ психическихъ процессовъ. Словомъ, есть все, что нужно для сдѣланія хорошаго романа; не хватаетъ одного—умѣнья передать все это въ надлежащемъ видѣ, съ соблюденіемъ необходимой соразмѣрности, безъ ненужныхъ отступленій, мѣшающихъ цѣльности и живости разсказа. Несмотря на то, что событія слѣдуютъ другъ за другомъ очень быстро, иногда даже слишкомъ быстро, и разсказываются торопливо, точно на-спѣхъ, у читателя получается впечатлѣніе какъ отъ

чего-то вялаго и монотоннаго, напоминающаго дѣловой докладъ-перечень, подъ который у насъ порою дремлютъ общественныя собранія. Несоразмѣрность частей всего болѣе бросается въ глаза въ первой половинѣ романа, гдѣ безъ всякой необходимости для его дальнѣйшаго развитія пространно разсказанъ эпизодъ съ покражею вещей, въ чемъ вину взяла на себя воспитанница, какъ мы говорили объ этомъ въ обзорѣ журналовъ въ нашей майской книжкѣ. Тогда, если припомнитъ читатель, повѣствованіе остановилось на томъ, что героиня, Наташа, разсказала мужу о своей любви къ его пріятелю Дарвичу и затѣмъ сильно заболѣла. Болѣзнь Наташи, читаемъ мы въ послѣдней части романа, и извѣстіе о томъ, что Дарвичъ отбилъ у Кронида привезенную имъ кокотку-француженку, оставили въ ея душѣ пустоту, холодъ и полное равнодушіе ко всему ее окружающему, къ мужу, къ его семьѣ, къ самой себѣ даже. Ей вдругъ показалось, что нѣтъ „у ней впереди ничего, ничего, ничего. Пустота, безпредѣльная пустота". И мужъ показался ей теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, „какимъ-то чужимъ, нежеланнымъ". Тутъ только она поняла ясно, что Николай Осиповичъ—„скучный и плоскій" человѣкъ, что онъ говоритъ почти всегда „безспорныя истины, но какія-то банальныя, безцвѣтныя, узкія и безжизненныя". Его слова „не возбуждали ни вопросовъ, ни мыслей, ни волненій. Было (въ нихъ) что-то безпощадно установившееся и приконченное"... „Наташа перестала волноваться и не огорчалась тѣмъ, что̀ прежде выводило ее изъ себя... Она съ отчаяніемъ въ душѣ чувствовала всю безцѣльность и поражающую пустоту существованія". Въ семейномъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы Николай съ Наташей ѣхали на зиму въ Петербургъ. Ей было рѣшительно все равно, куда бы ее ни повезли, въ Петербургъ или въ деревню. Тутъ, какъ и часто въ этомъ повѣствованіи, авторъ дѣлаетъ нѣсколько отступленій, посвященныхъ описанію разныхъ сценъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ сущности романа; въ этихъ сценахъ выводятся постороннія дѣлу, ненужныя лица, какая-то глупая баронесса, говорящая ломанымъ русскимъ языкомъ, нѣкая молодая барышня Зина, такъ своеобразно воспитанная, что во время званаго обѣда снимаетъ съ себя стѣсняющій ее шиньонъ и кладетъ передъ приборомъ на столъ, говоритъ вслухъ, что думаетъ, и т. под. Но вотъ супруги переѣхали въ Петербургъ и попали въ общество своихъ родныхъ, богатыхъ людей, водящихъ знакомство и дружбу все съ князьями, графами, съ молодыми людьми, увѣшанными орденскими лентами и звѣздами. Все это общество оказывается необыкновенно веселымъ и вѣчно кутящимъ, совмѣстно съ женами, сестрами и другими родственницами. Званые обѣды кончаются поголовнымъ пьянствомъ мужчинъ и женщинъ, пьянымъ пѣньемъ куплетовъ изъ *Прекрасной Елены*, громогласнымъ разсказываньемъ непристойныхъ анекдотовъ; изъ театровъ все общество, съ женами и родственницами, уѣзжаетъ кутить по трактирамъ, на тройкахъ за городъ... Дамы ѣздятъ по маскарадамъ, пьютъ, какъ пили встарину гусары... по-своему развиваютъ Наташу,—узнавши, что она не любитъ мужа, совѣтуютъ ей взять un amant. Можетъ быть, въ Петербургѣ есть такія необыкновенныя компаніи, мы не знаемъ и возразить ничего не можемъ, оставляя вѣрность изображенія на отвѣтственности автора. Но намъ страннымъ кажется, что такая до чопорности благочинная семья, какъ семья нашихъ героевъ, мамаша и сестры Николая Осиповича, и самъ онъ, наконецъ, водятъ дружбу съ такими... безшабашными барынями и имъ

препоручаютъ развлекать молоденькую женщину. Ну, онѣ и развлекли... Тутъ у г-жи А—вой превосходно изображенъ мужъ Наташи, Николай Осиповичъ, попавшій въ такое траги-комическое положеніе, изъ котораго и всякому другому супругу не легко выбраться благополучно. Но языкъ, какимъ все это разсказано, намъ рѣшительно не нравится и, по нашему мнѣнію, портитъ все дѣло. Приведемъ изъ этого мѣста романа двѣ-три выдержки. „Мужа Наташа видѣла рѣдко. Ему не нравилось это общество. Сначала они ссорились. Ей стало почти невозможно приноровиться къ нему. Онъ измѣнился. Его ровность исчезла“... „При немъ смѣялись надъ тѣмъ, что было ему свято и ненарушимо, и онъ ни разу не съумѣлъ отстоять свои идеи. Онъ не имѣлъ духу ни разу высказать Инѣ и Петру Михайловичу свое мнѣніе объ ихъ принципахъ и объ ихъ вліяніи на Наташу. Онъ не умѣлъ отпарировать ихъ шутки (токъ) надъ нимъ и ихъ подсмѣиваніе (я). Онъ молчалъ. Онъ терпѣть не могъ Дмитрія Васильевича и графа; они видимо ухаживали за женой, говорили ей вздоръ“... „Онъ впалъ въ мрачное настроеніе духа, и тогда весь Божій міръ покрылся для него крепомъ. Онъ сдѣлался грустенъ,— нѣтъ, этого состоянія духа онъ почти не зналъ, — онъ просто сдѣлался нестерпимымъ. Онъ сдѣлался придирчивъ въ своемъ безсиліи“... „Наташѣ все это, въ концѣ-концовъ, надоѣло,—надоѣло до тошноты. Когда мы не любимъ, мы дѣлаемся жестокими. Чужая, постылая любовь не въ состояніи тронуть насъ, въ особенности если она налагаетъ цѣпи. А эти цѣпи Наташа стала чувствовать рѣзко и съ досадой. Она, можетъ быть, и очнулась бы, если бы мужъ показалъ свою силу и характеръ. Но этого не было. Женщина, прежде всего, любитъ силу. Она невольно покоряется силѣ. Въ чемъ бы она ни проявилась, все равно, въ хорошемъ или дурномъ. Можно любить дурнаго человѣка, можно любить равнаго себѣ, но любить ничтожнѣе себя—нельзя. Это будетъ аномалія“. Это не повѣствовательный языкъ, это — окрошка, находящаяся, къ тому же, не въ ладахъ съ грамматикой. Такими рваными фразами писалъ Викторъ Гюго повѣсть о Гуинпленѣ, напримѣръ (L'homme qui rit); но, во-первыхъ, то былъ Викторъ Гюго, во-вторыхъ, онъ писалъ по-французски, въ-третьихъ, и у него выходило не всегда складно, а иногда и смѣшно. Выписывая вышеприведенныя мѣста, мы не выискивали, а прямо взяли то, что составляетъ, по нашему мнѣнію, одну изъ лучшихъ главъ романа,—не въ стилистическомъ отношеніи, конечно. У Николая Осиповича не хватило смѣлости прогнать пьяную компанію, удалить жену отъ негоднаго общества, или просто увезти ее въ деревню, не давая ей втянуться въ эту жизнь. При этихъ господахъ онъ боялся показаться смѣшнымъ, быть заподозрѣннымъ въ ревности; безъ нихъ онъ приставалъ къ женѣ съ длинными и нелѣпыми нравоученіями, дѣлалъ одну неловкость за другою, тираннилъ жену глупымъ и несноснымъ „пиленьемъ“ и самъ терзался. Наконецъ, онъ не выдержалъ и объявилъ, что уѣзжаетъ въ деревню. Но было уже поздно: Наташа втянулась въ разгульную, развеселую жизнь и отказалась ѣхать съ мужемъ. Онъ уѣхалъ одинъ, а она закутила, какъ говорится, „во всю“. Тутъ мы еще разъ предоставимъ слово автору и выпишемъ почти цѣлую страницу, не пропуская ни одного слова. „Въ концѣ масляницы она поѣхала съ большою компаніей въ литерную ложу смотрѣть въ Belle-Hélène Лядову послѣ веселаго обѣда. Она была утомлена до изнеможенія цѣлою недѣлей не-

прерывнаго веселья. Она сѣла въ глубь на диванѣ. Страстные мотивы волновали ее; она испытывала что-то новое, небывалое,—какое-то ощущеніе и нѣги, и томленія разлилось по ней жгучею струей. Она сидѣла молча, съ загадочною улыбкой на губахъ, съ полузакрытыми глазами, въ лѣнивой, но полной нѣги позѣ. Около нея сидѣлъ Дмитрій Васильевичъ и слѣдилъ опытнымъ взглядомъ за всѣмъ, что съ съ ней происходило. Онъ взялъ ее за руку. Она не отнимала. Онъ нагнулся и страстно поцѣловалъ эту руку. Она не шевелилась. Онъ шепталъ ей: „Я схожу съ ума vous êtes divinement belle. Belle à perdre la tête!“ Она улыбнулась задумчиво, со взоромъ, устремленнымъ въ пространство. Послѣ спектакля рѣшили ѣхать къ Огюсту ужинать. Наташа отказалась. Она устала. Дмитрій Васильевичъ предложилъ проводить ее домой. Она молча кивнула головой. Она не имѣла ни силы, ни воли, ни желанія протестовать. Она была безпомощна и плыла по теченію. И Наташа пала, безъ страсти, безъ увлеченія, безъ порывовъ. Она сама не знала, какъ и почему. Она его даже не любила. Ей скорѣй нравился графъ. Но дѣло было сдѣлано, воротить нельзя. Все равно! И она, очертя голову, бросилась впередъ, безъ размышленія и страха. Она готова была всѣмъ это разсказать. Она, почти не скрываясь, компрометировала себя. Дмитрій Васильевичъ самъ ее сдерживалъ. То же самое (что такое?) говорили ей Ина и Катя. Онѣ ее предостерегали. Но она не обращала вниманія. Ей теперь море сдѣлалось по колѣно. Черезъ мѣсяцъ она дала Дмитрію Васильевичу отставку. Она его возненавидѣла. Она сошлась съ графомъ“... и т. д. Неожиданное появленіе Дарвича разомъ напомнило молодой женщинѣ, отуманенной окружающимъ и захватившимъ ее безобразіемъ, все ея прошлое: проснулось воспоминаніе о прошломъ пережитомъ счастьѣ, о прошлой поглощающей любви, о борьбѣ и побѣдѣ долга, и это прошлое, свѣтлое, чистое, указало ей, что было теперь“. Наташа пришла въ ужасъ и въ отчаяніе и готова была покончить съ собою самоубійствомъ. На зарѣ, передъ восходомъ солнца, она вышла изъ своей дачи и, „подъ впечатлѣніемъ чарующаго утра“, подъ звуки русской заунывной пѣсни и церковнаго благовѣста, въ ней проснулась неясная надежда на что-то лучшее; ея сердце проснулось и открылось для любви „ко всему, что придавлено человѣческимъ эгоизмомъ, глупостью и неразумѣніемъ“. „Она жила. Она надѣялась. Она любила. Она стояла, свѣтлая, радостная, какъ свѣтло и радостно было утро, полная жизни, и вѣрила, вѣрила всѣмъ сердцемъ въ могучую силу охватившей ее любви“. Такъ закончила свой романъ г-жа А — ва. Какъ видитъ читатель, мы были правы, сказавши вначалѣ, что тутъ есть все, что нужно для хорошаго романа, и, что въ особенности рѣдко встрѣчается въ наши дни, въ этомъ романѣ, безъ всякой тенденціозности, безъ малѣйшаго усилія или натяжки, такъ сказать, живетъ прекрасная, гуманная идея, тепло выраженная. Этимъ въ значительной мѣрѣ выкупаются многіе недостатки произведенія симпатичной писательницы и погрѣшности противъ языка и художественности формы. Тѣмъ не менѣе, нельзя не пожалѣть о томъ, что форма въ данномъ случаѣ не соотвѣтствуетъ содержанію. Много было говорено о томъ, можетъ ли и въ правѣ ли существовать „искусство для искусства“, и къ этому вопросу мы не станемъ возвращаться, но считаемъ не подлежащимъ спору положеніе, что искусство существуетъ для выраженія идей и служитъ къ ихъ наибольшему распространенію,

главнымъ образомъ, тѣмъ, что облекаетъ ихъ въ художественныя формы, привлекательныя для массъ своею внѣшнею красотой. Какъ бы ни была разумна, гуманна и возвышенна идея сама по себѣ, разъ она выражена скучно, вяло и вообще плохо, т.-е. въ формѣ некрасивой и непривлекательной, — такая идея весьма рискуетъ не получить желательнаго распространенія. И, наоборотъ, всякій вздоръ, даже всякая мерзость, облеченныя въ красивую, художественную форму, получаютъ огромное распространеніе, привлекаютъ массы и дѣйствуютъ на нихъ развращающимъ образомъ. За примѣрами и доказательствами намъ не далеко ходить—стóитъ только указать на оперетки и феерiи, чтобы не затрогивать и не дразнить „гусей“ литературныхъ. Такъ вотъ на искреннихъ и честныхъ писателяхъ, одаренныхъ талантомъ, каковою мы считаемъ г-жу А—ву, лежитъ непремѣнная обязанность придавать своимъ произведеніямъ елико возможно болѣе художественно - красивую форму, не увлекаясь примѣрами „великихъ“ писателей и возводимыхъ въ „великіе“ партійностью, кружковщиной, иногда неразумною погоней за новизной. Одно время, и въ силу временныхъ причинъ, художественность въ литературѣ пришла у насъ въ умаленіе и даже въ пренебреженіе. Причины миновали, а результаты остались, несмотря на то, что на мѣсто старыхъ, отжившихъ причинъ давно возникли новыя, совершенно иного свойства. Пренебреженіе, все-таки, держится потому, что писать какъ-нибудь, не заботясь о художественности и красотѣ, много легче и скорѣе, чѣмъ писать такъ, чтобы мысли и образы были облечены въ стройныя и художественныя формы, способныя увлекать читателя своею красотой, прежде чѣмъ онъ доберется до идеи, и тѣмъ способствовать наибольшему распространенію самой идеи.

Красота, художественность литературнаго произведенія обусловливаются не только его цѣльностью, стройностью, соразмѣрностью частей, силой и звучностью языка, но еще и правдивостью формы, ея простотой. Насколько это условіе важно, мы видимъ въ „этюдѣ“ г-жи Н. Капустиной: *Семейная исторія*, напечатанномъ въ майской кн. *Сѣвернаго Вѣстника*. По существу своему, эта „исторія“ очень старая, но далеко не устарѣлая,— исторія о томъ, какъ на дѣтяхъ отражаются нелады и ссоры родителей. Въ повѣствованіи г-жи Капустиной, которое ведется отъ лица дочери одного столичнаго доктора, разсказывается, какъ тринадцатилѣтняя дѣвочка, по имени Лика, и ея маленькій братъ, Котя, присутствуютъ при разладѣ между ихъ отцомъ и матерью, а затѣмъ при разрывѣ, вызванномъ, съ одной стороны, невѣрностью мужа, съ другой—любовью жены къ художнику-живописцу, а, главнымъ образомъ, кореннымъ различіемъ во взглядахъ обоихъ супруговъ на жизнь. Это различіе отражается на воспитаніи дѣтей и приноситъ имъ много вреда и горя. А ссоры и разлука родителей, тѣмъ болѣе изъ-за такихъ причинъ, дѣлаются источникомъ настоящаго несчастія для неповинныхъ ни въ чемъ малолѣтковъ, одинаково любящихъ „милаго, добраго папу“ и „добрую, милую маму“ и одинаково страдающихъ за маму, когда папа „злой“ и ее обижаетъ,—за папу, когда мама „нехорошая“ и дѣлаетъ то, чего бы ей дѣлать не слѣдовало и чѣмъ она причиняетъ непріятности и горе „умному, хорошему папѣ“. Когда родители рѣшили разойтись, тогда дѣти всѣми силами своихъ маленькихъ сердецъ рвались остаться вмѣстѣ, не разлучаться ни съ папой, ни съ мамой, и жестоко страдали отъ того, что „ихъ раздѣлили, какъ игрушки“, не принимая въ соображеніе, „каково имъ,—вѣдь, они *жи-*

вые". Мать взяла маленькаго сына и ушла жить съ любовникомъ; отецъ остался съ тринадцатилѣтнею Ликой, претерпѣвающею большія терзанія отъ соболѣзнованій пріѣзжающихъ къ нимъ родственницъ, не стѣсняющихся говорить при ней дурно объ ея матери. Таково содержаніе „этюда" г-жи Капустиной. Весь онъ проникнутъ теплымъ сочувствіемъ къ несчастію дѣтей; въ немъ нѣтъ и рѣзкаго осужденія родителямъ. Авторъ не превозноситъ одного на счетъ другаго, не взваливаетъ всей тяжести вины на одну сторону: не правы оба, мужъ и жена. Но не потому они не правы, что дурны,—нѣтъ, оба они, сами по себѣ, люди добрые и хорошіе, и не безчестные люди; они только не подходятъ другъ къ другу по характерамъ, по взглядамъ на жизнь, по воспитанію... А отвѣтчиками за все это оказываются одни только дѣти. Мысль, повторяемъ, не новая, однако же, такая, которую совсѣмъ не мѣшаетъ повторять отъ времени до времени, при каждой смѣнѣ въ настроеніи общества, при всякомъ измѣненіи „въ порядкѣ вещей", которымъ обусловливается извѣстное настроеніе. Мысль эта правдива; всѣ обстоятельства, т.-е. подробности фабулы, душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ подмѣчены вѣрно. Но форма, въ которой все это передано читателю, совершенно фальшива. *Неправда* формы состоитъ въ томъ, что разсказъ написанъ отъ лица тринадцатилѣтней дѣвочки такъ, какъ будто самый этюдъ писанъ ребенкомъ. Само собою разумѣется, что авторъ не справился съ такою „неправдой", и очень теплый, гуманный „этюдъ" испорченъ именно „поддѣлкой" подъ складъ мысли, чувства и языка маленькой дѣвочки. И вотъ эта-то фальшь бьетъ въ глаза и весьма умаляетъ достоинство этюда, который могъ бы выйти очень хорошенькимъ, если бы по формѣ былъ столько же близокъ къ правдѣ, какъ и по содержанію. А избѣжать этого было очень легко, стоило только разсказать то же самое и такъ же отъ перваго лица въ видѣ воспоминаній взрослой дѣвушки о печальныхъ дняхъ, пережитыхъ ею въ дѣтствѣ вслѣдствіе „семейной исторіи".

Въ той же майской книжкѣ помѣщенъ разсказъ Петра Добротворскаго: *Божье дитё*, — разсказъ коротенькій, но растянутый, полный ненужными повтореніями по нѣскольку разъ одного и того же. Все дѣло тутъ въ томъ, что жилъ былъ мужикъ Трофимъ, по прозванью Безпалый, съ женою Анисьей. Былъ Трофимъ мужикъ честный, трезвый, добрый, — какъ слѣдуетъ, совсѣмъ хорошій мужикъ. Только къ женѣ онъ не былъ добръ за то, что у нея дѣтей нѣтъ, и къ хозяйству относился не ретиво потому, что у него дѣтей нѣтъ. Но вотъ умерла Анисья, и Трофимъ черезъ мѣсяцъ женился, „взялъ за себя,— разсказываетъ авторъ,—гулящую дѣвку Матрену, у которой былъ уже ребенокъ". На укоризненныя замѣченія сосѣдей Трофимъ отвѣчалъ: „Матрена-то чѣмъ же плоха? Дѣвка она смирная, работящая, здоровая дѣвка... А ребенокъ что? — дитё Божье! Выростетъ, намъ же помогать будетъ"... И сталъ Трофимъ заботиться о своемъ домѣ и хозяйничать усердно. Въ отвѣтахъ Трофима,—заключаетъ авторъ,— „выразилась и вся мораль, и вся логика этого *простого человѣка*". Очень можетъ быть, что и „выразилась", только это ровно ничего не доказываетъ, и такихъ ребятъ въ нашихъ деревняхъ зовутъ не „божье дитё", а совсѣмъ иначе. Относительно близкаго знакомства автора съ деревней можетъ возникнуть нѣкоторое сомнѣніе, такъ какъ онъ вотъ что говоритъ, между прочимъ: „Трофимъ былъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ мужиковъ деревни... У него была одна лошадь, одна корова, двѣ-три

овцы, самонужнѣйшій скарбъ, да необходимѣйшія земледѣльческія орудія, къ которымъ нужно причислить не только соху и борону, но также и сани и телѣгу"... Какъ счастлива должна быть та деревня, въ которой такъ живутъ „бѣднѣйшіе" мужики! Какъ счастливо было бы государство, въ которомъ семья, состоящая изъ мужа и жены и обладающая такимъ имуществомъ, могла бы почитаться не только „бѣднѣйшею", а просто—бѣдною!...

О драмѣ И. В. Шпажинскаго: *Самъ себѣ врагъ* мы ничего не будемъ говорить, такъ какъ о ней былъ уже данъ отзывъ въ нашемъ журналѣ, въ отдѣлѣ *Современное искусство* (*Р. Мысль* 1886 г., кн. XI).

Въ іюньской книжкѣ Г. П. Сазоновъ, въ статьѣ: *Формы народнаго кредита*, проводитъ мысль, что продажа крестьянами, „по нуждѣ", съ осени хлѣба и друг. произведеній хозяйства и затѣмъ покупка ими же весною и лѣтомъ хлѣба и проч. для удовлетворенія насущныхъ потребностей есть своего рода „кредитная сдѣлка", до крайности разорительная, такъ какъ дешево проданные осенью продукты покупаются крестьянами много дороже весною. Авторъ приводитъ осеннія и весеннія цѣны на хлѣбъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: различіе между ними колеблется отъ 60% до 300%, такъ что, по разсчету автора, если принять такую продажу и покупку за кредитную сдѣлку, средній годовой процентъ по оной будетъ приблизительно въ 160 коп. на рубль, дѣйствительно же платимый процентъ будетъ значительно меньше, такъ какъ между временемъ продажи и покупки проходитъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ; но, все-таки, составляя въ среднемъ выводѣ 80% за время отъ 3 до 8 мѣсяцевъ, оплата такой формы кредита оказывается убійственною для крестьянскаго хозяйства. Приблизительно то же самое продѣлывается съ лошадьми и другимъ скотомъ. Крестьяне распродаютъ лошадей и скотъ осенью за безцѣнокъ, отчасти понуждаемые къ тому требованіемъ податей въ такое время, когда хлѣбъ еще не обмолоченъ, отчасти — для того, чтобы не кормить зимою, особливо въ неурожайные годы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, наприм., въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губ., создался даже особливый промыселъ—скупки лошадей осенью за безцѣнокъ богатыми мужиками затѣмъ, чтобы въ рабочее время отдавать ихъ въ наймы безлошаднымъ по 30 — 40 коп. въ день. Какъ на главную причину такихъ печальныхъ явленій, авторъ указываетъ на несвоевременность требованія съ крестьянъ податей раннею осенью, „при отсутствіи организованнаго кредита". Несвоевременное взысканіе податей, сравнительно невысокихъ, приноситъ неисчислимыя потери главнымъ плательщикамъ, — говоритъ г. Сазоновъ. — Уничтожить это положеніе должно и возможно. Организація государственнаго кредита и измѣненіе сроковъ взысканія податей сметутъ съ лица русской земли эту разорительную сдѣлку". Первое, т.-е. измѣнить сроки, необходимо и сдѣлать это весьма легко безъ малѣйшаго неудобства для казны. Но мы думаемъ, что отнюдь не слѣдуетъ этого дѣлать „однимъ почеркомъ пера", т.-е. установленіемъ хотя бы и другихъ, но опять-таки одинаковыхъ для всей Россіи сроковъ. Для однѣхъ мѣстностей такіе новые сроки окажутся удобнѣе старыхъ, а для другихъ будутъ еще стѣснительнѣе и разорительнѣе. При установленіи новыхъ сроковъ необходимо принять въ соображеніе многія чисто-мѣстныя условія добыванія крестьянами денегъ на подати; а для этого нужно близко знать всѣ особенности хозяйства и заработковъ каждой данной мѣстности.

По этимъ соображеніямъ установленіе новыхъ сроковъ должно быть предоставлено мѣстнымъ земствамъ. Что же касается „организаціи государственнаго кредита“, то это вопросъ очень большой важности; за то онъ и очень сложный и мудрено разрѣшимый вопросъ.

Г. Лазаревъ, въ статьѣ: *Къ вопросу о профессіональномъ образованіи*, настаиваетъ на необходимости обученія ремесламъ въ начальныхъ и сельскихъ школахъ. Польза отъ того будетъ несомнѣнная и очень большая. Объ этомъ и спора быть не можетъ. Вопросы объ изысканіи для этого средствъ и о пріисканіи учителей ремесламъ не представляютъ большихъ трудностей и легко разрѣшимы при добромъ желаніи сельскихъ обществъ и земствъ и при поддержкѣ со стороны правительства. Относительно того, какимъ ремесламъ слѣдуетъ обучать, авторъ останавливается для мужскихъ школъ на столярномъ и кузнечномъ, для женскихъ—на шитьѣ и рукодѣліяхъ, и, кромѣ того, весьма основательно указываетъ на желательность того, чтобы наши техники подѣлились своими знаніями съ народомъ. Это въ особенности необходимо тамъ, гдѣ уже существуютъ кустарныя производства, о чемъ не разъ говорилось въ печати. Но въ томъ-то и бѣда наша, что у насъ слишкомъ мало такихъ людей, которые согласятся дѣлать скромное дѣло за невысокое вознагражденіе: всѣ о большихъ тысячахъ мечтаютъ, что очень скверно, и никому не хочется изъ столицы уходить въ провинцію, что очень естественно, ибо непригляднѣе, тоскливѣе нашей провинціальной жизни трудно себѣ что-либо представить. Только въ университетскихъ городахъ, да немногихъ очень крупныхъ промышленныхъ торговыхъ центрахъ еще теплится нѣчто похожее на существованіе живыхъ людей. Но тамъ и нужды нѣтъ въ техникахъ. Въ мѣстахъ же кустарныхъ производствъ, гдѣ образованные техники такъ необходимы, ихъ ждетъ непривѣтливость дикой глуши, иногда враждебность рутины и всегда—подозрительность, назойливо-стремящаяся проникнуть „недреманнымъ окомъ“ въ душу и помыслы наѣзжаго человѣка, разставшагося со столичною жизнью ради „какихъ-то“ кустарныхъ промысловъ, которые и безъ него благополучно влачили свое существованіе. Само по себѣ, это непріятно, конечно, но и съ этимъ бы помириться можно, пожалуй: нужно такъ „недреманному оку“,—ну, и смотри, сдѣлай одолженіе,—не сглазишь. Но вотъ въ чемъ главная суть неудобства: всякій образованный техникъ не ограничится и не можетъ ограничиться указаніями кустарямъ болѣе совершенныхъ пріемовъ ихъ ремесла; онъ непремѣнно заинтересуется и экономическою стороной дѣла, вопросами о способахъ пріобрѣтенія матеріала и о способахъ сбыта издѣлій. Ну, а тутъ уже дѣло, оставаясь въ сферѣ компетенціи „недреманнаго ока“, вступаетъ и въ область компетенціи „незѣвающихъ кулаковъ“. Какіе тамъ подпилки да кислоты употреблять—это одна статья, а какъ и гдѣ покупать и кому продавать—это статья другая, совсѣмъ особливая, основывающаяся на заведенномъ порядкѣ, который „не нами начался, не нами и окончиться долженъ“. Всякое покушеніе на измѣненіе существующихъ порядковъ, или даже разговоръ о возможности измѣненій, неукоснительно возводится въ неблагонамѣренное стремленіе „потрясти основы“, и тогда... тогда „пошла писать губернія...“ Въ заключеніе своей статьи г. Лазаревъ говоритъ о необходимости открытія при городскихъ учебныхъ заведеніяхъ „образовательныхъ вечернихъ курсовъ для ремесленниковъ“. Но для того, чтобы могли существовать такіе курсы и чтобы могли ими поль-

зоваться ученики ремесленныхъ заведеній, нужно „къ мастерскимъ примѣнить фабричное законодательство, ограничивающее работу малолѣтнихъ“, нужно хозяевамъ мастерскихъ вмѣнить въ обязанность „посылать своихъ дѣтей на эти курсы“ *).

Конечно, чѣмъ образованнѣе будутъ ремесленники, тѣмъ выше поднимется ремесло, тѣмъ лучше и изящнѣе станутъ ихъ издѣлія, тѣмъ легче будетъ нашимъ мастерамъ выдерживать конкурренцію съ заграничными мастерами и съ иностранцами, заводящими свои мастерскія въ Россіи. Г. Лазаревъ замѣчаетъ, между прочимъ, что „при недостаточности распространенія у насъ общаго образованія и при полномъ почти отсутствіи профессіональнаго, кустарное и ремесленное производства поражаютъ своею низкою техникой, отсутствіемъ вкуса и изящества“. Авторъ не ограничиваетъ свою рѣчь разсужденіями о выучкѣ однихъ ремесленниковъ и рабочихъ по профессіи; онъ затрогиваетъ и болѣе общій, и не менѣе важный вопросъ о полномъ пренебреженіи, въ какомъ находится у насъ физическій трудъ вообще. Въ системѣ нашего воспитанія ему нѣтъ мѣста. Все воспитаніе дѣтей нерабочихъ классовъ, т.-е. живущихъ не заработкомъ отъ физическаго труда, „направляется такимъ образомъ, чтобы устранить для дитяти возможность даже самаго легкаго труда, чтобъ искоренить и самую потребность трудиться“. Отсутствіе физическаго труда гибельно дѣйствуетъ на весь организмъ человѣка и даже на его духовное развитіе; и вотъ эту потребность стараются удовлетворить „искусственнымъ и часто самымъ нелѣпымъ образомъ: придумываются разные моціоны, занятія гимнастикой, растягиваніе резины, упражненія съ гирями“ и т. п. „Сколько тратится непроизводительнымъ образомъ силъ и энергіи“... сколько времени тратится попусту... Если бы,—говоритъ авторъ,—дать этимъ силамъ полезное приложеніе, то какую громадную работу они могли бы произвести... И какую громадную пользу это принесло бы физическому и нравственному здоровью нашего общества, такъ называемой интеллигенціи. Занятіе физическимъ трудомъ въ свободное отъ служебныхъ занятій время, котораго такъ много, замѣтимъ къ слову, спасало бы многихъ отъ угнетающей скуки, разнообразило бы монотонную дѣятельность чиновнаго люда, приносило бы матеріальную пользу, уменьшая расходы и увеличивая доходы. Только и этого мало: занятіе физическимъ трудомъ, добавимъ мы отъ себя, привычка и умѣнье что-либо работать спасло бы очень многихъ людей культурныхъ слоевъ отъ нужды и ея крайностей. Мы знаемъ, что студенты университета и кончившіе курсъ молодые люди изнываютъ на грошевыхъ урокахъ, едва способныхъ поддержать полуголодное существованіе, при большой затратѣ энергіи и умственныхъ силъ. Конкурренція такъ велика тутъ, что вознагражденіе доведено до нелѣпо-ничтожнаго размѣра. Но и этимъ мизернымъ грошамъ всякій радъ потому, что *ничего не умѣетъ дѣлать*. Я зналъ студента,—теперь онъ извѣстный докторъ и важный человѣкъ,—который за обученіе сына сапожника-хозяина получалъ помѣщеніе въ подвальномъ чуланѣ, отгороженномъ отъ грязнѣйшей мастерской, и кормъ съ хозяйскаго стола, и считалъ себя счастливымъ, несмотря на то, что жилъ въ какой-то клоакѣ и

*) О настоятельной необходимости существенныхъ измѣненій въ нашихъ законахъ, относящихся до ремесленныхъ заведеній и устройства цеховъ, мы уже высказались въ нашей іюньской книжкѣ (статья г. Іордана) и будемъ говорить въ августовской (статья г. Крандіевскаго: *Безпризорныя дѣти*).

принужденъ былъ заниматься подъ стукъ молотковъ, подъ площадную ругань и пьяныя пѣсни 15-ти одичалыхъ мастеровыхъ, изъ которыхъ каждый зарабатывалъ въ пять и больше разъ противъ студента пятаго курса. Интеллигентъ, лишившійся своей *интеллигентской* работы, остается совершенно безпомощнымъ, хоть съ голоду умирай, что иные и дѣлаютъ, приканчивая себя во избѣжаніе мученій, хоть на улицу иди протягивать руку за милостыней, что тоже дѣлается и даже нерѣдко... Дѣлается и хуже этого, и все это потому только, что обучили интеллигента всякимъ наукамъ, до гимнастики включительно, и не выучили его работать ни дома, ни въ школѣ. Напротивъ, всѣ старанія были направлены къ тому, чтобъ уничтожить въ немъ самую потребность трудиться и всякую способность къ физическому труду, какъ справедливо замѣчаетъ г. Лазаревъ. Объ этомъ стóитъ подумать не менѣе, чѣмъ о поднятіи уровня образованія ремесленниковъ.

Женское Образованіе, *январь—май.* Это почтенное ежемѣсячное изданіе, которое скромно называетъ себя педагогическимъ листкомъ для родителей, наставницъ и наставниковъ, занимается вопросами не женскаго только образованія, а вопросами общей педагогики, учебной жизни и литературы. Каждая книжка журнала заключаетъ въ себѣ правительственныя распоряженія по учебнымъ вѣдомствамъ, нѣсколько оригинальныхъ статей, обстоятельный разборъ многихъ книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, разнообразныя педагогическія свѣдѣнія и замѣтки, наконецъ, примѣрные уроки. Редакція внимательно слѣдитъ за выдающимися явленіями русской и иностранной педагогической жизни, и большинство книжекъ *Женскаго Образованія* содержитъ не только много дѣльныхъ статей и важныхъ фактическихъ данныхъ, но представляетъ, кромѣ того, и значительный общій интересъ. Укажемъ на статьи г. В. Острогорскаго: *Этюдъ о русскихъ женщинахъ* (женщины въ романахъ И. А. Гончарова) и г. Каптерева: *Наблюденія надъ душевнымъ развитіемъ дѣтей.* Въ безпритязательныхъ *Письмахъ къ матерямъ* г-жи М. Колоколовой сообщаются живые примѣры того, какъ портятъ дѣтей матери, не обладающія достаточнымъ образованіемъ, не успѣвшія до замужства пріобрѣсти ни необходимаго для семейной жизни запаса естественно-научныхъ свѣдѣній, ни яснаго міровозрѣнія. Г-жа Колоколова, повторяя справедливое указаніе на разладъ современной русской семьи, причемъ страдаютъ неповинныя дѣти, полагаетъ, что главною причиной этого разлада является различіе умственнаго развитія отца и матери. „Нигдѣ нѣтъ,—говоритъ она,—такого мира, а, слѣдовательно, и болѣе правильнаго воспитанія дѣтей, какъ тамъ, гдѣ отецъ и мать умственно равны, гдѣ, кромѣ союза тѣлеснаго, есть еще и духовный. Въ противномъ случаѣ, кромѣ драмъ и порчи дѣтей, ничего не увидишь. Сколько матерей, отцовъ, дѣтей гибнетъ въ этомъ хаосѣ, который называется семьей". Старое замѣчаніе Ж.-Ж. Руссо составляетъ несомнѣнную истину: „Только образованный умъ дѣлаетъ общество пріятнымъ, а для отца семейства, который любитъ жить въ кругу своихъ, грустно быть принужденнымъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ и не имѣть никого, кто бы понималъ его". Естественно поэтому, что всѣ истинные друзья семейнаго начала горячо настаиваютъ на удовлетворительной и прочной постановкѣ низшаго, средняго и высшаго женскаго образованія. Только лицемѣрные защитники семьи, въ глубинѣ души стоящіе за гаремъ, продолжаютъ выражать пошловатыя недоумѣнія и опасенія. Г-жа Колоколова справед-

ливо заключаетъ, что въ вопросѣ высшаго женскаго образованiя рѣшается вопросъ личнаго счастiя женщины и счастiя ея дѣтей. Подтвержденiемъ этой мысли служитъ и напечатанная въ мартовской книжкѣ *Женскаго Образованiя* статья г-жи Купреяновой: *Картинки семейнаго воспитанiя*.

Очень интересна замѣтка о преподаванiи курса морали и гражданственности во французскихъ начальныхъ школахъ. Лучшiе учебники этихъ предметовъ—Компере (Compayré: *Eléments d'Instruction morale et civique*) и Мабилло (Mabilleau: *Cours de morale*). Ознакомленiе съ основными требованiями нравственности и гражданскаго долга, дѣйствительно, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ образованiя. Результаты, уже достигнутые во Францiи, оказались весьма удовлетворительными, и нѣмецкiе педагоги возбуждаютъ вопросъ о введенiи подобнаго же преподаванiя въ германскихъ низшихъ школахъ.

ОТЪ КРАСНОУФИМСКАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.

Красноуфимское реальное училище доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что пріемъ учениковъ на *горнозаводское* отдѣленіе производится на общихъ основаніяхъ, т.-е. въ VII классъ принимаются лица, имѣющія аттестаты объ окончаніи курса шести классовъ реальныхъ училищъ.

На *сельско-хозяйственное* же отдѣленіе ученики, имѣющіе вышеозначенные аттестаты, принимаются съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: 1) прибывшіе въ Красноуфимскъ не позже 1 мая и проведшіе все лѣто въ полевыхъ работахъ на фермѣ принимаются въ VII классъ, по выдержаніи въ началѣ августа экзамена изъ курса общаго земледѣлія, аналитической химіи и ботаники по программамъ Красноуфимскаго реальнаго училища; 2) лица, не могущія прибыть въ училище къ началу полевыхъ работъ на фермѣ или не выдержавшія испытаній изъ указанныхъ въ п. 1-мъ предметовъ, принимаются на сельско-хозяйственное отдѣленіе не иначе, какъ на два года, наравнѣ съ окончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ учителями народныхъ училищъ, командируемыми въ Красноуфимское реальное училище для изученія сельскаго-хозяйства, причемъ въ первый годъ они изучаютъ общее земледѣліе, общую и аналитическую химію, ботанику, физику и минералогію и участвуютъ зимою въ практическихъ работахъ какъ въ лабораторіяхъ, такъ и на фермѣ; весною держатъ изъ названныхъ предметовъ экзамены и съ 1 мая поступаютъ на ферму для выполненія всѣхъ полевыхъ работъ по наряду, послѣ чего уже переводятся въ VII классъ.

Плата за ученіе—пятнадцать рублей въ годъ, вносимыхъ пополугодно впередъ. Прошеніе подается на имя директора, съ приложеніемъ аттестата объ окончаніи курса, метрическаго свидѣтельства, фотографической карточки и 7 руб. 50 к. за право ученія за первое полугодіе. Для лицъ, не переходящихъ непосредственно изъ другихъ реальныхъ училищъ, обязательно представить еще свидѣтельство полиціи о поведеніи. Желающіе поступить въ Красноуфимское реальное училище должны имѣть въ виду, что жизнь въ Красноуфимскѣ, не считая форменной одежды, обязательной для всѣхъ учениковъ, обходится около 15 р. въ мѣсяцъ въ городѣ и около 10 руб. въ мѣсяцъ на фермѣ и что Красноуфимскъ городъ небольшой, почему разсчитывать здѣсь на снисканіе средствъ къ жизни уроками невозможно, а поступающіе на сельско-хозяйственное отдѣленіе, сверхъ того, должны имѣть въ виду, что успѣшное и практически-полезное прохожденіе курса доступно только для лицъ, склонныхъ и способныхъ къ выполненію полевыхъ работъ на фермѣ, поставленныхъ, главнымъ образомъ, въ разсчетѣ на трудъ учениковъ.

Директоръ Соковнинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла“.

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.705 RUS C001 1887:7
Russkaia mysl.
3 0112 089163296